

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

РЫНКОВ ВАДИМ МАРКОВИЧ

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ВОСТОКЕ РОССИИ
(ИЮНЬ 1918 – ОКТЯБРЬ 1922 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Гражданская война на востоке России: пространство и институты социальной политики	87
1.1. Политическое пространство Гражданской войны	88
1.2. Органы управления социальной политикой	115
1.3. Институты выражения социальных интересов общества	123
Глава 2. Государственное регулирование заработной платы.....	145
2.1. Оплата труда гражданских служащих	146
2.2. Материальное обеспечение военнослужащих	190
2.3. Заработная плата рабочих	205
Глава 3. Социальные трансферты.....	227
3.1. Пенсии и пособия	228
3.2. Социальное страхование	263
Глава 4. Социально-трудовые отношения: конфликты и опыт социального партнерства	287
4.1. Поиск организационных форм	288
4.2. Регулирование рынка труда.....	316
4.3. Интенсивность труда: взгляд работника и работодателя	362
Глава 5. Социальные гарантии	392
5.1. Государственное регулирование призрения и благотворительности	393
5.2. Взаимодействие государства, органов местного самоуправления и общественных организаций в сфере здравоохранения	423
5.3. Помощь беженцам	455
Заключение	504
Список сокращений	513
Список источников и литературы	514

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Помимо вооруженной борьбы сторон любая война – это тяжелейшее социальное бедствие. Создание армии связано с мобилизацией населения и необходимостью адаптации семей призванных к новым для них условиям. Движение фронтов всегда ведет к массовым вынужденным миграциям населения в рамках организованных эвакуаций и стихийного бегства. Резко возрастает количество людей, нуждающихся в медицинской и социальной помощи, не способных к выживанию самостоятельно. Войны сопровождаются экономическими кризисами, значительным падением уровня жизни большинства людей, что обостряет тлеющие в обществе социальные конфликты и зажигает новые. Состояние вооруженного конфликта не просто активизирует государственное участие в жизни общества, оно актуализирует именно социальные функции государства. В то же время война отнимает у государства столь необходимые ресурсы, требует их концентрации в первую очередь на военные нужды. Данное онтологическое противоречие расширяет и усложняет социальную политику государства в условиях войны, заставляет маневрировать в поисках выхода. Таково положение любого воюющего государства, независимо от его идейного облика и политической природы, независимо от изучаемой эпохи. Анализ путей преодоления названного противоречия государством и обществом составляет фундаментальную научную проблему.

Еще античные авторы отметили, что гражданские войны есть наихудший вид вооруженного конфликта. Демокрит охарактеризовал их как «великое бедствие и для той и для другой стороны, ибо и для победителей, и для побежденных она одинаково губительна»¹. Очевидно, что древнегреческий философ имел в виду не только человеческие жертвы, но и неисчислимы материальные и моральные издержки кровавого конфликта соотечественников. Именно на этот последний аспект указал и римский историк Тацит, писавший, что гражданскую войну невозможно «ни подготовить, ни провести, соблюдая добрые нравы»². Войны за защиту своего отечества объединяют и возвышают общество. Войны гражданские множат пороки, разъедая социум изнутри. Между тем каждый десятый вооруженный конфликт в мировой истории имел характер гражданской войны, а всего их мировые анналы насчитывают почти полторы тысячи. Крупнейшие из них зияют глубокой и подолгу незаживающей раной в национальных историях многих государств.

Неслучайно в истории России Гражданская война, вызванная революцией 1917 г., занимает особое место. Установление власти большевиков сопровождалось многолетней и жестокой вооруженной борьбой между сторонниками и противниками осуществления в стране социалистического эксперимента. Огромное большинство населения оказалось втянуто в нее вопреки своей воле.

¹ Античные философы (свидетельства, фрагменты и тексты) / сост. А.А. Аветисян. Киев, 1955. С. 108.

² Тацит К. Сочинения: в 2 т. Л., 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения. С. 12.

Борьба не сводилась только к вооруженному противоборству сторон. Гражданская война – это также конфликт политических сил, идеологий, социальных групп и экономических интересов.

Гражданская война в России оказалась не только следствием, но и прямым продолжением Первой мировой, которая справедливо считается во многих отношениях эпохальным вооруженным конфликтом. Причина сводится не только к беспрецедентному масштабу, хотя именно он привел к перерождению отношений воюющих государств и обществ в новое качество. Накануне войны родилось международное гуманитарное право, предполагавшее обязательность для участников социально-гуманного отношения к населению как собственных, так и завоеванных территорий и к пленникам. Оно предусмотрело необходимость системной реабилитации общества от последствий гуманитарных катастроф. Одновременно, еще готовясь к войне, большинство государств выработало комплекс мер манипуляции населением в целях достижения победы. Именно это обстоятельство позволило американскому историку П. Холквисту расширить впервые использованное Э. Людендорфом понятие «тотальная война», описывая реализацию некоторых ее форм с помощью термина «политика населения»³. Политика населения подразумевает не только изощренные методы контроля над общественной жизнью и идейного воздействия на население, но и более широкий круг мер социального управления, включая трудовые мобилизации, плановые миграции, целенаправленную стратификацию населения, формирование имиджа социальных героев и изгоев через систему социальных поощрений или деприваций. К данному выводу П. Холквиста привел в том числе и опыт изучения российского общества в условиях Гражданской войны⁴. Но он не одинок в своих выводах. Еще Карл Мангейм в конце 1940-х гг. писал о складывании под влиянием вооруженных конфликтов (имея в виду прежде всего Первую мировую войну) новых технологий социального управления обществом и планирования его развития, по сути дела, нового типа социальной политики⁵.

Россия в годы Гражданской войны надолго оказалась в условиях не просто распада единой государственности, но и в силу этого – резкого сокращения возможностей правительственного аппарата воздействовать на население и управлять им. Это было время, когда в политическом сознании управляющих уже созрели новые представления о социальном манипулировании, но условия для их внедрения в практику были крайне ограничены.

³ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 83–101; Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и Советской России // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 139–179.

⁴ Holquest P. Making War, Forging Revolution: Russian's Continuum of Crisis 1914–1921. Harvard University Press, 2002.

⁵ Мангейм К. Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом. М., 1992. С. 31–65.

Благодаря существованию историографического концепта «военный коммунизм» указанная проблематика активно разрабатывалась применительно к лагерю победителей в Гражданской войне. «Военный коммунизм» воспринимался как комплекс мер не только сугубо экономической, но и социальной политики. Формирование Советским государством целесообразной точки зрения политического режима иерархии общества и трудовых отношений всегда было объектом анализа исторической науки. Ничего подобного не изучалось в отношении противоположного лагеря, которому в принципе долгое время отказывалось в возможности осуществления осознанной социальной политики. Но и концепция «военный коммунизм» не охватывала всей совокупности мер Советского государства по социальному управлению и конструированию и преодолению социальной катастрофы. Поэтому пенсионная система, здравоохранение, социальное обеспечение в первые годы советской власти оставались на периферии изучения. Аналогичные меры в антибольшевистском лагере вообще практически полностью выпали из поля зрения советских исследователей, исключавших возможность проявления заботы о социальных потребностях населения со стороны «антинародных» политических режимов, а в постсоветский период так и не заняли должного места. Целесообразность обращения к проблемам социальной политики в условиях Гражданской войны очевидна, и наиболее емко это можно сделать в рамках ее системного изучения в антибольшевистском лагере.

Казалось бы, социальная политика – удел стабильных государств. В западной, а в последнее десятилетие и в российской общественной мысли сложилось серьезное направление, связанное с анализом социальной политики государства. Отличительной особенностью существующей научной литературы является ее нацеленность на выявление социальной роли государства в стабильной, растущей экономике. Это объяснимо – основные положения данной исследовательской парадигмы выкристаллизовывались во второй половине XX в. на Западе, не знакомом с глубокими кризисами. И лишь трансформация государств постсоветского пространства конце 1980-х – начале 1990-х гг., сопровождавшаяся почти двукратным спадом производства и распадом системы социальных гарантий, поставила на повестку дня острые вопросы. Объективный ли это процесс или вина за социальные издержки лежит на руководстве, проигнорировавшем свои прямые обязанности? Кто несет ответственность за социальные последствия мировых катаклизмов: государство или народ? Оценка случившегося в общественном сознании и в общественных науках остается далеко не однозначной. Кризис в сфере экономики всегда влечет за собой трансформацию социальной политики государства, в полной мере еще не осознанную и не описанную. Чтобы понять механизмы этой трансформации, обнажить границу между имманентной социальной функцией государства и тем, что привносится эпохой стабильности, целесообразно рассмотреть ситуации обостренной до предела социальной катастрофы.

Революционная эпоха в России чрезвычайно благоприятна для исследования. Ее примеры ценны для социальной теории. Присутствие в относительно схожих ситуациях альтернативных линий проведения социальной политики – благоприятное поле для изучения. Советский вариант политики всегда привлекал пристальное внимание исследователей – и апологетов, и критиков – тем, что был воплощением доктринального опыта. Но не менее актуален пример противников большевизма. Испытывая на себе влияние эсеровской и кадетской социально-политических доктрин, политики антибольшевистского лагеря оставались далекими от стремления воплотить в жизнь глобальный социально-утопический эксперимент. Необычными оказались лишь условия масштабной социальной катастрофы, в которой оказалось общество и государство. Опыт оппонентов советской власти интересен именно этим. Его изучение не просто заполнит еще одну лакуну в российской истории, а позволит на конкретном материале рассмотреть механизмы трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической и экономической катастрофы.

Таким образом, анализ социальной политики антибольшевистских режимов позволит поставить в фокус исследования три важнейших, актуальных и научно значимых проблемы:

Во-первых, любая война – это гуманитарная катастрофа, и государственная власть призвана искать пути и способы смягчения ее последствий. Необходимо осуществить реконструкцию этой важнейшей части исторического прошлого и понять, как существовавшая в условиях Гражданской войны государственная власть решала этот самый сложный комплекс стоявших перед ней социальных проблем.

Во-вторых, Гражданская война в России велась как одна из тотальных войн, и противостоявшие стороны пытались применять широкий спектр мер социального манипулирования обществом. Что они представляли собой в лагере противников советской власти, как реагировало на них общество, как применяемые государственной властью меры повлияли на ход и исход Гражданской войны.

Наконец, в-третьих, исследование социальной политики государства в условиях его распада, дробления и ослабления актуально и с точки зрения аккумуляции мирового опыта, позволяет поставить пример антибольшевистского лагеря Гражданской войны в контекст мировой практики, разобраться, каковы общие и особенные черты трансформации социальных функций государства под воздействием кризисных явлений.

Однако антибольшевистское движение, охватившее окраины бывшей Российской империи, слишком сложно и многогранно, включает несколько не связанных между собой крупных макрорегионов. Рассмотреть социальную политику всех несоветских государственных образований России в одном исследовании практически невозможно. Только на востоке России сложился крупнейший очаг сопротивления власти большевиков, обладавший целостностью и

одновременно сложной динамикой, наибольшим количеством исторических вариаций и альтернатив, открывающий широкие исследовательские перспективы.

Историография. Гражданская война в России всегда находилась в центре внимания. Существует чрезвычайно богатая научная литература, посвященная различным ее аспектам. С начала 1960-х гг. в рамках изучения истории Гражданской войны в качестве самостоятельного исследовательского направления оформилась историография. Вышли исследования обобщающего характера⁶, а также посвященные отдельным проблемам⁷ либо систематизирующие историографию в территориальных рамках отдельных территорий России: в Поволжье⁸, на Урале⁹, в

⁶ *Найда С.Ф. Наумов В.П.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Наумов В.П.* Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М., 1972; *Наумов В.П.* Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции // Защита Великого Октября. М., 1982. С. 24–38.

⁷ *Литвин А.Л.* Крестьянство России и политические партии в годы гражданской войны в освещении современной советской историографии // Непролетарские партии России в 1917 году. М., 1980. С. 181–188; *Литвин А.Л.* Советская историография краха «демократической контрреволюции» в России // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 111–119.

⁸ *Литвин А.Л.* Гражданская война в Поволжье в современной советской историографии // Ученые записки Казанского пед. ин-та. Казань, 1974. Вып. 121. С. 31–46; *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Среднем Поволжье // История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 34–59; *Литвин А.Л.* Современная историография истории гражданской войны в Среднем Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: межвуз. сб. Куйбышев, 1984. С. 89–105; *Литвин А.Л.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; *Литвин А.Л.* Итоги и задачи изучения гражданской войны в Поволжье // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 141–150; *Мальшева С.Ю.* Гражданская война в Поволжье. 1918 год: историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991.

⁹ *Аминов З.А.* Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии // Из истории Советской Башкирии: уч. зап. Башкирского ун-та. Вып. 26. Уфа, 1967. Сер. ист. Вып. 5. С. 5–30; *Васьковский О.А.* Новая литература по истории гражданской войны на Урале 1918–1919 гг. // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1961. Вып. 39. Ч. 2: Вопросы истории Урала. С. 3–20; *Васьковский О.А.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1967. № 78. Сер. ист. Вып. 2: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. С. 3–67; *Васьковский О.А.* Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 131–139; *Васьковский О.А.* Итоги и задачи изучения истории гражданской войны на Урале // Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968. С. 53–69; *Васьковский О.А.* Некоторые итоги историографического исследования истории гражданской войны на Урале // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. 1917–1937. Свердловск, 1980. С. 3–18; *Васьковский О.А.* Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981; *Крупина А.Н.* Уральские историки 60–80-х гг. об участии крестьянства в борьбе за установление и упрочение советской власти // Историография социально-экономического развития Урала в период строительства социализма (1917–1937). Свердловск, 1987. С. 31–414; *Крупина А.Н.* Крестьянство Урала в гражданской войне 1918–1920 гг.: историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990; *Крупина А.Н.* Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 4–24; *Панькин И.Д.* Современная советская историография гражданской войны на Южном Урале (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988; *Сичинский Е.П.* Историография истории борьбы с колчаковщиной на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Сичинский Е.П.* Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 18–27.

Сибири¹⁰ и на Дальнем Востоке¹¹. Отдельным направлением историографии стал анализ зарубежной историографии Гражданской войны, в том числе на востоке России¹². В них дана оценка проведенных исследований, определены приоритетные направления и малоисследованные темы.

¹⁰ *Варгин Н.Ф.* О литературе по истории гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири // История СССР. 1964. № 4 С. 140–155; *Батоцыренов В.Б.* Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии (1917–1965 гг.). Улан-Удэ, 1967; *Плотникова М.Е.* Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1967. Вып. 5. С. 76–113; *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны и интервенции в Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1969; *Плотникова М.Е.* Советская историография литературы о сибирском крестьянстве в период иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. С. 85–88; *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х годов.) Томск, 1974; *Плотникова М.Е.* Современная советская историческая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. // Из истории гражданской войны и интервенции в 1917–1922. М., 1974. С. 420–429; *Плотникова М.Е.* О проблематике советской историографии гражданской войны в Сибири // История СССР. 1985. № 5. С. 101–116; *Плотникова М.Е., Разгон И.М.* Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск, 1970. Вып. 1. С. 3–12; *Плотникова М.Е., Разгон И.М.* Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 7. С. 3–15; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 31–108 (авторы раздела о Гражданской войне – М.Е. Плотникова и В.И. Шишкин); *Плотникова М.Е., Шишкин В.И.* Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири // Гуманитарные исследования Сибири. Новосибирск, 1984. С. 177–187; Историография советской Сибири (1917–1945 гг.). Новосибирск, 1968. С. 32–72 (автор раздела о Гражданской войне – В.А. Кадейкин); *Щербинина Н.Г.* Некоторые вопросы взаимоотношений Колчака и интервентов в работах советских историков 50–80-х гг. // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 127–132; *Тормозов В.Т.* Белое движение в отечественной исторической литературе (1920-е годы). М., 1989; *Кладова Н.В.* Историко-публицистическая литература 20-х годов об экономической политике контрреволюционных правительств Сибири // Великий Октябрь и социалистические преобразования Сибири. Новосибирск, 1987. С. 57–58; *Кладова Н.В.* Новейшая советская историография рабочего класса Сибири периода гражданской войны и интервенции // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 86–88; *Кладова Н.В.* Сибирские городские восстания периода гражданской войны в исследованиях 20-х гг. // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1988. С. 63–66; *Кладова Н.В.* Становление советской историографии профсоюзного движения в Сибири в годы гражданской войны // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 121–131; *Кладова Н.В.* Основные направления и итоги советской историографии рабочего класса Сибири периода гражданской войны // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 28–30; *Кладова Н.В.* Сибирские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции (историография проблемы.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; *Гарипова Л.Г.* Некоторые историографические вопросы истории гражданской войны на Алтае // Гражданская война и партизанское движение в Алтайском крае. Барнаул, 1989. С. 98–101; *Гарипова Л.Г.* Некоторые вопросы истории контрреволюции в современной советской историографии // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества. Новосибирск, 1990. С. 41–43; *Гарипова Л.Г.* Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; *Кузнецова О.В.* Современная литература о профсоюзах Западной Сибири периода гражданской войны // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 88–90.

¹¹ *Глущенко И.И.* К вопросу о советской историографии гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1963. Кн. 1. С. 41–56; *Куцый Г.С.* Некоторые вопросы советской историографии гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922) // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965. Вып. 3. С. 12–16; *Бутенина Н.Д.* Советская историография гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке в 1918 – первой половине 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

¹² *Фоминых С.Ф.* Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969; *Фоминых С.Ф.* Американские буржуазные историки о причинах поражения сибирской контрреволюции в гражданской войне // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 85–91; *Фоминых С.Ф.* Основные тенденции англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и антисоветской интервенции // Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг. М., 1974. С. 445–452; *Фоминых С.Ф.* Некоторые вопросы истории гражданской войны и иностранной интервенции в СССР в освещении англо-американской буржуазной историографии // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 333–352; *Фоминых С.Ф.* Критика современной англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и иностранной интервенции в СССР (источниковедческие аспекты) // Из истории

Подавляющее большинство опубликованных до распада Советского Союза исследований не выходили за рамки реферативного обзора. Но их характерной чертой являлись относительно полное знакомство с предметом исследования и весьма детальный разбор большинства публикаций советского периода. Тем не менее в 1990-х гг. и особенно со второй их половины продолжают появляться все новые историографические исследования общероссийского¹³ и регионального масштаба¹⁴. В качестве исследовательской задачи большинства из них обычно указан анализ

интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 68–77; *Пасков С.С., Серов В.М.* Интервенция Японии на советском Дальнем Востоке в современной буржуазной японской историографии // Ученые записки Дальневост. гос. ун-та. Сер. ист. Владивосток, 1971. Т. 40. Вып. 1. С. 69–76; *Пасков С.С.* История возникновения интервенции Японии на советском Дальнем Востоке в японской историографии (1946–1970 гг.) // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг.: сб. стат. М., 1974. С. 459–466; *Пасков С.С., Совастеев В.В., Черных А.Г.* Японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее провал (1918–1922 гг.). По японским публикациям // Народы Азии и Африки. 1977. № 6. С. 21–35; *Познанский В.С.* Японский историк разоблачает японскую интервенцию в Сибири // Известия СО РАН. Сер. история, филология и философия. Новосибирск, 1987. Вып. 3. С. 61–64; *Сапожников Б.Г.* Прогрессивная японская историография об участии в империалистической интервенции на советском Дальнем Востоке // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1989. С. 91–103; *Щебеньков В.Г., Мухачев Б.И.* Освещение характера интервенции Японии на Дальнем Востоке СССР в официальной японской историографии // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1988. С. 104–109.

¹³ *Тормозов В.Т.* Советская историография истории белого движения (конец 1920-х – 1991 г.). М., 1994; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения: кол. монограф. / под ред. В.Т. Тормозова. М., 2008; *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки. М., 1998; *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современной историографии // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999; *Голдин В.И.* Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000; *Голдин В.И.* Революционный пролог и Гражданская война в России на историографическом рубеже XX–XXI в. // Проблемы новейшей истории России. СПб., 2005. С. 91–202; *Голдин В.И.* Среди замазанных фигур // Родина. 2008. № 3. С. 3–8; *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; *Рыбников В.В., Казаков В.Г., Инполитов Г.М.* «Белое дело» в литературе и источниках: историографическое исследование проблем белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.). М., 2001; *Верещагин А.С.* Социально-экономическая политика в годы гражданской войны (трактовки и интерпретации отечественной историографии) // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2009. № 1. С. 63–72; *Верещагин А.С.* Гражданская война: аспекты современной историографии // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект: материалы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 9–13; *Верещагин А.С.* Новые аспекты региональной историографии Гражданской войны // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 744–746; *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004; *Ушаков А.И.* Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004; *Михайлов И.В.* Современная историография гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 28–46; *Михайлов И.В.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 639–655; *Гришанин П.И.* Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172; *Гришанин П.И.* Современные подходы к изучению Гражданской войны и Белого движения // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 160–168; *Гришанин П.И.* Новое историческое знание в оценке институциональной структуры белых политических режимов // Клио. 2009. № 1 (40). С. 28–30.

¹⁴ *Сичинский Е.П.* Отечественная историография социалистических партий в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1993; *Гибадуллина Р.Н.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны: отечественная историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993; *Прошин О.Г.* Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье (1919–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993; *Галева Л.И.* Интеллигенция Среднего Поволжья в годы гражданской войны: отечественная историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994; *Крупина А.Н.* Освещение в современной литературе уроков колчаковщины ...; *Ильченко В.Н.* Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; *Ильченко В.Н.* Историк об экономической политике большевиков на Урале в 1918 г. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 68–79; *Иванов А.В.* Социально-политические

процесса накопления фактических знаний о Гражданской войне. Причем основной объем своих диссертаций, монографий и статей авторы вновь посвятили оценке советских работ, выполняя уже давно решенную задачу и лишь внося в нее очередной нюанс. На поверку новые историографические изыскания часто отличались от написанных ранее лишь несколько иными территориальными и тематическими рамками, привлечением к исследованию некоторой новейшей литературы. Анализ этой литературы и историографических разделов монографий и диссертаций свидетельствует об общем падении историографической культуры. Об этом говорят

проблемы крестьянства Урала периода гражданской войны в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Иванов А.В.* Социально-политические аспекты Ижевско-Воткинского восстания 1918 года в трудах советских историков 1920–30-х гг. // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 3: История и филология. С. 47–54; *Иванов А.В.* Политический выбор оренбургского казачества: осмысление проблемы советскими историками в 1960–1980-е гг. // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 86–94; *Иванов А.В.* Антибольшевистское движение на Уральских заводах в 1918 г. (советская историография) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 82. № 4. С. 148–155; *Иванов А.В., Тертышный А.Т.* Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; *Верещагин А.С.* Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917–1921 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Верещагин А.С.* Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.) Уфа, 2001; *Верещагин А.С.* Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 389–396; *Верещагин А.С.* Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы гражданской войны // Отечественная история. 2002. № 4. С. 116–123; *Наумов И.В.* Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 – середины 1980-х годов. Иркутск, 1991; *Наумов И.В.* Основные тенденции развития отечественной историографии гражданской войны на востоке России // Октябрьская революция и гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Улан-Удэ, 1993. С. 55–64; *Наумов И.В.* У истоков: изучение истории гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск, 1993; *Наумов И.В.* Сибирская атамановщина 1918–1920 гг. в освещении отечественных историков // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск 1994. Ч. 2. С. 114–116; *Наумов И.В.* Участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке России (историографический аспект) // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Хабаровск, 1995. С. 117–120; *Мухачев Б.И., Наумов И.В.* Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке в освещении советских историков (середина 50-х – начало 90-х годов) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 9–25; *Алексеев С.Е.* История создания и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1917 – середине 1920-х гг. в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002; *Немчинова Т.А.* Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; *Курас Л.В., Наумов И.В., Немчинова Т.А., Новиков П.А.* Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ, 2008; *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Скупина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; *Скупина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2003; *Шишкин В.И.* Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири (XVI–XXI вв.): материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 71–73; *Добровольский А.В.* Становление и развитие в 1920–1950-е гг. историографии деятельности партии эсеров в Сибири в послеоктябрьский период // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 87–102; *Добровольский А.В.* Современные исторические исследования о деятельности эсеров в Сибири в 1917–1923 гг. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 159–174; *Камынин В.Д.* Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале // Гражданская война как феномен мировой истории: материалы науч. конф. Екатеринбург, 2008. С. 9–22; *Трофимов А.В., Иванов А.В., Плюйко Д.В.* Конфликтность и толерантность в российском обществе в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 2014; *Трофимов А.В.* Проблематика Гражданской войны в исторических журналах Урала и Сибири // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2, № 1. С. 62–66; *Минаева В.Ю.* Историография Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье (к постановке проблемы) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 230–235; *Поршнева О.С., Фельдман М.А.* Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим: некоторые итоги постсоветского периода // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы меморизации красного и белого движения: сб. материалов Всерос. науч. конф. Омск, 2016. С. 35–41; *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018.

многочисленные факты заимствованных друг у друга фраз, а также переходящие из сочинения в сочинение ошибки в библиографии. Утрачена традиция вдумчивого и критического рецензирования. Даже самые провальные историографические проекты получали восторженные оценки коллег¹⁵. Наличие многочисленных фактических ошибок свидетельствует о том, что большинство авторов историографических исследований не владеют элементарными знаниями о периоде, историографию которого взялись изучать¹⁶. Критический разбор публикаций историографического жанра стал предметом специальных исследований автора диссертации¹⁷ и привел к заключению, что из современной историографической литературы наиболее ценными являются монографии и статьи В.И. Голдина и А.С. Верещагина.

Проблемы социальной политики в лагере восточной контрреволюции в историографической литературе не обозначены в качестве самостоятельного аспекта историографического изучения, а ключевые публикации, анализ которых необходим в рамках диссертационного исследования, даже не попали в историографические обзоры. Имеется лишь три публикации, охватывающие частные сюжеты и не меняющие общей картины в целом. В статье М.А. Фельдмана дан анализ современных публикаций, посвященных рабочей политике советской власти и восточной контрреволюции. В статье А.В. Иванова суммирован фактический материал по проблемам рабочей политики на Урале из публикаций историков 1920-х гг. и постсоветского периода. Статья С.А. Глазунова посвящена разбору нескольких публикаций советских историков о Комуче. Причем в двух из трех публикаций социальная и экономическая политика рассмотрены обобщенно¹⁸.

Таким образом, следует учесть невысокое качество основного массива современных историографических публикаций и крайне слабую разработанность в историографической литературе проблемы социальной политики. Следовательно, при анализе исторической литературы по теме диссертации опереться на предшественников можно лишь в отношении периодизации и весьма осторожно – в некоторых общих оценках.

¹⁵ Токарев А.И., Бочарова З.С., Чичерюкин В.Г. [Рецензия] // Отечественная история. 2002. № 1. С. 205–209. – Рец. на кн.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки. М.: Русский мир, 1998. 320 с.

¹⁶ Иванов А.В., Тертышный А.Т. Уральское крестьянство и власть ... С. 65.

¹⁷ Рышков В.М. [Рецензия] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия, история, филология. 2003. Вып. 2. Т. 2. С. 201–206. – Рец. на кн.: Немчинова Т.А. Современная историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. 189 с.; Рышков В.М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов регион. молод. конф. Новосибирск, 2007. С. 13–22; Рышков В.М. Гражданская война на востоке России: проблемы историографии и проблемы историографического жанра // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь годы и десятилетия. Самара, 2009. С. 65–76.

¹⁸ Фельдман М.А. К вопросу о социальной политике Советской республики и белого лагеря в сфере труда в 1918–1920 гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 17–26; Иванов А.В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы // Известия УрГЭУ. 2013. № 2(46). С. 89–95; Глазунов С.А. Социально-экономическая политика Комуча: проблемы советской историографии 1940–1960-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2019. № 3(31). С. 73–84. – URL: www.vestospu.ru/archive/2019/articles/6_3_2019.html.

Для более полного понимания историографической ситуации необходимо проследить динамику изучения истории восточного лагеря контрреволюции в целом и в ее контексте детально рассмотреть результаты анализа социальной политики антибольшевистских правительств. Такой подход позволит не только обозначить решенные научные проблемы, но и определить их место в структуре изучаемой научной проблематики, выявить причины, по которым в разное время одни аспекты темы скрупулезно исследовались, другие находились на периферии научного анализа, третьи предавались забвению.

Научная литература по истории Гражданской войны разделена на отечественную и иностранную. Отечественная включает советскую, составлявшую до 1991 г. основной историографический поток, и российскую эмигрантскую. Эмигрантская историография одновременно являлась зарубежной, но если она после активности 1920–1930-х гг. стала постепенно угасать и после 1950-х гг. практически прервалась, то иностранная историография развивалась и продолжает развиваться сложными путями, зависящими от научной и политической ситуации в отдельных государствах. После 1991 г. начинается новый этап развития отечественной историографии, теперь уже современной российской.

Изучение истории революции и Гражданской войны начали современники и участники событий. Многие исследования первого пятнадцатилетия содержали элементы мемуаристики и политической публицистики. Они являются одновременно частью историографии и историческим источником¹⁹. На первый план сразу вышли сюжеты, связанные с установлением советской власти и борьбой против контрреволюции. Осуществлен целенаправленный сбор и выборочная публикация воспоминаний участников этих событий. Много было сделано для реконструкции событий, связанных с восстаниями в тылу антибольшевистских сил, истории подпольного и партизанского движения. Попытки изучить несоветские органы власти и недружественные большевикам общественные организации подвергались критике, исторический процесс упрощался и вульгаризировался.

Исследователями 1920-х гг. Гражданская война подразделялась на два этапа – «демократическую» контрреволюцию, когда у власти находились социалисты, и военную диктатуру. Но авторы подчеркивали отсутствие принципиальных отличий режимов обоих типов. Антибольшевистские правительства представлялись как антинародные. Их деятельность сводилась к разграблению народного достояния, удовлетворению корыстных устремлений буржуазии и террору против населения²⁰. При этом публицистическая выразительность превалировала над стремлением к

¹⁹ Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири: библиогр. указатель. Новосибирск, 1988. С. 6.

²⁰ Четыре месяца учредиловщины: историко-литературный сборник. Самара, 1919; *А.М.* Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск, 1922; *Вегман В.* Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–115; *Вегман В.* Сибоблдума // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 89–111; *Вегман В.*

объективности (В. Владимиров, В.Д. Вегман), а некоторые авторы уже тогда начали подправлять фактический материал в угоду складывавшейся концепции истории Гражданской войны (П. Парфенов, А. Ослоновский и А. Орлов). Оригинальный взгляд на природу колчаковского режима высказал В. Аверьев. Он отметил, что борьба интересов разных групп политической элиты (промышленной буржуазии, аграрных предпринимателей и помещиков-латифундистов) хорошо прослеживалась во внутренней политике, но позволяла Верховному правителю лавировать, играя на противоречиях²¹.

В те годы исследовательский интерес сосредоточивался на рабочей политике²². С.А. Козлова, Я. Кальнин, В.И. Шемелев и А.П. Таяев опирались на делопроизводственную документацию Министерства труда Российского правительства и статистические данные, материалы периодической печати. Авторы выдвинули и обосновали тезис о намеренном курсе государственной власти на ухудшение материального положения трудящихся. Они показывали, что в крупных трудовых конфликтах органы министерства вставали на защиту предпринимателей и выступали за усиление эксплуатации трудящихся. Уже в это время утвердился тезис о расколе профсоюзов. Исследователи утверждали, что лидеры профсоюзного движения – меньшевики и эсеры – предательски пошли на сотрудничество с правящим режимом «демократической» контрреволюции вопреки интересам трудящихся и не были поддержаны рабочими, вставшими на борьбу с контрреволюцией во главе с большевиками.

Именно во второй половине 1920-х гг. сложились основные подходы, стереотипы и мифы советской историографии, происходило не только утверждение марксистско-ленинской методологии, но и «выдавливание» любых альтернативных оценок. Но говорить о полной закрытости и догматизации исторической науки в 1920-е гг. не приходится. В это время научные и научно-популярные журналы публиковали немало интересных документов по истории контрреволюции, в СССР выходили отдельные мемуары, написанные деятелями антибольшевистского движения, на эмигрантские издания историки откликались рецензиями и обзорами.

Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 140–162; *Парфенов П.С.* Уроки прошлого: гражданская война в Сибири, 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921; *Парфенов П.С.* Гражданская война в Сибири в 1918–1919 гг. М., 1925; *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток (1920–1922). М., 1931; *Подшивалов И.* Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. (опыт военно-исторического исследования). М., 1925; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. 1917–1927. Свердловск, 1928; *Дубровский К.В.* В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция, 1918–1919. М.; Л., 1929; *Таяев А.П.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск; М., 1930.

²¹ *Аверьев В.* Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6. С. 24–45; № 8. С. 23–44.

²² *Эспе.* Год в царстве Колчака: материалы по истории рабочего движения Сибири с июля 1918 до июля 1919 г. Казань, 1919. С. 134–142; *Козлова С.А.* Труд и охрана труда при Колчаке // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 69–95; *Зубцова Н.* Самарское профессиональное движение в 1917–1918 гг. Самара, 1927; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / сост. В.И. Шемелев. Новосибирск, 1928; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводным очерком А. Таяева. Свердловск, 1929; *Кальнин Я.* Труд при «белых» // Сибирские огни. 1929. № 3. С. 134–142.

С середины 1930-х до начала 1950-х гг. интенсивность исследования истории Гражданской войны в СССР резко снизилась. Круг изучаемых проблем и диапазон дозволенных оценок определялся «Кратким курсом истории ВКП(б)». Продолжалась серьезная разработка только военной проблематики, а в конце 1940-х – начале 1950-х гг. активно развернулось изучение интервенции. Но связь последней темы с начавшейся «холодной войной» предопределила пристрастность авторов²³.

В середине 1950-х – 1960-е гг. опубликованы многочисленные сборники документов и мемуаров, освещающие борьбу за власть советов как в Сибири в целом, так и в ее отдельных регионах. Публикуемые тексты тщательно подбирались, издавались с купюрами и отображали период крайне односторонне. В подборки включались источники о подполье и партизанском движении, а внутренняя политика органов власти и управления в антибольшевистский период оценивалась исключительно с позиции победившего лагеря. Но появление таких публикаций совпало с усилением исследований истории революции и Гражданской войны в Сибири, расширением проблематики и источниковой базы их изучения.

В этот период вышел ряд обобщающих трудов по истории Гражданской войны в России в целом²⁴, в Поволжье²⁵, на Урале²⁶, в Сибири²⁷, на Дальнем Востоке²⁸, в отдельных регионах²⁹ и на национальных окраинах³⁰. В них основное внимание по-прежнему уделялось советскому строительству, а в период падения советской власти – подпольному и партизанскому движению, забастовкам рабочих и антиколчаковским крестьянским восстаниям. Обобщающие труды задавали

²³ *Рейхберг Г.Е.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М., 1940; *Геронимус А.И.* Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку // Исторические записки. 1949. № 29. С. 33–47; *Мельчин А.И.* Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–1920 годах. М., 1951; *Иванов С.* Американские интервенции на советском Дальнем Востоке (1918–1920 гг.). Владивосток, 1951; *Иванов С.* Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1952; *Гулыга А., Геронимус А.* Крах антисоветской интервенции США. М., 1952.

²⁴ История гражданской войны в СССР. М., 1959. Т. 4.

²⁵ Гражданская война в Поволжье: 1918–1920 гг. Казань, 1974; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье. 1918–1919 гг. Саратов, 1974.

²⁶ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

²⁷ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 87–173.

²⁸ *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957; *Крушанов А.И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 – март 1920 г.). Владивосток, 1962; Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны. М., 1968.

²⁹ Борьба за власть советов на Алтае (исторический очерк). Барнаул, 1957. С. 198–347; *Мухарьямов М.К.* Гражданская война в Татарии (1918–1919 гг.). Казань, 1969; *Роцевский П.И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; *Аминев З.А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966; *Лучевников П.С.* Гражданская война на Южном Урале: 1918–1919 гг. Челябинск, 1958; *Капузович И.С.* Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; *Капузович И.С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

³⁰ *Сейфулин Х.М.* К истории иностранной интервенции и гражданской войны в Туве (1918–1921). Кызыл, 1956; *Хантаев П.Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967; *Хантаев П.Т.* Борьба большевиков за установление советской власти в национальных районах Сибири. Улан-Удэ, 1973; *Покровский С.Н.* Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата, 1967; *Новгородов А.И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969.

приоритетную научную проблематику, в силу чего упомянутому набору проблем преимущественно посвящалась основная масса специальных исследований.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. исследование роли интервенции в событиях на востоке России стимулировалось холодной войной и в значительной мере определялось политико-идеологическими интересами. Даже в названии исторического периода интервенция ставилась впереди Гражданской войны. В развитие ранее заложенных историографических тенденций историки нацеливались на доказательство зависимости антибольшевистских режимов от иностранной материальной и дипломатической поддержки. Важно, что авторы широко использовали в своих исследованиях иноязычные источники и зарубежную историографию, показали противоречия в стане участников интервенции и обосновали мысль о том, что соперничество между интервентами существенно снизило сам эффект иностранного вмешательства и в то же время дестабилизировало ситуацию на востоке России³¹.

При изучении интервенции историки обратили внимание на деятельность иностранных миссий Красного Креста и ряда других благотворительных организаций, главным образом американских. Но советские исследователи подчеркивали, что все они являлись лишь прикрытием интервенции³². Тон большинства публикаций был сугубо обвинительный. Историки сообщали о лечении американцами раненых военных в колчаковских госпиталях, пропагандистской и шпионско-разведывательной деятельности американских благотворительных организаций, но умалчивали о помощи гражданскому населению.

Одним из центральных сюжетов стала история возникновения, трансформации и гибели антибольшевистских правительств. Ее исследование проводилось в рамках начавшегося в те

³¹ Григорьевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М., 1957; Боярский В.А. Вторжение империалистов США в советскую Россию и его провал. М., 1961; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965; Лившиц С.Г. Из истории империалистической интервенции в Сибири (1918–1919 гг.) // Вопросы новой и новейшей истории. Новосибирск, 1966. С. 46–72; Лившиц С.Г. Из истории американской интервенции в Сибири. 1918–1919 гг. // Вопросы новой и новейшей истории: научные труды НГПИ. Новосибирск, 1969. Вып. 22. С. 3–25; Лившиц С.Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. // Вопросы новой и новейшей истории: уч. зап. БГПИ. Барнаул, 1972. Т. 19. С. 3–33; Лившиц С.Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1979; Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири. 1918–1920. Барнаул, 1991; Светачев М.И. Из истории борьбы трудящихся Приморья против экономической экспансии иностранных империалистов (Денежная реформа 1920 г.) // Ученые записки Хабаровского пед. ин-та. 1963. Т. 12. С. 55–69; Светачев М.И. К вопросу о планах экономической экспансии США и Японии на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. // Из истории советского Дальнего Востока. Хабаровск, 1963. С. 25–35; Светачев М.И. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 36–48; Светачев М.И. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918–1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. Вып. 2. С. 3–42; Светачев М.И. Интервенция и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 – 1918 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. 3. С. 10–89; Светачев М.И. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (апрель–август 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1975. Вып. 5. С. 54–157.

³² Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1980; Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 142–154; Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990.

годы изучения истории непролетарских партий, была проникнута тоном обличения. Даже в заглавия выносились слова «банкротство» или «крах». В большинстве публикаций события в тылу восточной контрреволюции изучались как новый аспект истории КПСС, с опорой на крайне политизированные, а нередко и фальсифицированные историко-партийные источники³³. В монографиях и статьях В.В. Гармизы, К.В. Гусева, Г.З. Иоффе, С.Г. Лившица, А.Г. Липкиной, В.Н. Назимок, Л.М. Спирина, М.Е. Плотниковой впервые стали привлекаться, пока еще фрагментарно, документы лагеря контрреволюции³⁴.

Упомянутые публикации не содержали принципиально новых подходов, усиливали характеристику антибольшевистских правительств как монархических, реакционных, антинародных. Но в советской историографии наметилась дискуссия о социальной базе колчаковского режима, завуалированная в споры о его общей характеристике. Для Сибири не подходила устоявшаяся в советской историографии дефиниция – буржуазно-помещичья диктатура, так как за Уралом не было помещичьего землевладения. А.Г. Липкина определяла колчаковский режим как военно-феодальный³⁵, Г.З. Иоффе вслед за В. Аверьевым охарактеризовал его как бонапартистский, осуществлявший балансирование между помещиками-офицерами и торгово-промышленным классом Урала и Сибири, В.А. Демидов – как военно-бюрократический³⁶. Особняком стоят исследования В.В. Сониной. В них анализируется нормативная база органов государственной власти дальневосточной контрреволюции, дана характеристика структуры и компетенции регионального государственного аппарата. Но они выполнены в формально-юридическом ключе и не

³³ *Патин Л.М.* Крах колчаковщины и образование дальневосточной республики. М., 1957; *Резниченко А.Н.* Борьба большевиков Сибири против меньшевиков и эсеров в 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1959; *Резниченко А.Н.* Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.). Новосибирск, 1972; *Воробьева В.Я.* Путь меньшевиков и эсеров Поволжья и Сибири от «чистой демократии» к колчаковской диктатуре // Ученые записки МГПИ им. Ленина. М., 1969. № 309. С. 339–376; *Воробьева В.Я.* Крах меньшевистской контрреволюции Поволжья и Сибири в гражданской войне и иностранной интервенции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; *Шерстянников Н.А.* Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

³⁴ *Липкина А.Г.* 1919 год в Сибири (борьба с колчаковщиной). М., 1962; *Плотникова М.Е.* Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Сборник научных трудов исторических кафедр. Труды ТГУ. 1964. Т. 167. С. 51–68; *Плотникова М.Е.* Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 168–181; *Плотникова М.Е.* К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 172–188; *Гусев К.В.* Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966; *Гусев Г.В.* История «демократической» контрреволюции в России. М., 1973; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; *Лившиц С.Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории. Барнаул, 1969. С. 69–93; *Лившиц С.Г.* Временное Сибирское правительство // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 98–107; *Назимок В.Н.* К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 18–24; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Гармиза В.В.* О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсерово-меньшевистских правительств // Банкротство мелкобуржуазных партий в России: 1917–1922 гг.: сб. науч. тр. М., 1977. Ч. I. С. 177–187; *Бутенин Н.А.* Крушение эсерово-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983.

³⁵ См., например: *Липкина А.Г.* 1919 год в Сибири ... С. 110.

³⁶ *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1983.

рассматривают вопрос о реальной деятельности, о соответствии буквы закона реальной исторической картине³⁷.

В рамках изучения социально-политических процессов исследователи пытались интерпретировать региональную историю в соответствии с общероссийской концепцией Гражданской войны. Для этого предстояло показать, что рабочий класс и беднейшее крестьянство всегда поддерживали большевиков и советскую власть, а временная победа контрреволюции обусловлена колебанием среднего крестьянства. Поэтому при изучении рабочего класса и профсоюзного движения исследователи обращали внимание преимущественно на забастовки и участие рабочих в деятельности антиколчаковского подполья, всячески подчеркивали связь рабочих с большевиками. Круг этих вопросов был рассмотрен в монографиях, диссертациях и статьях В.В. Гармизы, В.А. Кадейкина, С.Г. Куцего, В.А. Кучеряева³⁸. Они написаны на внушительной источниковой базе. При этом основными источниками послужили документы профсоюзных деятелей, воспоминания участников подполья и забастовочного движения, профсоюзная пресса. По мнению упомянутых исследователей, рабочая политика антибольшевистских правительств являлась по сути «антирабочей». Такой далекий от научности вывод все же не позволяет сбрасывать со счетов обилие фактического материала, введенного в научный оборот советской историографией. Выявленные советскими историками факты нуждаются во взвешенном использовании и критическом осмыслении.

Анализируя ситуацию в сибирской деревне, исследователи акцентировали внимание на так называемом восстановлении военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Речь шла о выяснении рубежа, после которого крестьянство перешло к открытому противостоянию контрреволюции. Изучение социальной политики государственной власти в деревне в советской историографии подменялось описанием мер государственного регулирования продовольственной, налоговой и земельной сфер. Другими интересовавшими исследователей сюжетами стали

³⁷ *Сонин В.В.* «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921 – октябрь 1922). Владивосток, 1974; *Сонин В.В.* Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922). Владивосток, 1987; *Сонин В.В.* Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Владивосток, 1990.

³⁸ *Гармиза В.В.* Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с Самарской учредилкой // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 29–49; *Гармиза В.В.* Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции // История СССР. 1975. № 4. С. 120–131; *Куцкий Г.С.* Рабочий класс Дальнего Востока в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции. Март 1917 – март 1920 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964; *Куцкий Г.С.* Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967; *Куцкий Г.С.* Всеобщая забастовка рабочих Приморья весной 1919 г. // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. Владивосток, 1975. Т. 101: Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. С. 15–21; *Кадейкин В.А.* Антирабочая политика Временного Сибирского правительства // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 148–161; *Кадейкин В.А.* Забастовочное движение сибирских рабочих во второй половине 1918 года // Борьба за власть советов Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 114–143; *Кучеряев В.А.* Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983.

политические настроения деревни, отношение крестьян к антибольшевистским правительствам и к мобилизации в армию.

Предметом специального изучения стало положение такой специфической группы сельского населения, как казачество (военно-служилое сословие), что объяснялось его особой ролью в вооруженном противоборстве. Временное падение советской власти в середине 1918 г. не в последнюю очередь связано с тем, что подавляющая часть казаков встала под знамена Белой армии. Позиция казачества объяснялась главным образом большим по сравнению с крестьянами земельным наделом. Однако исследователи отметили и особые меры поддержки казаков со стороны государственной власти³⁹.

Вопрос об отношениях власти и буржуазии получил однозначную оценку в советских исследованиях. Даже социалисты Комуча обвинялись в выстраивании своей внутренней политики в угоду предпринимателям. Остальные государственные образования именовались буржуазными в силу одного лишь присутствия в их составе выходцев из партии кадетов («буржуазной» в интерпретации советских историков) или предпринимательских кругов. Факты финансирования частных предприятий считались достаточным доказательством буржуазного характера внутренней политики. Однако вопрос рассматривался на узкой и тенденциозной источниковой базе – преимущественно на высказываниях советских лидеров и документах антиколчаковского подполья, а анализ взаимодействия предпринимательских организаций с властью не проводился.

Советские историки медицины дали оценку состоянию здравоохранения в Сибири в 1918–1919 гг. Это был единственный подвергнутый рассмотрению аспект социальной политики, не связанный с классами российского общества. Особого внимания заслуживает монография Г.Х. Риппа, в которой работа медицинских служб колчаковского периода была изучена на основе архивных материалов⁴⁰. Несмотря на фрагментарность большинства сведений, автором показаны масштабы работы медицинских учреждений, динамика развития эпидемиологических заболеваний, влияние внутриведомственных противоречий на функционирование системы здравоохранения. Г.Х. Рипп и другие советские авторы выдвинули тезис о критическом положении лечебной инфраструктуры и неспособности колчаковского правительства решать стоявшие перед ним задачи медицинского обслуживания населения.

Социальная политика антибольшевистских правительств в советской историографии исследовалась отрывочно и фрагментарно, исключительно в связи с анализом классовой

³⁹ *Футорянский Л.И.* Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии: материал для обсуждения на Сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР». М., 1969; *Ермолин А.П.* Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982; *Машин М.Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984; *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917–1920 гг.). Красноярск, 1991.

⁴⁰ *Рипп Г.Х.* Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987. С. 12–32.

составляющей внутренней политики, классовой природы самих органов власти. Более того, даже само выделение социальной политики в качестве самостоятельного направления считалось недопустимым. Тем не менее изучению подверглись отдельные аспекты темы: работа иностранных благотворительных миссий, рабочая политика, политика в отношении казачества и работа учреждений здравоохранения.

Как ни парадоксально, эмигрантская российская историография имела принципиально другую источниковую базу и не испытывала давления монопольной идеологии, тем не менее тематические приоритеты во многом оказались такими же, как в советской научной литературе. Первые исследования были проведены участниками событий. В фокусе внимания оказались военно-политические аспекты Гражданской войны, нашедшие отражение в обобщающих трудах общероссийского масштаба, а также посвященных специально восточной контрреволюции. А.И. Деникин определял социальную базу антибольшевистских режимов как буржуазную, относя к ней не только предпринимателей, но и средние слои города и интеллигенцию. С.П. Мельгунов с опорой на мемуарную литературу и периодику показал отсутствие единства и консолидации социально-политических сил в лагере восточной контрреволюции⁴¹.

Дискуссии по поводу ключевых оценок политических процессов протекали без обращений к анализу социальной политики органов власти. Отдельные ее аспекты оказались затронуты только в статье С.М. Николаева, изложившего содержание законодательства Комуча⁴². Социальную политику автор трактует широко, включая в это понятие как мероприятия в сфере регулирования экономической жизни, так и взаимодействие правительства с основными группами населения. С.М. Николаев отмечает, что главной целью социальной политики Комуча являлось обеспечение интересов трудящихся, а ключевая особенность заключалась в принятии постановлений только после обсуждения с заинтересованными сторонами.

Эмигрантские исследователи воспринимали большевиков как узурпаторов и главных виновников Гражданской войны. Одна часть авторов, связанных главным образом с социалистическими партиями, исходила из того, что в 1918 г. в России удалось на короткое время создать легитимную демократическую государственность. Но борьба двух реакционных течений, сторонников большевистской и военной диктатур, не позволила социалистическим правительством удержать власть. Сторонники Белого движения считали, что распад российской государственности произошел в результате Февральской революции, и возродить ее можно было лишь с опорой на дореволюционную правовую традицию. Независимо от позиций, все исследователи,

⁴¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май–октябрь 1918 г.; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2005. Книга первая: Ч. I, II; Книга вторая. Ч. III.

⁴² Николаев С.М. Политика Комуча // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. С. 112–121.

ориентированные на поиск комплекса причин, приведших в победе советской власти, признавали отсутствие у антибольшевистских правительств достаточных материальных ресурсов и интеллектуальных сил для решения острейших социальных проблем российского общества, что, несмотря на массовое недовольство населения действиями большевиков, свидетельствовало о слабости власти и отсутствии у нее широкой социальной опоры.

Что касается зарубежной историографии, то ее следует разделить на три потока. Первый – литература, изданная в странах, сформировавших воинские подразделения из числа военнопленных Первой мировой войны, прежде всего в Чехословакии (Чехии)⁴³, а также в Польше⁴⁴ и Сербии⁴⁵. Большинство публикаций посвящено военной истории Чехословацкого легиона и его отдельных национальных частей. Существующие издания весьма детально описывают ход боевых действий корпуса, но также устройство быта и особенности взаимодействия с российским населением. Вместе с тем для Чехословакии история корпуса воспринимается как история возникновения национальной армии и даже генезиса новой государственности, поэтому роль западно- и южнославянских национальных формирований в российской гражданской войне подается апологетически, а воздействие корпуса на политическую и хозяйственную жизнь востока России преподносится как исключительно благоприятное. То же можно сказать и о польской историографии.

Второй поток – это зарубежная историография истории Гражданской войны в России. Он, безусловно, самый большой по объему публикаций, среди которых наибольшее количество литературы издано на английском и японском языках. Большинство статей и монографических изданий посвящены Гражданской войне в России в целом, носит обзорный характер и рассматривают события на востоке России наряду с другими регионами⁴⁶. В центре внимания исследователей находятся обстоятельства, приведшие к началу интервенции, ее ход и итоги⁴⁷. Необходимо

⁴³ *Klecenda V. Operano Československého vojska na Rusi u letech 1917–1920. Praha, 1921; Za Svobodu: Obrazková kronika československého /revolučního hnutí na rusi/ 1914–1920. D. 3: Pod vedením prof. T.G. Masaryka. 1917–1918. Praha, 1926; D. 4: Anabase 1918–1920. Praha, 1929; Kratochvíl J. Cesta revoluce, Československé legie u Rusku. Praha, 1922; Skacel J. Československá armáda v Rusku I Kolčák. Praha, 1926; Mus'ka J., Hoz'ek J. K úloze československých legií v Rusku. Praha, 1954; Vavra V. Klamná cesta. Příprava a vznik protisovětského vstoupení ČS legií. Praha, 1958; Kvasnička J. Československé legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963; Pichlík K., Varva V., Kz'iz'ek J. Červonobílá a ruda. Vojáci ve válce a revoluce. 1914–1918. Praha, 1967; Pichlík K., Klipa D., Zabloudivá J. Československá legonari (1914–1920). Praha, 1996. С. 237–252; Vacha D. Zilota v legích Československé dobrovolníky na Rusku 1914–1920. Disertanci práce. České Budějovice, 2011.*

⁴⁴ *Dmochowski T. Interwencja mocarstw na Syberii i Dnieprze Wschodzie (1918–1922). Toruń, 2001; Wisniewski J. Korpus Czechosłowacki w Rosji 1917–1920. Toruń, 2006; Висньевский Я. Войско Польское в Сибири во время революции и Гражданской войны // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды: сб. стат. российских и польских исследователей. М., 2009. С. 217–259.*

⁴⁵ *Попович Н.Б. Срби у грађанском рату у Русији, 1918–1921. Београд, 2005. С. 83–150.*

⁴⁶ *Ulmann R. Intervention and the War. Princenon, 1950; Footman D. Civil War in Russia. L., 1961; Silverlight M. The Victors' Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War. L., 1970; Bradley J. Civil War in Russia. 1917–1920. L., 1975; Goldhurst R. The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920. N.Y., 1978; Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.*

⁴⁷ *Coates W.P., Coates Z.K. Armed intervention in Russia. 1918–1920. L., 1935; White J. The Siberian Intervention. Princeton, 1950; Manning C. The Siberian Fiasco. N-Y., 1952; Morley J. The Japanese Trust into Siberia. 1918. N-Y., 1957;*

отметить, что британские, американские и французские исследователи ввели в научный оборот большой массив дипломатических документов, в том числе касающихся гуманитарной помощи, оказанной России государствами-участниками интервенции. Информацию о динамике Гражданской войны в России они черпали также из эмигрантской историографии и восточноевропейской литературы о чехословацком корпусе. Именно поэтому Гражданская война на востоке России западными историками часто представляется как столкновение Красной армии и Чехословацкого корпуса, с участием которого и связывают основные военные и политические события. Не случайно Чехословацкому корпусу посвящены многие публикации западноевропейских и американских исследователей⁴⁸. Наиболее полное и глубокое исследование европейской историографии чехословацких, польских и сербских воинских контингентов на востоке России провел А.М. Захаров⁴⁹.

Следует подробнее остановиться на публикациях Дж. Смита. Фундаментальное знание литературы и источников, изданных за пределами России на разных языках, а также архивных коллекций, вывезенных за рубеж эмигрантами, позволило ему детально рассмотреть историю Гражданской войны на востоке России, включая отдельные аспекты экономической и социальной политики⁵⁰. Британский автор оценивает колчаковский режим как систему коррупции и беззакония. Контролировавший на огромном пространстве только городские центры и основные транспортные коммуникации, он не мог функционировать без поддержки интервентов. Оценку экономической и социальной политики Дж. Смита базирует преимущественно на фактическом материале и оценках, почерпнутых из советских исследований.

Монография Дж. Буше посвящена режиму атамана Г.М. Семенова в Восточном Забайкалье и основана на материалах, хранящихся в американских архивах, прежде всего

Unterberger B. American Siberian expedition. 1918–1920. Study of a National Policy. Durham, 1956; *Maddox R.J.* The unknown war with Russia: Wilson Siberian Intervention. San Rafael, California, 1977; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. London, 1968; *Carley M.J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Montreal-Kinhston, 1983; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 2: The Road to Intervention, March – November 1918. L., 1988; *Connaughton R.M.* The Republic of the Ushakovka: Admiral Kolchak and the Allied Intervention in Siberia, 1918–1920. L., 1990.

⁴⁸ *Bolton J.* Czech Tragedy. L., 1955; *Kennan G.F.* The Czechoslovak Legion // *Russian Review*. Vol. 16. 1957. № 4. P. 3–16; Vol. 17. 1958. № 1. P. 1–28; *Fic V.* Revolutionary war for independence and the Russian Question: Czechoslovak Army in Russia. 1914–1918. N.-Delhi, 1977; *Fic V.M.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of their Armed Conflict (March – May 1918). N.-Delhi, 1978; *Fic V.M.* The Rise of the Constitutional Alternative to Soviet Rule in 1918: Provisional Government of Siberia and All-Russia: Their Guest for Allied Intervention. Part I–II. Boulder, N-Y., 1998; *Fic V.M.* The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson's Decision not to intervene (March–October, 1918). Boulder, 1995; *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill, L., 1989; *Mohr J.M.* The Czech and Slovak Legion in Siberia, 1917–1922. Jefferson, 2012.

⁴⁹ *Захаров А.М.* «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2019. С. 5–15.

⁵⁰ *Smele J.D.* Labour condition and the collapse of the Siberian Economy under Kolchak // *Sbornik of the study Group on the Russian revolution*. Vol. 13. 1987. P. 31–60; *Smele J.D.* What Kolchak Wants!: Military Versus Polity in White Siberia. 1918–1920 // *Revolutionary Russia*. Vol. 4. (1991) № 1. P. 52–110; *Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996.

дипломатических⁵¹. Фактический материал и оценки не имеют принципиальной новизны и характеризуют семеновский режим как криминальный, существование которого в 1919 г. стало возможно только из-за неспособности Российского правительства контролировать территорию дальневосточной окраины. Такой подход не допускает рассмотрения самостоятельной внутренней политики семеновского режима в 1920 г.

Деятельность международных благотворительных организаций в восточных регионах России является, пожалуй, единственным аспектом истории Гражданской войны на востоке России, тесно связанным с проблемами социальной политики антибольшевистских правительств. При ее изучении иностранные исследователи не опирались на труды советских и эмигрантских историков, а ввели в научный оборот и самостоятельно проинтерпретировали большой фактический материал. Исследование темы, основанное на богатой и уникальной источниковой базе, началось в 1950-е гг.⁵² С годами диапазон изучаемых проблем расширился, стал включать анализ объемов и видов гуманитарной помощи российскому населению, положение военнопленных и политических заключенных на востоке России, а также проблему взаимодействия гуманитарных иностранных организаций с органами власти и управления в России⁵³. Зарубежные исследователи считают решающей роль иностранных миссий благотворительных организаций в борьбе с эпидемиями, оказании помощи беженцам. Они практически не упоминают о российских учреждениях и организациях, проводивших социальную работу, не используют материалы российского происхождения, что лишает авторов возможности критически оценить использованные источники.

Отдельный поток историографии возник с распадом СССР и представлен исторической литературой, изданной в его бывших республиках после 1991 г. Огромный массив исследований и документальных публикаций в Казахстане на русском и казахском языках посвящен национальному (национально-освободительному) движению партии Алаш и государственному образованию Алаш-Орда, событиям Гражданской войны на территории современного Казахстана⁵⁴. На

⁵¹ Bisher J. *White Terror: Cossack Warlords Trans-Siberian*. L., N-Y, 2005.

⁵² Fike C.E. The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919 // *The Journal of Modern history*. 1959. Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). P. 93–109.

⁵³ Miller F. *The wild children of the Urals*. N-Y., 1965; Davis G.H. *Prisoner of War Camps as Social Communities in Russia: Krasnoyarsk 1914– 1921* // *East European Quarterly* 21, № 2 (Jun 1987). P. 147–63; Swan J. *The lost children: Russian odyssey*. Carlisle, Pennsylvania: South Mountain press, 1989; Davis D.E., Trani E.P. *The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations*. Columbia & London: University of Missouri Press, 2002 (на рус. яз.: Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002; Schleicher J. *Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Erstet Weltkriegs in Russland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht* // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. 2000. № 10. S. 63–109; Saul N.E. *War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. P. 327–329, 395, 402–408; Polk J.A. *The Canadian red cross and relief in Siberia, 1918–1920*. MA thesis. Carleton Univetsite, Ottawa, 2004; Polk J.A. *Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia*. PhD Thesis. University of Toronto, Toronto, 2012; и др.

⁵⁴ Нурпеис К. Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1994; Кольгейдиев М. Алаш Козгалысы. Алматы, 1995; Нурмаганбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века. Алматы, 2003; Алаш козгалысы: Құжаттар мен материалдар жинағы. Алматы, 2005. Т. 2: Желтоқсан 1917 ж. – мамыр 1920 ж. [Движение Алаш: сборник документов и материалов. Т. 2: Декабрь 1917 г. – май 1920 г.]; Алаш козгалысы: мәселенің

Украине появилось несколько публикаций об украинском национальном движении на востоке России⁵⁵. В упомянутых изданиях затронуты отдельные аспекты социальных отношений в лагере восточной контрреволюции. По своим теоретическим основаниям казахская и украинская историография близки российским исследованиям национальных движений. Приравнивая национальный сепаратизм к прогрессивным политическим течениям, исследователи игнорируют интересы российского населения на территории совместного проживания с изучаемыми ими этносами и обходят вниманием те направления деятельности российских властей, которые не связаны с национальной политикой.

После распада СССР начинается новый этап в развитии отечественной историографии – современная российская. Он отличался кардинальной сменой проблематики и исследовательских подходов. На второй план ушли проблемы истории коммунистической партии, партизанского и подпольного движения. Основной исследовательский интерес сосредоточился на истории антибольшевистского лагеря. Отличительной чертой современного этапа исследований является обращение историков к багажу, содержащемуся не только в советской историографии, но и в эмигрантской и зарубежной. Переиздание мемуаров лидеров контрреволюции привело к некритичному воспроизводству во многих современных исследованиях эмигрантских оценок. Поэтому основную часть современных публикаций отличает методологическая эклектика, резко критическая оценка советских предшественников.

Наибольшую активность исследователи проявили в реконструкции и переосмыслении событий политической борьбы на востоке России. Данной проблематике посвящены диссертации, монографии, статьи В.А. Лапандина, В.В. Московкина, М.В. Шиловского, Ю.В. Ципкина и ряда других авторов⁵⁶. В большинстве публикаций описывается общая канва событий, подчас,

зерттелу тарихынан: Құжаттар мен материалдар жинағы. Алматы, 2008. Т. 4: 1918–2007 гг. [Движение Алаш: из истории изучения вопроса: сборник документов и материалов. Т. 4: 1918–2007 гг.]; Алаш–Ақиықтары: мақалалар, деректі құжаттар, аудармалар. Алматы, 2006; Алаш Таным: сборник документов. Семей, 2012.

⁵⁵ *Сергійчук В.* Східна діаспора. Зелений клин // Наука і суспільство. 1996. № 3–4. С. 12–16; *Сергійчук В.* Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. Київ, 1999; *Траф'як М.* Український рух на Далекому Сході // Золоті ворота. 1993. Вып. 3. С. 46–71.

⁵⁶ *Куцый В.Ю.* Внутренняя контрреволюция в Приморье в заключительный период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1992; *Куцый В.Ю.* Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. Владивосток, 1994; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996; *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Ципкин Ю.Н.* Белое движение в России и его крах (1917–1922 гг.): учеб. пособие. Хабаровск, 2000; *Ципкин Ю.Н.* Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 г.). Хабаровск, 2002; *Ципкин Ю.Н.* Антибольшевистские силы России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2006; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири ...; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны (1917–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004; *Кобзов В.С., Сичинский Е.П.* Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997; *Кобзов В., Шведов И.* Урал в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017; *Кокоулин В.Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг.). Новосибирск, 2002; *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.).

вопреки формулировке темы, выражающей претензию на изучение узкой проблемы (В.С. Кобзова и Е.П. Сичинского, Н.П. Бучко). Диапазон содержащихся оценок варьируется от апологетических по отношению к «белому движению» до взвешенно-критических, но принципиальной новизной они не отличаются. Исследования Ю.В. Куцего и публикации Ю.Н. Ципкина, посвященные специально заключительному этапу Гражданской войны на Дальнем Востоке, основаны на солидной источниковой базе и вводят в научный оборот новый фактический материал, принципиально расширяя представления об этом периоде.

Вместе с тем отметим, что обилие публикаций по данной проблематике не свидетельствует о прорывных результатах. Многие исследования отличаются идеологической ангажированностью (А.Я. Переверзева и О.С. Кулешова, В.Д. Полканова, отдельные публикации В.А. Лапандина и В.Г. Кокоулина), отсутствием научных проблем и игнорированием вклада предшественников⁵⁷, носят реферативный характер (Е.Н. Тимонина и Г.В. Порхунова) или, напротив, состоят преимущественно из заимствований у предшественников (В.Б. Бандурка, В.Г. Медведев)⁵⁸, обширных цитат без кавычек из документов и периодической печати (В.Г. Кокоулин)⁵⁹.

В последние годы внимание обращено на более узкие проблемы формирования и функционирования государственного аппарата и внутренней политики, проводимой органами власти и управления в антибольшевистском лагере. В монографиях, статьях и диссертациях

Новосибирск, 2017; *Переверзев А.Я., Кулешов О.С.* Комуч, Директория, Колчак: антисоветский лагерь в Гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003; *Бандурка В.Б.* Белое движение в Приморье (1920–1922 гг.). Историческое исследование: автореф. ... дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Бандурка В.Б.* Белое движение в Приморье в заключительный период Гражданской войны (1920–1922 гг.). Рязань, 2010; *Журавлев В.В.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май–ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; *Бучко Н.П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; *Бучко Н.П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2009; *Тимонин Е.И., Порхунов Г.А.* Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922). Омск, 2007; *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск, 2008; *Штырбул А.А.* Покушение на Колчака. Историческое расследование. Омск, 2013; *Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д.* «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 – конец 1918 г.). Усурийск, 2013; *Костогрызов П.И.* Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015.

⁵⁷ *Иванов Н.Т., Портнягин П.В.* Гражданская война в Восточной Сибири. Иркутск, 1999; *Рогачев А.С., Максимов С.В.* Динамика и модернизация российских социально-политических и экономических процессов в 1917–1918 годах на историческом поле Сибири. Красноярск, 1999; *Рогачев А.Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 годы). Красноярск, 2008.

⁵⁸ В частности, разделы по рабочему законодательству на востоке России представляют собой воспроизведения текстов кандидатской диссертации В.М. Рыноква. См.: *Медведев В.Г.* Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., 2014. С. 379–384.

⁵⁹ См. детальный разбор его многочисленных изданий: *Ларьков Н.С.* Количество без качества, или Снова «в кроссовках по истории» // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: История. 2015. № 2 (34). С. 125–128. – Рец. на кн.: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.; *Журавлев В.В., Рынок В.М., Симонов Д.Г.* За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 229–234; *Базаров Б.В., Курас Л.В.* «Белая Сибирь» в зеркале современной российской историографии, или Покушение на историю // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 111–115. – Рец. на кн.: Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с.

В.А. Кожевникова, В.Ж. Цветкова, В.Г. Медведева и А.Н. Никитина, Д.А. Ляхова, В.И. Шишкина, Е.А. Плешкевича дан историко-правовой анализ функционирования высших органов власти на востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны⁶⁰. Введены в научный оборот большие комплексы первоисточников, что открывает возможность исследовать отдельные направления деятельности органов власти и управления. Все это создает предпосылки для дальнейшего изучения отраслевого управления, в том числе ведомств, отвечавших за проведение социальной политики. Но вопреки актуальности решения упомянутых научных проблем, в течение двух последних десятилетий в числе приоритетных направлений оказалась военная история белых армий, национальная политика в антибольшевистском лагере и история политических партий.

В многочисленных публикациях по истории армии, наряду с собственно военными действиями, внимание уделяется управлению, комплектованию, снаряжению армии⁶¹. Появилась обширная современная литература об известных военно-политических лидерах на востоке России, в которой затрагивается широкий круг вопросов государственного строительства, разрешения внутривнутриполитических противоречий, включая монографии В.И. Василевского об атамане Г.М. Семенове, А.В. Ганина – об атамане А.И. Дутове и другие⁶². Последняя дает системную картину внутренней жизни Оренбургского казачьего войска, в том числе проводимой войсковой властью социальной политики. Остальные публикации военно-исторического и военно-биографического характера обходят стороной проблемы внутренней политики антибольшевистских

⁶⁰ *Медведев В.Г.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России. Ульяновск, 2001; *Медведев В.Г.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции: 1918–1920 гг.: дис. ... д-ра юр. наук. Ульяновск, 2004; *Медведев В.Г.* Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., 2014; *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002; *Кожевников В.А.* Государственное устройство России в планах антибольшевистских оппозиций (1917–1922 гг.). Воронеж, 2003; *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение: 1918–1920 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; *Шишкин В.И.* Из истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (октябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 209–217; *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные проблемы образования и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы XVII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 103–119; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *Цветков В.Ж.* Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919–1922: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2013. Ч. 1; М., 2016. Ч. 2; *Ляхов Д.А.* Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока (конец 1919 – 1922 г.). Хабаровск, 2015.

⁶¹ *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997; *Варламова Л.Н.* Военное управление правительства А.В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Каревский А.А.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005; *Симонов Д.Г.* Белая сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010; *Ганин А.В.* Семь «почему» Российской Гражданской войны. М., 2018.

⁶² *Василевский В.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006; *Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал. Томск, 2017; и др.

правительств, за исключением одной – проблемы материального обеспечения офицеров и нижних чинов армии, казачьих воинских подразделений. Однако выводы исследователей ограничиваются констатацией скудности денежного и материального довольствия в антибольшевистских воинских формированиях.

История казачества – одно из самых динамично разрабатываемых направлений в современной российской историографии⁶³. На фоне детально освещенных вопросов военной организации и персонального участия в Белом движении лидеров казачества многие сюжеты, связанные с хозяйственной жизнью, управлением казачьими войсками, взаимодействием казачьей организации с населением, остаются изученными слабо. Как полагает В.А. Шулдяков, казаки азиатской части России в подавляющем большинстве обеспечивали поддержку антибольшевистским режимам в Гражданской войне, несли громадные жертвы, несоизмеримо большие по сравнению с другими сословиями. Но эта самоотверженность была проигнорирована властью, лишь на словах восхвалявшей ратные подвиги казачества, но ничего не сделавшей для облегчения положения борцов. В обоснование данной позиции В.А. Шулдяковым проанализированы меры по социальной поддержке сибирского казачества со стороны Временного Сибирского и Российского правительств и показана их недостаточность⁶⁴. К другим оценкам пришел А.В. Ганин, изучавший положение Оренбургского казачьего войска. В его трактовке заявления о жертвах казачества в значительной мере имело пропагандистский характер и было призвано заставить Российское правительство компенсировать материальные потери казаков, обычно сильно преувеличенные. Причем центральная власть удовлетворила многие претензии оренбургских казаков, но воздержалась от чрезмерных трат.

Проблемы истории национальных движений на востоке России в годы Гражданской войны, основательно разработанные и в советской историографии, в современной российской исторической науке изучаются еще более активно. Д.А. Аманжолова посвятила свои исследования казахскому национальному движению⁶⁵, Б.В. Базаров, В.В. Бабаков, В.А. Демидов и В.В. Демидов, Л.Б. Жабаева, Ж. Цэцэгма – бурятскому⁶⁶, И.В. Нам, Н.И. Наумова, В.В. Романова –

⁶³ *Машин М.Д., Семьянинов В.С.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918–1919). Иркутск, 1991; *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1: 1917–1920; Кн. 2: 1920–1922; *Исаев В.В.* Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; *Исаев В.В.* Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне. Барнаул, 2004; *Богущий А.Е.* Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007; *Василевский В.И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита, 2007; *Тарасов М.Г.* Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922 гг. М., 2011.

⁶⁴ *Шулдяков В.А.* Гибель сибирского казачьего войска ... С. 133–136, 140–141, 329–330, 332, 353, 366–371.

⁶⁵ *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш. М., 1994; *Аманжолова Д.А.* На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009.

⁶⁶ *Демидов В.А., Демидов В.В.* Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск, 2001; *Жабаева Л.Б.* Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001; *Цэцэгма Ж.* Бурятская национальная интеллигенция в становлении Монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ, 2006; *Базаров Б.В., Жабаева Л.Б.* Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль

еврейскому⁶⁷, Н.У. Ишемгулов, М.М. Кульшарипов и другие – башкирскому, В.А. Черномаз – украинскому⁶⁸. Опубликовано также несколько обобщающих монографий⁶⁹. Авторы изучают национальные движения как «вещь в себе», протекающие по особым внутренним законам и наделенные своей собственной логикой. Любые факторы, тормозившие свободное развитие национальных движений, ими оцениваются как негативные, в том числе попытки выстроить жесткую властную вертикаль, встать на защиту земельных хозяйств в аграрных конфликтах с коренным населением. Исследователи не пытаются осмыслить место национальных движений в общественной системе эпохи революций, его взаимосвязь и взаимовлияние с обществом и государственными институтами в целом.

При изучении общественно-политической жизни основное внимание продолжает концентрироваться на политических партиях. Деятельность сибирских эсеров отражена в публикациях А.В. Добровольского, роль анархистов Сибири в событиях Гражданской войны – А.А. Штырбула⁷⁰. Влияние эсеров и меньшевиков на политические процессы на Дальнем Востоке рассмотрено в монографии В.Л. Кузьмина и Ю.Н. Ципкина⁷¹, сибирских кадетов – в публикациях Е.В. Васильевой и В.Г. Хандорина. Два последних автора осветили персональное участие кадетов в органах власти и управления, влияние их партийных доктрин и тактики на формирование политического курса сибирской контрреволюции⁷². Среди прочих проблем достаточно детально

монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ, 2008; *Бабаков В.В.* Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ, 2012.

⁶⁷ *Нам И.В., Наумова Н.И.* Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003; *Романова В.В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.). Красноярск, 2001.

⁶⁸ *Ишемгулов Н.У.* Башкирское национальное движение 1917–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996; *Ишемгулов Н.У.* Образование Башкирской республики. Уфа, 2018. С. 60–83; *Касимов С.Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа, 1997. С. 3–137; *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). Уфа, 2000; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992; *Кульшарипов М.М.* Национальное движение башкирского народа (1917–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 1998; *Черномаз В.А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; *Черномаз В.А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009; *Багаутдинов Р.О.* Участие башкир в белом движении (1917–1920 гг.). Уфа, 2009.

⁶⁹ Белое движение и национальный вопрос в России / под ред. В.Т. Гормозова. М., 2009; *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009; *Сушко А.В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.

⁷⁰ *Штырбул А.А.* Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX в. Омск, 1996. Ч. 2: 1918–1925 гг.; *Штырбул А.А.* Гражданская война и анархисты Сибири (1918–1920 гг.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 2. С. 28–32; *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002.

⁷¹ *Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н.* Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск, 2005.

⁷² *Васильева Е.В.* Программные установки и политическая практика кадетов Сибири: май 1918 – январь 1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011; *Хандорин В.Г.* Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010; *Хандорин В.Г.* Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2011.

исследована позиция эсеров и кадетов на востоке России по рабочему вопросу⁷³. Источниковая база исследований по истории политических партий – преимущественно партийная пресса – позволяет воспроизвести главным образом негативные оценки действий власти, но не оценить объективность таких оценок и влияние партийной идеологии среди населения.

Современная историография позволяет детально и разносторонне реконструировать общественно-политический контекст изучаемых событий. Однако на фоне возросшего интереса к истории антибольшевистского лагеря, кардинального роста числа публикаций о его восточной ветви результаты исследования социальной политики в целом и его отдельных направлений представляются более чем скромными, оказавшись «загнанными» на периферию исследовательского внимания.

В современной российской историографии было продолжено начатое советскими исследователями изучение рабочей политики. Но исследования данной тематики либо ограничивались малоформатными тезисами⁷⁴, либо затрагивали проблему в рамках более общей темы⁷⁵. В.А. Лапандин по-новому трактует взаимоотношения рабочих организаций и Комуча, указывая на сохранение реальных условий для продолжения и даже развития деятельности профсоюзных организаций. Власть старалась привлекать их к обсуждению ключевых социально-экономических проблем и принятию решений. Д.О. Чураков проанализировал природу массовых протестных выступлений в Советской России и рассмотрел в качестве уникального опыта деятельность руководящих органов Ижевско-Воткинского восстания. Его исследование, однако, во многом вторично и базируется преимущественно на мемуарной литературе. Следует выделить диссертацию О.Ю. Никоновой. В ней положение на Урале рассмотрено на обширной и разнообразной источниковой базе, даны оригинальные и взвешенные оценки основным мероприятиям уральских властей по отношению к рабочему классу⁷⁶. Авторы исходили из принципиально иного понимания природы государства, допуская, что оно способно стать надклассовым арбитром в противостоянии буржуазии и пролетариата, но при условии поддержания или восстановления нормального уровня производства.

⁷³ *Хандорин В.Г.* Позиция сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и гражданской войны // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2010. № 6. С. 44–50; *Добровольский А.В.* Рабочий вопрос в тактике правых эсеров Сибири в период колчаковщины // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 2–6(62). С. 237–240.

⁷⁴ *Дмитриев Н.И.* Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 107–110; *Макарчук С.В.* Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири: тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 28–32.

⁷⁵ *Лапандин В.А.* Комитет членов учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность. Самара, 2003. С. 118–120; *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России 1917–1918 годы. М., 2004. С. 290–326.

⁷⁶ *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 132–196.

Изменилась историографическая ситуация в вопросе о взаимодействии органов власти и буржуазии. В современной научной литературе поставлена проблема темпов денационализации и особенностей ее проведения в разных отраслях экономики, показано, что действия власти по урегулированию проблем собственности порождали сложные и подчас конфликтные отношения с предпринимателями⁷⁷. В монографии М.К. Шацилло значительное внимание уделяется восточному лагерю контрреволюции⁷⁸. Он привлек значительный комплекс документов предпринимательских организаций, что позволило дать более взвешенную оценку изучаемой проблеме. Автор ввел в научный оборот богатый фактический материал о попытках создать единую сеть предпринимательских организаций на востоке России, проследил персональное участие известных предпринимателей в политической жизни. М.К. Шацилло показал, что одной из причин активного диалога предпринимательских организаций и власти стало решение рабочего вопроса. В ходе его обсуждения буржуазия указывала на необходимость создать рентабельное производство путем ужесточения производственной дисциплины и сокращения издержек частных собственников. Однако сам анализ рабочей политики Временного Сибирского и Российского правительств остался поверхностным, хотя и дан в монографии с позиций предпринимательских кругов, что само по себе уже ново. Значительную часть объемного повествования занимают детальные описания хода нескольких предпринимательских съездов. Исследователь не использовал богатейший архивный и газетный материал о жизни местных предпринимательских организаций, характеризующий в том числе их взаимодействие с профсоюзами, кооперацией, местными органами власти и управления⁷⁹.

Служащие, да и то лишь отдельные группы, стали интересовать историков в последние годы. Между тем административный аппарат – один из важнейших атрибутов любого государства. Он же составляет ядро его социальной базы – правительственные служащие поддерживают действия государства наиболее последовательно. Вполне естественно, что антибольшевистские правительства заботило в первую очередь материальное положение работников государственных учреждений. Это вписывалось в дореволюционную практику повышенной заботы государства о чиновниках и даже перекликалось с советским опытом их снабжения. Поразительно, что в отечественной историографии пристально изучался быт и материальное положение

⁷⁷ *Дмитриев Н.И.* Новый подход к проблеме денационализации белогвардейскими властями промышленности и транспорта на востоке России // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 3. С. 46–48; *Рышков В.М.* Проблема частной собственности в экономической политике «белых» правительств Сибири: законодательство и практика // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 87–90; *Рышков В.М.* Восстановление прав собственников антибольшевистскими правительствами на востоке России (лето 1918 – 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–15.

⁷⁸ *Шацилло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008. С. 53–153.

⁷⁹ Более подробный анализ данной монографии см.: *Рышков В.М.* [Рецензия] // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 109–110. – Рец. на кн.: Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920 гг.). М.: Наука, 2008. 342 с.

дореволюционного чиновничества и других отрядов служащих, в последнее время активно исследовалась советская номенклатура. Но практически вне фокуса внимания осталось положение государственных служащих в антибольшевистский период Гражданской войны, если не считать упоминания этой проблемы в монографии В.Д. Зиминной, более детального исследования материального положения работников органов милиции и суда в публикациях С.П. Звягина и М.М. Степанова⁸⁰. Историки также довольно подробно рассмотрели материальное положение работников сферы образования⁸¹. Эти исследования отличает внимание к нормативной базе анализируемых проблем, обширное использование делопроизводственной документации. Исследователи солидарны в оценке материального положения служащих как неудовлетворительного и постоянно ухудшающегося, мер по индексации заработной платы – как неэффективных и недостаточных для создания прочной поддержки режима в их среде.

Социальное положение сельского населения осталось практически вне исследовательского поля. Лишь в диссертации А.А. Мышанского поднят вопрос о социальной поддержке крестьянства. Автор описывает меры по организации земствами и развитию медицинской, ветеринарной, агрономической помощи деревне, отмечает значительные расходы земств на социальные нужды и их эффективность, критикует бюрократическое отношение антибольшевистских правительств к социальным нуждам населения и недостаточность инвестиций. Но предмет исследования не позволил ему уделить достаточного внимания участию органов государственной власти в этой работе. В диссертации А.А. Мышанского преувеличены успехи земской социальной работы, некритично воспроизведены положения из отчетной документации⁸².

На рубеже XX–XXI вв. исследователи в целом отошли от анализа социальной политики как ориентированной на взаимодействие с отдельными группами населения и сосредоточились на изучении деятельности органов власти по решению острых социальных проблем. Важнейшим шагом к этому стало появление монографии И.В. Нарского, в которой такие проблемы, как

⁸⁰ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 79–80, 188–194; Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 440; Степанов М.М. Органы внутренних дел белых правительств периода гражданской войны в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 73–79.

⁸¹ Губскова Г.Г. Власть и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003; Кочурин С.А. Учительские институты в Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005; Михеенков Е.Г. Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы (лето–осень 1918 г.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 115–121; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2004. С. 37–39; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 119–134; Чеховских К.А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997; Кузьмина Е.Ф. Сибирские высшие женские курсы в г. Томске (1910–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006; Хисамутдинова Н.В. Высшее образование на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 138–141; Мамкина И.Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2006.

⁸² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири ...

бедность, безработица, беженство, эпидемии, были четко обозначены, поставлены в один ряд с проблемами борьбы за власть, насилия и террора и применительно к Уралу на уровне первого приближения успешно решены⁸³. Исследование И.В. Нарского свидетельствовало о процессе перехода к изучению совершенно новой для отечественной историографии научной проблематики, а во многом и стимулировало такой переход. Современные российские исследователи обратились к анализу медицинского обслуживания населения на востоке России, приступили к изучению проводимых органами государственной власти мер по оказанию социальной помощи беженцам, благотворительной деятельности и роли правительственных органов в ее организации. Это свидетельствует о постепенно меняющихся представлениях историков о спектре социальных проблем, решаемых властью в антибольшевистском лагере.

Организацию военно-медицинских учреждений и осуществление социальных и пенсионных выплат, помощь семьям призванных в период контрреволюции, рассмотрел Ю.П. Горелов в серии статей и монографии⁸⁴. Ему принадлежит приоритет в разработке этой темы, ранее упорно игнорировавшейся отечественными историками. Позитивным обстоятельством следует признать анализ данной проблемы в более широких хронологических рамках 1914–1918 гг., что позволило ему выявить преемственность ряда направлений социальной политики. Однако он не учел, что с завершением Первой мировой войны состояние войны для России не завершилось, а продолжалось еще несколько лет. Поэтому в принятых им временных границах предмет исследования представляется оборванным. Необходимо также отметить его фрагментарное знакомство с нормативной базой по изучаемой проблематике и поверхностное знание архивных источников. Это связано с тем, что интересующий нас период деятельности антибольшевистских правительств для Ю.П. Горелова представлялся периферийным.

Современные исследователи С.С. Ипполитов и А.А. Мышанский, не ссылаясь на публикации предшественников (в частности, Г.Х. Риппа), изучили примерно те же источники, но пришли к противоположным выводам об эффективной деятельности учреждений здравоохранения, недостатки которой они объясняли экстремальными условиями Гражданской войны. К аналогичному заключению пришла и М.В. Угрюмова на основе анализа состояния земской медицины в Тобольской губернии⁸⁵. Что касается уже упоминавшейся диссертации А.А. Мышанского, то и в ней принят сугубо ведомственный подход к рассмотрению вопроса о медицинском обслуживании. Автор использовал земские источники и старался показать деятельность на этом поприще только

⁸³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁸⁴ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

⁸⁵ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири ... С. 102–113; Угрюмова М.В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тобольск, 2004. № 1. С. 91–96.

органов местного самоуправления. С.С. Ипполитов рассмотрел медицинское обслуживание населения и армии как благотворительность, что повлекло за собой явные нестыковки в исследовании. В поле его зрения попала деятельность Российского общества Красного Креста, но за пределами анализа оказалась работа важнейших государственных структур: отдела народного здоровья МВД и главного санитарного управления Военного министерства. Тем не менее уже сейчас исследователями выявлен значительный объем фактического материала. Отчасти восполнил образовавшийся пробел военный врач и историк Л.А. Яньшин, который посвятил небольшую статью изучению структуры военно-медицинских учреждений, включая Главное военно-санитарное управление и фронтовые учреждения Российского общества Красного Креста. Вывод автора сводится к констатации использования властью всех возможностей, а также опыта Первой мировой войны для организации военно-медицинских учреждений⁸⁶.

Другой подход, более плодотворный, использует В.А. Шаламов, исследующий работу всех учреждений здравоохранения отдельного сибирского региона – Забайкальской области. Он полагает, что при всех объективных сложностях организационного и финансового характера медицинские службы Забайкалья совершили несколько фатальных ошибок, в том числе из-за неспособности даже Г.М. Семенова, сльвущего диктатором, предпринять жесткие меры установления карантина и мобилизации средств и кадров⁸⁷.

Более активному изучению подверглась деятельность благотворительных организаций, не только зарубежных, но и российских. Диапазон современных оценок благотворительной деятельности государств-участников интервенции раскинулся от традиционного обличительства, по духу близкого советскому (С.С. Ипполитов, Н.Г. Линчевская, Е.А. Привалова), до признания американцев единственной силой, способной оказывать помощь населению в тылу и на фронте (П.Л. Нестеренко)⁸⁸. Но некоторые авторы, оставаясь в стороне от споров о сущности зарубежной благотворительности, вводят в научный оборот фактический материал о деятельности Российского общества Красного Креста, общероссийских и местных филантропических организаций⁸⁹.

⁸⁶ Яньшин Л.А. К истории медицинского обеспечения войск Белого движения на востоке России (1918–1920 гг.) // Военно-медицинский журнал. 2014. № 7. С. 55–63.

⁸⁷ Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (осень 1918 – весна 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 156–166.

⁸⁸ Линчевская Н.Г. Американский «Красный крест» в Западной Сибири (1919 г.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 161–163; Привалова Е.А. «Русский эксперимент». Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.). М., 2006; Нестеренко П.Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 215–218.

⁸⁹ Сизов С.Г. Благотворительность и социальная помощь в Белом Омске (1918–1919 годы) // Социально-гуманитарный вестник: всерос. сб. науч. тр. Краснодар, 2017. Юбил. вып. 20. С. 26–30; Тишкина К.А. Восстановление деятельности благотворительных организаций Западной Сибири в 1918–1919 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2(94). С. 140–144; Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи

Российские историки начали изучение миграций и государственной миграционной политики в годы Гражданской войны. Одним из первых рассмотрел тему беженства В.В. Минаев наряду с организацией медицинского обслуживания армии и населения⁹⁰. Попутно он впервые осветил такие проблемы, как дестабилизирующее воздействие беженства и наплыва эмигрантов из Китая на рынок рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке. Ценно обращение автора к архивным материалам, умение обнаружить взаимосвязь различных социально-экономических процессов и явлений друг с другом. Но попытка рассмотреть в одной статье и реформы денежного обращения, и динамику потребительских цен, и регулирование продовольственного рынка, и борьбу с эпидемиями не позволила сосредоточиться на ключевых проблемах, привела к поверхностному их анализу. Переселенческую политику автор совершенно необоснованно объединяет с государственной помощью беженцам. Недоумение вызывает и формулировка темы, слабо связанная с исследуемым материалом. Спустя много лет в соавторстве с С.С. Ипполитовым В.В. Минаев опубликовал статью, структурно и по охвату научных проблем повторившую уже изданную ранее. Авторы привлекли значительный новый архивный материал, но концептуально воспроизвели ранее опубликованные выводы⁹¹.

Оценка масштаба и динамики вынужденных миграций гражданского населения России и в частности ее восточных регионов в годы Гражданской войны⁹² дана целым рядом исследователей, анализировавших проблему, как правило, в более широких хронологических рамках. Они затрагивали период Первой мировой войны в тесной взаимосвязи с последующими годами Гражданской войны и даже началом 1920-х гг. Беженство стало предметом изучения не только в общероссийском масштабе, но и в региональных, а также локальных территориальных рамках⁹³. Очевидно, данная проблематика в последние годы становится одной из приоритетных. Исследователи сформулировали вывод о глубоком негативном влиянии вынужденных миграций на

помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. С. 179–225; и др.

⁹⁰ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 207–224.

⁹¹ Ипполитов С.С., Минаев В.В. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время второй смуты // Новый исторический вестник. 2013. № 37. С. 27–45.

⁹² Морозова О.М., Трошина Т.И. Тыл войны без фронта: невоюющее население в условиях Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 2015. С. 165–179; Нарский И.В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 44–58; Суржикова Н.В. Российское общество vs российское беженство 1914–1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9(400). С. 88–98.

⁹³ Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007; Звягин С.П. Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. Томск, 2008. С. 112–116; Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до Гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205; Сизов С.Г. Беженцы в Белом Омске (1918–1919 гг.) // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. стат. Ижевск, 2018. С. 330–342.

общую социальную ситуацию, но количественные оценки беженства остаются очень приближенными.

Близко к проблемам беженства примыкает изучение истории военного плена. Если в советской историографии рассматривалось исключительно участие военнопленных в вооруженной борьбе на стороне «белых» или «красных», одновременно как часть военной политики и как процесс этнической мобилизации, то на современном этапе анализу подвергнуты совершенно новые аспекты темы – повседневность, материальное положение, трудовое использование, режим содержания военнопленных на востоке России. Военный плен также изучается обычно в более широких хронологических рамках. Политика антибольшевистских правительств в отношении военнопленных стала важнейшей составляющей таких исследований⁹⁴.

Впервые историки уделили внимание усилиям антибольшевистских правительств по обеспечению социально незащищенных слоев населения. Эти усилия не ограничивались помощью беженцам. Статья томского исследователя Е.В. Лукова была первой публикацией, посвященной государственному призрению⁹⁵. Заслугой автора является тщательный анализ законодательных и официальных информационных источников. Е.В. Луков впервые показал, что поддержка социально обездоленных четко осознавалась лидерами антибольшевистского движения как совершенно особое направление внутренней политики. В статье обозначены основные направления государственной политики в области призрения и ключевые достижения в рамках каждого из них. Но небольшой объем публикации и акцент на официальные источники не позволили автору отразить всю сложность ситуации, подчас далекую от той, что рисовала на своих страницах широко используемая им газета «Правительственный вестник». Разработку темы продолжили К.А. Тишкина, привлекая в том числе материалы сибирской прессы, С.С. Пай и ряд других авторов⁹⁶. Появились и монографии, посвященные истории крупных городских центров в годы Гражданской войны. В них проблемы социальной политики правительственных органов и городских властей занимают одно из центральных мест и детально проанализированы на локальном

⁹⁴ *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; *Талалин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81–83; *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

⁹⁵ *Луков Е.В.* Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 182–194.

⁹⁶ *Пай С.С.* Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 годах // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 149–154; *Тишкина К.А.* Помощь возвращавшимся из плена в 1918–1920 гг. русским воинам (на примере Западной Сибири) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 161–179; *Скажутин Д.В.* Учреждения призрения города Читы в 1917–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 227–232.

уровне⁹⁷. Процесс накопления фактического материала происходит пока без выхода на новый уровень обобщений и выводов.

Сравнительно недавно в российской историографии появились публикации, формулирующие в качестве самостоятельной исследовательской задачи изучение социальной политики антибольшевистских правительств, но в территориальных рамках отдельных регионов (Поволжье, Амурская область), а не всего востока России. Одна из них принадлежит В.В. Иванову и М.А. Кудинову⁹⁸. В третьей части, многообещающе названной «Социальные преобразования Комуча», они рассмотрели только вопросы заработной платы поволжских учителей и открытия новых учебных заведений. Основным вывод сведен к констатации прогрессивного характера социальной политики Комуча. Очевидно, что авторы обошли молчанием большинство сюжетов, относящихся к теме, заявленной в качестве предмета анализа данной главы. Статья Н.Н. Кабытовой посвящена анализу исключительно аграрно-крестьянской политики Комуча вопреки более широкой формулировке заглавия⁹⁹. С.В. Макаrchук также обозначил социальную политику Комуча как самостоятельную научную проблему, но рассмотрел лишь один сугубо источниковедческий аспект – пришел к выводу, что, судя по делопроизводственным документам Комуча, его намерения решать социальные проблемы были вполне серьезными¹⁰⁰. Другим примером служит небольшая статья Е.В. Семеновой. В ней описано функционирование земских благотворительных учреждений Благовещенска в условиях острого финансового дефицита¹⁰¹. Заглавие монографии В.Т. Тормозова, Г.И. Письменского и А.Г. Письменского свидетельствует о намерении авторов рассмотреть два направления политики белого движения – национальную и социальную. В действительности авторы рассмотрели только национальный вопрос¹⁰². Вопрос о мерах социальной поддержки Временным Сибирским и Российским правительствами нуждающихся беженцев, членов семей призванных и возвращавшихся из плена военнослужащих в Енисейской губернии

⁹⁷ Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018; Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.). Омск, 2018.

⁹⁸ Иванов В.В., Кудинов М.А. «Третий путь» в социальной революции 1917–1921 гг.: проблемы социальных преобразований в годы гражданской войны. (На материалах Комитета членов Всерос. Учред. собрания). М., 2003.

⁹⁹ Кабытова Н.Н. Социальная политика Комуча (1918 г.) // Известия Самарского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 4. С. 95–99.

¹⁰⁰ Макаrchук С.В. Вопросы социальной и культурной политики в распорядительной документации Комуча // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2016. № 35. С. 83–90.

¹⁰¹ Семенова Е.В. Опыт дальневосточных органов местного самоуправления в решении социальных проблем в 1917–1920 гг. // Вестник Амурского госуниверситета. Сер.: Гуманитарные науки. Благовещенск, 2003. Вып. 20. С. 53–55.

¹⁰² Тормозов В.Т., Письменский Г.И., Письменский А.Г. Гражданская война и белое движение: вопросы национальной и социальной политики. М., 2013. Социальная политика фигурирует в заглавии только одной главы книги из девяти – Раздел III. Гл. 2. Деятельность Комуча и Директории в национальной и социальной сфере (С. 393–413). Но и в этой главе весь текст связан исключительно с национальными движениями на востоке России.

рассмотрели в специальной статье Т.А. Катцина и Л.Э. Мезит¹⁰³. Авторы ввели в научный оборот ценные сведения о реализации мер помощи населению на уровне конкретной губернии. Но общая характеристика социальной политики антибольшевистских правительств не отличается новизной. Красноярские историки опирались на извлеченные из архивов документы, большинство из которых введены в научный оборот ранее, а многие даже опубликованы. Результат усилий современных российских историков по изучению социальной политики заключается в накоплении фактического материала по ее отдельным аспектам и в региональных территориальных рамках без четкого понимания общей структуры социальной политики и места в ней исследованной проблемы.

Багаж современной российской историографии не ограничивается проанализированными публикациями. Начиная с середины 1990-х гг. неуклонно растет активность изучения краеведческих проблем, выходят издания, посвященные истории городов или местностей в годы Гражданской войны или в более широких хронологических рамках. В них не выделяется проблема социальной политики антибольшевистских правительств, но встречается фактический материал, имеющий непосредственное отношение к изучаемой в диссертации проблематике.

Подводя общий итог, отметим, что изучение отдельных направлений социальной политики антибольшевистских правительств началось в 1920-х гг., причем исключительно ее социально-классовые аспекты. Тогда были заложены основные подходы, сформированы оценки, долгое время казавшиеся бесспорными. В 1950–1980-е гг. расширилась источниковая база исследований, но они сохранили прежнюю методологию, неизменной осталась и приоритетная тематика. Эмигрантская и зарубежная историография практически не содержат оригинальных исследований о социальной политике в целом являясь вторичными по отношению к советской и современной российской историографии. Исключение составляет хорошо исследованная англоязычной историографии деятельность в России иностранных гуманитарных миссий. Современная российская историография, опираясь на опыт советских, эмигрантских и зарубежных исследователей, интегрирует опыт предшественников. Такой синергетический эффект позволил существенно расширить тематику исследований и не просто прирастить, но и принципиально изменить источниковую базу, построенную с опорой преимущественно на источники антибольшевистского лагеря.

В последние годы предпринято несколько попыток анализировать социальную политику как особую сферу деятельности государственных органов в антибольшевистский период. Но те, кто ставил перед собой такую задачу, имели приблизительное представление о реальной структуре исследуемых научных проблем, о масштабах источниковой базы, которой обеспечена

¹⁰³ Катцина Т.А., Мезит Л.Э. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 4. С. 78–91.

данная тема. В существующих публикациях претензии авторов на обобщающий анализ социальной политики антибольшевистских правительств или даже ее сравнение с советской социальной политикой не подкреплены анализом соответствующего материала¹⁰⁴. В историографии идет преимущественно накопление фактического материала по отдельным направлениям социальной политики или частным научным проблемам, решаемым нередко на материалах одного из правительств или на региональном материале. Даже нормативная документация о социальной политике и ее основных направлениях привлекалась большинством авторов крайне фрагментарно, главным образом путем выявления отдельных архивных копий нормативно-правовых актов. Между тем достаточно полное знакомство с законодательными источниками является начальной стадией любого исследования.

Ряд ключевых проблем социальной политики антибольшевистских правительств остался не только не решенным, но даже сама задача их изучения в историографии не была поставлена. Именно так обстоят дела с социальными выплатами, индивидуальными и коллективными социальными трансфертами; общими закономерностями, региональными и профессиональными особенностями оплаты труда рабочих и служащих и государственными мерами по регулированию этой сферы. Отсутствует сравнительный анализ мер различных органов власти в области мобилизации труда. В научной литературе не сформировалось представление о структуре и основных направлениях социальной политики антибольшевистских правительств.

Следует отметить крайнюю неравномерность изучения социальной политики антибольшевистских правительств. Наибольшее внимание уделено деятельности Временного Сибирского и Российского правительств. В результате применительно к Сибири многие сюжеты изучались давно и продолжают постоянно фигурировать в новейших публикациях. В значительно меньшей степени проанализирована ситуация на Урале и в Поволжье. Причем многие авторы при освещении действий властей этих регионов не выходят за рамки советской парадигмы. Применительно к Забайкалью и Дальнему Востоку в 1920–1922 гг. вопрос о социальной политике антибольшевистских правительств в историографии пока даже не ставился.

Многочисленные обобщающие исследования по истории Гражданской войны в России постоянно возвращаются к вопросу о причинах победы большевиков и поражения их противников, социальной цене и издержках противоборства «красных» и «белых». Большинство авторов концентрируются на проблемах политической борьбы «в верхах» большевистского руководства или «белого» генералитета, репрессивных действиях по отношению к политическим противникам и населению. Однако стоящие перед государственной властью задачи не сводились только к обеспечению военной победы над противником и формированию для этого социальной опоры власти.

¹⁰⁴ *Фельдман М.А.* К вопросу о социальной политике ...

Наряду с данной целью существовала необходимость сохранения социума, оказавшегося перед угрозой вымирания от голода, эпидемий, репрессий. В какой-то степени решение этих задач консолидировало власть и общество, усилило их единство. Но, с другой стороны, отвлечение сил и средств на решение социальных проблем несло демобилизующий характер, снижало степень концентрации ресурсов на решение военных проблем.

Каждый из противоборствующих режимов стремился найти оптимальный баланс военно-мобилизационных и социально-реабилитационных мероприятий. Эта задача решалась именно на уровне выработки и реализации социальной политики. Следовательно, на ее изучении исследователям необходимо сконцентрировать усилия. Это правомерно не только по отношению к политическим режимам, руководители которых осознавали значимость социальной политики и воспринимали ее как самостоятельное направление своей деятельности. Отсутствие активной социальной политики также должно стать предметом специального анализа. Только в этом случае можно выйти на уровень сравнения характера взаимодействия власти и общества в России в целом, в каждом из противоборствовавших лагерей, а также в отдельных регионах.

Цель исследования – изучить основные направления, методы реализации и результаты социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России с июня 1918 по октябрь 1922 г. как часть российского и мирового опыта. Для достижения цели необходимо решить следующие научные задачи:

- охарактеризовать состояние социума, институтов государственной власти и общественной самоорганизации в антибольшевистском лагере на востоке России;
- определить структуру, принципы и приоритеты социальной политики органов государственной власти и управления антибольшевистских правительств на востоке России;
- проанализировать основные направления социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России;
- проследить характер взаимодействия государственных и общественных институтов в процессе выработки и проведения в жизнь основных направлений социальной политики;
- выявить особенности эволюции социальной политики различных антибольшевистских политических правительств;
- рассмотреть результаты реализации социальной политики органов власти и управления в антибольшевистском лагере на востоке России;
- установить роль органов государственной власти в амортизации или усугублении негативных социальных последствий войны для общества и причины, препятствовавшие эффективному выполнению государством своих социальных функций.

Объект исследования охватывает органы государственной власти и управления и общество восточных регионов России в антибольшевистский период Гражданской войны.

Разные регионы на востоке страны в разное время находились под властью нескольких правительств и органов регионального управления. Это Комуч, Прикомуч, Временное областное правительство Урала, Оренбургское войсковое казачье правительство, Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, Временное Российское правительство (Директория), Российское правительство, Иркутский политический центр, Временное правительство автономной Сибири, Временное правительство Амурской области, органы высшей власти, действовавшие при главнокомандующем вооруженных сил Российской восточной окраины, Временное правительство – Приморская областная земская управа (Временное правительство Дальнего Востока), Временное Приамурское правительство, Правитель Приамурского земского края, а также несколько национальных и сословных органов власти, претендовавших на роль автономий.

Все указанные органы власти и управления обладали двумя важнейшими общими качествами. Они не признавали или не использовали советское законодательство и вели свою правопреемственность от дооктябрьского периода (нормативно-правовая база царского и Временного правительств). Кроме того, каждое из правительств, приходя на смену другому, опиралось на нормативную базу, введенную предшественниками, и развивало ее. Это происходило даже в случаях государственных переворотов (18 ноября 1918 г. в Омске, 31 января 1920 г. и 26 мая 1921 г. во Владивостоке) или победы в результате вооруженного восстания (5 января 1920 г. в Иркутске). Важно, что при всех этих органах власти изучаемая территория являлась лагерем контрреволюции, они представляли собой относительно единый континуум деятельности общественных сил, хотя не исключено, что в отдельные периоды та же территория становилась плацдармом для активной организации сторонников советской власти. Не все изучаемые органы власти являлись контрреволюционными. Отметим также, что не все они имели название «правительство», некоторые являлись единоличными диктатурами с управлениями при диктаторе (Г.М. Семенов, М.К. Дитерехс) или иными формами государственных образований.

Основное внимание в диссертации фокусируется на анализе социальной политики Временного Сибирского и Российского правительств как наиболее значимой и результативной. Кроме того, Иркутский Политический центр и Временное правительство – Приморская областная земская управа не являлись антибольшевистскими органами. Они предусматривали примирение с советской властью, рассчитывая при этом сохранить относительную автономию и независимость от Москвы. Однако, во-первых, они также выступили правопреемниками действовавших ранее антибольшевистских правительств, во-вторых, не будучи советской властью, эти региональные органы продолжали небольшевистскую альтернативу государственного строительства и внутренней политики, и наконец, в-третьих, ситуацию в Восточной Сибири при Иркутском Политическом центре и в Приморье в 1920 – начале 1921 г. можно с одинаковым основанием относить одновременно к двум противодействовавшим лагерям Гражданской войны, а следовательно, для

более глубокого понимания основных тенденций социальной политики в антибольшевистском лагере их правомерно и даже необходимо включить в рамки настоящего исследования.

Реализация политики всегда есть процесс взаимодействия власти и общества. Население являлось объектом управления со стороны правительственных органов. К важнейшим способам самоорганизации общества следует отнести органы местного самоуправления, общественные организации и их объединения. Через них общественные силы и социальные группы оказали ощутимое влияние на формирование социальной политики и подвергались ее воздействию. Общественное мнение и общественные настроения формировались открыто через прессу и иные способы выражения, в том числе через политические действия, выражающие ожидания, поддержку или протест. Одновременно разные группы населения в разной степени являлись получателями социальной помощи от государственных и общественных доноров.

Предмет исследования – деятельность органов государственной власти и управления, направленная на организацию и регулирование социальной сферы, поддержание качества и уровня жизни населения, удовлетворение социальных потребностей личности и социальных групп населения. Социальная политика неразрывно связана с экономической, зависит от возможностей органов власти аккумулировать и распределять экономические ресурсы, в то же время прямо и косвенно влияет на объем ресурсов в распоряжении государства. Сама социальная политика в значительной мере является системой мер распределения властью ресурсов в интересах отдельных групп населения и общества в целом.

Отраслевая структура социальной политики задается конкретными обстоятельствами. В разных условиях на первый план могут выступать различные ее части, а некоторые – просто отсутствовать. Поэтому иерархия изучаемых научных проблем и структура самого исследования определяются конкретно-исторической реальностью. В антибольшевистский период Гражданской войны на востоке России к социальной политике относится деятельность правительственных органов по регулированию социально-трудовых отношений, меры социальной защиты населения в целом и его отдельных групп, управление сферой здравоохранения.

Территориальные рамки исследования включают все пространство востока России (Поволжье, Прикамье, Урал, Степной край, Сибирь и Дальний Восток, полосу отчуждения КВЖД), находившееся под властью антибольшевистских сил в разные периоды Гражданской войны.

Хронологические рамки определяются периодом существования антибольшевистских политических режимов на востоке России. Начальная хронологическая граница (конец мая – начало июня 1918 г.) обусловлена созданием первого государственного образования на востоке России, альтернативного советской власти, конечная (октябрь 1922 г.) – падением последнего антибольшевистского государственного образования на Дальнем Востоке.

Теоретические и методологические основы исследования. Конкретно-исторический характер исследования предполагает опору на исторические методы, но его целью обосновано использование инструментария смежных общественных наук: политической философии, политической теории, социологии, правоведения, экономики, конфликтологии.

При систематизации и интерпретации исторических фактов широко использовались проблемно-аналитический, историко-генетический и историко-сравнительный методы, метод периодизации.

Проблемно-аналитический метод применен при структурировании материала в диссертации. Каждая глава посвящена анализу одного из направлений социальной политики. В отдельных параграфах изучению подвергнуты близкие, тесно связанные проблемы социальной политики.

Историко-генетический метод позволил рассматривать изучаемые явления в более широком историческом контексте, прослеживая отдельные направления и приемы осуществления социальной политики от их зарождения в недрах имперского периода, с учетом эволюции в последующие исторические эпохи. Этот описательно-динамический способ рассмотрения материала с акцентом на генезисе изучаемых явлений применялся не только для того, чтобы проанализировать происхождение явлений социальной жизни и социальной политики времен Гражданской войны. Данный метод также открывает возможность рассмотреть и объяснить дальнейшую эволюцию социальной политики в России уже после Гражданской войны.

К особенностям применения историко-сравнительного метода в диссертационном исследовании следует отнести использование преимущественно вариативных сравнений между способами решения схожих проблем царским, Временным, советским и различными антибольшевистскими правительствами путем поиска нестрогих аналогий. Сравнялось их законодательство и практическая деятельность, выявленный материал сопоставлялся с опытом других стран и эпох, что позволило выявить общее и особенное в изучаемом материале. Но при этом акцент делался на номотетический поиск общих закономерностей социальных и экономических процессов, протекавших в разных сообществах на сходных стадиях развития, независимо от политического строя и господствовавшего экономического порядка.

Метод периодизации не имел широкого применения при исследовании конкретно-исторического материала. Хронологическая краткость и динамичность изучаемой эпохи не позволяла наметить внутренние рубежи. Но историографические процессы анализировались в том числе и путем вычленения внутренних периодов.

Свою индивидуальность, специфичность исследование приобретает благодаря широкому применению подходов смежных общественных наук, расширяющих аналитические возможности использования конкретно-исторического материала, позволяющих не только описать и систематизировать, но и объяснить полученные факты.

Но прежде чем перейти к их последовательному рассмотрению, необходимо определить базовое понятие диссертации (социальная политика), так как от этого зависит и структурирование исследования, и комплекс теоретических подходов, используемых для интерпретации исторической реальности.

Термин «социальная политика» широко используется в практике, употребляется в научных исследованиях и официальных документах, но в то же время давно идет широкая научная дискуссия об объеме и содержании этого понятия¹⁰⁵. Со времен Древнего Египта и Вавилона в истории человечества не существовало ни одного государства, которое бы не проводило социальную политику. Но если как практика она воплощает в себе многотысячелетний опыт человечества, то как теоретическая доктрина возникла менее двухсот лет назад¹⁰⁶. За это время представления о ней пережили несколько парадигматических поворотов. Немецкие социологи рубежа XIX–XX вв. Р. Ван-дер-Боргт и В. Зомбарт противопоставляли социальную политику индивидуальной, отнеся к первой всякую деятельность государства, направленную на формирование социальных общностей и социальную дифференциацию населения¹⁰⁷. Выдвинутые дефиниции критиковались за то, что страдают неопределенностью и позволяют распространить это понятие на всю политику вообще, лишь выделяя в ней социальные аспекты¹⁰⁸. Тем не менее в отечественной исторической науке под социальной понимали политику государства по отношению к различным слоям общества. Предметом изучения историков дореволюционного и советского прошлого, опиравшихся именно на такую парадигму, становились дворянская, крестьянская, рабочая политика.

На Западе уже давно, а в последние два десятилетия и в отечественных гуманитарных науках сформировались новые подходы к изучению данного феномена¹⁰⁹.

Наибольшее распространение получила формулировка Н.А. Волгина. Под социальной политикой он понимает взаимоотношения основных элементов социальной структуры общества (классов, социальных общностей), связанные с сохранением и изменениями социального положения населения в целом и составляющих его классов, слоев, общностей¹¹⁰. В более позднем издании присутствует другое определение: «Социальная политика – система (совокупность) мер

¹⁰⁵ Яворская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 18.

¹⁰⁶ См. подробнее: Голубева Л.Ф. История развития системы социальной политики в обществе // Социально-экономические системы и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 39–40.

¹⁰⁷ Боргт Р. ван дер. Основы социальной политики. СПб., 1904. Т. 1. С. 1–16; Зомбарт В. Идеалы социальной политики. СПб., 1906; переиздана: Зомбарт В. Избранные работы. М., 2005. С. 169–32.

¹⁰⁸ Водовозов В. Социальный вопрос и социальная политика // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96358; см. также: Балюшина Ю.Л. Социальная политика: понятие и сущность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 56.

¹⁰⁹ Большая часть российских авторов, пишущих о социальной политике, предпочитает обходиться без определений. См.: Холостова Е.И. Социальная политика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2000. С. 16–25.

¹¹⁰ Социальная политика: толковый словарь. М., 2002. С. 147.

(действий, мероприятий), принимаемых ее субъектами и направляемых на повышение уровня жизни населения... система взаимодействия и взаимоотношений социальных групп общества по жизнеобеспечению населения, росту уровня и качества его жизни»¹¹¹. В соответствии с данной концепцией государство не является монополистом в проведении социальной политики. Ее проводят все субъекты, обладающие достаточным влиянием на политическую сферу. В публикациях возглавляемого Н.А. Волгиным авторского коллектива социальная политика структурируется на уровни: государственная (субъект – государство), региональная (субъект – региональные органы власти), муниципальная (субъект – органы самоуправления), корпоративная (субъект – предприятия и организации). При определенных плюсах предлагаемые определения страдают двумя серьезными недостатками. Во-первых, они позволяют относить к социальной политике ничем не ограниченный круг политических и социальных взаимодействий самых разнообразных субъектов. Во-вторых, государство как важнейший институт реализации социальной политики оказывается растворен среди уровней и субъектов.

Принципиально другой подход предлагают авторы, которые при изучении социальной политики отталкиваются от анализа социальной работы. В рамках данного подхода наиболее четко определяет социальную политику И.Г. Зайнышев: «Это составляющая часть внутренней политики государства, воплощенная в его социальных программах и практике и регулирующая отношения в обществе в интересах и через интересы основных социальных групп населения»¹¹². Здесь четко и однозначно выражена мысль, что субъектом осуществления социальной политики является государство. Даже если речь пойдет о деятельности общественных организаций, социальная политика будет заключаться в ее государственном регулировании. Объект социальной политики достаточно четко выразил В.М. Капицын. Он определяет ее как совокупность «разноуровневых властных управленческих воздействий, обеспечивающих солидарную поддержку жизнедеятельности групп населения, потенциально или реально подверженных рискам (физическим, природным, профессиональным), в целях консолидации общества и стабильности политической власти на основе правового регулирования»¹¹³. Возможно, стабильность политической власти здесь не так важна, как представляется автору. В данном определении присутствуют два принципиальных момента. Во-первых, подчеркнуто, что речь должна идти о процессе государственного управления обществом, во-вторых, выражена идея о направленности социальной политики на обеспечение отдельных категорий населения, но их круг определяется наступлением оговоренных

¹¹¹ Социальная политика: учебник / ред. Н.А. Волгин. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 10.

¹¹² Зайнышев И.Г. Взаимосвязь социальной политики и социальной работы. М., 1994. С. 6.

¹¹³ Капицын В.М. Социальная политика и право: сущность и взаимозависимости // Российский журнал социальной работы. 1998. № 8. С. 82, 83.

обстоятельств, т.е. речь идет об организации государством страхования социальных рисков при участии общества.

Большинство авторов отмечает, что провести четкую границу между узкой трактовкой социальной политики, ее ядром и широкой трактовкой охватывающих государственное регулирование социальных отношений вообще довольно сложно. Поэтому нередко в поле зрения исследователей попадают социальные аспекты налоговой и промышленной политики, а применительно к странам с дефицитной экономикой и активным вмешательством государства в экономику – распределение потребительских товаров и услуг. Конечно, очень заманчиво попытаться осмыслить весь социальный срез внутренней политики, а также усилия государства по поддержанию социальной стабильности. В широком смысле слова все это тоже социальная политика. Однако охватить такой широкий круг проблем и сделать значимые выводы в рамках одного диссертационного исследования невозможно. Более оправданным является узкое очерчивание контуров социальной политики. В данном исследовании под социальной политикой понимается совокупность конкретных решений и мероприятий органов власти и управления, направленных на организацию и регулирование социальной сферы. Данная трактовка позволяет ограничить предмет исследования социальной политики. Таким образом, будет рассмотрена та деятельность органов власти и управления, которая нацелена на создание условий для общественного благосостояния путем регулирования доходов, обеспечение оптимальной занятости и нормального воспроизводства населения, поддержки незащищенных слоев общества и организации инфраструктуры, обеспечивающей социальную стабильность.

Важнейшей методологической задачей является определение структуры социальной политики. В современной литературе ее определяют применительно к обществу второй половины XX в. Многие ее направления в годы Гражданской войны либо отсутствовали, либо находились в зачаточном состоянии, другие – усиливались и выходили на первый план. В данном исследовании ее структура будет определена исходя из конкретно-исторической реальности периода Гражданской войны. Немецкий экономист В. Ойкен сформулировал тезис о социальной политике как производной от определяющего ее общего экономического порядка. На его концепции есть смысл остановиться подробнее, так как он убедительно объясняет разную структуру социальной политики в советском и антибольшевистском лагерях. В. Ойкен выделяет социальную политику общую (снабжение населения, социальная справедливость и социальное обеспечение) и особенную (условия ведения домашних хозяйств, функционирование предприятий и рынка труда). В экономике относительно свободной конкуренции снабжение населения и условия ведения домашних хозяйств определяются институтами рынка. Государство выступает только в роли регулятора экономических институтов. В экономике централизованного управления государство

берет на себя снабжение населения, управление предприятиями¹¹⁴. Советская Россия и антибольшевистские окраины представляли собой разные экономические порядки. При общих корнях в области права и управленческой практике социальная политика у них имела разную структуру и базировалась на разных принципах.

К своеобразному «ядру» социальной политики периода революции и Гражданской войны следует отнести, во-первых, регулирование социально-трудовой сферы в самом широком значении, которое включает меры по формированию доходов населения через заработную плату и социальные выплаты, разрешение трудовых конфликтов и социальное страхование; во-вторых, мероприятия по организации социальной помощи нуждавшимся, прежде всего через органы социального призрения и систему здравоохранения. В условиях передела собственности меры по регулированию имущественных прав правомерно относить к регулированию социальной сферы. Но находясь на стыке социальной и экономической политики, мероприятия, связанные с урегулированием имущественных прав, проводились органами экономического управления и не могут считаться самостоятельным направлением социальной политики. Образование и культура в принципе относятся к социальной инфраструктуре, но государство проводит в этих сферах отдельную политику, имеющую самостоятельное значение, и реализуется она особыми органами управления. По причине пограничности данных направлений в диссертации они не рассматриваются. Их анализ потребовал бы самостоятельного исследования, в значительной мере не связанного с целью и задачами. Жилищная, рекреационная, экологическая политика начинали складываться в качестве самостоятельных направлений социальной политики. Можно проследить самостоятельную политику в отношении молодежи, женщин, охраны детства и материнства. Но с точки зрения поставленных в диссертации исследовательских задач все они имеют периферийное значение и будут рассмотрены лишь по мере целесообразности в связи с реализацией основных упомянутых выше направлений.

Очевидно, что объект диссертационного исследования является исследовательским конструктом. Современники изучаемых событий не определяли социальную политику как особое направление внутренней политики, политические лидеры и представители высших эшелонов власти, принимая решения и реализуя их, воспринимали свои действия как разработку и осуществление отдельных разрозненных направлений внутренней политики, не объединенных общим понятием «социальная политика». Но переход от разрозненного эмпирического знания к концептуальному, теоретическое осмысление собранных фактов, «перевод» выявленной в источниках информации на современный научный язык невозможны без подобного теоретического конструирования с опорой на современное гуманитарное знание.

¹¹⁴ *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 403–416.

При постановке общих и частных исследовательских проблем необходимо учитывать ответы на ключевые методологические вопросы: как определить цель социальной политики, диапазон методов ее достижения, каковы достоинства и издержки применения разных методов реализации социальной политики?

Одной из важнейших целей социальной политики является достижение относительной социальной справедливости¹¹⁵. Социальная система в состоянии стабильности и катастрофического распада ведет себя различно. Большинство теоретиков интересовало содержание принципов социальной справедливости в условиях стабильного роста благосостояния¹¹⁶. Но теоретические положения социальных философов, рассуждавших о проблемах стабильного общества, становятся еще более актуальны в ситуации войны и социально-экономического кризиса. Как писал американский философ Дж. Ролс, формальное соблюдение справедливости, т.е. строгое следование установленным законам, не тождественно реальной справедливости (которую он трактует как честность). Он провозглашает важный базовый принцип: «Законы и институты, как бы они ни были эффективно и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы»¹¹⁷. Важнейшим критерием социальной справедливости Дж. Ролс считал наличие общественного договора – согласия участников отношений по поводу предмета социального конфликта. Эту идею дополнил другой американец, Д. Смит, отнесший к важнейшей функции государства выработку однозначных трактовок вопросов социальной справедливости, следование которым государство и должно обеспечивать неукоснительно. Правда, автор пишет, что социально справедливая политика возможна, если люди, от которых зависит ее осуществление, рассматривают свое общество и его институты с позиции тех, кто оказывается в нем в наихудшем положении¹¹⁸.

Проблема критериев справедливости стала предметом дискуссий. В своих более поздних публикациях Дж. Ролс признавал наличие в любом обществе не единой главенствующей (конвенциональной) трактовки социальной справедливости, а набора трактовок. Эту идею развил его критик и интерпретатор А. Сен, предложивший дополнительные критерии справедливости (внешняя экспертиза). Он предложил различать социальную справедливость, достижимую и потенциально возможную, т.е. декларируемую как ценность, и стратегическую цель, а также показал, что любой достигнутый социальный консенсус будет иметь не универсальный, а локальный характер¹¹⁹. Немецкий социальный философ П. Козловски показал, что достигнутое

¹¹⁵ Обзор существующих концепций решения данной проблемы см.: *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М., 2005. С. 259–270.

¹¹⁶ См. подробнее: *Козлов М.И.* Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010. С. 7–138.

¹¹⁷ *Ролс Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 19.

¹¹⁸ *Смит Д.* Социальное развитие и социальная справедливость // Регион. 1994. № 3.

¹¹⁹ *Сен А.* Идея справедливости. М., 2016. С. 124–125, 169–179, 206–216.

общественное согласие слишком субъективно, чтобы стать гарантией справедливости. Любой участник социальных отношений может заблуждаться от недостатка информации или идти к вынужденному компромиссу. Тогда социальный консенсус не будет справедлив и не станет эффективным механизмом социальной политики¹²⁰. Австрийский социолог А. Шюц четко сформулировал мысль, что в обыденной политической практике термин «социальное равенство» интерпретируется каждым членом социальной группы в рамках собственной системы типизации, причем с различными установками в отношении к членам своей или другой социальной группы¹²¹. Это обстоятельство тем более важно учесть, что в эпоху революции и Гражданской войны для многих политиков и государственных деятелей было характерно отождествление социального равенства с социальной справедливостью и эта идея подталкивала нередко широкие массы населения к активным действиям.

Как убедительно свидетельствуют исследования американской школы правоведов-экономистов, господствующие в обществе представления о социальной справедливости относительно индифферентны к проблеме экономической эффективности. В соответствии с представлениями упомянутой школы государство посредством правовых механизмов должно добиться не уравнительного, а экономически оправданного варианта перераспределения имеющихся ресурсов, расходов или ответственности с учетом интересов и возможностей заинтересованных сторон и побочных эффектов тех или иных решений¹²². При необходимости последствия каждого правового шага государства можно просчитать аналитически и эмпирически, а накопленный исследовательский опыт позволяет анализировать и исторический материал.

Ключевым моментом социально-философского и экономико-социологического обоснования социальной справедливости представляется проблема оправдания перераспределения. В соответствии с законом убывающей предельной полезности перераспределение относительно избыточной части доходов богатых членов общества в пользу бедных целесообразно, так как увеличивает общий уровень социальной удовлетворенности¹²³. Социальные расходы государства могут рассматриваться как форма долговременных инвестиций в человеческий капитал. Но в данном диссертационном исследовании рассматривается период глубокого экономического кризиса и войны, когда совокупный общественный доход резко снизился, а доля граждан, нуждавшихся в социальной помощи, существенно возросла. Следовательно, правильнее говорить не об инвестициях, а о социальном страховании, причем одних сограждан за счет других и всех за счет

¹²⁰ Жувенель Б. де. Этика перераспределения. М., 1995; Козловски П. Принципы этической экономии. СПб., 1999. С. 249–251, 262.

¹²¹ Шюц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 617, 636–638.

¹²² Маркуро Н., Медема С. Экономическая теория и право. От Познера к постмодернизму и далее. М., 2019.

¹²³ См., например: Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 1–2.

будущего поколения. Государство вступило на путь отчуждения части необходимого продукта не только для решения задач общественного развития (война), но и чтобы перераспределить его в пользу еще более нуждающихся, причем не посредством добровольных пожертвований или налоговой системы, но и через доход, извлекаемый государством из выпуска в обращение необеспеченных товарной массой денег¹²⁴. Формируемая таким образом система социального обеспечения должна создавать эффект, превышающий ущерб от изъятий. Иначе оправдать такую социальную политику нечем.

Однако социальное обеспечение не является сферой производства прибыли. Эта нерыночная сфера экономики связана всегда с дефицитными ресурсами и, следовательно, функционирует по принципам экономики дефицита. Анализ Я. Корнаи, Ф. фон Мизеса, Ф.А. фон Хайека показал, что, во-первых, в экономике дефицита отсутствуют стимулы для повышения эффективности, во-вторых, там неизбежно возникают квазирыночные отношения, а управленческий ресурс превращается в квазисобственность¹²⁵.

Чем больше ресурсов оттягивает на себя сфера социального обеспечения, тем значительно сдерживаются темпы экономического роста или ускоряются темпы спада производства. Экономическая логика диктует минимизацию социальных расходов в эпоху кризиса. Но существует и иная логика, акцентирующая внимание на ценности человеческой жизни. Основная дилемма государственной социальной политики – несимметричность ее анализа и оценки с точки зрения экономической эффективности и социальной целесообразности.

П.А. Сорокин, глубокий исследователь и непосредственный свидетель российской революции, убедительно доказал объективный характер распада социальной структуры общества и деструктивных изменений трудовой этики, правовой культуры, динамики демографических процессов в период революций и гражданских войн¹²⁶. По его мнению, очень большая доля ответственности в этом случае возлагается на государство. Целью государственного регулирования в периоды кризиса, полагал социолог, должно стать не просто достижение экономического эффекта, но предотвращение распада общества, его криминализации, милитаризации, демографического и морального разложения. Активная помощь бедным, больным и всем тем, кто, с точки зрения П.А. Сорокина, не способен адаптироваться к трудностям именно в силу нерушимости своих моральных принципов, есть важнейший фактор социального выживания общественного организма.

¹²⁴ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С 199.

¹²⁵ Корнаи Я. Экономика дефицита. М., 1990; Мизес Ф. фон. Социализм. М.; Челябинск, 2016; Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 2000.

¹²⁶ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003; Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005.

Ценность для данного исследования имеет анализ революций В.А. Мау, в частности, его выводы о взаимосвязи политического и экономического кризисов, их стадийности, описанные им механизмы и стадии углубления кризиса и выхода из него. Он же пишет о росте транзакционных издержек в условиях революции, что справедливо также отнести и к повышению издержек выполнения государством своих социальных функций¹²⁷.

Не остается сомнения в том, что важнейшей теоретико-методологической проблемой является изучение социальной политики с макроэкономических позиций, т.е. поиск ответов на вопросы о цене реализации выбранной ее модели, краткосрочных и долгосрочных последствий для экономики и общества.

Стоящие перед автором задачи требуют выработки адекватных подходов к оценке состояния общества в целом. Революционная эпоха представляет собой классический случай социальной аномии: распад общественных связей, эрозия укоренившихся в дореволюционном строе правовых и морально-этических норм и ценностей. Социальная сторона этого процесса выразилась в масштабной маргинализации практически всех слоев населения. Огромная масса населения оказалась за чертой бедности, остальные ощутили резкое сокращение возможностей удовлетворения своих материальных и социальных потребностей. Обнищание трансформирует социальное поведение и массовую психологию, деформирует привычные ценности¹²⁸. Милитаризация жизни значительной части населения глубоко трансформирует психику людей, является для большинства из них социально-психологической травмой и, безусловно, формирует социальную аномию. Важнейшим условием успешного проведения социальной политики является признание большинством населения справедливости тех мер, в которых она воплощается. Поведение большинства населения демонстрирует разные проявления аномии: всплеск патернализма, радикализма, девиаций. Р. Мертон отметил прямую связь социальной аномии и всплеска массовых протестных действий населения¹²⁹. Нормотворчество власти попадало на специфическую почву отрицания устоявшихся ценностей, массовый отказ от выполнения предписываемых норм.

Социальные обязательства государства в условиях революционной катастрофы следует понимать шире, чем это предлагает П.А. Сорокин, сводивший их к социальным трансфертам, перераспределению материальных ресурсов от богатой части населения к голодающей. Значительное место в государственной социальной политике в любых условиях занимает регулирование трудовых отношений, которые структурно подразделяются на два крупных блока: проблему

¹²⁷ Мау В. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М., 2017.

¹²⁸ Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, 2000. С. 121, 168–169.

¹²⁹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 254–277, 300–320.

контроля производительности труда и проблему занятости¹³⁰. Сторонниками марксизма (современниками революционных событий и исследователями) была навязана идея о классовом характере эксплуатации и оправдании контроля работника за производственным процессом. Для исследуемой проблематики имеет ценность не только опыт, накопленный социологами труда и теоретиками менеджмента ко времени Первой мировой войны (Ф. Тейлор и А. Файол)¹³¹, но и достижения более поздних теоретических школ, позволяющие сравнивать практику регулирования трудовых конфликтов в антибольшевистском лагере с более поздней советской и мировой¹³². В частности, следует обратить внимание на конфликтологию труда. Очень важно положение о том, что забастовка – это крайняя мера и, следовательно, только небольшая вершина айсберга трудовой конфликтности. Основные ее формы укладываются в рамки «оружия слабых» – термин, введенный Дж. Скоттом применительно к крестьянству¹³³, но широко применяемый при описании социально-трудовой сферы. Конфликты в сфере занятости и безработицы следует изучать через анализ рынка труда¹³⁴. Это позволяет применить к историческому материалу исследовательский инструментарий экономистов и социологов – от А. Пигу и Дж. Кейнса до К. Поланьи и Дж. Акерлофа, а также отойти от политизации контекста социально-трудовых отношений, присущей не только историографии, но и источникам¹³⁵.

Использование упомянутых выше подходов, сложившихся в социально-философской, экономической и социологической теории, позволяет проанализировать проблему эффективности социальной политики органов власти в условиях Гражданской войны, ее влияние на экономические и социальные процессы. Однако, учитывая необходимость изучения институтов власти в условиях Гражданской войны, необходимо также определить теоретические позиции по ряду спорных политических и историко-правовых вопросов.

В исследовании анализируется стадия распада государства, требующая углубленного политико-правового анализа. После Февраля 1917 г. произошел разрыв правовой легитимности, замена ее легитимностью революционного типа, которая утверждается способностью завоевывать

¹³⁰ Радаев В.В. Социология экономики. М., 2005. С. 269–315.

¹³¹ Файоль А. Общее и промышленное управление. М.; Л., 1924; Тейлор Ф.У. Научная организация труда. М., 1925.

¹³² См.: Кравченко А.И. Социология труда в XX веке: историко-критический очерк. М., 1987. С. 94–114; Романов П.В. Современные интерпретации менеджмента. Саратов, 2000; Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. СПб., 2006. С. 133–134, 322–323, 391–392.

¹³³ Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 285–287.

¹³⁴ Павленков В.А. Рынок труда. Занятость. Безработица. М., 2004.

¹³⁵ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 2.; Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег: избранное. М., 2007. С. 111–286; Акерлоф Дж. Экономика идентичности: как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М., 2010; Поланья К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2014.

и удерживать власть, подчинять своей воле население¹³⁶. Недостаточно эффективное исполнение государственной властью своих функций восполнялось обществом путем самоорганизации. Возникли разнообразные по способу формирования органы, претендовавшие на выполнение части функций государственной власти или блокировавшие осуществление властных полномочий на местах. Дефицит легитимности породил архаизацию форм организации общества. Основным фактором, генерирующим власть, становилась не легальность, а способность осуществлять насилие¹³⁷. Все это вело к размыванию самого понятия «государство». В частности, в азиатской части России сформировались государственные образования, претендовавшие на экстерриториальную автономию. Элиты отдельных экстерриториальных народов проводили этническую мобилизацию явочным порядком, ограждая сторонников от участия в общегосударственных мобилизационных акциях. Они «ломали» единое государственное пространство, хотя дальше этого их государственное строительство не пошло.

Очень важно определить природу «фрагментов» когда-то единого державного организма¹³⁸, на короткие промежутки времени возникавших на территориях, не подконтрольных советской власти. По своим географическим очертаниям они не соответствовали сложившемуся административному делению, их территория определялась текущими военно-политическими событиями. В соответствии со сложившейся традицией современной государственно-правовой теории государство принято определять через полный комплекс признаков. Однако мировая история демонстрирует, что совокупность этих признаков – явление достаточно позднее. Ими не обладали наиболее ранние государственные образования – города-государства, вожества и кочевые империи¹³⁹. Иной характер имели государственные образования, формировавшиеся в бывших европейских колониях Азии и Африки в процессе их колонизации и деколонизации в XX в. Наиболее близки по природе изучаемому явлению государственные образования, сформировавшиеся на территории Китая в эпоху милитаристов (1916–1928 гг.), Ирана (1909, 1920, 1945–1946 гг.) и Мексики (1910–1919 гг.). Деятельность правящих в таких образованиях субъектов в мировой практике принято изучать как деятельность органов государственной

¹³⁶ *Розов Н.С.* Может ли революция быть легитимной? // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 3. С. 25–31; *Шульц Э.Э.* Русская революция и проблема легитимности // Вестник Московского государственного университета. Сер. 12: Политические науки. 2017. № 1. С. 22–34.

¹³⁷ Детальный анализ насилия как фактора размывания государственной власти в 1917–1918 гг. см.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 304–390.

¹³⁸ Впрочем, и в условиях самодержавия единство было далеко не абсолютным. В разные периоды в нем насчитывалось немало государствовподобных образований. Отдельные исследователи представляют Российскую империю децентрализованной монархией с многосоставной системой управления (см.: *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; *Проскурякова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165).

¹³⁹ *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.

власти¹⁴⁰. Тот же подход утвердился и в отношении самопровозглашенных субъектов власти (*de facto states* в терминологии Н. Касперсен), образовавшихся в результате межнациональных конфликтов современности (после Второй мировой войны)¹⁴¹.

Антибольшевистские органы власти, сформировавшиеся на территории России в период Гражданской войны, имели переходный характер. Они сами определили свою власть как временную и ограниченно суверенную. Само появление множества правительств на обломках современной империи свидетельствовало о глубочайшем кризисе государства как универсального института власти в России. Он проявлялся и в отсутствии правопреемственности, и в невозможности оградить общество от масштабного частного и группового насилия, и в дефиците ресурсов для осуществления относительно эффективного регулирования социально-экономических процессов. Продукты распада прежнего суверена следует также считать суверенами, временно представлявшими собой институт государства на пространстве распавшейся империи¹⁴².

Во-первых, эти органы функционально являлись государственными. По мере возникновения они восстанавливали работу местных государственных учреждений, пытались регулировать производство и распределение ресурсов, осуществляли управление и финансирование учреждений образования, здравоохранения, принимали меры для исполнения социальных обязательств. Организационно-управленческая и распределительная функции власти одновременно становятся и средством достижения власти. Любая общественная сила, более или менее успешно их выполняющая для проживающего на определенной территории населения, вписывается в структуру социальных отношений именно как власть государственного типа¹⁴³. Следовательно, даже если выполнявшие эти функции местные учреждения не были подчинены вышестоящим правительственным инстанциям, они все равно функционировали как органы государственной власти.

Во-вторых, субъекты власти в государственных образованиях издавали нормативно-правовые акты, имевшие (часто условно, символически) общеобязательный характер. С точки зрения юридического позитивизма, нормы, издававшиеся органами власти (высшими, центральными

¹⁴⁰ *Вольский А.* История мексиканских революций. М.; Л., 1928; *Иванов С.Л.* Иранская революция 1905–1911 годов. М., 1957; *Альперович М.* Рождение Мексиканского государства. М., 1979; *Лавров Н.М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972; *McCord E.A.* The Power of the Gun. The Emergence of Modern Chinese Warlordism. Berkeley; Los-Angeles; London, 1993; *Afary J.* The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911. Columbia University Press, 1996.

¹⁴¹ *Geldenhuis D.* Contested states in world politics. Palgrave Macmillan, 2009. P. 7–66; *Ker-Lyndsay J.* The foreign policy of counter secession: Preventing of recognition of contested states. Oxford, 2012. P. 1–38, 60–77; *Unrecognized states in international system* / ed. by N. Caspersen, G. Stansfield. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2011. P. 1–41, 58–90; *Caspersen N.* Making Peas with *de facto* states // *The Annual of Language and Language of Politics and Identity*. 2016. Vol. 10. P. 7–18; *Маркедонов С.М.* Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 24–40.

¹⁴² *Емцов Г.Н.* Государство и право в условиях гражданской войны. Красноярск, 2006. С. 23, 29.

¹⁴³ *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2001. С. 90–94.

или местными), являлись правом. Здесь целесообразно обратиться к определениям Д. Остина, Г. Кельзена и К. Шмитта. Первый говорил, что право – это совокупность приказов, издаваемых сувереном для своих подданных¹⁴⁴. Г. Кельзен писал, что «правительство, независимо от других правительств осуществляющее эффективный контроль над населением определенной территории, есть легитимное правительство, а население, живущее на этой территории и контролируемое этим правительством, образует государство. При этом не важно, осуществляет ли правительство эффективный контроль на основании уже ранее существовавшей конституции или на основании конституции, установленной им в результате революции»¹⁴⁵. Важно и другое рассуждение Г. Кельзена: революционная замена власти одного правительства другим, как правило, не уничтожает старого правопорядка, а производит его более или менее целостную рецепцию на основании новой конституции¹⁴⁶. Возникшие на востоке России органы власти конституировали себя как временные общероссийские или региональные, действовали на основе прежнего правопорядка и активно его реформировали в рамках принятой на себя власти.

В свою очередь, К. Шмитт, являясь оппонентом Г. Кельзена, добавлял, что настоящим сувереном является тот, кто принимает решения в чрезвычайном положении. При этом речь идет не о законодательно урегулированном событии, а, напротив, о чем-то, выходящем за пределы правового поля. Экстремальная политическая ситуация освобождает верховную власть от нормативной связанности, и та вырабатывает новую норму не на основе старой¹⁴⁷. Целесообразно и рассуждение от обратного – претенденты на власть, которые смогли в чрезвычайной ситуации утвердить новое право, неважно, каким путем, будут являться новыми суверенами. Причем на территории распавшегося государства их может оказаться несколько.

Из важнейших признаков права в нормативных актах антибольшевистских органов власти можно обнаружить нормативность, формальную определенность, системность. Интересно, что в данном случае рассуждения Г. Кельзена и К. Шмитта не противоречат друг другу, а сходятся на том, что относительно эффективную власть, возникшую на обломках государства в ходе Гражданской войны и принимающую в ней участие, можно анализировать только как государственную.

Конечно, даже с точки зрения формально-юридической в такой интерпретации остается много спорного. Тем более не безупречна она в рамках конкретно-исторического подхода. Источником власти антибольшевистских правительств был не традиционный, а революционный,

¹⁴⁴ Дробышевский С.А. Классические представления о государстве, праве и политике: учеб. пособие. Красноярск, 1999. С. 182.

¹⁴⁵ Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015. С. 270.

¹⁴⁶ Там же. С. 338–339. Под конституцией автор понимает совокупность правоустанавливающих нормативных актов, определяющих власть правительства и порядок его организации.

¹⁴⁷ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы о суверенитете. М., 2000 (см. гл.: О суверенитете). См. также: Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2006.

явочный тип легитимации. Результат разных его трактовок вылился в жестокое политическое противостояние в лагере восточной контрреволюции. Права на власть возникших в ходе Гражданской войны правительств оспаривались самими участниками борьбы с большевиками. Используемые в политических спорах аргументы имели субъективный характер. Объективным же является существование органов власти различных антибольшевистских правительств и государственных образований, а также факт борьбы против них отдельных общественных сил¹⁴⁸.

Отдельные органы власти провозглашали суверенитет над территорией, которую контролировали целиком, не целиком или не в полной мере. Однако такое состояние не умоляет природы государства, если на другой части своей территории они осуществляют функции государственной власти. Немецкий политолог Ш. Трибест справедливо отметил, что государственная состоятельность не позволяет нам приравнять самопровозглашенные государства к «бандитским анклавам»¹⁴⁹. Следовательно, самопровозглашенные правительства могут считаться настоящими суверенами, поскольку они действуют более-менее эффективно на своей территории, осуществляют, пусть даже частично, функции государственной власти и заставляют внешних субъектов хотя бы де факто считаться с ними как с представителями подвластного населения.

Целесообразно вспомнить о попытках ряда теоретиков государства определить суверенитет по минимальным признакам. Дж. Остин говорил, что сувереном можно считать того, кто никому не подчиняется¹⁵⁰. Даже с точки зрения современной теории международного права такие субъекты должны быть отнесены к государствовподобным субъектам. Правовой статус сторон, принимающих участие во внутреннем вооруженном конфликте, для участников международного гуманитарного права одинаков. Созданные участниками конфликта органы управления рассматриваются как несущие равную с государством ответственность за положение на контролируемой ими территории¹⁵¹.

В современной государственно-правовой теории хорошо известна, но слабо разработана проблема самопровозглашенных автономий внутри больших государств. Возникает дилемма существования государств в государстве. Такие субъекты называют государствовподобными образованиями. Если они функционируют на протяжении некоторого времени, то не важен факт их юридического признания со стороны общенационального правительства. Мировая практика

¹⁴⁸ Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. С. 108–109.

¹⁴⁹ Цит. по: Маркедонов С. Война за «свою» землю. К определению природы феномена непризнанных государств бывшего СССР // Полит.ру [электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2005/08/03/outlow/>.

¹⁵⁰ Дробышевский С.А. Классические представления о государстве ... С. 181.

¹⁵¹ Фернандеш де Кастро А.Г. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Фернандеш де Кастро А.Г. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 2000. № 1. С. 90–106; Мбатна Б. Немеждународный вооруженный конфликт и международное право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985; Емцов Г.Н. Гражданская война как политико-правовое явление // Актуальные вопросы теории и истории государства и права: сб. науч. стат. Красноярск, 2004. С. 17.

знакома с проблемой непризнанных государств и даже непризнанных самопровозглашенных субъектов федераций¹⁵². Гражданская война в России дала множество примеров подобных самопровозглашений, но в большинстве случаев они оказались кратковременными, а их претензии на выполнение функции государственной власти так и оставались ничем не подкрепленными. Это обстоятельство не позволяет изучать их как государственную власть, но лишь как факт политической истории и как один из возможных субъектов влияния на формирование социальной политики других правительств.

Однако очевидно, что в исследовании придется иметь дело с рядом пограничных ситуаций. Действительно, сложная политическая история Гражданской войны на востоке России не укладывается в упрощенную схему еще и по другим основаниям. Наряду с антибольшевистскими правительствами и государственными образованиями существовали лавировавшие между противоборствовавшими лагерями. В разных ситуациях они примыкали и к «белым», и к «красным» (национальные органы власти, претендовавшие на автономию). Одновременно были органы власти, которые не являясь советскими, провозглашали нейтралитет и ориентировались на прекращение войны и мирные переговоры с советской властью. Их неправомерно относить к контрреволюционным, антибольшевистским. Но они опирались на нормативную базу предшествовавших антибольшевистских правительств и занимались ее преобразованием. Исследовательская логика требует рассматривать все субъекты государственной власти, представлявшие единый государственно-правовой континуум, независимо от политических и идеологических оттенков.

Сложность исследуемой темы требует уточнения ряда общеисторических терминов. В отечественной историографии сформировалась обширная литература, связанная с дискуссией о значении дефиниции «белое движение». Для Н.Н. Головина оно тождественно контрреволюции¹⁵³, а для П.Н. Милюкова – часть более широкого антибольшевистского движения¹⁵⁴. Дискуссия продолжена в современной историографии¹⁵⁵, однако несет схоластический характер и искусственно ведет к разрыву исторического единства событий, происходивших в лагере противников большевистской партии. В частности, «белому движению», с одной стороны, противопоставляют «демократическую контрреволюцию» (совокупность политических движений и органов власти, выступавших против диктатуры как большевиков, так и военных), с другой стороны, оставляют за его рамками все национальные движения, участвовавшие в борьбе против большевиков.

¹⁵² Статус таких образований колеблется от нереализованного проекта до международного признания (см. их список и отсылочные статьи в: Сепаратизм // Wikipedia: электронная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сепаратизм> (дата обращения: 07.01.2020).

¹⁵³ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2001. Т. 1. С. 13.

¹⁵⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2: Антибольшевистское движение. С. 1–6.

¹⁵⁵ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995; Цветков В.Ж. Белое движение в России 1917–1922 гг. // Отечественная история. 2000. № 4. С. 56–73; Цветков В.Ж., Лубков А.В. Белое движение в России – программа и вожди: учеб.-метод. пособие. М., 2003; и др.

В результате складывается парадоксальная историографическая ситуация. В одних публикациях рассмотрено участие представителей отдельных этносов в «белом движении», а в других – им отказано в праве называться «белыми». Одни антибольшевистские правительства и государственные образования исследователи относят к «белым», другие же, тоже из числа противников большевиков, им противопоставляются. Говорят даже о существовании особого феномена «белой государственности» или возрождении российской государственности в рамках «белого движения»¹⁵⁶. Такая позиция представляется неисторической, направленной на формирование нового историко-идеологического мифа, романтизацию и героизацию «белой идеи».

Исходя из всемирно-исторической и политико-социологической точек зрения, изучаемые органы власти и управления являются «контрреволюционными». В конкретно-историческом смысле, применительно к истории Гражданской войны в России следует говорить об антибольшевистском движении, антибольшевистских правительствах и государственных образованиях. Некоторые из них, правда, корректнее назвать несоветскими (Иркутский политический центр, Временное правительство – Приморскую областную земскую управу), так как они были ориентированы на прекращение вооруженной борьбы с революционным лагерем. Термин «белые» в настоящем исследовании употребляется для обозначения одной из сторон в Гражданской войне, ведущей войну против «красных», без идеологической и теоретической нагрузки.

Источниковая база исследования. Источниковая база определяется предметом и задачами исследования, а приоритеты в подборе источников и ракурсы их использования базируются на методологических и теоретических основаниях. Ввиду обширности источниковой базы важно произвести верную систематизацию, определить ядро и пределы информационной ценности каждого вида источника.

В отечественной научной традиции источниковедение давно оформилось в самостоятельное направление исследований. Источниковедение новейшей истории России/СССР испытало сильное влияние историко-партийных подходов, оставалось далеким от беспристрастного академизма. История Гражданской войны не стала исключением. При ее изучении доминировал классовый подход к оценке источников. Главная исследовательская задача сводилась к анализу информационного потенциала источника, который понимался как выделение наиболее достоверной или сфальсифицированной информации. Поэтому авторы обычно нацеливались на систематизированный аналитический пересказ источников.

После распада СССР наступил новый период историографии. С открытием архивов и спецхранилищ началось освоение новых источников. Источниковеды еще в большей степени,

¹⁵⁶ *Василевский В.* Забайкальская белая государственность: краткие очерки истории. Чита, 2000; *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. М., 2006.

чем раньше, взяли на себя решение тех задач, которые выполняли историки. Это привело к методологической консервации. Появились исследования, которые просто сводились к краткому изложению источников. Даже структура таких исследований предполагала главным образом распределение по нескольким ключевым темам выявленной в источниках информации¹⁵⁷. Но почти тридцатилетний путь развития постсоветского источниковедения вел к накоплению методологических новаций¹⁵⁸, которые максимально учтены при анализе источниковой базы диссертации.

Прежде всего необходимо дать общую характеристику источникам и научным проблемам, возникающим при их изучении, обозначить общие подходы и принципы работы с ними. Составившие основу исследования источники чрезвычайно многообразны и могут классифицироваться по различным основаниям: происхождению, месту хранения, носителям, видам. Основная масса использованных источников создавалась в недрах государственных органов различного уровня: высших, центральных и местных. Они рисуют деятельность государственного аппарата изнутри. Широко привлекались источники негосударственного происхождения – документы органов земского и городского самоуправления, кооперации, предпринимательских, профсоюзных и иных общественных организаций и политических партий, созданные отдельными гражданами. Они извлечены из 96 фондов 4 федеральных и 20 региональных архивохранилищ, 177 периодических изданий, а также из оперативных, популярных и научных публикаций. Абсолютное большинство источников являются письменными, выполнены на бумажных носителях. Многие источники извлекались из электронных хранилищ. При этом использовались тексты в форматах PDF, DJVU, Jpeg или им подобных, что позволяет знакомиться с электронным текстом, идентичным бумажному. Использовались также публикации каталогов коллекций, позволяющих извлекать некоторую информацию без обращения к первоисточникам¹⁵⁹, справочники и библиографические издания.

Если говорить о традиционных архивохранилищах, сохранность использованных фондов различна и колеблется от практически полной до единичных документов некоторых фондообразователей. Многие документы уничтожались в ходе Гражданской войны, сопровождавшейся многочисленными реорганизациями делопроизводства, переездами и эвакуацией

¹⁵⁷ *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991; *Никитин А.Н.* Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской литературе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992; *Никитин А.Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994; *Тымчик В.И.* Гражданская война и иностранная интервенция на востоке России. 1918–1922 (проблема информативности источников): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

¹⁵⁸ Их специальный анализ см.: *Рышков В.М.* История Гражданской войны на востоке России: от советского к постсоветскому источниковедению // Документ как социокультурный феномен: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2009. С. 414–419.

¹⁵⁹ Белое движение: каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). М., 2000; *Михеева В.Г.* Листовки белого движения в архивах Праги: каталог собрания. СПб., 2003.

государственных органов и учреждений¹⁶⁰. В советское время архивные учреждения периодически избавлялись от «ненужных» документов, по мнению работников архивного ведомства, засоряющих фонд и не востребованных исследователями. Таким образом безвозвратно исчезли уникальные исторические источники. Чистки коснулись и библиотек. Многие опубликованные источники, изданные на востоке России в период революции и Гражданской войны, долгое время оставались недоступны широкому кругу читателей и даже профессиональным историкам.

Другой проблемой является вмешательство архивистов уже в процессе хранения. В отличие от документов советского делопроизводства источники по истории антибольшевистского лагеря Гражданской войны практически не подвергались уничтожению по идейно-политическим и иным соображениям («чистке»). Занимаясь формированием специальных фондов историко-революционной тематики, архивные работники практиковали выемки документов из существующих фондов, дроблением материалов между региональными и центральными архивами, что наносило вред целостности документальных комплексов. Часть документов в советское время находилась на секретном хранении. Но большинство источников, отражавших деятельность органов власти и управления антибольшевистских правительств, состояние социальной сферы и экономики в период Гражданской войны, с 1950-х гг. выдавались исследователям. В настоящее время только отдельные фонды советского судопроизводства, документы которых отражают его карательную функцию в борьбе с политическими противниками, остаются закрытыми. Но основная часть информации, имеющая отношение к теме диссертационного исследования, в судебно-следственных делах дублируется из обычного делопроизводства и не является уникальной¹⁶¹. В целом ситуация с сохранностью и доступностью исторических источников не препятствует восстановлению объективной картины жизни общества и решению поставленных автором научных проблем.

Большинство использованных архивных фондов сформировались как непосредственный результат процесса делопроизводства. Но в работе использованы также документальные коллекции, сформированные архивистами. Они создавались преимущественно в 1920-х гг. в рамках деятельности Комиссии по истории коммунистической партии и ее местных отделений

¹⁶⁰ *Безродный К.Э.* Омские архивы в годы гражданской войны // *Архивный вестник*. Омск, 1994. № 5. С. 11–18; *Безродный К.Э.* О сибирских архивах периода гражданской войны // *Сибирские архивы и историческая наука: материалы науч. конф., посв. 50-летию Государственного архива Кемеровской области (1943–1993 гг.)*. Кемерово, 1997. С. 8–11; *Боброва В.С.* Управление архивным делом в Сибири в 1920–1930 гг. Новосибирск, 2006. С. 50–52; *Бендик Н.Н.* Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке. 1920–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000; *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М., 2007; *Костанов А.И.* Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // *Отечественные архивы*. 2008. № 5. С. 18–28.

¹⁶¹ Утверждать противоположное может только автор, совершенно не знакомый с другими источниками о жизни востока России (см., например: *Дроков С.В.* Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 19).

(истпартов)¹⁶². Безусловным плюсом такого рода архивных фондов является то, что в них архивисты подбирали наиболее информационно насыщенные и яркие документы. Но есть и существенные минусы. Основной массив представленных в коллекционных фондах документов вырван из контекста делопроизводства. Подчас бывает очень трудно установить их функции и обстоятельства создания. Еще один негативный фактор заключается в тенденциозности подборки. Деятельность истпартов была сильно идеологизирована. В результате в составленных ими коллекциях собрана документация, характеризующая преимущественно негативно ситуацию в антибольшевистском лагере¹⁶³. Отчасти указанные минусы может компенсировать знакомство с аналогичными документами других фондов и знание общеисторического контекста.

Плод работы археографов – архивистов и историков – представлен также в документальных публикациях. В советское время они подбирались по тому же принципу, что и истпартовские коллекции: тематические подборки, подчас в извлечениях. В этих изданиях представлены в основном документы противников контрреволюции. Если источники антибольшевистского происхождения удостоивались публикации, они были, как правило, весьма тенденциозного содержания. Даже правила публикации документов предписывали использовать антибольшевистские источники только в случае, если они разоблачают контрреволюцию¹⁶⁴. В советское время практиковались также вторжения в текст, приводивший к искажению и концептуального, и фактического содержания¹⁶⁵. Данное обстоятельство учтено при использовании опубликованных в советское время документов.

В современной археографии исчезла идеологическая заданность, сформировался плюрализм подходов. Наряду с высокопрофессиональными, хорошо откомментированными публикациями источников с соблюдением всех правил издания, продолжают появляться тематические подборки документов и нарративных текстов, в том числе и купированных.

¹⁶² См.: *Васьковский О.А.* Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта по разработке истории гражданской войны // Из истории партийных организаций Урала: сб. науч. тр. Свердловск, 1966. Вып. 8. С. 24–30; *Муравьева Л.В.* Становление советского архивного дела и истпартов в Сибири. 1919–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974; *Кабытов П.С., Шестаков В.А.* Организация и деятельность Самарского и Средневолжского истпартов по изучению Октябрьской революции крае // Трудящиеся Поволжья в борьбе за власть Советов. Куйбышев, 1981. С. 68–77; *Калинкина Е.А.* Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии на Южном Урале в 1920–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009.

¹⁶³ *Балковая В.Г.* Деятельность Истпарта и формирование концепции гражданской войны // Ученые записки Владивостокского филиала Российской таможенной академии. Владивосток, 1996. Вып. 1. С. 73–79; *Боброва В.С.* Управление архивным делом ...; *Шельдешев Э.М.* Очерк истории исторической науки на Дальнем Востоке (Дальистпарт и его деятельность в 20–30-е гг.). Хабаровск, 1995; *Валиахметов А.Н.* «Организованная память»: сбор воспоминаний о боевых действиях против Чехословацкого легиона в Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1 (76). С. 39–43.

¹⁶⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969. С. 16.

¹⁶⁵ *Никитин А.Н.* Источники по истории гражданской войны ... С. 29; *Никитин А.Н.* Документальные источники по истории ... С. 145–146; *Сафонов Д.А.* Факел над бездной: революция 1917 года и гражданская война на юго-востоке Европейской России. Оренбург, 2017. С. 19–20.

При подготовке диссертации приходилось учитывать все вышеприведенные обстоятельства и отступать от правила, в соответствии с которым научная публикация предпочтительнее оперативной, а опубликованный документ предпочтительнее архивного. Поэтому в ряде случаев возникала необходимость обращаться к полным текстам, изданным за рубежом в 1920–1930-е гг. и ставшим библиографической редкостью, или предпринимать розыск архивных подлинников или достоверных копий опубликованных документов, воздерживаясь от использования результатов археографической работы предшественников-историков ввиду ее низкого качества.

В настоящем исследовании широко использовалась пресса. С точки зрения автора диссертации, ее нельзя отнести к особому виду исторических источников. Периодическая печать является местом и одновременно способом публикации самых разнообразных исторических источников¹⁶⁶. Принадлежность газеты или журнала тем или иным организациям, учреждениям или лицам, относящимся к разным социально-политическим группам, свидетельствует о неизбежном преобладании в данном издании источников соответствующего происхождения (правительственные, кооперативные, профсоюзные и др.). Их корпус формируется издателем или редакцией. Значит исследователь опять сталкивается с намеренной выборкой. Но в данном случае это является результатом нормальной работы средств массовой информации. Подбор источников в периодических изданиях периода Гражданской войны не более тенденциозен, чем в прессе любого другого исторического периода. В каждом периодическом издании могут встречаться источники любого происхождения, разнообразные по видовой принадлежности. К тому же сама тенденциозность издания может сказать о многом и должна стать предметом анализа.

При работе над диссертацией были использованы периодические издания различного происхождения – государственные, земские и муниципальные, кооперативные, профсоюзные, партийные и частные, центральные и местные. При подборе изданий учитывалась необходимость представить разные регионы, не только центры власти, но и глубокую географическую периферию. Преимущество при подборе отдавалось общественно-политическим и новостным газетам и журналам, но кроме них использовались также издания пропагандистские и научно-аналитические. Это позволило существенно дополнить работу с архивными документами, восполнить недостающую информацию о событиях, перепроверить ее надежность, в том числе и за счет перекрестного анализа архивных и опубликованных источников. Использованный подход не противостоит необходимости изучать прессу как феномен, заслуживающий самостоятельного источниковедческого исследования. Плодотворным является изучение отдельных изданий¹⁶⁷,

¹⁶⁶ Этот подход обоснован в специальной статье. См.: *Рышков В.М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

¹⁶⁷ *Шишкин В.И.* «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима // История белой Сибири: материалы 6-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 10–12; *Наумова Н.И.* Национальная политика колчаковской власти на страницах «Правительственного вестника» // 150 лет периодической печати в Сибири:

групп изданий¹⁶⁸, а также периодики в целом как комплекса особым способом опубликованных источников, освещающих ту или иную историческую проблему¹⁶⁹. Работа с прессой дает возможность проследить динамику, территориальные различия и медийный контекст изучаемых фактов, а также проанализировать разные ведомственные, общественные и авторские позиции в отношении конкретных событий.

Вопрос о подлинности исторических источников имеет разное значение в микро- и макро-исследовании, в работе архивиста и историка. Значительная часть использованных источников сохранилась не в подлинниках, а в копиях различного статуса (заверенные, незаверенные, отпуски). В исследуемый период получили распространение телеграфные пересылки документов, записи и публикации телеграфных переговоров. Другой вариант неподлинных документов – их оперативная публикация в специальных изданиях, в текущей периодике или отдельными

материалы регион. науч. конф. Томск, 2007. С. 198–200; *Шереметьева Д.Л.* Газета «Наша мысль» – орган Сибирского областного комитета партии народной свободы (22 июня – 16 сентября 1918 г.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов II Регион. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 195–201; *Глуценко Н.А.* История подготовки союзной интервенции на территорию Сибири и Дальнего востока России в зеркале американской газеты «The New York Times» // Вестник Томского университета. 2014. № 379. С. 15–119; *Рышков В.М.* История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях Министерства земледелия» (Омск, 1919 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 169–171; *Вишневский С.О.* Обращения Российского правительства в газете «Русская армия» (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Исторические исследования в Сибири: проблем и перспективы: сб. материалов Четвертой Регион. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 153–156; *Конев К.А.* Применение методики контент-анализа при изучении содержания пропагандистских материалов периодической печати «белой» Сибири: опыт изучения «Нашей газеты» (октябрь–декабрь 1919 г.) // Исторические исследования в Сибири: проблем и перспективы: сб. материалов IV Регион. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 211–218; *Скорикова Л.А.* «Иркутские губернские ведомости» в годы Гражданской войны // История Белой Сибири: сб. науч. стат. Кемерово, 2011. С. 203–206.

¹⁶⁸ *Якимов О.Д.* Печать Восточной Сибири под властью А.В. Колчака (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2(10). С. 100–104; *Гридяева М.В.* Газетная печать на Северном Сахалине в 1917–1920 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 85–88; *Глуценко Н.А., Фоминых С.Ф.* Американская пресса как источник изучения личности адмирала А.В. Колчака и деятельности Всероссийского временного правительства // Вестник Томского университета. 2012. № 359. С. 87–89; *Глуценко Н.А.* Проблема взаимоотношений правительства А.В. Колчака и населения Сибири в зеркале американской прессы // Вестник Томского университета. История. 2012. № 4(20). С. 51–53; *Шевцов В.В.* Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. 2014. № 42. С. 31–48; *Посадков А.Л.* Антибольшевистская сатирическая пресса в восточных регионах России (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Гражданская война в России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 гг.): сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 344–355; *Шереметьева Д.Л.* Официальная печать Российского правительства (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 366–375.

¹⁶⁹ *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник ...; *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 г.). М., 2002; *Голубев Е.А., Цытышева Н.В.* Периодическая печать Западного Забайкалья в конце 1919 – 1920 гг. // Вестник Восточно-Сибирского технологического университета. 2010. № 3. С. 91–97; *Голубев Е.А., Цытышева Н.В.* Периодическая печать Западного Забайкалья в период белой государственности (1918–1919) // Вестник Восточно-Сибирского технологического университета. 2009. № 2. С. 112–121; *Конев К.А.* Образ американской и японской интервенции в периодической печати Сибири и Дальнего Востока (август 1918 – апрель 1919 г.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов Третьей Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 217–222; *Стельмак М.М.* Восприятие иностранного военного присутствия в России в отражении антибольшевистской прессы (по материалам рубрик «печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3(129); *Стельмак М.М.* Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2(34). С. 39–45; *Стельмак М.М.* Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 1–2 (61). С. 63–67.

оттисками (брошюры, листовки). Однако исследование посвящено не тоталитарному режиму и не деятельности спецслужб, где особенно важно использовать именно подлинную документацию. В рамках настоящего исследования намеренная фальсификация исторических источников редка, и в большинстве случаев использование встречающихся копий допустимо. Однако вопрос о подлинности важен и непросто применительно к нормативным актам. При использовании этого вида источников большинство советских и современных авторов опираются на их архивные копии, случайно выявленные в документации разных фондообразователей, реже – на газетные публикации. Действительно, делопроизводство было организовано таким образом, что нормативные акты тиражировались в большом количестве экземпляров. Вместе с тем в архивах и периодике встречаются документы, содержащие проекты нормативных актов или их вольный пересказ в связи с теми или иными событиями, комментарии или интерпретации законодательства. Часто именно из таких источников исследователи извлекали информацию. Чтобы избежать подобного рода каверз, в зависимости от цели исследования следует опираться либо на архивный подлинник нормативного акта, либо на его официальную публикацию. Именно второго принципа придерживался автор данного исследования. Эта позиция основана на выделении действительности и действительности правовой нормы, утвердившейся в юридическом нормативизме¹⁷⁰. В рамках настоящего исследования ключевое значение имеет не долженствование, а бытие правовой нормы, чем и обоснован избранный принцип работы с законодательством изучаемых государственных образований. Задача выявления в каждом случае подлинника законодательного акта не ставилась, так как официальная (а за ее неимением – любая другая полная) публикация может быть признана достоверной. Законодательный акт, как правило, вступает в силу в том виде, в котором он опубликован, следовательно, опубликованный в официальном издании текст для реконструкции исторической реальности принципиально значимее, чем архивный подлинник, даже если между ними имеются разночтения. Именно опубликованный текст являлся текстом действующего законодательного акта. В этом случае, безусловно, предпочтение отдавалось официальной публикации. С другой стороны, ряд нормативных документов вводился в действие по телеграфу. Часть законодательства, особенно первых и последних периодов существования антибольшевистских правительств, так и не дождалась официальной публикации. В этом случае обращение к архивным документам необходимо, причем подлинник, делопроизводственная копия и телеграфная передача текста в разных случаях имеют разное значение, и целенаправленный поиск архивных подлинников становится вполне оправданным.

Но при этом следует учесть, что даже обращение к официальной публикации не гарантирует знакомство исследователя именно с достоверным текстом закона. Вот один из ярких

¹⁷⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд.: пер. с нем. СПб., 2015. С. 20–26.

примеров: 19 февраля 1919 г. официальный орган Российского правительства – омская газета «Правительственный вестник» – опубликовал обширное постановление «Об изменении правил об обеспечении рабочих на случай болезни и об органах, ведающих страхованием рабочих и о переименовании Комиссариатов труда и должностей Комиссаров труда в Инспекции труда и Инспекторов труда»¹⁷¹. 7 марта 1919 г., когда возникли проблемы с введением в действие этого постановления, Министерство труда уведило контору газеты, что при наборе номера было допущено 27 опечаток, в том числе и в номерах отсылочных статей. Поэтому использование данной публикации вызывает массу проблем и юридических неувязок¹⁷². Опубликованные тексты многих других нормативных актов также изобилуют опечатками, серьезно влияющими на их анализ. Изредка официальные издания делали перепубликацию законодательных актов с устранением выявленных неточностей. Сравнительный анализ подлинных и официально опубликованных текстов, как это сделали археографы при издании «Декретов советской власти», является чрезвычайно важной и актуальной задачей. Но эта трудоемкая работа выходит за рамки диссертационного исследования. К сожалению, многие из предпринятых до настоящего времени попыток публикации антибольшевистского законодательства шли по пути «ксероксной археографии»: публикуются фрагменты, бессистемные подборки отдельных актов или воспроизводятся без комментариев официальные публикации¹⁷³. Полные комментированные тексты стали появляться лишь в последние полтора десятилетия¹⁷⁴.

При работе с делопроизводственной документацией в большинстве случаев достаточно бывает любой встретившейся в архиве копии или отпуски. Вероятность искажений обычно равна количеству ошибок, невольно допущенных при наборе, следовательно, подлинник не сильно выигрывает в достоверности перед копией. Нужно помнить, что в изучаемое время существовал острый дефицит бумаги, ленты для печатных машинок и других канцелярских материалов. Машинисткам подчас приходилось набирать вслепую, не видя текста, поэтому качество документов

¹⁷¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 февр.

¹⁷² ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 173. Л. 34.

¹⁷³ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения): сб. документов. Тверь, 1999; Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. 1–3; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники. Самара, 2006. Т. 1–2; *Сафонов Д.А.* Между империей и республикой советов: местные власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 257–370; Под знаменем Комуца (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018.

¹⁷⁴ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010; и др. Неполными, но комментированными изданиями являются: Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. Томск, 2002. Вып. 1; Томск, 2003. Вып. 2; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919): сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2018. Т. 1: Ноябрь 1918 – апрель 1919; Т. 2: Май–июнь 1919; Т. 3: Июль–декабрь 1919.

чрезвычайно низкое и могло зависеть не от их подлинности, а от случайных обстоятельств. Когда в печатной машинке заканчивалась лента, машинистки подкладывали копірку между двумя или более листами и набирали «вслепую». Текст, благодаря удару, отпечатывался на втором и последующих листах, но первый лист оставался чистым. Другой, весьма распространенный случай – замена одной, неработающей, буквы другой. Поэтому иногда приходится предпочесть копіный, но более «читаемый» экземпляр «слепому» подлиннику. Отдельные, наиболее важные, документы распространялись в большом количестве копий или экземпляров, публиковались в периодической печати. Работа с различными копиями, отложившимися в центральных и местных архивах, публикациями делопроизводственных документов дает достаточно полное представление о путях распространения информации по официальным и неофициальным каналам.

Знакомство с делопроизводством позволяет определить наиболее распространенные типы и случаи, когда документы (оперативные телеграммы или документы, связанные с ведомственными или социальными конфликтами, свидетельства политических противников) могли содержать или очевидно содержали недостоверную информацию¹⁷⁵. В таких случаях целесообразен поиск подлинных документов или комплекса документов для реконструкции всей картины. Если их выявить не удавалось, либо делались оговорки о зыбкости источников информации, либо приходилось воздерживаться от использования документа. Но нельзя немедленно выбрасывать из арсенала исследователя источник, дающий ложную картину событий. Иногда определение мотивов фальсификации информации бывает не менее важно, чем установление истины. К тому же существует опасность отбросить тенденциозно изложенную, но достоверную информацию. Обязательный поиск всех подлинных документов, сличение различных редакций – задача археографов. В данном исследовании такие задачи возникали в исключительных случаях.

В теоретическом источниковедении наиболее существенной характеристикой источниковой базы исследования является видовая классификация использованных исторических источников. Следуя определению С.М. Каштанова, «под видом письменных источников мы понимаем такие группы памятников, которые имеют сходные внешние признаки происхождения, содержания и формы»¹⁷⁶. Но ни одна из существующих в настоящее время классификаций не может быть признана в полной мере удовлетворяющей цели и задачам настоящего исследования. В рамках источниковедения периода феодализма еще в советское время было создано достаточно стройное

¹⁷⁵ Замечательный пример – хранящееся в фондах ГАНО письмо екатеринбургского «товарища» Алексея Николаевича Балдина, информирующее своих сибирских коллег о состоянии дел на Урале в августе 1918 г. По его данным, 10 тыс. жителей Екатеринбурга были посажены в тюрьму всего за несколько дней господства белогвардейцев (ГАНО. Ф. П-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 25–26.). Документ является архивной заверенной копией и, безусловно, соответствует подлинному тексту. Но информация очевидно фальсифицирована, так как предполагает, что в «застенке» находился каждый восьмой житель города. Тем не менее она широко использовалась в советской историографии для обличения «белого» террора.

¹⁷⁶ Определение выдвинуто автором в 1962 г. Цит. по: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика: учеб. пособие. М., 1998. С. 13.

деление исторических источников на виды, подвиды и разновидности. Однако в конце XIX в. и особенно в XX в. круг исторических источников расширился и стал многообразнее. Предлагаемые в современной литературе классификации не способны отразить это многообразие. Поэтому автору пришлось вновь задуматься над типологией источников. Осознавая возможность критики предлагаемой видовой группировки источников, положенных в основу настоящего исследования, автор подчеркивает, что основное ее значение – эвристическое, а не аналитическое. Она позволяет ориентироваться в многообразии исторических источников изучаемого периода и критически их оценивать. Кроме того, необходимо напомнить, что даже в теоретическом источниковедении бесспорная видовая классификация до сих пор не утвердилась¹⁷⁷. Впрочем, деление всех письменных источников на документальные и повествовательные общепринято и удобно. Традиционно обзор следует начать с первых из них.

Нормотворчество в начале XX в. являлось процессом сложным, что затрудняет классификацию и отграничение *законодательных источников*. Еще больше это правомерно в отношении периода Гражданской войны, когда в связи с распадом единого государственного пространства возник вопрос о правомерности принятия теми или иными органами общеобязательных норм. В историографии уделено немало внимания законодательным источникам¹⁷⁸, но вопрос о критериях их выделения до сих пор остался нерешенным. Поэтому выделять законодательство в особый вид можно только с многочисленными оговорками. Правильно говорить о существовании группы нормативно-актовых источников, которые, в свою очередь, состоят из нескольких разновидностей. Чрезвычайно важны *нормативные законодательные акты* – постановления, указы, приказы, законы, издаваемые многочисленными правительствами на востоке России, а также *индивидуальные законодательные акты* – декларации.

¹⁷⁷ См.: Пчелов Е.В. К вопросу о принципах классификации исторических источников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе: доклады и тезисы выступлений. М., 1997. Вып. 1. С. 198–200; Шмидт С.О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Источниковедение: проблемные лекции. М., 2005. С. 278–291.

¹⁷⁸ Никитин А.Н. Документальные источники по истории ... Томск, 1994. С. 6–15; Луков Е.В. Законодательные акты белых правительств как источник по истории формирования государственных структур управления (июнь–ноябрь 1918 г.) // Молодежь и наука: проблемы и перспективы. Томск, 1998. С. 79–80; Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 156–163; Луков Е.В. Порядок принятия и опубликования законодательных актов Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства // Гражданская война в Сибири: сб. докладов и статей науч. конф. Красноярск, 1999. С. 104–109; Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории Гражданской войны в Сибири (конец мая – начало ноября 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; Луков Е.В. Индивидуальные законодательные акты сибирских правительств как источник для изучения их политических и социально-экономических программ // Проблемы истории Кузбасса. Прокопьевск, 2002. С. 30–35; Луков Е.В. Источниковый потенциал нормативных актов (на примере законодательства антибольшевистских правительств Сибири) // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2006. С. 289–292; Кайда О.А. Системы документации органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского университета. 2012. № 363. С. 96.

Как уже отмечалось, по мере возможности выявлялись не архивные законодательные документы, а официальные публикации. Приходится учитывать, что реалии изучаемого времени отмечены нераздельностью законодательной и исполнительной власти, а также условностью отнесения некоторых органов власти к государственным.

Группа *нормативно-актовых источников подзаконного характера* (постановления, решения) носит пограничный характер, находясь между законодательными и делопроизводственными источниками. Они включают в себя как публично-правовые, так и частно-правовые акты. Часть источников этой группы – нормативные акты подзаконного характера, являющиеся органической частью законодательства¹⁷⁹. К законодательству следует отнести акты, утвержденные высшими и центральными органами власти и управления. Основная же часть нормативно-актового материала подзаконного характера, на наш взгляд, относится к делопроизводству. Это нормативные акты местных административных органов власти управления, структурных подразделений центральных государственных органов (управлений, департаментов и т.д.), а также нормативные акты негосударственных учреждений и организаций.

В исследовании использованы официальные публикации¹⁸⁰, научные издания¹⁸¹, а в случае необходимости – архивные комплексы нормативно-актовых источников. Это позволило отчасти восполнить лакуны в их сохранности и издании¹⁸². Автору удалось практически полностью реконструировать нормативно-актовые комплексы Комуча, Временного областного правительства Урала, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства, Российского правительства, Иркутского политического центра, Временного Приамурского правительства, Правителя Приамурского земского края, частично – Временного правительства автономной Сибири, Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и его помощников, Временного правительства –

¹⁷⁹ *Иванов Р.Л.* Понятие законодательства в современном российском праве // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2013. № 3 (36). С. 8–10.

¹⁸⁰ Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918; Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. № 1–4; Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 1–2; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 1–16; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 1–24; Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Самара). 1918; Сибирский вестник (Омск). 1918; Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918; Правительственный вестник (Омск). 1918–1919; Правительственный вестник (Иркутск). 1919–1920; Бюллетень правительства Амурской области (Благовещенск). 1918; Вестник Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). 1918; Вестник Забайкалья (Чита). 1920; Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920; Вестник Приамурского временного правительства (Владивосток). 1921–1922; Вестник Приамурского земского края (Владивосток). 1922.

¹⁸¹ *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ...; Выявление и изучение новых источников ...; *Сафонов Д.А.* Между империей и республикой советов. С. 257–370; Временное Сибирское правительство ...; Временное Всероссийское правительство; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 1–2.

¹⁸² *Рышков В.М.* Законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1922 г.): проблемы выявления и изучения // Документ в системе социальных коммуникаций: материалы III Всерос. науч. конф. Томск, 2008. С. 313–316.

Приморской областной земской управы. Они могли носить разные наименования: приказы, указы, постановления и другие. Следует помнить, что не всегда самоназвание такого рода источников точно указывает на их разновидность. На практике законодательные и подзаконные акты подчас сливаются с текущим делопроизводством и образует единые комплексы. В частности, приказы Комуча включают законодательные акты, инструкции по их исполнению и большое количество распоряжений о кадровых назначениях, объединенных единой нумерацией. Особенно изобилуют подзаконными актами и инструкциями указы и постановления приморских правительств, образующие чрезвычайно обширные комплексы, вопреки региональному характеру этих государственных образований. Но выборка из них законодательных источников является для замысла исследования нецелесообразной, поэтому они анализировались в неразрывной целостности. Для ретроспективного анализа многих рассмотренных в диссертации проблем приходилось обращаться к законодательству царского и Временного правительств, декретам советской власти.

Наиболее обширной совокупностью источников являются документы делопроизводства, обладающие сложной внутренней структурой. Их изучение применительно к антибольшевистским правительствам только начато¹⁸³. Большое количество разновидностей делает целесообразным их группировку по принципу функциональной близости.

В первую очередь следует выделить *директивно-распорядительную документацию* – инструкции, приказы, распоряжения. Их выпускали и рассылали высшие, центральные и разного уровня местные органы государственной власти и управления, общественных организаций, учреждений и предприятий. Они могли быть адресованы как нижестоящим подразделениям государственного аппарата, любых организаций и учреждений, так и населению. Частично их публиковали в периодической печати или в виде отдельных оттисков (листовок), т.е. им придавался характер публичности. Значительная часть документов этого вида рассылалась циркулярно, в том числе нередко – телеграфом. Это обуславливает их достаточно хорошую сохранность, частую дублируемость в различных архивных фондах и изданиях. Особенностью директивно-распорядительных источников является их предписывающая функция. Основная часть документов этой группы должна быть отнесена к делопроизводственным актам (постановления, решения,

¹⁸³ Уварова О.А. Документационное обеспечение органов власти и управления на территории белой Сибири в 1918–1919 гг. // Документ в меняющемся мире: материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2004. С. 95–97; Уварова О.А. Делопроизводственная документация как источник по истории Гражданской войны // Диалог культур и цивилизаций: тез. VI Всерос. науч. конф. Тобольск, 2005. С. 160–161; Уварова О.А. Особенности документационного обеспечения органов власти и управления белой Сибири в годы гражданской войны // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 1996. С. 88–91; Кайда О.А. Системы документации органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского университета. 2012. № 363. С. 95–98; Кайда О.А. Специфика документационного обеспечения управления органов власти на территории белой Сибири в годы Гражданской войны // Документ. Архив. История. Современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. Вып. 8. С. 71–73; Кайда О.А. Система военной документации органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны // Документ. Архив. История. Современность: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. С. 290–294.

договоры) правоприменительного характера. Но в эту же группу входят и *документы неактового характера* – например, циркулярные письма.

Протольно-резолютивные документы характеризуют повседневную работу государственных и общественных институтов и отражают процесс принятия большинства управленческих решений. Наибольшее внимание уделено документации официального характера, исходящей от высших органов власти (журналы, протоколы и стенограммы заседаний). Это оправдано их высокой информативностью, уже отмечавшейся в историографии¹⁸⁴. Автором выявлены и подвергнуты сплошной обработке протоколы и журналы заседаний Комуча, Временного областного правительства Урала, Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства, Российского правительства, Иркутского политического центра, Временного Приамурского правительства, частично – Временного правительства автономной Сибири, Делового совета Временного правителя на Дальнем Востоке генерала Д.Л. Хорвата, Совета управляющих ведомствами Российской восточной окраины. В последние годы появились научные публикации некоторых источников этого вида. Наиболее важной является публикация документов сибирской контрреволюции, осуществленная В.И. Шишкиным¹⁸⁵. В совокупности с законодательством протольно-резолютивные материалы высших органов государственной власти позволяют в полной мере представить, какие вопросы социальной жизни попадали в поле зрения правительств на востоке России.

По мере возможности автор старался выявить протольно-резолютивные документы центральных и местных органов власти и управления, постоянных и временных комитетов, комиссий и советов, существовавших в недрах центрального и местного государственного аппарата, устраиваемых государственной властью совещаний. Реакцию общества на государственную политику отображает документация этого же вида, принадлежавшая кооперативным союзам, органам городского и земского самоуправления, хозяйственным и общественным организациям, а также их съездам, конференциям и совещаниям. Документация протольно-резолютивного характера использовалась для многотомного издания, предпринятого в 1991–1992 гг. группой

¹⁸⁴ *Шишкин В.И.* Журналы заседаний Совета министров Временного Сибирского правительства как исторический источник // *Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: материалы окр. науч. конф. Нижневартовск, 2005. С. 47–52; Шевелев Д.Н.* Журналы заседаний по делам печати как источник по организации государственной пропаганды российским правительством адмирала А.В. Колчака // *Документ в системе социальных коммуникаций: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2008. С. 317–323.*

¹⁸⁵ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.); Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.); Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.); сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1–2; Журналы и стенографические отчеты заседаний ... Т. 1–3; Сибирский предпарламент: частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь–август 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013.

томских исследователей, а также сделанных из него Э.И. Черняком тематических извлечений¹⁸⁶. При обращении к этим изданиям пришлось учесть, что они – плод научной систематизации. Первоисточники в них вошли лишь частично, значительная доля информации дана в изложении. Изданные материалы не полностью отражают проводившиеся съезды и конференции, к тому же обрываются на колчаковском перевороте. Несколько протоколно-резолютивных документов политических партий издано в рамках многотомника по истории многопартийности в России¹⁸⁷.

Несравнимо богаче представлены оперативные публикации этого типа источников. В изучаемый период существовала традиция издавать материалы важнейших съездов и конференций, большинство из них включали стенограммы и журналы заседаний. В результате большой объем протоколно-резолютивной документации попал на страницы периодической печати или публиковался отдельными изданиями. Полнее отражена в оперативных публикациях деятельность и позиция неправительственных организаций. Некоторые периодические издания публиковали относительно полные подборки журналов заседаний издающих их органов. Однако протоколно-резолютивные документы отражены в периодике в качестве одиночных публикаций. Вот почему обращение к прессе не может заменить работу с фондами государственных и общественных учреждений и организаций, в которых, как правило, сохранились относительно полные комплексы журналов или протоколов заседаний их руководящих органов.

Отчетные документы являются чрезвычайно информативной группой разновидностей источников. Отчеты и доклады обычно содержат аналитический обзор проблемы, являются попыткой систематизировать, сгруппировать и представить информацию вышестоящим органам. Конечно, следует учитывать ведомственное происхождение подобных документов. Орган или лицо, от которого исходила информация, не всегда были заинтересованы в объективном отображении ситуации. Наряду с высокой информативностью, такого рода документы отличаются тенденциозностью, особенно когда исследователь сталкивается с отчетом, подготовленным внутри какого-либо ведомства и описывающим его же работу. Авторы стремились аккумулировать сугубо

¹⁸⁶ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. Ч. 1–2; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск 1992. Ч. 1–2; *Черняк Э.И.* Политические партии в Сибири: март 1917 – ноябрь 1918 гг. Томск, 1993; *Черняк Э.И.* Профессиональные объединения Сибири. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. Съезды, совещания, конференции. Томск, 1994. Ч. 1–2.

¹⁸⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920. М., 2000. Т. 3. Кн. 2: 1918–1920; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2: 1917–1925.

позитивную информацию и склонны были преувеличивать достижения. К отчетным документам примыкает группа ревизионной документации – документы ревизий и проверок. Они в целом более объективны, хотя подчас обладают обратным качеством, являясь подборкой негативных сведений.

Итак, при использовании отчетных материалов актуальной становится задача анализа достоверности содержащейся в них информации. Поэтому при работе с ними требуется осторожность, хорошее знание особенностей межведомственного, а подчас и межличностного (для уровня руководителей ведомств) взаимодействия и элементарная исследовательская интуиция.

Информационные документы (сводки, обзоры, сообщения) представляют особую группу делопроизводственных документов. Информация, попадавшая в поле зрения нижестоящих подразделений аппарата управления, в обобщенной и систематизированной форме доводилась до вышестоящих уровней. Нередко аналитические службы государственных органов и общественных организаций составляли тематические обзоры прессы или обзоры событий местной жизни для рассылки в другие регионы.

Широко привлекались некоторые разновидности эпистолярных источников. В частности, близко к отчетам и докладам примыкают *эпистолярно-делопроизводственные документы*: докладные записки, деловые письма, заявления. Особенно значимы объяснительные записки, которые готовили главы ведомств, выступая с законодательной или иной инициативой. Подчас деловыми письмами обменивались для установления неформальных отношений в служебной иерархии, для использования личных связей в служебных целях.

Широкое распространение получили информационные письма, отправляемые, как правило, в редакции периодических изданий, реже – в общественные организации и государственные органы. Они могли быть двух типов: 1) адресованные широкому кругу лиц. Такие документы близко примыкали к циркулярным распоряжениям. Нередко они публиковались в прессе; 2) не предназначенные для широкого информирования, адресованные конкретному лицу или узкой группе. Обычно они предназначались для горизонтального распространения информации, содержали сведения о ситуации в другом регионе или городе. Этот вид эпистолярных документов, являясь деловой перепиской, примыкает к группе повествовательных источников.

Иной характер носят просительные документы – жалобы, просьбы, прошения, как коллективные, так и индивидуальные. Они особенно точно отражают социальные притязания различных групп населения и их отдельных представителей к власти. Для реконструкции ожиданий, запросов и требований населения использовались не только эпистолярно-просительные источники, поступившие в органы государственной власти. Куда более широким потоком они направлялись в руководящие органы общественных организаций. Подчас оттуда они попадали на страницы газет и журналов, получая общественный резонанс, или становились основанием для

принятия резолюций, запросов и прочих документов, трансформируя индивидуальную просьбу в коллективную.

Учетная документация представляет многочисленные источники, отражающие рутинные стадии делопроизводства: журналы регистрации входящих и исходящих документов, реестры, перечни. Исследователи практически не используют эти документы в своей работе. Следует отметить, что данную группу также в значительной степени составляют актовые материалы: начиная от документов учета актов гражданского состояния и нотариальных актов и заканчивая актом о сдаче-приемке работ. Казалось бы, подобного рода источники очень далеки от исследуемой тематики. Но отдельные документы из этой группы содержат ценную для диссертационного исследования информацию. Это относится ко многим документам финансового учета: спискам запрашиваемых и удовлетворенных/неудовлетворенных ассигнований, документам учета прихода и расхода денежных средств и материальных ресурсов, ведомостям на выдачу пенсий и пособий, а также к документам учета трудовых конфликтов, документам кадрового учета. К этой же группе относятся и материалы первичного статистического учета. Сохранность учетных документов невелика, они фрагментарно попадали в поле зрения, но даже это позволило глубже понять многие аспекты реализации решений, принимаемых органами государственной власти.

Видовые особенности делопроизводственных документов, конечно, очень важны, но необходимо помнить, что каждый источник по возможности следует анализировать в контексте единых комплексов, созданных фондообразователями. А некоторые из них требуют специфических приемов. В частности, комплексный характер имеет специальное делопроизводство. Оно включает в себя разные группы источников, объединенных не только общим ведомственным происхождением, но и особым документационным единством, общей логикой. В настоящем исследовании использовались источники в рамках трех специальных делопроизводств:

1. *Военное*, без привлечения которого невозможно полноценное исследование периода Гражданской войны, когда государство нацеливало общество на обслуживание армии, а деятельность армии оказалась тесно связана с общественной жизнью и хозяйственными процессами, так как фронт и тыл, военное и гражданское управление часто функционировали во взаимодействии, а то и были слиты. Нужно отметить, что наиболее специфические для этой группы документы оперативного военного управления в диссертационном исследовании не использовались. Зато широко привлекалась документация военно-хозяйственного управления, которая несет на себе лишь некоторые черты специального военного делопроизводства и имеет значительное сходство с документацией гражданского управления. Анализ комплексов распорядительных (приказы, приказания), протокольно-резолютивных, отчетных и прочих документов, исходящих от военного командования разных уровней, дает основание отнести их к важным источникам

информации о социальной политике государства и особенностях взаимодействия армии как важнейшего государственного и общественного института.

2. Среди материалов *судебно-следственного* делопроизводства наибольший интерес представляют документы о ходе следствия (протоколы, признания и показания), приобщенные к следствию, и итоговые судебно-следственные документы. Отметим, что в антибольшевистском лагере на востоке России неоднократно создавались специальные органы по расследованию не только острых политических конфликтов, но и экономических преступлений. В частности, огромное значение имеют документы процесса над колчаковскими министрами 1920 г., опубликованные и откомментированные В.И. Шишкиным¹⁸⁸, документы расследования по делу Г.С. Зефирова, о подготовке ряда других антикоррупционных процессов.

3. Документация торгово-промышленных предприятий и финансовых учреждений и организаций образует *хозяйственное* делопроизводство. Оно изобилует сводками, балансами, сметами, складскими, продажными и прочими книгами, включает в себя документальные источники многих разновидностей, но также объединено в единый комплекс по субъектам делопроизводства, и часто отдельные документы непонятны в отрыве друг от друга. Правильная расшифровка таких документов подчас требует специальной подготовки. Из хозяйственной документации, отражающей прежде всего экономические процессы, тем не менее можно извлечь сведения о положении работников, особенностях трудовых отношений, реакции хозяйствующих субъектов на социальную политику, а также об участии предприятий и учреждений в благотворительной деятельности.

Из приведенной выше группировки письменных источников видно, что выделить статистические практически невозможно, несмотря на то, что учебная литература рассматривает их в качестве особого вида письменных исторических источников. На наш взгляд, учетная документация практически полностью перекрывает многообразную документацию первичного статистического учета, но при этом оказывается шире нее.

Результаты обработки сведений первичного учета встречаются в информационных документах – сводках или отчетах. В последних статистические данные могут присутствовать в качестве вкраплений. Статистика широко представлена в различных источниках, опубликованных в периодической печати, например, интервью руководителей хозяйственных ведомств. Статистику следует понимать как метод количественного преобразования и анализа информации, а также ее

¹⁸⁸ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 /отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. Этот же источник переопубликован вместе с многократно ранее публиковавшимися протоколами допроса А.В. Колчака. Предпринятая московскими историками перепубликация претендует на научный характер, но снабжена минимумом комментариев и археографической обработки, что лишает ее всякого смысла (см.: Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела А.В. Колчака / под ред. А.Н. Сахарова, В.С. Христофорова, Г.А. Трукана [и др.]. М., 2003).

трансляции потенциальным читателям письменных текстов. На наш взгляд, наиболее корректным будет применение термина «статистические материалы». Они могут встречаться в различных источниках. Именно это свойство ряда разноплановых источников заставило более внимательно отнестись к их анализу. В настоящем исследовании наибольший интерес представляет статистическая информация об уровне жизни населения, динамике цен и заработной платы и о деятельности органов управления по решению социальных проблем.

Необходимо отметить, что статистический учет информации по устоявшимся в Российской империи принципам с началом революции прекратился и возобновился отчасти по старым, отчасти по новым принципам в восточных регионах страны только с 1920–1922 гг. Поэтому приходится мириться с фрагментарностью отражения социально-экономических процессов в статистических материалах и с несопоставимостью большинства данных. Это обстоятельство либо не позволяет проанализировать долговременную динамику, либо предполагает использование метода экстраполяции. В историографии также справедливо отмечено, что нельзя абсолютизировать статистические данные. Нередко приходится сталкиваться с совершенно разной, подчас противоречивой информацией, имеющей одно и то же ведомственное происхождение. Поэтому целесообразна осторожность в использовании статистических данных, а в некоторых случаях и перепроверка их другими источниками, в том числе нарративными. Нужно также помнить, что в эпоху разгула теневых экономических отношений многие явления «прячутся» от статистики.

Повествовательные источники чрезвычайно многообразны. Используемые в исследованиях по истории революции и Гражданской войны источники этого типа практически никогда не подвергались классификации и группировке. В первую очередь следует оговорить существование двух больших групп повествовательных источников – неличного и личного происхождения.

К первым относятся *информационно-повествовательные источники*: сводки, обзоры, сообщения, объявления, хроникальные и иные заметки, подготовленные как в недрах государственного аппарата, так и информационными агентствами, редакциями периодических изданий для публикации. Специфической чертой этого вида источников является то, что в них в свободной форме пересказывается событие, содержание некоего документа или группы документов, которые в данном случае выступают как источники информации. Естественно, следует оговориться, что в подавляющем числе случаев информационно-повествовательный источник является суррогатным носителем информации и, конечно, менее полно отражает событие, чем документальный. Подавляющая часть информационно-повествовательных источников присутствует в виде газетно-журнальных заметок.

При использовании информационно-повествовательных источников следует учесть способ получения сведений их автором, близость к событию или первоисточнику (документальному оригиналу), полноту отражения события. От комплексного анализа этих факторов зависит

достоверность извлеченной из источников информации. Так, сводки информантств обладают наибольшей степенью достоверности по сравнению с сообщениями о непроверенных слухах, дошедшей до редакции. Важно, что в прессе часто давалась ссылка на источник информации (обычно в аббревиатуре). Причем нередко газетный «первоисточник» является документальным, а его же газетный «дуближ» в других изданиях – повествовательным. Полноту информации можно определять при сравнении с документальным первоисточником, но часто такой возможности у исследователя нет. К тому же предпринимать усилия по поиску первоисточника обычно нецелесообразно с точки зрения соотношения с достигнутым результатом. Проще руководствоваться интуицией и общим знанием материалов периодической печати. Иногда текстологический анализ позволяет понять, что автор заметки пересказывал ее близко к тексту документального оригинала или, наоборот, максимально сжато. Нередко отступление от документальных первоисточников, передача информации с сокращениями или в пересказе обуславливались не степенью добросовестности автора, а элементарным наличием объема отведенного газетно-журнального места. Во многих случаях информационно-повествовательные источники, даже краткие, являются достаточно достоверными для конкретно-исторического исследования (например, краткая заметка о распределении гуманитарной помощи), не требуют перепроверки по документальным материалам. Только если сюжет имеет ключевое значение, выявление документального первоисточника целесообразно.

Ценность этой группы источников, однако, определяется тем, что они, во-первых, более доступны, а иногда восполняют утраченные или закрытые для доступа документы делопроизводства, во-вторых, такие источники косвенно сообщают исследователю о наличии документальных первоисточников, помогают в целенаправленном архивном поиске. На характеристике данной группы источников пришлось остановиться подробнее по двум основаниям: они занимают важное место в настоящем исследовании, но в то же время их особенности не нашли достаточного отражения в источниковедческой литературе.

Повествовательные источники личного происхождения подразделяются на несколько групп: мемуарные, эпистолярные, публицистические, литературно-художественные.

Мемуарные источники привлекались достаточно широко, так как они прекрасно передают «дух времени», помогают реконструировать экзистенциальную сторону Гражданской войны. В широком смысле мемуаристика включает источники, воспроизводящие по памяти события, отделенные временным промежутком от времени их создания: воспоминания, биографии, автобиографии, анкетные опросы, стенограммы вечеров воспоминаний, путевые заметки. Они могут быть записаны автором, застенографированы за его устной речью или даже надиктованы на аудионосители.

Весь корпус мемуарных источников по теме необычайно велик и в настоящее время не систематизирован. Исследователи неоднократно анализировали отдельные мемуарные источники, их группы или рассматривали конкретные научные проблемы с опорой на мемуаристику¹⁸⁹. Большая часть публикаций сводилась к воспроизведению фактического материала, содержавшегося в источниках, а в 1990-е гг. нередко прибегали к подборке высказываний мемуаристов по отдельным аспектам истории «белого» движения. Если в советской историографии многие авторы подвергались критике за игнорирование классово-экономической сущности происходивших событий, то в современной – наблюдается чрезмерная доверчивость к мемуарам участников антибольшевистского движения. Например, воспоминания Г.К. Гинса являются одним из наиболее цитируемых

¹⁸⁹ *Неганов В.Ф.* Воспоминания И.М. Майского: «Демократическая контрреволюция» как источник по истории краха Комуча // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 34–42; *Наумова Н.И.* Белогвардейские мемуары о национальной политике колчаковского правительства // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984; *Барвенко Е.И.* «Архив русской революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 133–144; *Барвенко Е.И.* Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918–1920 гг. // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 54–63; *Рычков С.Ю.* Мемуары о гражданской войне в среднем Поволжье как исторический источник: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Казань, 1987; *Штыка А.П.* Мемуары белогвардейцев как источник изучения идеологии и политики белогвардейской контрреволюции // Вопросы истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987; *Штыка А.П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991; *Никитин А.Н.* Мемуары участников белого движения как источник по истории борьбы за власть советов в Сибири в годы гражданской войны // История Западной Сибири в советский период. Омск, 1988; *Мухачев Б.В.* Белогвардейский генерал В.Г. Болдырев и его книга «Директория. Колчак. Интервенты» // Седьмые Арсеньевские чтения: тез. докл. регион. науч. конф. Уссурийск, 1994. С. 8–12; *Зинякова В.М.* «Белая идея» и ее реализация в Сибири (на основе мемуарных источников участников «белого движения») // История «белой» Сибири: сб. тезисов. Кемерово, 1995. С. 8–12; *Петров И.Б.* Дневник А. Будберга как источник по истории белого движения на Дальнем Востоке // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков: доклады и тезисы. Владивосток, 1996. С. 78–82; *Петров И.Б.* Дневник А. Будберга как источник по истории белого движения на Дальнем Востоке // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков: докл. и тез. Владивосток, 1996. С. 78–82; *Цветков В.Ж.* [Рецензия] // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 163–166. – Рец. на кн.: Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае. Дневники Петра Васильевича Вологодского. Hoover institution, Stendford (California), 2002. Vol. 1. 456 p.; Vol. 2. 472 p.; *Лесков С.А.* Мемуары атамана Семенова Г.М. как источник по истории гражданской войны в Забайкалье // VII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 2003. Т. 4. Ч. 1: История и правоведение; *Волков Е.В.* Лики Белого движения в мемуарах его участников из Советской России // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2005. Вып. 4. № 7. С. 21–33; *Коновалова О.В.* Дневник П.В. Вологодского как источник по истории Гражданской войны в Сибири // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V Краевед. чтений. Красноярск, 2005. С. 202–208; *Шиловский М.В.* Г.Е. Катанаев и его мемуары о наиболее значимых событиях политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX – первых двух десятилетий XX века // Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 9–22; *Алеврас Н.Н., Андреева Т.А.* «Челябинские хроники» К.Н. Теплоухова: образ мемуариста // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. Челябинск, 2008. Вып. 4. С. 117–143; *Мастренков А.С.* Мемуары по истории гражданской войны как историографическое явление // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2008. № 6; *Шиловский М.В.* Конструирование образа Верховного правителя России А.В. Колчака в дневниках и мемуарах руководителей белой Сибири // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Новосибирск, 2009. С. 48–57; *Ганин А.В.* Дневник барона А.П. Будберга как источник по истории Гражданской войны на востоке России: новые находки и наблюдения // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2017. С. 61–66; *Шишкин В.И.* Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 60–78; *Кротова М.В.* Анализ дневников И.С. Ильина как исторического источника по истории Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 131–136.

текстов. Причем до сих пор никто не поставил вопроса о достоверности сообщаемых им сведений, хотя поводов для критического разбора его мемуаров достаточно¹⁹⁰.

В историографии предпринимались попытки изучения мемуарных источников по периоду Гражданской войны в рамках одного региона. В частности, А.С. Мاستренков изучил мемуары Оренбуржья. Его исследование позволило выявить 924 текста, из которых опубликовано около 30%¹⁹¹.

В последние годы в России предприняты масштабные переиздания мемуарных источников. Однако многие из них опубликованы в извлечениях, с купюрами. Это оправдывалось научно-популярным характером большинства новейших публикаций и тематическим содержанием сборников¹⁹². Археографическая работа составителей отсутствует либо ограничивается минимумом. Качественно откомментированное издание источников мемуарного характера по истории Гражданской войны является редким исключением¹⁹³.

В настоящем исследовании акцент был сделан на использовании мемуаров участников антибольшевистского движения, которые обладают наибольшей информативностью. Учитывались и использовались также мемуарные источники сторонников противоположного, советского лагеря. Воспоминания, написанные в 1920–1930-е гг. участниками борьбы за советскую власть, часто делались по заказу Истпарта¹⁹⁴. Многие из них имеют признаки бланкетности, составлены как ответы на анкетные вопросы, политически ангажированы, существенно искажают картину описываемых событий. В них переплетаются правда и вымысел, и они являются источниками, отражающими, скорее, не историю Гражданской войны, а процесс трансформации сознания ее участников под влиянием советской идеологической обработки. Мемуары, написанные в 1930–1950-е гг., менее достоверны, над ними довлеет советская концепция Гражданской войны. Кроме

¹⁹⁰ См., например: *Рышков В.М.* «В лютую зиму не подобает дереву иметь листву»: представительный орган в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака (23 ноября 1918 г. – 18 декабря 1919 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. Новосибирск, 2011. С. 33–34.

¹⁹¹ *Мастренков А.С.* Мемуары по истории Гражданской войны в Оренбуржье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 16.

¹⁹² Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995; Флот в белой борьбе. М., 2002; Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М., 2003; Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005; 1918 год на востоке России. М., 2003; Восточный фронт адмирала А.В. Колчака. М., 2004; Великий Сибирский ледяной поход. М., 2004; Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005; Гражданская война в России: борьба за Поволжье. М., 2005; Гражданская война в России: катастрофа белого движения в Сибири. М., 2005; и др.

¹⁹³ *Катанев Г.Е.* На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска. Новосибирск, 2005; *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006; *Грондейс Л.* Война в России и Сибири. М., 2018.

¹⁹⁴ *Васьковский О.А.* Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта ...; *Муравьева Л.В.* Становление советского архивного дела ...; *Пересветов В.А.* Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 113–120; *Калинкина Е.А.* Комиссии по истории Октябрьской революции ...; и др.

того, в советское время мемуары подвергались цензурированию¹⁹⁵, идеологическому редактированию, вплоть до исправления сообщавшихся в них фактах¹⁹⁶.

В то же время использование мемуарных источников, написанных участниками антибольшевистского движения, облегчает решение исследовательских задач тем, что авторы осознавали себя участниками исторических событий и даже в произведениях автобиографического и исповедального характера стремились отразить их достоверно. Их авторы ближе к традиционной русской эпистолярно-дневниковой культуре, нежели «инспирированные» мемуаристы советского лагеря, в большинстве своем отличались добросовестным воспроизведением фактов и событий¹⁹⁷. Однако эту общую закономерность не следует понимать как предрешенную. Во-первых, необходимо отличать тексты, написанные в Советской России и СССР и в эмиграции. Написание первых могло мотивироваться разными причинами, но почти над всеми авторами в большей или меньшей степени довлела цензура или самоцензура. Отдельные представители эмиграции были политически ангажированы, склонны к героизации и мифологизации действительности, а также к демонизации противника. Спустя несколько десятилетий эмигрантские организации стали активно инициировать написание воспоминаний участниками событий. Сходство с деятельностью Истпарта оказалось очень велико. Правда, авторам не предписывалось, как нужно писать мемуары, а подготовленные тексты не подвергались препарированию, как в СССР. Наибольшей тенденциозностью обладают мемуары бывших эсеров и военных в силу социально-психологических особенностей авторов.

Очень сложно дать классификацию мемуарным источникам. В источниковедческой литературе в ходе длительной дискуссии сформировалось несколько внутренне логичных и непротиворечивых подходов¹⁹⁸. Принятое в отечественном источниковедении советского периода деление авторов по профессиональной принадлежности и социальному происхождению представляется малофункциональным, особенно в рамках исследуемой темы. Наиболее очевидно и вполне работает деление по политическому признаку – на источники, написанные сторонниками и противниками большевиков. Но эта группировка, если и отражает политические пристрастия авторов и различия в условиях написания мемуаров, то не позволяет сгруппировать источники по сущности видовых различий. Естественно, что наиболее информативными оказались мемуары

¹⁹⁵ Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций: методика количественного анализа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 27; Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. С. 86; Сливко С.В. Деятельность Дальневосточного истпарта по изучению истории революционного движения, Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем востоке России (1922–1939): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2014.

¹⁹⁶ Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012. С. 58; Сафонов Д.А. Факел над бездной ... С. 19–20.

¹⁹⁷ Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. С. 59.

¹⁹⁸ См.: Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. С. 45–51.

государственных деятелей, но полезная информация обнаруживается не только в них. Исследователи обращали внимание на пограничное положение мемуаристики, находящейся на стыке, с одной стороны, с публицистикой и даже с научно-популярной литературой, с другой – с художественной литературой¹⁹⁹. Следует учитывать, что многие авторы мемуаров следили за историческими публикациями в эмиграции и даже в Советской России, а написанные ими тексты имеют вкрапления исследовательского характера. В.В. Кабанов определил это явление как перерастание мемуаров в исследование²⁰⁰. Подчас очевидец событий почти ничего не вспоминал, а просто на основе исследований и мемуаров предшественников создавал аналитический текст²⁰¹. Подобные источники близки по жанру к исторической публицистике или художественной документалистике. С этим связано и то, что исследовательская литература первых десятилетий после Гражданской войны имеет элементы мемуарного жанра. Другой тенденцией является создание мемуаров в увлекательной художественной форме, приближающей их к художественной литературе авантюрно-приключенческого типа. Таковы мемуары Г.М. Семенова, Г.И. Клерже, Ф. Оссендовского, А. Сорокина. Подобные тексты требуют особенно критического анализа, так как их авторы склонны к художественному домысливанию на основе реальных событий. Мемуары вообще очень тесно соприкасаются с художественной литературой. В каждом конкретном случае принципиальное значение имеет доминирование именно мемуарных признаков над литературно-художественными. Ценность и уникальность мемуарных источников заключается в способности передать многое из того, что не нашло отражения в документальных источниках. Это не только личные переживания авторов, но и сведения о закулисной стороне принятия политических решений, об экономическом поведении населения, другие подобные явления.

Чаще всего автору диссертации пришлось обращаться к *воспоминаниям*, самой многочисленной разновидности мемуарных источников. Другую специфическую разновидность составляют *дневники*. Одни авторы считают дневники источниками мемуарного типа, другие, указывая на синхронность написания описываемым событиям, склонны объединять их по этому признаку с личными письмами. Важно отметить, что некоторые дневники тщательно редактировались авторами специально для публикации, таким образом, непосредственные впечатления подвергались корректировке. Так, текст дневниковый по форме, приобретал определенные черты воспоминаний²⁰².

¹⁹⁹ В. Кардин справедливо отметил и правомерность обратного тезиса: в художественной литературе, публицистике и даже научных произведениях встречаются фрагменты мемуарного характера (*Кардин В.* Сегодня о вчерашнем: мемуары и современность. М., 1961. С. 59, 65–67, 70–73. См. также: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997).

²⁰⁰ *Кабанов В.В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. М., 2004. С. 103–105.

²⁰¹ См., например: *Филатьев Д.В.* Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Paris, 1985.

²⁰² Один из примеров разбора этой проблемы см.: *Рышков В.М.* [Рецензия] // Отечественные архивы. Научно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 103–107. – Рец. на кн.: Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: дневник

О.М. Морозова предлагает делить дневники на контекстуальные и исповедальные на том основании, что в первых больше сообщаются факты, а вторые фиксируют переживания автора и мотивы его действий²⁰³. Данная идея не лишена оснований, хотя провести такую группировку на практике для большого корпуса источников невозможно – слишком велика будет группа источников с различным сочетанием обоих признаков. Исходя из темы исследования, ценность дневникового источника напрямую связана со степенью его контекстуальности.

Уникальным для периода Гражданской войны является такой источник, как *летопись*²⁰⁴, пограничная разновидность, занимающая промежуточное положение между дневниковыми записями и *хроникой*. Она действительно, в соответствии с наименованием, несет на себе отпечаток летописной традиции.

Путевые заметки – произведения мемуарного характера, написанные, как правило, по горячим следам. Большинство из использованных источников этой группы отражают либо бегство от наступающего противника и историю беженства, либо мытарства авторов, предпринявших путешествие по стране. Основная часть их извлечена из периодической печати. Авторы, как правило, детально воссоздавали бытовую атмосферу и очень точно улавливали различия в социальной и экономической ситуации разных мест.

Автобиографии – редко встречающаяся разновидность мемуарных источников, главным образом в документах кадрового учета и Истпарта, собиравшего сведения о деятелях революционного движения. В рамках настоящего исследования к ним пришлось обращаться в единичных случаях.

Под эпистолярными источниками личного происхождения подразумевались прежде всего *личные письма*. Они очень плохо сохранились и использовались в единичных случаях. Основную же массу эпистолярных источников личного характера составляют *письма в редакции органов периодической печати*. Многие из них были опубликованы, и часто в них поднимались вопросы, связанные с хозяйственной жизнью или удовлетворением социальных запросов авторов. Этим обуславливается обращение к ним при работе над диссертацией. Данная разновидность источников близко примыкает к эпистолярно-просительным делопроизводственным документам.

Публицистические произведения использовались достаточно широко. Это, во-первых, редакционные статьи в периодической печати. Они имели большое значение, так как не только отражали реакцию редакции на текущие события, но и формировали общественное мнение. Во-вторых, авторские публицистические произведения. По ним можно проследить реакцию на

премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. 619 с.: ил. 400 экз. (Сер. «Новейшая Российская история: исследования и документы». Т. 9).

²⁰³ Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. С. 44–50.

²⁰⁴ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994.

решения и действия правительства многих общественных деятелей и ученых, позицию лидеров политических партий и общественных организаций (В.А. Жардецкий, А.В. Адрианов, А. Гутман (Ганн) и многие другие). Ценность этого вида источников состоит еще и в аналитической насыщенности, они в определенной степени направляют исследователя, формируют его мнение о проблеме. В-третьих, к публицистическим произведениям можно отнести дискуссии, обзоры, популярные рецензии, подчас связанные с вопросами хозяйственной жизни и острыми социальными проблемами.

Две совершенно самостоятельные разновидности публицистических источников – *репортажи и интервью*. Они встречаются в виде публикаций в периодической печати или архивных источников, подготовленных для публикации, но по какой-то причине не принятых.

К публицистике близко примыкают некоторые *научные исследования*. Данный вид источников чрезвычайно разнообразный и многочисленный. Речь идет о научно-аналитических статьях по экономике, статистике, юриспруденции и другим научным дисциплинам, принадлежащих перу исследователей – современников событий Гражданской войны и публиковавшихся в периодической печати и отдельными изданиями. Именно к этому виду источников относится основная часть опубликованных *статистических материалов* – не первичных, а синтетических источников. Они являются результатом научной обработки и анализа документов первичного учета и, следовательно, имеют характер научного исследования. Впрочем, прямого отношения к проблемам социальной политики имеют немногие из них. Кроме того, определенный интерес представляют несколько экспедиционных отчетов, которые близки по жанру к путевым заметкам, но обладают большей степенью аналитичности. Ряд научных исследований, использованных при подготовке диссертации, имеет пограничные признаки, находясь между историческим источником и историографией. Это связано в том числе и с тем обстоятельством, что многие авторы – участники событий – продолжали работать и публиковаться в Сибири в 1920-е гг.

Наконец, необходимо упомянуть о *художественной литературе*, которая тоже широко привлекалась, хотя и редко отражалась в сносках. В какой степени литература может вводиться в научный оборот в качестве источника исторического исследования? Эта проблема до сих пор является дискуссионной. С одной стороны, Б.Л. Пастернак, не будучи свидетелем Гражданской войны на востоке страны, весьма достоверно изобразил быт и духовные переживания интеллигенции Урала в эти годы, что подтверждается мемуарными источниками, в одном ряду с которыми можно использовать и роман «Доктор Живаго». В то же время талантливейшая и пестрящая деталями и подробностями эпопея А.Н. Толстого «Хождение по мукам» изобилует вымыслом именно этих деталей в угоду авторскому замыслу²⁰⁵. Как справедливо написал омский

²⁰⁵ См., например, меткое замечание А.В. Ганина по этому поводу: *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. С. 3.

литературный критик С.Н. Поварцов, художественная литература – это сплав в единое целое правды, вымысла и фигуры умолчания. С точки зрения анализа художественных текстов как исторических источников, большую ценность имеют литературоведческие публикации последних лет²⁰⁶, в том числе и те, которые позволяют выстроить перекрестье дискурсов времени описания (Гражданской войны, свидетелем которой, как правило, был автор) и времени написания (и последующего редактирования)²⁰⁷.

В последнее время появилось немало исследований, анализирующих проблему отражения и формирования исторической памяти в художественной литературе, а также в кинематографе и изобразительном искусстве²⁰⁸. Анализ отражения Гражданской войны на востоке России в художественных произведениях советских или эмигрантских авторов требует специального исследования, и его результаты дадут, скорее, представление о восприятии событий тех лет в общественном сознании советского или российского эмигрантского общества.

Для темы диссертации потребовалось внимательное отношение к источникам другого рода – художественным произведениям, синхронным изучаемым событиям. Это фельетоны, пародии, рассказы, очерки и другие художественные произведения, публиковавшиеся в периодической печати и очень часто являвшиеся оперативной реакцией людей, обладавших художественным даром на животрепещущие вопросы. Ценность такого источника неоспорима, и в рамках изучаемых научных проблем она имеет не художественное, а информационное измерение. Подчас важна информация косвенного характера, отражавшая общественные настроения, психологическое состояние, в художественной форме сообщавшая об актуальных для современников проблемах. В меньшей степени и с большой осторожностью привлекались литературные произведения, опубликованные в эмиграции и Советской России участниками Гражданской войны на востоке России, если наряду с функцией формирования исторической памяти в них присутствовал элемент автобиографичности²⁰⁹.

В заключение следует отметить, что сохранившиеся исторические источники позволяют решить поставленные в диссертационном исследовании задачи. Разные группы источников дополняют друг друга и дают возможность критического анализа имеющейся информации. Главной

²⁰⁶ Папкова Е.А. Вс. Иванов «Очерки фронта»: сибирские источники повести «Бронепоезд 14-69» // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы. М., 2017. С. 405.

²⁰⁷ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: контексты эпохи / сост. Е.А. Папкова. М., 2018. С. 7–231, 340–361.

²⁰⁸ Ипполитов Г.М. О подходах к установлению степени достоверности художественной литературы о Гражданской войне России как историко-психологического источника // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2004. С. 223–228; Волков Е.В. «Гидра контрреволюции»; Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2009.

²⁰⁹ Секиринский С.С. История и литература: в несовпадающих ракурсах // Отечественная история. 2002. № 1. С. 191–195.

проблемой является не дефицит информации, а ее избыток, что только актуализирует задачу правильной организации источниковой базы и расстановки исследовательских приоритетов.

Научная новизна. Проведенное исследование отличается новаторской постановкой исследовательских задач, целостностью и системностью изучения предмета, широтой источниковой базы, масштабностью сравнительного анализа, междисциплинарностью методологии. Ранее тема практически не исследовалась, сделаны лишь первые шаги в изучении ее важных аспектов, как правило, применительно к отдельным регионам или правительствам. Диссертантом впервые в историографии изучены основные направления социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России в годы Гражданской войны. Территориальные рамки большого макрорегиона, включающего Поволжье, Прикамье, Урал, Сибирь, Степной край и Дальний Восток, позволили по единым методологическим основаниям произвести анализ деятельности высших, центральных и местных органов власти и управления – двух российских (Всероссийского Временного правительства (Директории) и Российского правительства), пятнадцати региональных правительств и двух национальных государственных образований. В рамках каждого направления социальной политики предметом анализа стали проекты решения социальных проблем, их теоретические и идейные основания, ход обсуждения, нормативно-правовое воплощение, степень и масштаб реализации, реакция населения, непосредственные результаты, прямые и косвенные долговременные последствия. Исследование проведено с максимальной опорой на первоисточники. Значительная часть из них вводится в научный оборот впервые. Эмпирический материал проинтерпретирован на основе современных политико-философских, социологических, экономических и правовых теорий, что позволило осмыслить меры социальной поддержки населения России в годы Гражданской войны как часть мирового опыта. Используемая в диссертации теоретическая и методологическая основа ранее не применялась для изучения событий Гражданской войны. Проведенное исследование существенно расширяет представления об этом сложнейшем периоде российской истории.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Возникшие в восточных регионах России летом–осенью 1918 г. правительства общероссийского и регионального статуса, а также автономные национальные органы власти, несмотря на идейно-политические различия, объединяла общая вооруженная борьба против советской власти, сходство требующих решения социально-экономических проблем. Стремление воссоздать единый центр государственной власти привело к объединению всего востока России под руководством Российского правительства, что позволило сформировать общее государственное и правовое пространство на востоке России. Государственные образования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, существовавшие до осени 1922 г. (исключение составляет Дальневосточная республика), независимо от политических предпочтений, опирались на правовую базу,

заложенную Временным Сибирским и Российским правительствами. Есть все основания рассматривать антибольшевистские правительства на востоке России с лета 1918 г. до осени 1922 г. в единстве и целостности, что позволяет выявлять черты сходства и особенности проведения их внутренней политики.

2. С точки зрения разработки социальной политики антибольшевистские правительства на востоке России можно разделить на три группы: первым удалось обеспечить детальное нормативное регулирование и достаточно полную практическую реализацию; вторые целенаправленно концентрировали усилия на решении ограниченного круга проблем; третьи, продекларировав свою власть, не имели реальных рычагов проведения самостоятельной социальной политики. Национальные экстерриториальные правительства отказывались от проведения социальной политики, относя ее к компетенции центрального общероссийского правительства.

3. Социальная политика проводилась на фоне усилившихся социальных бедствий, возросшей доли расходов на социальные нужды. Она представляла собой совокупность нескольких взаимосвязанных направлений и осуществлялась в тесном взаимодействии органов власти, местного самоуправления и общественных организаций. Значение перечисленных направлений очевидно на фоне усиливавшихся социальных бедствий населения, возросшей доли расходов на социальные нужды.

4. На востоке России сформировалась разветвленная сеть центральных, региональных и местных учреждений, созданных специально для проведения одного или нескольких направлений социальной политики. Их структура лишь отчасти отражала проводимую ими социальную политику и ее приоритеты. Декларируемое приоритетное отношение к социально-трудовой сфере слабо обеспечивалось финансово и организационно. Целый ряд более значимых и затратных направлений реализовывался через подразделения Министерства внутренних дел и Военного ведомства. Острота социальных проблем вынуждала власть концентрировать усилия на таких направлениях социальной политики, как выдача пособий семьям призванных, эвакуация, помощь беженцам, больным и раненым, борьба с эпидемиями.

5. Важнейшей особенностью социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России являлось детальное нормативное регулирование с опорой на дореволюционное законодательство. Это делало ее предсказуемой, но длительная разработка законодательства лишала необходимой для столь динамичной эпохи гибкости.

6. Практически все антибольшевистские правительства лавировали между интересами разных групп населения и стремились к поиску социального компромисса, но не имели для этого достаточных административных и финансовых ресурсов, что не позволило сформировать твердую социальную опору власти.

7. Власть на востоке России не могла сдержать падения реальных доходов населения. Основным методом преодоления негативных последствий инфляции стало установление новых надбавок к зарплате. Деятельность органов власти по регулированию заработной платы в целом совпадала с требованиями работников и вела к сокращению дифференциации заработной платы и установлению гарантированного минимума. Власть недостаточно использовала натуральные стимулы, недооценивала бартеризацию экономики.

8. Антибольшевистские правительства стимулировали занятость населения путем регулирования, а не принуждения. Методы трудовой мобилизации, робкие, непоследовательные, рассчитанные на «точечное» применение, практически не дали положительных результатов и не предполагали принудительного использования труда, что не позволило должным образом поддерживать боеспособность армии и обеспечивать бесперебойную работу инфраструктурных объектов.

9. Под влиянием развернувшейся Гражданской войны происходило последовательное увеличение численности групп населения, нуждавшихся в материальной поддержке со стороны государства и общества. На востоке России антибольшевистские правительства адаптировали нормативную базу, сформировали центральный и местный аппарат, финансово обеспечили выплату пенсий и пособий пострадавшим во время военных действий и революционного гражданского противостояния, их родным, семьям призванных в армию, беженцам, эвакуированным рабочим и служащим. Заложенной в первые месяцы финансовой и организационной основы оказалось достаточно, чтобы ею смогли воспользоваться государственные образования на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг.

10. Учреждения здравоохранения на востоке России сохранили разную ведомственную принадлежность. Такой вариант позволял диверсифицировать источники финансирования и объединить усилия разных институтов власти, местного самоуправления, общественности, создать сеть госпиталей, поддерживать работоспособность медицинских учреждений, бороться с эпидемиями. В то же время сохранялась ведомственная несогласованность и недостаточная централизация усилий и ресурсов.

11. На востоке России правительственная власть в целом сохранила дореволюционную институциональную структуру. Это создавало поле для взаимодействия правительств и общественных институтов. Такое взаимодействие оказалось достаточно активным и в целом конструктивным. Органы местного самоуправления и общественные организации аккумулировали дополнительные ресурсы для реализации социальной политики, проводимой органами правительственной власти. На них законодательство перекладывало часть государственных социальных обязательств, несколько ослабив нагрузку на правительственную казну. Выполнение абсолютного большинства социальных функций оказалось непосильным для скудных бюджетов органов

местного самоуправления и общественных организаций. Они привлекали благотворительные средства, вводили натуральные повинности, в значительной мере кадрово обеспечивали социальную работу. Главным финансовым источником для социальной помощи населению оставались средства, выделяемые органами власти.

12. Политика антибольшевистских правительств оказалась более человекосберегающей, но менее мобилизационной. Она в целом исключала классовые принципы, позволявшие сужать круг лиц, получающих социальную поддержку. Элементы социального реваншизма прослеживаются в социальной политике некоторых антибольшевистских правительств, но власть, как правило, старалась их сдерживать, а не культивировать. Доля тех, кто пользовался помощью правительственных и общественных институтов на востоке России при антибольшевистских правительствах, оказалась больше, чем при советской власти в период Гражданской войны. Придерживаясь в основном экономических принципов хозяйственной деятельности, антибольшевистские правительства не могли, а в основном и не стремились концентрировать материальные и человеческие ресурсы под контролем государства, оставляли больше возможностей для выживания населения и его адаптации к бедствиям Гражданской войны. Обратной стороной такой приверженности экономическим методам хозяйствования и относительной толерантности в идейно-политической сфере стала неспособность аккумулировать ресурсы для быстрого решения важнейших задач, в том числе задач социальной политики.

Практическая значимость. Приведенный в диссертации фактический материал и сформулированные выводы могут быть использованы для детализации теоретических проблем социологии, экономики и права, в сравнительно-исторических исследованиях истории революций и гражданских войн, при проведении конкретно-исторических исследований в области истории России и ее регионов, при подготовке учебных курсов и учебных пособий по истории России, истории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, при создании музейных и выставочных экспозиций, архивоведческих обзоров.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования изложены в 96 научных публикациях, включая две монографии, 18 статей, опубликованных в рецензируемых изданиях, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук и доктора исторических наук, апробированы в докладах на международных научных и научно-практических конференциях в Омске (2000, 2003), Кемерово, (2003) Благовещенске (2010), Архангельске (2011), Новосибирске (2011, 2017), Владивостоке, (2014), всероссийских научных и научно-практических конференциях в Красноярске (1999), Иваново (2003), Кургане (2007), Архангельске (2009), Челябинске (2009), Томске (2009), Новосибирске (2011, 2013, 2018, 2019), Оренбурге (2011, 2013), Барнауле (2018) межрегиональной научной конференции (Новосибирск (2010) и региональных-научных и

научно-практических-конференциях в Новосибирске (2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009, Благовещенске (2007), Нижневартовске (2008), Уфе (2013), использованы при чтении специальных курсов в Гуманитарном институте Новосибирского государственного исследовательского университета.

Структура диссертации. Диссертация построена по проблемному принципу, включает введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, список сокращений, список источников и литературы. Первая глава имеет вводный характер. В ней детально описан объект исследования в исторической динамике. В главах 2–5 рассмотрены основные направления социальной политики.

ГЛАВА 1

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВО И ИНСТИТУТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Под институтами в современной гуманитарной мысли понимают либо форму организации совместной деятельности людей, либо механизм, обеспечивающий воспроизводство социальных отношений. Но при анализе социальной политики необходимо исследовать не способы социальных или политических взаимодействий, а достаточно узкий круг формализованных компонентов политической системы, участвовавших в выработке и реализации политических решений. Прежде всего это государство и те его учреждения и организации, которые непосредственно отвечали за отдельные направления социальной политики, а также совокупность общественных организаций и их объединений, участвовавших в мониторинге социальных нужд и настроений в обществе, их трансляции во властные структуры. В условиях политической нестабильности одно уяснение их статуса и длительности существования требует серьезного исследования. Реконструкция политической истории антибольшевистского лагеря должна предшествовать анализу институтов, так как без этого невозможно уяснить круг действующих субъектов, динамично менявшихся во времени и пространстве.

Гражданская война в России – динамичный период российской истории, отличавшийся сложнейшим переплетением социально-политической и вооруженной борьбы разных сил. Восточный лагерь контрреволюции выделялся тем, что события разворачивались на огромной территории, превосходившей все остальные части России. Изучение социальной политики антибольшевистских политических режимов следует начинать с детального описания объекта исследования. Включенность в события не одного правительства, а множества различных государственных образований определяет его сложность. Детальное изложение политической истории антибольшевистского движения во всех регионах востока России – в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке – позволит уяснить статус каждого государственного образования, особенности их взаимодействия друг с другом. Предмет изучения предполагает повышенное внимание к государственному строительству, точнее, к определенному его ракурсу, связанному с органами власти различных государственных образований, реализующими отдельные направления социальной политики.

В литературе идет дискуссия о том, можно ли считать частью государства всю общественную систему или правительственные органы и общественные организации имеют принципиально разную природу и противостоят друг другу. Но не подлежит сомнению огромное значение, оказываемое наиболее влиятельными негосударственными организациями на направление внутренней политики любого правительства. Одна из особенностей лагеря контрреволюции в целом

и антибольшевистского лагеря на востоке России в частности состояла в сохранении широкого спектра независимых от правительства общественных организаций. Другая заключалась в отсутствии для общественных организаций и их объединений тех искусственных границ юрисдикции различных антибольшевистских правительств, которые существенно ограничивали органы государственной власти и управления. Общественные объединения нередко действовали на межрегиональном уровне. В свою очередь, они воплощали институционализированный интерес социальных групп. Во взаимодействии государственной власти и общественных сил, их организованном или неформальном влиянии друг на друга складывалась результирующая линия социальной политики. Именно эти вводные соображения задают структуру и логику первой главы исследования.

1.1. Политическое пространство Гражданской войны

Февраль 1917 г. привел к разрушению единой властной вертикали. Ее возрождение в первые революционные месяцы было призрачным. Если в столице ситуацию принято характеризовать как двоевластие, то в целом по России существовало безусловное многовластие, на деле обозначавшее значительную автономию региональных органов в решении хозяйственных вопросов. Причина состояла не столько в квазидемократической идеологии революции, сколько в экономическом бессилии центра. Ярким тому подтверждением служила быстрая этнократизация политических процессов. Она в наибольшей степени охватила окраины бывшей империи и выразилась в автономистском движении большинства народов, проживавших в России, в частности на востоке страны: татар, башкир, казахов, алтайцев и бурят. Октябрьские события в Петрограде обозначали повторный распад государственности. На этот раз многие политические конфликты вышли из латентной формы и вылились в открытое вооруженное противостояние.

С точки зрения идеологии социальной политики наблюдались амбивалентные процессы. С одной стороны, весь спектр сил, участвовавших в революции – от анархистов до умеренных либералов, исповедовал идеи социального государства. Это предполагало усиление социальных функций государственного аппарата и оказалось созвучно усиливавшимся патерналистским настроениям населения, т.е. отражало чаяния масс. С другой стороны, руководители государства осознавали материальную неспособность нести тяжелое бремя социальной реабилитации нуждавшихся. Тем не менее именно в составе Временного правительства впервые в истории российской государственности образовались Министерство труда и Министерство социального призрения¹. Большевики, оказавшись у кормила государственной власти, сохранили первое из этих ведомств,

¹ См. подробнее: *Орлова Н.Е.* Государственное регулирование в практике Временного правительства (март–октябрь 1917 г.). Ростов н/Д, 2006. С. 106–110.

но ликвидировали второе. На протяжении 1917 – первой половины 1918 г. сменявшие друг друга правительства с возрастающей активностью декларировали заботу о социально незащищенных слоях населения, но все меньше выполняли свои социальные обязательства на практике.

Появившиеся на востоке России органы государственной власти провозгласили себя продолжателями и наследниками политики Временного правительства. Но в одну реку нельзя войти дважды. История стремительно убежала вперед. Им пришлось действовать совершенно в иной обстановке.

Начало Гражданской войны одни исследователи относят к лету–осени 1917 г., другие – к весне–лету 1918 г. Все зависит от того, вести отсчет от вызревания организованной контрреволюции или от ее окончательного превращения в равноценную сторону Гражданской войны. Сторонники первой точки зрения применительно к востоку России отмечают вызревание очагов антибольшевистского сопротивления в казачьих районах. Особенностью азиатской части страны являлось наличие 8 казачьих войск. Революция поставила на повестку вопрос об уничтожении сословий, который был неоднозначно воспринят казачеством. Желая сохранить свои привилегии, главным образом увеличенные по сравнению с крестьянскими земельные наделы, казаки стремились избавиться от тягот казачьей военной службы. Разногласия раскололи почти каждое войско на два враждующих лагеря задолго до начала вооруженной борьбы в остальных регионах России². На территории Амурского, Забайкальского, Оренбургского, Семиреченского, Уральского и Уссурийского казачьих войск военные действия начались с конца 1917 – начала 1918 г.³

В любом случае мятеж чехословацкого корпуса против большевиков в мае–июне 1918 г. представляется важным рубежом – после него огромный регион, превышающий по площади любую из мировых держав, оказался оторван от центра и надолго включен в орбиту организованного противостояния советской власти.

Ростки антибольшевистской государственности зарождались задолго до этого мятежа. В двух казачьих войсках она осталась неоформленной. 14 ноября 1917 г. Войсковой совет Семиреченского казачьего войска в Верном образовал войсковое правительство. Участники

² *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917–1920 гг.). Красноярск, 1991. С. 91–104; *Футорянский Л.И.* Казачество России в преддверии гражданской войны (26 октября 1917 г. – март 1918 г.). Оренбург, 2000; *История казачества Азиатской России.* Екатеринбург, 1995. Т. 3: XX век. С. 14–72.

³ *Сафонов Д.А.* Легенда о «казачьем мятеже» // 1743. Историко-литературный альманах. Оренбург, 2000. С. 35–63; *Савченко С.Н.* Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 62–120; *Балмасов С.С.* Антибольшевистское движение в Уральском казачьем войске: краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 161–162; *Ганин А.В.* Антибольшевистское движение в Оренбургском казачьем войске: краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 180–184; *Ивлев М.Н.* Антибольшевистское движение в Семиреченском казачьем войске: краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 225–235; *Шустов Ю.* Геноцид Семиреченского казачества: краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 236–240; *Новиков П.А.* Антибольшевистское движение в Забайкальском казачьем войске: краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 280–283; *Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект.* М.; Саранск, 2017. С. 625–628, 630–633, 638–642, 647–659; Благовещенск. Март 1918. Благовещенск-на-Амуре, 2018. С. 49–68.

создания советов в Семиречье были арестованы, и на территории Семиреченской области началась Гражданская война⁴. В Уральске в начале февраля 1918 г. прошел войсковой съезд, сформировавший войсковое правительство Уральского казачьего войска и избравший войсковым атаманом генерал-майора В.С. Толстова. Но слабое правительство предпочло некоторое время лавировать между Уральским областным и Саратовским губернским советами, не имея ни твердой власти над войсковой территорией, ни правильно оформленной структуры управления.

Первым и наиболее явным очагом антибольшевистской государственности на востоке страны была территория Оренбургского казачьего войска. Концентрация власти на региональном уровне в руках войскового атамана А.И. Дутова началась еще в октябре 1917 г. 1 октября 1917 г. он был избран войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска сроком на 3 года. Накануне войсковую управу переименовали в войсковое правительство, окружные управы – в управления. 18 октября 1917 г. Временное правительство утвердило Дутова в этой должности и назначило главноуполномоченным по продовольствию в Оренбургском казачьем войске и Тургайской области на правах министра. Позже Оренбургский войсковой круг распространил власть атамана на Тургайскую область. Такой порядок сохранялся и при антибольшевистских правительствах, формально пытавшихся восстановить Тургайскую область как самостоятельную административную единицу.

26 октября 1917 г. Оренбургское войсковое правительство приняло на себя всю полноту государственной власти на территории войска. В своих действиях атаман А.И. Дутов получил поддержку не только комиссара Временного правительства Н.В. Архангельского, но и Оренбургского совета рабочих и солдатских депутатов⁵. Правда, через несколько дней Оренбургский совет выступил против войскового атамана, арестовав некоторых членов правительства. 8 ноября в Оренбурге возник Комитет спасения Родины и революции под председательством городского головы В.Ф. Барановского, в состав которого вошли представители Городской управы, земства, казачества, общественных организаций. В декабре 1917 г. на Втором очередном войсковом круге А.И. Дутов был переизбран войсковым атаманом. В ноябре–декабре 1917 г. войсковому правительству подчинялись Верхнеуральск, Троицк, Орск и Челябинск. Это подчинение было относительным. Противостояние сторонников и противников советской власти на Южном Урале развернулось в это время уже в полной мере. «Красные» сосредоточили на оренбургском фронте от 7 тыс. до 12 тыс. бойцов. А.И. Дутов имел в несколько раз меньше. Казаки отказывались воевать, ограничиваясь изгнанием «красных» из своих станиц.

⁴ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алматы, 2010. Т. 4: Казахстан в советский период. С. 150.

⁵ Пleshkevich Е.А. Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 94–95; Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 108–112; Костогрызов П.И. Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 74–77.

18 января 1918 г. Оренбург был сдан «красным», атаман распустил своих сторонников по станицам и перебрался в Верхнеуральск, который с 29 января по 25 марта 1918 г. стал центром антибольшевистского сопротивления. Здесь располагались войсковое правительство и атаман Оренбургского казачьего войска, проведен 2-й чрезвычайный войсковой круг. Впрочем, он представлял лишь небольшую часть оренбургского казачества. Ни средств, ни административных возможностей для организации власти у сторонников А.И. Дутова в тот период не было.

В апреле 1918 г. оренбургский атаман с группой примерно в 600 чел. пробрался в Тургайские степи. Противники большевиков в войске перешли к тактике партизанской борьбы против большевиков, а часть станиц, собранная вокруг Нижне-Озерного съезда/круга, с апреля по июнь 1918 г. осуществляла функции регионального управления, альтернативного советскому⁶.

Особым полюсом сопротивления советской власти являлись национальные движения. Они пытались взаимодействовать с большевиками, но достаточно быстро перешли в стан их противников. 5–13 декабря в Оренбурге прошел II Всекиргизский съезд, участники которого провозгласили автономию казахских степей и избрали Всекиргизский народный совет Алаш-Орда под председательством А. Букейханова⁷. Резиденцией совета стал Семипалатинск. С апреля 1918 г. совет установил связь с антибольшевистскими организациями Семипалатинска⁸. 18–24 мая 1918 г. в деревне Джамбеты состоялся IV Областной киргизский съезд, выделивший казахские территории Уральской области в пять новых уездов – так называемый Уильский Ойялат. Съезд 18 мая сформировал Временное правительство под председательством одного из членов Всекиргизского народного совета Х. Досмухамедова⁹.

В Оренбурге же 20 декабря 1917 г. на III Всебашкирском учредительном съезде было образовано Башкирское правительство. Оно пыталось взаимодействовать с советской властью. Но после ареста в ночь с 15 на 16 февраля 1918 г. семерых членов правительства лидеры башкирского национального движения перешли на подпольное положение и стали поддерживать казачью контрреволюцию¹⁰.

⁶ Костокрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле–июне 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2001. № 9. С. 15–20; Костокрызов П.И. Антибольшевистское движение на Урале ... С. 136–137, 141–150; Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: местные власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 30–44.

⁷ Алаш-Орда: сб. документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 50–53.

⁸ Амаджолова Д.А. На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 205–208.

⁹ Движение Алаш: сборник документов и материалов. Декабрь 1917 – май 1920 г. Алматы, 2005. Т. 2. С. 232–235, 263–270; История Западного отделения Алаш-Орды. Уральск, 2012. Т. 1: сб. документов. Т. 1. С. 109–110; см. также: Мажитов Р.С. Деятельность Ж. Досмухамедова по организации Западного отделения правительства Алаш-Орды // Отан тахиры. 2002. № 4. С. 105–109; Мажитов Р.С. Жаханшах Досмухамедов и Западное отделение Алаш-Орды // Научное наследие С.А. Аманжолова и проблемы гуманитарных наук XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2003. С. 279–285.

¹⁰ Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–19205 гг.). Уфа, 1997. С. 68–76, 96–98.

В Сибири события развивались по совершенно иному сценарию. Здесь не было готовой военной организации, но для противостояния советской власти имелась прочная почва в виде областнического движения, способного обосновать автономное от центра существование восточной окраины государства. Именно в рамках областничества в конце 1918 г. стали формироваться небольшевицкие органы власти. Созванный по инициативе областников 13 декабря 1917 г. Сибирский областной съезд избрал Временный сибирский областной совет, который разработал порядок созыва Сибирской областной думы. В конце декабря в Томск стали съезжаться выдвинутые различными политическими организациями Сибири депутаты Сибирской областной думы. В условиях противостояния советской власти этот орган так и не собрался. Зато в ночь на 28 января 1918 г. часть прибывших в Томск депутатов сформировала Временное Сибирское правительство¹¹ в составе 20 министров под председательством П.Я. Дербера. В ту же ночь часть министров была арестована томскими большевиками, другая часть выехала на Дальний Восток¹². В пути членами правительства были созданы подпольные структуры (Западно-Сибирский комиссариат в Томске и, возможно, Восточно-Сибирский комиссариат в Иркутске), призванные подготовить антисоветский переворот и передачу власти в руки правительства П.Я. Дербера. Ровно через месяц Временное Сибирское правительство оказалось в Харбине. Харбинское общественное самоуправление еще 19 декабря 1917 г. заявило о своей независимости от России и признании полной административной самостоятельности управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата¹³. Правительство П.Я. Дербера вступило в борьбу с созданным Д.Л. Хорватом в феврале 1918 г. «Дальневосточным комитетом спасения Родины и защиты Учредительного собрания»¹⁴.

Противостояние внутри российского общества достигло высокой степени уже весной 1918 г. Во-первых, борьба большевиков против национально-автономистского движения башкирского, казахского, алтайского и бурятского народов все больше усиливала антибольшевицкие настроения среди представителей этнических меньшинств востока России. Во-вторых, это проявилось в создании многочисленных подпольных антибольшевицких группировок, разбросанных по городам России. Их костяк составили офицеры и члены эсеровской партии. Сильные подпольные организации существовали в Самаре и городах Сибири. Они в значительной мере

¹¹ Именно под таким названием было создано это правительство. Но на Дальнем Востоке его представители называли себя Временным правительством автономной Сибири даже в своем официальном издании. Данное наименование закрепилось за правительством П.Я. Дербера в историографии.

¹² *Вегман В.* Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией. К истории возникновения Сибоблдумы // *Сибирские огни*. Новосибирск, 1923. № 3. С. 89–116; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 70–74; *Журавлев В.В.* Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от автономной Сибири к возрожденной России // *Власть и общество в Сибири в XX в.* Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 5–7; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 182–188.

¹³ *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 23.

¹⁴ *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 25–30; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае. С. 31. В историографии встречаются самые разнообразные варианты названия этого комитета: «...активной защиты Родины и Учредительного собрания», «...защиты родины и Учредительного собрания» и др.

подготовили антибольшевистский переворот¹⁵. В Поволжье и на Урале рабочие, крестьяне и городские обыватели, резко настроенные против советской власти, были готовы активно поддерживать антисоветское выступление¹⁶. В Сибири и на Дальнем Востоке, где советская власть утвердилась позже, эти настроения еще находились в стадии вызревания. В связи с этим можно признать справедливым, что чехословацкое выступление оказалось несколько преждевременным с точки зрения успеха антибольшевистского движения.

Тем не менее с 26 мая 1918 г. на огромной территории от Пензы до Владивостока начался мятеж чехословацких легионеров против советской власти. Его подробности многократно описаны в советской¹⁷, эмигрантской¹⁸, постсоветской¹⁹ и зарубежной историографии²⁰, отражены в

¹⁵ Контрреволюция в Сибири: доклад полковника Глухарева // Красная летопись. М., 1923. № 5. С. 356–370; Флуг В.Е. Отчет о поездке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 9. С. 249–267; Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 129–151; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 105–137; и др.

¹⁶ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919: документы и материалы. Париж, 1982. С. 21–74, 98–101, 106–107, 145–146, 157–158; Костогрызов П.И. Антибольшевистское движение на Урале ... С. 69–72, 96–97, 109–112, 116–123.

¹⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965; Скрябин В.С. Мятежный корпус: о вооруженном антисоветском выступлении чехословацкого корпуса в 1918 г. // Вестник ЧелГУ. Серия. ист. 1993. № 1. С. 29–40; Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1. С. 23–31; Левчук А.П. Еще раз о «преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 2. С. 3–12; Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая Армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 7–23; Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность ее альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 56–72; Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май–август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 7. С. 5–18; Лапандин В.А. Восстание чехословацкого корпуса: к проблеме оценки причин и характера // Вестн. Самарской государственной экономической академии. Самара, 2001. № 1(5). С. 140–145; Недбайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 58–119; Валиахметов А.Н. Современная зарубежная историография о Чехословацком корпусе в России // Вестник молодых ученых. Сер. 3: Исторические науки. СПб., 2004. № 2. С. 78–86; Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в отечественной историографии 1920-х гг. // Российская история XX века: проблемы науки и образования: материалы науч. конф. М., 2004. С. 174–176; Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920 гг.): историография: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005; Салдугеев Д.М. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006; Голуб П.А. Чехословацкий мятеж взрывает гражданскую войну // Политическое просвещение. 2007. № 2. С. 96–117; Аксютин Ю. Мятеж Чехословацкого корпуса. К истории начала Гражданской войны // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 121–132; Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 77–87, 98–117; Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 44–68.

¹⁸ Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России. 1914–1920 гг. Париж; Прага, 1928. С. 43–58.

¹⁹ Рыбков А.Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: исторические очерки. Саратов, 2017.

²⁰ Klecenda V. Operace ceskoslovenskeho vojska na Rusi v letech 1917–1920. Praha, 1921; Kudela J. Prehled vyvoje csl revolucniho vojska na Rusi. Praha, 1923; Панушек И. Причины чехословацкого выступления // Воля России. Прага, 1928. № 8–9. С. 287–350; Popousek J. Rusko a ceskoslovenske legie v letech 1914–1918. Praha, 1932; Kvasnicka J. Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963; Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. М., 1965; Fic V.M. The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of their Armed Conflict (March – May 1918). N.-Delhi, 1978; Pichlik K., Klipa D., Zabloudilova J. Ceskoslovenski legonari (1914–1920). Praha, 1996; см. также: Валиахметов А.Н. Выступление чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) // Филология и культура. 2012. № 3(9). С. 207–210.

опубликованных источниках²¹. До начала открытых действий руководители чехословаков вступили в контакт с лидерами антибольшевистского подполья, которые подготовились к политическому руководству антибольшевистским движением, а кое-где возглавили свержение советской власти²².

В результате выступления Чехословацкого корпуса, эсеровского и офицерского подполья на востоке России возникло несколько антибольшевистских государственных образований, власть которых первоначально носила очаговый характер. В первый день после переворота в Западной Сибири из подполья вышел Западно-Сибирский комиссариат в составе членов Учредительного собрания Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова, М.Я. Линдберга. Они находились в Томске и Новониколаевске, а 12 июня переместились в Омск. Западно-Сибирский комиссариат просуществовал месяц и 30 июня передал власть Временному Сибирскому правительству, сформированному из оставшихся в Сибири министров²³.

В Самаре советская власть была ликвидирована 8 июня 1918 г. В тот же день вышел из подполья Самарский губернский комитет членов Учредительного собрания. Уже через несколько дней из регионального органа временной власти он преобразовался в общероссийский комитет членов Учредительного собрания (Комуч), который должен был «дозреть» до соответствующего масштаба путем включения в свой состав всех желающих членов разогнанного большевиками в январе 1918 г. парламента. Действительно, его численность стала постепенно возрастать. Начиная с 5 членов в первые дни, она достигла 97-ми в сентябре 1918 г. Председателем этого правительства стал В.К. Вольский. 14 августа 1918 г. при Комуче был образован Совет управляющих ведомствами, ставший исполнительным органом этого псевдопредставительного учреждения²⁴. Преимущественно эсеровский по своему составу²⁵, Комуч воплотил собой леворадикальный не-большевистский путь развития русской революции и этим оказался схож с Западно-Сибирским

²¹ Чехословацкий корпус в Поволжье. 1918–1920 годы: документы и материалы. Саратов, 2014.

²² *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. С. 205–229; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири ... С. 194–195.

²³ *Журавлев В.В.* Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Новосибирск, 2002. С. 35–47; *Лившиц С.Г.* К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории. Барнаул, 1969. С. 69–93; *Ларьков Н.С.* Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 24–30; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. материалов и документов. Новосибирск, 2005.

²⁴ Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Самара) (далее: Вестник Комуча). 1918. 23 авг.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года. М., 2011. С. 60, 272. Историю государственного строительства Комуча большинство исследователей воспроизводят по мемуарам И. Майского, который датирует это событие 15 августа (см.: *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 55–60). На самом деле вопрос обсуждался на заседании комитета 14 августа 1918 г. и был оформлен приказом № 311 Комуча от 22 августа 1918 г.

²⁵ *Протасов Л.Г.* Комитет членов Учредительного собрания: социопортрет в зеркале русской революции // Вестник Самарского госуниверситета. 2004. № 1 (31). С. 91–95. Законодательная деятельность Комуча получила одобрение на «съезде партии социалистов-революционеров территории Учредительного собрания» (см.: Народное дело (Уфа). 1918. 17 авг.).

комиссариатом, но отличался от Временного Сибирского правительства. В одной из деклараций Комуча о принципах государственного строительства провозглашалось: «Оставляя технический аппарат, создавая его по принципу прежних министерств, мы стремимся внести в него новое содержание: в органы управления вводится общественный элемент, представительство от общественных организаций, городских и земских самоуправлений»²⁶. Эсеровская концепция власти размывала границу между государственным и общественным.

На протяжении нескольких месяцев самарский центр власти играл существенную роль в событиях Урало-Поволжского региона. В орбиту его влияния попало еще несколько государственных образований. Одно из них было порождено Ижевско-Воткинским антисоветским мятежом. В этом районе против местных советов восстали рабочие. С 10 по 28 августа 1918 г. повстанцами руководил эсеровский совет, который вскоре признал самарское правительство единственным законным правительством в России и передал региональную власть Прикамскому комитету членов Учредительного собрания. Последний просуществовал до 14 октября 1918 г.²⁷

Вторым органом, признавшим Комуч, стало Оренбургское войсковое казачье правительство. Известие о чехословацком мятеже вызвало восстание в оренбургских казачьих станицах. 28 июня 1918 г. войсковой круг признал власть самарского правительства. Вскоре атаман Первого округа К.Л. Каргин был назначен уполномоченным Комуча. А.И. Дутов и войсковое правительство вернулись в Оренбург 3 июля 1918 г., а 6 июля был образован Оренбургский комитет членов Учредительного собрания в составе К.Л. Каргина, П.В. Богдановича и И.П. Нестерова. Уже 7 июля И.П. Нестеров назначил уполномоченным Комуча в Оренбуржье войскового атамана А.И. Дутова. Войсковые органы, несмотря на формальное признание Комуча, сохранили почти полную автономию²⁸. Сложный баланс сил привел к формированию в Оренбуржье особого политического режима²⁹.

25 и 27 июля 1918 г. прошли переговоры членов Комуча и представителей Уральского войскового правительства во главе с Г.М. Фомичевым. Комуч настаивал на признании себя единственным правомочным органом «центральной власти», а уральцы – на взаимоотношении как двух равных партнеров по борьбе с большевиками. Тем не менее состоялось соглашение о координации действий³⁰.

²⁶ Вестник Комуча, 1918. 25 авг.; Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018. С. 71.

²⁷ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 92.

²⁸ Костогрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова ... С. 18–20; Плешкевич Е.А. Органы государственной власти ... С. 114. Е.А. Плешкевич ошибочно утверждает, что А.И. Дутов вернулся в Оренбург именно 7 июля. А.В. Ганин датирует приказ о назначении А.И. Дутова 10 июля 1918 г. (Ганин А.В. Атаман Дутов. С. 181).

²⁹ Сафонов Д.А. Политический режим «казачьей власти» в 1918 году: к вопросу о «дутовской» диктатуре // Вестник Челябинского университета. 2009. № 9(144) С. 58–68; Сафонов Д.А. Оренбургский комитет уполномоченных КОМУЧа: правовая база и правовая политика // Российская история в начале XXI в.: опыт, проблемы, перспективы. Оренбург, 2014. С. 238–242.

³⁰ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 130–134.

Поддержали Комуч еще два экстерриториальных национальных правительства. Первым было сформированное еще при большевиках Башкирское правительство, обосновавшееся сначала в Челябинске, потом в Оренбурге. В действительности это правительство в большей степени зависело от позиции А.И. Дутова и Временного Сибирского правительства³¹. Вторым оказалось правительство Алаш-Орда. Ориентировавшееся в целом на Самару, оно лавировало между ней и Сибирью³². Уильский Ойялат вынужден был лавировать между Комучем и Уральским казачьим войсковым правительством. Комуч пытался распространить свою власть на Урал, но это ему удалось лишь отчасти.

Уфимская губерния, за исключением Златоустовского уезда, попала под контроль самарского правительства. Однако Временный комитет, созданный 5 июля 1918 г. Уфимской городской думой (сразу после занятия города белыми войсками), действовал как самостоятельная региональная власть³³. Его состав определяла городская дума и общественные организации Уфы, а председателем стал городской голова В.П. Гиневский. 24 июля Комуч упразднил Временный комитет, назначив В.П. Гиневского на пост губернского уполномоченного³⁴.

Позиция самого Комуча в отношении втянутых в орбиту его влияния органов регионального управления оставалась противоречивой. В своих декларациях он называл распавшееся государство «Российской Федеративной Демократической Республикой», а также выражал уверенность, что Всероссийское учредительное собрание установит для каждого народа форму внутреннего устройства политической жизни, обещал руководствоваться в своей деятельности принципом культурно-национальной автономии каждого народа. Поэтому Комуч старался признать появившиеся автономные национальные и региональные органы. Вместе с тем множество неразрешимых проблем, связанных с появлением новых административных границ, ущемлением прав некоренного населения, проживавшего на территориях вновь созданных национальных автономий, породило ряд конфликтных ситуаций и усилило нестабильность в Уральско-Поволжском регионе. Поясняя свою позицию, Комуч признавал права народов России на политическое самоуправление, но считал правомочным утверждать статус и границы новых национально-территориальных образований только Всероссийское учредительное собрание³⁵.

³¹ *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). М., 2000. С. 156–183; см. также: *Тупеев Ш.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 171–182.

³² См.: *Шишкин В.И.* «На таком пути к желательному соглашению прийти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз // Исторический архив. 2009. № 1. С. 100–136; Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие: сб. архив. документов и материалов. Алматы, 2018. С. 98–109, 122–132, 141–146.

³³ Социалист-революционер (Уфа). 1918. 10 июля (27 июня); ЦГИА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 254. Л. 250; Ф. Р-1177. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

³⁴ *Казанчиев А.Д.* Временный комитет Уфимской городской думы в июле 1918 г. // Крушение царизма и гражданская война на Урале: исторические чтения. Челябинск, 1998. С. 38–42; *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти ... С. 198–201.

³⁵ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 401, 405, 407–409.

В Сибири тем временем укреплялась власть Временного Сибирского правительства. Председателем его Совета министров стал П.В. Вологодский. Совет министров состоял из 5-ти, позже – 6 министров. Всего же глав министерств (министров и управляющих) было гораздо больше. Политические противоречия внутри правительства, частые отъезды его членов заставили укрепить власть созданием Административного совета – совещания министров и их товарищей, реально сложившегося и функционировавшего с первых дней существования Временного Сибирского правительства, но лишь 17 августа 1918 г. официально учрежденного и наделенного юридическими полномочиями³⁶.

С середины лета омский центр антибольшевистской государственности занял преобладающее положение на востоке России. Во-первых, расширилась территория влияния Временного Сибирского правительства. 11 июля сибирские войска вошли в Иркутск. В конце июля оно уже контролировало всю Западную и Восточную Сибирь, а в августе распространило свою юрисдикцию на ряд уральских уездов – Челябинский, Верхнеуральский, Шадринский, Ирбитский. 30 августа 1918 г. чешские войска соединились в Забайкалье с войсками Особого маньчжурского отряда атамана Г.М. Семенова. Формально Забайкалье признало верховенство Омска. Областная администрация подчинилась Временному Сибирскому правительству, но фактически решающей силой оставался Г.М. Семенов.

Во-вторых, это было единственное правительство, которому постепенно и не без трудностей удалось сформировать местные административные органы на уровне нескольких губерний и уездов. Сначала власть на местах олицетворяли коллегиальные органы – губернские и уездные комиссариаты. В августе их заменили единоличными комиссарами, которых наделили полномочиями, близкими к губернаторским. Все остальные государственные образования, включая Комуч, реально и подолгу контролировали ситуацию только в пределах одной губернии.

В Семипалатинске 24 июля 1918 г. возобновило свою деятельность правительство Алаш-Орды, заявившее о готовности на равных взаимодействовать с Временным Сибирским правительством³⁷. Претензии национального движения на создание автономии осложнили управление краем, но не были признаны Омском.

Временное Сибирское правительство к концу лета 1918 г. не только имело в своем подчинении самую крупную территорию на востоке России и наиболее стабильную систему управления, но и претендовало на распространение своей юрисдикции на соседние регионы.

³⁶ Журавлев В.В. Рождение Временного сибирского правительства ... С. 43–47; Журавлев В.В. Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май–июнь 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на востоке России. Новосибирск, 2003. С. 52–53.

³⁷ Иностранная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 60–61, 596–597.

Между тем политическая ситуация за это время существенно усложнилась как в Сибири, так и за ее пределами. Временному Сибирскому правительству удалось собрать Сибирскую областную думу. Эсеро-социалистический состав думы, сочувствовавший проводимой Комучем политической линии, выступил против правительственного курса. Противостояние Временного Сибирского правительства со своим «псевдопарламентом» 18–21 сентября 1918 г. вылилось в открытое столкновение с вмешательством военных и убийством известного сибирского политического деятеля А.Е. Новоселова³⁸.

Одновременно осложнились отношения с другими государственными образованиями востока России. А.И. Дутов 10 августа 1918 г., выступая на Оренбургском чрезвычайном губернском земском собрании, признал ненормальность ситуации, когда лишь Оренбургский и Орский уезды губернии находились под управлением Комуча, а Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский – под управлением Временного Сибирского правительства³⁹. Ухудшались отношения Башкирского правительства и Алаш-Орды с Оренбургом и Сибирью, тогда как Комуч признал их автономию⁴⁰. Алтайское национальное движение, сформировав особый орган – Каракорум-Алтайскую окружную управу, хотя и поддержало Временное Сибирское правительство, претендовало на автономное управление алтайцами на территории их проживания⁴¹. В Забайкалье наряду с не подчинявшимся власти Омска атаманом Г.М. Семеновым усиливалось автономистское движение среди бурят, сплотившихся вокруг Народной думы бурят Восточной Сибири (Бурнацдумы)⁴². Придерживаясь идеи культурно-национальной автономии, национальные правительства и органы самоуправления создали в своих структурах подразделения, ответственные за социально-культурную работу, и пытались проявить самостоятельность в этой сфере. Очевидно, что утверждения о призрачности национально-автономистского движения, отсутствии влияния

³⁸ Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский встречный бой 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 48–66; Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С. 21–39; Журавлев В.В. Временная Сибирская областная дума: между революцией и контрреволюцией // Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 27–37.

³⁹ Народное дело (Уфа). 1918. 18 авг.

⁴⁰ Вестник Комуча (Самара). 1918. 25 сент.; Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш. М., 1994. С. 98; Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение ... С. 183; Багаутдинов Р.О. Национальная политика самарского Комуча и установление отношений с Башкирским правительством // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1336.

⁴¹ Пахавев С.Я. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 125–137; Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1983. С. 154–155; Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 64–71; Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009. С. 108–124, 180–192; Мамышева Е.П. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Абакан, 2017. С. 138–141.

⁴² Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос ... С. 154–155; Демидов В.А. От Каракорума к Автономии. С. 64–71; Жабеева Л.Б. Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 122–135; Бабаков В.В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 52–56; Sablin I. Governing Post-imperial Siberia and Mongolia: 1911–1924. Buddhism, Socialism and Nationalism in state and autonomy building. L.; N-Y., 2016. P. 95–104.

на широкие слои соплеменников страдают некоторым преувеличением⁴³. Конечно, национальные правительства пользовались определенным авторитетом в собственной этнической среде. Но ресурсы для реального проведения самостоятельной социальной политики у автономистов отсутствовали. Важно, что национальное движение уводило из-под контроля Временного Сибирского правительства окраины Сибири и порождало напряженность в отношениях русского и коренного населения, проживавшего обычно чересполосно.

Между Поволжьем и Сибирью тем временем сформировался своеобразный буфер. 19 августа 1918 г. в Екатеринбурге возникло Временное областное правительство Урала, действовавшее до 10 ноября. Его состав и политическая платформа были предварительно согласованы в Межпартийной комиссии, состоявшей из общественных и политических деятелей Екатеринбурга. Правительство состояло из девяти главных управлений и совета, куда входили главные управляющие и их товарищи, а также управляющий делами (всего 20 членов). Председателем Совета Временного областного правительства Урала стал П.В. Иванов, заместителем – Л.А. Кроль. Среднее звено административного аппарата включало региональных уполномоченных Временного областного правительства Урала его отдельных ведомств.

В историографии традиционно созданное на Урале правительство оценивалось как наиболее кадетское по составу и проводимой политике среди прочих правительств востока России⁴⁴. Однако, как справедливо заметил Е.А. Плешкевич, тщательно проанализировавший административную практику и политические обстоятельства деятельности этого государственного образования, кадеты, занимая ключевые посты, были в меньшинстве среди членов правительства. Облик большинства центральных ведомств Урала определяли лица, принадлежавшие к социалистическим партиям⁴⁵.

Самостоятельность Временного областного правительства Урала была ограничена отсутствием средств и военной силы. Оно пыталось лавировать между Временным Сибирским правительством и Комучем, имея, однако, ограниченное поле для маневра. 13 августа 1918 г.

⁴³ Сейфуллин С. Тернистый путь. Алма-Ата, 1964. С. 263. Правда, уже на следующей странице казахский революционер уточняет, что казахи демонстрировали лояльность своему правительству, но делали это неискренне.

⁴⁴ Таняев А. Колчаковщина на Урале (1918–1919). М.; Свердловск, 1930; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999; Запольская В.М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 164–169; Коробкин А.А. К вопросу о возникновении Временного правительства Урала (Историография вопроса) // V Всероссийские Платоновские чтения: материалы всерос. конф. Самара, 1999. С. 120–123; Плешкевич Е.А. Временное областное правительство Урала: дискуссии о причинах образования // Отечественная история. 2003. № 5. С. 30–34; Плешкевич Е.А. Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 г.) // Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы науч. конф. М., 2003; Костогрызов П.И. Антибольшевистское движение на Урале ... С. 203–206, 214–216; Сичинский Е.П. Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 18–28; Сичинский Е.П. Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 1. С. 164–171.

⁴⁵ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти ... С. 140.

Временное Сибирское правительство рассмотрело и утвердило состав Временного областного правительства Урала (в документе оно названо «Приуральское Временное правительство»)⁴⁶. Железные дороги и армия на Урале находились под контролем Временного Сибирского правительства⁴⁷, действовали уполномоченные министерств Временного Сибирского правительства⁴⁸.

Временное областное правительство Урала претендовало на территорию Пермской, части Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний (От Новой Земли до Аральского моря)⁴⁹. Реально же оно контролировало только прилегавшие к Екатеринбургскому уезду Екатеринбургский уезд, отдельные волости Красноуфимского и Кунгурского уездов. Шадринский, Камышловский и Ирбитский уезды Пермской губернии, Челябинский и Верхнеуральский уезды Уфимской губернии были территориями спорными между Екатеринбургом и Омском. Соперничество быстро разрешилось в пользу сибирских властей. В октябре Временное областное правительство Урала контролировало только Екатеринбургский уезд⁵⁰.

Некоторое время своеобразной «автономией поневоле» являлся Челябинский район. После выступления чехословаков и вспышки белоказачьего повстанчества в 3-м округе Оренбургского казачьего войска в Челябинске был созван уездный съезд, представлявший казаков и неказачье население Челябинского, Курганского и Шадринского уездов. Этот съезд избрал Исполнительный комитет народной власти. Его председателем стал меньшевик, известный экономист П.П. Маслов. В составе комитета находилось 8 отделов, которые возглавили назначенные П.П. Масловым комиссары (уполномоченные), в основном социал-демократы. Председатель имел право выпускать временные постановления. Дискуссионным является вопрос о статусе Исполкома народной власти. Е.А. Плешкевич определил его как орган местной власти в структуре Временного Сибирского правительства, хотя некоторыми признаками автономности он безусловно обладал. 18 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство учредило Челябинский (Приуральский) округ в составе Златоустовского, Троицкого и Челябинского уездов. Позже в него вошли Шадринский и Верхнеуральский уезд, Кыштымский и Каслинский горные округа Екатеринбургского уезда. Окружной комиссар (им был назначен все тот же П.П. Маслов) обладал правами губернского. В конце октября 1918 г. он подал в отставку. Вскоре после колчаковского переворота самостоятельную административную единицу в Приуралье ликвидировали. Но лишь с 1 июля 1919 г. Челябинский округ был упразднен официально, а его уезды возвращены в состав тех губерний, куда они входили ранее⁵¹.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 122.

⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 1. Л. 126–127 об.

⁴⁸ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти ... С. 193.

⁴⁹ Уральский архив // Уральский областник. 1991. № 1. С. 81–84.

⁵⁰ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти ... С. 137.

⁵¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 5 июня; Назыров П.Ф. Приуральский край в условиях «Демократической контрреволюции» // И.И. Неплюев и Южноуральский край: материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 112–114; Назыров П.Ф. Челябинск в 1918–1919 гг. (Из истории города периода гражданской войны) // Челябинск

На Дальнем Востоке падение советской власти привело к возникновению политического вакуума. Огромные расстояния и отсутствие единого центра сильно осложняли обстановку. Некоторое время каждая территориально-административная единица представляла собой полную автономию. Это вытекало из характера борьбы в регионе между советской властью и ее противниками. На протяжении одного–двух месяцев областные и уездные советы в Забайкалье, Амурской области и Приамурье защищались от натиска контрреволюции и функционировали как самостоятельные республики. Свержение советской власти не изменило ситуацию – регион оставался политическим «лоскутным одеялом».

Отдельные антибольшевистские государственные образования сами определяли свои полномочия и территориальные пределы, конкурируя друг с другом. С 18 сентября по 10 ноября 1918 г. в Благовещенске действовало Правительство Амурской области⁵². Его главой, отвечавшим также за вопросы юстиции, охраны и безопасности, путей сообщения, внешних сношений и финансов, стал член Учредительного собрания от Амурской области, известный меньшевик А.Н. Алексеевский. Без малого два месяца область жила в условиях почти полной самостоятельности. Ситуация осложнялась тем, что Амурское войсковое казачье управление претендовало на автономию уже внутри области⁵³.

В полосе отчуждения КВЖД и в Приморье еще несколько месяцев продолжалась драма противостояния между Временным правительством автономной Сибири и Д.Л. Хорватом, который 9 июля 1918 г. сформировал «Деловой кабинет Временного правителя». Претензии обоих государственных образований на власть носили явно авантюрный характер. В то же время, с точки зрения революционной политической мифологии, генезис правительства П.Я. Дербера выглядел более или менее легитимно. При этом Д.Л. Хорват подкреплял свои амбиции материально. Не найдя поддержки в полосе отчуждения КВЖД, правительство П.Я. Дербера после выступления чехословаков во Владивостоке переместилось в этот город, где вступило в альянс с Приморским областным земством⁵⁴. Приморское областное земство 3 июля 1918 г. объявило о

неизвестный. Челябинск, 1996. Вып. 1. С. 90–103; *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти ... С. 180–191; *Сичинский Е.П.* К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: материалы юбил. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 73–75; Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 67, 146.

⁵² Бюллетень правительства Амурской области (Благовещенск). 1918. 12 окт.

⁵³ *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. С. 80–90; *Бутенин Н.А.* Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 103–120; *Бутенин Н.А.* К истории временного правительства Амурской области // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 193–200; *Бутенин Н.А.* К истории «демократической» контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 57–64; *Бутенин Н.А.* Временное правительство Амурской области // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 2001. С. 162–169; *Савченко С.Н.* Временное Амурское правительство (18 сентября – 10 ноября 1918 г.) // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: Третьи Гродековские чтения: материалы регион. науч. конф. Хабаровск, 2001. Ч. 3. С. 45–51; *Шиндялов Н.А.* Правительство А.Н. Алексеевского в Амурской области // Россия и АТР. 2003. № 2. С. 5–14.

⁵⁴ *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. М., 2005. Кн. 1. С. 242–255; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. С. 82–83; *Назимок В.Н.* К истории так

взятии власти в крае совместно с городской управой⁵⁵. В июле–августе 1918 г. осуществляло полномочия центральной государственной власти. 29 августа 1918 г. Временное правительство автономной Сибири, в которое в качестве председателя вошел глава приморского земства И. Лавров, объявило себя верховной властью в Приморской области⁵⁶.

В сентябре 1918 г. премьер-министр Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский выехал на Дальний Восток. По пути он провел переговоры с атаманом Г.М. Семеновым, А.Н. Алексеевским, Д.Л. Хорватом и П.Я. Дербером. Дальневосточные автономисты отказались от претензий на власть, уступив ее Омску⁵⁷. Д.Л. Хорват при этом получил должность верховного уполномоченного Временного Сибирского правительства на Дальнем Востоке.

Более важные события разыгрывались на западе, ближе к фронту Гражданской войны. Еще в июле 1918 г. в Челябинске состоялось первое совещание, имевшее целью скоординировать действия между Самарой и Омском. 23–25 августа там же проходило более представительное Государственное совещание, на котором были предварительно согласованы позиции сторон по поводу предстоящего объединения востока России под эгидой одной политической власти, принимаемой всеми региональными и национальными государственными образованиями.

Вопрос был окончательно разрешен на так называемом Уфимском государственном совещании. В результате переговоров 170 представителей нескольких «всероссийских», региональных, национальных правительств, казачьих войск, партий и организаций, длившихся с 8 по 23 сентября 1918 г., удалось создать Временное Всероссийское правительство – Директорию. Она должна была передать власть старому Учредительному собранию при наличии кворума, а при его отсутствии Директория после победы над большевиками должна была сложить свои полномочия перед Учредительным собранием нового созыва⁵⁸.

называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 18–24; *Лившиц С.Г.* Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–89; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 30–36; История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века. Владивосток, 2003. Т. 3: Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. С. 252–256; *Бутенин Н.А.* Сибирское областничество на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Проблемы отечественной истории: материалы науч. конф. Уссурийск, 2007. Ч. 1. С. 93–94.

⁵⁵ ЦГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 53 об.

⁵⁶ Вестник Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). 1918. 3 сент. (21 сент.).

⁵⁷ Образование всероссийской власти в Сибири (Из дневника П.В. Вологодского) / публ. Д.Г. Вульфа, С.М. Ляндреса // Отечественная история. 2000. № 6. С. 135–140; Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 25 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1737. Л. 1–2.

⁵⁸ Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 57–280; *Rupp S.* Conflict and Crippled Compromise: Civil-War Politics in the East and the Ufa State Conference // *Russian Review*, Vol. 56, No. 2 (Apr., 1997), pp. 249–264; *Костогрызов П.И.* Уфимское государственное совещание 1918 г.: попытка создания всероссийской белой власти // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: материалы междунар. конф. Самара, 2001. С. 260–263; *Казанчиев А.Д.* Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003; *Журавлев В.В.* Государственное совещание в Уфе: к вопросу о путях и характере консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле–сентябре 1918 г. // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв.: Бахрушинские чтения 2007: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 70–94; и др.

Одним из актов Директории стало предписание 4 ноября 1918 г. о роспуске всех областных государственных образований⁵⁹. Это ускорило ликвидацию многих из них. Однако и сама военно-политическая обстановка свидетельствовала о неизбежном конце областной самостоятельности. 29 сентября 1918 г. Совет управляющих ведомствами, а 3 октября Комуч объявили о самороспуске, его члены влились в состав Съезда членов Учредительного собрания, а 7 октября 1918 г. Красная армия взяла Самару. В качестве административного органа сохранялся Совет управляющих ведомствами, эвакуированный в Уфу к 1 ноября 1918 г. Он действовал до 2 декабря 1918 г. в сокращенном составе (каждый член совета управлял несколькими ведомствами) под председательством В.Н. Филипповского⁶⁰. Последовала также самоликвидация Прикамского Комуча и 10 ноября 1918 г. – Совета Временного областного правительства Урала. Район действия Оренбургского войскового казачьего правительства под влиянием наступления Красной армии сильно сузился.

11 сентября 1918 г. во время Уфимского государственного совещания его участники – члены Всекиргизского народного совета Алаш-Орда приняли решение об образовании двух отделений – Восточного с резиденцией в Семипалатинске и Западного, в качестве которого признавался Уильский Ойялят во главе с Х. Досмухамедовым. Причем, если Восточное отделение подчинилось постановлению Директории от 4 ноября 1918 г., то Западное продолжало действовать⁶¹.

Вновь созданная Директория планировала обосноваться в Екатеринбурге, но вскоре остановила свой выбор на Омске, куда прибыла 9 октября 1918 г. Здесь начались длительные и мучительные переговоры с Временным Сибирским правительством о персональном составе Совета министров. 13 октября 1918 г. Временное Всероссийское правительство распорядилось впредь до образования собственного кабинета исполнение неотложных дел возложить на министерства Временного Сибирского правительства⁶². Переговоры завершились только 4 ноября формированием Совета министров Временного Всероссийского правительства, в котором большинство лиц были главами сибирских ведомств, а аппарат министерств реорганизовывался на основе сибирского. К этому времени налицо имелось одно существенное достижение – областные правительства либо уже прекратили свое существование, либо их ликвидация ожидалась со дня на день. Но само Временное Всероссийское правительство стало площадкой для политической борьбы. Задачи административного и хозяйственного управления были отодвинуты на периферию. Все

⁵⁹ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 6 нояб.; Сибирский вестник (Омск). 1918. 6 нояб.; ГАНУ. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 111–115, 132.

⁶⁰ Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 2 нояб. См. также: *Казанчиев А.Д.* Совет управляющих ведомствами в Уфе // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI–XX вв. Уфа, 1996.

⁶¹ История Западного отделения Алаш-Орды. Т. 1. С. 128, 394; *Аманжолова Д.А.* На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 263; Алаш-Орда: сб. документов. С. 81–82.

⁶² Сибирский вестник. 1918. 16 окт. Опул.: Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 159–160.

успехи сибирской власти могли оказаться под угрозой. Поэтому недовольство новым правительством зрело не только среди военных и политиков правой ориентации, но и среди практиков-управленцев. В начале ноября 1918 г. в Омске все созрело для политического переворота⁶³.

Картина переворота восстановлена сегодня в деталях⁶⁴. Он был осуществлен в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. Утром следующего дня А.В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России. При нем было создано Российское правительство. Его основу составили руководители сибирских ведомств. Пост премьера остался за П.В. Вологодским.

Естественно, все эти события вызвали ряд новых политических конфликтов в лагере контрреволюции. Колчаковский переворот привел к открытому выступлению некоторых правых социалистов против военной диктатуры. Формально самораспустившись, Комуч реально был преобразован в Съезд членов Учредительного собрания, обосновавшийся в Екатеринбурге. Цель этого органа состояла в привлечении максимального количества членов распущенного большевиками Учредительного собрания, чтобы, собрав необходимый кворум, получить наконец власть в свои руки. Совет управляющих ведомствами в Уфе объявил о взятии всей полноты власти⁶⁵. Эсеровские лидеры намеревались привлечь армию для организации противостояния Колчаку. В результате в конце ноября – начале декабря 1918 г. новому режиму пришлось расправиться с эсеровской оппозицией в Екатеринбурге, Челябинске и Уфе⁶⁶. Часть эсеров перешла на сторону советской власти, другая часть вскоре присоединилась к антиколчаковскому подполью в Сибири⁶⁷.

⁶³ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака ... Кн. 1. С. 341–422; Шиловский М.В. Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября – 18 ноября 1918 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX в.). Новосибирск, 2001. С. 68–98.

⁶⁴ Государственный переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: сб. документов / сост. В. Зензинов. Париж, 1919. С. 7–60; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала А.В. Колчака ... Кн. 1. С. 423–478; Гармица В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 16–32; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 195–207; Лившиц С.Г. Колчаковский переворот // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 79–90; Плотникова М.Е. Роль Временного сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 51–54; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 122–146; Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1989. Вып. 1. С. 59–63; Шишкин В.И. Как Колчак стал верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 143–148; Шишкин В.И. Вице-адмирал А.В. Колчак (19 сентября – 4 ноября 1918 г.) // Россия в глобализирующемся мире. Архангельск, 2006. С. 164–176; Шишкин В.И. Военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 45–48; Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С. 27–34; Шулдяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1. С. 226–263; Шишкин В.И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского университета. История. 2018. № 56. С. 66–78; и др.

⁶⁵ Народное дело (Уфа). 1918. 20 нояб.

⁶⁶ Доклад члена ЦК партии социалистов-революционеров М.А. Веденяпина ЦК партии о своей деятельности в Заволжье летом 1918 года // Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 470–471; Свяцицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания (очерк событий на востоке России в сентябре–декабре 1918 г.). М., 1921. С. 127; Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. Екатеринбург, 2002. С. 15–86.

⁶⁷ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. М.; Л., 1926. С. 101; Добровольский А.В. Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск, 2002. С. 198–204. Оценку политических событий на востоке России эсерами, перешедшими на сторону советской власти, см.: К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция): сб. стат. М., 1919. Более подробное изложение событий: Алдашов А.Н. К вопросу о переговорах большевиков с социалистами-революционерами в Уфе в январе 1919 года // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1997.

Установление колчаковского режима подтолкнуло к контактам с советской властью лидеров башкирского и казахского национальных движений. Это привело в 1919 г. к их расколу на просоветское, проколчаковское и нейтральное направления и сохранению нестабильности на Южном Урале и в казахских степях⁶⁸. В рамках бурятского движения одна часть перешла в оппозицию «белым», другая же, основная, пошла на более тесный союз с Г.М. Семеновым. Теократическое крыло бурятских национальных лидеров даже попыталось в феврале–апреле 1919 г. создать на ст. Даурия ламаистское правительство⁶⁹.

Более дестабилизирующее воздействие на политический режим оказал конфликт А.В. Колчака с атаманом Г.М. Семеновым, сначала отказавшимся признавать законность власти Верховного правителя. Последующее подчинение было в значительной мере формальным⁷⁰. Забайкалье так и не перешло под контроль Омска, более того, вмешательство атамана в работу Транссибирской магистрали нарушало контакты Сибири и Дальнего Востока, дестабилизировало и ослабляло государственную власть и экономику всего востока России. Ощутимую проблему создавал сепаратизм других атаманов – есаула Б.В. Анненкова в Степном крае и Семиречье, сотника И.П. Калмыкова в Хабаровском районе и в Приморье и др.

Но наличие казачьих войск и сепаратизм атаманов – не единственная особенность политического режима, распространявшего в лучшие времена свое влияние на пространство,

⁶⁸ *Аманжолова Д.А.* Казахское движение Алаш ... С. 125–145; *Аманжолова Д.А.* Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918–1919 гг.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1: История. № 1 (7). 1994. С. 20–32; *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение ... С. 193; *Наумова Н.И.* Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. Краеведение. Этнология. Археология. 2003. № 276. С. 83–89; *Багаутдинов Р.О.* Переход Башкирского правительства на сторону советской власти в 1919 году // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 746–749; *Ишемгулов Н.У.* Образование Башкирской республики. Уфа, 2018. С. 72–83; Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. Барнаул, 2018. С. 167–171; *Уяма Т.* The Alash Orda's relations with Siberia, The Urals, and Turkestan: The Kazakh National Movement and the Russian Imperial Legacy // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. L., 2012. P. 279–280.

⁶⁹ *Хантаев П.Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. С. 51–66; *Бабаков В.В.* Бурнацком – Бурнацдума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 133–141; *Бабаков В.В.* Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ, 2012. С. 100–137; *Жабаева Л.Б.* Элбек-Жоржи Ринчино ... С. 133–136; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг.: документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 156–172; *Саблин И.* «Вильсоновский момент на восточном фронте»: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении»: сб. стат. М., 2014. С. 148–151; *Курас Л.В.* «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // Eurasia: Statut et Legem (Евразия: государство и право). 2014. № 4. С. 84–98; *Курас Л.В.* «Великое Монгольское государство» атамана Г.М. Семенова и Серединное государство барона Р.Ф. Унгерна фон Штенберга // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): сб. материалов Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 401–409.

⁷⁰ *Катанаев Г.Е.* На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 165–343; *Лившиц С.Г.* «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 176–183; *Кручинин А.С.* К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семеновым // История белой Сибири: тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 213–215; *Аблажей Н.Н., Симонов Д.Г.* Атаман Семенов в Белом движении (1917–1945) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах: материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 60–63; *Савченко С.Н.* Примирение Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 13–19; *White J.* The Siberian Intervention. Princenton, 1950. P. 272–273.

превосходившее любое из государств мира. Колчаковский режим функционировал при наличии крупных территориальных образований на Урале и Дальнем Востоке. Пост главноуполномоченного на Дальнем Востоке был учрежден еще 28 октября 1918 г. Временным Сибирским правительством⁷¹. Его долгое время сохранял за собою Д.Л. Хорват. По соглашению с П.В. Вологодским он должен был пользоваться достаточно большой степенью самостоятельности. Однако действовавший при нем совет был в значительной мере сформирован из представителей ведомств, командированных из Омска, поэтому лишь отчасти выражал интересы региона, а отчасти же являлся проводником интересов центра на дальневосточной окраине.

Назначение на этот пост бывшего енисейского губернского уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия генерала С.Н. Розанова не привело к централизации, как ожидал Верховный правитель. Напротив, С.Н. Розанов назначил местными уполномоченными атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова, чем легализовал атаманщину и окончательно уронил авторитет власти в глазах населения⁷².

В ходе борьбы за установление единой централизованной власти на востоке России осенью 1918 г. ситуация на Урале приблизилась к состоянию административной анархии. Особенно негативно это отразилось на уральской промышленности, которая оказалась без общего управления. Поэтому 30 ноября 1918 г. Российским правительством были созданы Уральский край в составе Пермской губернии и Самаро-Уфимский край, куда вошли Самарская и Уфимская губернии, Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии. 10 декабря 1918 г. было принято положение о главных начальниках краев⁷³. Ими стали С.С. Постников (Уральский край) и генерал-майор К.Е. Вишневецкий (Самаро-Уфимский край). Для них устанавливались полномочия, близкие генерал-губернаторским. Это был временный, подчиненный непосредственно Верховному правителю институт. В составе краев оставались контролируемые начальниками губернские и уездные структуры. С.С. Постников, сохранивший за собой пост главноуправляющего Уральской промышленности, преобразовал уральские центральные областные структуры в местные краевые. Этот постепенный процесс растянулся с конца 1918 г. до января 1919 г.⁷⁴ Когда в

⁷¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 20. Ст. 176; Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года): сб. документов. Томск, 1998. Вып. 2. С. 324–329.

⁷² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. 1918–1920. Пекин, 1921. Т. II. Ч. 3. С. 399–403.

⁷³ Правительственный вестник. 1918. 17 янв.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. Томск, 2002. Вып. 1. С. 126–127; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 45–46.

⁷⁴ См. подробнее: Селянинова Г.Д. Органы государственной власти и местного самоуправления Пермской губернии в период «колчаковщины» (ноябрь 1918 – июнь 1919 гг.) // Ученые записки гуманитарного факультета. Пермь, 2005. Вып. 14: Исследования по отечественной истории, истории российских политических элит и номенклатуры. С. 20–22; Домовитова П.Я. Информационная война политических блоков на «белом» Урале // Вестник Пермского университета. 2014. История. Вып. 4. С. 92–103.

начале весны 1919 г. недовольный бессилием гражданской власти С.С. Постников подал в отставку, замену ему искать не стали. 9 апреля оба края были упразднены⁷⁵.

Зато 12 февраля 1919 г. был образован Южно-Уральский край в составе Троицкого и Оренбургского уездов Оренбургской губернии и Тургайской области во главе с А.И. Дутовым. Но и эта административная единица просуществовала недолго. В конце мая 1919 г. А.И. Дутов уехал в Омск, где получил должность походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии, после чего край был упразднен⁷⁶.

Разную степень автономии сохраняли казачьи органы. Революция вынесла их в авангард движения за автономные права. Несмотря на раскол в каждом казачьем войске на сторонников «красных» и «белых», в целом преобладали антибольшевистские настроения, которые проявлялись в поддержке восстановления государственности. При этом казачество продолжало настаивать на расширении автономных прав. Самый существенный результат был получен казачеством Оренбуржья. Верховный правитель даровал права на автономию Оренбургскому казачьему войску, признав неприкосновенность территории и уклада, широкие прерогативы Оренбургского войскового казачьего правительства⁷⁷, которое и в 1918 г., и в первой половине 1919 г. функционировало как автономное областное правительство.

Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска хотя и имели в своей структуре войсковые правительства, но функционировали в большей степени как органы управления территориально-войсковой единицей, по статусу близкие земствам, а не как автономное самостоятельное учреждение. Значительная самостоятельность дальневосточных казачьих войск определялась их удаленностью, лидерством атаманов и желанием сплотиться вокруг регионального объединения Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск⁷⁸. То же можно сказать о енисейских и иркутских казаках, которые создали самостоятельные войсковые структуры в ходе революции и только 10 июня 1919 г. были законодательно признаны отдельными войсками⁷⁹.

Пик военных успехов Российской армии пришелся на конец 1918 – первую половину 1919 г. В марте 1919 г. «белые» вновь взяли Прикамье. Своеобразным «пограничьем» на севере, буферной зоной между «Колчакией» и Северной областью, стал Печорский край, где территории

⁷⁵ Правительственный вестник. 1919. 6 мая.

⁷⁶ Правительственный вестник. 1919. 17 янв., 28 февр., 30 апр., 9 авг.; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые Правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 4. Ст. 36; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 1. С. 126–128; *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти ... С. 215–216.

⁷⁷ Правительственный вестник. 1919. 28 февр., 5 июня; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... № 7. Ст. 101.

⁷⁸ *Савченко С.Н.* Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 40–74.

⁷⁹ Правительственный вестник. 1919. 9 авг.

юго-восточнее Усть-Цильмы с июля 1919 г. контролировали войска Российского правительства⁸⁰.

Распространявшее свою юрисдикцию на значительную часть Азиатской России, Российское правительство едва ли справлялось с задачей установления контроля над формально подвластным ему огромным пространством. Но главные проблемы ожидали его на фронтах.

После успехов первой половины 1919 г. Белая армия стала терпеть одно сокрушительное военное поражение за другим. Начавшееся в июле 1919 г. отступление «белых» развивалось стремительно. 3 июля они оставили Пермь, 14 июля – Екатеринбург, в августе с Южного Урала вышли последние войска атамана А.И. Дутова. На линии р. Тобол Российская армия держала оборону весь август, сентябрь и половину октября. Летом 1919 г. в тылу возникли крупные очаги партизанского движения. На Алтае, в Енисейской и Иркутской губерниях колчаковские власти контролировали только города. Деревня же стала ареной вооруженного противоборства. Причем партизаны постоянно расширяли зону действий, ставя под угрозу движение по Транссибирской магистрали – этой «дороге жизни» антибольшевистского режима.

14 ноября 1919 г. войска Красной армии заняли столицу Сибири. Через несколько дней Российское правительство, заранее эвакуированное из павшего Омска, возобновило свои заседания в Иркутске. Новым премьер-министром стал В.Н. Пепеляев, а министром внутренних дел – А.А. Червен-Водали. С переездом Российского правительства в Иркутск и сменой ключевых фигур в кабинете активно стали обсуждаться идеи либерально-демократических реформ. В частности, планировали созвать выборное Земское совещание или даже Земский собор, существенно усилили финансовую поддержку земствам и кооперативным союзам, провели политическую амнистию⁸¹. Но это уже не устраивало оппозицию, которая требовала всю политическую власть.

Осенью 1919 г. в результате переговоров представителей земских и городских органов, эсеровских, меньшевистских, крестьянских и профсоюзных организаций в Сибири возник Политический центр, готовивший свержение Верховного правителя. В конце декабря он организовал серию городских восстаний в Восточной Сибири, в том числе и в Иркутске. С 24 декабря 1919 г. по 5 января 1920 г. в городе существовало две параллельных власти.

Победивший Политический центр претендовал на создание в Восточной Сибири нейтрального буферного государственного образования, не советского, но и не принимающего участия в борьбе с большевиками. С 5 по 21 января Политцентр осуществлял функции регионального правительства, управляя территорией Иркутской губернии и зоной вдоль Транссибирской магистрали до Красноярска включительно. Его влияние было во многом номинальным. 12 января ему

⁸⁰ Таскаев М.В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). Сыктывкар, 2000. С. 60.

⁸¹ Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Иркутск (станция). Январь 1920-го года. Харбин, 1921. С. 6.

даже удалось созвать Временный совет народного управления – представительный орган, действующий до созыва полноценного регионального парламента. Доставшиеся от колчаковского режима центральные отраслевые органы управления не были ликвидированы. Во главе каждого Политцентра поставил уполномоченных, осуществлявших временное управление.

Но победоносное шествие на восток Красной армии не оставляло эсеровским политикам надежды на создание собственного государственного образования без согласия советских лидеров. 19 января 1920 г. в Томске начались переговоры представителей Политцентра, Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии об условиях создания и границах восточносибирского буфера. Тем временем обострилась военно-политическая обстановка вокруг Иркутска, к которому подходили отступавшие войска «белых». Слабая Народно-революционная армия Политцентра была явно не в состоянии оборонять город. Поэтому пока в Томске шли переговоры, 21 января Политцентр вынужден был передать власть Иркутскому военно-революционному комитету⁸².

Центр вооруженной борьбы с большевиками в начале 1920 г. переместился в Забайкалье. 4 января 1920 г. А.В. Колчак успел передать верховную власть атаману Г.М. Семенову, который 10 января 1920 г. занял пост главнокомандующего всеми вооруженными силами восточной окраины России. 16 января атаман учредил посты помощников главнокомандующего по военной и гражданской части. Вместо министерств были учреждены краевые управления, которые и составляли правительство Российской восточной окраины⁸³. Для усиления авторитета своей власти 21 апреля 1920 г. Г.М. Семенов принял Положение о краевом народном совещании. Право представительства в этом совещательном органе получили городские и земские управы, войсковое правительство Забайкальского казачьего войска, Бурнацком, Читинская торгово-промышленная палата и ряд общественных организаций. Оно начало работать 6 июня, а уже 26 июня главнокомандующий переименовал его в Краевое народное собрание, расширив представительство. Но общественность не поддержала этот псевдопарламент. В тот же день Г.М. Семенов кардинально пересмотрел устройство высшей и центральной власти. Была создана более стройная система центральных ведомств, ликвидированы должности помощников главнокомандующего по военной и гражданской части⁸⁴.

⁸² *Ширямов А.А.* Иркутское восстание и расстрел Колчака // *Сибирские огни*. 1924. № 4. С. 122–139; *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака ... М., 2005. Кн. 2. С. 398–428; *Солодянкин А.Г.* Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960. С. 124–150; *Мальцева Т.В.* Сибирское земство и колчаковщина // *Вопросы социалистического строительства в Сибири*. Томск, 1983. С. 125–138; *Берснева И.В.* Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр»: ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири ... С. 250–261; *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири ... С. 369–389; *Струк Е.Н.* История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала А.В. Колчака в Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

⁸³ *Вестник Забайкалья (Чита)*. 1920. 1 февр.

⁸⁴ *Вестник Забайкалья*. 1920. 2 июля.

Но военные поражения от Народно-революционной армии, партизан, неспособность главнокомандующего и его гражданского управления контролировать ситуацию в регионе, страдавшем от бесчинств семеновских войск, обусловили постоянное и катастрофическое сужение социальной опоры семеновского режима. 23 августа главнокомандующий издал приказ о роспуске Краевого народного собрания, но уже 25 августа отменил его и повелел возобновить законодательную работу с 28 августа. Атаман передал Краевому народному собранию всю полноту гражданской власти. 2 сентября оно заявило о принятии власти в регионе, но уже 8 сентября объявило о самороспуске, сославшись на противодействие своей работе со стороны оппозиции. Руководитель «белого» движения в регионе решил обрести широкую народную поддержку, стал активно использовать «демократическую» риторику, заявил о готовности передать всю гражданскую власть органу, сформированному общественностью. 12 сентября 1920 г. в срочном порядке было образовано Временное Восточно-Забайкальское народное собрание, в последующие три дня сформирован Совет управляющих ведомствами. Для пополнения состава Временного Восточно-Забайкальского народного собрания в октябре в Восточном Забайкалье проведены выборы. 18 сентября главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской восточной окраины атаман Семенов передал этому органу исполнительную власть, распустив Совет управляющих ведомствами Российской восточной окраины. В ходе наступления Народной революционной армии Дальневосточной республики Временное Восточно-Забайкальское народное собрание вступило в контакт с партизанами, пополнилось представителями от местных революционных комитетов. В конце октября в результате выборов большинство в нем перешло к коммунистам. 3 ноября 1920 г. оно прекратило свое существование⁸⁵. Остатки войск эвакуировались из Восточного Забайкалья в Приморье.

Приморье на протяжении 1920 г. продолжало оставаться важнейшим центром политической и экономической жизни. Однако здесь долгое время не было однозначного перевеса в борьбе пробольшевистских и антибольшевистских политических сил, а лидеры, оказавшиеся у власти, попытались балансировать между противоборствовавшими сторонами и заявляли о приверженности идее «третьего пути».

31 января 1920 г. в Приморье сторонниками умеренно-социалистических партий была свергнута власть генерала С.Н. Розанова. Приморская областная земская управа провозгласила себя Временным правительством в составе председателя А.С. Медведева, членов А.Н. Русанова, П.П. Попова, С.И. Афанасьева, А.А. Меньщикова. С этого времени до 12 декабря 1920 г. она

⁸⁵ Вестник Забайкалья. 1920. 8, 29 сент.; Забайкальская новь (Чита). 1920. 27 авг., 26 сент.; *Василевский В.И.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах. Чита, 2000. С. 160. Более подробно см.: *Рышков В.М.* Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе–сентябре 1920 г. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 154–159.

являлась региональным органом государственной власти⁸⁶. 27 февраля 1920 г. ее власть в Приморье признало советское правительство⁸⁷. 31 марта 1920 г., ссылаясь на волю трудящихся, оно объявило о распространении своей власти на Амурскую, Камчатскую и Сахалинскую области и полосу отчуждения КВЖД⁸⁸.

Сторонники большевиков приступили к организации местных органов советской власти, требуя скорейшего объединения областей Дальнего Востока на советской основе. Только угроза выступления японцев предотвратила неизбежный «красный» переворот, что показал областной съезд трудящихся в Никольск-Уссурийске 2 апреля 1920 г.⁸⁹ Ситуация в крае оставалась крайне нестабильной. С одной стороны, сторонники советской власти могли легко свергнуть земское правительство, с другой стороны, его оппоненты справа несколько раз готовили государственный переворот, рассчитывая на поддержку японских военных⁹⁰.

Перевес сил изменило вооруженное выступление японских интервентов 4–5 апреля 1920 г., в результате которого Приморская областная земская управа оказалась полностью отстранена от власти⁹¹. Как показало расследование комиссии А.Н. Алексеевского, в правительстве знали о готовящемся выступлении японцев⁹². 7 апреля оно вернуло себе функции высшего регионального органа уже под новым названием – «Временное правительство Дальнего Востока – Приморская областная земская управа». 18 мая 1920 г. был создан исполнительный орган правительства – Совет управляющих отделами центрального государственного управления. Председательствовал в нем П.М. Никифоров⁹³. Совет оставался коалиционным, имея в своем составе большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, кадетов.

Летом 1920 г. на основе всеобщего избирательного права, дополненного корпоративным представительством, прошли выборы в Народное собрание Приморья. Оно начало работу 20 июня под председательством эсера Ф.С. Мансветова. В компетенцию Народного собрания входили обсуждение и принятие законов, право надзора за установлением налогов и пошлин, заключения займов и международных договоров. Принятые собранием законопроекты вступали в действие только с одобрения Временного правительства Приморской областной земской управы, обладавшей правом вето. Правом законодательной инициативы обладали депутаты и

⁸⁶ Тригуб Г.Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь–декабрь 1920 г.) // Ойкумена: региональные исследования. Владивосток, 2006. Вып. 1. С. 44–54.

⁸⁷ Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1900–1937). Хабаровск, 1982. С. 139.

⁸⁸ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920. 1 апр.

⁸⁹ Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Владивосток, 1990. С. 19.

⁹⁰ Smith C.F. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East. 1920–1922. Seattle & L., 1975. P. 15–16, 21–24, 28–31.

⁹¹ 4–5 апреля 1920 года: сборник документов. Хабаровск, 1937; Позняк Т.З. Выступление японских интервентов 4–5 апреля 1920 г.: насилие и стратегия поведения населения в ходе вооруженного конфликта // Ойкумена: регионаловедческие исследования. 2019. № 2. С. 15–20.

⁹² The Vladivostok Incident, April 4–5, 1920 // The testimony of Admiral Kolchak and other Siberian Materials. Stanford, 1935. P. 379).

⁹³ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 26 мая.

члены правительства⁹⁴. Большинство на выборах получили представители социалистического блока (коммунисты, меньшевики, эсеры). В этом блоке численно преобладали сторонники коммунистов, которые провели своих депутатов от многочисленных и влиятельных профсоюзных организаций. Оппозиционное меньшинство составили кадеты, монархисты, представители ценовой буржуазии⁹⁵.

Победа Народно-революционной армии над войсками Семенова в Забайкалье усилила влияние сторонников советской власти в Приморье. Уже осенью 1920 г. некоторые ведомства Приморья перестали подчиняться своему правительству, исполняя директивы, пересылаемые им из Читы. 11 декабря 1920 г. Временное народное собрание Дальнего Востока признало читинское правительство ДВР. На следующий день Приморская областная земская управа сложила с себя полномочия Временного правительства Дальнего Востока и передала всю полноту власти Народному собранию Дальнего Востока⁹⁶.

8 декабря 1920 г. Народное собрание Дальнего Востока постановило учредить Приморское областное управление. 21 декабря этот орган принял официальное название Совет управляющих отделами Приморского областного управления ДВР, избрав председателем коммуниста В.Г. Антонова⁹⁷. Данный орган регионального управления ориентировался на объединение с ДВР, но действовал на основании и в развитие законодательства Временного правительства – Приморской областной земской управы. Как писал В.Г. Болдырев, «Чита пыталась руководить энергичной посылкой декретов, но таковые большей частью оставались мертвой буквой в условиях Приморья»⁹⁸.

В самом Приморье обстановка усугублялась переброской из Забайкалья и Маньчжурии частей Белой армии. Враждующие друг с другом группировки «семеновцев» и «каппелевцев» не желали поддерживать прокоммунистическую власть. С ноября 1920 г. началась консолидация «несоциалистических» общественных организаций в Южном Приморье и Маньчжурии. Их работа вылилась в созыв 20–31 марта 1921 Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока, представлявшего 51 общественную организацию. Участники съезда говорили от имени населения целого региона, хотя представляли лишь одну часть спектра общественных настроений. Сам съезд был собран по принципу корпоративного представительства. Он сформировал Совет Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока (позже переименованный в Совет Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока). Фактический этот орган общественности стал теневым кабинетом оппозиции и взял курс на подготовку государственного

⁹⁴ Там же. 9 июня.

⁹⁵ См. подробнее: *Землянский В.Л.* Временное народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента // Ойкумена: регионаловедческие исследования. 2020. № 3. С. 85–95.

⁹⁶ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 18 дек.

⁹⁷ Вестник Приморской области (Владивосток). 1921. 4 янв.

⁹⁸ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 403.

переворота. Осуществленный 26 мая 1921 г., он привел к падению Приморского областного управления ДВР.

В то же день Совет объявил себя Временным Приамурским правительством под председательством С.Д. Меркулова. 16 июня 1921 г. был образован Совет управляющих ведомствами. 30 мая 1921 г. новое правительство распустило Народное собрание. Для укрепления своей опоры в обществе правительство санкционировало проведение 16–25 июня 1921 г. во Владивостоке II Съезда несоциалистического населения Дальнего Востока. Был избран новый совет съезда, поддержавший Временное Приамурское правительство.

14 июня 1921 г. было принято Положение о выборах нового представительного органа – Приамурского народного собрания (Народного собрания Приморья). Его полномочия устанавливались сроком на один год. Избирательного права лишались представители «антигосударственных» партий (большевики, левые эсеры, эсеры-максималисты, анархисты). Выборы проводились 5–7 июля 1921 г. на основе всеобщего избирательного права прямым, тайным и равным голосованием, в городах по пропорциональной, а в сельской местности по мажоритарной системе. Из 160 было избрано лишь 87 депутатов. Работа Народного собрания началась 12 июля 1921 г. Его председателем стал К.Т. Лихойдов. Собрание сразу вступило в противодействие с правительством, требуя расширения своих полномочий. В противовес Народному собранию С.Д. Меркулов предлагал созвать Земский собор из представителей консервативно-монархических общественных деятелей. В ответ приморский парламент отказался признавать Временное Приамурское правительство и 2 мая 1922 г. принял новый избирательный закон, допускавший к участию в выборах все партии без ограничений. 31 мая 1922 г. С.Д. Меркулов объявил о роспуске Народного собрания, которое данному указу не починилось. 3 июня 1922 г. Народное собрание предприняло попытку государственного переворота, объявив о формировании параллельно с действовавшим другим составом правительства, во главе которого организаторы переворота пытались поставить ген. М.К. Дитерехса, предполагая отстранить от власти и арестовать членов действующего правительства С.Д. и Н.Д. Меркуловых⁹⁹. 8 июня М.С. Дитерехс подтвердил полномочия С.Д. Меркулова как главы правительства на условиях созыва Земского собора. Народное собрание было окончательно распущено 11 июня, а 23 июля во Владивостоке собрался Приамурский земский собор, который 8 августа утвердил М.К. Дитерехса правителем Приамурского земского края и передал ему всю полноту государственной власти. 10 августа М.К. Дитерехс создал законосовещательный орган – Земскую Приамурскую думу, которая 15 сентября получила права исполнительного власти. Для их осуществления она сформировала правительство – Совет думы, резиденцией которого стал Никольск-Уссурийский.

⁹⁹ Ляхов Д.А. Политический кризис в Приморье (май–июнь 1922 г.) // Дальний Восток России: историческое наследие и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2012. С. 283–286.

Режим М.К. Дитерихса являлся военно-монархической диктатурой, при которой решающую роль играли представители военных и православной церкви. В октябре 1922 г. части Народной армии ДВР в ходе Спасской операции нанесли поражение войскам Приамурского земского края – Приамурской земской рати. Это предрешило вопрос о выводе из Приморья японских войск. 14 октября М.К. Дитерихс отдал приказ о прекращении вооруженной борьбы против большевиков. 17 октября Земская дума прекратила свою работу.

В последующие два дня правитель Приамурского земского края предупредил о необходимости создать во Владивостоке орган управления на переходный период. Группа сибиряков-областников выдвинула претензии на власть и 21 октября 1922 г. объявила о создании «Совета уполномоченных антибольшевистских организаций автономной Сибири» во главе с А.В. Сазоновым. Никакого управления приморской столицей это политическое образование организовать не смогло, но в последующие пять дней под его прикрытием прежним властям удалось произвести эвакуацию «белых» частей и беженцев из города и его окрестностей. 25 октября 1922 г. во Владивосток вошли части Народно-республиканской армии¹⁰⁰.

* * *

Политическая история восточных регионов России имеет существенные отличия от того, что происходило в других очагах антибольшевистского движения. Причину нужно искать прежде всего в пространственных характеристиках – протяженности и конфигурации. На западе лагерь контрреволюции представлял собой огромную территорию – от Прибалтики до Кавказа включительно, никогда не составлявшую политического единства. Мощные национальные движения привели к появлению здесь государственных образований, способных конкурировать с русским антибольшевистским движением и в совокупности превосходивших его. Отсюда такое качество, как прерывистость территории в государственно-правовом значении. Антибольшевистский север России обладал сходством с восточными регионами в том, что занимал такую же редконаселенную окраинную территорию с преимущественно русским населением, но с большим влиянием национального фактора. Однако по своим масштабам, насыщенности событиями и их разноплановости север явно уступает восточным регионам. Пожалуй, только восток России обладал уникальным свойством относительного единства политического пространства и связностью общественно-политической жизни. Более того, здесь произошло объединение под единой властью территории, превосходившей по площади остальную Россию.

Отмеченные отличия не устраняют сходства в политической жизни разных частей бывшей Российской империи, представлявших антибольшевистский лагерь. Серьезный кризис легитимности с началом Гражданской войны превратился в перманентный, нарушив устоявшуюся

¹⁰⁰ *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 34–45.

пространственную организацию власти. Поэтому политический процесс отражал фрагментацию государства и одновременно высокую конкуренцию между многими претендентами на свою долю имперского государственного наследства. Территориальные претензии вновь появившихся правительств пересекались и накладывались друг на друга, оставляя вместе с тем отдельные «анклавы» безвластия, заполняемые кратковременными государственными образованиями, близкими по типу к городам-государствам или даже вождествам. Другой не уникальной особенностью политического процесса стала череда государственных переворотов, самоликвидаций государственных образований, появление новообразований и прочих флуктуаций. Данное обстоятельство актуализирует проблему преемственности и разрыва во внутренней политике многократно сменявших друг друга правительств. Не следует также преувеличивать влияние каждого из органов власти на общество. Это влияние оставалось неравномерным и ограниченным, могло в зависимости от военно-политической обстановки динамично меняться, кардинально отличаться в эпицентрах власти, на пространственной периферии. Всегда оставались зоны, фактически неподвластные правительству (атаманщина, партизанское движение).

1.2. Органы управления социальной политикой

Военно-политическая история Гражданской войны на востоке России изучена достаточно полно, и это позволяет представить канву основных событий. Но государственное строительство рассмотрено исследователями только в общих чертах, на уровне истории высших органов власти. Поэтому для понимания механизма выработки социальной политики необходим экскурс в структуру государственных институтов, ответственных за принятие социально значимых решений.

Лидеры Комуча, верные эсеровской политической программе, провозгласили решение социальных проблем одним из приоритетных направлений своей деятельности. В составе правительства образовали ведомство труда, ведомство внутренних дел, ведомство народного просвещения, которые можно отнести к социальному блоку. 24 июля 1918 г. на Совете управляющих ведомствами рассматривался вопрос о создании ведомства социального обеспечения. Оно должно было объединить в себе функции бывших Министерства труда и Министерства внутренних дел, касавшиеся социальной политики (предполагалось создание двух отделов – труда и государственного призрения)¹⁰¹. Предложение было встречено с пониманием, но дальше обсуждения не продвинулось.

Вопреки политическим декларациям, проблемы социального обеспечения не оформились в отдельное направление внутренней политики Комуча. Об этом свидетельствует сама структура государственного аппарата в Поволжье. Хотя необходимо учесть то обстоятельство, что, как

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4.

только антибольшевистская бюрократическая машина в поволжском регионе начала зарождаться и структурироваться, этот процесс был прерван военным поражением.

В отличие от Комуча, уральские власти, наоборот, открыто провозгласили курс на эффективное государство, живущее по средствам. Но решением социальных проблем заниматься все же пришлось. Поэтому в составе Временного областного правительства Урала имелись главные управления труда, внутренних дел, образования.

Куда более разветвленным и структурированным оказался сибирский государственный аппарат. Примечательно, что созданная в недрах Западно-Сибирского комиссариата администрация послужила основой для Совета министров Временного Сибирского правительства, затем – Директории, и, наконец, на этой же основе сформировался Совет министров Российского правительства. Конечно, персональный состав этого аппарата был весьма подвижен, но более чем годовая преемственность и на кадровом, и на структурном уровнях принципиально выделяет омский центр власти среди других антибольшевистских правительств.

Совет министров Российского правительства был не единственным высшим органом государственной власти на востоке России в период правления А.В. Колчака. В конце ноября 1918 г. государственная власть попыталась скорректировать свой экономический курс в сторону расширения роли рыночных механизмов и экономических стимулов. Ставка на сильных, на личную инициативу, на негосударственные структуры получила свою реализацию в создании нового консультативно-совещательного органа – Чрезвычайного государственного экономического совещания. Первые три месяца своей работы совещание играло роль общественного эксперта деятельности правительства. За это время министры, их товарищи, руководители многих управлений и департаментов представили Чрезвычайному государственному экономическому совещанию отчетно-программные доклады. Летом 1919 г. состав совещания был расширен за счет выборных представителей от губернских земств, научных и образовательных организаций, более широкого представительства со стороны государственных ведомств. Вторая сессия Государственного экономического совещания, собравшаяся в расширенном составе, начала работу 15 июня 1919 г.¹⁰² Предварительное обсуждение на совещании законопроектов, затрагивавших не только экономические, но и социальные вопросы, стало обычной стадией законотворческого процесса. Но совершенствование работы Государственного экономического совещания происходило параллельно с потерей Российским правительством реальной власти¹⁰³. Попытка преобразовать его в Государственное земское совещание за счет расширения выборного начала не была

¹⁰² С этого времени из его названия убрали слово «чрезвычайное».

¹⁰³ Правительственный вестник. 1918. 27 нояб.; 1919. 16 мая; *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак ... Т. 2. С. 22–23, 216–231, 279–284; *Кроль Л.А.* За три года: воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 179–196; *Дмитриев Н.И.* Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 65–98.

реализована. После эвакуации в Иркутск Государственное экономическое совещание возобновило работу только в середине декабря 1919 г., но оказалось втянуто в политическую борьбу и не восстановило в полной мере свои экспертные функции.

Возвращаясь к анализу центрального звена государственного аппарата, отметим, что социальный блок сибирской/российской власти формировался постепенно, но быстрее, чем в других правительственных центрах. Когда в структуре Западно-Сибирского комиссариата были созданы отделы, социальная работа ограничилась двумя ведомствами – труда и просвещения. В составе Временного Сибирского, а потом Российского правительств было более десятка министерств и еще больше главных управлений, межведомственных комиссий, многие из которых так или иначе оказались вовлечены в разработку и реализацию социальной политики.

Обладая одинаковым ведомственным статусом, министерства имели совершенно разное реальное значение. На первый план выступало персональное влияние на принятие политических решений. Министерство финансов явно доминировало среди министерств экономической специализации. Оно вместе с Государственным контролем играло решающую роль в определении сроков и размеров социальных расходов. С июля 1918 г. по август 1919 г. Министерство финансов возглавлял И.А. Михайлов. Затем его сменил на этом посту Л.В. фон Гойер, а в ноябре 1919 г. – П.Н. Бурыйкин. Ведомство государственного контроля появилось в структуре Комуча, где его главой стал Г.А. Краснов. С падением Комуча он занял аналогичный пост в Совете министров Временного Всероссийского, а затем и Российского правительств, на котором бессменно оставался до начала 1920 г. Вопрос о выделении особого органа, координирующего все социальные трансферты, никогда не поднимался.

Гражданская война ставила перед государством сложнейшие социальные проблемы, решение которых требовало объединенных усилий нескольких ведомств, а иногда зависело от взаимодействия разных правительств. На протяжении нескольких месяцев существования антибольшевистской власти в Поволжье социальная работа ограничивалась помощью беженцам и подготовкой к эвакуации гражданских служб в период отступления Народной армии. Вся она оказалась в руках ведомства внутренних дел, возглавляемого М.А. Веденяпиным, в котором отсутствовали специальные подразделения. Аналогичная ситуация сложилась и на Урале, где решением текущих социальных проблем занималось Главное управление внутренних дел, возглавляемое кадетом Н.В. Асейкиным.

В структуре Временного Сибирского и Российского правительств функции социального обеспечения населения сосредоточивались в нескольких отделах Министерства внутренних дел. Никто из крупных политиков не «вел» специализированно это направление внутренней политики. Первоначально министерство возглавил известный областник В.М. Крутовский, мало принимавший участие в его работе. Но именно в этот период стала оформляться структура

министерства, в которой помимо административных и правоохранных подразделений предусматривались и социально ориентированные. При Директории его сменил А.Н. Гаттенбергер, оставшийся управляющим до конца апреля 1919 г., когда этот пост занял В.Н. Пепеляев. Оба руководителя занимались прежде всего налаживанием работы административных и милицейских органов, регулированием отношений между военными и гражданскими властями.

Отдел призрения Министерства внутренних дел был создан в июле 1918 г. Реальная работа подразделения началась в сентябре этого же года, когда его возглавил А.А. Корчагин – врач, известный своей общественной деятельностью в Самарской и Оренбургской губерниях¹⁰⁴. Можно указать на три основных направления работы этого ведомства: регулирование выплаты пенсий и социальных пособий, обеспечение работы приютов и помощь беженцам. На уровне губерний и областей, городов и уездов существовали местные отделы призрения, при которых были организованы попечительские советы. Они занимались определением круга получателей пособий, пенсий и социальных льгот, делая это, как правило, в тесном сотрудничестве с присутствиями по воинской повинности и воинскими начальниками, органами городского и земского самоуправления.

Наиболее существенной частью деятельности отдела призрения стала помощь беженцам. Эта масштабная задача была не под силу одному ведомству. Еще при царском правительстве для организации медицинского обслуживания и питания беженцев были использованы структуры Переселенческого управления Министерства земледелия и колонизации. На востоке России государственная власть вновь привлекла к попечительству центральные и местные структуры этого ведомства.

Значительную часть социальной работы осуществляли земские и городские органы, которые предоставляли в распоряжение государства свои административные и материальные ресурсы, но относили все расходы по работе с беженцами и выплаты пособий на счет казны. В 1919 г. к работе с беженцами подключился Российский Красный Крест. Координировали эту деятельность уполномоченные Министерства внутренних дел по делам беженцев, подчинявшиеся главноуполномоченному. Через них проходили финансовые и материальные ресурсы, распределявшиеся между беженцами напрямую и через посредничество других государственных или общественных организаций. Иные вопросы социальной работы решались через земский и городской отделы Министерства внутренних дел.

С конца 1918 г., когда из германского и австрийского плена стали возвращаться военнопленные, им была оказана социальная помощь наряду с беженцами. В данном случае этому существенно содействовало не только Переселенческое управление, но и Военное министерство и

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 140. Л. 122–124.

Министерство иностранных дел. Именно в рамках последнего 11 марта 1919 г. была создана комиссия по делам пленных, которую возглавил товарищ министра В.Г. Жуковский¹⁰⁵.

Медицинское обслуживание гражданского населения осуществляли органы земского и городского самоуправления, поддержка работы которых в этом направлении была возложена на отдел народного здоровья Министерства внутренних дел, возглавлявшийся К.М. Гречищевым¹⁰⁶. В ведение отдела входило содействие обеспечению медицинскими препаратами, развитию фармацевтической промышленности, наблюдение за санитарным состоянием городов, развитие курортного дела. Наконец, отдел народного здоровья должен был оказывать материальную помощь органам, борющимся с распространением эпидемических заболеваний. Медицинскую работу для армии координировало Главное военно-санитарное управление Военного министерства. Его работа настолько тесно переплеталась с деятельностью Красного Креста и муниципальных медицинских служб, что их практически невозможно было отделить друг от друга.

С лета 1919 г. социальная работа государства в значительной мере свелась к мероприятиям санитарно-медицинского характера. 22 июля 1919 г. при Министерстве внутренних дел взамен отделов призрения и народного здоровья было учреждено Врачебно-санитарное управление, а в августе создан Строительно-распорядительный комитет, объединявший под контролем министерства усилия разных ведомств по строительству и оборудованию помещений для размещения больных и раненых, беженцев и эвакуированных. Работа Министерства внутренних дел по санитарному обслуживанию населения протекала в тесном контакте с Военно-санитарным управлением Военного министерства, тем более, что многие лечебные учреждения строились или перепрофилировались в расчете на обслуживание военных.

В период существования Политцентра в структуре его отделов не предусматривалось отвечающих за социальную работу, несмотря на то, что среди прочих Политцентру приходилось принимать постановления о содержании учреждений социального призрения.

В Восточном Забайкалье не пытались отмахнуться от бремени социальных забот, возложив их на управление внутренних дел, в структуре которого действовали отдел призрения и здравоохранения, а помощнику главнокомандующего по военной части подчинялось военно-санитарное управление.

В Приморье с конца января 1920 г. по конец мая 1921 г. медицинское обслуживание и призрение населения возлагалось на земские органы. С приходом к власти Временного Приамурского правительства был образован отдел государственного и общественного призрения при управлении внутренних дел. Он сосредоточил в своих руках контроль за медицинской и социальной сферой, объединив функции бывших при Российском правительстве отделов призрения

¹⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 10.

¹⁰⁶ Там же. Д. 140. Л. 65–67.

и народного здоровья МВД. Обязанности городских и земских органов управления по делам при- зрения, врачебным и ветеринарным в пределах действовавшего в 1917–1919 гг. законодательства сохранялись в полном объеме¹⁰⁷.

Временное Приамурское правительство взяло курс на слияние центральных и областных учреждений. Так, 14 июня 1921 г. все кредиты Приморского областного управления по социаль- ному обеспечению перевели в управление внутренних дел, а отделу здравоохранения внутренних дел присвоили права врачебного и ветеринарного отделения областного управления¹⁰⁸.

Рабочий вопрос, являясь частью социальной политики, занимает в ней особое положение и тесно связан с государственным регулированием промышленности и транспорта. Контроль за индустриальными объектами – это прежде всего нормальные отношения с коллективами, осу- ществлявшими их эксплуатацию. С этой точки зрения трудно переоценить роль и самостоятель- ное значение политики в области рабочего вопроса. К тому же известна роль рабочих в радика- лизации революционного процесса в стране. Это была социальная группа, занимавшая в боль- шинстве конфликтов самую бескомпромиссную позицию, легко мобилизуемая и часто сама иг- равшая роль ударного механизма в политической борьбе¹⁰⁹. Ключевые проблемы, с которыми пришлось столкнуться ведомствам труда, заключались в урегулировании правового положения рабочих организаций, режима рабочего времени, заработной платы, социального страхования.

Среди многочисленных антибольшевистских государственных образований востока Рос- сии самостоятельную политику в рабочем вопросе проводили только четыре центра: Комуч, При- Комуч, Временное областное правительство Урала и находившиеся в Омске Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское и Российское правительства. Естественно, географический масштаб деятельности и глубина проработки мероприятий этих правительств различны. Опыт каждого уникален, исходя, по меньшей мере, из трех оснований. Во-первых, каждое из них пы- талось выработать собственную модель политики в отношении рабочих, во-вторых, занимало со- вершенно особый регион со специфическими индустриальными традициями, социальным строем. Конечно, сибирский центр сопоставим в этом случае с остальными только в период лета– осени 1918 г. В-третьих, в решении рабочего вопроса больше, чем в других сферах внутренней политики, проявились партийно-политические пристрастия. И это несмотря на то, что основные очертания мероприятий в социально-трудовой сфере повсеместно определяли меньшевики или меньшевистски ориентированные лидеры. Их деятельность часто шла вразрез с общим курсом своих правительств.

¹⁰⁷ Там же. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–3.

¹⁰⁸ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 6 июля.

¹⁰⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 81–102; Ларь- ков Н.С. Сибирский Октябрь и маргиналы // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы всерос. симпоз., посв. памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 1. С. 171–172.

В Комуچه ведомство труда с 10 августа 1918 г. возглавил меньшевик И.М. Майский, будущий известный советский дипломат¹¹⁰. В составе ведомства действовали отделы взаимоотношения между трудом и капиталом, рынка труда, охраны труда, социального страхования¹¹¹. В качестве местного аппарата были использованы советские губернские и уездные комиссариаты труда, в которых проводилась усиленная кадровая «перетряска». Руководителем Главного управления труда Временного областного правительства Урала стал меньшевик П.В. Мурашев, по его собственному признанию, мало знакомый с вопросами труда и промышленности¹¹². Он в большей степени был фигурой «политической». Главным же действующим лицом в управлении стал инженер Н.М. Обухов¹¹³, занимавший пост уполномоченного труда на Урале даже при Колчаке. Позже он возглавил отдел социального страхования Министерства труда. Отдел труда в составе Западно-Сибирского комиссариата, преобразованный в июле 1918 г. в министерство, возглавил бывший меньшевик Л.И. Шумиловский, сохранявший свой пост до падения колчаковского режима в начале 1920 г.¹¹⁴ Структура этого одного из самых немногочисленных омских министерств включала отдел охраны труда, рынка труда и взаимоотношений труда и капитала, отдел социального страхования и департамент статистики. На местах были сформированы губернские и уездные комиссариаты труда, в 1919 г. переименованные в инспекции.

В структуре Политического центра действовало ведомство труда, уполномоченным по которому стал эсер А.Т. Самохин. Но он практически ничего не успел реализовать, лишь продекларировал намерение повысить защищенность трудящихся¹¹⁵. В Восточном Забайкалье урегулирование трудовых отношений находилось в ведении объединенного управления промышленности, торговли, снабжения и труда. С возникновением 26 июля 1920 г. Совета управляющих ведомствами в его структуре не предусматривалось учреждение, регулировавшее вопросы труда.

На базе приморской инспекции труда в начале 1920 г. было образовано Управление делами труда Временного правительства – Приморской областной земской управы. Это ведомство стало проводить активную политику по регулированию трудовых отношений и заработной платы,

¹¹⁰ Вопрос обсуждался на заседании Комуча 14 августа 1918 г., оформлен приказом № 239 от 19 августа 1918 г. (Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 63, 270).

¹¹¹ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 16.

¹¹² Из воспоминаний главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П.В. Мурашева «Контрреволюция на Урале 1918–1919 гг.» // Уральский областник. 1994. № 4. С. 31.

¹¹³ Якимов К.В. Страницы из жизни Н.М. Обухова, областного инспектора труда Урала при Всероссийском правительстве адмирала А.В. Колчака // Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург, 2000. С. 108–111.

¹¹⁴ Биография этого яркого деятеля антибольшевистского движения получила широкое освещение в современной историографии: Русаков К. Барнаулец – министр правительства Колчака (Л.И. Шумиловский) // Контраст (Барнаул). 2001. 31 янв. – 6 февр.; Гришаев В.Ф. 120 лет со дня рождения педагога и журналиста Л.И. Шумиловского (1876–1920) // Страницы истории Алтая 1996 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1995. С. 9–11; Гришаев В.Ф. Леонид Шумиловский // Вечерний Барнаул (Барнаул). 1994. 27 авг.; Дмитриев Н.И. Л.И. Шумиловский – одна из первых жертв советского репрессивного аппарата // Тоталитаризм и личность: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 152–154; Макаруч С.В. К политической биографии Л.И. Шумиловского // История «белой» Сибири: сб. тез. докл. Кемерово, 1995. С. 135–138.

¹¹⁵ Бюллетень информационного бюро Политического центра (Иркутск). 1920. 17 янв.

решительно принялось корректировать политику, проводимую ранее Российским правительством. Несмотря на то, что в Приамурском Временном правительстве данное ведомство было упразднено, новый политический режим продолжил традицию активного регулирования трудовых отношений.

Такова была конфигурация высших и центральных органов власти антибольшевистских правительств востока России, осуществлявших социальную политику. Остается добавить, что она не претерпела принципиальных изменений даже после колчаковского переворота, что лишний раз подтверждает единство внутривластного курса Временного Сибирского и Российского правительств.

Даже такой весьма правый по убеждениям автор, как генерал К.В. Сахаров, признавал главной ошибкой государственного строительства стремление воссоздать на востоке России государственный аппарат всероссийского масштаба с его разветвленными отделами и департаментами, совершенно излишними для огромной слабозаселенной окраины государства¹¹⁶.

В то же время национальные автономные правительства сознательно воздерживались от регулирования социальных вопросов. В результате в их структуре отсутствовали подразделения, специально отвечавшие за проведение социальной политики в целом и его отдельных направлений. Редкий случай, когда подобное положение получило теоретическое обоснование, это принятая 14 декабря 1917 г. III областным съездом Башкурдистана резолюция об общероссийской автономии и отношении Башкурдистана к федерации, в которой говорилось, что в социальное законодательство входит ряд важнейших вопросов, регулируемых общефедеративным правительством¹¹⁷. В действительности такой же логикой руководствовались и другие органы национального управления.

Разработка и проведение продуманной социальной политики государства возможна при наличии соответствующих государственных учреждений. Структура органов социальной направленности должна отражать иерархию социальных проблем, которые пытается решить государство. Можно сделать и обратное заключение – отсутствие соответствующих государственных учреждений, скорее всего, означает неспособность государственной власти вести систематическую деятельность. Для большинства государственных образований на востоке России в антибольшевистский период краткость отведенного для них срока и слабость административных ресурсов не позволяли развернуть определенный курс социальной политики. Они имели возможность реализовывать только эпизодические мероприятия. Исключение составляет аппарат Временного Сибирского и Российского правительств. Однако успех государственной политики

¹¹⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 53.

¹¹⁷ А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920): сб. документов и материалов / сост. Н.М. Хисматуллина и др. Уфа, 2005. С. 79.

зависел не только от наличия государственных структур, но и от состояния общества, характера его взаимодействия с государственным организмом.

* * *

На первый взгляд, социальные задачи не входили в число приоритетных для правительственных властей восточной контрреволюции. Как ни парадоксально, но именно социалистические правительства пытались упростить свои социальные функции, переложив их на органы местного самоуправления или просто исключив из повестки. Наиболее сложную и разветвленную систему ведомств и учреждений, призванных осуществлять социальную политику, сформировало Временное Сибирское правительство, прославившееся наиболее правым из всех появившихся в первые месяцы, и в дальнейшем расширило и укрепило Временное Всероссийское и Российское правительства. Лишь отчасти это связано с идеологическими предпочтениями и разными представлениями о границах правительственного управления и общественного самоуправления. Не меньшее значение имело то обстоятельство, что шквал социальных проблем нарастал постепенно, их решение требовало средств, административных и кадровых ресурсов, и не всякая власть могла успешно справляться с такими задачами. На завершающем этапе Гражданской войны, в 1920–1922 г., прослеживается вполне закономерное упрощение аппарата управления. Нельзя не отметить еще одну особенность государственного строительства на востоке России: все правительства формировали органы, призванные регулировать социальные процессы, но не осуществлять мобилизацию и принуждение общества. Аппарат восточной контрреволюции не работал на решение мобилизационных задач и такие задачи перед собой не ставил.

1.3. Институты выражения социальных интересов общества

Революция взорвала общественную жизнь Российской империи, политизировала деятельность ранее существовавших общественных организаций, вызвала к жизни огромное количество новых, нацеленных на активное участие в политике. Это кипение общественной жизни продолжилось и в антибольшевистском лагере. Одни организации успешно лоббировали социальные и экономические интересы отдельных групп населения, оказывали воздействие на формирование социальной политики, другие обладали меньшим влиянием на государственную власть, зато формировали общественные настроения. Естественно, масштабы задуманного исследования не позволяют проанализировать положение и деятельность всех национальных, культурных, религиозных и социально-классовых организаций, чья работа протекала в лагере контрреволюции во второй половине 1918 – 1919 г. В поле зрения попали только те из них, чей вклад в формирование социальной политики антибольшевистских правительств оказался достаточно весомым.

В первую очередь следует остановиться на органах местного самоуправления. Природа российского варианта муниципалитетов является предметом длительной дискуссии. Со времен либеральных реформ 1860–1870-х гг. обществоведы делились на сторонников общественной природы этих учреждений и тех, кто считал их нижним этажом государственного аппарата. Не вдаваясь в существо дискуссии, отметим, что в период революции и в законодательстве, и в общественном мнении доминировало отношение к городским и земским органам как самостоятельным и независимым от государства представительным учреждениям, которые, избавившись от излишней бюрократической опеки и реорганизовавшись на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, стали подлинными представителями интересов населения. Но введение пропорциональной избирательной системы привело к излишней политизации работы муниципальных органов, быстро терявших свой авторитет.

Органы городского самоуправления на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке функционировали с конца XVIII в. на тех же основаниях, что и на европейской территории России. Иное дело – земства, учрежденные с 1864 г. в европейской части России. В Поволжье, Оренбуржье и на Урале ко времени революции они насчитывали историю длиной в несколько десятилетий. Длительная борьба за введение земств в Сибири и на Дальнем Востоке увенчалась успехом только летом 1917 г. Их появление совпало с кардинальной всероссийской реформой органов местного самоуправления на основе всеобщих выборов. Едва сформировавшись и приступив к работе, новые земские и городские учреждения подверглись гонениям со стороны советской власти. В первой половине 1918 г. они были ликвидированы, их хозяйственные структуры переданы местным советам.

После антибольшевистского переворота восстановление распущенных советской властью органов местного самоуправления воспринималось в качестве одной из первоочередных задач. Военные, заняв новый район, как правило, собирали городские и земские управы ранее, чем удавалось организовать местную государственную администрацию. Земства и городские органы оказались широко вовлечены в решение социальных задач и видели свое назначение в том, чтобы представлять правительству экономические, социальные и культурные нужды населения. Комуч и Западно-Сибирский комиссариат, да и Временное Сибирское правительство на первых порах полагали, что местная государственная администрация нужна только на переходное время, а в дальнейшем вся местная власть сосредоточится в органах самоуправления. Казалось, что для муниципальных органов должен наступить «золотой век». Но чрезмерно левый состав гласных городских дум и земств дал власти и отчасти населению повод усомниться в их деловых качествах. Очень быстро Временное Сибирское правительство постаралось поставить муниципальные органы под жесткий государственный контроль.

На Дальнем Востоке ситуация кардинально отличалась от сибирской. Там и при советской власти земские и городские органы не переставали играть роль альтернативного полюса власти. С падением советов они стали основным властным центром не только во Владивостоке, где сформировали одно из правительств – Временное правительство автономной Сибири, но и в других городах.

1–5 августа в Самаре прошло особое совещание представителей губернских земств. Присутствовали делегаты от Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний и Тургайской области¹¹⁸. 14–21 августа 1918 г. в Самаре собрался Чрезвычайный съезд земств и городов Поволжья, Урала и Сибири, который высказал притязания на некоторые функции государственной власти, в том числе регулирование социально-трудовых отношений и оказание социальной помощи населению¹¹⁹. Съездом была сформирована Временная объединенная организация земств и городов освобожденной России и его рабочий орган – Чрезвычайный главный комитет¹²⁰ во главе с известным московским предпринимателем и земским деятелем С.М. Третьяковым, будущим министром торговли и промышленности Российского правительства¹²¹. 3 сентября 1918 г. Комуч утвердил положение о принципах работы этой организации, действовавшей «на началах свободной кооперации муниципалитетов». Данный нормативный акт наделил Временную объединенную организацию земств и городов освобожденной России правами юридического лица и зафиксировал обязанности Чрезвычайного комитета принять меры к сосредоточению в своих руках управление учреждений и имущества главного комитета земских и городских союзов и Земгора, находящихся на территории освобожденной России, приступить к организации помощи больным и раненым воинам, населению, пострадавшему от военных действий, борьбе с эпидемиями и снабжению армии¹²². Районом его практической деятельности стали Поволжье и Южный Урал, где в период отступления Народной армии он осуществлял помощь раненым военнослужащим и организовал ряд питательных пунктов по пути следования беженцев¹²³. После эвакуации антибольшевистских сил из Поволжья правое крыло этого движения сконцентрировалось вокруг объединения несоциалистических деятелей земств и городов России. Они требовали от Российского правительства признать их организацией, представляющей интересы земств и городов на востоке России и ведущей от их имени работу на фронте и в тылу. Это направление земской работы было

¹¹⁸ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 9. Д. 1198. Л. 1–17.

¹¹⁹ Вестник Комуча. 1918. 18 авг.; Наш День (Самара). 1918. 15 авг.; Волжский день (Самара). 1918. 22 авг.; Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 166, 170–171, 192–193. В подлинных документах этот форум назывался Чрезвычайным совещанием представителей городов и земств освобожденной России (см.: ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1999. Л. 62–101).

¹²⁰ Действовал на основе утвержденного на съезде Положения (ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 12. Л. 33–34).

¹²¹ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 165.

¹²² Вестник Комуча. 1918. 14 сент.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 363–365.

¹²³ Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 12 нояб.

институционализировано утверждением 11 августа 1919 г. уставов Земского и городского союзов Российской империей¹²⁴.

Признанная правительством организация оказалась оторвана от большинства городских и земских органов. В местных самоуправлениях доминировал менее лояльный настрой по отношению к власти. Состоявшийся в Томске в сентябре 1918 г. Всесибирский съезд органов местного самоуправления начал борьбу за признание новой общественной организации – Всесибирского союза земств и городов (Сибземгора). Министерство внутренних дел воспротивилось этому, хотя организация активно работала не будучи признанной¹²⁵. Влияя на формирование общественных настроений, она не могла, однако, официально лоббировать свои интересы. Тем не менее на местном уровне городские и земские органы оказывали существенное воздействие на формирование социальной политики. Кроме того, у них была возможность по отдельности апеллировать к правительству. Власть решала многие социальные проблемы при непосредственном участии органов местного самоуправления, часто за счет их бюджетов. Члены управ тесно и по-деловому сотрудничали с местными и центральными органами власти и управления, тогда как в среде городских и земских гласных нарастало оппозиционное отношение к политическому режиму.

Важно отметить, что, отказавшись интегрировать земско-городские структуры в систему высшей власти, правительство приобрело в их лице мощную оппозицию¹²⁶. Особенно сильное выражение получили антиправительственные настроения на Дальнем Востоке, где после регионального съезда органов самоуправлений сформировалась самостоятельная структура – Дальневосточный краевой союз земств и городов (Далькрайземгор), претендовавший на почти полную подмену административных органов муниципальными. Именно он в ноябре 1919 г. стал инициатором антиколчаковского восстания во Владивостоке¹²⁷.

Активно участвуя в формировании политической оппозиции, земские и городские самоуправления имели сеть влиятельных газет и журналов¹²⁸. Во многих уездных центрах единственным печатным изданием являлись газеты городской или уездной земской управы. Они отличались многотиражностью, были рассчитаны на широкие массы населения и в том числе нередко доходили до деревни, где являлись подчас единственным источником информации.

¹²⁴ Правительственный вестник. 1919. 9 сент.

¹²⁵ См.: Известия Всесибирского союза земств и городов («Сибземгора») (Томск). 1919. № 1–6.

¹²⁶ Мальцева Т.В. Сибирское земство и колчаковщина. С. 125–138.

¹²⁷ Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда (из записок русского революционера). Прага, 1921; Гайдовское восстание во Владивостоке 19–20 ноября 1919 г. // Дальистпарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток, 1923. Кн. 2. С. 141–148; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака ... Кн. 2. С. 316–344; История Дальнего Востока России ... Т. 3. С. 329–339; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. С. 345–346; Goldhurst R. The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920. N.Y., 1978. P. 237–243.

¹²⁸ Шереметьева Д.Л. Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф. Томск, 2007. С. 85–88.

Возвращаясь к вопросу о природе муниципальных органов в России, отметим, что и в антибольшевистском лагере она оставалась двойственной. Исполняя ряд государственных функций, земские и городские органы одновременно сохранили особый, отдельный от государства бюджет, выборный способ формирования. По самосознанию работников муниципальные службы все больше становились некой структурой, противостоявшей государству от имени общества. В антибольшевистский период обозначились два противоречия в положении городских и земских органов. Во-первых, в условиях падения популярности в массах их лидеры продолжали выступать от имени всего населения. Во-вторых, претендуя на независимость от государства, муниципальные органы переживали резкое сокращение своих хозяйственных возможностей и все больше попадали в материальную зависимость от государства.

Наряду с органами местного самоуправления активно влияли на политический процесс иные хозяйственные организации и их объединения. Наиболее массовой общественно-хозяйственной организацией в России революционной эпохи являлась кооперация. Сибирь, безусловно, была регионом наиболее развитого союзного кооперативного строительства. Здесь сложились три крупнейших союза кооперативных союзов, объединивших региональные кооперативные союзы. Первым по времени возникновения (1912 г.) являлся Сибирский союз маслодельных артелей, имевший 20 районных контор. С 1914–1916 гг. он выступал единственным скупщиком масла для государства в условиях существования государственной монополии. В конце 1917 – начале 1918 г. союз вступил в борьбу за повышение закупочных цен на масло и показал, что имеет довольно эффективные рычаги мобилизации общественного мнения сибиряков. Союз говорил от имени нескольких миллионов сибирских крестьян.

В сентябре 1917 г. 20 кредитных союзов Сибири сформировали Союз сибирских кредитных союзов (Синкредитсоюз). Это позволило единой организацией выступать от лица огромной сети кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Сибири. Влияние союза обуславливалось еще и его ролью крупного посредника в государственных заготовках продовольствия.

Особенно мощной на востоке России являлась сеть потребительских кооперативов. По данным В. Махова, потребительская кооперация охватывала 65,2% крестьянских хозяйств Сибири и 50,6% всего сибирского населения¹²⁹. В августе 1916 г. возник общесибирский Союз союзов потребительской кооперации – Закупсбыт, в который в 1918–1919 гг. вступили почти все союзы кооперативов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Закупсбыт отказался стать членом общероссийской организации потребительской кооперации Центросоюз и даже вступил в противостояние с этой могущественной структурой. Поэтому в антибольшевистский период действовало Сибирское бюро Центросоюза: летом 1918 г. – в Уфе, с осени 1918 г. – в Омске и, наконец, после

¹²⁹ Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития (1898–1920). Новониколаевск, 1923. С. 148.

ноября 1919 г. – во Владивостоке. Жесткое противостояние Центросоюза и Закупсбыта привело к тому, что в 1918–1919 гг. большинство сибирских кооперативных союзов прекратили свое членство в Центросоюзе. Последний сосредоточился на закупочных или посреднических операциях и не имел тесной связи с сибирским населением. Зато роль Закупсбыта возросла благодаря высвободившейся нише. Он объединил союзы не только Сибири, но и Дальнего Востока.

Кооперация востока России провела три общесибирских съезда и создала свою представительскую организацию – Всесибирский совет кооперативных съездов (Всекосовет)¹³⁰, просуществовавший с сентября 1918 г. по январь 1920 г. Возглавил его А.В. Сазонов. Эта организация активно лоббировала интересы кооперации в правительственных структурах, влияла на общественное мнение. Но Всекосовет, хотя и выступал от имени всего кооперированного населения, отнюдь не представлял его в действительности. Параллельно действовали Уральский и Восточно-Сибирский советы кооперативных съездов, Временный совет кооперативных съездов Забайкальской области, Владивостокское бюро кооперативных организаций, являвшиеся центрами притяжения своих кооперативных организаций¹³¹.

Была также предпринята попытка организовать урало-поволжский центр кооперативных организаций. 20–25 мая 1918 г. в Самаре собрался общекооперативный съезд, на котором были представлены кооперативные союзы Самарской, Оренбургской, Уфимской и Пермской губерний. Он учредил совет съездов, приступив к работе 13 августа 1918 г. С учетом нахождения в Самаре центральной власти Совет съездов объявил о временном возложении на себя функций всероссийского. Но дальше декларации дело не пошло¹³².

В историографии давно идет дискуссия о природе кооперации. Одни исследователи склонялись к определению ее как разновидности мелкобуржуазной организации, ориентированной на обслуживание социально-экономических нужд зажиточного населения¹³³. Другие вслед за видными деятелями российской кооперации начала XX в. писали об особом, некапиталистическом и надклассовом характере этого явления. Дискуссию в подобном формате нельзя считать плодотворной. Мало выяснить, каков имущественный статус рядового участника кооперативных

¹³⁰ Рынков В.М. Всесибирский совет кооперативных съездов (конец 1918 – 1919 г.) // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 2004. С. 194–197; Рынков В.М. Возникновение и деятельность Всесибирского совета кооперативных съездов (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) // Кооперация: история, теория, экономика, управление: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 30–33.

¹³¹ Рынков В.М. Между политикой и экономикой: Иркутский кооперативный центр в 1918 – 1920-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2009. С. 209–213; Рынков В.М. Кооперация и власть на Дальнем Востоке на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1922 гг.) // Кооперация: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 49–53; Рынков В.М. Забайкальская кооперация в вихре бурных лет (1914–1920 гг.) // Кооперация: прошлое и настоящее: материалы и исследования: памяти учителя, педагога, ученого, доктора исторических наук, профессора Леонида Ефимовича Файна. Иваново, 2013. Вып. 2. С. 154–163.

¹³² Известия Совета областных съездов (Самара). 1918. № 1. С. 1–8, 11–15.

¹³³ Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 91.

объединений или какова идеология их лидеров. Важнее помнить, в каком качестве кооперация выступала на рынке. За годы Первой мировой войны и революции она претерпела серьезные метаморфозы. При резком увеличении количества участников кооперативов ее материальная база существенно сократилась. Многообразие кооперативной деятельности постепенно примитивизировалось и почти свелось к работе простой потребительской лавки, включенной через систему местных и региональных союзов в огромную закупочно-распределительную сеть. Следовательно, кооперация в годы революции представляла интересы прежде всего потребителя, т.е. консолидированного покупателя на рынке, пораженном дефицитом. Поэтому она тяготела к распределительным схемам экономического взаимодействия и созданию системы социально-экономической защищенности своих клиентов любой ценой. В то же время кооперативная верхушка отрывалась от рядовых участников движения. У нее появлялись собственные социально-экономические интересы. Они могли противоречить интересам кооперативной массы, более того, становилась возможна «эксплуатация» кооперативным аппаратом сил, средств и представительского ресурса кооперации, т.е. возможность говорить от имени основной массы населения. Кооперативные союзы противостояли частнопредпринимательским организациям в большей степени как экономические конкуренты. Но при этом они использовали социальную риторику, постоянно заявляли, что стоят вне экономической борьбы¹³⁴.

Один из эффективных путей влияния кооперации на массовое сознание заключался в обладании солидной сетью периодических изданий. Кооперативные союзы на востоке России владели очень сильной полиграфической базой, издавали 48 наименований журналов и газет, охватывавших основные центры¹³⁵. Среди них – крупнейшая политическая газета «Заря», которая питала информацией многие издания востока России.

По большинству общественных и хозяйственных вопросов кооперация выступала единым фронтом с земскими и городскими органами самоуправления. Они присвоили право называть себя демократическим лагерем и обращались к власти от имени всего народа, противопоставляя себя «цензовым элементам» и «контрреволюции». Это было преувеличением, но в хоре общественности голос кооперации звучал достаточно весомо, что позволяло ей влиять на представления населения о современной ситуации.

После антибольшевистского переворота быстро возродились и предпринимательские организации: биржевые и военно-промышленные комитеты, союзы предпринимателей, даже союзы домовладельцев. Они предложили антибольшевистским правительствам свой коммерческий и

¹³⁴ См. подробнее: *Рышков В.М.* На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 гг. // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 91–119; *Рышков В.М.* Идейное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 163–174.

¹³⁵ ИсАОО. Ф. Р-2105. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–27.

управленческий опыт, но взамен требовали снятия ограничений на частнопредпринимательскую деятельность. Влияние торгово-промышленных кругов на власть было достаточно велико, независимо от политических оттенков самих правительств. Об этом свидетельствует активное сотрудничество Комуца с предпринимательскими организациями. Наиболее полно программу сибирской и дальневосточной буржуазии отразил Деловой кабинет генерала Д.Л. Хорвата, большинство членов которого вошли в него именно как представители буржуазных организаций.

Закрытые при советской власти предпринимательские организации – биржевые и торгово-промышленные союзы – возобновили свою деятельность в первые месяцы после антибольшевистского переворота¹³⁶. В Западной Сибири они организовались очень быстро: 13–20 июля 1918 г. провели Сибирский торгово-промышленный съезд и сформировали центральную организацию региона – Сибирский совет съездов представителей торговли, промышленности и сельского хозяйства¹³⁷. 31 июля – 3 августа 1918 г. в Самаре буржуазия Поволжского региона провела торгово-промышленный съезд¹³⁸. Предпринимательские организации Поволжья и Урала 7–9 сентября 1918 г. провели в Уфе торгово-промышленный съезд и организовали Всероссийский совет съездов торговли и промышленности¹³⁹. Его резиденцией с ноября 1918 г. стал Омск, где данный орган объединился с аналогичным сибирским. Именно он представлял интересы предпринимателей в высших и центральных органах власти и управления. Всероссийскому совету удалось создать разветвленную структуру отраслевых учреждений: бюро мукомолов, лесопромышленников, горнопромышленников и др.¹⁴⁰ Но и он не оставался единственным центром притяжения частнопредпринимательских кругов на востоке России. Влиятельнейшими организациями в уральском регионе стали Бюро уральских горнопромышленников и Совет съездов торговли и промышленности Урала¹⁴¹.

Еще до революции часть российской буржуазии выступала за создание торгово-промышленных палат как обязательного органа, объединявшего весь торгово-промышленный слой. После Февраля 1917 г. идея трансформировалась в настойчивое требование, воплощенное в законе Временного правительства от 6 октября 1917 г. «Об учреждении торгово-промышленных палат»¹⁴². Постановление осталось нереализованным.

¹³⁶ *Дмитриев Н.И.* О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918–1919 гг. // Деловая Россия: история и современность: тез. II Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1996. С. 93–95.

¹³⁷ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. Ч. 2. С. 273–281.

¹³⁸ Вестник Комуца. 1918. 3 авг.

¹³⁹ Уфимский торгово-промышленный вестник (Уфа). 1918. № 24–25. С. 1–22; Армия и народ (Уфа). 1918. 10, 11, 14 сент.

¹⁴⁰ Торгово-промышленный вестник (Омск). 1919. 1, 22, 23 февр., 1 апр., 18 марта.

¹⁴¹ *Рукоусев Е.Ю.* Екатеринбургское бюро совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 гг. // Вестник Пермского университета. 2014. История. Вып. 4. С. 84–91.

¹⁴² Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 г. М., 2004. Т. 4: Сентябрь–октябрь 1917 г. С. 434; *Федотов В.И.* Торгово-промышленные палаты. Саратов, 2000. Ч. 1: История. С. 146–148; Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 249–253.

Но в Самаре еще весной 1917 г. предприниматели организовали торгово-промышленную палату как общественную организацию, прекратившую свою деятельность при советской власти. 10 июня 1918 г. она возобновила работу, организовав для управления Временный комитет¹⁴³. 23 марта 1919 г. Российское правительство приняло «Правила учреждения временных торгово-промышленных палат»¹⁴⁴. Всероссийский совет съездов промышленности и торговли намеревался открыть на востоке России 18 торгово-промышленных палат. Но в действительности их учредили в Перми, Челябинске, Семипалатинске, Чите, Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке¹⁴⁵. Однако палаты Урала и Степного края не приступили к работе и только дальневосточные представительные учреждения буржуазии выполняли свои функции.

После падения Российского правительства резко возросла активность Читинской торгово-промышленной палаты, пытавшейся инициировать серию нормативных актов¹⁴⁶. При этом предприниматели находились в жесткой оппозиции к семеновскому режиму. Самой долговременной торгово-промышленной палатой на востоке России стала Приморская. Развернув масштабную научную деятельность по исследованию ресурсов края и экспертизе экономических и правовых проблем предпринимательской деятельности в Приморье, руководство палаты пыталось не только влиять на региональные органы власти и управления, но и заявить о своих интересах на международном уровне¹⁴⁷.

Существовала еще и сеть военно-промышленных комитетов Урала, Сибири и Дальнего Востока, выразителем мнения которых стал Омский военно-промышленный комитет. Особенность его положения состояла не только в том, что он в значительной мере определял порядок распределения средств, отпущенных правительством на заготовку военного снаряжения, но и в огромном влиянии на общественное мнение и политические настроения в столице, а также в активном участии его руководителей в «подковерной» политической игре. Тесная связь некоторых военно-промышленных комитетов с местными военными придавала данным структурам в период Гражданской войны существенно большее значение, чем это было до революции¹⁴⁸.

В отличие от кооперативных союзов предприниматели не обладали таким сильным каналом воздействия на общественное сознание, как сеть периодических изданий. Омским военно-

¹⁴³ Известия Временного комитета Самарской торгово-промышленной палаты (Самара). 1918. 24 июня.

¹⁴⁴ Правительственный вестник. 1919. 7 сент.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 14. Ст. 220.

¹⁴⁵ Федотов В.И. Временные торгово-промышленные палаты адмирала Колчака // Власть. 2009. № 6. С. 117–118.

¹⁴⁶ Рынков В.М. Власть и собственники: к характеристике семеновского политического режима в Забайкалье в 1920 г. // История белой Сибири: сб. науч. стат. Кемерово, 2011. С. 166–170.

¹⁴⁷ Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию. Владивосток, 1922.

¹⁴⁸ Рынков В.М. Омский военно-промышленный комитет в годы гражданской войны // Гражданская война в Сибири: сб. докл. науч. конф. Красноярск, 1999. С. 51–60; Рынков В.М. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. С. 289–298.

промышленным комитетом финансировалась газета «Русская речь». Других известных газет предпринимательские организации не издавали. Многие газеты выпускались частными лицами, и традиционно в отечественной литературе, посвященной анализу прессы в антибольшевистский период, они приравнивались к буржуазным (предпринимательским). В действительности лишь несколько специализированных изданий отражали в полной мере точку зрения предпринимательских организаций.

Земские и городские управы, общероссийские и региональные кооперативные и частно-предпринимательские организации активно вмешивались в процесс формирования социального курса антибольшевистских правительств, пытаясь корректировать его в своих интересах. У них была возможность выражать свое мнение в Государственном экономическом совещании или выходить напрямую в соответствующее министерство с предложениями и замечаниями. Российское правительство нередко посылало к ним на экспертизу законопроекты и считалось с их позицией.

Пролетариат, напротив, оказался лишен таких каналов взаимодействия с властью. Рабочий класс на востоке России был малочисленным и имел тенденцию к сокращению под влиянием деградации промышленности и транспорта. В Российской империи узы, связывавшие людей общих профессиональных и корпоративных интересов, были довольно слабы, особенно в восточных регионах страны. Во время революции ситуация изменилась. Накануне антибольшевистского переворота профессиональные союзы оказались массовой организацией, активно влиявшей на политическую ситуацию и на социально-трудовые отношения. Только на территории Сибири за период с февраля 1917 г. по май 1918 г. возникло 594 профессиональных организации. В первой половине 1918 г. наблюдался резкий рост числа членов профсоюзов. Но это было связано не столько с добровольным волеизъявлением рабочих и служащих, сколько с использованием административно-принудительных методов наращивания численности участников профсоюзного движения. В результате при количественном росте образовался балласт – значительное число номинальных членов профессиональных организаций, не поддерживающих их ни организационно, ни материально¹⁴⁹. Летом–осенью 1918 г. наблюдалось сокращение и количества профсоюзов, и их численности. Отчасти причины коренились в состоянии профсоюзного движения и являлись следствием объективных закономерностей. Чрезмерный радикализм профсоюзных лидеров заставил отшатнуться от них многих политически умеренных и консервативных людей, ставших невольными участниками профессионального движения в период советской власти. Получили возможность покинуть профсоюзные организации и пассивные члены. Еще одним, вероятно, далеко не главным фактором спада профсоюзного движения стали политические

¹⁴⁹ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918). Томск, 2006. С. 29, 65, 92, 112.

репрессии. Профсоюзы оказались теснее других общественных организаций связаны с советской властью, в них находилось значительное число большевиков и их сторонников. Поэтому, не запрещая деятельность профсоюзов, антибольшевистские правительства подвергли репрессиям многих профсоюзных лидеров. Превратное представление о свертывании профсоюзной деятельности в период «контрреволюции», укорененное в советских и воспроизводимое до сих пор во многих современных исследованиях, не соответствует действительности¹⁵⁰. Необходимость решать вопросы организации производства требовала взаимодействия с профсоюзными органами.

Достаточно существенным влиянием обладали уральские профсоюзы. 29 июля 1918 г. представители 11 профессиональных союзов Екатеринбурга постановили учредить вместо Совета профсоюзов Урала Центральное областное бюро профсоюзов Урала. 4 августа 1918 г. вокруг бюро объединились уже 26 профсоюзов. Оно активно координировало работу профессиональных организаций региона и выполняло представительные функции перед органами власти и организациями уральской буржуазии. 15 июня 1919 г., незадолго до ухода «белых» с Урала, бюро созвало Областной съезд профессиональных союзов Урала, представлявший 91 профессиональную организацию¹⁵¹. Высокая степень централизации позволила уральским профсоюзам осуществлять представительские функции.

Поволжские и уральские профсоюзы летом–осенью 1918 г. оставались одними из активнейших участников политического процесса, что не исключало персональных репрессий их лидеров, дискредитировавших себя в глазах властей сотрудничеством с большевиками. Примечательно, что даже при организации органов власти на переходный период профсоюзы получили в них особое представительство¹⁵².

В Сибири и позже во всероссийском масштабе профсоюзы подвергались более интенсивным гонениям, а их лидеры – репрессиям. Так, в Томске в октябре 1918 г. был разогнан Всесибирский съезд профсоюзов после избрания своим председателем известного большевика М.М. Рабиновича. После этого в Сибири крупные профсоюзные форумы не созывались. Профсоюзные газеты и журналы закрывались, помещения правлений подвергались реквизициям. Возникший в июле 1918 г. в Омске Временный совет профсоюзов Сибири не стал авторитетным органом ни для властей, ни для рядовых членов профсоюзов¹⁵³.

¹⁵⁰ Акулов М.Р., Московский А.С. Профсоюзы Западной Сибири. М., 1962. С. 20–22; Акулов М.Р. Профсоюзы Сибири в борьбе против контрреволюционного эсеро-меньшевистского правительства и колчаковщины, за восстановление советской власти // Боевые годы: сб. статей и воспоминаний. Новосибирск, 1959. С. 17–22; Вторушин М.И. Профсоюзное движение на территории Сибири в период Гражданской войны // Социальная политика и профсоюзное движение: история и современность. М., 2005. С. 137–142.

¹⁵¹ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с ввводным очерком А. Таняева. Свердловск, 1929. С. 93–94, 123.

¹⁵² ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 274. Оп.1. Д. 23. Л. 15.

Куда более действенно влияли на обстановку и общественные настроения региональные и отраслевые органы профессиональных союзов. Их советы и бюро обладали высоким авторитетом и организационным потенциалом в рабочей среде, а Западно-Сибирское областное бюро горнорабочих, Всесибирский союз печатного дела объединяли представителей разных промышленных центров. Влияние данных организаций оказалось намного глубже, чем предполагали власти, и его нельзя было искоренить простыми репрессиями. Профсоюзы издавали целый ряд журналов и газет, оказывавших воздействие на настроение рабочих. Цензурные гонения против профсоюзной прессы не давали результатов¹⁵⁴. Закрываемые издания возобновлялись под другими названиями и с другими учредителями. Но хуже было то, что центры реального влияния на рабочую среду оказались загнаны в подполье. В статусе нелегальной оппозиции они исключались из нормального процесса согласования социальных интересов. Это понимали даже отдельные представители высшей колчаковской бюрократии, такие как Л.И. Шумиловский и управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, полагавшие, что лучше расширить права и свободы профсоюзов, чем потерять над ними контроль¹⁵⁵. Профсоюзы становились организаторами мощного протестного движения рабочих и служащих за улучшение условий труда.

Представительство наиболее многочисленного слоя населения – крестьянства – во властных структурах оказалось крайне слабым. Если в летние месяцы 1918 г. сказывалась инерция революционной практики и во многих губерниях и уездах проводились крестьянские съезды, то осенью 1918 г. их созыв прекратился¹⁵⁶. Единственной группой, причем сословной, интересы которой были представлены в верхних этажах власти, являлось казачество. Будучи до революции организованным военно-служилым сословием, казаки и во время революции сохранили тесно сплоченные сословные структуры. Более того, еще в 1917 г. сформировалось межвойсковое взаимодействие представителей казачьих войск во всероссийском масштабе. Поэтому и после падения советской власти казачество предприняло шаги по пути сословной консолидации. Одновременно с Уфимским государственным совещанием 21 сентября 1918 г. в Уфе собралась казачья конференция, в которой приняли участие представители Оренбургского, Уральского, Семиреченского и Сибирского казачьих войск, енисейских и иркутских казаков¹⁵⁷. Они выдвинули идею

¹⁵⁴ Сибирский печатник (Томск). 1919. № 7. С. 9–10; *Вегман В.Д.* Партийно-советская пресса Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 111–117; *Никитин А.Н.* Издания сибирских профсоюзов (1918–1919 гг.) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1987. С. 140–158; *Никитин А.Н.* Нелегальная печать Сибири периода гражданской войны // Развитие книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке (советский период). Новосибирск, 1993. С. 3–31; *Семенова Н.М.* Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 79–95; *Семенова Н.М.* Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период «демократической» контрреволюции в 1918 г. // История СССР и история КПСС. Томск, 1972. Вып. 3. С. 44–45.

¹⁵⁵ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.

¹⁵⁶ *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2001. С. 179–186.

¹⁵⁷ История казачества Азиатской России. Т. 3. С. 75–76.

создания Восточного союза казачьих войск и казачьего совета при Военном министерстве. Попытки атаманов Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск в октябре–ноябре 1918 г. сформировать Дальневосточный союз казачьих войск хотя и породили череду внутренних военно-политических конфликтов в лагере контрреволюции¹⁵⁸, но не повлияли на правительственную политику в отношении казачества.

Российское правительство видело в казаках свою опору, для укрепления которой стремились учесть социальные нужды военно-служилого сословия и даже потворствовало казачьему автономизму. В ноябре 1918 г. при Российском правительстве было сформировано Совецание по делам казачьих войск, которое готовило законопроекты, связанные с казачьими правами и привилегиями, добивалось выделения средств на удовлетворение социальных нужд войскового населения¹⁵⁹. Его возглавил помощник военного и морского министра по делам казачьих войск генерал-майор Б.И. Хорошкин. Совмещение двух постов давало ему право присутствовать на заседаниях Совета министров и официально лоббировать интересы казаков. Хотя участники совещания признавали, что действовали почти в отрыве от своих войск¹⁶⁰, его нельзя не признать достаточно эффективной структурой защиты социально-сословных интересов казачества. Для укрепления влияния казачества востока России 17 августа 1919 г. в Омске открыл работу Съезд девяти казачьих войск, призывавший в том числе и к созданию особого министерства по делам казачьих войск во главе с назначаемым съездом министром¹⁶¹. Съезд проработал в Омске до эвакуации и продолжил заседания в Иркутске¹⁶².

На востоке России действовали отделения общероссийских политических партий, проводились их съезды, дававшие оценку политической ситуации и деятельности власти. Но соотношение политических партий внутри партийно-политической системы, степень их значимости и влияния на общество стремительно менялись.

Кадетская партия проявляла достаточно высокую активность на уровне городов и губерний (областей). Представители кадетской партии входили в городские органы управления, местные и центральные правительственные органы, стали властной элитой. 9 ноября 1918 г. возник Восточный отдел ЦК партии кадетов в Омске. Правое крыло кадетов в дальнейшем

¹⁵⁸ Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм ...

¹⁵⁹ Шульдяков В.А. Совецание представителей казачьих войск в Омске (ноябрь 1918 – июль 1919 года) // Катаевские чтения: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 227–230.

¹⁶⁰ Бородин Н.А. Идеалы и действительность: 40 лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). Берлин; Париж, 1930. С. 204.

¹⁶¹ Шульдяков В.А. «Мы... желаем быть хозяевами у себя на Родине – в Сибири»: к вопросу о политическом значении казачества весной–летом 1919 года // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 39–44; Шульдяков В.А. Чрезвычайный съезд представителей девяти казачьих войск: к истории взаимоотношений казачества и верховной власти (август–декабрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 60–64.

¹⁶² Съезд открылся 17 августа, последний сохранившийся протокол заседаний датирован 30 ноября 1919 г., но судя по его содержанию, участники съезда намеревались продолжить работу (РГВА. Ф. 39709. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 132; Д. 14. Л. 16).

концентрировалось в организациях Национального союза, а левое – Союза возрождения. Несмотря на серьезные внутривнутрипартийные разногласия, кадеты провели три восточных конференции в Омске (август и 15–18 ноября 1918 г., 17–27 мая 1919 г.), на которых обсуждался широкий круг теоретических вопросов, в том числе многие аспекты социальной политики¹⁶³.

В Забайкалье кадеты проявили чудеса политической мимикрии, поддерживая атамана Г.М. Семенова даже в конфликте с Верховным правителем, но как партийная организация себя не проявили. В Приморье и полосе отчуждения КВЖД, куда после ухода семеновских и каппелевских войск из Забайкалья собрались многие либеральные эмигранты и беженцы от Поволжья до Амурской области, с конца 1920 г. начался интенсивный процесс создания новых партийных групп и союзов из деятелей консервативного и либерального толка (национально-демократическая группа, демократическая группа, прогрессивно-демократический блок). Старые партийные связи имели при этом значение, но не были решающими¹⁶⁴. Генезису новых партийных объединений способствовали выборы в представительный орган. Они происходили на фоне слабости многочисленных партийных групп и общественно-политических организаций, для которых коалиция являлась единственным способом гарантировать проведение в «региональный парламент».

Другие либеральные партии проявили гораздо меньшую активность. 15–17 августа 1918 г. в Самаре проходил областной съезд партии народных социалистов, собравший представителей Самарского, Симбирского, Уфимского, Оренбургского и Уральского отделов¹⁶⁵. Других форумов эта партия не собирала, списков на выборах не выставляла. Таким образом, ее деятельность на востоке России практически приостановилась.

¹⁶³ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 157–165, 192–226; Любезнова Е.В. К вопросу об участии либералов в организации властных структур «колчаковского режима» (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Емельяновские чтения: материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2006. С. 107–108; Хандорин В.Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и Гражданской войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 88–100; Хандорин В.Г. Либерализм и государственное регулирование в экономических воззрениях сибирских кадетов периода революции и Гражданской войны // Вестник Томского университета. 2010. № 4. С. 57–66; Хандорин В.Г. Позиция сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и Гражданской войны // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2010. № 6. С. 44–50; Хандорин В.Г. К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 39–45; Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского университета. 2010. № 339. С. 85–91; Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010. С. 126–365; Васильева Е.В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири (май 1918 – январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

¹⁶⁴ Авдошкина О.В. Деятельность местных отделений политических общероссийских партий на Дальнем Востоке России (март 1917 – ноябрь 1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000. С. 176–180; Авдошкина О.Д. Сибирские и дальневосточные партии кадетов в годы Гражданской войны // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 2007. Вып. 5. С. 90–104; Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск, 2005.

¹⁶⁵ Труд (Уфа). 1918. 1–8 сент.

Партия эсеров к лету 1918 г. имела сильное левое крыло в ряде губернских и областных организаций. Антибольшевистский переворот лета 1918 г., а затем государственный переворот в Омске 18 ноября 1918 г. способствовали отходу представителей левого крыла от партии¹⁶⁶. В то же время умеренные и правые эсеры в этот период активизировали свою деятельность. В Поволжье эсеры оказались в высших и местных органах власти наиболее активной силой, получили в свою руки государственный аппарат и казну и распорядились ею во многом исходя из партийных интересов¹⁶⁷.

Созданный в апреле 1918 г. Всесибирский комитет партии социалистов-революционеров пытался играть объединяющую роль, проведя Всесибирский съезд 27 сентября – 9 октября 1918 г., и Урало-Сибирскую конференцию в апреле 1919 г. в Иркутске¹⁶⁸. После колчаковского переворота партийная организация стала дробиться на фракции и группы, соперничавшие друг с другом в масштабах не только Урала или Сибири, но даже отдельных губернских центров¹⁶⁹. С лета 1919 г. большинство эсеровских групп взяли курс на вооруженную борьбу с колчаковским правительством¹⁷⁰.

Об общей динамике численности эсеров на востоке России сведений нет. Но есть приблизительные подсчеты В.Г. Зинченко по Иркутску – городу, в котором эсеры проявили наибольшую активность. Он полагает, что в начале Гражданской войны в рядах партии состояло около 1,5 тыс. членов, а ко времени падения колчаковского режима – не более 350 чел. Треть работала в кооперации, каждый шестой – в земстве, четверть относилась к лицам свободных профессий¹⁷¹.

Если в 1917 г. в России сформировалось несколько крупных общероссийских массовых партий, действовавших в том числе в ее восточных регионах, то в условиях противостояния с

¹⁶⁶ *Алдашов А.Н.* Общероссийские социалистические партии в Уфимской губернии в 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. С. 19–21.

¹⁶⁷ Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 3–14; № 3. С. 3–17; № 4. С. 3–8.

¹⁶⁸ *Добровольский А.В.* Всесибирский краевой комитет партии эсеров в период демократической контрреволюции // Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 76–84; *Добровольский А.В.* Сибирско-уральская конференция партии социалистов-революционеров (апрель 1919) // Между прошлым и будущим: вопросы истории и исторического образования. Новосибирск, 2000. С. 130–139; *Добровольский А.В.* Автономная сибирская группа социалистов-революционеров (октябрь 1918 – январь 1920 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: материалы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. Ч. II. С. 58–62; *Добровольский А.В.* Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. // Вестник Кузбасского государственного университета. 2004. № 1(38). С. 127–132; *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири ...; *Шишкин В.И.* «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома Колчака (конец 1919 – начало 1920 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 8: История. С. 90–106.

¹⁶⁹ *Добровольский А.В.* Сибирский союз социалистов-революционеров (1919 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 64–78; *Добровольский А.В.* Автономная сибирская группа социалистов-революционеров ...; *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири ...

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 274. Оп.1. Д. 23. Л. 5–5 об., 15, 79, 82–82 об.

¹⁷¹ *Зинченко В.Г.* Социалисты-революционеры в период колчаковщины // Материалы XXXII Молодежной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1994. С. 121–122.

советской властью их численность резко сократилась и они оказались в считанные месяцы низвергнуты до состояния малочисленных группировок, включавших только партийных активистов.

Единственным исключением, по прежнему массовой и наиболее значимой политической организацией на востоке России, продолжала оставаться РКП(б). Почти во всех крупных городах на востоке России за один–два месяца после падения советской власти коммунистам удалось воссоздать подпольные структуры. Большевистское подполье работало обычно под прикрытием профессиональных союзов, реже – городских кооперативов¹⁷². С августа 1918 г. они пытались объединить подпольщиков в борьбе с антисоветским режимом через создание единого центра – Организационного бюро. Большевикам удалось провести три общесибирские конференции (18–22 августа 1918 г. в Томске, 22–23 ноября 1918 г. и 20–21 марта 1919 г. в Омске), но ставка на организацию вооруженного сопротивления промышленных рабочих колчаковскому режиму оказалась преждевременной¹⁷³. Несмотря на множество провалов, приводивших к арестам подпольщиков, работа большевиков давала результат в виде нарастающего партизанского движения. С 17 декабря 1918 г. большевистским подпольем руководило Сибирское бюро ЦК РКП(б), а с 3 марта 1920 г. было создано Дальневосточное бюро ЦК РКП(б). Благодаря налаженной работе подпольщиков происходил постоянный обмен информацией и высылка денег с советской стороны.

В Приморье в 1920 г. исход политической борьбы во многом определял комитет партии, признавший целесообразным передачу власти областному земству во избежание кровопролития и прямого вооруженного столкновения с интервентами. Большевикам летом 1921 – в начале 1922 г. удалось создать широкое объединение из социалистических партий, борющихся за восстановление советской власти (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и др.). В прошлом малозаметные, они усиливали свое влияние и стали важными союзниками коммунистов. Организационно это объединение управлялось подконтрольным большевикам межпартийным бюро и стало инструментом подчинения социалистов РКП(б).

Отечественная историография очень много внимания уделяла работе политических партий на востоке России¹⁷⁴. Эта традиция, идущая от современников Гражданской войны,

¹⁷² Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967. С. 85–97; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968. С. 80–168; Плотников И.Ф. Героическое подполье: большевистское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1968.

¹⁷³ Крюков А.В. Роль сибирских подпольных партийных конференций в организации партизанско-повстанческого движения в Енисейской губернии // Вопросы науки и образования. История. Исторические науки. 2018. № 7(19). С. 86–90.

¹⁷⁴ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М., 1975. С. 227–243, 278–336; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; Воробьева В.Я. Путь меньшевиков и эсеров Поволжья и Сибири от «чистой демократии» к колчаковской диктатуре // Ученые записки МГПИ им. Ленина. М., 1969. № 309; Шерстянников Н.А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири (март 1917 – март 1920): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; и др.

продолжается еще и сегодня¹⁷⁵. Вместе с тем основной объем исследований посвящен участию представителей политических партий в борьбе за власть на востоке России. За исключением большевиков, практически ничего не известно о численности партийных организаций, внутрипартийной жизни. Опубликованные в последние годы документы свидетельствуют о том, что в непарламентской системе государственного управления востока России политические партии неизбежно теряли не просто влияние, но и связь с текущей политикой. Они оторвались от ситуации и замкнулись на обсуждении доктринальных вопросов¹⁷⁶. В этом смысле деятельность политических партий нельзя признать фактором, повлиявшим на формирование социальной политики. Более того, нет никаких оснований считать политические партии представителями интересов отдельных социальных групп, как это делалось ранее, когда кадетам приписывали выражение интересов буржуазии, эсерам – зажиточного крестьянства и т.д. Не случайно на первый план вышли межпартийные объединения, такие как Союз возрождения, объединивший кадетов, энесов, эсеров, меньшевиков, Омский блок, включавший эсеров, энесов и меньшевиков-оборонцев, поддерживавших колчаковский режим, и ряд других¹⁷⁷. При их формировании ключевыми стали вопросы организации власти в целом, а не отдельных направлений внутренней политики.

Вместе с тем два обстоятельства делали партийные организации мощным игроком на политическом поле. На фоне низкого авторитета государственной власти партии притягивали к себе всех недовольных. В конце концов эсеровские группировки Восточной Сибири сыграли важную роль в свержении колчаковского режима. Кроме того, в крайне политизированное революционное время идейно-доктринальное видение действительности оставалось мощным рычагом политической мобилизации и выработки общественного мнения. Представители социалистических партий в 1919 – начале 1920 г., а на Дальнем Востоке – в конце 1919 – осенью 1922 г. приняли активное участие в борьбе против колчаковского режима и в восстановлении советской власти¹⁷⁸.

¹⁷⁵ *Авдошкина О.В.* Деятельность местных отделений ...; *Балковая В.Г.* Политические партии в революционном процессе на Дальнем Востоке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998; *Добровольский А.В.* Эсеры в Сибири ...; *Кокоулин В.Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг.). Новосибирск, 2002; *Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н.* Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск, 2005; *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; *Сергеева Е.Б.* Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; *Фомин В.Н.* Борьба политических партий за власть на Дальнем Востоке в 1917–1925 гг. М., 1998; *Дордус А.Д.* Политические партии Дальнего Востока в годы гражданской войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Хабаровск, 1995. С. 115–117; и др.

¹⁷⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг.: сб. документов. М., 2000. Т. 3. Кн. 2: 1918–1920. С. 58–63, 68–125; Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 – 1925 г. С. 393–419, 509–520.

¹⁷⁷ *Домовитова П.Я.* Информационная война политических блоков ...

¹⁷⁸ *Берснева И.В.* Между Сциллой большевизма и Харибдой белого движения: умеренные социалисты (эсеры и меньшевики) Сибири в годы гражданской войны // История белой Сибири: тез. IV науч. конф. Кемерово, 2001. С. 27–31; *Макарчук С.В.* Социал-демократия и тактика третьей силы в гражданской войне на Востоке России (1917–1922 гг.) // История «белой» Сибири: тез. II междунар. науч. конф. Кемерово, 1997. С. 87–92.

Пожалуй, важнее была не внутривнутрипартийная жизнь, а воздействие на общественные настроения через прессу и иные каналы социальных коммуникаций. Эсеры выпускали ряд партийных газет. Официальная кадетская и меньшевистская пресса была не очень многочисленна, но сильна своей сплоченностью и относительно высокой партийной дисциплиной. Значительное количество органов печати, близких по своим идейным позициям к кадетской партии, не было связано решениями партии, и правильнее охарактеризовать такую прессу как либеральную. Большевики имели сильные позиции в профсоюзной печати, эсеры – в кооперативной и земской. В этом смысле партийное воздействие на общественное мнение было шире, чем влияние собственно партийной прессы.

О прессе уже много говорилось в связи с деятельностью тех или иных общественных институтов. Несмотря на диктаторские полномочия военных и восстановление предварительной цензуры, существование разноголосой, информативной и подчас критично настроенной по отношению к власти прессы на востоке России отрицать невозможно¹⁷⁹. Многие издания оставались относительно независимыми, так как были основаны частными лицами, иногда издателями с многолетним стажем. Серьезное влияние на общественное мнение оказывали крупнейшие газеты Урала («Отечественные ведомости») и Сибири («Сибирская жизнь»). Информационной насыщенностью выделялись такие дальневосточные издания, как «Приморская жизнь», «Дальневосточные известия» и др. Они, как правило, имели точку зрения, отличавшуюся от официальной, хотя могли быть вполне лояльны к правительственной политике в целом. На востоке России существовали крупные медиацентры, такие как Омск и Владивосток – города, где выходили одновременно десятки газет и журналов разной общественно-политической направленности, организационной принадлежности, объема и периодичности. В историографии этот феномен

¹⁷⁹ *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991; *Звягин С.П.* Об отношении периодической печати Сибири к репрессивной политике властей (май 1918 – декабрь 1919 г.) // История российской духовности: материалы XXII заоч. науч. конф. СПб., 2001. С. 222–225; *Звягин С.П.* Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998; *Молчанов Л.А.* Цензура «белой» Сибири // История «белой» Сибири: тез. III науч. конф. Кемерово, 1999. С. 76–78; *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.). М., 2001. С. 83–106; *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 г.). М., 2002. С. 142–176; *Молчанов Л.А.* «Она посягает... на политические известия исключительной важности» («белая» цензура в Сибири в годы гражданской войны) // История и современность. М., 2000. Ч. 2. С. 50–62; *Балмасов С.С.* Функционирование органов военной цензуры Российского правительства // Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки: материалы науч. конф. в Челябинске. М., 2003. С. 51–53; *Шереметьева Д.Л.* Цензура в Сибири периода «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 191–197; *Шереметьева Д.Л.* Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. История. С. 129–134.

рассмотрен только применительно к Омску¹⁸⁰. Более подробно исследована газетная пресса Сибири, выходявшая летом–осенью 1918 г.¹⁸¹ Появляются публикации о периодике отдельных регионов¹⁸².

Такие обстоятельства, как активный обмен информацией между газетами, транспортировка изданий между регионами позволяют рассматривать прессу в качестве одного из существенных факторов влияния на социальные настроения, что не могло не сказываться на формировании внутривластного курса. Пресса как институт на востоке России в период Гражданской войны и в более общем плане – информационное пространство огромного макрорегиона обозначены как особая научная проблема, нуждающаяся в дальнейшем изучении¹⁸³.

Антибольшевистские правительства зависели от общественного мнения и старались корректировать внутривластный курс с его учетом. Но влияние общественной жизни на принятие политических решений не стоит преувеличивать. Значительно больше действия правительства зависели от двух других обстоятельств – наличия свободных денежных средств и положения дел на фронте. Когда появлялись основания сомневаться в успехе вооруженной борьбы, власть начинала терять поддержку общественности.

Наконец, необходимо учесть еще одно обстоятельство. В условиях распада социальных связей, раскола общества природа многих общественных организаций претерпела глубокую трансформацию. В них укрепились неформальные общественные нормы и правила, которые сильно влияли на поведение членов организации, подчас начинали определять его вопреки намерениям формальных лидеров и внешних сил. Данное обстоятельство является одним из показателей социальной аномии.

На востоке России важнейшим ее проявлением стало существование антиправительственного подполья и партизанского движения, широкой сети нелегальных общественных организаций и периодических изданий, нацеленных на ликвидацию действовавшего политического режима. Уже осенью 1918 г. на фоне продолжавшейся борьбы с оставшимися в тылу сторонниками

¹⁸⁰ *Шазаихметов Э.Ш.* Периодическая печать Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVII–XX вв.). Омск, 1996. С. 104–124; *Лосунов А.М.* Общая характеристика периодической печати «белого» Омска в 1918–1919 г. // Вопросы методологии истории: сб. науч. стат. Омск, 2008. Вып. 12. С. 73–79; *Сизов С.Г.* Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.). Омск, 2018.

¹⁸¹ *Шереметьева Д.Л.* Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2010. С. 37–61; *Шереметьева Д.Л.* Состав газетной прессы в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Исторический ежегодник. 2010: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. С. 57–68; *Шереметьева Д.Л.* Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

¹⁸² *Цытышева Н.В.* Периодическая печать Западного Забайкалья (февраль 1917 – ноябрь 1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008; *Голубев Е.А., Цытышева Н.В.* Периодическая печать Западного Забайкалья в конце 1919 – 1920 г. // Вестник Восточно-Сибирского технологического университета. 2010. № 3. С. 91–97.

¹⁸³ *Рышков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны: сб. науч. стат. Новосибирск, 2009. С. 105–125; *Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 2002. Т. 3: 1917–1930 гг. С. 87–175.

советской власти по Сибири прошла серия крестьянских и городских восстаний. На первом этапе, до конца весны 1919 г., антиколчаковскому сопротивлению были свойственны аморфность, разрозненность структуры и несогласованность действий. В основном оно было представлено небольшими группами ушедших в тайгу бывших красноармейцев, советских работников и дезертиров, существование которых вносило дезорганизацию в положение государственной власти в деревне, но не нарушало в целом относительно единого пространства власти. С лета 1919 г. можно говорить о новом этапе. Его отличительной чертой стало появление целых партизанских республик. Крупные районы Сибири и Дальнего Востока уходили из-под контроля Российского правительства.

* * *

Большевицкий режим, активно расчищавший политический горизонт от альтернативных центров влияния, мало преуспел к началу Гражданской войны, особенно в провинции. Антибольшевицкие правительства имели возможность и многое сделали для того, чтобы возобновить работу недавно приостановленных организаций, сохранить институциональную структуру общественной жизни.

Но за высокой общественной активностью скрывался глубокий институциональный дисбаланс при формировании высших этажей общественного движения, а также во взаимодействии власти и общественности. Первичные общественные организации чаще всего влачили жалкое существование, страдали от отсутствия средств, пассивности рядовых членов и слабого управления. Зато жизнь общественных объединений, легальных, полуподпольных и подпольных, была ключом, но, словно в отрыве от представляемых ими инертных социальных групп, сводилась к защите, скорее, собственных узкогрупповых интересов верхушки, чем широкой общественной корпорации. Особо следует оговорить, что сеть общественных организаций максимально плотно охватывала интеллигенцию и буржуазию, тогда как представительство деревни и городских низов практически отсутствовало. Одни общественные организации (предприниматели, казачество, провластные и умеренно оппозиционные политические партии и группы) действовали вполне легально, другие (рабочие организации, левосоциалистические партии, отчасти кооперация, земские и городские гласные) испытывали политические гонения, не могли свободно выражать свои позиции.

Другая сторона институционального кризиса заключалась в том, что общественность представляла мощный, а в медийном пространстве даже превосходящий власть по влиянию на общественные настроения конгломерат различных оппозиций – от политического подполья до вполне идеологически лояльных, но обрушивавшихся с нелюбезной критикой на конкретных высокопоставленных чиновников. И эта оппозиция формулировала власти альтернативный проект взаимодействия, претендуя на право принимать значительную часть государственно-

управленческих решений с тем, чтобы правительство лишь исполняло «волю народа». Но при этом функционировал опасный политический миф, в соответствии с которым одна часть политика на востоке России узурпировала право выражать народные интересы, отказывая в этом праве другим, своим оппонентам.

* * *

Длительное отсутствие единого центра власти на антибольшевистском востоке России привело к тому, что отдельные государственные образования оказались не в состоянии сформировать аппарат управления и аккумулировать достаточные ресурсы для организации взаимодействия с различными частями общества. Исключение составляет Российское правительство, но и оно с лета 1919 г. начало терять нити управления. Тем не менее история социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России в наибольшей степени является историей Российского правительства. Пространственный фактор и специфика революционной эпохи наложили отпечаток на характер социальных связей, призванных обеспечивать сцепление государства и общества, и определили три особенности протекания Гражданской войны на востоке России.

Возникшие после свержения советской власти государственные образования на востоке страны занимали наименее населенную часть территории, где социальное пространство оказалось более «разрежено» и очень неравномерно по сравнению с европейскими регионами России. Взаимодействие государства и общества в этом случае предполагает значительно бóльшие коммуникационные издержки. Отсюда вытекает первая особенность – географическая и социальная несимметричность, с которой различные силы оказались представлены на уровне политических институтов. Причем институциональный уровень не всегда коррелировался с реальным значением регионов и общественных страт. Урал имел решающее стратегическое положение на протяжении лета 1918 – лета 1919 г., но не привлекал должного внимания верховной власти, а Приморье и полоса отчуждения КВЖД, важнейшая транспортная артерия, вообще оказались отсечены от власти расстоянием и дальневосточной атаманщиной. Диалог с рабочим классом, наиболее организованным среди прочих групп населения, у власти не состоялся. Широкая прослойка городских обывателей так и не сформировала каналы представительства своих интересов, а крестьянство, чей уровень институционализации в революционные эпохи оказывался удивительно высоким, на этот раз в «большой» политике практически безмолвствовало. Зато политизированные круги предпринимателей, кооператоров и муниципальных работников выступали от имени значительных групп населения.

С этим связана вторая особенность – всеобщность кризиса легитимности. О данном явлении много писали применительно к государственной власти. Но проблему следует понимать шире. Революционный процесс выдвинул в эпицентр политики совокупность претендовавших на политическую роль общественных сил, каждая из которых переживала аналогичный государству

в целом кризис легитимности. Буйство общественной жизни имело мало общего с представительной демократией. Множество всероссийских, всесибирских и иных региональных организаций заставляли власть считаться с ними и учитывать их мнение. Но почти все они искусственно сформировались сверху, оспаривали свою легитимность друг у друга и не отражали позицию собственного сообщества. Более того, обычно они не имели ресурсов для его мобилизации. Их представительские права и возможности при внимательном изучении оказывались блефом.

Наконец, третья особенность заключается в деинституционализации существенных сторон социально-политического взаимодействия. В отечественной историографии имеются десятки монографий и сотни статей о функционировании антиколчаковского подполья и партизанского движения, детально изучена их региональная динамика. Но все, что до сих пор написано, нацелено на анализ этих явлений в отрыве от политического режима. Проблему социального взаимодействия разных социально-политических сил в ситуации вооруженного внутреннего противостояния никто не рассматривал. А ведь основная часть общества оставалась не затронута собственно вооруженным конфликтом, но вынуждена была адаптироваться к экстремальным социальным реалиям Гражданской войны. В условиях непредсказуемости или недееспособности формальных и легальных действий государственных и общественных структур закономерным и даже рациональным становилось снижение их роли. Институциональные связи вытеснялись теневыми, нелегальными практиками, распадались и переставали функционировать. Причем это затрагивало не только обывателей, но и организованную часть общества и даже государственную вертикаль; значительный объем работы органов управления протекал вне институционального режима. Структура легальной власти и формализованных каналов лоббирования социальных интересов различных слоев населения отображала только верхушку айсберга социальной жизни и социально-политической борьбы, происходившей в обществе на востоке России в антибольшевистский период.

ГЛАВА 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Политика государства в области регулирования заработной платы отличается в периоды стабильности и кризиса. В относительно свободной хозяйственной среде ее уровень зависит от сложившихся на рынке традиционных форм вознаграждения (за разные работы принято компенсировать затраченное время или оплачивать объем произведенных товаров и услуг), соотношения спроса и предложения на труд, запросов потребителей и уровня деловой активности и инвестиционных предпочтений работодателей. Но в XX в. государство стало активно влиять на сферу труда, задавая правила, в том числе за счет создания специальных институтов, таких как прожиточный минимум, установление тарифных сеток и другие. В разных сегментах сферы занятости действие данных институтов могло варьироваться. Особенно сложно регулировать рынок труда в инфляционной экономике, ставящей работодателя перед необходимостью пересматривать размер оплаты труда, адаптируя сложившиеся механизмы к быстро меняющимся условиям.

В данной главе речь пойдет не о бытовых проблемах занятого трудом населения, хотя их также придется затронуть, а о размере заработной платы, порядке ее выплаты, дискуссиях, разворачивавшихся вокруг упомянутых проблем. Сферу занятости необходимо разделить на основные составляющие, внутри которых порядок вознаграждения формировался по относительно самостоятельным алгоритмам. Первая – это гражданские служащие, прежде всего служащие правительственных учреждений, внимание к различным аспектам материального положения которых часто находилось для власти на центральном месте. Вторая – военнотрудовые, так как армия в условиях Гражданской войны должна была стать ключевым звеном организации вооруженного отпора противнику и благополучие солдатского и офицерского состава оправданно воспринималось как одна из важнейших задач и показателей дееспособности политического режима. Третья – это рабочие промышленных предприятий. Органы власти часто оказывались в сложной ситуации, так как в одной сфере производства нередко находились работники казенных и частных предприятий, что ограничивало диапазон принятия властных решений законами спроса и предложения в сфере занятости. Конечно, необходимо учесть, что «бюджетная» и частнопредпринимательская сферы занятости являются, образно говоря, сообщающимися сосудами. Изменения в каждой из них влияют на готовность работников к смене места работы или склонность к протестному поведению.

2.1. Оплата труда гражданских служащих

Американский социолог Б. Джессоп дает определение государства как института, воплощенного в административном, репрессивном и символическом аппарате управления¹. Об этом же другими словами говорит П. Бурдьё, отмечая тот парадокс, что отдельные социальные агенты учреждают государство и одновременно сами становятся воплощением этого государства. Оба теоретика акцентируют внимание на том, что аппарат управления – это одновременно и образующие его люди со своими интересами, отождествляемые вольно или невольно с интересами государства. Следовательно, выгоду от нормального функционирования государственных институтов получают прежде всего служащие государственных учреждений². Потому все ветви государственного аппарата представляют естественную социальную базу правящей власти, чем и объясняется повышенное внимание правительства к материальным нуждам и запросам служащих правительственных учреждений.

В отношении революционного лагеря на разных этапах Гражданской войны проблема достаточно полно изучена в советских и постсоветских исторических исследованиях на общероссийском и региональном уровнях³. Но лишь в последние годы появились исследования, в которых предпринимается анализ материального положения отдельных групп служащих Сибири с детальной реконструкцией нормативной базы, приводятся отдельные сведения о размерах окладов⁴. Практически все исследователи пишут о материальном положении правительственных служащих при Временном Сибирском и Российском правительствах. Материальное обеспечение служащих при других режимах даже не затрагивалось исследователями. Часто авторы дают иллюстративные сведения вне социально-экономического контекста эпохи. Например, В.Г. Медведев, с одной стороны, указывает размер окладов сибирских чиновников без всякой динамики (250–350 руб. для большинства служащих и до 2000 руб. у министров), а с другой – утверждает, что в связи с повышением цен в 30 раз была введена «поправка на дороговизну» в 4–5 раз. Все это написано без датировки и без ссылок на источники⁵.

¹ Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С. 74. В монографии автор дает несколько определений государства для анализа разных его аспектов.

² Бурдьё П. Государство: курс лекций в Коллеж де Франс. М., 2016. С. 250.

³ Прошиников М.П. Создание советского централизованного государства. М., 1967; Агалаков В.Т. К вопросу о ликвидации колчаковщины и ее учреждений // Труды Иркутского университета. Иркутск, 1958. Т. 25. Вып. 1. С. 3–23; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. М., 1998; и др.

⁴ Степанов М.М. Органы внутренних дел белых правительств периода гражданской войны в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 73–79; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 79–80, 188–194; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2004. С. 37–39; Михеенков Е.Г., Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Томской губернии. 1879 – середина 1930-х гг.: историко-правовые аспекты. Томск, 2012. С. 93–99; Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 160–161.

⁵ Медведев В.Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России. Ульяновск, 2001. С. 156.

Прежде чем перейти к анализу тенденций в оплате труда государственных служащих, необходимо сделать ряд вводных замечаний. В узком смысле слова государственные служащие – это чиновники, занятые в центральных и местных правительственных учреждениях, в государственном аппарате. Но есть и более широкая трактовка, в соответствии с которой это производители общественных благ, получающие вознаграждение из государственного бюджета: работники правоохранительных органов, образования, здравоохранения и ряда других отраслей, в том числе сферы управления.

Следует отметить, что та часть сферы занятости, работники которой финансируются из государственного бюджета, всегда громоздка и неповоротлива, механизмы реагирования на изменения в ней включаются с большим временным лагом. Это является общемировой тенденцией, в полной мере проявлявшейся и в России⁶. Размер и порядок начисления оплаты труда гражданских служащих определялись централизованно, путем политико-бюрократических процедур. В годы Первой мировой войны наблюдалось относительное ухудшение материального положения работников бюджетной сферы, включая служащих государственного аппарата, продолжавшееся и в дальнейшем. В быстро изменявшихся экономических условиях приходилось с ускоряющейся периодичностью перенастраивать всю систему выплат, проследить за которой не так просто.

Сложность анализа проблемы материального положения служащих отчасти объясняется состоянием источников. Информация об условиях функционирования аппарата региональных или экстерриториальных недолго существовавших государственных образований очень скудна. Сохранившаяся обрывочная информация свидетельствует, что при наличии средств многие претенденты на власть в первую очередь думали о сносом существовании работников правительственного аппарата. Даже не имевшие сколько-нибудь значительных территорий в своем управлении государственные образования стремились организовать разветвленный аппарат. В частности, деловое управление Д.Л. Хорвата имело несколько министерств. В Министерстве земледелия этого правительства, не управлявшего никакими земельными угодьями, жалование получали 38 служащих⁷. Но документов о размерах жалования и о продолжительности пребывания на службе не сохранилось.

Временное правительство автономной Сибири начало свою работу в Харбине, приняв на службу сотрудников в большинство организованных им министерств. Переехав во Владивосток, попыталось расширить штат служащих. Но часть служащих не последовала за правительством и осталась в полосе отчуждения КВЖД. К середине июля образованная Советом министров комиссия только пыталась выяснить численность правительственных служащих. 15 июля 1918 г. Совет

⁶ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. М., 2008. С. 201.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-3516. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

министров утвердил штаты и оклады содержания служащих нескольких министерств: Министерства внутренних, иностранных дел, хозяйственного отдела. Остальные, по-видимому, так и не были сформированы⁸. Причем комиссия установила порядок, в соответствии с которым все вновь принимаемые служащие являются временными, увольнительное пособие им следовало выдавать только в размере двухнедельного оклада. Кроме основного оклада никакие выплаты не были предусмотрены. Правда, при этом оклады утверждались довольно высокие: члены Совета министров получали 1500 руб., юрисконсульты – 1200, секретари – 500, машинистки – 400 руб.⁹ По действовавшим ведомствам в начале августа было выплачено жалование за июль и август. Почти весь бюджет, состоявший из случайных займов, уходил на оплату труда правительственных служащих Временного правительства автономной Сибири.

Комуч, Временное областное правительство Урала, правительства Сибири и Дальнего Востока успели детально разработать нормативную базу для регулирования выплат правительственным служащим, а также сформировать стабильно работающий, сложно структурированный аппарат, включавший не только высшие и центральные органы власти и управления, но и значительное местное звено.

Совет управляющих ведомствами Комуча учредил междуведомственную комиссию по разработке окладов содержания служащим центральных учреждений. 14 сентября 1918 г. на основании доклада комиссии Комуч установил единую сетку окладов, которые вводились с 1 сентября 1918 г.¹⁰ Все оклады подразделялись на 16 групп, частично соответствовавших классам должностей дореволюционного времени, частично объединявших должности нескольких классов в одну группу. Две низших группы включали должности, не имевшие разрядов, – курьеров, швейцаров, уборщиков, посыльных. Оклады устанавливались от 2 тыс. руб. управляющим ведомствами, до 450 руб. канцеляристу и машинисту 2-го разряда. Внеурядные низшие служащие получали еще меньше – 300 руб. взрослые, 150 руб. подростки. Постановление Совета управляющих ведомствами гласило, что установленные оклады включают все виды довольствия и не могут увеличиваться никакими прибавками на дороговизну. В условиях прогрессирующего падения курса рубля установление такой нормы едва ли можно считать дальновидным шагом со стороны правительства. Высокие для того времени оклады жалования достаточно быстро обесценивались.

Временное областное правительство Урала использовало очень похожий алгоритм. Приняв в середине сентября 1918 г. несколько штатных расписаний, в которых оклады равных должностных лиц отличались, Совет Временного областного правительства Урала учредил

⁸ Там же. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 11 Л. 24–24 об.

⁹ Там же. Л. 27–27 об., 38.

¹⁰ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года: сб. документов. М., 2011. С. 105–106.

междуведомственную комиссию по согласованию штатов. Ее задача первоначально состояла в достижении разными ведомствами единообразия в принципах формирования штатных расписаний и должностных окладов¹¹. Благодаря утвержденным штатам можно примерно подсчитать численность служащих аппарата Временного областного правительства Урала. Канцелярия Совета правительства имела в штате 11 служащих, Главное управление юстиции – 30, Главное управление торговли и промышленности – 29 и т.д. Общая численность служащих не превышала 300–320 чел. Оклады им были установлены для высших служащих немного ниже, чем установил Комуч (например, для главноуправляющих – 1800 руб.), и такие же, как у Комуча, – для низших служащих. На фоне бедствующего региона, где остальные работники получали зарплату по ставкам начала 1918 г., это был признак особой заботы. Ликвидируя свою деятельность, правительство позаботилось и о выходном пособии для служащих, хотя этот вопрос регулировался общим законодательством¹².

Как наиболее документированную, легче всего проследить ситуацию с оплатой труда правительственных служащих Временного Сибирского и Российского правительств, тем более что с ноября 1918 г. власть Омска распространилась на весь восток России. Правительственный аппарат, численно небольшой летом 1918 г., осенью стал быстро увеличиваться. Например, утвержденное в октябре 1918 г. штатное расписание Министерства юстиции насчитывало 69 должностей, а Главное управление налогов и сборов при Министерстве финансов – 314¹³. Значительная часть штатов правительственных учреждений была утверждена с сентября 1918 по февраль 1919 г. Причем чем позже происходило утверждение, тем более раздутыми оказывались штаты. Однако в соответствии с постановлениями Временного Сибирского правительства от 22 июля и 16 сентября 1918 г. все оклады вступали в силу с начала его деятельности и чиновники получали содержание по новым окладам с 1 июля 1918 г. Основной массе служащих центральных учреждений выдавали оклад от 50 до 500 руб., губернских и уездных учреждений – в среднем на 100 руб. меньше. 16 октября 1918 г. Административный совет уточнил, что служащие, чей оклад по новым табелям оказался ниже, чем был до антибольшевистского переворота, будут получать разницу между прежними и новыми окладами в виде личных прибавок¹⁴. Стремление не ухудшить материальное положение чиновника в последние месяцы 1918 – первые месяцы 1919 г. явно

¹¹ ГАСО. Р-569. Оп. 3. Д. 39. Л. 13–13 об.

¹² Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. № 8. Ст. 59; № 9. Ст. 61, 68–69, 71, 74, 76–77.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 23. Ст. 208, 223; Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.): сб. документов. Томск, 1998. Вып. 3. С. 396–398, 423–427; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 526–528, 590–591.

¹⁴ Сибирский вестник (Омск). 1918. 2, 9 окт., 4 нояб. (приложение); Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 13. Ст. 123; № 22. Ст. 192; № 23. Ст. 220, 221; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 226–231; Вып. 3. С. 370, 421–423; Временное Сибирское правительство ... С. 314–318, 565–566; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 65.

превалировало над тягой к бюджетной экономии. В то же время нормативная база Временного Сибирского правительства нацеливалась на упрощение существовавшей в прошлом системы льгот для чиновников. Если раньше в отдаленных местностях выдавали повышенный оклад, предоставляли жилье на льготных условиях, существовал ускоренный порядок начисления надбавок за выслугу лет, то теперь вместо этого вводилась разрядная надбавка, резко ухудшавшая материальное положение таких групп служащих¹⁵.

Совет министров Российского правительства, осознавая ограниченность управляемой территории и чрезмерность дореволюционных штатов в сложившихся условиях, признал, что штаты центральных учреждений не должны рассчитываться исходя из общегосударственного масштаба деятельности. Чтобы соблюсти разумную пропорцию от занимаемой местными учреждениями территории и численности находящихся в управлении местных учреждений, каждому министерству предложили разработать временные штатные расписания¹⁶. Специальная междуведомственная комиссия пришла к заключению, что даже такие сокращенные штаты (временные штатные расписания) следует вводить постепенно, по мере освобождения территории от большевиков. По решению междуведомственной комиссии временные штатные расписания были представлены к 1 февраля 1919 г.¹⁷

Еще больше сложностей возникало у законодателей в связи с необходимостью урегулировать проблемы, связанные с вынужденной служебной мобильностью служащих, – политически мотивированные увольнениями, повышениями или понижениями по службе, эвакуации служащих в ходе отступления антибольшевистских войск.

Власти Поволжья, Урала и Сибири признали недействительными увольнения служащих, произведенные при советской власти, и предусматривали их обратный прием. Под данную норму попали служащие, уволенные по политическим и классовым основаниям, прежде всего участвовавшие в забастовках против советской власти – явном признаке антисоветской позиции, следовательно, идеологической близости новой власти. Забастовки происходили практически повсеместно в Поволжье, на Урале и в Сибири в ответ на попытки советской власти ликвидировать органы городского и земского самоуправления, взять под контроль кредитно-финансовые и торговые учреждения¹⁸. В них приняли участие не только правительственные служащие, но и учителя, врачи.

¹⁵ Законодательство Административного совета Временного Сибирского правительства, специально не отменяя, дезавуировало действие Закона от 13 июня 1886 г. об особых преимуществах службы в отдаленных местностях (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 65. Л. 3 об.).

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1362. Л. 2–4 об.; Правительственный вестник (Омск). 1919. 30 янв., 1 февр.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.). Томск, 2003. Вып. 2. С. 106–107, 129–131.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 1362. Л. 3–4 об., 7–7 об.

¹⁸ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 180–181; Всероссийский учительский союз // Гражданская война и иностранная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 129; Бакулин В.И. Драма в

Таким образом, надлежало выплатить жалование за несколько месяцев довольно широкому кругу чиновников. Заработная плата за дни вынужденной отставки выплачивалась сполна так же, как и все деньги, не выплаченные советской властью оставшимся на службе чиновникам. На этот раз антибольшевистские правительства, не задумываясь, приняли на себя обязательства свергнутых большевиков, хотя это потребовало немалых средств.

Необычность данной практики потребовала дополнительного нормативного регулирования. Вопрос обсуждался на общем собрании служащих правительственных и общественных учреждений г. Самары. Собравшиеся постановили, что за дни забастовки жалование должно быть безусловно оплачено соответствующими государственными ведомствами, частными или общественными учреждениями. Но было отмечено, что стачечный комитет должен указать на штрейкбрехеров, чтобы исключить оплату им повторного жалования. Кроме того, служащие, успевшие за дни забастовки устроиться на работу в другие учреждения, должны были сами заявить об этом, и полученные на новом месте суммы следовало удержать из их текущих окладов. Данное решение было направлено Комучу, который 1 июля зафиксировал его в качестве нормативного акта¹⁹. Но на такие выплаты потребовалось около миллиона рублей, поэтому решили на первое время, до составления точных смет, обойтись 25% от суммы жалования, причитавшегося служащим за дни забастовки²⁰.

В Уфе Временный комитет городской думы решил восстановить работу правительственных учреждений только в составе тех служащих, которые принимали участие в забастовке против советской власти. В данном случае городские власти приняли предложение Центрального стачечного комитета Уфы, требовавшего наказать штрейкбрехеров увольнением²¹. Против такого решения выступили социал-демократы Уфы. Они признали его «несоответствующим государственной точке зрения», ведущим к огульному увольнению множества служащих, в том числе хороших профессионалов, и предложили решать вопрос персонально по каждому в конфликтной комиссии²². Затем в защиту служащих, работавших при большевиках, выступил уфимский профессиональный демократический союз служащих государственных и общественных учреждений, отметив, что если бы не позиция таких соглашателей, «страна могла бы погибнуть совершенно»²³.

двух актов: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 105–108; *Костогрызов П.И.* Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 62–65; Благовещенск. Март 1918 г. Благовещенск-на-Амуре, 2018. С. 45; ЦГАСО. Ф. Р-3931. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–6 об.

¹⁹ Приказы Комуча. Самара, 1918. С. 43–44; *Лепандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники. Самара, 2006. Т. 1. С. 226; *Троцкий В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: хроника событий. Самара, 1929. Т. 2. С. 124.

²⁰ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

²¹ Народное дело (Уфа). 1918. 24 авг.; Уфимская жизнь. 1918. 7 авг.; Социалист-революционер (Уфа). 1918. 3 июля.

²² Голос рабочего (Уфа). 1918. 21 июля.

²³ Там же. 24 июля.

Аналогичные проблемы вынуждены были решать и другие правительства. Совет Временного областного правительства Урала дважды обращался к вопросу о жалованье служащим, уволенным советской властью. Первый раз его предпочли оставить на разрешение общероссийского правительства, признав неправомерным принятие подобных решений региональной властью. Второй раз, 5 октября 1918 г., постановили выдать 41 тыс. руб. на выплату жалованья уволенным советской властью учителям²⁴.

7 сентября 1918 г. Временное правительство автономной Сибири приняло решение «о восстановлении в служебных правах чиновников правительственных учреждений, уволенных советской властью или оставивших службу вследствие нежелания подчиниться этой власти». Такие служащие восстанавливались в своих должностях с зачетом периода временного бездействия в срок службы и уплатой жалованья²⁵.

В Сибири общественность не раз высказывалась в пользу «восстановления в служебных правах» всех уволенных советской властью администраторов и служащих²⁶. Временное Сибирское правительство взяло курс на возвращение уволенных служащих руководящего звена, вселив в них надежду на полную компенсацию заработной платы за предыдущие месяцы. Но исполнение этого решения сильно затянулось. Распоряжением Министерства финансов Временного Сибирского правительства были закрыты все счета советских организаций, что вызвало техническую накладку в осуществлении выплат служащим долгов по зарплате. Долго не могли решить, из каких средств производить расчеты. Невыплаченный в некоторых случаях до конца 1918 г. долг тем временем обесценивался²⁷.

Помимо восстановленных в должностях после увольнения советской властью, существовала еще одна категория служащих, требовавших дополнительного внимания – эвакуированные. В годы Первой мировой войны государство взяло на себя обязательства материально обеспечивать рабочих и служащих эвакуированных предприятий и учреждений. Причем этот порядок распространялся не только на казенные, но и на городские, земские и частные учреждения, получавшие ссуды от казны для выдачи эвакуационных пособий в размере, равном государственному²⁸.

На казну в значительной мере легла забота о материальном обеспечении служащих государственных учреждений европейской части России, спасавшихся от большевиков. Так было и в Поволжье, и на Урале, и в Сибири. Комуч пытался экономить на выплате эвакуационных пособий служащим, прибывшим в Поволжье еще в ходе эвакуации правительственных учреждений из

²⁴ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 4. Л. 55–56.

²⁵ Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток, 1955. С. 180–181.

²⁶ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015. С. 66.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 71.

²⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 234.

западных губерний, попадавших под германскую оккупацию или в зону военных действий. 22 августа 1918 г. выдача пособий таким служащим была отменена²⁹.

Иным оказалось отношение к тем, кто вынужден был покинуть свои дома, спасаясь от большевистских преследований или просто не желавших с ними работать. Комуч 6 августа 1918 г. распорядился выделить 10 тыс. руб. на содержание чинов Министерства юстиции, бежавших из местностей, «захваченных советской властью»³⁰. В сентябре траты на содержание беженцев-чиновников возросли. Из Казани, Симбирска и Сызрани в Самару прибыло около 20 тыс. беженцев, из которых значительную часть составляли эвакуируемые служащие с семьями. Все они ожидали выдачи эвакуационного пособия. Таких средств у Комуча не нашлось, и большинству пообещали выплатить в местах окончательного вселения, предлагая двигаться транзитом через Самару дальше на восток. Только 4 октября 1918 г. была официально объявлена эвакуация правительственных служащих из Самары.

Но в дальнейшем Совет управляющих ведомствами Комуча уделил достаточно много внимания эвакуированным поволжским служащим, главным образом благодаря эмиссии краткосрочных обязательств, доставивших наконец правительству средства. Двигавшиеся через Самару чиновники получали в дороге жалованье и пособие на эвакуацию. Добравшимся напрямую до Уфы служащим Казанской и Симбирской губерний выдавали недополученное на местах жалованье, эвакуационное пособие в размере месячного оклада со всеми надбавками, подыскивали квартиры, устраивали на службу в учреждения Уфимской губернии³¹. 12 октября 1918 г. всем работникам правительственных учреждений выдали месячный оклад в счет эвакуационного пособия, 14 октября такие же выплаты распространили на служащих губернских и уездных учреждений³². 19 октября 1918 г. Совет управляющих ведомствами распорядился выдавать чинам милиции и государственной охраны эвакуационные выплаты наравне с гражданскими служащими³³. 25 ноября 1918 г. он же изыскал 2 млн руб. для удовлетворения жалованьем, эвакуационным пособием и суточными служащих правительственных и общественных учреждений, рабочих казенных заводов – беженцев Прикамского района³⁴.

Масштабную эвакуацию пережили служащие Оренбургской губернии. В декабре 1918 г. эвакуация правительственных учреждений из Оренбурга проводилась в условиях острого финансового дефицита. Эвакуируемые служащие получили жалованье за ноябрь местными оренбургскими бонами. В месте прибытия – Троицке – эти деньги не принимали. Суточные и эва-

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1363. Л. 2.

³⁰ Там же. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 241 об.

³¹ Уфимская жизнь. 1918. 30 окт.; ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 162, 164, 165–165 об., 189 об., 198; Д. 2. Л. 65, 80, 116.

³² ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 2. Л. 26 об., 40 об.

³³ Там же. Д. 1. Л. 122.

³⁴ Там же. Л. 278.

квационное пособие прибывавшим долго не выдавалось из-за отсутствия средств³⁵. Это не считая суточных служащим, эвакуированным по обстоятельствам Первой мировой войны. По этой статье в Оренбургской губернии уже в июле 1918 г. числился за казной долг в 180 тыс. руб.³⁶

Серьезную проблему представляла эвакуация многочисленных правительственных учреждений Поволжья в полном составе. В эвакуации они формально продолжали работать, их служащие получали жалованье, ничем фактически не управляя. 29 октября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства принял постановление о порядке привлечения эвакуированных служащих правительственных учреждений к исполнению служебных обязанностей³⁷. Постановление предусматривало вывоз за счет казны государственного имущества, служащих правительственных учреждений и их семейств. Однако в отмену постановления от 28 ноября 1915 г. Временное Сибирское правительство отказалось вывозить земские и городские учреждения. Все правительственные служащие, если они подлежали эвакуации по распоряжению военных и гражданских властей после 1 сентября 1918 г., сохраняли право на занятие своих должностей и мест, но не получали содержание, а числились в резерве. В соответствии с дореволюционным законодательством правительство гарантировало им лишь небольшое шестимесячное пособие (лицам, занимавшим должности до V класса включительно, – 500 руб., VI–VIII – 400 руб., IX–XII – 250 руб., прочим лицам, состоявшим на государственной службе, – 150 руб.). Отдельные ведомства, например, управления железных дорог, изыскивали варианты выплаты эвакуированным достаточного для обеспечения содержания. Они принимали их по правилам прикомандирования в военное время, что позволяло выплачивать полный оклад на время вынужденной командировки³⁸.

Временное Всероссийское правительство добивалось, чтобы служащих правительственных учреждений Комуча организовано разместили в Челябинске, Кургане, Петропавловске, а заботы об их материальном обеспечении предлагало отнести за счет соответствующих общероссийских ведомств. В то же время следовало произвести планомерное сокращение штатов эвакуированных учреждений и четко решить вопрос о порядке вознаграждения увольняемых³⁹. Необходимо помнить, что речь шла о служащих Комуча, обеспечение которых ложилось бременем на сибирский бюджет. Но, с другой стороны, многие из них являлись государственными служащими с большим стажем и опытом.

³⁵ ГАОО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 45. Л. 35–36.

³⁶ Там же. Д. 66. Л. 2–2 об.

³⁷ Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 298–301; Временное Сибирское правительство ... С. 601–603; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 76; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 65.

³⁸ Вестник Западно-Уральской железной дороги (Екатеринбург). 1918. № 21. С. 5.

³⁹ Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 192.

Члены Директории предполагали, что привлечение эвакуированных из Поволжья государственных служащих позволит минимизировать участие во всероссийском центральном аппарате сибирских чиновников. Например, 17 октября 1918 г. В.М. Зензинов докладывал, что по Министерству почт и телеграфов имеется 600 вакансий и 500 эвакуированных по этому ведомству служащих легко смогут найти себе заработок⁴⁰. В заседании 13 ноября 1918 г. управляющий делами Временного Всероссийского правительства И.А. Антропов указывал, что громадное большинство служащих управления делами – беженцы, ходатайствуя о пособии для них на приобретение зимней одежды⁴¹. Директория пошла по пути выдачи кредитов на пособия и жалованья служащих отдельных ведомств⁴². Российское правительство не только продолжило курс на привлечение эвакуированных к службе, но и восстановило выплату пособий служащим и их семьям, находившимся в эвакуации со времен Первой мировой войны⁴³.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. не позволил осуществить масштабную замену кадров сибирского центрального государственного аппарата «беженским служилым элементом». Но часть эвакуированных была принята на действительную службу, что привело к сильному раздуванию штатов. Упрекать за это высший орган власти можно только с большой оговоркой. Признав и дополнив действовавшее до революции законодательство по обеспечению эвакуируемых правительственных служащих, власть могла либо обеспечить их работой, либо выплачивать заштатное содержание, фактически кормить массу безработных чиновников. Вполне логично, что эвакуированных служащих старались обеспечить какой-нибудь работой. Другое дело, что не везде это удавалось. Во избежание переполнения крупных городских центров эвакуированных старались равномерно распределить по небольшим населенным пунктам. Особенно сложным оказалось положение в уездных уральских городах, где остановились массы служащих-беженцев⁴⁴, трудоустроить которых оказалось просто невозможно. Тысячи таких неустроенных служащих ожидали от государства положенной по закону и обещанной помощи. Таким образом, массовое трудоустройство эвакуированных оказалось наименьшим из зол. В 1919 г. неоднократно производились призывы служащих в армию. Временно освобождавшиеся должности замещались эвакуированными⁴⁵.

Тем не менее именно отступление Народной армии из Поволжья в значительной мере определило перегруженность казны расходами на содержание аппарата управления при весьма

⁴⁰ Там же. С. 167.

⁴¹ Там же. С. 280. Пособие в размере полуторамесячного оклада было утверждено.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1733. Л. 2.

⁴³ Там же. Д. 1363. Л. 2 об.-3.

⁴⁴ Пример Шадринска привела Г.Д. Селянинова (см.: *Селянинова Г.Д.* Органы государственной власти и местного самоуправления Пермской губернии в период «колчаковщины» (ноябрь 1918 – июнь 1919 гг.) // Ученые записки гуманитарного факультета. Пермь, 2005. Вып. 14: Исследования по отечественной истории, истории российских политических элит и номенклатуры. С. 19.

⁴⁵ См., например: *Наша жизнь* (Томск). 1919. № 7. С. 14.

умеренных зарплатах. В Сибири достаточно высокие в августе–сентябре 1918 г. ставки оплаты труда государственных служащих быстро обесценивались в связи с интенсивной инфляцией. Поэтому в дальнейшем условия их выплаты неоднократно менялись и дополнялись.

В условиях инфляции антибольшевистские правительства встали на путь индексации зарплат: 3 ноября и 27 декабря 1918 г., 18 марта и 3 апреля 1919 г. выплаты государственным служащим увеличили, введя так называемые надбавки на дороговизну⁴⁶. Причем декабрьское постановление 1918 г. предусматривало шкалу обратной прогрессии. Чем выше базовый оклад, тем меньший процент прибавки получал служащий. Он колебался от 25% у низкооплачиваемых работников до 10% у чиновников, получавших высокие оклады. В этом смысле можно отметить тенденцию к постепенному выравниванию окладов чиновников верхних и нижних классов. Столичным чиновникам доплачивали дополнительно 25%-ную надбавку. Постановлением от 28 декабря 1918 г. все прибавки на дороговизну, а также пенсионные и иные вычеты производились со всего денежного вознаграждения, а не с базового оклада⁴⁷. 18 марта всем государственным служащим взамен дифференцированной ввели единую 35%-ную надбавку к базовому окладу и стали выплачивать пособия в размере 50% от суммы оклада. Следовательно, с учетом надбавок на дороговизну общие выплаты чиновникам составляли 206–233% от базового оклада.

Острый финансовый дефицит заставил экономить даже на зарплате чиновников, поэтому принимались далеко не все предложения об улучшении материального положения чиновничества. Так, Совет министров отклонил представление И.А. Михайлова от 24 декабря 1918 г. о повышении зарплаты и выплате к новогодним праздникам единовременной надбавки в размере полуторамесячного оклада⁴⁸. Несколько дней спустя в Совет министров поступила просьба хабаровских служащих, получавших зарплату местными советскими бонами, курс которых был на 30–40% ниже общероссийских денег, увеличить им оклады на 20%. В ответ Совет министров постановил выдать такое месячное пособие служащим Амурской и Приморской областей⁴⁹. Позже, 31 декабря 1918 г., это решение распространили на всех правительственных служащих Забайкальской, Сахалинской и Камчатской областей⁵⁰.

⁴⁶ Правительственный вестник. 1919. 22 янв., 9 апр.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 2018. № 13. Ст. 123; № 19. Ст. 153; № 23. Ст. 220; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 226–231, 297–298; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 2. С. 17–19; Временное Сибирское правительство ... С. 178–179, 413–418, 481–482; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 85; Д. 245. Л. 59.

⁴⁷ Правительственный вестник. 1919. 1 февр.; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 2. С. 128–129; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 89.

⁴⁸ Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.): сб. документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. С. 153; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 81.

⁴⁹ Правительственный вестник. 1919. 1 февр.; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 2. С. 127–128; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 90.

⁵⁰ Правительственный вестник. 1919. 31 янв.; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 2. С. 114–115; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 99; Д. 48. Л. 102.

Тем не менее в целом проблема «усиленных выплат» служащим Дальнего Востока оставалась. 26 марта 1919 г. управляющий Камчатской областью в очередной раз напомнил, что для всего дальневосточного региона остались только 20%-ные надбавки к окладам, тогда как на Камчатку большинство товаров завозилось из Владивостока сезонно и цены там примерно в полтора раза выше. Его поддержал верховный уполномоченный Российского правительства на Дальнем Востоке, прося восстановить действовавшие до революции льготы дальневосточным служащим⁵¹. Вопрос обсуждался в междуведомственной комиссии 21 и 25 июня 1919 г. На удивление, участники подошли к вопросу комплексно, сопоставляя существовавшие ранее льготы служащим не только на Дальнем Востоке, но и в Польше, на европейском Севере и в других регионах, и пришли к выводу, что старое положение восстанавливать нельзя, а следует его кардинально переработать и принять новое, в котором бы регулировались льготы для всех окраин государства (единство которого еще только предстояло восстановить). Эта специальная комиссия собралась через месяц и пришла к убеждению, что за отсутствием необходимых материалов пересмотр положения невозможен. Поэтому пришли к выводу о необходимости лишь повысить процент надбавки к окладу и вернуть подъемные выплаты и право обучать детей за казенный счет⁵².

Хорошо прослеживается особое отношение Российского правительства к столичному чиновничеству. Неоднократно рассматривались вопросы о повышении окладов и предоставлении надбавок именно служащим центральных правительственных учреждений.

За всеми дополнительными выплатами уследить очень сложно. 9 мая 1919 г. Совет министров разрешил Министерству финансов совместно с государственным контролером производить дополнительные надбавки служащим центральных учреждений на дороговизну, не обращаясь за утверждением в Совет министров⁵³. Эти надбавки, как правило, составляли месячный оклад и выплачивались довольно регулярно⁵⁴.

В связи с динамично менявшейся военной обстановкой на прифронтовых территориях краткосрочная эвакуация служащих правительственных учреждений стала частым явлением. Весеннее наступление позволило многим из них вернуться в города, оставленные в конце 1918 г. 16 апреля 1919 г. Министерство юстиции предложило Совету министров выплачивать служащим, возвращающимся обратно из эвакуации, пособия, равные пособиям на эвакуацию, за счет казны⁵⁵. Предложение отклонили на том основании, что меры необходимо принимать для служащих всех ведомств⁵⁶. В соответствии с действовавшим законодательством реэвакуированным чиновникам

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 65. Л. 1–1 об., 3–5.

⁵² Там же. Л. 15–17, 28–29, 51–53.

⁵³ Совет министров Российского правительства ... Т. 1. С. 658; Правительственный вестник. 1919. 24 мая; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 42 об.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91, Л. 138; Д. 245. Л. 142, 184, 200.

⁵⁵ Там же. Д. 1531. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Д. 1532. Л. 2–5.

полагался проезд вместе с семейством, бесплатный провоз 5 пудов багажа до места службы, суточные за время пути и подъемное пособие в размере двухмесячного оклада для семейных и месячного для одиноких⁵⁷.

Надбавки земским и городским служащим формировались по тем же принципам, но с некоторым отставанием. Власти старались проявлять особенную заботу о разных группах служащих: педагогическом персонале начальной и средней школы, работниках судов, милиции, тюремного ведомства, медиках. Необходимо отметить, что значительная группа служащих находилась в ведении и на финансировании земских и городских органов. Зарплаты им устанавливались децентрализованно, а материальное положение складывалось из соотношения государственных и местных выплат. Органы местного самоуправления проявили склонность к детальной тарификации оплаты труда служащих и рабочих. В частности, Омская городская управа 25 ноября 1918 г. установила девять разрядов должностей, полностью распределив существующие 153 должности между этими тарифными разрядами⁵⁸. 30 августа 1918 г. на чрезвычайном собрании Уфимской гордумы встал вопрос об увеличении ставок в связи с дороговизной. Всех служащих поделили на 12 категорий – от 125 до 700 руб. Дума с доводами управы согласилась и утвердила новые ставки⁵⁹. До лета 1919 г. предусматривалось не несколько параллельных надбавок, а одна, но с менявшимся базовым процентом. Например, в Уфимском губернском земстве от 60%-ной надбавки к высшим окладам (свыше 900 руб.) до 120% к низшим окладам (менее 400 рублей)⁶⁰.

Наибольшую активность правительственные органы проявили при регулировании заработной платы служащим образовательных учреждений, фиксированное жалование которых за период революции сильно обесценилось. Прибавки по закону от 22 октября 1916 г., правилам от 5 августа 1917 г. и пособие по закону от 1 июля 1917 г. в большинстве учебных заведений остались не выданными⁶¹. Увеличив в 1918 г. жалование рядовым педагогам с 75 до 200 руб., советская власть в связи с началом Гражданской войны смогла выплатить только треть обещанных денег. Это вызвало отток кадров из системы школьного образования, а оставшиеся на службе учителя владели нищенское существование. Комуч продекларировал повышение им зарплаты с нового учебного года. Ее планировали установить от 400 до 600 руб. Но за неимением средств в казне поволжское правительство перевело школы на содержание органов местного самоуправления и определило размер государственного вознаграждения лишь в 200 руб. Управляющий ведомством народного образования Е.Е. Лазарев анонсировал эту меру как временную,

⁵⁷ Кунгурский вестник. 1919. 17 мая.

⁵⁸ Сизов С.Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск, 2018. С. 44–47.

⁵⁹ Народное дело (Уфа). 1918. 1 сент.; Уфимская жизнь. 1918. 1 сент.

⁶⁰ Наш край (Уфа). 1919. 21 мая.

⁶¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.

мотивировав исключительно отсутствием средств в бюджете⁶². Остальную часть жалования должны были изыскать городские и земские органы. Земские и городские органы приветствовали передачу им в управление учебных заведений⁶³. Но пустые бюджеты не позволили проводить повышение зарплат. В связи с отсутствием средств у органов местного самоуправления уже 5 октября 1918 г. пришлось повысить бюджетные выплаты учителям до 325–375 руб.⁶⁴

Находясь в Уфе, Совет управляющих ведомствами с 1 октября 1918 г. утвердил новые ставки учителям. В начальной школе они составили 300 руб. в месяц, в высших начальных училищах – до 400 руб. при максимальной нагрузке, в средней школе – до 500 руб. Кроме этого вводились надбавки за стаж и дополнительную внеучебную нагрузку. Но финансирование ложилось на земства и городские органы, которые незамедлительно отреагировали. На заседании Уфимской городской думы прозвучала информация, что они признают новые ставки оправданными и соответствующими текущему уровню цен. Но если не получат от правительства достаточную для их выплаты субсидию, будут вынуждены пойти на сокращение не ставок, а штатного расписания и числа классов в школах города⁶⁵.

Аналогичную заботу об учителях проявили и уральские власти. В октябре 1918 г. Главное управление народного просвещения Урала подняло на Совете Временного областного правительства Урала вопрос об их материальном благосостоянии. Летом 1918 г. уральские школьные учреждения оказались на содержании земств, которые, тратя большую часть своего бюджета на школы, не могли обеспечить сносное существование учителей. 22 октября 1918 г. Временное областное правительство Урала приняло ряд постановлений, повышавших зарплату школьным педагогам⁶⁶. Но это был канун ликвидации Временного областного правительства Урала, и данные решения не могли действовать в регионе более одного месяца. Кроме того, серьезно осложняло обстановку то обстоятельство, что большевики, покидая Урал, захватили с собой все средства отдела образования Пермской губернии. Временное областное правительство Урала смогло изыскать небольшую сумму и выдало учительскому персоналу небольшие пособия в счет многомесячного долга. И только к Рождеству уральские учителя начали получать зарплату по новым

⁶² ЦГАСО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.

⁶³ Там же. Л. 74.

⁶⁴ *Иванов Е.Е., Кудинов М.А.* «Третий путь» в социальной революции 1917–1921 гг.: проблемы социальных преобразований в годы гражданской войны. (На материалах Комитета членов Всерос. Учред. собрания). М., 2003. С. 44–45; *Губскова Г.Г.* Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. С. 100. (Автор ошибочно утверждает, что такой размер жалования ввели еще при советской власти).

⁶⁵ Уфимская жизнь. 1918. 16 (3) нояб.

⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 8. Ст. 55–59; № 9. Ст. 69; ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 52. Л. 74–75.

ставкам Российского правительства, и долг, доходивший в некоторых местах до полугодовой суммы жалованья, постепенно был погашен⁶⁷.

29 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило оклады педагогическому персоналу средних и низших учебных заведений. Учителя стали получать 175–225 руб. зарплаты ежемесячно и по 50 руб. квартирных денег⁶⁸. Постановлением Российского правительства от 6 декабря 1918 г. заработную плату увеличили. Они стали получать от 350 руб. ежемесячно с широким спектром надбавок за дополнительную педагогическую нагрузку⁶⁹. Вскоре были подтверждены прибавки в 100–300 руб. в год за проверку письменных заданий⁷⁰. В дальнейшем все прибавки, выделяемые служащим казенных учреждений, распространялись и на педагогический персонал. Но этих денег учителям не хватало, поэтому земские и городские органы власти, если их финансовое положение позволяло, вводили надбавки к государственным окладам и даже время от времени эти надбавки индексировали⁷¹. Благодаря надбавкам в Пермской губернии, например, общая сумма выплат составляла 747 руб. в месяц в Перми, а в земских школах Пермского уезда – 472 руб. (из которых 425 руб. выплачивало государство)⁷². В Приморье в начале 1920 г. областное земство позаботилось о начислении школьным учителям прибавок к зарплате наряду с государственными служащими за декабрь 1919 г. и январь–февраль 1920 г.⁷³

Милиция до 17 сентября 1918 г. находилась в ведении органов местного самоуправления. Но фактически у них не имелось средств на выплату служащим заработной платы. Постановление Временного Сибирского правительства от 17 сентября 1918 г. подчиняло милицию МВД и вводило двойное финансирование: по 50% должны были давать органы местного самоуправления и государство. Но фактически платить за милицию пришлось из правительственной казны. Соответственно на служащих распространялись все правительственные тарифы, надбавки и принципы выплат.

⁶⁷ Кальсина А.А. Становление и развитие единой государственной школы на Среднем Урале (1917–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. С. 122, 124.

⁶⁸ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 8. Ст. 79; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 156–160; Временное Сибирское правительство ... С. 212; Чеховских К.А. Сибирская областная дума и народное образование: второй этап в развитии образования в Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) // История белой Сибири: тез. 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 131.

⁶⁹ Правительственный вестник. 1919. 26 янв.; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 2. С. 64–74; Кочурин С.А. Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров: 1902–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 197. Постановления от 29 июня и 6 декабря 1918 г. упоминает А.И. Шилов, но с перечислением только окладов по отдельным должностям (см.: Шилов А.И. Педагогический состав средней общеобразовательной школы Восточной Сибири в начале XX в. (1908–1920 гг.) // Школа и личность, 2008–2009. Красноярск, 2009. С. 166, 168).

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 36.

⁷¹ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 173. Л. 9–11 об.; Развитие народного образования в Восточном Казахстане (XIX – начало XX в.): сб. документов. Семей, 2016. Т. 1. С. 276, 284, 283–294.

⁷² Кальсина А.А. Становление и развитие единой государственной школы ... С. 131.

⁷³ Пай С.С. Образование Приморской области в 1917–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы II Междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 265.

Летом–осенью 1919 г. территория, подвластная Российскому правительству, стала сокращаться под натиском Красной армии. Но на численность государственного аппарата это повлияло незначительно. Он сокращался непропорционально потерянной территории, так как подавляющее большинство служащих эвакуировалось на восток, сохраняя занимаемые должности. Лишь в последние два месяца существования Российского правительства начался настоящий исход. Многие чиновники, спасая себя, предпочли оставить места службы и потерять государственное жалование. Это нашло отражение в мемуарных источниках⁷⁴, газетных сообщениях, но, естественно, не в документах в виде четких статистических сведений. Такой статистики в отношении динамики численности государственного аппарата и не существовало.

Представляется справедливым суждение министра финансов И.А. Михайлова о том, что качественный состав служащих в сравнении с предшествовавшим временем сильно ухудшился. Сибирь ощущала острый недостаток квалифицированных и опытных управленцев. «Число чиновников выросло непропорционально росту и значению работы», – таково было печальное резюме одной из аналитических записок министра на эту тему⁷⁵. Это утверждение, по-видимому, правомерно распространить на все отряды служащих и для всех регионов. Даже поволжские профсоюзные лидеры признавали, что, например, в почтово-телеграфном ведомстве штаты переполнены, но при этом огромные массы людей слоняются целый день без дела, а пользователи жалуются на неаккуратное исполнение условий пересылки корреспонденции⁷⁶. В то же время, в отличие от дореволюционного периода, большинство служащих, замещавших низшие должности, не были семейными людьми, и, похоже, руководство учреждений поощряло прием на работу именно холостых претендентов. Министерство финансов, исчисляя оклады, исходило из того, что содержание должно быть достаточным для выживания одинокого человека. Оклада должно было хватать для обеспечения семейства только служащим свыше 8-го класса.

Надбавки и пособия, вводимые для смягчения социальных проблем чиновничества, в условиях стремительной инфляции быстро теряли свою значимость. Чиновники государственного аппарата никогда не отличались склонностью к активным формам протеста, но регулярно и довольно организованно доводили до сведения руководства информацию о своем материальном положении, ходатайствуя о прибавке, а иной раз и требуя увеличения денежных выплат⁷⁷. Делалось это в порядке субординации через начальство, из чего следует, что руководители учреждений присоединялись к настойчивым просьбам своих подчиненных. Если верить официальным данным, в июле 1919 г. прожиточный минимум в сибирских городах в среднем составлял

⁷⁴ Руднев С.П. При вечерних огнях: воспоминания. Харбин, 1928. С. 276.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 69.

⁷⁶ Известия окружного комитета служащих Самарского почтово-телеграфного округа (Самара). 1918. № 15–16. С. 10.

⁷⁷ См., например: Омский голос (Омск). 1919. № 12. С. 5.

470 руб., в августе – 540, в сентябре 580–600 руб.⁷⁸ При этом в мае 1919 г. наблюдались значительные колебания: 392 руб. в Томске, 481 руб. в Тюмени, 707 руб. в Екатеринбурге. Динамику цен в столице, где сосредотачивалось наибольшее количество служащих, отражает рост прожиточного минимума: в декабре 1918 г. – 336 руб., в январе 1919 г. – 400, в апреле – 474, в июне – 520, в августе и сентябре – 878, в октябре – 857 руб.⁷⁹ В Томске в январе 1919 г. он составил 321 руб., в феврале – 347 руб.⁸⁰

Но величина прожиточного минимума не отражала истинной картины, так как официальные сведения его исчисления всегда приукрашали реальное положение. Вопрос о динамике цен на востоке России и их соотношении с уровнем оплаты труда рассмотрен в литературе⁸¹. В дополнение достаточно привести лишь один красноречивый пример. Служащие Благовещенской таможни еще в декабре 1918 г. настаивали, что их прожиточный минимум составлял 700 руб. для холостого, 1000 руб. для семейного, до уровня которых просили поднять оклады⁸². Но уже летом 1919 г. чиновник, получавший менее 1000 руб. (подавляющее большинство), мог позволить себе покупку лишь самого необходимого продовольствия и едва ли был способен на приобретение одежды или обуви⁸³. За чертой бедности находились не только канцелярские служащие, но и работники милиции, налоговых служб, сферы образования. По данным прессы, при 10-кратном росте цен за год зарплаты чиновников выросли лишь в вдвое⁸⁴. Это отрицательно сказывалось на работе большинства государственных учреждений, приводило к уходу лучших и наиболее квалифицированных работников в негосударственную сферу. К тому же трудно найти более благоприятную почву для распространения коррупции и должностных правонарушений, чем нищенская зарплата служащих, принимающих ответственные решения⁸⁵. Иногда региональная корректировка заработной платы проводилась без особых проволочек. Так, 24 января 1919 г. Совет министров, учтя, что до прихода в Пермь «белых» зарплаты в городе были достаточно высоки, постановил при переводе работников на более низкие сибирские оклады доплачивать им в виде личных надбавок до уровня «советских» зарплат⁸⁶.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 69 об.

⁷⁹ Энциклопедия города Омска. Омск, 2009. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему. С. 282–283.

⁸⁰ Вестник Томской губернии. 1919. 29 янв., 7 марта.

⁸¹ Рышков В.М. Прожиточный минимум городского населения на востоке России в годы Гражданской войны // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке. Новосибирск, 2011. С. 112–133.

⁸² Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 13 дек.

⁸³ Письма во власть в эпоху революции ... С. 205–207.

⁸⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 23 окт.

⁸⁵ Этот вопрос наиболее полно разработан в историографии в отношении милиции. См.: Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 188–189; Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999. С. 63, 77.

⁸⁶ Совет министров Российского правительства ... Т. 1. С. 236; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919): сб. документов. М., 2018. Т. 1: Ноябрь 1918 – апрель 1919. С. 186–187; Правительственный вестник. 1919. 9 февр.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 41.

Тот факт, что материальное обеспечение чиновников занимало непропорционально большое место в деятельности антибольшевистских правительств по сравнению с другими актуальными проблемами, нельзя считать чем-то из ряда закономерностей. Лишь отчасти это связано со «шкурными интересами» чиновников, оставшимися, кстати, далеко не удовлетворенными, отчасти же являлось следствием естественного положения вещей. По известному закону А. Паркинсона, управленцы склонны обсуждать в деталях мелкие вопросы, о которых хорошо информированы, и, напротив, легко и быстро принимают решение, столкнувшись с масштабными, стратегическими проблемами, от которых психологически очень далеки⁸⁷. Поэтому малозначительные законопроекты, касавшиеся ставок и штатов, были многочисленны и могли вызвать жаркие споры.

Дефицит средств вынудил правительство выбирать наиболее приоритетные направления финансирования. В этом случае позиция и влияние руководителей министерств имели решающее значение, так как каждый в полной мере представлял себе критическое положение с уровнем оплаты труда в своем ведомстве и прилагал все усилия для того, чтобы доказать необходимость скорейшего повышения зарплаты именно своих подчиненных. Достаточно много делалось в этом направлении руководством Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Помимо традиционных надбавок Совет министров по просьбе соответствующих министерств повышал классы должностей. Постановлений об этом, имевших характер мелкой рутинной работы по корректировке штатного расписания, принято достаточно много. Но никогда надбавки не успевали за инфляцией. Осенью 1919 г. газеты писали о том, что низкие оклады судей и милиционеров дорого обходятся обществу – система правосудия и охраны правопорядка работала крайне неэффективно, теряла свой кадровый потенциал. Не имея возможности расширять материальные стимулы к службе в милиции, Совет министров освободил милиционеров от службы в армии. Существенно могло стимулировать службу милиционеров наличие продовольственного и мануфактурного пайка⁸⁸. Вводились премии, льготы, надбавки, впрочем, не менявшие кардинально бедственного положения служащих. В ситуации с милиционерами и учителями дополнительные сложности возникали в связи с двойным финансированием – государством и органами самоуправления. Так, милиция по «Временному положению о сибирской милиции» (п. 8), действовавшему до падения Российского правительства, на одну треть финансировалась из бюджетов местных органов самоуправления, которые часто были не в состоянии или не желали выделять для этого средства⁸⁹.

⁸⁷ Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 1989. С. 38.

⁸⁸ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 78–81; 180, 189.

⁸⁹ Сибирский вестник. 1918. 3 окт.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 13. Ст. 118; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 218; Временное Сибирское правительство ... С. 424.

В некоторых случаях правительство шло на изыскание внебюджетных средств. 9 апреля 1919 г. Совет министров разрешил учреждать дополнительные милицейские должности на частные средства⁹⁰. Этой возможностью воспользовались многие промышленные предприятия, некоторые частные лица и даже отдельные государственные ведомства⁹¹.

Чрезвычайную значимость приобрела бесперебойная работа транспорта. Поэтому меры по удержанию на своих местах железнодорожных служащих являлись проблемой актуальной, не менее значимой, чем урегулирование рабочего вопроса на транспортных предприятиях. Постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. транспортным служащим с 1 октября 1918 г. вводились прибавки на дороговизну в 25%, а 18 марта 1919 г. установили еще одну прибавку в 35%, которую стали начислять с 1 марта 1919 г. Но это привело к увеличению окладов минимум до 209 руб., тогда как прожиточный минимум в марте 1919 г. определялся по Забайкальской железной дороге в 375 руб., а по Томской – в 400 руб. на одного человека. На Пермской дороге находились около 500 эвакуированных железнодорожных служащих, оставшихся за штатом и получавших пособие по 150 руб. Нищета служащих приводила к тому, что некоторые были не в состоянии выкупать продукты, привозимые им по самым минимальным ценам через систему специализированного снабжения⁹².

Тем не менее важнейшим стимулом удержания служащих железнодорожного транспорта стал продовольственный и мануфактурный паек. В ноябре 1918 г. приступила к работе комиссия с широким представительством от администрации и продовольственных организаций каждой железной дороги, в задачу которой входило улучшение снабжения железнодорожников⁹³. Вскоре Совет министров выделил 24 550 тыс. руб. для организации снабжения продовольствием и предметами первой необходимости рабочих и служащих казенных железных дорог (Омской, Томской, Забайкальской, Амурской и Ташкентской) и 6650 тыс. руб. на выдачу для той же цели беспроцентной ссуды частным железным дорогам⁹⁴.

Служащие частных железных дорог находились в одинаковом положении со служащими казенных предприятий этой отрасли. В соответствии с законом Временного правительства от 24 сентября 1917 г. на них в официальном порядке распространялись все надбавки к окладам⁹⁵. В одном их положение существенно отличалось в худшую сторону. Практически не имевшие

⁹⁰ Правительственный вестник. 1919. 8 мая; Совет министров Российского правительства ... Т. 1. С. 525; Сибирская милиция (1918–1919 гг.): сборник нормативно-правовых документов. Кемерово, 1997. С. 37.

⁹¹ *Звягин С.П.* Из опыта финансирования милиции Всероссийским временным правительством в 1919 г. // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: материалы межвуз. науч. конф. М., 1995. С. 65–67; *Звягин С.П.* Из практики Всероссийского временного правительства по содержанию милиции на частные средства // 50 лет Великой победы: тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 127–129; *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 192–193.

⁹² ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 220–221, 228–229.

⁹³ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 81.

⁹⁴ Правительственный вестник. 1919. 31 июля; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 4–4 об.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 36. Л. 313; 5. Д. 99. Л. 61.

денежных поступлений, железнодорожные акционерные общества вынуждены были по несколько месяцев дожидаться правительственных ссуд на оплату труда своих работников. Поэтому систематическим явлением стала задержка оплаты труда.

Достаточно поздно правительство встало на путь натурализации части выплат гражданским чиновникам. 15 июля 1919 г. для улучшения материального положения служащих правительственных учреждений и предприятий Совет министров разрешил руководителям гражданских ведомств, пользующихся правом распоряжения кредитами, выдавать начальникам учреждений авансы в размере месячных окладов со всеми надбавками для приобретения предметов и продуктов первой необходимости. Авансы эти могли гаситься постепенно до 31 декабря 1919 г.⁹⁶ Данная мера втягивала руководство казенных учреждений в несвойственную им деятельность по заготовке товаров повседневного спроса для персонала, превращая сами учреждения в стихийное подобие так называемых зависимых кооперативов, функционировавших за счет субсидий казны и под патронажем начальства⁹⁷. Но это в некоторой степени удерживало служащих на рабочих местах и снижало нужду в самых элементарных переметах обихода – прежде всего в одежде и обуви.

Нагромождение многочисленных надбавок нарушало дифференциацию оплаты труда служащих, а попытки выделять приоритетные группы служащих не решали общую проблему катастрофически низкой зарплаты. Новые надбавки никогда не успевали компенсировать падение курса рубля. Радикальный проект решения проблемы материального обеспечения государственных служащих и рабочих казенных предприятий выдвинул летом 1919 г. министр путей сообщения Л.А. Устругов. Первоначально свой проект министр предал огласке на заседаниях Комитета экономической политики⁹⁸, потом в бюджетной комиссии Государственного экономического совещания⁹⁹. В условиях падающего курса рубля он предлагал ежемесячную индексацию заработной платы. Причем в предлагаемом проекте точкой отсчета должны были стать цены и зарплаты 1915 г. Вся тарифная сетка окладов 1915 г. соотносилась с существовавшим в том году прожиточным минимумом. Затем полученный вышеозначенным образом коэффициент ежемесячно пересчитывали к текущему прожиточному минимуму, что позволяло обновлять шкалу зарплат. Это, во-первых, позволило бы восстановить существовавшую до революции прогрессию денежных выплат работникам разной квалификации, во-вторых, должно было поддерживать уровень жизни государственных служащих и рабочих казенных предприятий примерно на

⁹⁶ Правительственный вестник. 1919. 6 авг.; Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 190; Журналы и стенографические отчеты ... Т. 3. С. 202–206.

⁹⁷ См. подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая кооперация Сибири в 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004. С. 52–57; *Запорожченко Г.М.* Транспортная кооперация в Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007. С. 29–59.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 15. Л. 2–8.

⁹⁹ Там же. Д. 1. Л. 42–49.

дореволюционной отметке. Сам Л.А. Устругов признавался, что правительство может, исходя из своих денежных резервов, установить любой удобный базовый коэффициент. Важно, что с определенного момента будет осуществлен переход на новый принцип пересчета зарплат, учитывавший инфляцию¹⁰⁰. Поднятый Л.А. Уструговым вопрос 26 августа 1919 г. обсуждался на заседании Совета министров. На нем решено было взять за базовый (нормальный) заработок ту зарплату, которую выплачивали рабочим и служащим по штатному расписанию по 1916 г. включительно. Но при этом в расчет не принимались никакие дореволюционные надбавки на дороговизну. Текущий заработок определялся по формуле:

$$S = a + (a/100 + x)m, \quad x = 1,55^m - 20/m,$$

где «S» – месячное содержание или заработок, «a» – нормальное содержание или заработок, «m» – прожиточный минимум для одного взрослого, устанавливавшийся периодически особым комитетом при Министерстве труда. Содержание или заработок женщин, занятых физическим трудом, вычисляли исходя из 0,5 прожиточного минимума, подростков – из 0,75, малолетних обоего пола – из полного прожиточного минимума. Пересчет содержания или зарплаток предполагалось производить при изменении прожиточного минимума в сторону повышения на 20% или понижения его на 15%. Такой подход обещал существенное увеличение зарплаток. Так, получавшие в 1916 г. оклад в 50 и 200 руб. могли рассчитывать на 1374 и 2274 руб. соответственно (подсчет наш. – В.Р.). Государственный контролер Г.А. Краснов выступил против законопроекта, указав, что его принятие потрясет правильные основы государственного бюджета и нанесет тяжелый удар по финансовому положению страны¹⁰¹. Однако Совет министров Российского правительства одобрил предложенный Л.А. Уструговым законопроект.

Казалось бы, судьбоносное принципиальное решение вынесено. Оставалось произвести калькуляцию и облечь эти нормы в соответствующий текст закона. Но 4 сентября 1919 г., во избежание разнообразия окладов, на основании которых предполагалось осуществить пересчет, решили произвести их согласование, установив в случае разночтения одинаковые оклады одним и тем же должностям в разных ведомствах. Это должно было еще больше отдалить долгожданную индексацию зарплат¹⁰².

Наконец, убедившись в невозможности ввести гибкий механизм индексации зарплат государственным служащим в силу совершенной обременительности его для казны, Российское правительство пошло по пути механической индексации выплат. В соответствии с постановлением Совета министров от 6 октября 1919 г. оклады служащих были увеличены в 2,5 раза с 1 августа.

¹⁰⁰ Там же. Л. 42–49.

¹⁰¹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 141–141 об.

¹⁰² Там же. Л. 152. (См. также: Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 356–357). Решение было оформлено в виде постановления, датированного 9 сентября 1919 г. (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 30. Л. 30–31 об.; Правительственный вестник. 1919. 29 окт.; Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919. 15 дек.).

При этом снималась 35%-ная надбавка на дороговизну, но сохранилась 25%-ная надбавка служащим в столице и на театре военных действий. Правда, мастеровым и рабочим казенных предприятий сохранили 35%-ную надбавку на дороговизну, но с 1 октября 1919 г. прекратили выплачивать надбавку по постановлениям от 28 и 29 июля 1919 г. в размере полуторамесячного оклада. Служащим на предприятиях транспорта, наоборот, вводилась 25%-ная надбавка, но при выплате за август и сентябрь в нее включалось пособие в размере месячного и полуторамесячного оклада. Так, в результате ряда перетасовок с добавлением и вычитанием надбавок реальное увеличение зарплаты служащих и рабочих казенных предприятий оказалось намного скромнее продекларированного уровня¹⁰³. 28 октября 1919 г. было обещано, что все ставки рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, жалованье военным служащим будут увеличены не в 2,5, а в 3 раза. Причем решено было провести увеличение с 1 августа¹⁰⁴. Е.Г. Михеенков утверждает, что это распоряжение не было выполнено ввиду спешного отступления войск и отсутствия средств у правительства. Но данный тезис представляется сомнительным, так как автор сам в его подтверждение приводит сведения, указывающие на трехкратный рост базовых окладов служащих¹⁰⁵.

В соответствии с принятым решением полагалось задним числом выплатить повышенную зарплату за три прошедших месяца. Однако известно, что денег в бюджете не было, и проследить, в какой степени это решение удалось провести в жизнь, практически невозможно. Постановление от 28 октября 1919 г. предусматривало ввести в действие по телеграфу, не дожидаясь опубликования, и, следовательно, начать немедленную выплату денег. Само же увеличение выплат в исчислении за один месяц с учетом ликвидации надбавок оказалось не таким уж высоким. Доходы служащих выросли на 20–30%. А уровень цен в осенние месяцы 1919 г. «скакал» вверх на 50–100% ежемесячно. Неудивительно, что служащие принялись сразу же ходатайствовать о восстановлении прежних процентных надбавок к уже новым ставкам оплаты¹⁰⁶. В ноябре к новым ставкам выдавали 50%-ные надбавки, в декабре – 100%-ные¹⁰⁷.

Помимо этого действовали «усиленные» надбавки для отдельных регионов. 18 декабря 1919 г. Совет министров распорядился выдать пособия на дороговизну служащим правительственных учреждений в размере трехмесячного оклада во Владивостоке, двухмесячного – в Сахалинской, Амурской и Камчатской областях, Иркутске и Чите, полуторамесячного оклада – в Енисейской и Иркутской губерниях. Эвакуированные и получающие разницу между гражданскими и воинскими окладами обеспечивались пособиями на тех же основаниях¹⁰⁸. И это постановление успели реализовать. По крайней мере, сохранились внутриведомственные

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 13 об.; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 193–194 об.

¹⁰⁴ Правительственный вестник. 1919. 11 окт.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 216–216 об.

¹⁰⁵ Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция ... С. 39.

¹⁰⁶ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 78.

¹⁰⁷ ГАЗК. Ф. 56. Оп. 6. Д. 84. Л. 51–52 об.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 28–28 об.

распоряжения о его применении, в соответствии с которыми полностью пособие выдавалось тем служащим, которые проработали на своих должностях более месяца с момента его принятия. Принятым на службу с 18 ноября по 10 декабря 1919 г. предлагалось начислять его в половинном размере, а принятым позже – вообще не выдавать¹⁰⁹.

Таким образом, Российское правительство так и не решилось осуществить задуманный летом 1919 г. перевод правительственных служащих и казенных рабочих на новую форму оплаты труда, предусматривавшую индексацию на основе прожиточного минимума. Отказавшись от уже принятого решения, власть предпочла ограничиться очередным кратным увеличением ставок. Но был запущен механизм подготовки материалов, необходимых для исчисления зарплат по новой формуле. Несмотря на это, 29 августа 1919 г. Совет министров постановил создать при Министерстве труда «Временную комиссию по выработке прожиточного минимума», а при местных инспекциях труда – комиссии по сбору сведений о ценах, на основе которых этот минимум следует рассчитывать¹¹⁰. 5 сентября 1919 г. министерство подготовило инструкцию о составе и задачах таких комиссий. Они включали представителей государственных учреждений, городских управ, кооперативов, продовольственных, профсоюзных и предпринимательских организаций, а их деятельность сводилась к определению правильного текущего уровня цен и выработке прожиточного минимума на основании единой утвержденной Министерством труда методики¹¹¹. Комиссии учреждались в 64 населенных пунктах, главным образом в уездных центрах. В промежутке с 15 по 20 число каждого месяца они должны были устанавливать прожиточный минимум для своей местности. Таким образом, создавалась сеть правительственных структур, призванных давать официальную трактовку прожиточного минимума – огромный шаг вперед на пути создания регуляторов ставок оплаты труда.

Практика уже первого месяца работы уездных комиссий высветила множество проблем. Министерство труда использовало методику, принятую томским инспектором труда на основе санитарно-гигиенических норм санитарного бюро Томской губернской земской управы, а оно, в свою очередь, решило опереться на используемый в Германии порядок подсчета необходимого рабочему минимума калорий и витаминов для нормальной жизнедеятельности. Правда, при этом заручились документами сибирских врачебных организаций, подтверждавших достаточность энергетического содержания, входившего в минимальный объем продовольствия взрослого человека, рассчитанный для рабочих Германии¹¹². По германским нормам, 55% заработка должно было уходить на продовольственное обеспечение, а 45% – на одежду, обувь, бытовые нужды и жилье. Уездные комиссии обратили внимание на то, что этот алгоритм не соответствует суровым

¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-5000. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹¹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 46 об.; Д. 245. Л. 46 об.

¹¹¹ ГАНУ. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 415. Л. 25–26.

¹¹² Вестник Томской губернии. 1919. 29 янв.

сибирским условиям. Во-первых, структура питания здесь совершенно иная, и калорий требовалось значительно больше, причем обеспечивать их следовало за счет более высокой доли мясных продуктов. Во-вторых, длительный зимний сезон требовал значительных затрат на теплую одежду и обувь, отопление и освещение жилых помещений. Отмечали также относительно высокую, в сравнении с европейской, стоимость бытовых услуг. В результате в Министерство труда посыпались предложения откорректировать состав продуктовой корзины, увеличить долю непродовольственных товаров и услуг.

Местные инспекторы труда отметили также трудность объективного подсчета прожиточного минимума даже при строгом соблюдении утвержденной формулы. В одних местах комиссии подошли к своей задаче формально, произвели подсчет на основании цен, предоставленных местной городской управой, и пришли к выводу, что эта нехитрая процедура не требует никаких межведомственных согласований. Поэтому, например, из Иркутска уже 13 сентября 1919 г. инспектор труда инженер А.П. Слугинов сообщил, что, однажды отладив механизм, не видит больше смысла собирать комиссию¹¹³. Но во многих уездных и губернских городах члены комиссий обеспокоились тем, что продовольственные управы и кооперативы сообщали одни цены, а на рынке господствовали совершенно другие. Разница могла быть двукратная. Уездные комиссии принимали за основу разные варианты исчислений, в том числе иногда пускались в изучение степени дефицитности того или иного товара, доли вероятности его приобретения городскими обывателями в продовольственной лавке или у спекулянтов. В Красноярске предприняли подсчет среднего арифметического существующего на рынке разброса цен. При этом сделали оговорку, что средняя – не значит самая доступная цена. Некоторые товары, входившие в обязательный продовольственный набор, исчезали из продажи. Министерство труда разрешило производить подсчет прожиточного минимума, заменяя продукты, отсутствовавшие на рынке, похожими, с близким числом калорий¹¹⁴. Ржаную муку заменяли более дорогой пшеничной, перловку – гречкой и т.д. Но иногда и их нечем было заменить, и эти продукты либо не фигурировали в подсчетах вообще, либо учитывались по старой цене. В результате приходили к тому, от чего старались уйти – при общей формуле перевода продовольственного набора в прожиточный минимум его подсчет даже в городах с примерно одним уровнем цен сильно зависел от субъективного фактора – мнения членов комиссий, влияния на нее отдельных организаций.

Несмотря на множество нареканий, система повсеместного вычисления прожиточного минимума заработала с сентября 1919 г., и даже после свержения колчаковской власти инспекторы труда по инерции продолжали определять его уже при большевиках до конца 1919 г.

¹¹³ ГАНО. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 420. Л. 46–47.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 67. Л. 39 об.

Примечательно, что статистические службы собрали сведения о динамике цен по губернским центрам Сибири, позволяющие реконструировать изменения прожиточного минимума с июля 1918 г.¹¹⁵

Попытки разрешить проблему общей индексации заработной платы в конце лета – осенью 1919 г. совпали с необходимостью скорректировать нормы выплаты эвакуационных пособий. Летом 1919 г. «белые» были вынуждены оставить Урал. Впервые эвакуировались не только служащие, но и промышленные предприятия со штатом рабочих. По данным Н.И. Дмитриева, из восьми предприятий вывезено оборудование, эвакуирована значительная часть инженеров и техников и небольшая часть рабочих¹¹⁶. Рабочие Курганского казенно-лудильного завода эвакуировались на восток, так как альтернативой эвакуации был почти поголовный призыв в армию. В ряде случаев рабочие эвакуировались, опасаясь мобилизации в РККА после прихода «красных»¹¹⁷. Спустя несколько месяцев после эвакуации уральских заводов вокруг нее стал складываться различный нарратив по разные стороны фронта. Противники большевиков в своей документации и позже в мемуарных текстах писали о паническом страхе персонала заводов перед большевиками, о добровольной и массовой эвакуации. В советском лагере с первых дней стали множиться описания насильственного увоза заводского персонала и массовом сопротивлении¹¹⁸. Документы колчаковской контрразведки подтверждают нежелание большинства уральских рабочих эвакуироваться, но свидетельствуют о бегстве от «красных» за Урал крестьянского населения «многоземельных» волостей и башкир¹¹⁹.

Эвакуация региона не была подготовлена должным образом и сопровождалась значительными срывами, в том числе в материальном обеспечении служащих. Уральские события показали несоответствие правовой базы реальным требованиям по эвакуации государственных и иных учреждений, а также выявили необходимость заранее прилагать усилия организационного характера и сконцентрировать материальные ресурсы на случай дальнейшей эвакуации. Созданной решением Совета министров от 15 июля 1919 г. специальной комиссии вменялось в обязанность подготовить эвакуацию семей правительственных служащих на восток и районы для их

¹¹⁵ См. подробнее: *Рышков В.М.* Прожиточный минимум городского населения ...; *Рышков В.М.* Продовольственный рынок Сибири во второй половине 1918 – 1919 г.: пространственные и отраслевые модели // Исторические вызовы и экономическое развитие России: всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 461–465.

¹¹⁶ *Дмитриев Н.И.* Белогвардейская эвакуация промышленности Южного Урала // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 50; *Дмитриев Н.И.* Златоустовский завод при белогвардейцах // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 131.

¹¹⁷ Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): сборник документов. Екатеринбург, 2019. С. 40, 49.

¹¹⁸ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 126. Л. 143, 151–152; *Кобзов В.С., Шведов И.В.* Урал в период потрясений 1917–1921 годов. Челябинск, 2017. С. 158–159. (См. также: *Голубцов В.С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923). М., 1975; *Гараев Г.Г.* Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). Томск, 1984).

¹¹⁹ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 27–28, 46.

приемки, обеспечить технически перевозку людей и имущества. Было принято решение, чтобы чиновники, оставленные в столице, но эвакуировавшие свои семьи на восток, также получали эвакуационное пособие. Сам вывоз семей произвели за счет государства¹²⁰. По положению об эвакуации от 20 августа 1914 г. все эвакуировавшиеся служащие получали от казны суточные на себя и членов семьи на время эвакуации и компенсацию расходов на проезд. 5 сентября 1919 г. Совет министров постановил выдавать в дополнение еще и двухмесячный оклад, пособие в размере месячного оклада, причем как самому эвакуирующемуся чиновнику, так и его семейству, если оно эвакуируется отдельно. Правда, все пособия решено было считать от окладов, существовавших до 1 августа 1919 г.¹²¹ В результате некоторые эвакуированные в Иркутск семейства в конце октября вернулись в Омск, объясняя это дороговизной жизни в Восточной Сибири¹²².

При наличии средств часть причитавшихся на эвакуацию выплат власти старались выдать на месте. Эвакуировавшиеся летом–осенью 1919 г. служащие должны были по прибытии на место зарегистрироваться в отделении милиции и подать прошение о прикомандировании его к местному учреждению того ведомства, к которому они принадлежали. Там им выдавали оставшиеся эвакуационные деньги и резервное содержание. Служащие Министерства народного просвещения должны были до конца учебного года получать свою полную заработную плату. На эвакуированных распространялись пособия на дороговизну, выдаваемые на основании постановления Совета министров от 9 мая 1919 г., и процентные надбавки начислялись им наряду со штатными служащими¹²³.

Особо оговаривалась ситуация с теми служащими, кто не пожелал эвакуироваться. Им предлагалось либо перейти на службу в другое, не эвакуируемое учреждение, либо уволиться с выдачей двухмесячного пособия. Принудительная эвакуация не применялась¹²⁴. Причем независимо от того, выезжал ли глава семейства вместе с семьей или оставался отбывать свои обязанности, семейству выдавалось эвакуационное пособие¹²⁵. Совет министров вновь признал заслугу земских и городских работников по несению государственных обязательств военного времени. Недаром сентябрьское постановление предписало выдачу эвакуационных пособий служащим земских и городских органов наряду с государственными чиновниками¹²⁶.

Жалованье за период следования к месту эвакуации полностью сохранялось, и его должны были выплачивать сразу после начала работы на новом месте. Наконец, постановлением Совета министров от 3 ноября 1919 г. пересмотрели размер эвакуационного пособия. Для одиноких

¹²⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 138–138 об.

¹²¹ Там же. Л. 156–156 об.

¹²² Сибирская жизнь. 1919. 2 нояб.

¹²³ Русская армия (Омск). 1919. 14 авг.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 152 об.

¹²⁵ Там же. Л. 104 об.

¹²⁶ *Мышанский А.А.* Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 167.

служащих правительственных учреждений его установили в размере месячного оклада, семейных – двухмесячного. А остающимся на месте следовало выдать четырехмесячный оклад¹²⁷.

Далеко не всегда постановления об эвакуационных выплатах выполнялись. Например, готовя в сентябре 1919 г. эвакуацию учреждений Березовского уезда, местные власти задним числом оформили увольнение со службы с 20 августа 1919 г. всех отказавшихся от эвакуации¹²⁸. В декабре 1919 г. находившееся в Иркутске Российское правительство распорядилось, чтобы отказавшиеся от эвакуации служащие удовлетворялись окладом по день эвакуации учреждения, в котором они работали. Вместо проездных денег эвакуирующимся выдавались деньги на аренду и приспособление к проезду теплушек – по 7 тыс. руб. на теплушку, а в пути расходы оплачивались по мере надобности распоряжениями местных управляющих казенной палатой – весьма зыбкий вариант получения денег¹²⁹.

Огромное финансовое бремя навалилось на казну в связи с необходимостью содержать огромную армию эвакуированных. К тому же при сокращении территории, находившейся в управлении Российского правительства, рассчитанный на всероссийский масштаб и совершенно излишний в условиях отступления штат чиновников центральных учреждений стал не нужен. Данное обстоятельство заставило задуматься о путях сокращения государственного аппарата. С 25 августа в министерствах приступили к работе комиссии по сокращению штатов¹³⁰. Им было поручено разработать план слияния департаментов и объединения канцелярий. 12 сентября 1919 г. междоуведомственная комиссия по вопросу о сокращении штатов, действовавшая при Министерстве труда, предложила существенные структурные преобразования центрального аппарата, приуроченные к эвакуации. Например, из 14 департаментов Министерства земледелия оставляли 6. Из 6659 должностей комиссия предложила сократить 2564, или 38%¹³¹. При этом сокращаемым чиновникам предложили выдать не заштатное содержание, а единовременное двухмесячное пособие, которое следовало рассчитать по окладам, существовавшим до 1 августа 1919 г., т.е. в 2,5–3 раза более низким, чем действовавшие на момент сокращения¹³².

Как и при отступлении на Урале, в Сибири объявление об эвакуации затягивали до самых крайних сроков, скрывая от населения положение на фронте, оттягивая и принятие некоторых непопулярных, связанных с эвакуацией мер. Только 28 октября 1919 г. было принято решение о начале планомерной эвакуации правительственных учреждений в Иркутск. При этом сочли необходимым сократить на 2/3 штаты центральных учреждений. Эвакуационное пособие решили

¹²⁷ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 3.

¹²⁸ *Цысь В.В.* Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005. С. 151.

¹²⁹ Сибирская жизнь. 1919. 10 дек.

¹³⁰ Русская армия. 1919. 26 авг.

¹³¹ Там же. 16 сент.

¹³² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 108–109 об.

выдавать на основании новых, увеличенных троекратно, окладов. Половину выдавали в Омске, остальное в Иркутске. Причем размер пособия увеличили до четырехмесячного оклада. Срок разгрузки столицы установили в 7–10 дней, оттянув давно готовившуюся эвакуацию на начало ноября, за неделю до прихода Красной армии¹³³. Приехавший в Омск в ноябре Вс. Н. Иванов делился впечатлениями, что лексикон «служилого элемента» был наполнен тремя терминами: эвакуационные, ликвидационные, очередь отъезда¹³⁴.

Через месяц, 28 ноября 1919 г., главнокомандующий генерал К.В. Сахаров отдал приказ об эвакуации Барабинска, Барнаула, Бийска, Новониколаевска¹³⁵. Уже находясь в Иркутске, 12 декабря 1919 г. Совет министров распорядился выдать четырехмесячный оклад всем эвакуирующимся из местностей восточнее Омска. Но эти деньги зачитывались взамен полагавшегося служащим по постановлению от 5 сентября 1919 г. эвакуационного пособия¹³⁶.

В действительности служащим многих учреждений производили только частичную выдачу эвакуационных пособий и выплат, иногда совершенно не успевали выделить средства. Даже начинаясь вполне планомерно, эвакуация становилась хаотичной в пути из-за плохой работы транспорта. До места назначения служащие и их семьи прибывали разрозненно. Подчас и вовсе не могли отыскать друг друга и свое начальство. Нередко даже министерства не обладали информацией о том, куда эвакуировалось то или иное подведомственное им учреждение или где место сбора его служащих, циркулярно запрашивая сведения о своих исчезнувших губернских и уездных подразделениях¹³⁷. Где уж тут было выплачивать пособия, суточные и прогонные за эвакуацию? Часто начинался спор между ведомствами или даже внутри одного ведомства, кому выплачивать деньги – организующей эвакуацию стороне или принимающей. Такая бюрократическая дискуссия могла тянуться месяцами, а люди оставались без денег. Между ведомством и самими эвакуированными служащими тоже возникали сложные бюрократические препоны. Например, руководитель учреждения мог выдавать эвакуационное пособие только при наличии аттестата о службе. Но при спешной эвакуации Урала у большинства прибывавших такого документа не было¹³⁸. Впоследствии процедуру упростили, когда разрешили эвакуированным учреждениям составлять списки служащих с указанием причитающихся выплат. Это позволило не требовать с отдельных чиновников множество документов. Но подчас в эвакуационных выплатах отказывали по той причине, что эвакуированные прибыли на место неожиданно и не могли быть немедленно поставлены на денежное довольствие. В результате масса прикамских и уральских служащих,

¹³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 213–214 об. См. также: Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 586–587.

¹³⁴ *Иванов Вс.* В гражданской войне (Из записок омского журналиста). М., 2017. С. 37.

¹³⁵ Сибирская жизнь. 1919. 3 дек.

¹³⁶ Правительственный вестник. 1919. 19 дек.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 18.

¹³⁷ ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 68–68 об.; Сибирская жизнь. 1919. 7 окт.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. Р-4669. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–23 об.

оказавшихся в августе 1919 г. в Сибири, получили последнее жалование в июне и вынуждены были неделями обивать пороги различных учреждений. Особенно сложным оказалось материальное положение семей служащих, добровольно ушедших или призванных в армию. По закону они тоже подлежали эвакуации, но получали за военнотружущего только разницу между его служебным и воинским окладом и не имели права на эвакуационное пособие. Отказываться же от эвакуации было опаснее, чем семьям других служащих, ведь их мужья, отцы и дети служили в колчаковской армии, многие добровольно¹³⁹.

Летом–осенью 1919 г. многим учреждениям пришлось эвакуироваться по два и три раза на новое место, каждый раз перемещаясь все дальше и дальше на восток. Почти не разработанным в законодательстве остался вопрос о том, как оплачивать подобное кочевание с места на место. Из инструктивных материалов видно, что если учреждение находилось на одном месте более двух месяцев, то это считалось новой эвакуацией, если же нет, то новые пособия не выплачивались, но кратковременное пребывание на месте оплачивалось суточными и считалось продолжением пути. При повторной эвакуации выдавалось сокращенное эвакуационное пособие – месячный оклад семейным и двухнедельный несемейным¹⁴⁰.

Казалось бы, правительство своевременно подготовило нормативную базу для вероятной эвакуации дальше на восток, проявило немалую заботу о служащих. Но нескорректированность организационных усилий делала социальные гарантии во многом декларативными. Лидеры Российского правительства в своем стремлении смягчить служащим издержки эвакуации весьма плохо взвешивали свои финансовые возможности. За одну только осень–зиму 1919 г. они неоднократно отменяли только что установленные эвакуационные выплаты и вводили новые. С самой эвакуацией опять затянули, и многое из подготовленного заранее оказалось тщетным. Своевременность выдачи денег на эвакуацию подчас зависела от случайных обстоятельств, план перевозки учреждений и организаций был нарушен. Служащие государственного аппарата в большинстве своем претерпели громадные материальные лишения. Лишь элитные государственные учреждения были перевезены в Иркутск заранее и с максимумом удобств¹⁴¹.

Нельзя не отметить, что подобные проблемы возникали и на других территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам. Оставление территорий всегда оборачивалось масштабной трагедией для правительственных служащих.

После многомесячной трагичной эвакуации на восток начало 1920 г. принесло государственным служащим новые проблемы. Основная часть из них после начала антиколчаковского

¹³⁹ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028, Л. 56–58, 32–32 об.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 365. Л. 92–92 об.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5000. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

¹⁴¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2007. С. 558–559; Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 213–215; Руднев С.П. При вечерних огнях. С. 290.

восстания в Иркутске осталась без работы. Все они должны были получать жалование и эвакуационные пособия. Возник вопрос – кто должен выполнять финансовые обязательства свергнутого правительства. Существовала другая животрепещущая проблема – новая политическая ситуация делала излишней огромную армию чиновников. Политический центр 11 января 1920 г. с первых дней своего существования провозгласил, что видит одну из главных своих задач в сокращении штатов «бутафорских всероссийских министерств и центральных учреждений свергнутого правительства адмирала Колчака <...>, оставив на службе лишь самое необходимое их число для текущей работы и в объеме, соответствующем территории, на которую распространяется деятельность Политического центра»¹⁴².

На этот раз государственные служащие заняли более активную позицию и не желали допускать, чтобы их материальные интересы приносили в жертву политической целесообразности. Они не стали пассивно ожидать результатов деятельности комиссий по сокращению штатов. Во вторую неделю января в министерствах прошли собрания служащих. Они выдвинули делегатов для переговоров с правительством об условиях сокращения министерств или продолжения работы при новом режиме. Быстро организовался и начал проявлять активность профессиональный союз служащих правительственных учреждений¹⁴³.

Результат переговоров не замедлил сказаться. Всем увольняемым обещали выплатить причитающуюся по день увольнения заработную плату и заштатное содержание в полном объеме. Но со свойственным Политическому центру социальным реваншизмом текст постановления содержал особую оговорку. Высокопоставленные чиновники, занимающие должности I–IV классов, и лица, привлеченные к ответственности следственными комиссиями, не имели права на получение заштатного пособия. Более того, министры, главноуправляющие и их товарищи считались уволенными с 27 декабря 1919 г.¹⁴⁴

Следует учитывать, что общественные настроения в Иркутске к тому времени до предела накалились. В городе шли аресты бывших колчаковских министров и руководителей ведомств. 7 января 1920 г. была образована Чрезвычайная следственная комиссия¹⁴⁵. В умах общественности господствовала идея призвать к ответу не только членов Российского правительства, но и руководство отдельных ведомств. Потому для чиновников высоких рангов обращение с просьбами о выплате заштатного пособия было далеко не безопасным шагом.

Но все же не настроения общественности определяли позицию Политцентра. В тот же день, 11 января 1920 г., чтобы избежать протеста чиновников, Политцентр утвердил постановление, определяющее заработную плату в январе 1920 г. в размере, двукратно превышающем выплаты

¹⁴² Бюллетень информационного бюро Политического центра (Иркутск). 1920. 13 янв.

¹⁴³ Свободный край (Иркутск). 1920. 13 янв.

¹⁴⁴ Бюллетень информационного бюро Политического центра. 1920. 17 янв.

¹⁴⁵ Там же. 13 янв.

предыдущего месяца. Причем считались не оклады, а вся сумма выплат, включая надбавки за дороговизну¹⁴⁶. 12 января 1920 г. Политический центр, учитывая тяжелое материальное положение служащих правительственных учреждений, распорядился выдать им жалованье до 20 января, не дожидаясь начала следующего месяца¹⁴⁷. Но инфляция была такова, что двукратное повышение уже не покрывало падение курса рубля и не позволяло выживать низкооплачиваемым категориям служащих. 13 января 1920 г. Политцентр принял еще одно важное уточнение, по которому январские зарплаты должны быть не менее 5 тыс. руб.¹⁴⁸ Практически это было утверждением временно действовавшей минимальной оплаты труда чиновников. Очевидно, введение этого минимума «подравнивало» существовавшую прогрессию ставок, сближая заработки чиновников низших и средних классов. 18 января 1920 г. условия увольнения были еще больше смягчены. Увольняемые служащие получали заштатное пособие в размере всей совокупности месячных январских выплат. Более того, по особым ходатайствам (постановление не уточняло, чьим) пособие могли получать и служащие I–IV классов¹⁴⁹.

Политцентр позаботился и о тех, кто оставался на государственной службе. Помимо заработной платы, повышенной в январе двукратно по сравнению с декабрьской, постановлением от 12 января 1920 г. вводился пятитысячный минимум, который выплачивался всем, чьи выплаты на основе окладов оказывались ниже. Кроме того, вводилось единовременное пособие за январь. Чем ниже был оклад, тем большую долю от него составляло пособие. Для низкооплачиваемых категорий оно должно было составить 2,5 оклада, для высших – 0,5 оклада. Служащим ведомства путей сообщения, подразделявшимся не на классы, а на категории, установили четко фиксированную сумму пособия, которая колебалась от 3500 до 5900 руб.¹⁵⁰

Центральная власть успела также установить новые оклады высшим служащим – членам Политического центра, уполномоченным ведомств и их заместителям, членам Юридического совещания, следственных комиссий и др. – по 12 тыс. руб.¹⁵¹ Здесь господствовала полная уравнительность, всем предусмотрели одинаково высокую зарплату.

Вопрос о пределах сокращения штатов обсуждался в эти дни на междуведомственном совещании. Его участники в первое время решили определить масштаб сокращения каждого ведомства в пропорциональном измерении: Министерство финансов – на 60%, земледелия – на 80, юстиции – на 50, путей сообщения – на 75%. Служащих, работавших в Иркутске, сокращения должны были затронуть не так сильно ввиду того, что не все учреждения эвакуировались в Иркутск. Некоторые остались в Омске или отправились в Читу, во Владивосток, другие задержались

¹⁴⁶ Там же. 13 янв.

¹⁴⁷ Там же. 17 янв.

¹⁴⁸ Свободный край. 1920. 16 янв.; Дело (Иркутск). 1920. 13, 14 янв.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–18 об.; ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–29 об.

¹⁵⁰ ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

¹⁵¹ Там же. Л. 65.

в пути. Их в первую очередь и затронули сокращения. Служащим давалось до двух недель на составление отчета, после чего принималось окончательное решение персонально об оставляемых и увольняемых чиновниках и структуре будущих центральных ведомств. Таким образом, увольнения планировалось осуществлять только с февраля 1920 г. Отдельные ведомства, например, народного просвещения, пришлось не сокращать, а, напротив, доукомплектовывать. Причина состояла в задуманной Политцентром реорганизации – все профессиональные учебные заведения, находившиеся ранее в управлении различных министерств, срочно решили передать в распоряжение одного ведомства¹⁵².

Конечно, решая вопрос о сокращении штатов, Политцентр не мог не заботиться о том, как избежать протестов. Идти на поводу у чиновников было опасно по двум причинам. Во-первых, созданием «Чрезвычайной следственной комиссии о лицах, принадлежавших к составу Совета министров, и о лицах учреждений свергнутого правительства Колчака» новоявленное правительство взяло на себя роль карающего меча правосудия. В глазах народа государственный аппарат был соучастником колчаковских преступлений, и иркутская пресса старалась усилить негативный образ свергнутого режима. Проявлять мягкость к его опоре на глазах у всех было опасно. Во-вторых, брать на себя непомерные финансовые обязательства перед сокращаемыми служащими тоже не входило в планы политиков, предполагавших остаться некоторое время у руля власти. Поэтому решение о полном расчете всех увольняемых по сокращению штатов распространялось на служащих, эвакуированных со своими учреждениями из европейской части страны и из Западной Сибири, но только при условии, что в ближайшее время их реэвакуация в места выезда невозможна. Стремясь заключить перемирие с советской властью, Политцентр рассчитывал организовать обратный вывоз чиновников, сняв с себя бремя расчетов с ними по старым долгам казны и отказавшись от дальнейшего содержания людей, находившихся почти на положении беженцев. Рассматривался и другой вариант – переправка при помощи союзников увольняемых служащих на другую сторону Байкала, в «царство Семенова». Остальным уволенным предлагалось организоваться в трудовые артели. Любопытно, что служащих собирались дифференцировать по политической лояльности. Увольнительное пособие предлагалось выплачивать только лицам, не опорочившим себя сотрудничеством с колчаковской властью¹⁵³.

В Восточном Забайкалье режиму атамана Г.М. Семенова также пришлось обеспечивать не только забайкальских государственных служащих, но и многочисленную рать чиновников и рабочих казенных предприятий, эвакуированных из Сибири. Уже в феврале 1920 г. верховному главнокомандующему докладывали, что дороговизна и неустойчивый рост цен не позволили регулировать зарплату служащим правительственных учреждений с помощью надбавок к

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2 об.; Свободный край. 1920. 14 янв.

¹⁵³ ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об.

действовавшим окладам. Требовалось изменение принципов формирования шкалы окладов. Но пока предлагалось обойтись временными паллиативами в виде усиленных надбавок, выдаваемых несколько раз в месяц¹⁵⁴. Рост цен на протяжении первого полугодия был настолько высоким, что если в январе и феврале 1920 г. к утвержденным осенью 1919 г. окладам пришлось выдать пособие в размере 100%, то в марте – 300%. В июне решение о надбавках принималось пять раз, причем размер каждой надбавки определялся от 200 до 400%, а в сумме доплата составила в этом месяце 1800% от официально действовавших ставок¹⁵⁵. 15 марта 1920 г. Чита была признана в отношении окладов содержания служащих центральных правительственных учреждений городом внеурядным, что означало выплату им с 1 января 1920 г. 25% прибавки ко всем окладам и надбавкам, от них исчисляемым¹⁵⁶. Постановление Совета управляющих ведомствами № 1, утвержденное Г.М. Семеновым 12 июля 1920 г., предусматривало сразу выплату шестимесячного оклада¹⁵⁷.

В первой половине 1920 г. в Забайкалье и на Дальнем Востоке размер колчаковских окладов превратился в коэффициент, кратно которому в зависимости от уровня цен начислялась зарплата. Следовательно, при семеновском режиме в полной мере сложился новый механизм адаптации старой системы оплаты труда к менявшимся финансовым условиям. Но у служащих и рабочих оставалось чувство катастрофической нестабильности, так как размер оплаты зависел от финансовых резервов государственной администрации, а она шла на индексацию вынужденно, придерживалась минимально необходимого уровня. Поэтому служащие и рабочие поднимали вопрос о поиске иного, более стабильного способа пересчета старых окладов в зависимости от текущего уровня цен.

Сложное социально-политическое положение заставило семеновский режим пойти на некоторые уступки, как выяснилось, сугубо формальные, менявшие только букву правовых норм, но не существо дела. С 1 июля 1920 г. вступил в действие закон «Об установлении новой системы оплаты труда служащих правительственных учреждений Российской восточной окраины»¹⁵⁸. Отныне оплата труда служащих должна была базироваться на двух показателях: прожиточном минимуме и коэффициенте квалификации, произведение которых давало текущий размер оклада. Руководителям ведомств поручалось разработать таблицу окладов, учитывающий новую систему оплаты. Совершенно очевидно, что для этого требовалось полностью пересмотреть сетку окладов. Работа эта требовала много времени и не была завершена в связи с восстановлением в крае

¹⁵⁴ ГАЗК. Ф. 56. Оп. 6. Д. 84. Л. 51–52 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 51–52 об., 59, 64, 77, 92, 96, 98, 105, 120; Ф. 329. Оп. 1. Д. 28, Л. 86, 130, 223, 245, 252, 288, 298; Д. 50. Л. 66, 236–236 об.; 251–251 об., 301 об.; Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 29 февр., 17 марта; Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: сб. документов и материалов / сост. В.И. Васильевский. Чита, 2002. С. 70, 71, 76, 89.

¹⁵⁶ Вестник Забайкалья. 1920. 21 марта; ГАЗК. Ф. 56. Оп. 6. Д. 84. Л. 75; Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 104.

¹⁵⁷ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 306.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 355. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

советской власти. На август 1920 г. прожиточный минимум установили в 29 руб. золотом, в сентябре – уже в 40 руб. Но как потом оказалось, выдавать зарплату семеновскими бонами по курсу золотого рубля совершенно невозможно – краевая казна не имела достаточного запаса денежных знаков.

Любая индексация зарплат ложилась тяжким бременем на казну, практически не имевшую источников поступлений. Верховному главнокомандующему и его советникам сразу пришлось задуматься о кардинальном сокращении государственного аппарата. Первый шаг на этом пути был сделан, когда Г.М. Семенов 19 января 1920 г. объявил о новой структуре краевого управления, предусмотрев сокращение числа центральных ведомств. Но что было делать с эвакуированными чиновниками, не вписывавшимися в новую структуру?

Острейший бюджетный дефицит заставил и главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины Г.М. Семенова сыграть на пробелах нормативной базы Российского правительства. Постановление № 49 его помощника по гражданской части от 15 марта 1920 г. предписало прекратить выплату содержания эвакуированным правительственным служащим, мастеровым и рабочим казенных предприятий, не зачисленным в резерв на территории Российской восточной окраины. Они считались уволенными с 16 марта 1920 г. с выплатой заштатного двухмесячного пособия¹⁵⁹. Такое увольнительное вознаграждение формально соответствовало размерам, предписанным в законодательстве, но в условиях тогдашней инфляции, когда прибавки на дороговизну штатным служащим в несколько раз превышали оклады содержания, данная мера представляется жестким и циничным способом экономии бюджетных средств. В действительности уволенным за штат выплачивали полагающееся пособие постепенно. Например, эвакуированным учителям, формально уволенным с 16 марта, заплатили только один месячный оклад без надбавок в середине мая, обещая вторую часть пособия выдать по мере появления средств в казенной палате¹⁶⁰.

Уход из Восточного Забайкалья японцев и ожидаемое вследствие этого окончательное падение семеновского режима вновь актуализировали вопрос о сокращении штатов. Краевое народное собрание постановило организовать междуведомственную комиссию по сокращению штатов. Она работала почти целый месяц, намечая новую структуру регионального управления. 29 сентября 1920 г. Временное Восточно-Забайкальское народное собрание постановило с 1 октября 1920 г. уволить всех служащих, занимавших должности, намеченные этой комиссией к сокращению. Причем комиссия определила целые учреждения и структурные подразделения ведомств, подлежащие ликвидации¹⁶¹. Вопрос о порядке начисления заштатного содержания

¹⁵⁹ Вестник Забайкалья. 1920. 21 марта; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 102–102 об.; Ф. 56. Оп. 6. Д. 84. Л. 69.

¹⁶⁰ ГАЗК. Ф. 130. оп. 1. Д. 51. Л. 8, 19–20 об.

¹⁶¹ Вестник Временного Восточно-Забайкальского правительства (Чита). 1920. 20 окт.

уволенным еще предстояло разработать. Председатель Совета управляющих ведомствами распорядился завершить сокращение к 4 октября. Это вызвало резкий протест служащих государственных учреждений. Главной причиной стало не само сокращение, необходимость которого не вызвала сомнений, а поспешность и угроза, что новая власть откажется от социальных обязательств по обеспечению увольняемых служащих.

Как отмечала пресса, всегда спокойное и лояльное чиновничество после нескольких месяцев полуголодного существования в Восточном Забайкалье проявило удивительную солидарность и склонность к протестным действиям. 1 октября состоялось делегатское собрание союза служащих. Они потребовали отмены постановления об увольнении, создания смешанных комиссий с участием представителей от служащих для пересмотра перечня сокращаемых должностей и решения вопроса о заштатном вознаграждении. Нежелание власти идти на диалог привело к объявлению оригинальной формы забастовки: по решению профсоюза все уволенные служащие продолжали являться на работу¹⁶². Примечательно, что в ходе этих «брожений» среди семеновского чиновничества вдруг многие заявили себя давними тайными сторонниками советской власти, на этот раз провозгласив готовность служить ей явно в расчете на более стабильный заработок. Но чиновников, намеченных к сокращению, это не спасло. В конце октября газеты писали о нескольких сотнях семей служащих, в одночасье оставшихся без всяких средств к существованию, сетовали на непродуманность и несправедливость проведенных новой властью мер. Прикрываясь холодной рациональностью, Совет управляющих ведомствами утвердил увольнения, не считаясь с социальным фактором, не учитывая ни стажа, ни опыта работников, ни того факта, что в одних семьях имелись иные источники доходов, а в других все взрослые члены служили, и все они попали под увольнения¹⁶³.

В августе–сентябре 1920 г. гиперинфляция и резкое расхождение курсов денежных знаков поставило на повестку дня вопрос даже не о размере заработной платы, а о курсе ее исчисления. Выплачивалась она бонами («голубьями»), крайне непопулярным видом денежных знаков, в приеме которых отказывали даже на рынках и в магазинах. В августе рабочие и служащие Читы отказались работать в случае дальнейшей выплаты зарплаты неходовыми деньгами. Возникла угроза всеобщей забастовки. Поэтому в сентябре депутаты нового представительного органа поставили вопрос о необходимости производить пересчет зарплаты по эквиваленту золотого рубля. Но тут же выяснилось, что существует множество способов манипуляции курсовой стоимостью бонов. Так, для эвакуируемых в полосу отчуждения КВЖД служащих центральных учреждений семеновский Совет управляющих ведомствами обменивал бонны по 15 тыс. руб. Краевое народное собрание 4 сентября 1920 г. постановило осуществить выплату зарплаты золотом и

¹⁶² Забайкальская новь. 1920. 6 окт.; Наше слово (Чита). 1920. 3 окт., 7 окт.

¹⁶³ Забайкальская новь. 1920. 23 окт.

вычислять ее эквивалент, исходя из курса в 40 тыс. руб. бонами. Но уже в конце сентября 1920 г. депутаты Временного Восточно-Забайкальского краевого народного собрания, недавно сформировавшие собственное правительство и столкнувшиеся с тем, что семеновские власти при отступлении вывезли из Читы почти все золото, честно признали, что курс следует устанавливать исходя из наличия средств в казне, а не из рыночной стоимости «голубей». Для оплаты по курсу 40 тыс. руб. не хватало ни золота, ни запаса бонов. Поэтому 20 октября 1920 г. Совет управляющих ведомствами установил новую курсовую стоимость золотого рубля в 100 тыс. руб. «голубьями», обесценив семеновские боны в два с половиной раза¹⁶⁴. Причем уже выданную в августе часть заработной платы, посчитанной по старому курсу, следовало зачесть по новому, более низкому курсу¹⁶⁵. Таким образом, манипулируя курсом обмена, служащим перед увольнениями сократили объем выплат в твердой валюте.

Чем ближе было к концу «белой» эпопеи на востоке России, тем больше зарплаты выравнивались и становились похожи на социальные пособия для работающих. Данная тенденция легко прослеживается на всем протяжении существования восточной контрреволюции, но стала восприниматься как серьезная проблема на завершающем этапе Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Хронологически последним действием Российского правительства перед сдачей власти стало решение установить с 1 января 1920 г. в Приморье надбавки на дороговизну, в результате оклады увеличились в 6 раз, и служащий с базовым окладом в 15 руб. стал получать 1590 руб.¹⁶⁶

В Приморье 31 января 1920 г. к власти пришли умеренные социалисты, действовавшие в коалиции с большевиками. Региональная власть предусматривала установление минимальной заработной платы на уровне прожиточного минимума, строжайшее соблюдение восьмичасового рабочего дня, дальнейшее расширение системы социальных гарантий в виде пенсий, пособий по болезни и при увольнении. Регулирование трудовых отношений предполагалось передать органам местного самоуправления при определяющем влиянии профсоюзных организаций.

Реальная политика оказалась многообразнее готовых политических программ. Власти пришлось решать множество нештатных ситуаций. Тяжелое наследие колчаковского режима, обремененного на последнем этапе долгами по зарплате, усугублялось отсутствием средств в региональной казне. Вместо пересмотра принципов оплаты труда пришлось пойти по пути минимально возможной индексации окладов, разработанных еще в 1919 г. Во Владивостоке в феврале 1920 г. выдали трехмесячную надбавку к окладу, а служащим в других населенных пунктах области – двухмесячную¹⁶⁷. В марте 1920 г. решили авансом выдавать в размере февральских выдач

¹⁶⁴ Наше слово (Чита). 1920. 30 сент.

¹⁶⁵ Вестник Временного Восточно-Забайкальского правительства. 1920. 20 окт.

¹⁶⁶ Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1920. 17 янв.

¹⁶⁷ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920. 20 февр.

с тем, чтобы впоследствии произвести перерасчет по новой системе и выдать надбавки¹⁶⁸. В апреле этот прием повторили, но уже в размере 75% от выдач за март во Владивостоке и 60% – в других населенных пунктах, а позже выдали надбавку за январь в виде дополнительного месячного оклада (но не менее 6000 и не более 10 000 руб.)¹⁶⁹. Низкие ставки работникам образования решено было пересмотреть, а пока в качестве временной меры решили основываться на штатном расписании от 6 декабря 1918 г. и 27 марта 1919 г., выплачивая их в двадцатикратном размере¹⁷⁰.

Одновременно новая региональная власть задумалась о сокращении штатов как важнейшем механизме экономии государственных средств. 21 февраля 1920 г. бюро Финансово-экономического совета учредило ликвидационно-ревизионную комиссию для обследования правительственных учреждений и подготовки предложений по сокращению штатов. При этом штатное пособие увольняемым по сокращению урезали с двухмесячного до полуторамесячного¹⁷¹. Одновременно региональная власть озаботилась огромными накапливавшимися долгами по содержанию эвакуированных служащих различных ведомств. 20 июня 1920 г. Совет по народному образованию решил произвести перерегистрацию всех учителей и преподавателей и прибывших в Приморье, но не получивших работу перевести в резерв¹⁷². Однако исключение было сделано для учителей-беженцев из Николаевска-на-Амуре¹⁷³. Так, приморский режим делил лиц, нуждавшихся в социальном призрении, на своих и чужих, принимая социальные обязательства в отношении лиц, претерпевших трагедию на его территории.

19 февраля 1920 г. была учреждена Приморская областная палата труда, сформированная Приморской земской управой и профсоюзными организациями¹⁷⁴. Данное учреждение должно было обеспечить разработку и установление новых правил начисления заработной платы, основанных на прожиточном минимуме. 13 марта 1920 г. Временное правительство – Приморская областная земская управа утвердила новые правила исчисления прожиточного минимума. В его основе остался прежний продуктовый паек, использовавшийся для определения прожиточного минимума в Сибири в 1919 г. Но отныне его непродуктивная часть составляла 50%¹⁷⁵. Важнейшей новацией стало распространение нового порядка оплаты труда на все предприятия и учреждения, независимо от формы собственности. Ни одно предшествовавшее правительство не решалось обязать частных предпринимателей следовать единой с государством тарифной схеме.

¹⁶⁸ Там же. 21 марта.

¹⁶⁹ Там же. 4, 18 апр.

¹⁷⁰ Там же. 21 марта.

¹⁷¹ Там же. 29 февр.

¹⁷² Там же. 20 июня.

¹⁷³ Там же. 10 сент.

¹⁷⁴ Там же. 29 февр.

¹⁷⁵ Там же. 18 марта. Дискуссия о прожиточном минимуме и шкале зарплат, разработанной на его основе, продолжилась в Приморской областной палате труда и после принятия постановления (см.: Красное знамя (Владивосток). 1920. 20 марта).

Это было весьма обременительно для местной буржуазии и возлагало на всех нанимателей социальную ответственность за обеспечение достаточного уровня оплаты труда.

Лишь 18 апреля 1920 г. Приморская областная палата труда наконец выработала общие принципы нового порядка оплаты труда. Получилась весьма громоздкая система. Все наемные работники делились на 27 тарифных разрядов, причем палата труда предлагала и ориентировочный перечень разделения профессий и специальностей на разряды. На предприятиях и в учреждениях распределением своих рабочих и служащих на разряды ведали специально организованные расценочные комиссии. Низшие ставки не могли быть ниже прожиточного минимума, а все последующие увеличивались в четкой, заранее заданной пропорции.

22 апреля 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока утвердило ставки оплаты труда за февраль–апрель, основанные на исчислении прожиточного минимума. Для февраля–марта они составили от 6530 до 22 900 руб., для апреля – от 9800 до 25 200 руб. В дальнейшем они регулярно индексировались, хотя в некоторые месяцы их размер не пересматривался. В начале года разница между минимальным и максимальным тарифом составляла 3,5 раза, но уже в апреле шкалу прогрессии пересмотрели, сократив разницу до 2,5 раз. Это вызвало критику в прессе. Прозвучали опасения, что при сохранении такой тенденции зарплаты высококвалифицированных работников будут мало отличаться от минимальных ставок чернорабочих и это окончательно убьет стимул к труду¹⁷⁶. Словно реагируя на критику, в дальнейшем правительство зафиксировало трехкратную разницу. Все ставки исчислялись для Владивостока, а в других центрах они понижались на 10%. Динамика ставок оплаты труда, принятых Приморской областной палатой труда, представлена в Таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Заработная плата, утвержденная Приморской областной палатой труда в 1920 г.

Руб.

	Минимальная заработная плата	Максимальная заработная плата
Февраль	6530	22900
Март	6530	22900
Апрель	9800	25200
Май	15000	45000
Июнь*	300	900
Сентябрь*	25	125
Ноябрь	46,60	не определена
Декабрь	46,60	не определена

¹⁷⁶ Вечер (Владивосток). 1920. 30 апр.

Составлено по: Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 25 апр., 26 мая, 16 июня, 6 окт.; Владиво-Ниппо (Владивосток). 1920. 17 дек.

* Расценки скорректированы после проведения денежной реформы.

Но схема оплаты, внешне адаптированная к требованиям рабочих и служащих, не гарантировала поддержание оплаты труда на уровне прожиточного минимума. Напротив, острая нехватка бюджетных поступлений стала решающим фактором. Это приводило к сильным задержкам уплаты жалованья. В условиях инфляции двух-трехмесячная задержка зарплаты выхолащивала сам принцип привязки тарифов к прожиточному минимуму. После проведения денежной реформы в июне 1920 г. власти прекратили пересматривать прожиточный минимум, зафиксировав зарплату в твердом золотом эквиваленте. Но ее продолжали выдавать бумажными деньгами, а инфляция нарастала. Чтобы облегчить бремя государственного бюджета, для рабочих и служащих казенных учреждений и предприятий курс обмена рублей на золото объявлялся правительством. Фактически он был фиксированным, что замораживало реальную зарплату и делало ее зависимость от прожиточного минимума пустой формальностью. Зато для частных нанимателей заработная плата считалась по биржевому курсу обмена приморских денег на золото в день выплаты. В случае задержки зарплаты она должна была выплачиваться предпринимателями по курсу дня выдачи денег. Профсоюзы, в свою очередь, оставались мощным лоббистом повышения оплаты труда пролетариев. В частности, они требовали, чтобы оплата чернорабочего составляла полтора прожиточных минимума, от которого следовало отсчитывать тарификацию остальным работникам физического труда¹⁷⁷.

Очевидно, что в худшем положении находились наемные работники государства, зарплата которых искусственно занижалась. Частные наниматели, казалось бы, ставились в заведомо невыгодную ситуацию по сравнению с работодателями, представлявшими казну. Их обязали платить более высокие зарплаты, близкие к реальному прожиточному минимуму. Не всегда они были в состоянии выполнить возложенные на них обязательства. И все же частным образом нанятые рабочие и служащие находились в относительно сносных условиях по сравнению с занятыми в бюджетной сфере именно потому, что законодательство о пересчете зарплаты в зависимости от прожиточного минимума применялось к ним жестче.

Конечно, ухищрения правительства вызывали постоянное возмущение рабочих, и наиболее взрывоопасная ситуация складывалась на казенных предприятиях. Протест удавалось смягчить, только когда власти соглашались время от времени расплачиваться с рабочими набором продуктов. В арсенале рабочих и служащих появились новые требования: производить к тарифным ставкам доплату, компенсирующую разницу между официальным и рыночным курсом денег. По

¹⁷⁷ Красное знамя (Владивосток). 1920. 11 янв., 5 мая.

замыслу профсоюзов, ежемесячно изменяя размер этой надбавки, правительство могло восстановить принцип оплаты по прожиточному минимуму¹⁷⁸.

В мировой истории считается, что впервые закон о минимальном размере оплаты труда, установивший государственные нормы оплаты труда для занятости на предприятиях разных форм собственности, был принят администрацией Т. Рузвельта в 1938 г. Советский опыт при этом не учитывался, так как он предполагал полное нормирование всех тарифов заработной платы, но не базировался на подсчетах прожиточного минимума. Это вполне понятно. Для того чтобы в американском обществе утвердить минимальный размер оплаты труда, потребовались годы выхода из кризиса после Великой депрессии даже для такого богатого общества, как американское. Многие материальные блага, распределявшиеся в 1930-е гг. в СССР по номенклатурным спецпайкам, были доступны американским безработным, жившим на пособие¹⁷⁹.

В этом смысле опыт Приморья нельзя не признать уникальным. В то же время очевидно, что в семеновском Восточном Забайкалье прослеживались те же тенденции к унификации ставок оплаты труда во всех секторах, формированию единой жесткой тарифной системы. Но крах семеновского режима не позволил этой тенденции проявиться в своем завершенном виде. В Приморье, с одной стороны, ввели жесткую тарифную шкалу заработной платы, охватив ею всех наемных работников, как это делалось в Советской России уже в годы Гражданской войны, а с другой стороны, основали нижнюю границу этих тарифов на прожиточном минимуме. Но никакой реальной базы для принятия таких ответственных и нуждавшихся в материальном обеспечении решений у власти не было. Это было время катастрофического падения уровня жизни. Большинство предприятий находилось на грани остановки в силу бессмысленности продолжения нерентабельного производства и неспособности выплатить даже самую символическую зарплату своим работникам. Мировая практика доказала железную закономерность – галопирующей инфляции всегда сопутствует падение уровня занятости и рост безработицы¹⁸⁰. На фоне этих процессов попытка искусственного повышения зарплаты только усугубляла ситуацию на рынке труда. Впрочем, именно по причине несвоевременности таких мер они были выхолощены самим правительством в считанные недели.

Последние месяцы 1920 г. во Владивостоке отмечены массовыми увольнениями рабочих и служащих по собственному желанию. Конфликтный отдел Приморской областной палаты труда был переполнен жалобами на отказ работодателей выплатить увольняющимся заработную плату и выходные пособия, который был ничем не мотивирован, кроме элементарного отсутствия

¹⁷⁸ Владиво-Ниппо (Владивосток). 1920. 8, 17, 19 сент., 13 нояб.

¹⁷⁹ Осокина Е.А. «За фасадом сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 171–172.

¹⁸⁰ Экономика труда и социальные отношения / ред. и сост. Н.А. Волгин, Б.В. Ракитский. М., 1998. С. 17–19, 22–25.

средств¹⁸¹. Загнанные в угол тяжелыми условиями найма рабочей силы, некоторые предприниматели вынуждены были закрыть свои предприятия. В начале 1921 г. Приморское областное управление ДВР провело кардинальное сокращение штатов служащих, после чего, руководствуясь соображениями экономии средств, стали выплачивать половину жалованья йеной и серебром, а половину – денежными знаками¹⁸².

Пришедшее на смену социалистам в мае 1921 г. Временное Приамурское правительство, хотя и признало действовавший порядок начисления заработной платы неудобным, решило временно его сохранить. В июле 1921 г. ведомству труда Временного Приамурского правительства поручили подготовить материал для восстановления у служащих оплаты в зависимости от классов должности. Члены Совета управляющих ведомствами Временного Приамурского правительства несколько раз возвращались к проблеме регулирования заработной платы. Они признали совершенно нецелесообразным вмешательство в вопросы оплаты труда работников частных предприятий и учреждений, а деление работников на 27 разрядов – слишком громоздким и требующим упрощения¹⁸³. Однако гора родила мышь. Одним из первых мероприятий, проведенных под влиянием приморского торгово-промышленного класса, стало установление фиксированного прожиточного минимума для частных предприятий. Правда, 15 июня 1921 г. его определили в 36 руб. 48 коп. золотом, тогда как для работников казенных предприятий и учреждений прожиточным минимумом считались 20 руб. золотом. Новация оказалась на грани цинизма – для частных и государственных наемных работников правительство установило различный прожиточный минимум с почти двукратной разницей¹⁸⁴. На их основе разрабатывали две разные шкалы зарплат и публиковали в прессе отдельными строками, как для людей разного сорта. Несмотря на рост цен и многочисленные заявления отдела труда о необходимости пересмотреть действовавшие нормы, прожиточный минимум «для правительственных служащих и рабочих» подняли лишь в декабре (считался с октября) 1921 г. до 25 руб. золотом, тогда как для частных работодателей его опустили до 35 руб. золотом¹⁸⁵. Кроме того, разницу ставок высших и низших разрядов довели до 4,5 раза. В итоге под предлогом восстановления стимула к повышению квалификации увеличили зарплаты высокооплачиваемым работникам и сохранили на прежнем уровне для низкоквалифицированных. Других изменений в порядок, установленный свергнутыми предшественниками режима С.Д. Меркулова, так и не последовало.

Правительство искало и другие пути урезания расходов на содержание управленческого аппарата. Решения о сокращении штатов и ликвидации целых учреждений оказались

¹⁸¹ Владиво-Ниппо. 1920. 15 дек.

¹⁸² *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 413.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 4. Л. 80–82, 118.

¹⁸⁴ Там же. Д. 1. Л. 131–132.

¹⁸⁵ Там же. Л. 37–37 об.; Д. 2. Л. 127.

болезненными, долго готовились и стали предметом работы специальной комиссии. Ее учредили 29 октября и предложили принятые ею решения считать окончательными с 1 декабря 1921 г. Временно приходилось прибегать к выплате заработной платы в половинном размере отдельным категориям служащих¹⁸⁶. На фоне прогрессирующей безработицы среди бывших государственных служащих проблема приобретала все большую социальную остроту. В результате 30 июня 1922 г. было решено провести обследование всех правительственных учреждений и исключить службу двух и более человек из одной семьи¹⁸⁷. Таким образом, оплата труда государственных служащих теряла черты вознаграждения за труд и приобретала вид социального пособия.

Власти пришлось пойти и на дальнейшее урезание обязательств по обеспечению увольняемых служащих правительственных учреждений. Чтобы снизить расход казны, связанный с сокращением штатов, Временное Приамурское правительство постановило не выплачивать заштатное содержание тем, кто прослужил менее 3 месяцев, прослужившим от 3 месяцев до полугода – выдавать половину месячного оклада, от полугода до двух лет – месячный и только тем, чей стаж превышает два года – выдать полуторамесячный оклад, предусматривавшийся ранее российским законодательством¹⁸⁸.

В то же время внимательно рассматривались ходатайства о восстановлении в должности правительственных служащих, уволенных властью Приморской областной земской управы и областным управлением ДВР. Меркуловский режим был не в том финансовом положении, когда можно было взять на себя обязательства по оплате таким служащим вынужденную ежемесячную бездеятельность. 18 июля 1921 г. было принято решение о первоочередном принятии на службу таких людей при появлении вакансий, но без компенсации за вынужденную бездеятельность¹⁸⁹.

Правитель Приамурского земского края М.К. Дитерихс продолжил сокращение штатов центральных учреждений, что объяснялось сужением подконтрольной территории. Отпала необходимость во многих отделах и комиссиях. Но последний диктатор Приморья проводил сокращения осторожно, избегая громко заявлять, что в его программу входит увольнение за штат лишних чиновников. Тем не менее Совет внешних земских дел в конце августа – начале сентября 1922 г. активно занимался составлением табелей новых штатов и окладов по различным ведомствам. В земской думе действовала специальная комиссия под председательством князя А.А. Крапоткина, в которой велись жаростные дискуссии о том, в какой степени следует учитывать семейное положение служащих при решении вопросов о выработке будущих штатов¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Там же. Л. 46–49, 119, 136.

¹⁸⁷ Там же. Д. 3 а. Л. 42–44, 46–49, 134–136.

¹⁸⁸ Там же. Д. 1 Л. 129 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 112.

¹⁹⁰ Там же. Д. 10. Л. 3.

Конечно, все это свидетельствует об отсутствии у власти понимания реальной обстановки и дальнейших перспектив. Жить режиму оставалось месяц–полтора. Запланированные мероприятия остались нереализованными.

В завершение темы целесообразно выявить общие черты и коренные отличия в нормативном регулировании и практике оплаты труда служащих при большевистском режиме. С весны 1918 г. обозначилось стремление к созданию единой системы тарифов окладов, в выработке которых советское правительство явно шло в фарватере. При советской власти вопросы установления тарифов становятся предметом активного обсуждения на профсоюзных форумах, которые лоббировали уравнительность. Особенностью являлась централизованность советской тарифной политики и множественность согласовательных инстанций. Если судить по количеству принятых декретов, проблемы зарплат управленцев волновали советское правительство значительно меньше, чем тарификация зарплат рабочих. Темпы роста заработной платы рабочих были выше, чем служащих. На протяжении 1918 г. общей тенденцией стало выравнивание оплат. Но для высших ступеней советской службы делалось исключение – оклады устанавливали прямыми решениями СНК, не вписывая в общую шкалу. Необходимость использовать заработную плату в качестве стимула к производительному труду заставила в начале 1919 г. отойти от уравнительности и вновь установить дифференцированную оплату труда не только с помощью премий и сдельных надбавок, но и самих базовых окладов, разница в шкале которых составила 1:5. Все тарифы подразделялись на 35 разрядов, а территория России делилась на пояса в зависимости от продовольственного положения. Каждому поясу соответствовал свой коэффициент применения тарифов. В результате единая тарифная сетка устанавливалась для всей территории и всех профессий и квалификаций¹⁹¹. Продержалась она недолго. Падение производства и хаотичная, но очень интенсивная динамика межрегиональных цен сделала единую сетку тарифов бесполезной уже через пару месяцев. Ее сломали многочисленные местные и ведомственные надбавки, премии, натуральные бонусы¹⁹². Таким образом, в условиях глубокого финансово-экономического кризиса централизованное регулирование размеров выплат оказалось утопией и по-прежнему преобладала местная импровизация и усиленная бартеризация форм оплаты. Очевидно, что при кажущейся скромности результатов введения тарифных сеток на востоке России, в сравнении с масштабным советским экспериментом, они оказались ближе к экономической реальности, мягче по отношению к работникам и работодателям, в большей степени ориентировались на сохранение классических экономических стимулов.

¹⁹¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1919. № 15. Ст. 171, 172, 173, 177, 178.

¹⁹² Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс, 1918–1920 гг.: социально-политические изменения. М., 1974. С. 174–185.

После восстановления советской власти в Сибири в считанные месяцы была создана сложная система пайков и денежных компенсаций, являвшихся частью социальной политики. Только рабочие и советские служащие получали паек. С 22 сентября 1919 г. по 18 февраля 1920 г. в Сибири были аннулированы «колчаковские» денежные знаки, как общероссийского образца, так и местные. Но поступление общегосударственных советских денег в Сибирь удалось организовать далеко не сразу. Казалось бы, власть поспешила с этой финансовой мерой. Но нельзя упустить одну важную деталь. Рабочим и служащим выплачивалась небольшая компенсация, которая не зависела от утраченной ими суммы и таким образом уравнивала их материальное положение. Остальные категории населения никаких выплат не получали. Местные советские органы должны были тщательно следить за тем, чтобы компенсации не распространялись на «нетрудовые элементы», которых большевики стремились оставить без средств существования¹⁹³.

* * *

Формирование центрального и местного государственного аппарата стало одной из первых забот абсолютного большинства государственных образований, появившихся на востоке России. Даже те органы, которые не имели реальной возможности властвовать на определенной территории, если они обладали хоть какими-то материальными ресурсами, в первую очередь стремились обеспечить себе штат служащих центральных учреждений. Таковы были Временное правительство автономной Сибири и Деловой кабинет Временного правителя Д.Л. Хорвата. Комуч, Временное областное правительство Урала и Временное Сибирское правительство предприняли ряд мер по нормативному регулированию материального положения государственных служащих. Наиболее дифференцированную нормативную базу удалось создать Российскому правительству. В дальнейшем высшим органам региональной власти Восточной Сибири, Восточного Забайкалья и Приморья пришлось кардинально пересматривать эти нормы как в силу необходимости сокращения аппарата управления, так и из-за отсутствия ресурсов, позволявших выполнить принятые колчаковским правительством обязательства. Но лидеры каждого политического режима осознавали, что государственные служащие составляли его социальную базу, и проявляли повышенную заботу о них. В самых сложных ситуациях, при появлении любых ресурсов каждое правительство заботилось прежде всего о материальном положении собственных служащих. Потому данная социальная группа оказалась одним из важнейших объектов социальной политики антибольшевистских правительств.

Здесь проявлялась, с одной стороны, социально-сберегающая роль института государственной власти в лагере контрреволюции – пристальное внимание позволило на некоторое время

¹⁹³ Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области. Омск, 2014. С. 134, 141–142.

сохранить бюрократию от окончательного разложения и деклассирования. С другой стороны, раздутый аппарат ни на одном из этапов Гражданской войны не соответствовал объекту управления – малонаселенным окраинным регионам страны. Но по-другому быть и не могло. Издержки содержания такого штата государственных чиновников в конце концов через систему сеньоража перекладывалась на население. Относительно благополучное существование части государственного аппарата вызывало крайнее недовольство широких масс. Явление это, вполне закономерное в мировой практике¹⁹⁴, становится социально нетерпимым в условиях кризиса экономики и кризиса власти.

2.2. Материальное обеспечение военнослужащих

Во время войны одной из самых животрепещущих проблем любой власти становится материальное обеспечение военнослужащих. Ее пришлось решать всем правительствам, имевшим собственные вооруженные формирования.

Начало борьбы с советской властью нельзя считать благоприятным. Советское законодательство установило выплаты бойцам Красной армии в 50 руб. ежемесячно для одиноких и 150 руб. – для семейных, а с 17 июня 1918 г. проиндексировало выплаты на 100 руб. (150 и 250 руб. соответственно), с 1 марта 1919 г. – еще на 100 руб., с 1 августа 1919 г. – до 350 руб.¹⁹⁵ В РККА отсутствовало деление на офицеров и рядовых. С таким размером выплат в антибольшевистском лагере органам власти, практически не имевшим денежных поступлений, оказалось совершенно невозможно конкурировать. Не случайно в дальнейшем сохранялись стойкие представления о баснословных заработках красноармейцев (с набитыми деньгами карманами).

В Сибири еще до начала регулярной работы Западно-Сибирского комиссариата военно-революционный штаб Временного Сибирского правительства в качестве революционной инициативы принял решение, согласно которому правительство принимало на себя обязательство выплачивать зарплату всем мобилизованным в армию в размере прежнего оклада, а добровольцам гарантировало сохранение прежних должностей после возвращения из армии¹⁹⁶. Такие беспрецедентные социальные льготы ни одно из антибольшевистских правительств не смогло реализовать на практике.

Нормативно закреплена оказалась более умеренный «пакет» социальных гарантий. В соответствии с приказом Комуца № 163 от 29 июля 1918 г., постановлениями Западно-Сибирского

¹⁹⁴ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 255–260; Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: пер. с англ. М., 1993. С. 65–66.

¹⁹⁵ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 440; Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 444–445; Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 394.

¹⁹⁶ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 33; Временное Сибирское правительство ... С. 40.

комиссариата от 26 июня 1918 г. и Административного совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 г. призванные на военную службу и поступившие на нее добровольно из правительственных учреждений имели право занять прежнюю должность после возвращения из армии. Принимать новых сотрудников на освобождавшиеся должности можно было только временно¹⁹⁷. Кроме того, предприятие или учреждение, откуда военный служащий был призван или отправился служить добровольно, должно было оказывать ему материальную помощь. Но ни в одном из этих нормативных актов ничего не говорилось об обязательствах негосударственных учреждений и предприятий.

По приказу Комуча № 94 от 8 июля 1918 г., если трудовой стаж призванного или добровольно ушедшего в армию работника на данном предприятии был менее трех месяцев, ему выплачивался двухнедельный заработок, если более – то месячный¹⁹⁸. Специальное дополнение и разъяснение адресовало всем правительственным, частным и общественным учреждениям, что выходные пособия должны выдаваться сразу по призыву или добровольному поступлению на службу¹⁹⁹. Постановление Временного областного правительства Урала от 10 сентября 1918 г. обязывало работодателей выплатить мобилизованным в армию или поступившим в нее добровольно пособие в размере одно-, двухмесячного заработка (в зависимости от стажа)²⁰⁰. В Прикамье рабочие соглашались на мобилизацию при условии, что за призванными будет полностью сохранен оклад. Центральный рабочий комитет Сарапула, например, его выплату решил отнести за счет государства. Но реакции высших органов власти на это решение, естественно, не последовало, и постановление рабочих так и осталось ничем не подкреплено²⁰¹. 9 сентября 1918 г. Прикамский комитет членов Учредительного собрания разъяснил, что всем мобилизованным рабочим заводоуправления должны выплачивать 14 руб. в день, причем в месяце полагалось считать 30 рабочих дней. При этом на руки призванному выдавали 2/3 оклада, а 1/3 зачислялась в особый резервный фонд, из которого деньги могли быть выданы только после получения денежного подкрепления на эти цели от Комуча²⁰². Принятые решения способствовали формированию достаточно крупных вооруженных сил. Их численность исследователи определяют в диапазоне от

¹⁹⁷ Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (далее: Вестник Комуча. – В.Р.) (Самара). 1918. 1 авг.; Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата (Омск). 1918. № 1. Ст. 20; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 22. Ст. 197; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 30; Вып. 3. С. 382; Западно-Сибирский комиссариат ... С. 147; Временное Сибирское правительство ... С. 89, 594; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 2. С. 52.

¹⁹⁸ Приказы Комуча. С. 63; Оренбургский вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания [далее: Оренбургский вестник Комуча. – В.Р.]. 1918. 7 авг.; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 1. С. 215.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 1. Л. 59. См. также: Вестник Комуча. 1918. 8 авг.

²⁰⁰ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 3. Ст. 15; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения): сб. документов. Тверь, 1999. С. 102.

²⁰¹ Прикамье (Сарапул). 1918. 5 сент.

²⁰² Там же. 2 сент., 24 сент.

6 тыс. до 20 тыс. чел., но наиболее взвешенной оценкой следует считать данные А.А. Кареевского – 15 тыс. чел.²⁰³

Сибирское законодательство, распространенное с ноября 1918 г. на весь восток России, предусматривало постоянную выплату разницы между воинским окладом и прежним жалованьем. Принятое 26 июня 1918 г. постановление Западно-Сибирского комиссариата предлагало учитывать не весь объем денежных выплат, а только жалованье и квартирные. Закон не упоминал различий между предприятиями разной формы собственности. На практике частные и кооперативные предприятия нередко ставили вопрос о том, что для них эта норма не является обязательной, и выплаты, которые они производят, не могут жестко регламентироваться, так как они добровольные. Кроме того, это постановление имело в виду добровольческую армию и не распространялось на мобилизованных, следовательно, осенью 1918 г. затрагивало лишь небольшую часть военнослужащих²⁰⁴. Нужно отметить, что значительная часть земских, кооперативных, да и отдельные частные предприятия выделяли средства на такие доплаты²⁰⁵. В прессе появлялись разъяснения, однозначно и четко трактовавшие все непонятные места данного постановления. Говорилось, в частности, что под воинским содержанием понимается не только жалованье, но и квартирные, а также получаемый семьей сторублевый паек. Под гражданским содержанием – вся совокупность постоянных выплат (жалованье, столовые, квартирные). Причем обязанность доплачивать разницу между гражданским и воинским содержанием возлагалась на все учреждения и касалась не только добровольцев, но и мобилизованных²⁰⁶. Но существовавшая нормативная база не давала поводов для таких однозначных трактовок и требовала корректировки.

Совет министров Российского правительства 28 января 1919 г. признал правовой вакуум в этой сфере, поручив военному министру решить, обязаны ли все или только казенные предприятия и учреждения выплачивать разницу между гражданским и военным окладом и должно ли военное ведомство компенсировать эти расходы²⁰⁷. В принятом 25 февраля 1919 г. Положении о службе добровольцев провозглашалось, что добровольцу должна выплачиваться разница между окладом содержания на старой службе в гражданском ведомстве и новым воинским содержанием²⁰⁸. По смыслу текста следовало, что это правило распространяется только на казенные учреждения (ведомства). Негосударственные работодатели могли принять на себя подобные

²⁰³ Каревский А.А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. // Ижевско-Воткинское восстание. М., 2000. С. 9; Ренев Е.Г. Ижевская народная армия по мобилизационным моделям // Глобальный научный потенциал. История, философия, социология. 2014. № 12 (45). С. 80.

²⁰⁴ Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). 1919. 1 янв.

²⁰⁵ См., например: Вестник острова Сахалин (Александровск). 1919. 23 февр.; Курганская свободная мысль. 1919. 23 марта; ГАЗК. Ф. 35. Оп. 2. Д. 113. Л. 97; Вестник Западно-Уральской железной дороги. 1919. № 2. С. 3–4.

²⁰⁶ Путь деревни (Ачинск). 1918. № 17. С. 9.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 50 об.

²⁰⁸ Правительственный вестник. 1919. 9 марта; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 5. Ст. 57.

обязательства только в добровольном порядке. Совет Всесибирских кооперативных съездов рекомендовал всем кооперативным организациям выплачивать одно-двухмесячное единовременное пособие призванным, а постоянные выплаты в размере 20–75% от оклада – только семьям, в которых у призванного остались иждивенцы²⁰⁹. Имеющиеся источники не позволяют судить, какого порядка придерживались частные предприятия.

Осенью 1919 г., когда большинство государственных служащих было призвано на военную службу или ушли на нее добровольцами, Совет министров особо оговорил недопустимость сокращения штатов за счет таких людей. Подтвердив 4 сентября 1919 г. необходимость осуществлять доплату из казенных средств разницы между денежным вознаграждением военнослужащих и тем окладом, который они получали по службе до призыва в армию, Совет министров особенно подчеркнул, что государство обязано гарантировать военнослужащему, вернувшемуся домой, трудоустройство на прежнее место и с прежним окладом содержания²¹⁰. Получалось, что военное ведомство удовлетворяло военнослужащих жалованьем за счет работодателей. Даже государственные предприятия и учреждения по мере увеличения числа призванных работников начинали серьезно тяготиться такими обязательствами²¹¹.

Вопрос о перекладывании некоторой части расходов по денежному обеспечению армии с казны на работодателей возник не случайно. Денежное содержание военнослужащим установилось далеко не сразу и не было достаточным. При этом задачу содержания армии могли решить только правительства, имевшие большие воинские контингенты и постоянные источники пополнения бюджетных средств, остальные вынуждены были обходиться случайными поступлениями средств.

Отследить материальное положение таких малочисленных воинских контингентов практически нереально. Известно, что хорошо материально обеспечивались отряды КВЖД, имели собственные источники финансирования подразделения Алаш. Но сведений об окладах содержания ни в литературе, ни в источниках выявить не удалось. Пыталось установить размер жалования военнослужащим Временное правительство автономной Сибири. 1 июля 1918 г. командующий войсками С.С. Толстов предложил выплачивать рядовому бойцу 100 руб. ежемесячно на полном казенном обеспечении, фельдфебелю – 150 руб., ротному – 450, командиру батальона – 500, командиру полка – 650 руб. При этом семьям солдат и офицеров предлагалось выплачивать паек на членов семьи: по 20 руб. на неработающих взрослых и по 10 руб. на детей²¹². Правительство

²⁰⁹ Вестник Совета Всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 10–11. С. 5.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 152 об.–153.

²¹¹ См.: Наша жизнь (Томск). 1919. № 7. С. 14.

²¹² ГАРФ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 11. Л. 4 об.

утвердило это предложение, но не уточнило, имелись ли у него средства. Отсутствие бюджета позволяет предположить, что выплаты могли быть только разовыми²¹³.

Поэтому в дальнейшем речь пойдет только о Народной и Сибирской армии в 1918 г., армии Оренбургского казачьего правительства, армии Российского правительства и войсках дальневосточных государственных образований в 1920–1922 гг.

Значительные воинские формирования находились в подчинении Комуча. Их численность к началу августа 1918 г. насчитывала 14–16 тыс. чел., к началу сентября – 121 тыс. чел., из которых боевые части, по разным оценкам, составляли от 15 тыс. до 30 тыс. чел.²¹⁴ Размер денежных выплат военнослужащим Народной армии из казны Комуча обсуждался в литературе. С.И. Константинов, не раскрывая источников, приводит сведения о выплате 15 руб. на каждого бойца в месяц. Но через несколько страниц он сообщает уже другую информацию – рядовой боец получал 45 руб., командир полка – 540 руб.²¹⁵ Возможно, информация почерпнута из газетных источников.

Временные правила об организации и службе в Народной армии, утвержденные 17 июня 1918 г. управляющим ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкиным, устанавливали всем добровольцам ежемесячный оклад в 15 руб., к которым прибавлялись 1 руб. суточных рядовому и от 2 до 8 руб. – офицеру²¹⁶. Самарская газета «Волжский день» сообщала, что по докладу управляющего военным ведомством установлен новый табель окладов. По нему рядовому бойцу установлен оклад в 45 руб. в месяц, а офицерам – от 250 (младший офицер) до 1000 руб. (командующий армией)²¹⁷. Сам же П.Д. Климушкин в своих мемуарах привел иные данные: нижние офицерские чины получали 5 руб. в месяц, ротный – 10 руб., командир полка – 15 руб.²¹⁸

Известен Табель № 1 об окладах жалованья чинам строевых частей Народной армии, утвержденный Комучем 10 августа 1918 г. и подписанный полковником Н.А. Галкиным. В соответствии с ним с 1 августа 1918 г. вводились оклады рядовым, младшим санитарам и матросам – 45 руб. в месяц, унтер-офицерам – 105, младшим офицерам – 250, командирам полков и артиллерийских дивизионов – 540, командующему армией – 1000 руб. Квартирная надбавка в 1/3 от оклада

²¹³ См. подробнее: *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 28.

²¹⁴ *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия. Антибольшевистская борьба в Поволжье в 1918 году // Каппель и каппелевцы. М., 2007. С. 633, 640.

²¹⁵ *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 102–103, 109.

²¹⁶ Приказы Комуча. С. 25–26 (опубликованы в извлечениях). Перепубликацию этих же фрагментов, но по архивной копии осуществил В.А. Лапандин (см.: *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 1. С. 211). Во всех случаях интересующий нас фрагмент вошел в опубликованные источники. Полный текст Временных правил см.: ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 167. Л. 248.

²¹⁷ Волжский день (Самара). 1918. 14 авг. Перепубликацию заметки см.: *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 1. С. 220.

²¹⁸ *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию в России // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. Сб. 1. С. 88.

жалованья – одиноким и 1/2 – семейным, командировочные – 8 руб. солдатам и 16 руб. офицерам в сутки. Кроме того, добровольцам выплачивался паек на содержание семьи в 100–150 руб.²¹⁹

Участники антибольшевистского сопротивления в Оренбуржье за период до середины 1918 г. получали по 300 руб., считаясь служащими партизанских отрядов. С 23 июня по 1 сентября 1918 г. казакам стали начислять по 60 руб. ежемесячно (т.е. как и рядовым в Сибири), а с 1 сентября – по 45 руб., как в Народной армии. Правда, начисляемое жалование обещали выплатить после образования общегосударственной власти. Потом Российское правительство согласилось оплачивать лишь службу двух призванных по всей стране возрастов, сославшись на то, что мобилизация казаков других возрастов происходила не по приказу Военного министерства²²⁰. Вопрос о содержании остальных возрастов был передан на усмотрение Войскового правительства Оренбургского казачьего войска в зависимости от состояния его бюджета.

Сибирская армия к концу лета составляла 60 тыс. чел., после призыва новобранцев двух возрастов в армию влилось еще 161 тыс. чел., а по другим оценкам – 175 тыс. чел. К 1 октября общая численность армии достигала 184,6 тыс. военнослужащих²²¹.

1 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат установил размер жалованья военнослужащим. На казенном обмундировании, содержании и квартировании рядовой боец получал 60 руб., отделенный – 75, взводный – 90, фельдфебель – 120, ротный командир – 400 руб.²²² Офицеры, не занимавшие командных должностей, зачислялись в резерв с несением обязанностей рядового. Младшие офицеры и офицеры резерва получали по 300 руб.²²³ Как видно, оплата была существенно выше, чем в Народной армии.

Временное Сибирское правительство определилось с размером денежных выплат военным 22 июля 1918 г., подтвердив постановление Западно-Сибирского комиссариата от 1 июня. Вместо множества разновременных установленных выплат был разработан новый табель окладов. В соответствии с ним во второй половине 1918 г. командир корпуса получал 1360 руб., дивизии – 1120, полка – 680, роты – 400 руб. Выдававшееся ранее отдельно жалование, столовые, порционные, добавочные и прочие денежные выплаты теперь сводились в общий оклад, который, как и прежде, зависел не только от должности, но и от места службы. Новый порядок оплаты начинал действовать с момента свержения власти большевиков в данной местности²²⁴. Именно такой размер оплаты привел П.А. Новиков, не оговаривая, что новый табель действовал лишь до конца

²¹⁹ ЦГАСО. Ф. 2700. Оп. 1. Д. 698. Л. 191–199.

²²⁰ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 341–342.

²²¹ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия ... С. 141, 145, 151.

²²² Западно-Сибирский комиссариат ... С. 60–61; Временное Сибирское правительство ... С. 50.

²²³ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия ... С. 160.

²²⁴ Сибирский вестник. 1918. 16 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 6. Ст. 54; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 130; Временное Сибирское правительство ... С. 177–178; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 63.

года²²⁵, и Е.В. Волков, отметивший, что такие оклады существовали при Временном Сибирском правительстве, без уточнения периода их действия²²⁶. 31 июля 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства утвердил таблицу окладов жалованья офицерским и классным чинам II–VI классов. В ней был уточнен перечень должностей, имевших оклад в 300 и 400 руб. Войсковые санитарные и ветеринарные врачи получали 350 руб. в месяц, полковые – 450 руб. Далее табель включал все командные должности, вплоть до командиров корпусов, имевших оклад в 1360 руб. Квартирные офицерам и военным чиновникам начислялись в размере 1/4 оклада²²⁷. В тот же день на заседании Совета министров в связи с мобилизацией, оставив прежними денежные выплаты для солдат добровольцев, унтер-офицерам их увеличили: отделенному – 200 руб. в месяц, взводному – 250, фельдфебелю – 300 руб. При этом мобилизованным солдатам выплаты сократили до 40 руб.²²⁸

Но в законодательном порядке новый табель воинских окладов ввели только постановлением Совета министров Российского правительства от 3 декабря 1918 г. Причем солдатам и унтер-офицерским чинам размеры выплат оставили такими, какие действовали с 22 и 31 июля 1918 г. Офицерам же с 1 ноября 1918 г. установили оклады от 480 до 800 руб.²²⁹ Находящимся на фронте, а также несшим службу в столице солдатам и офицерам оклады увеличивались на 20%. Постановлением от 27 декабря 1918 г. Совет министров ввел 10–25%-ные надбавки к окладам военных строевых частей армии, а 3 апреля 1919 г. к ним добавили 35%-ную надбавку²³⁰. При этом, в отличие от гражданских чиновников, военным не отменили прежнюю надбавку. Следовательно, общая индексация составила 1,48–1,66 раза.

Исследователь Е.В. Волков отметил, что установленное в декабре 1918 г. содержание было в 6 раз выше окладов 1914 г., не отвечая, однако, на вопрос, много это или мало²³¹. Следует оговориться, что, во-первых, цены за это время поднялись более чем в 10 раз и продолжали интенсивно расти, во-вторых, данные, которыми оперирует Е.В. Волков, отражают ситуацию не на весь 1919 г., как он считает²³², а только на конец 1918 – начало 1919 г. Ставки окладов и порядок

²²⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 103–104.

²²⁶ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 252.

²²⁷ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия ... С. 161. Данное решение не было оформлено постановлением Совета министров.

²²⁸ Временное Сибирское правительство ... С. 229.

²²⁹ Правительственный вестник. 1918. 24 дек.; Законодательная деятельность Российского правительства ... Вып. 1. С. 47–50; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 34–34 об.

²³⁰ Правительственный вестник. 1919. 22 янв., 9 апр.

²³¹ Волков Е.В. Благополучие и быт колчаковских офицеров // История белой Сибири: тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 128.

²³² Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 208. Это второе, дополненное издание книги Е.В. Волкова «Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования» (Челябинск, 2001). В первом издании рост зарплаты офицеров вообще не упомянут.

оплаты изменялся и в дальнейшем. 4 февраля 1919 г. Совет министров утвердил оклады офицерам флота и классным чином морского ведомства в размере от 300 до 1120 руб.²³³

Стимулируя добровольное поступление на службу, более высокие размеры денежных выплат устанавливали для добровольцев. В соответствии с постановлением Российского правительства от 25 февраля 1919 г. рядовые добровольцы получали денежное пособие, повышенное на 50%, офицеры – на 150%. Кроме того, при поступлении на службу и по прошествии четырех ее шестимесячных сроков должны были выплачиваться единовременные пособия в 200, 300, 400, 500 и 600 руб. соответственно (с 29 августа 1919 г. они были повышены до 1000 руб. при поступлении на службу и 800, 1000, 1500 и 5000 руб. после каждого полугодия беспорочной службы). Семья добровольца должна была получать квартирные деньги в размере 1/3 оклада главы семейства, получаемого до поступления в армию²³⁴.

В тяжелые времена Гражданской войны такие выплаты превращались в существенное дополнение к доходу при условии их регулярности. Но индексация размера ежемесячных выплат проводилась не только с большим опозданием, но часто не была вовсе обеспечена средствами из бюджета. Настоящим бедствием для армии стали задержки денежных выплат, что угнетающе сказывалось на моральном состоянии военнослужащих²³⁵. Также следует отметить, что вопреки нормативной документации, предусматривавшей выплату офицерам резерва 300 руб., публиковавшиеся в прессе письма инвалидов сообщали, что выплаты составляют 180–250 руб. Судя по эпистолярным источникам, эта категория оказалась самой обделенной среди военных. В резерве к концу 1918 г. остались раненые офицеры, годные только к нестроевой службе. Их материальное положение оказалось хуже строевых офицеров и даже солдат. Для полного понимания проблемы следует учесть, что из выплачиваемого жалования им приходилось оплачивать квартиру, довольствие и одежду, тогда как строевые чины получали все это помимо оклада²³⁶.

С 1 марта 1919 г. военнослужащие в тылу наряду с гражданскими чиновниками стали получать 35%-ную прибавку на дороговизну. На фронтовые части она не распространялась, что казалось воевавшим солдатам и офицерам вопиющей несправедливостью. С 1 июня 1919 г. эту надбавку стали получать и на фронте, причем начислили ее, как и тыловым военнослужащим, с 1 марта. Кроме того, с 1 июня всем военнослужащим начали выдавать внеурядную надбавку

²³³ Правительственный вестник. 1919. 22 февр.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 2. Ст. 15.

²³⁴ Правительственный вестник. 1919. 9 марта, 3 сент.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 5. Ст. 57; *Симонов Д.Г.* К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 79.

²³⁵ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.): воспоминания. Рига, 1930. С. 93; *Гонпер К.* Четыре катастрофы: воспоминания. Рига, 1920. С. 110; *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию в России. С. 88; *Доронин Ю.П.* Авиация белых армий на Восточном фронте // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 63; *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры ... С. 253.

²³⁶ Русская армия. 1918. 30 нояб.

на дороговизну в 25%. Решение об этом было принято 1 сентября 1919 г. Все прибавки распространялись одинаково на солдат и офицеров. Совет министров на заседаниях 20 и 24 июня 1919 г. принял новый табель воинских окладов, который вступил в действие с 1 июня 1919 г. Оклад рядового сверхсрочника или добровольца устанавливался в 75–350 руб. Новые таблицы распространили и на служащих военно-морского ведомства²³⁷. В результате офицеры, получавшие от казны довольствие и обмундирование, имели от 800 до 1300 руб. в месяц²³⁸. Кроме того, базовые оклады солдат увеличивались в размере от 25% рядовому до 5% прапорщику²³⁹. Новый табель окладов распространил 25%-ные прибавки на контрразведчиков, военных медиков и на другие, связанные с армией и флотом, категории служащих. Летом 1919 г. это были вполне приличные деньги, но осенью инфляция «съела» эти надбавки. Впрочем, по данным контрразведки, июньские прибавки установили резкую грань в жаловании между офицерами и рядовым составом, что вызвало недовольство среди солдат²⁴⁰.

Следующее увеличение выплат произошло поздней осенью. Постановление Совета министров от 28 октября 1919 г. о повышении окладов распространялось и на военнослужащих и было для них наиболее благоприятно. Оно трехкратно увеличило размеры утвержденных 1 июня 1919 г. окладов, и так достаточно высоких на фоне оплаты труда государственных служащих²⁴¹.

Радикальное улучшение материального положения военнослужащих подготовил Совет министров в конце своей деятельности. В соответствии с его постановлением от 10 декабря 1919 г. с 1 декабря надбавка для военнослужащих на театре военных действий увеличивалась с 25% до 50%, а остальным военнослужащим вводился «усиленный» оклад, повышенный на 25%. Таким образом, с учетом всех надбавок разница в оплате в тылу и на фронте оставалась в 25%²⁴². В случае эвакуации с 12 августа 1919 г. на семьи военнослужащих распространили все пособия и денежные выплаты, которые полагалось выплачивать семьям гражданских служащих²⁴³. 4 сентября 1919 г. на такие пособия Совет министров выделил 8,6 млн руб.²⁴⁴

Специфической сословно профессиональной группой военнослужащих на востоке России оставалось казачество. В отличие от советской власти антибольшевистские правительства видели в нем опору и старались сохранить все особенности казачьего уклада. Оклады жалования

²³⁷ Этот вопрос рассмотрен в диссертации И.Ф. Абакумова, но в трудном для понимания виде и с множеством фактических ошибок в названии органов, принимавших соответствующие решения (см.: *Абакумов И.Ф.* Флот Белого движения в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 116.).

²³⁸ Правительственный вестник. 1919. 20, 25 июля, 9 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 173–175, 185 об.–186 об.; Д. 99. Л. 74.

²³⁹ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 81.

²⁴⁰ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 21, 26.

²⁴¹ Правительственный вестник. 1919. 4 нояб.

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 253 об.

²⁴³ Правительственный вестник. 1919. 19 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 26 об.

²⁴⁴ Правительственный вестник. 1919. 24 сент. Военный министр запрашивал на эти цели 10 млн руб. См.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85–85 об.

Уральского и Оренбургского войск формировались самостоятельно. Колчак особой грамотой признал все их решения законными²⁴⁵.

Военнослужащие казачьего сословия по-прежнему производили экипировку за свой счет и получали за это денежные надбавки. 3 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства постановил выдать 52 тыс. руб. для образования ремонтного капитала в казачьих частях Западно-Сибирского военного округа. Деньги предназначались для приобретения лошадей казачьими офицерами или выплаты им компенсации за сданных лошадей²⁴⁶. Возможно, были и другие фонды для оплаты казакам. Омские газеты в сентябре 1918 г. сообщали, что исправно явившемуся на службу с лошадью сибирскому казаку выдавалось пособие в 800 руб., пешему – 300 руб.²⁴⁷ 30 апреля 1919 г. казакам проиндексировали выплаты за экипировку и лошадей. В соответствии с постановлением Совета министров от 21 августа 1919 г. казачьим офицерам и чиновникам предоставлялось пособие за купленных лошадей. Приобретенные до 13 декабря 1918 г. лошади компенсировались по 1300 руб. Если покупка производилась позже, но до 13 июня 1919 г., пособие возрастало до 2500 руб., а после этого срока – до 3000 руб. Казакам также выплачивали компенсацию за лошадей, утраченных в боевых действиях, причем 23 июня 1919 г. ее тоже проиндексировали²⁴⁸. Нельзя не отметить странность такой индексации «задним числом». Логичнее было производить компенсацию по текущей цене на день выплаты. Иначе получалось, что чем дольше казак ожидал компенсационных выплат за утраченную лошадь, тем ниже оказывалась полученная сумма.

Вероятно, Забайкальское казачество не получило этих выплат. 3-й круг Забайкальского казачьего войска 1 июня 1919 г. решил возбудить перед «центральной властью» вопрос о выдаче причитающихся по закону пособий за утрату обмундирования и лошадей за время Первой мировой войны и событий революции и начала Гражданской войны.

Одной из особенностей Гражданской войны являлось то, что государство не стало абсолютным монополистом в финансировании военных. Добровольцев, особенно на начальном этапе антибольшевистской борьбы на востоке России, нередко принимало на довольствие местное население. Речь шла не только о снабжении, но и выплате жалованья, подчас немалого. Так, целый месяц на добровольные пожертвования существовала дружина Красноуфимского уезда²⁴⁹. Граждане Атбасарской станицы постановили выплачивать казакам стоявшей в городе сотни ежемесячно по 200 руб.²⁵⁰ В 1919 г. такие примеры уже не встречаются. К тому же общественная

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1531. Л. 4.

²⁴⁶ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.

²⁴⁷ Заря (Омск). 1918. 7 сент.

²⁴⁸ Правительственный вестник. 1919. 30 июля, 2, 17 авг., 7 сент.; Амурские областные ведомости. 1919. 30 окт.

²⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 22. Л. 12 об.

²⁵⁰ Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1. С. 136.

поддержка не могла существенно скорректировать государственную политику – совокупный объем таких выплат был ничтожен.

Но в период военных действий материальное положение военнослужащих определяли не только официальные выплаты. Немалую роль играло «самоснабжение» армии – реквизиции продовольствия и иных ценностей у населения, военная добыча и широко распространенное мародерство²⁵¹. На фронте деньги наряду с оружием становились главным предметом вождения и иногда составляли солидный привесок к жалованью военных²⁵².

Если мы учтем все эти факторы, то окажется, что невозможно судить об уровне благосостояния военнослужащих, принимая во внимание только динамику заработной платы. Учет иных способов вознаграждения и «самовознаграждения» существенно меняет картину. Другое дело, что сохранившиеся исторические источники позволяют лишь отрывочно судить о структуре и объемах таких дополнительных доходов. Одно можно утверждать с полной уверенностью: война, нестабильность хозяйственной жизни и широко распространенный произвол усиливали неравномерность реального материального положения военных. Щепетильность и законопослушность командиров и солдат мешали им выживать в условиях Гражданской войны. Многие пережили психологическую ломку и стали преодолевать недостатки военного снабжения и перебои с оплатой службы. Феномен «человека с ружьем» был не нов и подвергался анализу в историографии²⁵³. Он объясняет не только атаманину в узком смысле слова, но и вообще произвол военных на фронте и в тылу. Но в результате материальное обеспечение военнослужащих зависело в большей степени от случайных обстоятельств, чем от государственных выплат.

Тем не менее нельзя не отметить, что жалованье военных находилось в центре внимания государственной власти, индексировалось чаще других групп служащих, состоявших на казенном обеспечении. Но предпринимаемых правительством усилий оказалось недостаточно, и именно это вынуждало армию самостоятельно решать материальные проблемы.

Более того, материальное положение военнослужащих на востоке России оставалось лучше, чем, например, на юге России. В Добровольческой армии летом 1918 г. холостой офицер получал 200 руб. в месяц, женатый – 250, командир роты – 400, командир полка – 450 руб. Лишь в конце 1918 г. жалованье было повышено до 450 руб. прапорщику, 3500 руб. – главнокомандующему. Но на протяжении 1919 г. жалованье поднялось очень незначительно – до 700 руб. в месяц прапорщику и 5000 руб. главнокомандующему. Проблему обесценивания рубля пытались

²⁵¹ *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма. М., 2017. С. 815; Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 24, 35, 42, 50, 57, 61–62, 64, 77, 80–81, 89, 132, 138, 228.

²⁵² *Рышков В.М.* Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История «белой» Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 284–288; *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств ... С. 156–157.

²⁵³ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 477–498.

решить так же, как и в Сибири – путем выплаты разнообразных надбавок²⁵⁴. В любом случае вопрос о материальном положении военнослужащих в других центрах антибольшевистского движения остается недостаточно разработанным, и для фундаментальных сопоставлений требуются дополнительные исследования.

Попытка создания собственной Народно-революционной армии заставила Политический центр заниматься проблемами денежного обеспечения военнослужащих. Стремительная инфляция сделала нормы выплат конца 1919 г. недопустимо низкими уже к январю 1920 г. Брать за основу воинские оклады, действовавшие в армии Российского правительства, казалось нецелесообразно, несмотря на недавнее (10 декабря 1919 г.) их повышение. Не предпринимая новую систему окладов, иркутская власть распорядилась выдать каждому военнослужащему единовременное пособие, которое дополняло их жалование до следующих размеров (Таблица 2.2):

Таблица 2.2 – Оклады военнослужащих Народно-революционной армии Политцентра (январь 1920 г.)

Руб.

Звание	Тыловой оклад	Фронтвой оклад
Рядовой боец	1000	1500
Командир отделения	1200	1800
Командир взвода	1500	2200
Фельдфебель	1800	2600
Младший офицер	6500	8500
Командир роты	7500	9500
Командир батальона	8500	10500
Командир полка	9500	11500
Командир бригады	10500	12500
Начальник дивизии	11500	13500
Командир корпуса	12500	14500

Составлено по: ГАНУ. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

По декабрьскому постановлению Российского правительства предусматривалась разница между фронтвыми и тыловыми окладами в 25%, причем устанавливалась она путем выплат надбавок к единым окладам. Политцентр ввел разную шкалу окладов, увеличив разрыв для рядового состава до 45–50%, а для офицерского – на 2 тыс. руб. Большая разница между выплатами

²⁵⁴ Гагкуев Р.Г. Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 191–192.

высшим и низшим чинам – в 12,5 раз – не должна вводить в заблуждение. Просто командный состав получал деньгами стоимость провиантского довольствия в размере 3,5 тыс. руб. Офицерам устанавливалось жалование, сопоставимое с заработками служащих. В этом отношении примерное соответствие «табели о рангах» воинских и гражданских окладов было соблюдено.

Правда, власть нашла способ кардинального сокращения выплат военнослужащим. С 15 января 1919 г. всех правительственных служащих, призванных в армию (колчаковскую), увольняли за штат с прекращением выплаты им разницы между гражданским и воинским окладами. Последними такими выплатами должны были стать январские 1920 г. Для военнослужащих, перешедших в Народно-революционную армию, по их особым ходатайствам доплаты разницы гражданского и воинского окладов решено было сохранить²⁵⁵. Примечательно, что до января включительно Политический центр признавал финансовые обязательства по выплатам армии свергнутого им Российского правительства.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской восточной окраины опирался на систему оплаты, действовавшую при Российском правительстве. На территории Забайкалья с марта 1919 г. стали действовать фронтовые надбавки в 25%. Судя по всему, здесь не было проведено постановление Совета министров от 10 декабря 1919 г., повысившее эти надбавки до 50%. И лишь военные, дислоцированные в Чите, получали еще одну надбавку в 25%²⁵⁶. Все дополнительные выплаты государственным служащим, многократно превышавшие оклады жалования, распространялись в Забайкалье и на военных. Но выплаты «голубями», не имевшими под собой обеспечения, не могли служить достаточным материальным стимулом. Принципиальное значение играла роль армии как важнейшего канала доступа к материальным ресурсам. Семеновские части занимались активным самоснабжением, обязали население обеспечивать их продовольствием и фуражом, что свидетельствует о колоссальной роли неденежных источников обеспечения армии в Восточном Забайкалье.

При отступлении Белой армии из Восточного Забайкалья верховный главнокомандующий вывез почти весь запас золота и раздал большую его часть своим генералам, офицерам и солдатам, а также передал каппелевскому командованию для аналогичных раздач. Известно, что вокруг дележа золота между семеновцами и каппелевцами чуть не разгорелся конфликт, пока, наконец, они не установили его совместную охрану. Суммы были весьма внушительные. По собранным Ю.Г. Ципкиным многочисленным документальным и мемуарным свидетельствам, старшие офицеры семеновских войск получили по 10 тыс. руб. золотом²⁵⁷. Одним этого хватило, чтобы открыть собственные предприятия в полосе отчуждения. Другие быстро прокутили эти деньги.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 14. Л. 19–19 об.

²⁵⁶ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 50. Л. 48–48 об.

²⁵⁷ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. Хабаровск, 1996. С. 33, 48.

Значительная часть военных из Забайкалья вскоре оказалась в Приморье. Здесь их материальное положение было очень неравномерно и зависело от политической ориентации. По утверждению В.Г. Болдырева, офицеров опасались принимать в организующуюся революционную армию. Они оставались без дела и должны были получать резервное содержание, составлявшее 50–80% от оклада. Ситуация весной 1920 г. оказалась полной противоположностью той, что длилась в предшествующие полтора года – власть искала поводы для демобилизации. Чтобы не обременять пустую казну, Временное правительство – Приморская областная земская управа/Временное правительство Дальнего Востока – Приморская земская управа старалась найти предлоги для увольнения как можно большего числа военнослужащих. Были уволены старослужащие (мобилизованные 1884–1895 гг. рождения), школьные учителя, военные чиновники, медики, военнослужащие польской, латвийской и эстонской национальностей²⁵⁸. Это создавало большую социальную напряженность: большинство уволенных были не местного происхождения, у них не было в Приморье ни работы, ни средств к существованию.

Многие солдаты и офицеры, не подлежавшие демобилизации, попытались найти работу, что означало временный распад армии. Но политотдел, функционировавший при Временном правительстве – Приморской областной земской управе/Временном правительстве Дальнего Востока – Приморской земской управе, упорно добивался, чтобы работу предоставляли только военнослужащим, симпатизирующим советской власти. В результате росло недовольство социалистическим правительством, настроение массы военных качнулось в сторону правых. Это стало одним из обстоятельств, способствовавших антисоветскому государственному перевороту²⁵⁹.

Военнослужащие, прибывшие из Забайкалья через Маньчжурию, разделились на две группировки, материальное положение которых сильно отличалось. Семеновцы были в изоляции при всех правительствах. Поначалу они получали финансовое подкрепление от Г.М. Семенова. Причем по апрель или март 1921 г. получали по ставкам 1920 г. – очень низким (рядовой – 15 руб., командир полка – 40 руб.), но выдавали золотом, что спасало зарплату от обесценивания²⁶⁰. Каппелевцы, напротив, были лишены финансового обеспечения. В период существования Временного правительства Дальнего Востока – Приморской земской управы и Приморского краевого управления ДВР их части существовали автономно от органов власти и жалование выплачивалось из остатков средств, вывезенных из Забайкалья. По отзывам командующего Дальневосточной армией генерал-майора Г.А. Вержбицкого, солдат и офицеров нельзя демобилизовывать, так как «люди в армии не приспособлены к работе. Они хороши только как солдаты»²⁶¹. Каппелевцы

²⁵⁸ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты ... С. 348.

²⁵⁹ Там же. С. 349.

²⁶⁰ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Шанхай, 1932. С. 30.

²⁶¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты ... С. 407.

воспринимались сначала как противовес семеновцам, затем как ударная сила Совета съезда не-социалистического населения. Жили на пожертвования и на самообеспечении.

Только летом 1921 г. с приходом к власти Временного Приамурского правительства началось относительное укрепление армии, основой которой стали каппелевцы. Ю.Н. Ципкин писал, что в целях экономии бюджета Временное Приамурское правительство предложило, а Народное собрание утвердило табель воинских окладов, который был ниже, чем табель гражданских чинов, что вызвало возмущение армии²⁶². Возможно, он неверно интерпретировал используемый газетный источник, так как приводит данные о точном совпадении шкалы окладов военных и гражданских чинов (24–100 руб.). И те и другие отличались от окладов, действовавших в негосударственных учреждениях и на предприятиях, и это действительно вызывало всеобщее возмущение. Необходимо помнить, что помимо денег, военные получали еще и натуральное обеспечение. 24 июня 1921 г. был утвержден табель провиантского, приварочного, чайного, табачного, мыльного и вещевого довольствия для воинских и флотских чинов и фуражного – для лошадей военного ведомства. Продовольственный паек полагался и членам семей военнослужащих²⁶³. Так было, по крайней мере, установлено на нормативном уровне. Известно, что жалование выплачивалось крайне нерегулярно и с удержаниями. По отзывам мемуаристов, платили небольшими частями²⁶⁴. Ситуация эволюционировала в худшую сторону. В июле 1922 г. войсковым частям выдали пособие в среднем по 8 руб. на офицера, а в качестве жалования на август в конце сентября выплатили примерно по 2 руб. Солдатам в это время выплачивали примерно по 1 руб. Правда, все выдачи делались в йенах²⁶⁵. Между тем на довольствии Временного Приамурского правительства находилось 20 тыс. солдат и офицеров, 1057 вольнонаемных армейских служащих и 5742 члена семей военнослужащих, получавших пайки, итого 26 800 чел.²⁶⁶ Это должно было составлять самую крупную статью расхода, но на практике правительство на армии сильно экономило. Данное обстоятельство привело к тому, что армия занялась распродажей своего имущества. Положение катастрофически ухудшилось во время Хабаровского похода белоповстанцев. За отсутствием средств у правительства жалование в боевых условиях перестали выплачивать совершенно.

* * *

Ситуация на завершающем этапе Гражданской войны на востоке России мало чем отличалась от похожих случаев, возникавших при отступлении армий в других регионах. Особенность состояла только в том, что в полосе отчуждения КВЖД и на российском Дальнем Востоке

²⁶² Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке ... С. 112.

²⁶³ Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 11 июля.

²⁶⁴ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. С. 67.

²⁶⁵ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Вашингтон, 1971. С. 98–99.

²⁶⁶ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. С. 68.

военнослужащие потерпевшей поражение Сибирской армии оказались в условиях избытка пространства, в вольной среде фронта. Они легче адаптировались к новой социальной обстановке и имели возможность выживать без жалования или в условиях, когда жалование составляло лишь небольшую часть необходимых для существования средств, при этом несколько лет сохранять боеспособность и армейский образ жизни. Им удалось избежать крупных социальных катастроф. На востоке России не случилось ничего, сопоставимого с участием отступавшей Северо-Западной армии, бойцы которой попали в Эстонии на принудительные работы²⁶⁷.

Для органов власти на востоке России военнослужащие стали социальной группой повышенного внимания. Для правительств, созданных для ведения войны, это закономерно. Власть принимала на себя обязательства выплачивать не только текущие зарплаты, но и жалование за предыдущий период, если солдаты или офицеры вступили в борьбу во времена антибольшевистского подполья. Сохранялись или восстановились многие дореволюционные традиции – дифференциация окладов по званиям, увеличенные фронтовые оклады. Вместе с тем общей проблемой власти периода Гражданской войны оставался дефицит средств в правительственной казне. Как результат – тенденция к выравниванию шкал окладов, задержки с выплатами.

Происходившее очень сильно отличалось от ситуации в Советской России, где зарплаты красноармейцев изначально устанавливались и периодически индексировались на уровне в несколько раз выше и примерно соответствовали окладам младших офицеров в воинских формированиях на востоке России. Но при этом дифференциация выплат полностью отсутствовала. Следует отметить, что курс рубля в Советской России всегда был существенно ниже, чем на востоке России. Для РККА главным материальным благом всегда был красноармейский паек, а не зарплата. В Белой армии на протяжении всей Гражданской войны огромную роль продолжали играть денежные выплаты.

2.3. Заработная плата рабочих

Условия и размер заработной платы на предприятиях торговли, промышленности и транспорта всегда являлись одним из самых болезненных вопросов трудовых отношений. Они неразрывно связаны с режимом трудовой деятельности. Проблема, поистине большая для русской революции, оставалась таковой и после свержения советской власти на востоке России.

Следует отметить, что Первая мировая война и революция самым негативным образом повлияли на материальное положение работников и производительность труда. Во-первых, мобилизация мужского населения в армию, которая в первые два года оторвала до 40% рабочих промышленных предприятий, оказала разрушительное воздействие на трудовые ресурсы. Лишь к

²⁶⁷ *Зирин С.Г.* Голгофа Северо-Западной армии. 1919–1920 гг. СПб., 2011. С. 103–111.

1915 г. появились отсрочки для работников оборонных предприятий. Они охватывали до половины российских пролетариев, занятых на крупных промышленных предприятиях. Но значительная часть квалифицированных рабочих оказалась уже призвана, и бронь от мобилизации была предоставлена работникам, не имевшим высокой квалификации и стажа. В 1916 г. отсрочки расширили. Ими смогли воспользоваться около 30–45% рабочих. Кроме того, широко стала практиковаться демобилизация квалифицированных рабочих. В масштабах России количество рабочих увеличилось, но происходило это главным образом за счет усиленного использования труда женщин, подростков, военнопленных и иностранных рабочих (трудовая эмиграция из Китая и Кореи). Именно эта деформация рабочей силы привела уже в 1916 г. к плачевным результатам – при росте числа занятых объем промышленного производства стал сокращаться. В 1917 – первой половине 1918 г. этот процесс резко усилился.

Сразу после Февральской революции под давлением мощного рабочего движения предприниматели и администрация государственных предприятий вынуждены были пойти на существенное увеличение заработной платы (50–100%)²⁶⁸. Для понимания экономической подоплеки протекавших в России процессов важно учесть, что рост заработной платы в ее абсолютном измерении происходил на фоне снижения объемов производства и обвального падения рентабельности. Рабочие коллективы устанавливали объем денежных выплат, руководствуясь потребительским принципом, индексируя ставки в соответствии с ростом цен²⁶⁹. Представители интеллигенции – служащие учреждений и организаций считали недостойным открыто выступать в защиту своих материальных интересов. Служащие промышленных предприятий и рабочие вели себя более прагматично, постоянно прибегая к жестким методам защиты своего уровня жизни от инфляции: забастовкам, вмешательству в управление предприятиями и даже их захватам²⁷⁰. В результате рост зарплат в промышленности происходил быстрее, чем в сфере услуг. В.А. Дробченко привел интересные данные о том, что рабочие, когда им в первые месяцы 1918 г. удавалось взять в свои руки регулирование заработной платы, высказывались за такие надбавки к существовавшим ставкам оплаты труда, которые выравнивали бы доходы рабочих разной квалификации²⁷¹.

К моменту свержения советской власти ситуация осложнялась укоренившейся в предшествовавшие месяцы практикой, когда установление 8-часового (а в отдельных случаях и 6-часового) рабочего дня сопровождалось введением очень вольной трудовой дисциплины²⁷². Например, после перехода с 1 апреля 1917 г. к 8-часовому рабочему дню на каменноугольных копях

²⁶⁸ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в 1917 году. М., 1964. С. 124–138.

²⁶⁹ Кадейкин В.А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 г.). Кемерово, 1966. С. 191.

²⁷⁰ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918). Томск, 2006. С. 40, 51.

²⁷¹ Дробченко В.А. Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск, 2008. С. 300–301.

²⁷² Там же. С. 254–255.

Л.А. Михельсона производительность труда упала на 50%²⁷³. При этом ставки оплаты труда в 1917 – первой половине 1918 г. повышались достаточно регулярно, но они не могли компенсировать падение стоимости рубля. Даже при советской власти сохранялось впечатление, что благосостояние рабочего класса в целом падает. К тому же в первой половине 1918 г. задержка с выплатой начисленной зарплаты распространялась все шире и становилась все более продолжительной²⁷⁴.

Весной 1918 г. на многих предприятиях умеренную заработную плату удавалось выплачивать во многом благодаря распродаже производственных запасов и основных фондов, за счет оборотных капиталов и в значительной мере государственных дотаций. Иждивенчество подошло к крайней черте, необходим был решительный пересмотр как режима производства, так и условий оплаты труда. Этот процесс протекал одновременно, хотя и в разных масштабах, в советской и антибольшевистской России и был одинаково болезненным.

Ужесточение трудовой дисциплины и снижение уровня оплаты труда в советской России отечественная историография преподносит как оправданную Гражданской войной политику²⁷⁵. Аналогичные меры в стане контрреволюции свидетельствовали об антирабочем характере осуществляемых мероприятий. Сейчас во многих работах двойной стандарт продолжает сохраняться, только в перевернутом виде, когда уже советскую политику оценивают как «антирабочую». На самом деле еще при советской власти даже отдельные органы рабочего управления признавали, что для поднятия производительности труда необходимо вернуться к сдельной оплате, увеличив продолжительность рабочего дня²⁷⁶. Такова была логика любой государственной власти в ситуации углубляющегося спада производства. В середине 1918 г. подавляющая масса государственных и частных предприятий оказалась полными банкротами, уровень реальной заработной платы упал. Перед работниками встал острейший вопрос о способах выживания в этой чрезвычайной ситуации, а перед государством и руководством предприятий – о путях удержания качественной рабочей силы.

Очевидной мерой, необходимой для смягчения многих назревших проблем, представлялся переход от повременной оплаты труда, введенной повсеместно в период революции и советской власти, к сдельной – везде, где это было целесообразно с точки зрения повышения производительности труда. Ситуация в разных регионах могла сильно зависеть от партийно-политической доктрины оказавшихся у власти лидеров.

²⁷³ ГАКО. Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

²⁷⁴ *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. М., 2007. С. 47.

²⁷⁵ *Баева Л.К.* Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 – конец 1918 года). М., 1977. С. 47–68.

²⁷⁶ *Кадейкин В.А.* Рабочие Сибири в борьбе ... С. 192; История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революции и гражданской войны. С. 199; *Абрамовский А.П., Буданов А.В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 212–222.

Эсеровские политики Поволжья не спешили расставаться с революционными иллюзиями о возможности достойной оплаты свободного труда в условиях спада производства. Понимание неизбежности возвращения к традиционным формам оплаты труда, конечно, присутствовало если не у них, то у управленцев. Только этим можно объяснить приказ начальника Самаро-Златоустовской железной дороги, не предвещая заранее переход на сдельную форму оплаты труда, произвести с 1 августа 1918 г. учет всех видов работ и рассчитать нормы выработки²⁷⁷. Самарские железнодорожники, вспоминая пять лет спустя события лета 1918 г., упрекали «меньшевистский» профсоюз в том, что он не смог противостоять администрации и жестко отстоять требование повышения зарплаты²⁷⁸.

Куда более решительной и реалистичной оказалась практика правительств Сибири и Урала. На заседании Совета министров Временного Сибирского правительства 23 июля 1918 г. после доклада управляющего Министерством путей сообщения Г.М. Степаненко правительство признало желательным перевод всех казенных работ на сдельную систему²⁷⁹. Проблема заключалась в изменении стоимости рубля и условий труда за прошедшие месяцы. Появился ряд новых вопросов: как оплачивать простои, возникавшие по вине работодателей, сверхурочные и т.д.

При их решении власти опасались дальнейшей эскалации социальных конфликтов и жестким директивам предпочитали переговорный процесс. Циркуляр Министерства труда от 13 июля 1918 г. предлагал для определения новой шкалы зарплат созвать губернские совещания с участием профсоюзов и торгово-промышленного класса. На это предложение охотно откликнулись рабочие. Зато предприниматели, как правило, отказывались от участия в таких совещаниях. В результате, например, акмолинскому областному комиссару Г.И. Торговицкому не удалось собрать совещание по выработке новых тарифов²⁸⁰. Но во многих местах они действительно появились и разработали местные нормы заработной платы²⁸¹. В Семипалатинске такая комиссия 2–12 августа 1918 г. провела семь заседаний, но прервала свою работу, не получив разъяснения о том, являются ли ее решения обязательными для участников трудовых отношений²⁸².

Довольно редко представители Министерства труда добивались не только созыва совещаний, но и принятия новых тарифных соглашений между профсоюзами и торгово-промышленными организациями. Но такие действия подчас не решали проблему, а только отдалали острые проявления конфликта. Постановления тарифных съездов никак не регламентировались в законодательстве, и было непонятно, носят ли их решения рекомендательный или директивный

²⁷⁷ Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги (Самара). 1918. № 14. С. 185.

²⁷⁸ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 43. Л. 65 об.

²⁸⁰ Заря (Омск). 1918. 23 сент.

²⁸¹ Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 19 июля; Народное дело (Оренбург). 1918. 17 июля.

²⁸² ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 134. Л. 4–6.

характер²⁸³. Нередко обсуждение проблемы расценок приводило к обострению конфликта между разными общественными группами. В.И. Шемелев, бывший в годы Гражданской войны алтайским губернским комиссаром труда, спустя много лет писал, что в Барнауле при его участии удалось выработать общий тарифный договор, подписанный 11 декабря 1918 г. биржевым обществом и советом профсоюзов Барнаула. В договоре регламентировалась заработная плата по всем существовавшим в городе профессиям²⁸⁴. Но путь к этому договору был полон конфликтов между профсоюзными деятелями, объединившимися вокруг В.И. Шемелева, и предпринимателями Барнаула, на сторону которых встали военные власти города. Центральная тарифная комиссия при Совете алтайских профсоюзов пересмотрела действовавшие тарифные ставки в сторону повышения. Это решение не поддержали предпринимательские организации Алтая. Совещание представителей ведомств и предпринимателей признало новые тарифы преувеличенными. В.И. Шемелева заключили в тюрьму и отдали под суд²⁸⁵.

Справедливости ради, следует отметить, что В.И. Шемелев действительно допускал грубое превышение своих полномочий, в частности, он возглавил правление Барнаульской больничной кассы, хотя по закону он как губернский инспектор труда осуществлял правительственный надзор за ее деятельностью²⁸⁶. Но это был административный проступок. У военных властей имелось достаточно и других поводов для его ареста. Трудно признать нормальной ситуацию, когда губернский комиссар труда одновременно является и лидером профсоюзного движения, позволяющим жесточайшую критику режима, граничащую с призывами к борьбе с ним²⁸⁷. Подозревали, что брат В.И. Шемелева А.И. Шемелев проводил у него на квартире собрания подпольщиков²⁸⁸. В последующем юристконсульт, разбиравший «дело В.И. Шемелева», отметил, что хотя обвинения в создании подпольной антиправительственной организации не доказаны и арестованного следует освободить, но в его деятельности на посту Алтайского губернского комиссара/инспектора труда прослеживалась очень явная тенденция решать все трудовые конфликты в пользу рабочих²⁸⁹.

Похожая печальная судьба постигла договоренности по тарифам оплаты труда красноярских печатников. В ходе длившихся с 9 по 30 ноября 1918 г. переговоров представителей торгово-промышленников и профсоюзов рабочие согласились на ставки чуть ниже тех, что

²⁸³ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 12.

²⁸⁴ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 131. Л. 33.

²⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 134–135 об.; Д. 173. Л. 69–69 об.; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / В.И. Шемелев. Новосибирск, 1928. С. 181.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 34.

²⁸⁷ См.: ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 54. Л. 3. – Протоколы съезда профсоюзов Алтайской губернии 22–23 сентября 1918 г.

²⁸⁸ *Резниченко А.Н.* Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири. Новосибирск, 1972. С. 111.

²⁸⁹ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 367.

предусматривала тарифная комиссия из рабочих. Только хозяева не признали прожиточный минимум, утвержденный профсоюзами, и стали считать тарифы от меньшего его размера. Дело закончилось забастовкой печатников²⁹⁰. Аналогично завершилась работа тарифной комиссии бюро профсоюзов Оренбурга. Ее предложения утвердил в качестве обязательных тарифов управляющий губернским отделом труда А. Гуревич. Но администрация казенных и владельцы частных предприятий проигнорировали это нововведение, дружно указав, что представитель Комуца вышел за пределы своей компетенции²⁹¹.

Не следует, однако, вслед за советскими историками изображать процесс выработки новых тарифов как сплошную череду конфликтов. Рабочее отделение Министерства труда с июля по декабрь 1918 г. было завалено запросами от казенных учреждений о том, каких ставок следует придерживаться при оплате работ вольнонаемных рабочих и служащих казенных предприятий и государственных учреждений. На несколько месяцев отделение превратилось во «всесибирский отдел кадров», увязнув в разъяснениях того, что не регламентировалось вовсе и должно было зависеть от инициативы местных властей и местных средних расценок на труд²⁹². В сентябре 1918 г. Министерство труда рекомендовало на частных предприятиях придерживаться тарифов, существовавших в Сибири до 15 мая 1918 г., проиндексировав их в связи с ростом цен на 25%²⁹³. На большинстве предприятий администрация и работники предпочитали следовать правительственным рекомендациям, не обостряя отношения друг с другом. Профсоюз швейцаров, курьеров и сторожей Омска 19–20 июля 1918 г. разработал тарифы оплаты труда неквалифицированных служащих, которые считал минимальными при сложившемся уровне цен, просил все казенные и частные учреждения придерживаться их во избежание конфликтов²⁹⁴.

Но ситуации возникали разные. В Уфе в сентябре 1918 г. служащим городского лазарета предложили получить содержание по новым пониженным ставкам и дать расписку, что они останутся на службе на правах военнообязанных. Отказ вызвал увольнения, замену всех служащих военнопленными и лишение прежних работников казенных квартир²⁹⁵.

Почти повсеместный протест со стороны рабочих вызвал также переход к сдельной форме оплаты труда²⁹⁶. Рабочие утверждали, что «она губительна для пролетариата по своим последствиям, создает в рядах рабочего класса нездоровую конкуренцию и разъединение»²⁹⁷. На самом

²⁹⁰ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

²⁹¹ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 17 июля, 3 сент., 24, 25 окт.; Рабочий день (Оренбург). 1918. 27 окт., 3 нояб.

²⁹² ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 4–22, 24–70, 72–72, 79–133.

²⁹³ Там же. Л. 140.

²⁹⁴ Там же. Д. 68. Л. 16–17.

²⁹⁵ *Филимонов М.А.* Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности. Уфа, 2002. С. 70.

²⁹⁶ *Гнатовская Е.Н.* Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1991. С. 146; Уфимская жизнь. 1918. 23 сент.; Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 6; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

²⁹⁷ Новый алтайский луч (Барнаул). 1918. 5 окт.

деле производительность труда почти на всех предприятиях за 1917 – первую половину 1918 г. катастрофически снизилась, а заработная плата возросла в несколько раз. По указаниям Министерства торговли и промышленности и Министерства труда все вводимые сдельные тарифы оплаты труда должны были составляться из того расчета, чтобы при сохранении производительности труда на уровне 1916 г. рабочие получали бы такую же оплату, каким было их повременное вознаграждение за труд летом–осенью 1918 г. В конфликтных случаях предполагалось решать вопрос в согласительных комиссиях с участием представителей от рабочих и администрации предприятий.

Естественно, что при упавшей в 1917 – начале 1918 г. производительности труда реальная зарплата многих рабочих снизилась. Тем не менее смена принципа оплаты труда была эффективным и, по-видимому, необходимым способом восстановления уровня производства, выравнивания макроэкономических параметров. Государственная власть не желала и не могла отказаться от этого шага. Справедливости ради, нужно отметить, что нередко производительность держалась на низком уровне не по вине рабочих. Предприятия простаивали из-за отсутствия сырья. Спротивление рабочих введению сдельной оплаты, требования утвердить в согласительных комиссиях ставки, которые бы не вели к уменьшению их доходов при снизившейся производительности, – все это приводило к многочисленным и затяжным конфликтам между рабочими и администрацией государственных и частных предприятий.

Отношение рабочих к сдельной форме оплаты труда на Урале отличалось от реакции сибирских пролетариев. Здесь позиция профсоюзов оказалась терпимее. Условия перехода на сдельщину, выдвинутые Временным Сибирским правительством и продублированные на Урале, их вполне устроили²⁹⁸. Несколько месяцев понадобилось на то, чтобы возобновить работу предприятий, остановленных в период вооруженной борьбы, разработать новые ставки. В итоге оплата труда на сдельных условиях стала производиться лишь поздней осенью 1918 г.

При переводе на новые формы оплаты труда не обошлось без отдельных эксцессов, когда владельцы или администрация пытались так отрегулировать сдельные тарифы, что это вело к существенному сокращению заработков на фоне роста цен²⁹⁹. А.А. Гутт направил в Совет Временного областного правительства Урала предложения по введению сдельной формы оплаты труда, в целом повторившие сибирский вариант. С сентября 1918 г. правительство установило размер сдельной оплаты для рабочих казенных и управлявшихся казной частных предприятий в

²⁹⁸ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводом очерком А. Таняева. Свердловск, 1929. С. 134.

²⁹⁹ Иванов А.В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы // Известия УрГЭУ, 2013. № 2(46). С. 92.

размере от 8 руб. в день для разнорабочего до 16 руб. в день для высококвалифицированного при нормальной производительности³⁰⁰.

В историографии позиция автора диссертации противопоставлена характеристике этой проблемы, данной в конце 1920-х гг. историком А.П. Танеевым, якобы утверждавшим, что уральские рабочие протестовали против введения сдельщины³⁰¹. Но подобное противопоставление базируется на некорректной интерпретации. По приведенным А.П. Танеевым сведениям, протест вызвало падение зарплаты рабочих, произошедшее после перевода на сдельщину. Причем в подтверждение своего тезиса А.П. Танеев сопоставил размер поденщины в мае 1918 г. и в марте 1919 г., следовательно, он явно писал о протестных настроениях более позднего времени, когда падение уровня жизни рабочие стали связывать в том числе и с восстановлением сдельных принципов оплаты³⁰². В монографии В.М. Рынкова речь шла о вполне терпимой реакции большинства уральских рабочих на преобразования, проводимые осенью 1918 г.³⁰³

Нужно отметить, что возрождение сдельной формы оплаты труда являлось неизбежным шагом. Это осознали даже советские управленцы, которые с весны 1918 г. робко, а осенью достаточно решительно взяли курс на ее восстановление³⁰⁴. В центре страны им также пришлось преодолеть яростное сопротивление профсоюзов, а в условиях развала экономики стимулирующая роль сдельщины не могла проявить себя в полной мере и затормозить уравнивательные тенденции ни в советской, ни в антибольшевистской России.

Наряду с региональными отличиями в характере оплаты труда и реакции на ситуацию в этой сфере самих рабочих, существенную роль играла отраслевая принадлежность. Наиболее конфликтная ситуация сложилась на транспортных предприятиях, что в силу стратегической значимости данной отрасли требовало от власти спешного решения. 23 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство одобрило намерение Министерства путей сообщения перевести мастеровых и рабочих отрасли на сдельную форму оплаты³⁰⁵. Циркуляр министерства от 26 июля 1918 г. предписывал на всех транспортных предприятиях разработать новые тарифы для перевода рабочих и служащих на сдельную, почасовую и поверстную систему оплаты труда³⁰⁶. В циркуляре

³⁰⁰ Дмитриева С.С. Промышленность Урала летом–осенью 1918 г.: программа выхода из кризиса от демократического правительства // Индустриальная Россия. Вчера. Сегодня: материалы всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. С. 142. См. также: Рабочий класс Урала в годы войны и революций: в документах и материалах / под ред. А.П. Танеева. Свердловск, 1927. Т. 3. С. 381–383. В литературе и источниках обычно пишут о сдельной оплате. Но по смыслу понятно, что речь шла о нормировании и повременной, и сдельной формы оплаты.

³⁰¹ Иванов А.В. Социально-экономическая политика ... С. 91.

³⁰² См.: Колчаковщина на Урале. С. 50.

³⁰³ См.: Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 166.

³⁰⁴ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. С. 82–85. См. также: Швец Ю.П. Социальные преобразования в Барнауле в декабре 1917 – июле 1918 гг. // Образование и социальное развитие в регионе. Барнаул. 1995. № 3–4. С. 203.

³⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 65 об.

³⁰⁶ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1918. № 1–3. С. 5; Вестник Западной-Уральской железной дороги (Екатеринбург). 1918. № 14. С. 11–12; № 20. С. 8.

Министерства путей сообщения от 19 сентября 1918 г. формулировались основные принципы, которыми должны были руководствоваться управления железных дорог и водных путей сообщения при переводе рабочих на новую систему оплаты труда. Согласно им, 50% от существовавших летом 1918 г. ставок сохранялись в виде фиксированного оклада. Остальная часть заработной платы выплачивалась в зависимости от индивидуальной производительности. Для этого администрация должна была разработать шкалу тарифов оплаты из такого расчета, чтобы при выполнении норм производительности труда 1916 г. зарплата рабочих и служащих оставалась на уровне лета 1918 г. Министерство сохранило также все существовавшие ранее надбавки на дороговизну³⁰⁷.

Но при расчете новых ставок администрация не учитывала или сознательно игнорировала тот факт, что с 1916 по 1918 г. произошло значительное ухудшение материально-технического оснащения железных дорог (уменьшение вагонного парка и обеспечения топливом, отсутствие инструментов и оборудования). Следовательно, поднять производительность труда до уровня 1916 г. становилось невозможно в силу объективных причин³⁰⁸. Вот почему рассчитанные по новым, на первый взгляд, вполне справедливым, принципам сдельные ставки обычно вели к снижению заработков железнодорожников. Оплата была настолько низкой, что газеты сообщали о массовом увольнении железнодорожников. Некоторые работники уходили даже без расчета, который администрация отдельных железных дорог запретила выдавать, пытаясь таким образом сохранить рабочих³⁰⁹. Попытка рабочих отстаивать свои интересы приводила к арестам³¹⁰.

Вопрос этот все же не имел однозначного решения. Если в красноярских железнодорожных мастерских в 1916 г. трудились 1556 рабочих и мастеровых, ремонтировавших по 9,7 паровоза ежемесячно, то в середине 1918 г. – 2722 рабочих и мастеровых, ремонтировавших лишь 2 паровоза. При этом средняя зарплата выросла в 3 раза³¹¹. Поэтому можно понять железнодорожную администрацию, стремившуюся избавиться от трудового балласта и приблизить производительность к уровню рентабельности. В 1919 г. 60% всех средств, вырученных железными дорогами, шло на зарплату рабочим и служащим³¹². Удовлетворение требований работников вынудило бы пустить на эти цели все доходы от эксплуатации железных дорог. Вместе с тем известна и крайне негативная реакция на введение сдельных расценок не только со стороны самих

³⁰⁷ Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 8–9. С. 31–34.

³⁰⁸ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 9.

³⁰⁹ Голос Приморья (Владивосток). 1919. 7 февр.

³¹⁰ Письма во власть в эпоху революции ... С. 90.

³¹¹ *Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В.* Междусоюзный железнодорожный комитет и его роль в восстановлении Сибирской магистрали // *Фундаментальные и прикладные исследования по транспорту*. Вып. 24 (106). Страницы истории России. Екатеринбург, 2002. С. 145.

³¹² ГАРФ. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.

железнодорожников. Чехи попытались даже в октябре 1918 г. отменить на Урале введение сдельной оплаты, оставив прежнюю повременную систему начисления³¹³.

Вопрос об индексации ставок неоднократно поднимал на правительственных заседаниях Л.А. Устругов, но он не находил поддержки у Совета министров, который долгое время предпочитал обходиться паллиативами. Например, 4 марта 1919 г. было принято решение о выделении 13,7 млн руб. безвозвратных ссуд продовольственным комитетам железнодорожных рабочих и служащих с разрешением Министерству продовольствия и снабжения выдавать продкомам мясо и хлеб³¹⁴. Впрочем, на эти цели были и другие перечисления средств суммой около 100 млн руб. Запрашивало же министерство 150 млн руб. в качестве ссуды для заготовки одних только продовольственных предметов для железнодорожных рабочих и служащих и членов их семей, отмечая, что на территории, подчиненной Российскому правительству, не менее 320 тыс. семейств железнодорожников³¹⁵. Лишь 11 марта 1919 г. Г.М. Степаненко удалось добиться существенного повышения оплаты труда транспортников. На них была распространена выдававшаяся всем государственным служащим прибавка на дороговизну в 35%. Она начислялась рабочим и мастеровым с 1 ноября 1918 г. и высчитывалась со всей суммы их сдельного или поденного заработка. Постановление не распространялось только на рабочих, нанятых по ценам вольного рынка³¹⁶. 28 июля 1919 г. Совет министров по просьбе Л.А. Устругова ввел дополнительные пособия железнодорожным, почтово-телеграфным служащим, мастеровым и рабочим. На следующий день постановили выплачивать эти пособия и работникам ведомства внутренних водных путей³¹⁷. Но это не могло оказать существенного влияния на их жизненный уровень. В апреле 1919 г. профсоюз Томской железной дороги довел до сведения министра путей сообщения, что в соответствии с прожиточным минимумом, выработанным Томской губернской инспекцией труда, месячного заработка хватает семейному рабочему на 8–20 дней³¹⁸.

19 сентября 1919 г. министр путей сообщения распорядился созвать в Томске съезд по выработке ставок сдельной оплаты труда, а с 23 по 27 ноября 1919 г. одновременно со съездом заседала министерская комиссия по этому вопросу. Членам комиссии пришлось признать аргументы рабочих о несправедливости существующих тарифов оплаты труда и порядка их начисления. В условиях постоянных простоев, неритмичности работы дороги колебания в оплате

³¹³ Телеграмму об этом генерала Я. Сыровы упоминает В.Г. Болдырев (см.: *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты ... С. 78).

³¹⁴ Русская армия. 1919. 7 марта. В журнале заседания Совета министров указанная сумма не фигурирует (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 128–128 об.).

³¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 36. Л. 281–282.

³¹⁶ Правительственный вестник. 1919. 17 июля; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 10. Ст. 155; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 159; Вестник Омской железной дороги (Омск). 1919. № 15–17. С. 160.

³¹⁷ Правительственный вестник. 1919. 30 июля, 17 авг.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 332–333.

труда не зависели от усилий рабочих и служащих. Рабочие требовали введения поденных расценок³¹⁹.

Рабочие и служащие правительственных предприятий добивались периодического повышения заработной платы, но она, как правило, у среднеоплачиваемого работника не дотягивала до прожиточного минимума. Совет министров Российского правительства долгое время предпочитал обходиться такими вспомогательными мерами, как процентные надбавки к действовавшим ставкам либо даже надбавки, единые для всех и выражающиеся в примерной сумме удорожания минимально необходимых продуктов. В результате над действовавшими ставками постепенно нагромождалась череда больших и маленьких бонусов. Но и они не спасали: неповоротливая реакция центральной власти не успевала за уровнем цен.

Рабочие и служащие частных железных дорог получали оплату по тарифам, близким к государственным, которые также индексировались. Разница заключалась в том, что обычно прибавки выплачивались с большим опозданием. Изменения в условиях и размерах оплаты труда не распространялись на частные железные дороги автоматически, и уходило месяцы на то, чтобы правительство стало рассчитывать дотации с учетом новых надбавок.

Есть примеры и более мягкого решения вопроса с денежными выплатами железнодорожникам. В районе действия Оренбургского комитета членов Учредительного собрания железнодорожники, сославшись на рост цен, предъявили требование о повышении зарплаты. Не имея инструкций из Самары или Уфы по этому поводу, А.И. Дутов заявил, что принимает временное решение под свою ответственность. Рабочие и служащие Ташкентской и Орской железных дорог стали получать оплату по более высоким ставкам, утвержденным Ташкентским советом, но были предупреждены, что, если центральная власть не одобрит этот шаг, излишние выплаты придется удержать из последующих заработков³²⁰. Чем решился данный вопрос, неизвестно, однако оренбургским властям точно удалось избежать осенью 1918 г. участия местных рабочих в масштабной стачке железнодорожников, которая заблокировала магистраль от Челябинска до Владивостока. И это несмотря на то, что год назад железнодорожники приняли участие в стачке против А.И. Дутова³²¹. Аналогичное решение приняла профсоюзная тарифная комиссия Оренбурга. Прожиточный минимум для семьи из трех человек в октябре 1918 г., по ее подсчетам, превышал тысячу рублей. Члены комиссии решили не предъявлять требований столь значительного повышения ставок, опасаясь испортить отношения рабочих с властью. В январе 1919 г. комиссия предложила определить минимум в 450 руб. в месяц и рассчитать тарифы для работников разной квалификации от 450 до 800 руб. в месяц³²².

³¹⁹ Еженедельник (Харбин). 1919. № 3. С. 5–6.

³²⁰ Оренбургский вестник Комуча. 1918. 13 окт.; ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 119. Л. 14.

³²¹ ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 127. Л. 5–6.

³²² Там же. Ф. 8042. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–21 об.

Другой пример оперативного решения возникавших проблем связан с введением в Перми единых для всей территории Российского правительства ставок, которые оказались ниже существовавших ранее. Тогда ввели надбавки, выравнивающие выплаты до уровня советских. Это было вызвано тем, что власти опасались оттока транспортников на советскую территорию как раз тогда, когда необходимо было производить масштабные ремонтные работы³²³.

Приведенные примеры демонстрируют возможность сглаживания конфликтов во взаимодействии властей, рабочих организаций и предпринимателей по вопросам оплаты труда. Были и другие примеры достаточно организованного трехстороннего переговорного процесса: консолидированное выступление предпринимательских и рабочих организаций, конструктивное обсуждение и позитивный результат. Наверное наиболее показательна ситуация в Приуралье, где осенью 1918 г. комиссар труда добился договоренности о новых ставках как на казенных, так и на частных предприятиях Челябинска и Троицка³²⁴. Причем они вводились с 1 марта 1918 г., что предполагало доплату за три месяца³²⁵. Впоследствии они периодически пересматривались. В 1919 г. утвердилась практика объявлять минимальный и максимальный размер оплаты труда (например, с 1 апреля 1919 г. – 700–1500 руб.), и затем на всех предприятиях и в учреждениях в соответствии с этими нормами изменяли всю тарифную шкалу³²⁶. Собираемые местными инспекторами труда сведения о ежемесячном изменении размера оплаты труда рабочих разных специальностей свидетельствовали, что расценки на рынке достаточно гибко реагировали на падение курса рубля, а существовавшие ставки действительно оставались близкими к прожиточному минимуму, по крайней мере, объявленному официально. Так, в Омске в мае–июне 1919 г. чернорабочий получал 550–600 руб. в месяц, в августе – 750–900 руб. При этом прожиточный минимум в июле составлял 536 руб., в августе – 724 руб.³²⁷

Предприниматели, в свою очередь, выражали готовность к переговорам по вопросам оплаты труда, но предлагали урегулировать всю систему тарифов путем выхода на межотраслевые соглашения, причем так, чтобы снизить уравнительность и сохранить дифференциацию как способ стимулирования высокопроизводительных работников³²⁸.

Активное посредничество комиссаров/инспекторов труда, включение конфликтующих сторон в переговорный процесс существенно снижали накал страстей. Анализ хода таких переговоров позволяет обнаружить закономерность: представители рабочих обычно выступали за выравнивание зарплат, за более мягкую ее зависимость от интенсивности и квалификации труда,

³²³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 41.

³²⁴ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 147–147об.

³²⁵ *Сичинский Е.П.* К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: материалы юбил. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 74.

³²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 173. Л. 6–8.

³²⁷ ГАНО. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 417. Л. 3; Д. 422. Л. 138; Д. 423. Л. 13.

³²⁸ Письма во власть в эпоху революции ... С. 108.

которая должна была достигаться за счет выравнивающих надбавок за дороговизну и т.д., тогда как предприниматели отстаивали сохранение дифференцированного подхода к оплате.

Борьба рабочих за повышение заработной платы в антибольшевистском лагере была далеко не безнадежной, как это нередко изображалось советскими историками. Летом–осенью 1918 г. рабочим небольших предприятий нередко удавалось через примирительные камеры и тарифные комиссии либо путем забастовок отстоять требования о повышении зарплаты. 26 июля 1919 г. министр труда Л.И. Шумиловский, не видя иных механизмов сдержать падение реальной зарплаты, в своем докладе на заседании Государственного экономического совещания предлагал местным представителям Министерства труда активнее организовывать согласовательные процедуры, чтобы заставить рабочих и предпринимателей придерживаться взаимно приемлемых условий труда и его оплаты³²⁹.

Предприниматели шли на уступки, и власть эту ситуацию воспринимала с удовлетворением³³⁰. В дальнейшем в отношении крупных забастовок представители правительства стремились придерживаться следующей тактики: в случае выставления политических и экономических требований прикладывалось максимум усилий для удовлетворения только экономической части. Тогда рабочим приходилось уступать или власти получали все основания для проведения политических репрессий. Однако во всем идти на поводу у рабочих тоже не спешили. Достаточно легко удовлетворялись требования об индексации заработной платы в разумных пределах (были случаи ее увеличения до 50%)³³¹. Но администрация предприятий относилась отрицательно к требованиям предоставить рабочим частичный контроль над производством, к ослаблению трудовой дисциплины, восстановлению повременных расценок и твердых ставок. Власть и управленцы большинства предприятий были убеждены, что жесткий курс на материальное стимулирование приносит свои плоды, а все сбой есть результат враждебной пропаганды. Конечно, это было упрощением ситуации.

Железнодорожная администрация весной 1919 г. с удовлетворением отмечала, что введение сдельщины в ремонтных мастерских, несмотря на первоначальные протесты, благотворно повлияло на производительность и привело к существенному увеличению заработков отдельных, наиболее трудолюбивых рабочих. На первый взгляд, это не политическая бравада – факт увеличения выпуска вагонов и паровозов из мастерских подтверждают такую оценку³³². Но вместе с тем данные Красноярских железнодорожных мастерских свидетельствуют, что у 80% рабочих

³²⁹ Правительственный вестник. 1919. 5 июля.

³³⁰ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 88; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.

³³¹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 168–172; История Дальневосточного пароходства. М., 1962. С. 60. Впрочем, требования барнаульского профсоюза пимокатов о повышении тарифов на 50% владельцы предприятий признали чрезмерным (см.: Барнаульские пимокаты: очерк революционного, кооперативного и профессионального движения / под ред. П. Семьянова и П. Тузовского. Барнаул, 1927. С. 49).

³³² ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 247–248; Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 2. Л. 119; Сибирская жизнь. 1919. 17 апр.

сдельные заработки составляли 76–82% от прежних повременных и лишь у оставшейся части они выросли примерно на 30%³³³. В.И. Шемелев, опираясь на источники профсоюзного происхождения³³⁴, приводит убедительные доказательства необоснованности официальных данных о зарплате и производительности труда. Он показал, что зарплата железнодорожников сократилась, более того, выработанные осенью расценки не пересматривались несколько месяцев, что подорвало саму идею материального стимулирования производительности труда путем введения сдельной оплаты³³⁵.

Были и обратные примеры, когда рабочие сознательно принимали ухудшение условий своего существования. Например, администрации Ижевского и Воткинского заводов в соответствии с постановлением Временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания от 10 сентября 1918 г. выплачивали 2/3 заработка, так что к концу восстания долг только ижевским рабочим составил около 8 млн руб.³³⁶ Недовольство рабочих этим решением вполне очевидно, но никаких забастовок на заводах не происходило. Напротив, производительность труда в ряде цехов в период антибольшевистского восстания резко увеличилась³³⁷.

Следовательно, показатели производительности зависели не только от одних экономических, но и от политических обстоятельств. Отдельные группы рабочих могли, несмотря на тяжелейшие условия жизни, оставаться твердой опорой режиму. Это понимала и власть, стремившаяся материально поддерживать рабочий класс. Те же надбавки к заработной плате, что и для государственных чиновников, постепенно распространялись на рабочих как государственных, так и частных предприятий, существовавших на дотации казны. Железнодорожники получали даже премиальные за ударную работу во время эвакуации³³⁸. Постепенно фиксированная часть оплаты увеличивалась. Зарплата со временем все больше приобретала очертания социального пайка и все меньше сохраняла производственно-стимулирующие функции. 25 июля 1919 г. на рабочих и мастеровых казенных предприятий распространили правила о привлечении эвакуированных служащих к исполнению служебных обязанностей и о выдаче им вознаграждения³³⁹. Теперь казна продолжала платить зарплату эвакуированным казенным рабочим наряду с чиновниками. И лишь сложность военно-политической обстановки второй половины 1919 г. приводила к тому, что коллективы рабочих, нередко довольно организованно и компактно перемещавшиеся вместе эвакуированным оборудованием на восток, оказывались оторваны от источников финан-

³³³ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 19 окт.

³³⁴ Созвучный его рассуждениям документ см.: ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 332–336.

³³⁵ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 193.

³³⁶ Прикамье. 1918. 24 сент.; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 116.

³³⁷ *Гаевский Э.И.* Воткинский завод в годы гражданской войны (1917–1922) // Бела гвардия. М., 2002. № 6. С. 27.

³³⁸ Правительственный вестник. 1919. 17 окт.

³³⁹ Там же. 16 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 113.

сирования и брошены на произвол судьбы. Именно так произошло с полутора тысячами рабочих Воткинского завода, оставшихся в Томске после ухода из города Белой армии³⁴⁰.

Негативные тенденции в сфере оплаты труда в меньшей степени проявлялись на производствах, работавших на военные нужды на коммерческих условиях. Благодаря возможности периодически пересматривать контракты на поставки предприниматели старались регулярно индексировать оплату труда, включая расходы в рост себестоимости продукции. Поэтому на военно-промышленных предприятиях зарплата продолжала нести прежде всего функцию материального стимулирования.

С конца 1919 г. в связи с прогрессирующей инфляцией требования рабочих формулировались все более жестко, включали более радикальное повышение уровня оплаты труда. Омский союз рабочих печатного дела в начале осени 1919 г. произвел перерасчет рекомендуемых тарифов, положив в основание двойной прожиточной минимум как оклад для работников низшей квалификации при низкой прогрессии шкалы тарифов. В результате оклады стали составлять 1860–2100 руб., причем большинство типографий пошли на выполнение требований профсоюзов сразу³⁴¹. Во Владивостокском порту администрация предлагала оплатить рабочим за 3 месяца простоя (октябрь 1919 – январь 1920 г.) по 75% от поденной нормы оплаты, а рабочие ультимативно требовали компенсации всех простоев с учетом трехкратного повышения расценок³⁴².

Примечательно, что Политический центр продекларировал, что в ближайшее время будут выработаны новые принципы оплаты труда служащих и рабочих казенных предприятий, которые будут согласованы с требованиями профсоюзов. Но как раз в этом направлении ничего реально предпринято не было. Ведомство труда так и не приступило к этой работе. Заботу о регулировании отношений между рабочими и администрацией предприятий, определении прожиточного минимума явочным порядком взял на себя Иркутский губернский комитет профсоюзов, легко отстранив ведомство труда от исполнения своих основных функций³⁴³.

Временный совет народного управления на заседании 16 января 1920 г. обязал все частные и общественные предприятия и учреждения выплатить своим рабочим и служащим полную заработную плату за дни восстания – с 23 декабря 1919 г. по 6 января 1920 г. Даже работники, получавшие сдельную оплату, должны были удовлетворяться содержанием из расчета их среднего заработка³⁴⁴. И.В. Берснева утверждает, что предприниматели проигнорировали это постановление, но никаких доказательств своего тезиса не приводит³⁴⁵. Собственно, этим и

³⁴⁰ Коробейников А.В. Воткинское судостроение и Гражданская война. Ижевск, 2012. С. 54–55.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1736. Л. 1–1 об.

³⁴² Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1920. 29 янв.

³⁴³ Дело. 1920. 15 янв.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-6354. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20.

³⁴⁵ Берснева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр», ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 114.

ограничилось регулирование вопросов заработной платы рабочим в кратковременный период существования Политцентра.

Еще сложнее складывались отношения с рабочими в семеновском Забайкалье. Осенью 1919 г. здесь установилась довольно гибкая система пересчета оплаты труда для частных предприятий. Сопровождаемое при инспекторе труда вычисляло прожиточный минимум для каждого из крупных рабочих поселков области и устанавливало поденную оплату чернорабочему не ниже этой суммы. Действовавшая на каждом предприятии шкала позволяла вычислить остальные ставки, отталкиваясь от минимальной зарплаты чернорабочего. Так, для Петровского завода в сентябре 1919 г. при прожиточном минимуме в 620 руб. поденщина чернорабочего на октябрь была повышена с 18 до 25 руб. Затем, исходя из прожиточного минимума на октябрь и ноябрь в 860 и 1136 руб., поденщину чернорабочему подняли в ноябре и декабре до 35 и 47 руб. соответственно. Но уже в 20 декабря 1919 г. совещание признало, что при скачке цен на 119–125% владельцы предприятий и казна могут увеличить зарплату максимум на 80%, причем для всех предприятий, независимо от особенностей колебания цен. Рабочим же, получающим месячное жалование, решили установить всем оплату в 1000 руб. (при прожиточном минимуме в 2488 руб.)³⁴⁶.

В следующем, 1920 г. привязка к прожиточному минимуму практически потеряла смысл, хотя инспекция труда продолжала его определять. В январе 1920 г. он составлял 6600 руб., в феврале вырос до 10 тыс. Но почему-то в августе комиссия при инспекторе труда назвала сумму в 2544 руб. для Читы и 2566 руб. для области, хотя цены выросли многократно. Многие профсоюзы отказались присылать своих представителей в комиссию по определению прожиточного минимума, отмечая, что это сугубо научные изыскания, никак не связанные с практикой. Зарплата рабочего в феврале составляла в среднем 1/10 от определяемого комиссией минимума и даже у чиновников верхних классов она не достигала до «заветной черты». По мнению забайкальских профсоюзов, до тех пор, пока зарплата не будет действительно увязана с прожиточным минимумом, требовать от рабочих повышения производительности нет никаких оснований. Полуголодные работники вынуждены содержать огород, самостоятельно заниматься заготовкой дров да еще и искать приработок на стороне. Представитель Читинского биржевого комитета в феврале 1920 г. высказал категорическое несогласие с позицией профсоюзов. По его мнению, постоянное подтягивание зарплат к прожиточному минимуму – это тупиковый путь, лишь запускающий маховик инфляции. Настоящий выход следует искать в организации (возможно, с помощью государственной власти) заготовок дешевых продуктов и предметов первой необходимости³⁴⁷. Если для служащих семеновская власть немало сделала в этом направлении, то рабочие не почувствовали ее заботу.

³⁴⁶ ГАЗК. Ф. 56. Оп. 6. Д. 40. Л. 127–128, 133–133 об., 141–141 об., 152–152 об.

³⁴⁷ Забайкальская новь (Чита). 1920. 18, 19 февр., 5 сент.

Похожие проблемы обрушились на Приморье. Здесь в связи с отсутствием средств в уездных казначействах резко увеличивалась задолженность перед рабочими. Хотя рабочим казенных предприятий пообещали с 1 января 1920 г. увеличить надбавку на дороговизну в 6 раз, но смысла в этом они не видели. В январе 1920 г. многие не получили даже октябрьскую зарплату, поэтому требовали повышения расценок за уже произведенные работы, а также оплаты простояных дней, так как работы в эти месяцы было чрезвычайно мало³⁴⁸. Крупнейшие предприятия, такие как Дальневосточный судоремонтный и механический завод, функционировали благодаря военным заказам. Распад армии оставил и эти предприятия без сбыта и, соответственно, финансирования. Правительству пришлось выплачивать зарплату огромным неработающим коллективам³⁴⁹. Как и в Забайкалье, представители профессиональных союзов и региональной власти сходились на том, что в условиях катастрофической инфляции и тотальной задолженности по зарплате со стороны казны и частных нанимателей надбавки и пособия следует считать временным и паллиативным средством. Улучшение положения рабочих нужно добиваться путем организации гарантированного снабжения предметами первой необходимости³⁵⁰.

Временному правительству – Приморской областной земской управе неоднократно приходилось выдавать вне всяких правил значительные пособия на дороговизну рабочим и служащим отдельных учреждений и предприятий, затыкая наиболее вопиющие «щели» и дыры в системе оплаты труда рабочих казенных предприятий. Наиболее значительные выплаты получили железнодорожники. Только 30 марта 1920 г. решили выделить на эти цели 92 592 тыс. руб.³⁵¹

Похоже, смена власти не привела к принципиальным переменам в сфере оплаты труда. 28 июля 1921 г. Временное Приамурское правительство вынуждено было перейти на прямое авансирование Дальневосточного судоремонтного и механического завода. Твердая сумма в 46 тыс. зол. руб. должна была отпускаться ему на оплату труда рабочих независимо от количества поступивших и выполненных заказов³⁵².

Вместе с тем в Приморье усиливалась тенденция к замене денежной оплаты труда пайковым довольствием, имевшим к 1920 г. гораздо большую ценность. Летом 1920 г. японское командование практиковало раздачу бесплатных продовольственных наборов железнодорожникам, не отказывавшимся от работы в связи с невыплатой зарплаты. Это был тонкий ход со стороны японцев – усмиренные голодом рабочие тем самым как бы выражали свою лояльность интервентам и принимали на себя обязательства исправной работы. Недаром практиковалось составление списков желающих добровольно получать японские пайки³⁵³.

³⁴⁸ Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1920. 17, 29 янв.

³⁴⁹ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты ... С. 346.

³⁵⁰ Вперед (Харбин). 1920. 4 авг.

³⁵¹ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 4 апр.

³⁵² ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

³⁵³ *Гнатовская Е.Н.* Железнодорожники в период Октябрьской революции ... С. 197, 199–201.

Но на заключительном этапе Гражданской войны скудость ресурсов не позволяла власти на востоке России использовать механизм вознаграждения за труд, широко практиковавшийся в Советской России – перевод ключевых оборонных и транспортных предприятий на красноармейский паек, а также предоставление работникам ударных производств привилегированного снабжения и права легальной заготовки продовольствия на свободном рынке³⁵⁴.

Можно отметить черты сходства и различия в политике регулирования оплаты труда и в экономических процессах в восточных регионах России и в советском лагере. Избежать некорректности сравнения можно, только если учесть хорошо известные факты: при падении реального заработка рабочих в Советской России к 1918 г. до 40% от уровня 1913 г., а в 1919 и 1920 гг. – до 30% денежная часть их вознаграждения составляла 52,6, 20,7 и 7,4% соответственно³⁵⁵. Таким образом, продовольственные пайки, рабочая одежда и предоставление коммунальных услуг играли все возрастающую роль для советских трудящихся, а организация натурального снабжения рабочих и служащих с регулированием размеров пайков для разных категорий получателей стала самой весомой частью советской политики в сфере оплаты труда. Лагерь контрреволюции в этом отношении заметно отличался. На востоке России денежный заработок продолжал играть определяющую роль, а натуральное снабжение рабочих осталось в начальной стадии организации.

Чтобы уследить за советским законодательством, касавшимся заработной платы, требуется специальное исследование. Анализируя многочисленный нормативный материал, А.А. Ильюхов отметил, что советские декреты отражают стремление высших органов власти решать не только общие, но и частные вопросы, а над любой общей схемой надстраивалась пирамида исключений³⁵⁶. В советском лагере часто прибегали к выплате надбавок, с помощью которых сглаживали установленные изначально существенные различия между тарифами отдельных групп рабочих и служащих. Прослеживается общее направление советской практики на выравнивание амплитуды заработных плат независимо от интенсивности труда и квалификации.

* * *

Очевидно, что по обе стороны фронта процессы в сфере оплаты труда шли в одном направлении, по пути расширения немонетарной части вознаграждения за труд³⁵⁷. Нужно отметить, что оплата труда всегда имеет две части, «зарплатную» и «незарплатную». В разные периоды истории это соотношение менялось. Гражданская война способствовала усилению значения

³⁵⁴ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 471–474, 504–505.

³⁵⁵ Струмилин С.Г. Динамика условий труда в СССР за 1917–1927 гг. // Струмилин С.Г. Избранные произведения: в 5 т. М., 1963. Т. 3: Проблемы экономики труда.

³⁵⁶ См.: Ильюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941. М., 2010. С. 19.

³⁵⁷ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 61.

незарплатных механизмов компенсации трудовых усилий работников³⁵⁸. Особенностью оставалось то, что и при советском режиме, и при антибольшевистских правительствах одним из методов удержания работника оставалось административное принуждение, нередко заменявшее необходимость создавать материальные стимулы. Советская Россия в этом отношении эволюционировала быстрее. В восточных регионах бывшей Российской империи власть не форсировала данный процесс, за исключением Забайкалья и Дальнего Востока в 1920 – первой половине 1921 г.

Огромную роль в процессе стимулирования труда играет такой фактор, как дифференциация оплаты. До Первой мировой войны разница между заработками рабочих высшей и низшей квалификации составляла 2,7–3,3 раза. В силу резкого падения уровня жизни эта разница стала сокращаться еще до прихода к власти большевиков и к 1917 г. составляла 2,32 раза. С 1918 г. к объективным предпосылкам добавилось еще и сознательное стремление власти к уравнительности. В результате в 1918 г. советская власть установила тарифную систему, в которой разница между заработками высокооплачиваемых рабочих и занятых неквалифицированным трудом сократилась до 1,3 раза, в 1919 г. – 1,09, т.е. практически исчезла³⁵⁹. Правда, при этом резко возросла немонетарная часть вознаграждения, в которой дифференциация проводилась более четко³⁶⁰. В годы Гражданской войны большевики апробировали известную новацию – натуральную стимуляцию по принципу идейной лояльности и политической активности. На востоке страны власть действовала куда инертнее. Известно, что и до революции – в периоды войн и социальных катаклизмов надбавки к заработной плате рабочих и служащих являлись одним из методов стабилизации трудовых отношений. Так, в годы Русско-японской и Первой мировой войн при неизменной системе основных окладов такие надбавки выросли в Сибири с 12–13% до 21,5–23,8%. При этом натуральные выплаты считались архаизмом и от начала XX в. до Первой мировой войны у казенных рабочих они, напротив, снижались³⁶¹.

Но быстрое падение курса рубля заставило реагировать и правительство, и владельцев предприятий. На востоке страны с фатальной неизбежностью обнаруживались те же тенденции в изменениях характера и объема оплаты труда, что и в Советской России – в условиях падения реальной стоимости заработной платы шкала прогрессии сжималась. Зарплата становилась уравнительной и все больше играла роль социального пайка³⁶². Но эта уравнительность оставалась

³⁵⁸ См.: *Hart R.* The Economics of Non-Wage Labor Costs. L., 1984.

³⁵⁹ Отметим, что сама по себе эта тенденция была общемировой. В Германии разница между заработком высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих сократилась с 6-кратной до 2-кратной (см.: *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 353).

³⁶⁰ *Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. М., 1974. С. 221–229; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих ... С. 61.

³⁶¹ *Земеров Б.И.* Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 112.

³⁶² О ситуации в Советской России см., например: *Илюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен ... С. 71, 79.

умеренной по сравнению с Советской Россией. Меры по обеспечению прожиточного минимума занятым были начаты Российским правительством летом–осенью 1919 г. и еще более активно продолжены политическими режимами в Восточном Забайкалье и Приморье. Но ввиду отсутствия материальных ресурсов для обеспечения принимаемых государством обязательств и неподходящей конъюнктуры рынка труда эти меры имели скорее символическое, чем практическое значение. Но если в 1919 г. мероприятия правительства способствовали ослаблению темпов падения реальной заработной платы и оказали позитивное влияние на экономику, то на заключительном этапе Гражданской войны они дестабилизировали одновременно и социальную, и экономическую ситуацию, так как, с одной стороны, официально установленный минимальный размер оплаты труда не обеспечивал реального прожиточного минимума, а с другой – оказался усилен для работодателей³⁶³.

Очевидно, что в таких условиях заработная плата работников перестала выполнять свои основные функции³⁶⁴. Воспроизводственная функция при общем спаде производительности сводилась к простому обеспечению физической способности работника к труду. Социальная функция претерпела кардинальную трансформацию. Если в стабильном обществе она призвана обеспечивать социальную справедливость через дифференциацию зарплат, то в период Гражданской войны она свелась фактически к воспроизводственной. Социальной справедливостью считалось предоставление равно минимальных возможностей выживания. Уравнительность резко ограничила стимулирующую функцию. Современные социологи отмечают, что у рабочих на предприятиях с крайне низкой и нерегулярно выплачиваемой зарплатой мотивация к труду перестает проявляться. Вся активность таких работников связана с реакцией на внешние неблагоприятные факторы – добывание пропитания, поиск сторонних заработков, протестные действия³⁶⁵. В этом случае дифференциация зарплаты, стимулирующие надбавки не оказывают воздействия, поскольку лежат ниже нижней границы сложившихся в обществе представлений о допустимом минимуме. Положение усугублялось несвоевременной выдачей заработной платы, которая по существу являлась скрытой формой принудительного кредитования работниками своих предприятий. Причем сроки погашения определяются заемщиком³⁶⁶. Сравнительный анализ динамики падения реальной заработной платы показывает, что в целом на востоке деньги сохраняли свою доминирующую роль и не так интенсивно вытеснялись натуральными формами оплаты, да и сама

³⁶³ Этим положение на востоке России в годы Гражданской войны кардинально отличается от ситуации в России 1990–2000-х гг., когда официальный прожиточный минимум, оказавшись необычайно низким, почти не оказал никакого влияния на сферу занятости. (См.: *Вишневецкий Д.М.* Влияние норм трудового права и других институциональных факторов на гибкость российского рынка труда. М., 2003. С. 23).

³⁶⁴ *Герчиков В.И.* Мотивация, стимулирование и оплата труда. М., 2004.

³⁶⁵ *Темницкий А.Л.* Ориентация рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социс. 2004. № 6. С. 30–31.

³⁶⁶ См.: *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация.* М., 2007. С. 56–70; *Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда.* М., 2001.

уравнительная тенденция оказалась более сглаженной по сравнению с центром страны. Государственная власть продемонстрировала приверженность принципам монетарного стимулирования производительности труда.

Попытки установить минимальный размер оплаты труда, неоднократно предпринимавшиеся на востоке России правительственными органами, как правило, под давлением профессиональных союзов и коллективов работников, помимо прямой функции выравнивания доходов в условиях острейшего дефицита, имела еще и множество побочных экономических последствий. Они выражались в сокращении занятости, появлении скрытой безработицы, отходе от хозяйственной деятельности части нанимателей, которым становилось не по силам выплачивать завышенную зарплату, новых витках инфляции и увеличении сегментов экономики с теневой занятостью³⁶⁷.

* * *

В условиях острого дефицита социализм невозможен и неизбежен одновременно. Этот парадокс читается в тексте исторической реальности революционной эпохи и может быть разрешен только с учетом амбивалентности общественного бытия.

Дефицит диктует уравнительность даже ее противникам. Достаточно взглянуть на эволюцию схем оплаты труда в антибольшевистском лагере. Политические лидеры понимали, что уравнительность – враг производительности труда и искали пути гармонизации интересов восстановления производства и выживания социума. Поэтому над прогрессивной шкалой зарплат надстраивалась вереница надбавок, убивавшая на корню всякую попытку дифференцировать работников по качеству и количеству производимых ими благ. Обращает на себя внимание тот факт, что в обществе явно доминировала уравнительная тенденция, ибо все импульсы, поступающие государству от социума, подталкивали его к выравниванию доходов во имя выживания большинства. Диссонансом звучали только голоса предпринимателей. Они ставили превыше всего рентабельность производства, но слабо влияли на весь спектр общественного мнения и не могли определять политику государственной власти³⁶⁸.

Служащие, наиболее профессионально подготовленная группа работников, продемонстрировали максимальную приверженность корпоративным ценностям и в основной массе сохранили свои рабочие места, несмотря на величайшие трудности. В то же время они проявили невысокую трудовую мобильность. Аналогичная ситуация сложилась в отношении кадровых рабочих, целиком порвавших с деревней. Они столкнулись с проблемой выживания, порождавшей

³⁶⁷ См. об этом: *Эренберг Р. Дж., Смит Р.С.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М., 1996. С. 98–112.

³⁶⁸ О важнейшей экономической дилемме между социальной справедливостью уравнительных заработных плат и стимулирующим производительность труда эффектом дифференцированной шкалы зарплат хорошо написано в кн.: *Аткинсон Э.* Неравенство, как с ним быть? М., 2018. С. 415–446.

наибольшую социальную напряженность. Основная масса занятых в промышленном производстве и на транспорте работников (неквалифицированных) проявила куда более высокий социальный потенциал и социальную мобильность, вернувшись к своим аграрным корням или изменив род занятий. Они легко и в массовом порядке покидали свои рабочие места.

Сами работники выступали за равные гарантии в социально-трудовых отношениях. Причем сохранялась закономерность, в соответствии с которой служащие бюджетной сферы (интеллигенция) практически не лоббировали свои материальные интересы. Именно эта часть занятых в экономике и воспринималась как социальная опора власти, и высшие органы власти и управления не оставляли их материальные проблемы без внимания. Но они никогда не становились предметом первоочередного разрешения. Мэру удовлетворения материальных нужд служащих определяло само государство. Завершающие эпизоды Гражданской войны на востоке России демонстрируют робкие попытки социальной консолидации государственных служащих и зачатки протестных действий с их стороны. Рабочие, как и в первые месяцы революции, вели себя более жестко, часто заставляя власти разного уровня считаться с собой. Поэтому нередко они задавали тон переговорному процессу, не соглашаясь признать достаточными уступки, сделанные органами государственной власти или работодателями. В условиях глубочайшего экономического кризиса и падения уровня жизни такое поведение наемных работников следует признать закономерным.

Государство, преисполненное демократических идей, также стремилось обеспечить относительное равенство социальных благ на рынке труда. Но в условиях дефицита ресурсов оно не смогло обеспечить стабильное материальное положение основной массы занятых. И тем более усилия по выравниванию доходов не позволяли сконцентрировать ресурсы для создания социально-бытового благополучия на стратегически важных направлениях экономики. В этом смысле принцип равных возможностей противоречил военно-мобилизационным задачам государства.

Нужно отметить, что дефицит ресурсов обострил стремление бюрократического аппарата использовать свое положение для лоббирования собственных материальных интересов. При том, что оклады содержания были невысоки и едва позволяли не умирать с голоду чиновнику. Как с обидой заметил генерал К.В. Сахаров, служащие умудрялись получать вперед армии надбавки, продовольственные пайки, одежду и обувь³⁶⁹.

³⁶⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 58. При шестичасовом рабочем дне равные офицерским оклады государственных служащих казались К.В. Сахарову неоправданно высокими.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ

Социальное обеспечение является одним из значимых выражений социальной политики государства. Из множества трактовок этого понятия в данной главе мы будем придерживаться узкого юридического, не включая в него все предоставляемые государством населению возможности¹. Такой подход, распространенный в научной литературе, дает основание не рассматривать в качестве социального обеспечения предоставление образования и медицинского обслуживания и другие виды деятельности, осуществляемой государством и органами местного самоуправления за счет налоговых поступлений в государственный бюджет. Вместе с тем, адаптируя это понятие к историческим реалиям исследуемого периода, мы включаем в него пенсии и пособия, отдельные компенсационные выплаты. Но не все, так как многие виды компенсационных выплат во время Гражданской войны имели связь с другими проявлениями социальной политики, такими как регулирование имущественных прав и социальное призрение (обеспечение сирот, лиц, не способных к самостоятельному проживанию), помощь беженцам. Эти виды социальных трансфертов или уже рассмотрены в предыдущих разделах исследования, или найдут отражение в последующих. Отдельного рассмотрения требует один из видов социального страхования трудящихся – страхование здоровья. Указанная проблематика тесно связана с социально-трудовыми отношениями, но находится от них несколько особняком и скорее примыкает к праву социального обеспечения как особый его вид.

В историографии вопрос о социальном обеспечении и страховании рассматривался только применительно к советской власти. В научной литературе 1920-х гг. существовала практика рассмотрения дореволюционного и советского права социального обеспечения как единого предмета, что открывало перспективы сравнения. Единственным исследованием, в котором рассмотрена ситуация в антибольшевистском лагере, является книга А. Вишневецкого². В более поздней советской историографии о социальном обеспечении населения при антибольшевистских правительствах предпочитали вообще не упоминать, а о страховании рабочих упоминали в критическом ключе, но без анализа функционирования системы социального страхования.

¹ См.: Право социального обеспечения: учебник / ред. К.Н. Гусов. М., 2001. С. 10–11.

² Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании в России. М., 1926.

3.1. Пенсии и пособия

В России социальное обеспечение очень поздно перестало быть вопросом частной благотворительности и стало частью социальной политики. Даже пенсионное обеспечение государственных служащих и работников крупных государственных корпораций, таких как железные дороги и казенные заводы, являлось предметом их собственной материальной заботы. Правительство лишь регулировало на законодательном уровне порядок создания эмеритальных касс. Пенсионные и единовременные социальные выплаты распространялись на государственных чиновников. Впервые правила их выплаты были кодифицированы в 1827 г. и в дальнейшем неоднократно пересматривались, сложились перед революцией в сложную систему государственных и страховых выплат чиновникам и военнослужащим³. Если не рассматривать служащих правительственных учреждений, а иметь в виду более широкий круг подданных, то лишь в отношении пострадавших в ходе войн и их семей государство проявляло заботу. Существенный шаг в этом направлении был сделан только в годы Первой мировой войны, что привело к становлению системы государственного социального обеспечения как массовой.

Целесообразно сначала вкратце реконструировать историю становления социального обеспечения до революции. Опыт предшествовавших войн показал, что общественность и органы самоуправления не в состоянии выполнять социальные функции. Действовавшее во время Русско-японской войны законодательство и практика его исполнения показали свою неэффективность и оценивались обществом как несправедливые⁴. Поэтому 25 июня 1912 г. был принят новый «Закон о призрении нижних воинских чинов и их семейств». Он исходил из того, что такая помощь является обязанностью государства, и средства для этого выделялись из государственного бюджета. Круг получателей помощи расширился, закон отменил принцип имущественной несостоятельности как условия для получения денежных выплат ближайших родственников. Правда, в годы Первой мировой войны это привело к многократному росту социальной нагрузки на бюджет. Именно поэтому современники считали, что новая нормативная база оказала негативное влияние на широкие слои населения, породив иждивенческие настроения и «парализуя стремление к самостоятельному труду»⁵. Уже в те годы реализация закона

³ *Квасов Д.А.* Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих в Российской империи XIX – начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Гусаков Д.Б.* Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в России: учеб. пособие. СПб., 2010; История развития пенсионной системы в России IX–XX вв. От истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования. М., 2015. С. 350–491.

⁴ *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. С. 8–10.

⁵ *Булгакова Л.А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конф. СПб.; Кишинев, 2001. С. 429–493; *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 96.

предусмотрела целый ряд освидетельствований: самих призреваемых комиссиями по определению степени утраты трудоспособности и их родственников для определения материального положения. Наконец, закон оговаривал, что семьи дезертиров и предателей лишались права на паек.

Семьям призванных на период нахождения их кормильцев в армии выдавался паек. Сначала он выдавался в натуральном виде, составляя 1 пуд 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла на каждое призреваемое лицо. Затем все чаще стали выдавать денежный эквивалент этих продуктов. Пайки выплачивались обычно в городах – через городские управы, а в сельской местности – через волостные попечительства или волостных старшин, сначала поквартально, потом ежемесячно. На уровне уезда работу всех местных попечительств объединяло уездное попечительство. Работа попечительств в годы Первой мировой войны детально описана в литературе⁶.

Денежный паек составлял 2 р. 75 к., что с самого начала войны не соответствовало реальной рыночной стоимости составлявших паек продуктов⁷. Поэтому органы местного самоуправления и благотворительные организации стали практиковать надбавки к казенным выплатам. В Сибири и на Дальнем Востоке выплаты были самыми низкими по России. Если в Пермской губернии города и земства доплачивали в среднем 9,9% к казенным суммам, в Оренбургской – 7,95, в Самарской – 3,8, в Уфимской – 1,8%, то в Азиатской России такие доплаты были высокими только в Амурской губернии (36%) и Приморской области (8,45%), а в остальных областях и губерниях – значительно ниже, чем в европейской части⁸.

Кроме пайковых выплат по указу Николая II от 30 сентября 1914 г. дети из малообеспеченных семей фронтовиков освобождались от платы за обучение в казенных учебных заведениях (за исключением ряда вузов)⁹, получали еще ряд льгот: на проезд на железнодорожном транспорте, при выделении жилья и др.

Советские историки критиковали контрреволюционные правительства за восстановление царского законодательства. О том, что это означало и возобновление дореволюционных выплат пенсий и пособий, предпочитали умалчивать. Плохо или хорошо была устроена царская пенсионная система, в соответствующей литературе даже не обсуждалось. Ее было просто не с чем сравнить. В первые месяцы после установления в столице советской власти данная социальная функция государства еще продолжала функционировать по инерции. Правда, первые месяцы

⁶ Пушкарева Н.Л., Щетинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162; Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века / И.П. Павлова, Т.А. Катцина, Л.Э. Мезит, О.М. Долидович. Красноярск, 2016. С. 29–31.

⁷ См.: Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1915. Вып. 6. С. 56.

⁸ О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 199, 499, 502–503.

⁹ Грицаева А.Н. Благотворительность в России ... С. 112.

советской власти сопровождалась интенсивным реформированием работы пенсионной системы, которая быстро эволюционировала от страховых вычетов в сторону прямых выплат из государственного бюджета¹⁰. Но решения об индексации пенсий отдельным категориям рабочих без изменения условий отчисления пенсионных взносов оказались разорительны для эмеритальных касс и страховых пенсионных фондов. Вдобавок нехватку средств пытались решить путем полного лишения пенсий высокооплачиваемых категорий пенсионеров (прекратили выдачу пенсии свыше 300 руб. в год)¹¹. В результате выплаты социальных трансфертов большинству граждан прекратились.

С установлением советской власти выплаты пенсий и пайков практически прекратились с 1918 г. Но формально они не были отменены. Это привело к тому, что долги государства перед военными служащими и их семьями накапливались, а номинальные ставки пайков обесценивались. За период с декабря 1917 по февраль 1918 г. задолженность казны семьям призванных за пособия только по 2-му и 3-му округам Оренбургского казачьего войска составила 1 млн 731 тыс. руб., пособия солдатам – еще 802 тыс. руб.¹²

Противники большевиков возобновили социальные выплаты. Сразу следует оговорить два обстоятельства. Во-первых, серьезную попытку реанимировать пенсионную систему предприняли только Временное Сибирское и Российское правительства. Во-вторых, условия Гражданской войны и инфляционной экономики требовали адаптации пенсионной системы.

Хронологически первым поднял вопрос о пайках и пенсионных выплатах Совет управляющих ведомствами Комуча. 23 июля 1918 г. он упразднил все органы, распределявшие пайки семьям убитых и пострадавших в войне, возложив эти функции на земства и городские управы¹³. Размер пенсий и пайков солдатским семьям, инвалидам, близким родственникам убитых солдат вызывал праведный гнев. Он составлял 48 руб. в год и давно уже полностью обесценился¹⁴.

26 июля 1918 г. Комуч инициировал создание междуведомственной комиссии в лице представителей ведомств финансов, социального обеспечения (не только еще не существовавшего, но даже его образование тогда не было утверждено), административного и Генерального штаба. Этой комиссии поручалось подготовить законопроект о выплате пенсий военным служащим, пострадавшим в войне. Речь шла не о Первой мировой войне, хотя специально

¹⁰ См.: *Семенова Е.В.* Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001. С. 42–44.

¹¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 58, 62, 212, 242.

¹² ГАОО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 66. Л. 2–2 об.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 228 об.; Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Самара). 1918. 1 авг.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года: сб. документов. М., 2011. С. 39, 216–217.

¹⁴ Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018. С. 372.

оговаривалось, что все обязательства прежней власти (имелось в виду царское и Временное правительства) по пенсионному обеспечению лиц, пострадавших в боевых действиях, остаются неизменными. Корректировка понадобилась именно в связи с Гражданской войной. Нужно было охватить социальным обеспечением военнослужащих Народной армии и, кроме того, учесть новые обстоятельства, определить новый размер выплат. Особо оговаривалась необходимость исключить из числа пенсионеров лиц, «пострадавших в борьбе против Учредительного собрания»¹⁵. Власть широко оповестила, что участие в Гражданской войне на стороне советской власти лишает лицо и его родственников права на государственные социальные выплаты¹⁶. 20 сентября 1918 г. Совет управляющих ведомствами Комуча принял постановление об увеличении процентных прибавок к пенсиям. Причем для высших разрядов пенсий прибавка была установлена максимальная и составила для разных местностей от 552 до 371%, для низшего разряда – от 160 до 100%¹⁷. Как и многие начинания тех лет, эта инициатива Комуча осталась нереализованной, однако сама идея подвести идейно-политические основания для корректировки всей системы социального обеспечения будет развита позже государственной властью по обе стороны Гражданской войны. Впрочем, другая принципиальная часть этого постановления – чем выше получаемая пенсия, тем выше надбавка – усиливала дифференциацию итоговых выплат и противоречила тенденции, получившей развитие в деятельности других антибольшевистских правительств, которые, напротив, старались сгладить прогрессию социальных выплат разным категориям получателей.

Вопрос о пересмотре общего порядка отчислений из заработной платы служащих на пенсии и необходимости внесения изменений в действующий пенсионный устав был поднят поволжским правительством в крайне неудачное время. Совет управляющих ведомствами Комуча рассмотрел его 24 сентября 1918 г. – за две недели до отступления войск Народной армии из Самары¹⁸. Решено было создать междуведомственную комиссию по пересмотру пенсионных законоположений, а пока уведомить, что все служащие должны производить вычеты в пенсионный капитал¹⁹.

Органы местного самоуправления оказались более щедры на социальные привилегии для военнослужащих. Не дождавшись правительственных указаний, Казанская городская дума утвердила проект порядка выплаты пособий семьям призванных и пенсий потерявшим трудоспособность и семьям убитых. Дума предусмотрела необходимость сохранения за всеми призванными из правительственных учреждений служащими не только места, но и полного

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 232 об.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 43.

¹⁶ Под знаменем Комуча ... С. 373.

¹⁷ Вестник Комитета членов ... 1918. 24 сент.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 380–381.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 342; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 117.

¹⁹ Вестник Комитета членов ... 1918. 27 сент.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 382.

содержания на время службы²⁰. Неизвестно, из каких фондов, но Оренбургское городское попечительство еще в июле 1918 г. объявило о возобновлении выдачи пособий солдатским семьям²¹. Якутское областное земство в сентябре 1918 г. сформировало специальную комиссию по оказанию помощи жертвам борьбы с большевиками и установило небольшие постоянные пенсии милиционерам, пострадавшим в борьбе с большевиками, и компенсировало их материальные потери²². Забайкальская войсковая казачья управа в 1919 г. выделяла в особых случаях из своих средств пособия семьям казаков, пострадавших в Гражданской войне²³. Как видно, похожие подходы к решению острейшей социальной проблемы можно обнаружить в разных регионах на востоке России.

В Оренбургском военном округе детально разработали вопрос о выплатах социального характера военнослужащим – офицерам и их семьям. В частности, временно командующий войсками Оренбургского военного округа полковник И.Г. Акулинин приказом по штабу округа № 68 от 25 июля 1918 г. распорядился восстановить выплату всех ранее утвержденных пенсий, создать офицерскую комиссию, которой предоставлялось право возбуждать ходатайства об установлении пенсионного содержания пострадавшим в войне с большевиками и их семьям. Комиссии предлагалось в кратчайший срок начислить пенсии всем нуждающимся офицерам, пособия офицерским семьям, в том числе и тем, кого декреты советской власти лишали права на получения пенсии. Вышедшим в отставку по болезни или ранению, полученным в борьбе с большевиками, до установления пенсии следовало выдавать 10 руб. суточных²⁴. Материалы Оренбургского казачьего войскового правительства свидетельствуют, что вдовам погибших весной–летом 1918 г. казачьих офицеров в августе–сентябре были установлены пенсии. На выплату пенсий и пособий 6 сентября 1918 г. Оренбургский окружной штаб ассигновал 50 тыс. руб.²⁵

Несколько позже к решению проблемы подключились в Народной армии Комуча. С 4 сентября 1918 г. было принято решение возобновить выдачу семьям убитых солдат и офицеров половинного оклада, с добавлением полного размера квартирных и пайковых денег²⁶.

В Сибири 4 июля 1918 г. командующий Степным Сибирским корпусом А.Н. Гришин-Алмазов отдал приказ родным военнослужащих, убитых в борьбе с большевиками, без различия их званий и прежних окладов временно выплачивать по 300 руб. единовременно и далее ежемесячно вплоть до начисления пенсии²⁷. Сумма, кстати, была определена из расчета 10 руб.

²⁰ Волжско-Камская речь (Казань). 1918. 9 сент. (27 авг.).

²¹ Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля.

²² Якутский областной вестник. 1918. 18 сент.; Якутское земство (Якутск). 1919. 28 сент.

²³ ГАРФ. Ф. Р-4711. Оп. 1. Д. 72. Л. 72.

²⁴ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 6. Л. 33–34.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 67, 68, 106, 117 об.–118, 123 об.–124.

²⁶ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–5 об.

²⁷ Там же. Д. 65. Л. 1.

суточных во время нахождения в командировке. Приказ продолжал действовать до начала 1919 г. Необходимость его пересмотра была очевидна в связи с тем, что пенсия, даже по новым окладам, оказалась ниже 300 руб. ежемесячно. Но до ее официального установления проходило не менее полугода. За этот период просители получали выплаты, подчас многократно превышавшие просимые пенсии, и у них пропадал стимул торопиться с оформлением пенсионных документов²⁸.

11 января 1919 г. в составе Генерального штаба сформировалось пенсионное отделение, основной задачей которого стало своевременное оформление пенсий по запросам потерявших трудоспособность военнослужащих или родственников погибших солдат, офицеров и военных чиновников. Отделение сразу столкнулось с массой трудноразрешимых вопросов. Устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям от 23 июня 1912 г. представлялся военным юристам достаточно детальным и хорошо разработанным документом, удобной основой для регулирования пенсионных выплат. Но он не позволял проиндексировать ставки пенсионных выплат, не учитывал отдельных реалий Гражданской войны. До революции существовали специальные капиталы для выдачи пенсий отдельным категориям военнослужащих. Теперь эти капиталы оказались недоступны. Оставалось много нерешенных вопросов, неcodифицированных новаций периода Первой мировой войны и революции 1917 г., противоречивших прежнему пенсионному уставу. Поэтому его можно было восстановить только в обновленном виде.

С 20 февраля 1919 г. при Генеральном штабе была организована комиссия по пересмотру устава о пенсиях. Комиссия провела 20 заседаний и завершила работу 10 апреля 1919 г. За это время комиссия, взяв за основу пенсионный устав 1912 г., подготовила его новую редакцию, пересмотрев размеры пенсий и адаптировав прежние статьи под условия Гражданской войны. Основным источником выплат воинских пенсий стала казна. Тем не менее решено было восстановить взносы из воинских окладов в эмеритальную кассу. Комиссия пришла к твердому убеждению, что пострадавшие от действий большевиков должны получать пенсионные выплаты на общих основаниях²⁹.

В отношении пенсий гражданским чиновникам вопрос решался иначе и в другие сроки. Уже 27 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло решение о восстановлении пенсионных отчислений из зарплат служащих центральных правительственных учреждений. Причем они должны были взиматься со всей суммы выплат, а не только с оклада, что было оправданно, если учесть, что к тому времени в некоторых учреждениях надбавки превышали

²⁸ Там же. Л. 379.

²⁹ Там же. Д. 66. Л. 79–135.

сам оклад³⁰. 16 сентября 1918 г. Административный совет распространил эту норму на служащих губернских и уездных учреждений³¹. В феврале 1919 г. Департамент государственного казначейства в инструктивном порядке предписал своим подведомственным учреждениям удерживать из зарплат служащих пенсионные отчисления за тот период советской власти и антибольшевистского переворота, когда они не производились³². Принимались меры и для увеличения пенсионных выплат. 13 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило увеличение пенсий железнодорожникам на 100% как временную меру³³. 30 октября 1918 г. Административный совет принял решение проиндексировать пенсии в виде надбавок к окладам от 40 до 200%. Устанавливалась обратная шкала прогрессии: чем выше базовая ставка, тем ниже надбавка. Отныне минимальная пенсия составляла не 100, а 300 руб. в год. Но при этом пенсионные выплаты оставались смехотворно низкими³⁴. 31 июля 1919 г. был принят новый пенсионный закон, менявший уже сами базовые оклады пенсий. Минимальная пенсия увеличивалась на 800% от первоначального оклада и составила 900 руб. в год. Далее в убывающей прогрессии индексировались остальные пенсии. Оклад свыше 4000 руб. в год увеличивался всего на 50%³⁵. Очевидно, прослеживается та же тенденция выравнивания денежных выплат, что и в отношении заработной платы.

Но методы индексации пенсий путем фиксированного процентного увеличения базовых ставок в условиях усиливавшейся инфляции проблемы пенсионеров не решали. Поэтому власти вынуждены были вводить надбавки на дороговизну и к пенсиям, действуя по тому же принципу, что и в отношении выплат государственным служащим. Летом 1920 г. власти Восточного Забайкалья попытались в очередной раз избавиться от надбавок, проведя новую кардинальную индексацию базовых ставок. В частности, приказом помощника главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части № 168 от 3 июня 1920 г. с 1 мая все надбавки к пенсиям «по случаю дороговизны» отменялись. Новые пенсионные оклады пересчитывались опять, исходя из дореволюционных размеров пенсий. Для получавших до 50 руб. в год ее размер увеличивался в 100 раз, но не менее 4800 руб. Далее размер индексации сокращался, и обладатели дореволюционных пенсий свыше 3 тыс. руб. в год

³⁰ Сибирский вестник (Омск). 1918. 17, 24 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 6. Ст. 53; Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.): сб. документов. Томск, 1998. Вып. 1. С. 129; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 205.

³¹ Сибирский вестник. 1918. 2, 9 окт.; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 231.

³² ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 51–51 об.

³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 48.

³⁴ Сибирский вестник. 1918. 4 нояб. Приложение № 2; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 21. Ст. 178; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 330–331; Временное Сибирское правительство ... С. 607–608; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 76.

³⁵ Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 сент.

получали индексацию всего в 10 раз, но не более 65 тыс. руб.³⁶ Едва ли момент для подобных нововведений был выбран удачно. В последние месяцы существования семеновского режима инфляция была настолько высока, что любая фиксация точных размеров выплат приводила к их обесцениванию в считанные недели.

До революции Устав о пенсиях предусматривал выплату пенсий и пособий лицам, пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью. 19 сентября 1917 г. Временное правительство отменило эти выплаты³⁷. С августа 1918 г. центральные учреждения Временного Сибирского, а потом и Российского правительства стали получать запросы на выделение пенсий служащим, раненым при советской власти в ходе политической и вооруженной борьбы с «представителями старого режима» или просто хулиганских действий отдельных лиц или групп, происходивших при попустительстве местных советов, а также семьям убитых при тех же обстоятельствах. Осенью министерства подавали в Совет министров целые списки служащих, которым просили утвердить соответствующие единовременные пособия и усиленные пенсии. Только одно Министерство юстиции представило к пенсиям и пособиям за год более сотни своих сотрудников³⁸. Причем пособия выделялись не только тем, кто пострадал после антибольшевистского переворота на востоке России. Основанием для начисления пенсий и пособий могли стать события, наступившие с февраля 1917 г. по май 1918 г.

Несмотря на отрицательное отношение Военного министерства к особым выплатам пострадавшим от большевиков лицам, отдел призрения МВД продолжал отстаивать первоначальную идею о принятии специального нормативного акта, устанавливающего такие выплаты. Как отмечал директор отдела призрения Министерства внутренних дел А.А. Корчагин в специальном докладе от 9 июня 1919 г., даже если бы такой отмены и не было, при советской власти трудно было бы представить такие выплаты. Большинство служащих подвергались насилию не при исполнении служебных обязанностей, а в силу одного лишь своего служебного и социального положения. Другая неразрешимая путем простого восстановления действовавшего законодательства проблема – закон не позволял оказывать помощь лицам, пострадавшим в результате политических гонений, но не находящимся на государственной службе, в том числе и к военнослужащим, для которых действовало законодательство о пенсионном обеспечении, защищавшее лишь участников боевых действий и лиц, пострадавших в результате несчастных случаев³⁹. Отдел призрения получал поток запросов от разных ведомств, как можно вознаградить таких невольных страдальцев от советской власти либо семьи, потерявшие кормильцев от

³⁶ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 277–277 об.

³⁷ Собрание узаконений Временного правительства (Пг.). 1917. № 246. Ст. 1750.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 1558. Л. 12–12 об., 14, 29–30, 42–43, 56–57, 70–70 об., 134–135; Оп. 5. Д. 1366. Л. 26–27; Д. 1511. Л. 6.

³⁹ Там же. Оп. 4. Д. 36. Л. 470–470 об.

насильственных действий революционной власти или просто возбужденной массы обывателей⁴⁰. А.А. Корчагин предлагал распространить пенсионные выплаты и пособия на военнослужащих, правительственных служащих и священнослужителей, погибших или получивших увечья при советской власти. При этом гражданские служащие могли получить выплаты, только если пострадали непосредственно при исполнении своих служебных обязанностей, за сопротивление советской власти или подготовку такового. Более широкий круг получателей пенсий и пособий был бы слишком обременителен для государства.

Антибольшевистские органы власти уделяли внимание и другим категориям нуждавшихся в опеке, как правило, в связи с завершившейся Первой мировой и продолжавшейся Гражданской войнами. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства выделил первые 100 тыс. руб. на выплату казенных пенсий лицам, находившимся под покровительством бывшего Алексеевского комитета⁴¹, и детям, чьи родители погибли или утратили трудоспособность в борьбе с большевиками⁴². 20 февраля 1919 г. Совет министров принял Закон о пенсиях вдовам и сиротам рядовых бойцов. Пенсия, которая выплачивалась с 1919 г. вдовам и сиротам погибших воинов, была значительно повышена. Сам размер пенсии увеличивался на 100%, а доплата на дороговизну выросла на 200%⁴³. Теперь размер пенсии связали с окладом погибшего бойца, следовательно, индексация воинских окладов автоматически приводила и к увеличению пенсионных выплат. Родителям погибшего выплачивалось пособие. Правда, специальная инструкция резко ограничивала круг его получателей. Оно выплачивалось только престарелым (мужчинам старше 55 лет и женщинам старше 50 лет) или утратившим трудоспособность в случае, если они признаны материально неимущими, т.е. не имеющими автономных источников дохода от имущества и капиталов и при отсутствии других взрослых детей. Размер пособия равнялся пенсии вдовы погибшего. Волостным, уездным земским и городским управам поручалось следить за детьми-сиротами погибших военнослужащих и помещать их в приюты за казенный счет⁴⁴. Инструкцию разработали только 10 июня 1919 г., разослали в губернские органы в середине июля⁴⁵, что позволяет усомниться в возможности выплаты пенсий на основании данного постановления более-менее продолжительное время.

⁴⁰ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 65. Л. 203–203 об.

⁴¹ Главный Алексеевский комитет – военно-благотворительное учреждение, находившееся под покровительством Дома Романовых (1905–1918 гг.). Ведало содержанием и воспитанием детей солдат, погибших или получивших инвалидность на фронте.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 21–21 об.

⁴³ Правительственный вестник. 1919. 15 апр.; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 6. Ст. 68; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.): сб. документов: в 2 т. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 324–325.

⁴⁴ Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 14 июля; Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 17 июля; Семиреченские областные ведомости (Сергиопольская). 1919. 17 авг.

⁴⁵ Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018. С. 301.

14 апреля 1919 г. Совет министров утвердил Положение о призрении увечных воинов и их семей, дополнявшее предшествовавший закон⁴⁶. Оба нормативных акта подтверждали, что призрение этой категории граждан должно осуществляться за счет государства. Пенсии самим военноувечным или их вдовам, а также выплаты на содержание детей начислялись в размере, определенном постановлением Временного Сибирского правительства от 30 октября 1918 г. со 100%-ной надбавкой⁴⁷. Дети получали выплаты до 14 лет, а иждивенцы и учащиеся – до 21 года. При помещении получателя пенсии в инвалидный дом ему выплачивалась 1/5 пенсии, остальное шло на его содержание. Казна брала на себя содержание и обучение беспризорных детей военноувечных воинов, а также их лечение и обучение ремеслу. Все льготы распространялись в равной степени на внебрачные семьи. Положение предусматривало право МВД как организовывать собственные учреждения для призрения военноувечных воинов и членов их семей, так и субсидировать такие учреждения, организованные земскими и городскими органами.

Позже была подготовлена специальная инструкция о порядке призрения увечных воинов и членов их семей. В ней разъяснялся заявительный принцип получения помощи от государства. Все выплаты делались лишь на основании заявлений в уездные или городские по воинской повинности присутствия, которое вело всю переписку с Военным министерством по соответствующему запросу. Инвалиды или нетрудоспособные члены их семей помещались в инвалидные дома по согласованию с учреждениями, в ведении которых такие дома находились (как правило, с городской управой или уездным земством)⁴⁸.

17 июня 1919 г. Совет министров утвердил «Временные правила о пенсиях лицам, пострадавшим в войне за освобождение России от советской власти, и их семьям». Согласно этому документу, предполагалась выплата от 20 до 100% оклада на последнем месте службы пострадавшего в зависимости от заболевания или увечья. Семьям, вдовам и сиротам выплачивалось от 40 до 100% оклада⁴⁹. Увечные-пенсионеры казны вместо 8 руб. в месяц с весны 1919 г. стали получать 187 руб. Им также предоставлялось право лечиться за счет казны, а потерявшие трудоспособность могли проживать в доме призрения на государственном обеспечении⁵⁰. 11 августа 1919 г. последовало новое постановление Совета министров, увеличивающее денежные

⁴⁶ Правительственный вестник. 1919. 10, 25 мая.

⁴⁷ Изначально проект МВД предлагал увеличение на 50%. Но при обсуждении на междуведомственной комиссии министерство изменило мнение и предложило надбавку в размере 100% (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1363. Л. 6).

⁴⁸ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 65. Л. 158–161.

⁴⁹ Правительственный вестник. 1919. 24 июля; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 158; Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 59–60; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919): сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2018. Т. 2. С. 519–529.

⁵⁰ Правительственный вестник. 1919. 1 июня. Информация обо всех действовавших к тому времени нормах социальных выплат военнослужащим объединена в специальном издании: Справочная книжка о правах солдат и их семей на пенсию, пособия и другие виды помощи от государства и об особых правилах и преимуществах на государственную помощь солдат участников войны с большевиками. Омск, 1919. 38 с.

пособия семьям убитых в ходе военных действий против советской власти⁵¹. 4 сентября 1919 г. было выделено 8 млн 600 тыс. руб. (из 10 млн руб., запрошенных военным министерством) на выдачу пособий семьям эвакуированных военных и на расходы по их обустройству на новом месте⁵². В неразберихе отступления армии и бегства населения Совет министров принял 2 октября 1919 г. Положение о порядке определения права на пенсию родителям, вдовам и сиротам военнослужащих в случае утраты необходимых документов⁵³. Здесь тоже не обошлось без местной самодеятельности. 30 мая 1919 г. приказом командующего отдельной Восточно-Сибирской армией атаманом Г.М. Семеновым семьям убитых в борьбе с большевиками офицеров и чиновников устанавливалось ежемесячное пособие в 300 руб.⁵⁴

5 декабря 1919 г. Совет министров в очередной раз признал неудовлетворительным материальное положение борцов против советской власти и их семейств и принял решение широко оповестить население о том, что правительство намеревается выработать меры по его кардинальному улучшению⁵⁵. Очевидное военное поражение едва ли позволяло отнестись серьезно к таким заявлениям. На этот раз, правда, время от декларирования намерения до его воплощения в нормативный акт оказалось очень небольшим. Уже 10 декабря Совет министров принял развернутое постановление, нацеленное на существенное улучшение с 1 декабря 1919 г. материального положения всех военнослужащих, в том числе и бывших, участвовавших в борьбе с большевиками. Оно предусматривало выплату 1/4 от воинского оклада каждому нетрудоспособному члену семей офицеров, военных врачей и священников, а также добровольцев и мобилизованных солдат. Причем эти выплаты предполагалось производить сверх продовольственных пособий. Воинские пенсионные оклады увеличивались в три раза по сравнению с окладами, установленными 17 июня 1919 г. Следовательно, в декабре на них распространилось постановление от 28 октября 1919 г. о трехкратном увеличении окладов. Такой же индексации подверглись и единовременные пособия военнослужащим, пострадавшим в борьбе против советской власти, и членам их семейств⁵⁶. Решение, принятое в спешке, не было оформлено в виде отдельного законодательного акта. Российское правительство почти не контролировало в это время даже территорию Восточной Сибири, а в начале следующего месяца и вовсе было сметено с исторической сцены.

Не сразу попав в поле зрения антибольшевистских правительств, проблема материального обеспечения пострадавших в Гражданской войне и членов их семей некоторое время оставалась

⁵¹ Правительственный вестник. 1919. 25 сент.; Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919. 6 нояб.

⁵² Правительственный вестник. 1919. 24 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85 об.

⁵³ Правительственный вестник. 1919. 31 окт.

⁵⁴ Атаман Семенов: вопросы государственного строительства: сб. документов и материалов / сост. В.И. Василевский. Чита, 2002. С. 23.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 243 об.

⁵⁶ Там же. Л. 253 об.–255 об.

заботой органов местного самоуправления и военного руководства, самостоятельно действовавшего в отдельных очагах противостояния советской власти. Но примерно с осени 1918 г. Временное Сибирское и Российское правительства занимались пересмотром нормативной базы и главным образом размера пенсионных выплат, чтобы, не перегружая бюджет, поддерживать на минимальном уровне благосостояние тех, кто пострадал в борьбе с противниками – с «внешними и внутренними врагами».

Несколько лучше было поставлено дело с пособиями для семей военнослужащих. Семьям военнослужащих выплачивались два вида пособий – продовольственное (в денежном эквиваленте) и денежное.

Формально пособия семьям призванных продолжали начисляться и во время революции, и после установления советской власти, и после ее падения. Правда, эти начисления не всегда подкреплялись переводом кредитов и, следовательно, могли подолгу не выплачиваться. Проблема летом–осенью 1918 г. была еще и в другом. Закон от 25 июня 1912 г. определил размер пособия в 6 р. 50 к. в месяц. При росте цен в 10 и более раз такие выплаты уже перестали выполнять свою социальную функцию, что становилось очевидно не только получателям пособий, но и местным попечительным органам⁵⁷. То же происходило и с продовольственным пайком. В начале Первой мировой войны он составлял 12 руб. и был очень хорошим подспорьем для семей мобилизованных. В следующем году инфляция его обесценила, и даже индексация 1917 г. далеко не компенсировала рост цен⁵⁸.

Советское правительство лишь в первые месяцы декларировало продолжение заботы о семьях военнослужащих Первой мировой войны. Заметка в газете «Известия» возлагала вину за задержку выплат пособий на кадетские органы самоуправления и саботирующих советскую власть чиновников. Газета призывала местные советы добывать средства на выплату пособий путем конфискации у имущих классов. Одновременно советский официоз успокаивал общественное мнение тем, что в ближайшее время готовится декрет об увеличении размера пособия, уравнивании выплат семьям офицеров и нижних чинов⁵⁹. Обещанный декрет так и не появился. Он перестал интересовать СНК в связи с более острыми проблемами – ростом численности Красной гвардии, началом формирования регулярной Красной армии. 6 апреля 1918 г. СНК установил для семей красноармейцев довольствие в размере 100 руб. ежемесячно с правом заменять его натуральным обеспечением по решению местных советов⁶⁰.

Государственные обязательства Комуч скорректировал в сторону понижения. Пособия в размере 100 руб. (при наличии трех и более детей – 150 руб.) выплачивались только семьям

⁵⁷ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 137–138.

⁵⁸ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 253.

⁵⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 106–107.

⁶⁰ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 62.

добровольцев, а не всем военнослужащим, как следовало по дореволюционному законодательству и как следовало выплачивать по советскому декрету⁶¹. С.И. Константинов привел эту информацию без ссылок на источник⁶². Эта норма содержалась и в подписанных управляющим ведомством внутренних дел Комуча П.Д. Климушкиным Временных правилах об организации и службе в Народной армии. Полный текст документа известен из приложения к рукописи монографии М.А. Шарاپова о борьбе с дутовщиной и из коллекции документов Народной армии в ЦГАСО. Для получения пособия доброволец получал удостоверение о приеме на службу, направлял их по месту жительства, где волостное правление или квартальный комитет производили обследование состава и материального положения семьи. На основании двух удостоверений воинский начальник выписывал аттестат на получение пособия⁶³.

Приказ по войскам Народной армии от 16 августа 1918 г. устанавливал сложную процедуру получения пособия. Для этого требовалось заявление добровольца в штаб, на основании которого семье высылалось удостоверение. Семья должна была взять второе удостоверение по месту жительства в квартальном комитете или волостном правлении. На основании двух удостоверений воинский начальник выдавал аттестат, который и должен был являться основанием для получения пособия⁶⁴. В отдельных местах Поволжья и Урала земства пытались выдавать пайки всем призванным в Народную армию из собственных средств, но получить ассигнования на эти цели у Комуча им не удалось⁶⁵. В результате пособия часто не выплачивались даже добровольцам⁶⁶. Лишь 28 октября 1918 г. Совет управляющих ведомствами подтвердил выплату семействам призванных в Народную армию пайкового довольствия⁶⁷.

Однако никаких сведений о выплате таких пособий ни в источниках, ни в историографии не приводится. Газеты же сообщали, что по указанию Комуча возобновилась выдача пособий семьям военнослужащих в прежнем размере на условиях закона от 25 июля 1912 г. Только дело учета семей и выдачи денег передали из губернских присутствий городским и земским управам, что соответствовало решению Комуча от 23 июля 1918 г., но не было оформлено специальным постановлением⁶⁸. Средств для своевременной выплаты пособий органы местного самоуправления, как правило, не имели⁶⁹.

⁶¹ Вестник Комитета членов ... 1918. 18 июля; ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 167. Л. 248; ЦГАСО. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 698. Л. 223–223 об.

⁶² *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997. С. 103.

⁶³ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 167. Л. 248; ЦГАСО. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 698. Л. 223–223 об.

⁶⁴ Армия и народ (Уфа). 1918. 28 нояб.

⁶⁵ ЦГА РБ. Ф. Р-987 Оп. 1. Д. 1. Л. 201.

⁶⁶ Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля, 2 авг.; ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 201.

⁶⁷ ЦГА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 3. Л. 60 об.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 228 об.

⁶⁹ Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля, 2 авг.

Выплата продовольственного пособия ни в поволжском, ни в сибирском законодательствах первоначально вообще не оговаривалась. Тем не менее главный начальник Западно-Сибирского военного округа уже 6 июня 1918 г. издал разъяснение о порядке выдачи продовольственных пайков добровольцам. Военные инструкции вообще отличались от гражданских. В более поздних, августовских, приказах по Западно-Сибирскому военному округу пояснялось, что паек выдается семьям офицеров, военных чиновников и рядовых строевых частей. Семьям служащих в нестроевых частях он не полагался⁷⁰.

По сведениям А.А. Мышанского, летом 1918 г. размер пособия (продовольственного пайка) для солдатской семьи составлял 23 руб.⁷¹ Постановление уполномоченного Временного Сибирского правительства по Западной Сибири от 1 июня 1918 г. М.Я. Линдберга гласило, что семьям добровольцев рядового состава и офицеров должны выплачиваться пособия в 100 руб. Западно-Сибирский комиссариат постановлением от 14 июня 1918 г. подтверждал данный размер пособия и по отношению к офицерским семьям⁷². Аналогичная норма выплат воспроизводилась в указе Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. о призыве в армию⁷³.

Но никаких средств на выплату пособий правительство долгое время не выделяло. Реализуя директивы военных, земства пытались выплачивать пособия семьям призванных Первой мировой войны, тем более что нуждающиеся родственники настойчиво требовали погасить накопившиеся долги по пособиям. Однако, как известно, даже в западносибирских губерниях летом и осенью 1918 г. далеко не все волостные земства возобновили свою работу и аккуратно исполняли директивы вышестоящих правительственных и земских органов. Например, в Барнаульском уезде, несмотря на запросы уездного земства, раздаточные ведомости на получение пайкового довольствия прислали только 15 волостей из 49. В результате 565 тыс. руб. были распределены только на те волости, которые своевременно оформили документы⁷⁴. Упоминания о выплате за счет органов местного самоуправления пособий вновь призываемым и добровольцам не выявлены.

Временное областное правительство Урала отказалось выплачивать эти пособия семьям призванных на Урале, сославшись на то, что мобилизацию проводило Временное Сибирское

⁷⁰ Приказы Сибирскому казачьему войску. Омск, 1918 // Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. Инв. № 355(57) П-758. – № 330 от 14 авг.; Приказы по Степному корпусу. Омск, 1918 // там же. – № 51 от 6 июля; № 79 от 26 июля; № 102 от 13 авг.; ГАНО. Ф. Д-122. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1 об.

⁷¹ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 114.

⁷² Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 60, 101; Временное Сибирское правительство ... С. 65.

⁷³ Сибирский вестник. 1918. 18 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 6. Ст. 49; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 121; Временное Сибирское правительство ... С. 229.

⁷⁴ ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 151. Л. 5–5 об.

правительство, следовательно, ему и нести все расходы на содержание армии, в том числе и социальные трансферты. Как видно из последующего делопроизводства, пайки на Урале осенью 1918 г. действительно выплачивались только в случае подкрепления этих выплат переводами из Сибири⁷⁵. Ликвидация областного правительства сыграла свою роль. В ноябре Екатеринбургское городское попечительство объявило, что будет выплачивать пособия семьям призванных, только почему-то получить его полагалось в течение одного дня⁷⁶.

Наконец осенью 1918 г. последовали дальнейшие объяснения, но уже Временного Сибирского правительства. Своим постановлением от 1 октября 1918 г. оно восстановило выплату продовольственного пособия семьям призванных на военную службу. Правда, его выдача определялась государством не как обязательная компенсация семье за временную потерю рабочих рук, а как мера социального призрения. 17 октября 1918 г. Административный совет выделил отделу призрения Министерства внутренних дел 2 млн руб. для распределения между органами самоуправления на раздачу продовольственных пособий⁷⁷. До революции продовольственное пособие начислялось независимо от материального состояния семьи. Теперь оно стало отличаться в зависимости от срока призыва.

Положение о размере и порядке выдачи пособия семьям призванных по мобилизации от 24 октября 1918 г. устанавливало порядок выплаты тем, кого призвали до 1 февраля 1918 г. В таком случае право на получение пособия имели только материально необеспеченные и неспособные прокормить себя близкие члены семьи. Продовольственный паек, денежный эквивалент которого и составлял пособие, в изменение закона от 25 июня 1912 г. был определен в 1 пуд муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли, 2 ф. жиров, 20 ф. картофеля⁷⁸. Материальное положение просителей определял специальный попечительский совет уездного и губернского уровня в составе государственных чиновников, муниципальных и общественных деятелей. Денежный размер пайка устанавливался губернским попечительским советом исходя из справочных цен и утверждался Министерством внутренних дел. Важно, что был предусмотрен гибкий механизм индексации размера пособия. Постановление предполагало начисление пайковых с 1 октября 1918 г. Семьи же досрочно призванных в армию по указу Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. получали пособие в размере 100 руб. на семью, но только в случае установления материальной необеспеченности⁷⁹.

⁷⁵ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 21. Л. 38 об.; Д. 68. Л. 110. Судя по тому, что Временное областное правительство Урала запрашивало из Сибири 1 млн руб., пайки на Урале должны были получить около 10 тыс. семей добровольцев и призванных.

⁷⁶ Урал (Екатеринбург). 1918. 24 (11) нояб.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 67 об.

⁷⁸ Закон от 25 мая 1912 г. предусматривал выплату эквивалента стоимости 1 пуд. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли, 1 ф. постного масла.

⁷⁹ Сибирский вестник. 1918. 4 нояб. Приложение; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 23. Ст. 206, 207; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 3.

Кроме того, в специальном циркуляре МВД оговаривалось, что если в выплате пособия наступал перерыв или пособие ранее не начислялось, то из средств Временного Сибирского правительства пособием удовлетворяются семьи призванных только с 1 октября 1918 г. То же касалось и выплаты пенсий. Не выданные по каким-либо основаниям средства не подлежали уплате. Если назначено пособие по утрате или пропаже без вести кормильца, то и в таких случаях начисления следовало производить только начиная с 1 октября 1918 г.⁸⁰ Трудно понять появление такой нормы, особенно если учесть, что в отдельных местностях пособия выплачивались и летом, что ставило семьи нижних чинов в разных областях и губерниях восточных регионов России в неравное положение.

Порядок выплат семьям военнослужащих корректировался и в дальнейшем в зависимости от меняющихся условий Гражданской войны. В соответствии с постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 г. о добровольцах их семьи должны были получать продовольственное пособие в обязательном порядке, независимо от материального положения⁸¹. 3 апреля 1919 г. Совет министров признал необходимым с 1 января 1919 г. прекратить выплату продовольственного пособия семьям призванных на службу до 1 января 1918 г., т.е. в Первую мировую войну. Действительно, война завершилась, следовательно, платить было уже не за что. Более того, возникала угроза, что будут взяты на содержание семьи, члены которых после Первой мировой отправились служить в Красную армию. Поэтому только семьи военнослужащих, вернувшихся из плена, сохраняли право на получение пособия еще в течение месяца со дня их возвращения домой⁸².

4 июля 1919 г. в изменение и дополнение постановления Административного совета от 24 октября 1918 г. выдачу продовольственного пособия распространили на семьи всех солдат срочного и досрочного призыва, призванных после 1 июля 1918 г. За прошедший год цены на продовольствие выросли так сильно, что если осенью 1918 г. сто рублей, выдававшихся на семью призывников, были в 4–5 раз больше, чем эквивалент солдатского продовольственного пайка, то теперь, год спустя, стоимость пайка значительно превысила сто рублей и продолжала расти. Таким образом, летом 1919 г. семьям всех призванных стали выдавать пособия в размере продовольственного пайка по количеству получателей в семье. Кроме того, новые правила распространили на все время с момента призыва. Семье, откуда был призван один из членов, производили перерасчет всех выплат по новым правилам со дня призыва. При этом доплату по

С. 392–395; Временное Сибирское правительство ... С. 578–581; см. также: Северосоюз (Тобольск). 1918. № 36–37. С. 14–154; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 70–70 об.; Белое движение: каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000. С. 108.

⁸⁰ ГАКК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 196. Л. 6–6 об.

⁸¹ Правительственный вестник. 1919. 9 марта; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 5. Ст. 57, п. 24.

⁸² Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 13. Ст. 217.

новым правилам производили со дня зачисления на действительную службу с зачетом ранее выданного сторублевого пособия. Порядок начисления через попечительства по результатам обследования материального положения остался прежним⁸³.

На основании постановлений Административного совета от 24 октября 1918 г. и вновь принятого постановления от 4 июля 1919 г. пособие семьям призванных начислялось только в случае, если попечительский совет признавал ее материально необеспеченной. Средства начислялись с момента начала службы призванного в армию⁸⁴. Критерии отнесения семейства к категории нуждающихся в государственном призрении были довольно четко определены в законодательстве. Интересно, что наряду с законными супругами призванных паек на равных основаниях могла получать и внебрачная семья⁸⁵. Этим была подтверждена введенная Временным правительством 22 июня 1917 г. норма, распространившая правила о призрении семейств призванных солдат на внебрачных жен, детей, а также матерей, братьев и сестер⁸⁶.

Денежные средства для выплаты пособий солдатским семьям в размере 40 млн руб. Совет министров изыскал только 31 декабря 1918 г., постановив выдать соответствующий кредит Министерству внутренних дел⁸⁷. Семьям призванных в армию казаков пособия в 1918 г. не выплачивались. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил выделить 30 млн руб. на удовлетворение пайковым довольствием семей призванных казаков в Оренбургском казачьем войске⁸⁸, и лишь 5 мая по представлению военного министра – еще 60 млн руб. для семей казаков и неказачьего населения, проживающего на территориях казачьих войск (без указания конкретного войска)⁸⁹. Трудно сказать, в какие сроки эти деньги действительно были перечислены в Министерство внутренних дел и дошли до нуждающихся в государственной помощи семей. Имеются лишь частные сведения. Например, в Оренбургском казачьем войске из отпущенных средств только к июню 1919 г. получили половину и сразу же приступили к распределению пособий⁹⁰. Исходя из объема выделенных средств, можно утверждать одно: пособие могли получить лишь несколько тысяч семей. В армии в конце 1918 г. числилось 400 тыс. чел., из которых было 175 тыс. новобранцев, мобилизованных в августе–сентябре 1918 г.⁹¹ Эти данные свидетельствуют

⁸³ Правительственный вестник. 1919. 1 авг.

⁸⁴ Сибирский вестник. 1918. 4 нояб. Приложение № 2; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 23. Ст. 207; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 3. С. 395; Временное Сибирское правительство ... С. 228–230.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 40–40 об.; Вестник Тобольской губернии. 1919. 7 янв.

⁸⁶ Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 182. 4 авг. Ст. 1019. С. 1823; Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2002. Т. 2: Май–июнь 1917 года. С. 334.

⁸⁷ Правительственный вестник. 1919. 25 янв.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 98.

⁸⁸ Правительственный вестник. 1919. 28 февр.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 7. Ст. 99.

⁸⁹ Правительственный вестник. 1919. 8 мая.

⁹⁰ Оренбургский казачий вестник (Троицк). 1919. 6 июня; Протоколы 3-го очередного войскового круга области войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 391–392.

⁹¹ Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. С. 418.

о том, что едва ли государство выплатило половину обещанных пособий. Однако следует учесть, что средства могли выделяться через военный фонд без указания конкретных целей кредита.

Были и очевидные законодательные недоработки. В частности, постановление от 24 октября 1918 г. о призрении семей, призванных по мобилизации, предусматривало выдачу сто-рублевого пособия только семьям призывников 1898 и 1899 гг. рождения. В казачьи войска призывались и другие возраста, составлявшие подавляющее большинство военнослужащих. Но закон не предусматривал выделение для них пособия. В результате 17 июня 1919 г. 3-й Войсковой казачий круг Оренбургского казачьего войска принял собственное положение о призрении семей призванных. Оно предусматривало выделение пособий для семей всех призванных на территории войска казаков и солдат⁹².

В лагере восточной контрреволюции внимательно относились к военнослужащим, пленным Красной армией, и членам их семей. К ним приравнивались и лица, вынуждено находившиеся на территории, контролировавшейся советской властью. Они как социальная группа не подвергались осуждению, напротив, – всеобщей заботе и вниманию. 7 июля 1919 г. было принято решение о выдаче пособия офицерам, военным врачам, чиновникам и священникам, бежавшим из Советской России и поступившим на военную службу. Размер пособия установили значительный: от 1200 руб. обер-офицерам до 2000 руб. генералам, а наличие семьи приводило к его полуторному увеличению⁹³. 4 сентября 1919 г. было принято решение выплачивать в этих случаях также 750 руб. унтер-офицерам и 600 руб. солдатам⁹⁴. Эти пособия были утверждены с целью стимулировать бегство военных от большевиков⁹⁵. 29 августа 1919 г. Совет министров утвердил выделение 200 тыс. руб. аванса для выдачи пособий семьям пленных военнослужащих, выезжающих из столицы на восток в связи с разгрузкой Омска⁹⁶. 4 сентября 1919 г. эти пособия в размере 750 и 600 руб. соответственно распространили на унтер-офицеров и рядовых солдат⁹⁷.

В «Семеновском царстве» задача социального призрения военнослужащих и членов их семей являлась одной из приоритетных. Из казны продолжали выделять средства на оплату денежных и пайковых пособий семьям призванных. В частности, приказом № 15 помощника

⁹² Протоколы 3-го очередного войскового круга ... С. 474–480.

⁹³ Правительственный вестник. 1919. 6 авг.; Единая Россия (Омск). 1919. № 2. С. 17; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 224 об.–225. В.Д. Зимина утверждает, что это постановление было принято 1 июля 1919 г. (см.: *Зимина В.Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 442). См. также: *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 211.

⁹⁴ Правительственный вестник. 1919. 24 сент.

⁹⁵ Русская армия (Омск). 1919. 10 июля.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 146.

⁹⁷ Там же. Д. 99. Л. 85 об.–86.

главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части от 11 февраля 1920 г. на эти цели выделялось 5,5 млн руб., приказом № 68 от 3 апреля – 3 млн руб., приказом № 123 от 12 мая 1920 г. – еще 6 млн руб.⁹⁸ В тот же день приказом № 128 выделили 10 млн руб. на выплаты пособий увечным воинам⁹⁹. 12 июля 1920 г. Совет управляющих ведомствами отпустил 36 млн руб. на выдачу продовольственных пособий семьям призванных¹⁰⁰.

Гражданская война с ее сложными условиями отступления, когда целые подразделения теряли связь со своими штабами, требовала постоянной адаптации нормативной базы. Военное совещание при помощнике Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по военной части 26 мая 1920 г. внесло коррективы в порядок социальных выплат. В частности, решили сохранить денежные выплаты семьям военных, живущих отдельно с главами семейств. Это было важно в связи с тем, что в предыдущие месяцы практиковалась эвакуация офицерских семейств и в Забайкалье скопилось довольно много родственников военных, прибывших из других регионов. Кроме того, военное совещание распорядилось выдавать семьям плененных или безвестно отсутствующих военнослужащих половинный оклад их мужей и полное квартирное содержание. Это правило не распространялось только на те семьи, по отношению к главам которых было точно известно, что они перешли на службу к «красным». Продовольственный паек решено было выдавать продуктами из интендантских запасов, что оказалось большим благом в связи с острейшим дефицитом продовольствия в Забайкалье. Вне всяких нормативных рамок было разрешено наиболее пострадавшим в борьбе с советской властью военнослужащим и их семьям выдавать пособия в размере одно-двухмесячного оклада и обеспечивать обмундированием¹⁰¹.

Принципиально важно проследить механизм воплощения мер по социальному призрению семей военнослужащих. В первые месяцы после антибольшевистского переворота органы местного самоуправления пытались регулировать выплату казенных пайков и пособий солдатским семьям, исходя из наличных средств и законодательства 1912 и 1917 гг.¹⁰²

Отдел призрения Министерства внутренних дел детально прописал механизм выдачи пособий в инструкции от 27 ноября 1918 г. Претендовавшие на них семьи должны были подавать прошения с предоставлением полных сведений об имущественном положении. Разбором ходатайств занимались губернские/областные попечительские советы при соответствующем комиссаре/управляющем, уездные, городские и волостные – при земских управах. В советах заседали

⁹⁸ Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 15 февр., 21 апр.; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 32, 155, 227.

⁹⁹ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 233.

¹⁰⁰ Там же. Л. 298.

¹⁰¹ Забайкальская новь (Чита). 1920. 13 июня; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 50. Л. 169–169 об., 170 об., 171.

¹⁰² Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ... С. 298.

представители земств и благотворительных организаций, но преобладали чиновники (от Казенной палаты, Государственного контроля, от комендантов или воинских начальников). В их задачу входило обследование материального положения семей призванных на военную службу, на основании которого выносили решение. Исполнительным органом совета являлся соответствующий отдел призрения¹⁰³. Ведению попечительских советов не подлежали семьи добровольцев, на которых продовольственные пособия выписывали в обязательном порядке воинские начальники¹⁰⁴. Аналогичные советы занимались утверждением пособий и до революции. В ряде мест предложили заранее произвести обследование материального положения семей призванных и приготовить списки получателей пособий до получения соответствующей директивы из Министерства внутренних дел¹⁰⁵. Директивы гласили, что пособия призванным в Сибирскую армию следует начислять четыре раза в году (в марте, июне, сентябре и декабре – за три месяца вперед), а пособия семьям призванных в Первую мировую войну – ежемесячно за месяц вперед¹⁰⁶. По указаниям МВД отделы призрения уездных земских управ должны были произвести обследование семей призванных в Первую мировую войну и добровольцев Сибирской армии. Любое изменение состава семьи требовало дополнительного обследования. В Алтайской губернии первые обследования были осуществлены в конце 1918 г. и выдачи произвели за последний квартал уходящего года¹⁰⁷.

Несмотря на наличие довольно подробных инструкций о порядке выделения пособий, многое зависело от конкретных членов комиссий. Известно, что в одних административно-территориальных единицах пайки и пособия распределяли очень скупно, придирчиво оценивая материальное положение каждой семьи, в других – старались выдать почти всем семьям призванных, не утруждая себя тщательным обследованием. 4 марта 1919 г. отдел призрения Министерства внутренних дел Российского правительства отметил, что некоторые попечительские советы составляют миллионные сметы, показывая неправдоподобно завышенное количество материально необеспеченных семей¹⁰⁸.

В исследовательской литературе имеются отрывочные сведения о начислении пособий. Инструкции содержали весьма невнятные предписания, а местные попечительства изобретательно импровизировали¹⁰⁹. В Щегловске в феврале 1919 г. сторублевым пособием от казны

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 753. Л. 5 об.; ГАНО. Ф. Д-122. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–10. (Т.З. Позняк датирует эту инструкцию 15 ноября 1918 г. См.: *Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ...* С. 299).

¹⁰⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 27, 32.

¹⁰⁵ Путь деревни (Ачинск). 1918. № 24. С. 3.

¹⁰⁶ ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 151. Л. 13.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 65. Л. 80–81; ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 196. Л. 21–21 об.

¹⁰⁸ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 36–36 об.

¹⁰⁹ *Катцина Т.А., Мезелит Л.Э. Социальная политика Временного Сибирского правительства: идеи и опыт реализации // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира: сб. материалов Всерос. науч-практ. конф. Новосибирск, 2019. С. 192.*

пользовались 19 семей¹¹⁰. Но в Славгородском уезде на май 1919 г. попечительский совет запросил из казны пособия на 2785 семей призывников в количестве 8598 пайков¹¹¹. Действительно, в циркуляре от конца марта 1919 г. отдел призрения МВД признавал, что в соседних мало друг от друга экономически различающихся уездах число получателей пособия может отличаться десятикратно¹¹².

Из самого факта повсеместной деятельности попечительских советов не следует, что все пособия аккуратно и своевременно выдавались нуждающимся, хотя именно такой вывод сформулировал А.А. Мышанский в своей диссертации¹¹³. В нашем распоряжении имеется делопроизводство Акмолинского уездного и Кокчетавского городского попечительских советов. Первый к маю 1919 г. провел 46 заседаний, непрерывно, иногда по несколько раз проверяя присылаемые справки о материальном положении просителей. На каждом заседании рассматривали от одного до 40–50 прошений, 20–25% из них отправляли на дополнительное обследование. Из оставшихся около 60% удовлетворяли, остальные отклоняли¹¹⁴. Кокчетавский совет образовался 27 ноября 1918 г. Из его документов можно сделать вывод, что деньги на оплату пособий поступали с опозданием в 5 месяцев. Размер продовольственного пособия составлял 33 руб. На город Кокчетав приходилось к выдаче 120–130 полных сторублевых пособий и 20–25 половинных¹¹⁵. Для Тобольской губернии в конце 1918 г. утвердили размер пособия в 35 руб. на семью, а для Тарского уезда – 27 руб.¹¹⁶ Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах – и не только из-за отсутствия средств, но и потому, что комиссии, без труда определив стоимость продовольственного пайка, просто не справлялись с объемом работы по обследованию семей нуждавшихся¹¹⁷.

Министерство внутренних дел очень торопило местные органы с определением сумм, необходимых для оплаты пособий. Недаром заведующий отделом призрения А.А. Корчагин разослал губернским/областным земским управам требование организовать попечительские советы и приступить к определению численности получающих пособия семей, не дожидаясь получения на местах соответствующих законов и инструкций¹¹⁸. Но эта организационная поспешность не подкреплялась распорядительностью центральных органов. Как было указано выше, суммы из бюджета на эту статью выделялись с большим опозданием. Делопроизводство

¹¹⁰ Звягин С.П. Кузбасс в годы Гражданской войны. Омск, 2007. С. 87.

¹¹¹ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.

¹¹² Там же. Оп. 2. Д. 159. Л. 27.

¹¹³ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 115.

¹¹⁴ Иса ОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–15. Данные приблизительные, точный подсчет автором не проводился.

¹¹⁵ Там же. Л. 31, 57–59.

¹¹⁶ Вестник Тобольской губернии. 1919. 14 янв.

¹¹⁷ Наш край (Хабаровск). 1919. 8 окт.

¹¹⁸ Известия Забайкальской областной земской управы (Чита). 1918. 20 нояб.

Семипалатинского областного земства свидетельствует о начале выдачи пособий в сельской местности с первых месяцев 1919 г.¹¹⁹ В Приморье в начале 1919 г. долг по пособиям в сельской местности составил сумму за 8 месяцев¹²⁰. В Забайкалье в станицах действовали особые комиссии (комитеты или отделы) по призрению семейств призванных. Продовольственные пособия за январь–март 1919 г. выдавались ими в июне 1919 г., за апрель–июнь – в августе, за июнь–октябрь – в ноябре. Но в отдельных станицах имелись случаи задержки денег, причину которых документы установить не позволяют, когда в ноябре 1919 г. выдавались пособия только за первый квартал текущего года¹²¹.

Известны случаи, когда, не дождавшись средств от государства, местные власти объявляли благотворительный сбор денег на выдачу продовольственных пособий семьям призванных, как это сделал 6 июля 1919 г. Соликамский уездный попечительный совет¹²². Нижнеудинская уездная земская управа, приступившая к выдаче пайковых пособий солдатским семьям за последний квартал 1918 г. только в мае 1919 г., постановила к скудному размеру казенных выплат в 25 руб. доплачивать еще по 15 руб. из средств земства, одновременно поставив перед министерством вопрос о компенсации расходов из земского бюджета¹²³. Имеются и другие примеры, когда органы местного самоуправления по собственной инициативе организовывали комиссии по выявлению лиц, пострадавших в борьбе с советской властью, обследованию их материального положения и оказанию финансовой помощи¹²⁴.

Есть свидетельства и противоположного характера. Так, начальник Тарского военного района сообщал, что «жены солдат во многих деревнях не получают пайков по причине растрат или невнимания к их нуждам со стороны управ. Их жалобы на недостачу или просто невыдачу пайков уничтожаются в управах же, а солдаткам сообщается следующее: правительство не дает»¹²⁵. Циркуляр МВД от 20 июня 1919 г. сообщал, что задержка выдачи пособия в ряде уездов Сибири происходит по причине волокиты с рассмотрением ходатайств на выдачу пособия и тянущегося месяцами обследования материального положения семей призванных¹²⁶. Если верить объяснениям властей, главная причина задержки, по крайней мере, в деревне, состояла в том, что волостные попечительства крайне медленно проводили обследование материального положения семей военнослужащих. Министерство внутренних дел указывало на то, что длительность переписки между волостными, уездными и губернскими/областными

¹¹⁹ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 114. Л. 3–65.

¹²⁰ Земские известия (Владивосток). 1919. 14 янв.

¹²¹ ГАРФ. Ф. Р-4711. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–2, 7–8, 53–54, 86, 110, 122–127.

¹²² Белое движение: каталог коллекции листовок ... С. 289.

¹²³ Народное дело (Нижнеудинск). 1919. № 10. С. 19.

¹²⁴ Якутский областной вестник (Якутск). 1918. 18, 24 сент.

¹²⁵ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 172.

Автор не датирует излагаемого им документа.

¹²⁶ ГААК. Ф. 225. Оп. 1. Д. 151. Л. 45–45 об.

попечительскими советами и есть главная причина, не позволяющая своевременно перечислять средства на выдачу пособий¹²⁷. Можно отметить и далеко не оперативное создание попечительских органов. Например, в Нерчинске городская дума организовала комиссию по обследованию материального положения семей призванных в армию только 7 февраля 1919 г.¹²⁸

Судя по делопроизводству алтайских земских органов, серьезную проблему представляла задержка отчетности волостными учреждениями. Выданные в декабре 1918 г. пособия за сентябрь–октябрь 1918 г. к маю 1919 г. не имели никаких оправдательных документов. Даже в августе 1919 г. некоторые волости не отчитались за сентябрьские 1918 г. пособия. Следовательно, в уездных земствах не имели информации, попали ли деньги к семьям призванных или остались лежать в волостных правлениях¹²⁹. «В некоторых уездах происходит задержка в выдаче продовольственного пособия по причине медлительности должностных лиц», констатировалось в циркуляре Алтайской губернской земской управы от 22 июля 1919 г.¹³⁰

Примечательно, что советское правительство восстановило выплаты пособий семьям призванных в Красную армию только декретом от 26 декабря 1918 г. Размер пособия был установлен в 60 руб., что по меркам быстро обесценивавшегося советского рубля являлось совершенно символической выплатой. После многомесячной отладки механизма выплат в замен к тому времени полностью разрушенного дореволюционного, реальные выплаты начали производить только летом 1919 г., а основные платежи пришлось на последние месяцы 1919 и 1920 гг. Число выдаваемых пайков в Советской России быстро росло – с 1 431 412 в июле 1919 г. до 8 657 066 в октябре 1920 г.¹³¹ Но в связи с невозможностью решить проблему путем денежных выплат, с конца 1919 г. советская власть активно использовала натуральные выдачи и мобилизацию соседей в помощь семьям красноармейцев, чем и обеспечивала преимущественно социальную помощь этой группе нуждавшихся¹³².

Обстановка Гражданской войны не могла не сказаться на сфере социального обеспечения. Советская власть достаточно рано стала использовать против политических противников такую санкцию, как лишение прав на получение пенсий. Известно, что такая кара ждала служащих, увольнявшихся по решению советов за политическую нелояльность¹³³.

В антибольшевистском лагере вопрос изначально воспринимался иначе – главную проблему видели в пробелах пенсионного законодательства, не позволявших устанавливать

¹²⁷ Наш край (Хабаровск). 1919. 8 окт.

¹²⁸ ГАЗК. Ф. 334. Оп. 2. Д. 41. Л. 74 об.

¹²⁹ ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 151. Л. 31–31 об., 41.

¹³⁰ Там же. Л. 45.

¹³¹ История развития пенсионной системы в России IX–XX вв. С. 520–521.

¹³² См.: Рышков В.М. Социальная политика в условиях экономической нестабильности: анализ сибирского опыта 1918–1920 гг. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. стат. по материалам всерос. науч. конф. Барнаул, 2018. С. 271.

¹³³ Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 108.

социальные выплаты активным борцам с советской властью. Наиболее ранняя попытка организовать социальное признание по идейно-политическому принципу обнаруживается в Оренбургском военном округе. Здесь еще 12 февраля 1918 г. было объявлено о выплате пенсий гражданам, потерявшим трудоспособность в борьбе с большевиками. Это была не разовая акция. В Оренбургском казачьем войске к данной проблеме возвращались неоднократно, не дожидаясь указаний центральных властей. Так, 7 августа 1918 г. Войсковое правительство установило единовременное пособие семьям казаков, погибших в борьбе с большевиками, в 2000 руб., а войсковой круг в сентябре 1918 г. утвердил 50-рублевый размер ежемесячного пособия на каждого погибшего члена семьи. Правда, средств на выплату практически не нашлось, хотя для этого собирались зарезервировать деньги, конфискованные военно-следственными комиссиями – крайне ненадежный источник поступлений¹³⁴.

В отдельной Восточно-Сибирской армии, находившейся под командованием атамана Г.М. Семенова, семьям убитых офицеров из интендантских средств выплачивалось по 300 руб. ежемесячно¹³⁵. Сведения о реальном положении дел на местах разбросаны по разным архивам и частично утрачены. По отдельным свидетельствам сложно восстановить полную картину, судить же по единичным данным нельзя – слишком они отличаются друг от друга.

Российское правительство заботила и опасность получения социальных выплат нелояльными режиму гражданами. Попечительские советы должны были следить за тем, чтобы семьи военнослужащих, самовольно покинувших свои части или дезертировавших, лишались пособия. Командиры частей обязывались сообщать о случаях дезертирства по месту жительства беглеца¹³⁶. И такие сообщения действительно доходили до мест проживания дезертиров и вели к прекращению выплаты пособия родственникам¹³⁷. Это соответствовало положению Совета министров от 15 апреля 1915 г. о лишении семей, добровольно сдавшихся в плен или дезертировавших, казенного пайка и опиралось на кратковременную дореволюционную практику исполнения данной нормы¹³⁸, но в целом отражало усиление идейно-политического фактора социальной политики.

Помимо прямых денежных выплат военное ведомство оказывало семьям офицеров содействие иного рода. Министерством было инициировано создание сети военно-экономических обществ для облегчения их положения. Общества доставляли дешевые товары для военнослужащих¹³⁹. Увеличивались места в кадетских корпусах и расширялись интернаты для устройства

¹³⁴ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 342.

¹³⁵ Атаман Семенов: вопросы государственного строительства. С. 23.

¹³⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 15 авг.

¹³⁷ ГАКК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 249. Л. 7.

¹³⁸ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие. М., 1999. С. 73; Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Барнаул, 2010. С. 121–122.

¹³⁹ Единая Россия (Омск). 1919. № 2. С. 19–20; № 5. С. 16.

в них детей офицеров. Министерство старалось обеспечить преимущество вдовам, женам и дочерям военнослужащих и инвалидов при замещении вакантных вольнонаемных должностей. Дети пенсионеров казны, пострадавших в результате военных действий, могли обучаться в начальных и средних учебных заведениях за казенный счет¹⁴⁰.

Для раненых военнослужащих и ветеранов в Сибири спешно восстанавливалась сеть санаторно-курортных учреждений. В апреле 1919 г. провели кампанию по оповещению всех потенциально нуждавшихся в лечении «военно-увечных воинов», чтобы попечительские советы составили списки отправляемых летом 1919 г. на лечение за казенный счет¹⁴¹.

Противники большевиков постарались учесть опыт Первой мировой войны, когда правительство организовало крестьянскую помощь семьям призванных. Ко времени революции в этом деле был накоплен солидный опыт, хотя с 1916 г. энтузиазм уже заметно угасал¹⁴². Одна из первых таких попыток – Приказ Комуча № 139 от 29 июля 1918 г.¹⁴³ Он предусматривал обязанность сельских обществ осуществлять уборку полей, принадлежавших призванным в армию крестьянам, и возлагал обязанность по организации работ на волостные земства. Однако непопулярность призыва в армию, массовое дезертирство и отступление Народной армии не позволяют судить о воплощении данного постановления, хотя оно и предусматривало штрафные санкции – убытки от неубранных полей призывников или их несвоевременной уборки возлагались на сельские общества, проигнорировавшие Приказ № 139.

В Сибири этой проблемой озаботились только в 1919 г., но ограничились обращениями к сельским обществам самостоятельно решить, каким образом организовать помощь солдатским семьям в уборке урожая – выделяя специальных людей для уборки или предоставляя бесплатную технику¹⁴⁴. Главной мерой оказались возвания к волостным и сельским органам управления с призывами оказать содействие в уборке полей семейств призывников¹⁴⁵. Аналогичные меры использовались и на Южном Урале. 3-й очередной Войсковой круг Оренбургского казачьего войска 17 марта 1919 г. постановил взять на учет все семьи мобилизованных в армию казаков, произвести на их полях посев и уборку урожая силами местного станичного

¹⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 27 июля.

¹⁴¹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 48; Д. 123. Л. 50.

¹⁴² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1915. Вып. 6. С. 56–57; *Грицаева А.Н.* Благотворительность в России ... С. 113; *Рышков В.М.* Сибирское общество в годы Первой мировой войны: институты, инструменты, формы и индивидуальные стратегии политической адаптации // *Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. стат.* Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 27–29.

¹⁴³ Вестник Комитета членов ... 1918. 30 июля. Оpubл.: Под знаменем Комуча ... С. 210; В историографии впервые об этом упомянул В.В. Кондрашин. См.: *Кондрашин В.В.* Самарский Комуч и крестьянство // *Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: сб. науч. тр.* Тамбов, 2001. С. 146–147.

¹⁴⁴ Алтайский вестник. 1919. 12 авг.

¹⁴⁵ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 371.

(поселкового) общества. При необходимости им предлагалось выделить 1–3 дес. казенной земли. Сельскохозяйственные работы предлагалось производить трудом специально созданных сельских артелей, которые обеспечивались инвентарем из местных запасов¹⁴⁶.

Исключение составила Семиреченская область, где управляющий еще 25 августа 1918 г. предписал мобилизовать рабочих и киргизское население для уборки полей русских крестьян и казаков, участвовавших в борьбе с большевиками¹⁴⁷. На следующий год вновь вернулись к этой практике. 3 сентября 1919 г. управляющий Семиреченской областью объявил мобилизацию на уборку урожая с бесхозных полей не только всего туземного населения, но и вообще всех трудоспособных, не занятых на службе в армии или в важнейших государственных органах¹⁴⁸. Все это резко контрастировало с нормативной базой противоположного лагеря. Верненский городской совет 7 июня 1917 г. распорядился, что каждый уезд сам принимает на себя расходы по продовольствию семей мобилизованных. Причем они должны были получить натуральный паек, а уборку полей вменили в обязанность Союзу хлеборобов. Хотя меры сословной или этнической дискриминации широко практиковались, но законодательство их допускало¹⁴⁹.

Отступление Белой армии и массовое беженство внесло коррективы в порядок начисления пособий для семей военнослужащих. Многие из них опасались оказаться в зоне противника и отправились на восток. С 26 сентября 1919 г. Министерство внутренних дел получило право взамен продовольственного и денежного пособия предоставлять бесплатно эвакуирующимся семьям военнослужащих помещение и продукты питания из ресурсов, отпущенных на обустройство беженцев¹⁵⁰. 3 октября 1919 г. решено было материально поддержать в условиях нарастающего дефицита продовольствия семьи военнослужащих, вольнонаемных рабочих и служащих военного и морского ведомств Приамурского военного округа. Из продовольственных магазинов им начали выдавать продукты в размере солдатского пайка на каждого члена семьи¹⁵¹. Такая поддержка государства оказалась гораздо существеннее, чем фиксированный денежный эквивалент стоимости установленного набора продуктов. В прифронтовой полосе, откуда, как правило, попечительские советы уже эвакуировались, а население, в том числе получатели пайкового довольствия, еще оставалось, разрешено было выдавать все пособия семьям военнослужащих через особоуполномоченных Министерства внутренних дел и уездные земские управы¹⁵².

¹⁴⁶ Каминский Ф. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века. Магнитогорск, 2001. С. 100.

¹⁴⁷ Семиреченские областные ведомости (Сергиопольская). 1919. 19 янв.

¹⁴⁸ Там же. 1919. 21 сент.

¹⁴⁹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1: Май 1918 – сентябрь 1919 г. С. 569.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 187 об.

¹⁵¹ Там же. Д. 99. Л. 177 об.

¹⁵² Правительственный вестник. 1919. 14 окт.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 96. Л. 52–52 об.

До последних месяцев деятельности колчаковский режим проявлял заботу о материальном положении своих сторонников и людей, пострадавших в борьбе с советской властью. Пришедший на смену Российскому правительству в Восточной Сибири Политцентр волновали схожие проблемы, с той лишь разницей, что произошла смена политических и идеологических приоритетов. У нового режима были другие противники и герои. 8 января 1920 г. Политцентр утвердил создание особого фонда для обеспечения семей погибших в борьбе с реакционным правительством адмирала Колчака¹⁵³. Этим актом не только демонстрировалась забота о тех, кто поддержал новый режим в период его сложного становления. С первых дней существования Политцентр пытался формировать элементы новой идеологии, культа новых героев борьбы за «сибирскую демократию».

17 января 1920 г. Межведомственное совещание уполномоченных ведомствами Политцентра подготовило законопроект об отмене постановления Совета министров Российского правительства от 17 июня 1919 г. о пенсиях лицам, пострадавшим в войне за освобождение России от советской власти, и от 11 августа 1919 г. о призрении семей служащих, убитых в борьбе с большевиками и утративших трудоспособность в связи с Гражданской войной. Одновременно ведомства военному, финансов и внутренних дел поручалось подготовить законопроект о пенсиях и пособиях лицам, пострадавшим в борьбе с реакцией, и семьям лиц, погибшим в этой борьбе¹⁵⁴. Так идеологически мотивированные пенсии, введенные Российским правительством (пострадавшим в борьбе против советской власти), отменялись, зато собирались ввести аналогичные, но уже направленные на социальную защиту антиколчаковской оппозиции.

Не обошлось и без политической ангажированности. Решение о первых социальных трансфертах, принятое Политцентром, обосновывалось сугубо идеологически. 10 января 1920 г. высший орган государственной власти распорядился создать «фонд помощи освобожденным политическим». Законодатели призвали «исполнить долг освобожденного народа перед борцами за народное дело, томившимися в тюрьмах и ссылках». Фонд предписывалось пополнять из средств государственного казначейства, отчислений из бюджетов городских и земских органов самоуправления, общественных организаций, частных пожертвований. Политцентр распорядился немедленно отпустить в него из казны 1 млн руб., деньги, правда, не очень большие по тем временам¹⁵⁵. В этом направлении была проявлена чрезвычайная оперативность. Уже 12 января Иркутский губернский комитет помощи политическим освобожденным и их семьям утвердил весьма амбициозный план благотворительных мероприятий¹⁵⁶.

¹⁵³ Бюллетень информационного бюро Политического центра. (Иркутск). 1920. 10 янв.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 13. Л. 19 об.–20 об.

¹⁵⁵ Бюллетень информационного бюро Политического центра. (Иркутск). 1920. 11 янв.

¹⁵⁶ Дело (Иркутск). 1920. 18 янв.

В лагере сторонников продолжения вооруженного противостояния большевикам тоже усиливались идейно-политические мотивы социальной политики. Поэтому, несмотря на углубление экономического кризиса и ослабление государственной власти, внимание к материальному обеспечению лиц, пострадавших в Гражданской войне, а особенно – отличившихся в борьбе с советской властью, не ослабевало. 11 февраля 1920 г. атаман Г.М. Семенов выделил отделу призрения Управления внутренних дел фонд в размере 50 тыс. руб., затем еще 20 тыс. руб. на раздачу единовременных безвозвратных пособий. Гораздо большие суммы были получены в виде благотворительных взносов. Деньги выдавались безработным служащим, отставным чиновникам и офицерам на лечение, вдовам на образование детей¹⁵⁷. Наконец, 26 мая 1920 г. военное совещание при помощнике главнокомандующего по военной части постановило выдавать пособия в размере одно-двухмесячного оклада военнослужащим, потерявшим свое имущество при эвакуации¹⁵⁸.

Для Г.М. Семенова была характерна популистская риторика. Он намеренно разыгрывал патерналистскую карту, стараясь показать, что государство не оставит своими заботами борцов против советской власти и их родных. Поэтому главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской восточной окраины, его помощниками по военной и гражданской части была выпущена серия приказов о назначении персональных пенсий¹⁵⁹.

В конце 1919 г. штаб походного атамана Дальневосточных казачьих войск атамана Семёнова с помпезностью заявил, что, заботясь о семьях призванных на военную службу, атаман открывает три бесплатные столовые, рассчитанные на ежедневную выдачу порций на тысячу человек. Обеды обещали предоставлять за ничтожную плату, а наиболее нуждающимся – бесплатно¹⁶⁰. Внедрение этой инициативы оказалось далеко от обещанного. Известно, что льготное питание в этих столовых в 1920 г. получали в основном военные и государственные служащие. Но все же кое-что делалось для смягчения положения семей призванных. В частности, в начале 1920 г. в Восточном Забайкалье и на Дальнем Востоке ввиду стремительной инфляции в городах было решено перейти от денежного к натуральному пособию семьям призванных на военную службу¹⁶¹. И в Чите продолжали функционировать столовые, кормившие ежедневно по сниженным ценам более тысячи человек – беженцев, пенсионеров, малообеспеченных служащих и членов их семей¹⁶².

Временное правительство – Приморская областная земская управа продолжало выделять некоторые суммы на реализацию социальных обязательств колчаковского режима. Так,

¹⁵⁷ Вестник Забайкалья. 1920. 15 февр.; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 21. Л. 22–23 об., 77.

¹⁵⁸ Забайкальская новь. 1920. 12 июня.

¹⁵⁹ Вестник Забайкалья. 1920. 4 июня.

¹⁶⁰ Забайкальская новь. 1919. 2, 4 дек.

¹⁶¹ Амурские областные ведомости. 1920. 5 янв.

¹⁶² Забайкальская новь. 1920. 14 февр.

16 марта 1920 г. оно отпустило 500 тыс. руб. на пособия увечным воинам¹⁶³, 25 марта выделило 2,5 млн руб. на пособия семьям призванных¹⁶⁴, 16 марта 1920 г. – 152 557 руб. на выплату эвакуационного пособия прибывшим из Омска служащим отдела торговых портов и мореплавания¹⁶⁵. Но в тот же день куда большую сумму – 3 млн 625 тыс. руб. – правительство выделило на обмундирование и отправку по домам политических и уголовных заключенных из тюрем¹⁶⁶. 25 марта 1920 г. приморская областная власть изыскала 1 млн руб. для выдачи пособий сучанским служащим, уволенным прежней властью, а 23 апреля – еще 2 млн для «безвозвратных» пособий сучанским рабочим, пострадавшим от Гражданской войны¹⁶⁷. 20 мая 1920 г. в отмену постановления Российского правительства от 3 апреля 1919 г. Временное правительство – Приморская областная земская управа возобновила выплату пособий семьям призванных до 1 января 1918 г., главы которых числились в плену¹⁶⁸. Это возвращало в круг лиц, на которых выдавалось пособие, тех, кто после плена служил в РККА, Народно-революционной армии ДВР или ушел в партизанские формирования. Таким образом, было заявлено намерение нового регионального правительства опереться на те группы населения, которые стояли в оппозиции чкаловскому режиму. Кроме того, здесь присутствовала идея национального примирения. 1 июня 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока отпустило 3 млн руб. для организации отправки домой инвалидов¹⁶⁹. Имелись в виду нуждающиеся в помощи государства для выезда в Советскую Россию.

В Приморье в 1920–1921 гг. существовала огромная задолженность не только по зарплате, но и по социальным выплатам. Регион был наводнен беженцами, в числе которых находилось немало военных и гражданских чиновников и членов их семей, не получавших предусмотренных законом выплат. 11 августа 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока приняло одобренный Народным собранием закон о порядке начисления пенсий. Этот нормативный акт устанавливал коэффициенты эквивалента всех прежних пенсионных окладов и социальных пособий прожиточному минимуму. Так, пенсии могли составлять от 0,4 до 1,5 прожиточных минимумов, пособие по смерти – 1,5 и т.д. Ввиду того, что эмеритальные кассы в результате обесценивания рубля обанкротились, постановление предполагало, что все пенсионные выплаты будут производиться напрямую из казначейства.

На недавно прибывших в Приморье (после 12 июня 1920 г.) закон не распространял никаких пенсионных и иных социальных выплат. Так исключалась возможность целенаправленного

¹⁶³ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920. 18 марта.

¹⁶⁴ Там же. 28 марта.

¹⁶⁵ Там же. 18 марта.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. 28 марта.

¹⁶⁸ Там же. 26 мая.

¹⁶⁹ Там же. 4 июня.

приезда в регион потенциальных пенсионеров. Первоначально эта временная мера вводилась для выплат в августе и сентябре 1920 г., но потом она продлевалась до конца года¹⁷⁰.

Неудивительно, что уже на втором месяце деятельности Временного Приамурского правительства оно оказалось завалено ходатайствами о выделении пенсий и пособий, заштатных денег. До лета 1921 г. большинство из них отклоняли. 27 июня 1921 г. была учреждена комиссия для выяснения правильности претензий на право получения пенсий. Комиссия должна была пересмотреть все списки гражданских и военных служащих, находящихся в резерве и имеющих право на получение резервного содержания¹⁷¹. Осенью, наоборот, просьбы о выдаче пособий увечным воинам или вдовам военнослужащих преимущественно удовлетворяли, утверждая им выплаты в 50–150 и даже в отдельных случаях 250 руб. – солидные по тем временам деньги, равные годовому прожиточному минимуму. Вопросы об оплате лечения больных и раненых военных, счетов госпиталей обычно передавали на самостоятельное решение военного ведомства. Особенно легко члены правительства соглашались на льготы, не связанные с прямыми выплатами. Так, осенью 1920 г. десятками удовлетворялись просьбы о принятии на счет казны обучения сирот в средних и высших учебных заведениях. Только 26 декабря 1921 г. правительство разрешило обучение за казенный счет 57 студентов Дальневосточного университета, 38 студентов политехнического института, 102 учеников гимназий¹⁷². В 1922 г. такая практика продолжалась. Правительство извлекало явную выгоду из ситуации – ведь по закону обучающиеся за счет казны дети и подростки лишались права на пенсию. А средств за обучение правительство не перечисляло. Уже 8 февраля 1922 г. оно вынуждено было разбирать вопрос о бедственном положении учебных заведений, не получающих уплату за «казеннокошных» учеников и студентов¹⁷³. До апреля 1922 г. вопросами о предоставлении казенной платы за обучение занимался отдел призрения ведомства управления внутренних дел, после этого времени – управление военно-учебных заведений¹⁷⁴.

Члены правительства понимали необходимость установления нормативной основы для сокращения социальных расходов. 21 января 1922 г. был принят «пакет» законов о пенсиях и единовременных пособиях для гражданских и военных служащих и членов их семей. Новое законодательство в целом восстановило дореволюционные размеры и порядок начисления пенсий и пособий. Право на пенсии и пособия имели только те, кто документально подтверждал отсутствие недвижимости и торгово-промышленных предприятий, могущих приносить доход. Специальная комиссия должна была производить обследование материального положения

¹⁷⁰ Там же. 14 авг., 20, 27 нояб.

¹⁷¹ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 11 июля.

¹⁷² ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 2. Л. 97–101, 170 а–177.

¹⁷³ Там же. Л. 119–120.

¹⁷⁴ Там же. Л. 35–38 об.

просителя. Эту меру ввели как временную и чрезвычайную. Пенсии выплачивались только тем, кто имел на них право по законодательству, действовавшему до 1914 г., причем служил или работал до революции, либо в более позднее время не менее двух лет занимал должность, дававшую право на пенсию по дореволюционным законам. Оклады и чинопроизводство за время Первой мировой и Гражданской войн, с точки зрения законодателей, являлись следствием чрезвычайных обстоятельств и не могли служить базой для исчисления пенсионных выплат. Существовавшие до революции пенсионные льготы для служащих на территории Сибири и Дальнего Востока отменялись. Право на получение социальных выплат имели только те, кто служил или вышел в отставку на территории, подконтрольной Временному Приамурскому правительству, либо прибыл на эту территорию до 12 июня 1920 г. Эти ограничения не распространялись на военнотружеников, прибывших в составе воинских частей, а также получивших ранения и увечья. Независимо от сроков, в которые полагалось назначать пенсии в соответствии с законодательством или решением судов, начисления производились только с момента подачи письменного заявления. Это освобождало казну от обязанности выплачивать долг за прежние месяцы. Если получившие увечье на службе и производстве потеряли трудоспособность на 15% и менее, пенсии не выплачивались.

Временное Приамурское правительство подтвердило привязку пенсионных окладов к минимальной заработной плате. При сорокакратной разнице между минимальными и максимальными дореволюционными окладами закон предусматривал лишь 3,5-кратную разницу между соответствующими пенсиями¹⁷⁵. Это соответствовало действовавшей в то время шкале зарплат. Но если раньше низшие категории пенсионеров получали гарантированный минимум в 0,3 прожиточного минимума (120 руб. в год), то теперь выплаты им не должны были превышать дореволюционного оклада, но не менее 0,35 и не более 1,6 прожиточного минимума. В результате основной массе пенсионеров выплаты сокращались на 30–50%¹⁷⁶. Следует напомнить, что прожиточный минимум в 1922 г. стал чисто символической искусственной категорией и не оправдывал своего названия. Логике власти, всеми силами старавшейся ограничить приток новых иждивенцев казны, изыскать благовидные предлоги для лишения выплат отдельных категорий граждан, понять нетрудно. Даже после принятых ограничений Временному Приамурскому правительству приходилось содержать около 5 тыс. пенсионеров, из которых 2,1 тыс. – вдовы и сироты военнотружеников.

Принципиальное значение имеет сравнение основных тенденций развития системы выплаты пенсий и пособий на востоке России и в советском лагере. Первоначально СНК взял курс на расширение круга получателей социальных выплат. С августа 1918 г. семьи солдат срочной

¹⁷⁵ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1922. 21, 22 февр.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

службы и досрочно призванных, имевшие право на пенсии, но не успевшие их оформить, стали получать продовольственный паек. При этом размер детского пайка был увеличен до выплат взрослому. 7 августа 1918 г. установили пенсии для красноармейцев, утративших трудоспособность, в размере прожиточного минимума, но не более 3 тыс. руб. в год. Семьям, вдовам и сиротам погибших или утративших трудоспособность красноармейцев выплачивалось от полного до половины оклада пенсии красноармейца, но при условии, что в семье пенсионера нет трудоспособных членов. Размеры пособий неоднократно индексировались, но их размер не успевал за падением курса рубля. Примечательно, что семьям красноармейцев, оказавшихся в «белогвардейском» тылу, советская власть твердо пообещала выплатить причитающийся паек в полном объеме после восстановления советской власти на соответствующих территориях¹⁷⁷. Всего советское правительство выплачивало 1431 тыс. пайков на 1 июля 1919 г., 3604 тыс. – на 1 октября 1919 г., 5788 тыс. – на 1 января 1920 г., 7441 тыс. пайков – на 1 апреля 1920 г.¹⁷⁸

31 октября 1918 г. СНК провозгласил право всех трудящихся, утративших трудоспособность или потерявших работу, на получение пенсий или пособий в размере от минимального до среднего заработка. Первоначально выплаты происходили за счет работодателей. Потом расходы на государственных и национализированных предприятиях стали финансироваться из бюджета, а с мая 1919 г. выплатами из бюджета компенсировались пособия беременным, кормящим матерям, оплата больничных листов, превышавших два месяца, на всех предприятиях и в учреждениях, независимо от формы собственности. Реализация данного «завоевания революции» пришлась на тот период, когда тарифы заработной платы в Советском государстве не покрывали даже части прожиточного минимума. Объяснима поэтому предусмотренная законодательством возможность заменять денежные выплаты натуральными – бельем, одеждой, местом проживания и питанием в больницах и приютах. Для всех получателей социальных выплат при наличии других доходов, иных источников социального обеспечения – деньгами, трудом или натуральными продуктами, пенсии и пособия сокращались на сумму полученных доходов и социальной помощи¹⁷⁹.

С конца 1918 г. преобладающей стала тенденция на ограничение круга получателей социальных выплат по идейно-классовому принципу и перекладывание обязанностей по социальному обеспечению с государства на общество. С 21 января 1919 г. красноармейские пенсии и пайки для членов семей распространили на служащих продотрядов, пограничной и транспортной охраны. Советское правительство шло на мобилизацию ресурсов жесткими методами, чтобы обеспечить денежные выплаты и помощь натуральными продуктами и трудом для тех,

¹⁷⁷ Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 196–197.

¹⁷⁸ Статистический ежегодник 1918–1920 г. М., 1921. Вып. 1. С. 104.

¹⁷⁹ Декреты Советской власти. Т. 6. С. 77–79, 394–395.

кто пострадал в борьбе с контрреволюцией. По мере роста Красной армии расходы на выплату пайков для Советского государства стали неподъемными. Тогда их переложили на трудящихся, обязав работодателей отчислять за каждого работника взносы в фонд обеспечения семей красноармейцев. 20 марта 1919 г. обсеменение и уборку полей семей красноармейцев и приравненных к ним лиц, а также оказание иной необходимой помощи вменили в обязанность сельским обществам путем организации общественных работ¹⁸⁰.

Вернувшись в Сибирь, советская власть ускоренными темпами проводила и преобразования в сфере социального обеспечения. Соответствующие отделы ревкомов переживали медленный процесс становления и весь 1920 г. занимались только регистрацией нуждающихся. На протяжении 1920 г. в Сибири пенсии получали 23,7 тыс. чел. Но все учреждения для детей-сирот, престарелых и инвалидов были взяты на прямое обеспечение Сибпродкома продовольствием и предметами первой необходимости. Затем началось сокращение числа их обитателей, передача на попечение предприятий и учреждений¹⁸¹. Естественно, призванные в Белую армию в большинстве своем вернулись домой, оказались в заключении или погибли. С ликвидацией земских и городских самоуправлений прекратились выплаты семьям российских военнослужащих. Новой опекаемой группой населения стали семьи красноармейцев. В июне–октябре 1920 г. только в Сибири в Красную армию мобилизовали 148,4 тыс. К красноармейцам приравнивали работников милитаризованных предприятий. Но пайки выплачивались только материально нуждавшимся семьям. В 1920 г. собесы Сибири выплатили 127 тыс. красноармейских пайков. Им же трудовые дружины обрабатывали земельные участки¹⁸².

Советское правительство на законодательном уровне закрепило отказ от обязательств прежних правительств по выплате пенсий и пособий не только из казны, но и эмеритальных касс. Взамен отмененных могли осуществляться выплаты только в случаях, предусмотренных советскими законами (служба в РККА, работа или советская служба). Дореволюционные заслуги не являлись основанием для выплаты пенсий или пособий. Важно, что Советское государство выступало институтом, распоряжающимся всеми фондами социального страхования, но выплаты производились за счет взносов работодателей. Те, в свою очередь, пытались распределить социальную нагрузку между работниками, зарплата которых сокращалась, и потребителями продукции и услуг. Таким образом, социальные расходы, на кого бы ни возлагалось бремя их выплаты, при любой власти перераспределяются между всеми участниками экономических отношений.

¹⁸⁰ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 13, 180–182, 199–205, 485–487; Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 252–253, 521–522, 310–311; Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 115–116, 118–122, 214–216, 410; Декреты Советской власти. Т. 6. С. 228–229.

¹⁸¹ Жизнь красной Сибири (Новониколаевск). 1921. № 1–2. С. 17–18; Жизнь Сибири (Новониколаевск). 1922. № 4. С. 75–78.

¹⁸² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 78. Л. 202; Жизнь красной Сибири. 1921. № 1–2. С. 17.

«Снабжение членов общества... пенсионеров и прочих практически полностью зависимых в социальном отношении лиц обусловливается прежде всего работоспособностью всего производственного аппарата»¹⁸³. Эта непреложная истина, отмеченная В. Ойкеном, действует при всех режимах и во все времена. Ожидать на этом поприще успехов от государственной власти в стране, четыре года участвовавшей в мировой войне и еще несколько лет пребывавшей в состоянии жесточайшей Гражданской войны, не приходится. И все же подходы советского режима были отброшены. Сходство заключалось в том, что в самой трудной ситуации, в отрыве от центра, региональные власти по обе стороны фронта пытались организовать помощь семьям призванных в армию и ради достижения результата готовы были идти на импровизацию, использовать самые разнообразные формы. Впрочем, все они были опробованы еще в годы Первой мировой войны. Сложности поддержки малоимущих в период Гражданской войны связаны прежде всего с инфляцией и дефицитом бюджета. Первая – очень быстро сводила на нет надбавки и увеличения социальных выплат. Второй – не позволял выделять достаточное количество средств на социальные нужды. Наконец, нестабильность политической власти вела к тому, что полагавшиеся по закону выплаты порой месяцами не производились или не доходили до адресата вообще, что резко снижало их социальную значимость. Справедливости ради следует отметить, что накладки пенсионной системы нельзя сводить только к недостаткам политического режима. В 1914 г. организация выплаты пайков солдатским семьям тоже растянулась на несколько месяцев, сопровождалась задержками, плохим учетом населения. Эти недоработки не были устранены и в дальнейшем¹⁸⁴. Временное Сибирское и Российское правительства довольно быстро восстановили правовую базу, обеспечивавшую выплату пенсий и социальных пособий. Кроме того, власть попыталась приспособить ее к условиям инфляционной экономики. Следующим шагом, который логично следовал из проводившегося курса, могла стать увязка индивидуальных социальных трансфертов с коэффициентом от прожиточного минимума, как это предлагалось летом 1919 г. Л.А. Уструговым по отношению к зарплатам¹⁸⁵. Очевидно также, что система социальных выплат была адаптирована и к идейно-политическим нуждам режима. Она поддерживала прежде всего тех, кто жертвовал своим здоровьем и жизнью в борьбе с большевизмом, или родственников таких людей. К ним приравнивались и ветераны

¹⁸³ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 405.

¹⁸⁴ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 140–141; Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. С. 169.

¹⁸⁵ Впрочем, даже в развитых странах Европы социальные трансферты далеко не обеспечивали прожиточного минимума не только в годы Первой мировой войны, но и в 1920–1930-е гг. И только США в 1930-е гг. достигли более высокого уровня социального обеспечения, при котором выплаты оказались приближены к прожиточному минимуму (см.: Сидорина Т.Ю. История и теория социальной политики. М., 2010. С. 203, 201–211).

Первой мировой войны, память о которой была свежа. Лишь во вторую очередь трансферты играли собственно социальную функцию, будучи направлены на инвалидов и неимущих. Хотя в условиях бюджетного дефицита и строжайшей экономии средств государство и не могло разрешить обострившиеся социальные противоречия, все же сохранение и функционирование системы социальных трансфертов существенно смягчали материальное положение значительного количества нуждавшихся в помощи.

Нельзя не отметить, что организация выплат пенсий и пособий оказалась единственным направлением социальной политики, направленной в равной мере на город и деревню, и в силу преобладания сельского населения реализовывалась в деревне в большей мере, чем в городе. На сельское население направлялся и основной поток социальных трансфертов. Огромными пространствами восточных регионов, редкостью сельской поселенческой структуры объясняются многочисленные накладки в проведении задуманных мер и контроле за их исполнением, разнообразие исполнительских практик, порой кардинально отличавшихся по уездам одной губернии.

С политикой контрреволюции в области социальных выплат контрастировали действия советской власти, решительно двинувшейся по пути отказа от обязательств предшественников. В дальнейшем пенсии и пособия назначались только тем, кто их заслужил поддержкой «диктатуры пролетариата». Денежные выплаты семьям красноармейцев и лицам, пострадавшим в борьбе за советскую власть, сочетались с трудовой и натуральной помощью, оказание которой с государственного бюджета перекладывалось на население. Вместе с тем все упомянутые меры нацеливались исключительно на укрепление социальной базы большевистского режима и ослабление его противников.

В то же время социальные трансферты советской власти в отношении деревни оказались более разнообразны. Кроме выплат и помощи семьям призванных и пособий пострадавшим в борьбе с контрреволюцией, осуществлялся широкий спектр мер социальной поддержки малоимущих слоев деревни: в пользу них перераспределялось имущество, скот и инвентарь, конфискованный у покинувших деревню противников советской власти, беднейшим слоям направлялась семенная и продовольственная помощь, они наделялись дополнительными земельными участками. Такая социальная политика вносила усиливавшийся раскол в деревне, отчасти ослабляя узы общинной консолидации и общекрестьянское противостояние большевикам, способствовала формированию внутри крестьянства социальной базы коммунистического режима. В лагере восточной контрреволюции противопоставить советской социальной политике в деревне было нечего.

3.2. Социальное страхование

Система социальной поддержки не сводилась только к государственным трансфертам. Существенный сегмент социальной сферы зависел от общественной финансовой самоорганизации, которая, правда, тоже нуждалась в государственном регулировании. Речь идет о социальном страховании трудящихся.

Социальное страхование в начале XX в. считали сегментом социальной политики. Его признаками были страхование рисков потери заработка и обращение страхования на широкие массы трудящегося населения¹⁸⁶. Целесообразность несения таких общественных издержек считалась доказанной с политэкономической точки зрения и воспринималась как часть издержек на воспроизводство рабочей силы. Если зарплата относилась к обыкновенным издержкам, то все расходы, связанные с обеспечением трудящегося на период, когда он вынужден прекратить работу, – к чрезвычайным, но являющимся частью стоимости рабочей силы. Игнорировать данное обстоятельство достаточно долго может только архаичный рынок рабочей силы либо такой, на котором предложение превышает спрос. Коллективное несение чрезвычайных издержек на воспроизводство рабочей силы оправданно, так как стремится к сумме математически выверенных средних издержек индивида с учетом вероятности наступления случая, когда ему эти средства потребуются¹⁸⁷. Но для утверждения данной мысли требовалась достаточная высокая степень социальной ответственности и работников, и работодателей.

Частью социальной политики социальное страхование становится, когда превращается в предмет государственного регулирования и приобретает по воле государства обязательный характер. Причем доля расходов по страхованию с самих страхуемых перекладывается на третьих лиц, прежде всего работодателей. Оговоримся, что в данном параграфе речь пойдет лишь об отдельных видах социального страхования, а именно связанной с обеспечением работников на случай болезни или иного ущерба здоровью. Очевидно, в отдельных случаях следует учесть условность и искусственность такой сегментации. Разные виды социального страхования в России, как и большинстве других стран, зародились обособленно друг от друга. Но чрезвычайно популярной оказалась идея консолидации всех видов страхования в едином учреждении. Однако страхование от безработицы необходимо рассмотреть совместно с другими мерами регулирования рынка труда.

Пенсионная система генетически тоже связана со страхованием. Она становится следующим шагом в его развитии. Происходит это двояко. С одной стороны, страхование транс-

¹⁸⁶ Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования. Пг., 1923. Вып. 1: Теоретические основы социального страхования. С. 21.

¹⁸⁷ Яроцкий В.Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей. СПб., 1895. Т. 1. С. 1–22.

формируется в коллективное и организованное накопление капиталов для выплат участникам после потери ими трудоспособности, с другой – государство, учитывая, что наиболее нуждающиеся в социальном обеспечении не в состоянии сами участвовать в страховании своими взносами, берет на себя эти функции. Тогда налогообложение становится заменителем страхового бюджета, государственный бюджет, либо созданные посредством государства специальные фонды являются источником пенсионных выплат.

Социальное страхование трудящихся стало в конце XIX в. нормой западноевропейского трудового права. В Российской империи первые попытки организовать социальные выплаты рабочим казенных предприятий промышленности и транспорта предпринимались с начала XIX в., но интенсивное становление так называемых страховых касс происходило на рубеже XIX–XX вв. Однако эти кассы оставались в зачаточном состоянии, пособия, выплачиваемые нуждавшимся в них рабочим, составляли примерно 1/6 от их заработка. Медицинское обслуживание трудящихся возлагалось на фабричную медицину¹⁸⁸. Примечательно, что в последние десятилетия XIX – в начале XX в. инициаторами введения обязательного страхования рабочих оказались предпринимательские ассоциации. Но они выступали за умеренный размер выплат и паритетное финансовое участие работодателей и работников¹⁸⁹.

Лишь в 1903 г., спустя 44 года с момента первой законодательной инициативы, когда проблема настолько назрела, что ее обсуждение инициировали торгово-промышленные организации, был принят закон о страховых выплатах по увечьям¹⁹⁰, а 23 июля 1912 г. – законы об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании от несчастных случаев и о создании больничных касс, касавшийся предприятий различной формы собственности. Законодательство вводило обязательное социальное страхование за счет взносов от работников и предпринимателей через создаваемые под совместным управлением больничные кассы. Надзор за деятельностью касс возлагался на специально образуемые губернские (областные) присутствия по делам страхования рабочих и совет по делам страхования рабочих при Министерстве торговли и промышленности¹⁹¹. Законы были крайне несовершенны, так как отразили противостояние предпринимателей и правительства по ключевым вопросам социального страхования и боязнь власти, что

¹⁸⁸ *Вигдорчик Н.А.* Теория и практика социального страхования. Пг., 1923. Вып. 3: Страхование на случай болезни в России. С. 8–62.

¹⁸⁹ *Вишневецкий А.* Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 9–21; *Иванов Л.М.* К вопросу о страховании рабочих в России // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 327–351; *Куприянова Л.В.* Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы // Отечественная история. 1996. № 5. С. 51–52, 55–65; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 59; *Алферова Е.Ю., Юдина Л.С.* Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. Свердловск, 1990. С. 80–86.

¹⁹⁰ *Иванов Л.М.* Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение // Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982. С. 88–126.

¹⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. СПб., 1915. Т. XXXII. Отд. 1. 1912 г. № 37444, 37445, 37446, 37447.

страховое дело может стать каналом влияния на рабочих вредной политической идеологии¹⁹². В результате кассы не охватывали мелкие предприятия¹⁹³, ограничивались выдачей пособий, тогда как организация медицинского обслуживания осталась обязанностью работодателей. Серьезным недостатком стало нераспространение его на Сибирь, Дальний Восток и Степной край, за исключением золотопромышленных предприятия Енисейской и Иркутской губерний.

Дореволюционная практика показала, что предприниматели не были аккуратны в исполнении страхового законодательства. Важно отметить, что в России с 1912 г. закрепились коллективная частная ответственность предпринимателей за страхование рабочих и контроль государства (в лице непосредственно губернаторов) за страховыми учреждениями¹⁹⁴. Всего накануне революции в России участниками больничных касс были около 3,2 млн рабочих и служащих, или около 86% всех тех, кто по закону мог быть застрахован¹⁹⁵.

После Февраля революционная власть продекларировала намерение произвести кардинальную реформу страхового дела. Закон от 25 июля 1917 г. предполагал в условиях революции и продолжавшейся войны частичные, переходные меры. Он уравнивал взносы работодателей и работников, тем самым увеличив на 20% общий бюджет больничных касс, но лишал их возможности участвовать в работе касс. Управление переходило в руки страхуемых. При этом от взносов совершенно освободили работников, получавших менее 2/3 среднего вознаграждения чернорабочих. Страхование распространили на предприятия с численностью рабочих более пяти, им охватывалась отныне вся территория России. Предельный срок выплаты пособий по болезни увеличили с четырех до шести месяцев. Больничным кассам разрешили объединяться в союзы¹⁹⁶. В дополнение к закону о больничных кассах 11 октября 1917 г. Временное правительство внесло изменения в состав страховых присутствий и порядок их формирования. По новому закону преобладание в них получали рабочие за счет ограничения числа представителей от правительственных учреждений. Временное правительство не успело реализовать этот акт. Следовательно, дополнение не столько имело практическое значение, сколько отражало направление эволюции рабочей политики Временного правительства¹⁹⁷.

¹⁹² *Чистяков И.И.* Страхование рабочих в России: опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912; *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. 1861–1917 гг. М., 1972. С. 219–246; *Ашмарина С.В.* Социальное страхование на Урале. 1903–1914. М., 2012. С. 168–190.

¹⁹³ Больничные кассы обслуживали предприятия с числом рабочих более 30 без механического двигателя или более 20 при наличии механического двигателя.

¹⁹⁴ *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 годах. Л., 1981. С. 51–65; *Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. С. 397–422.

¹⁹⁵ *Фалкова Ж.З.* Страхование рабочих накануне и в годы первой мировой войны (до февраля 1917 г.) // Первая мировая война. (1914–1918). М., 1968. С. 350–352.

¹⁹⁶ Журналы заседаний Временного правительства. М., 2004. Т. 3: Июль–август 1917 г. С. 146–155.

¹⁹⁷ *Вишневецкий А.* Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 43–45; Очерки истории социального страхования в России и СССР. Казань, 2019. С. 197–215.

В проходивших повсеместно в августе–октябре общероссийских и районных съездах больничных касс участники выступали исключительно от имени рабочих и, видимо, только их и представляли. Они потребовали переложения всего бремени содержания больничных касс на работодателей и кардинального увеличения страховых выплат¹⁹⁸.

Советское законодательство предусматривало революционные изменения. Декрет от 14 ноября 1917 г. обязал предпринимателей безвозмездно передать все созданные ранее ими медицинские учреждения в собственность больничных касс либо выделить достаточные средства для их создания. Если больничная касса считала состояние лечебных учреждений неудовлетворительным, она могла обязать работодателей оплатить их дополнительное оборудование¹⁹⁹. Декрет от 22 декабря 1917 г. распространил обязательное социальное страхование на предприятия всех форм собственности, всю территорию Российской республики и все отрасли экономики, допустил добровольное страхование ремесленников, кустарей и беднейших крестьян, не применяющих наемный труд на общих основаниях с наемными работниками. Напротив, лица, чей заработок втрое превышал средний заработок рабочего, исключались из круга страхуемых. Декрет устанавливал обеспечение страховых учреждений исключительно за счет нанимателей, взносы которых повышались до 10% от заработной платы работников. При этом страховые выплаты были увеличены до полного заработка страхуемого, а сами выплаты теперь не ограничивались ничем, кроме полного выздоровления. Сроки отпуска по беременности и родам были увеличены вдвое²⁰⁰. Даже при возросшем в 2,5 раза бюджете рост выплат грозил кассам серьезным бюджетным дефицитом. Поэтому советские декреты позволяли правлениям касс принимать решения о дополнительном обложении предпринимателей.

Естественно, что помимо социальной несправедливости таких норм, повышение социальных трансфертов в период критического спада производства изрядно усугубляло экономический кризис. Поэтому возникшее почти сразу стремление пересмотреть законодательство в этой отрасли вполне понятно. Но вопрос имел не только экономическую плоскость, но и социально-политическую, что не позволяло советскому правительству открыто понизить уровень социальных гарантий. Борьба вокруг нового закона о больничных кассах стала ярким примером уязвимости популистской позиции правительства в рабочем вопросе.

Тем не менее на местах советские органы и рабочие организации декреты о социальном страховании в целом поддержали. Но критика, теперь уже в адрес советского правительства, продолжалась. Рабочие упрекали его за недостаточный учет интересов трудящихся. На Первом Уральском областном страховом съезде 11 апреля 1918 г. в Екатеринбурге участники

¹⁹⁸ Страхование рабочих. М., 1917. № 6–7. С. 21.

¹⁹⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 85–86.

²⁰⁰ Там же. С. 267–276.

обратились в СНК РСФСР с просьбой расширить круг страхуемых, размер и перечень выплат «с тем, чтобы они охватывали все потребности самого работника и обеспечение нужд его семьи»²⁰¹. Съезд также решил объединить все больничные кассы в единую Уральскую областную кассу с районными отделениями, с включением в нее вновь образуемых железнодорожных и горнозаводских касс. Централизованно собирались взносы на все виды страхования, в том числе на пенсионные выплаты пострадавшим на производстве от несчастных случаев и от безработицы. Поэтому взносы работодателей установили в 15% от фонда заработной платы: 10% на медицинское страхование и 5% на страхование от безработицы.

Резкое расширение социальных льгот породило иждивенческие настроения, стремление работников симулировать основания для получения пособий. Для борьбы с этим широко распространенным в Советской России явлением пришлось институционализировать независимую медицинскую экспертизу при страховых учреждениях. Но это потребовало значительной концентрации средств и административных ресурсов и стало возможно только в середине 1920-х гг.²⁰² Но в первые месяцы со времени установления советской власти больничные кассы еще не успели выработать такие механизмы.

В.В. Гармиза утверждал, что социального страхования при Комуче не существовало совершенно, впрочем, не приводя никаких доводов²⁰³. Источники свидетельствуют, что это не соответствует действительности, а советской историографией многочисленные факты попросту игнорировались.

Больничные кассы Поволжья продолжали действовать летом–осенью 1918 г., но их положение сильно варьировалось в разных городах. Одни кассы на основании советских законов приняли норму отчислений взносов (10%), взимаемую целиком с предпринимателей и выдавали пособия по болезни в размере полного заработка. Другие сохранили установленный Временным правительством размер и взносов (4%) и пособия в размере 2/3 полного заработка. В частности, в Самаре больничная касса установила 8%-ные отчисления от предпринимателей, в Оренбурге – 10%-ные. В обоих случаях работодатели относительно аккуратно проплачивали взносы²⁰⁴. Учитывая данное обстоятельство, ведомство труда Комуча разрешило кассам сохранить старые правила либо пересмотреть их в диапазоне, допускаемом любым из вариантов законодательства²⁰⁵. Никаких новых нормативных актов по этому поводу Комуч не утверждал.

²⁰¹ Рабочий класс Урала в годы войны и революции: в документах и материалах: под ред. А.П. Танеева: в 3 т. Свердловск, 1927. Т. 3: Октябрьский переворот на Урале. С. 429.

²⁰² Штейнберг А.П. Что дает рабочему социальное страхование. М., 1924. С. 40–41.

²⁰³ Гармиза В.В. Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с Самарской учредилкой // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 35.

²⁰⁴ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 27, 29 сент.; Социалист (Оренбург). 1918. 10 июля; ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 36–40.

²⁰⁵ Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 216.

5 сентября 1918 г. в Самаре прошел съезд больничных касс «территории Учредительного собрания». Выступая на нем, управляющий ведомством труда Комуча И.М. Майский пообещал в ближайшее время произвести кардинальную реформу в области социального страхования рабочих, введя для рассмотрения трудовых споров промысловые суды²⁰⁶. Из этой широкой программы ничего не удалось реализовать. При ведомстве труда было создано специальное совещание. В последней декаде сентября 1918 г. оно успело провести несколько заседаний. Совещание приняло решения о разработке соответствующих законопроектов о расширении круга страхуемых за счет служащих правительственных, частных и общественных учреждений, об учреждении страхового совета и общегородских больничных касс²⁰⁷. Но спешно готовившийся к эвакуации Комуч не успел даже рассмотреть сформулированные совещанием предложения.

Уральское ведомство труда еще в сентябре 1918 г. подготовило обширный законопроект о введении обязательного государственного страхования рабочих. Проект предполагал создание единой государственной системы страховых учреждений, установление 8% отчислений работодателей от фонда заработной платы без каких-либо вычетов с самих работников. После ликвидации Временного областного правительства Урала его главноуправляющий труда П.В. Мурашев предлагал этот законопроект на рассмотрение Директории и Российского правительства, но Министерство труда принципиально выступило против огосударствления страхового дела²⁰⁸. Проект не был даже обсужден советом Временного областного правительства Урала, очевидно, в связи с другими, более срочными делами²⁰⁹. Однако едва ли справедливо утверждение мемуариста, что уральские наработки легли под сукно, ведь отдел социального страхования Министерства труда возглавил переехавший на работу в столицу уральский областной инспектор труда Н.М. Обухов, автор этого проекта²¹⁰. Нужно отметить, что в самой

²⁰⁶ Вечерняя заря (Самара). 1918. 7 сент.; Вестник Уфимского совета профессиональных союзов. 1918. № 1. С. 9–10.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–3 об., 6. Упоминание об этом см.: *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники: в 2 т. Самара, 2006. Т. 2. С. 162.

²⁰⁸ Наш путь (Тюмень). 1918. 24 нояб.; Урал. 1918. 17 (4) нояб.; *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 135–137.

²⁰⁹ Управляющий ведомством труда П.В. Мурашев в мемуарах, написанных в 1949 г., утверждал, что законопроект был вынесен на обсуждение, но после яростной критики отправлен на доработку. (См.: Из воспоминаний главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П.В. Мурашева «Контрреволюция на Урале 1918–1919 гг.» // Уральский областник. 1994. № 4. С. 33). Но в журналах заседаний Временного областного правительства Урала следов этого обсуждения обнаружить не удалось.

²¹⁰ Уральские историки утверждают, что Н.М. Обухов 21 марта 1919 г. подал в отставку с поста уральского областного инспектора труда, выразив несогласие с политикой министерства, после чего его следы теряются. (См.: *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика ... С. 134; *Якимов К.В.* Страницы из жизни Н.М. Обухова, областного инспектора труда Урала при Всероссийском правительстве адмирала А.В. Колчака // Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург, 2000. С. 111). В действительности 9 сентября 1919 г. инженер-технолог Николай Михайлович Обухов был утвержден Советом министров Российского правительства в должности управляющего отделом социального страхования Министерства труда (Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 415).

идее государственного страхования не было ничего крамольного. В начале XX в. к такому варианту страховой системы склонялись многие предприниматели и чиновники, а закон 1903 г. предусматривал переход к этой системе через 20 лет²¹¹.

Сибирские власти летом 1918 г. обещали пересмотреть советский закон о больничных кассах, понизить предпринимательские взносы в больничные кассы до 6%. Временно, до утверждения нового закона постановление Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. «О больничных кассах» оставляло в силе советские уставы этих организаций²¹². Но постановление Временного Сибирского правительства от 4 июля 1918 г. объявляло все советские законы «ничтожными», не делая никаких оговорок.

Такая правовая неопределенность порождала недоразумения. 2 сентября 1918 г. на заседании Омского военно-промышленного комитета обсуждалась позиция промышленников по вопросу о больничных кассах. Комитет решил воздержаться от взносов «до тех пор, пока не будет законодательно установлен их разумный уровень»²¹³. Поскольку Омский военно-промышленный комитет в этот период негласно являлся центральным органом промышленников, его решения были восприняты предпринимателями Урала, Сибири и Дальнего Востока как руководство к действию.

Рабочие организации, наоборот, искали возможность вернуться к прежним революционным завоеваниям. Западно-Сибирская областная конференция профессиональных объединений, проходившая в Омске в начале августа 1918 г., предложила разделить взносы в больничные кассы между предпринимателями и государством, сохранив управление кассами безраздельно за работниками²¹⁴. Томский губернский съезд профсоюзов 13 августа вынес похожую резолюцию, с той лишь разницей, что потребовал возложить расходы исключительно на работодателей²¹⁵.

Сложные метаморфозы политической борьбы запутывали ситуацию. Постановление Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. продолжало действовать при Временном Сибирском и даже Российском правительствах. Поэтому всякое уклонение от выплаты 10%-ных взносов в больничные кассы должно было считаться незаконным, но только на территории Западной Сибири²¹⁶. За ее пределами больничные кассы оказались в правовом вакууме, и все ждали нового нормативного акта. Это, естественно, привело к тому, что одни работодатели продолжали платить прежние взносы, другие самочинно понизили выплаты, третьи (их было около

²¹¹ Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России ... С. 404–405.

²¹² Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 1. Ст. 13; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 23; Временное Сибирское правительство ... С. 75.

²¹³ Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 6. С. 29.

²¹⁴ Дело Сибири (Омск). 1918. 10 авг.

²¹⁵ Народная газета (Томск). 1918. 15 авг.

²¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 8–8 об.; Д. 173. Л. 15–15 об.

половины) прекратили уплату вовсе²¹⁷. Управления касс требовали привлечь неплательщиков к штрафам и произвести принудительные взыскания, но, боясь банкротства, снимали с обслуживания рабочих предприятий-неплательщиков. В Омске милиция в ноябре 1918 г. взыскивала с предпринимателей не только взносы, но и штрафы за долги по страховым взносам²¹⁸.

Менее очевидная правовая ситуация на Урале привела к острейшим проблемам в сфере социального страхования. В Екатеринбурге 18 августа 1917 г. 8 больничных касс объединились в общегородскую «Центропомощь», а 1 марта 1918 г. приняли устав на основе советских законов. Летом 1918 г. организация продолжала действовать. К этому времени касса развернула сеть собственных медицинских учреждений, обслуживала рабочих близлежащих к Екатеринбургскому заводом. Но значительные средства, составленные из предпринимательских взносов при советской власти, при «белых» были у нее конфискованы милицией. Судебные органы попытались закрыть кассу, так как ее деятельность выходила за рамки закона от 25 июля 1917 г. Для сохранения социальной стабильности в Екатеринбурге и окрестностях в работу кассы попыталась вмешаться городская дума, взяв временный контроль над расходом кассой средств в строгом соответствии с «действовавшим законодательством». Правление пришлось переизбрать, устранив из него большевиков. Прекращение поступлений взносов с предпринимателей привело к тому, что касса с 1 ноября остановила выплату пособий, сохранив лишь медицинское обслуживание участников. Временное областное правительство Урала впоследствии согласилось ликвидировать кассу, несмотря на протесты собственного Главного управления труда. Но собравшиеся в начале декабря 1918 г. делегаты от предприятий решили возродить «Центропомощь», утвердив новый устав на основании закона от 25 июля 1917 г.²¹⁹

На горных заводах Урала больничные кассы летом 1918 г. закрылись либо заморозили свою работу из-за отсутствия средств на выплату пенсий и пособий²²⁰. Начальник Златоустовского горного округа распорядился сократить взнос с предприятий с 10 до 6%²²¹. Отсутствие четких законодательных установок, да и самой центральной власти на Урале не способствовало стабилизации страховых учреждений.

Временное Сибирское правительство поддерживало курс на снижение платежей в больничные кассы, считало нецелесообразным одностороннюю уплату повышенных взносов за рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий. Вопрос решено было

²¹⁷ См., например: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 68. Л. 24.

²¹⁸ Урал. 1918. 26 (13) нояб.; Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 17 нояб.; Вестник больничных касс (Томск). 1919. № 3. С. 22–23; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.). Новосибирск, 1928. С. 86.

²¹⁹ Подробное описание этого конфликта см.: Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 142–145. Переговоры о возвращении арестованных осенью 1918 г. 914 тыс. руб. Екатеринбургской общегородской больничной кассе тянулись до мая 1919 г. (См.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 23).

²²⁰ Урал. 1918. 23 (10) нояб.

²²¹ Вестник больничных касс. 1919. № 3. С. 26.

урегулировать на междуведомственном совещании с участием представителей различных ведомств, городских и земских органов, биржевых обществ и военно-промышленных комитетов. Характерно, что представители рабочих на совещание не были приглашены²²². Постановление Западно-Сибирского комиссариата, пролонгировавшее действие советских норм, касавшихся деятельности больничных касс, воспринималось как временное и несправедливое.

Вся эта правовая и политическая неразбериха не могла способствовать стабилизации положения страховых учреждений, но и не вела к их ликвидации. Поэтому вывод Сибирского съезда больничных касс «с участием представителей Комуча и Урала», прошедшего в Омске 4–9 октября 1918 г. и констатировавшего полную разруху социального страхования, был явно политически пристрастен²²³. Чего стоят заявления представителя Томской больничной кассы Н.Я. Боренштейна о том, что рабочим следует развернуть борьбу не только с предпринимателями, но и с Министерством труда. Но когда он же зачитал доклад о положении страхового дела в Томске, выяснилось, что касса работает в полном взаимодействии с губернским комиссаром труда, а крупные работодатели аккуратно платят взносы²²⁴. Вообще доклады с мест свидетельствовали о взаимодействии больничных касс с губернскими комиссарами труда, аккуратной уплате взносов крупнейшими работодателями, успешной работе отдельных касс. Они контрастировали с непримиримыми выводами съезда.

Некоторые больничные кассы не имели основания жаловаться на недостаток внимания со стороны властей. Акмолинский комиссар труда Г.И. Торговицкий сам рассылал требования к работодателям о немедленной оплате взносов в больничную кассу за лето 1918 г. и наконец в октябре обратился в милицейские участки города с просьбой взыскать долги с 27 злостных неплательщиков²²⁵. Несмотря на то, что Омская больничная касса переживала не лучшие времена, доходы кассы на 10–25% превышали расходы, и к ноябрю в кассе скопился избыток денег в размере месячного бюджета²²⁶. При этом члены правления жаловались, что Министерство труда бросило их на произвол судьбы, а его местный представитель оказывает поблажки предпринимателям, многие из которых просят отсрочку от уплаты, самовольно понижают размер взносов до 5 и даже 4%²²⁷. Порой рабочие демонстрировали решительность в обеспечении условий для бесперебойного функционирования больничных касс. В Томской губернии предста-

²²² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 101 об.

²²³ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 27–58. Протоколы сибирского съезда больничных касс № 1–9; Первый съезд Сибирских больничных касс с представителями Урала и Комитета членов Учредительного собрания, состоявшийся 3–9 октября 1918 г. в Томске. Омск, 1918. С. 1–45.

²²⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 27 об., 31 об.–32.

²²⁵ ИсАОО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–61, 114–135.

²²⁶ Там же. Л. 212–222, 224–229; статистика опубликована: Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 18 дек.

²²⁷ ИсАОО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 1. Л. 284. Отчет Омской общей больничной кассы на 1 ноября 1918 г.

вители рабочих угрожали предпринимателям забастовкой при неисполнении норм советского страхового законодательства²²⁸.

Выработанный Министерством труда в сентябре 1918 г. новый законопроект об уставе больничных касс предусматривал паритетное внесение взносов (по 5% от рабочих и предпринимателей), введение в состав правлений касс представителей от нанимателей (33% от общего количества членов правления, тогда как за рабочими оставалось 50%, остальные 17% – за представителями правительства). Местные комиссары труда выразили надежду, что участие представителей предпринимателей в работе больничных касс позволит им наладить правильный бухгалтерский учет и поднимет организационный уровень²²⁹. Проект был передан на обсуждение профсоюзным организациям. На этот раз дальнейшее обсуждение задержалось из-за резкого неприятия законопроекта рабочими²³⁰. Временное исполнительное бюро Сибирских больничных касс по поручению Сибирского съезда больничных касс разработало свой вариант законопроекта, который фактически являлся возвращением к советским порядкам²³¹. Он полностью исключал всякое воздействие на работу больничных касс как предпринимателей, так и правительственных агентов. В течение ноября 1918 г. практически все больничные кассы и многие профсоюзы высказались в пользу этого проекта, признав неприемлемым вариант Министерства труда²³². Да и более ранние профсоюзные форумы, не сговариваясь, выдвигали правительству те же, навеянные трудовым законодательством 1917 г., требования²³³.

Конфликтно развивались отношения и вокруг состава правлений больничных касс. Категорическое возражение рабочих и служащих против присутствия в них представителей правительства и частного бизнеса было неслучайным. За месяцы революции профсоюзные лидеры привыкли распоряжаться в них бесконтрольно. Жалуясь на действия больничных касс, представители администрации предприятий приводили примеры, когда правления касс оплачивали пособия за увечья рабочим, которые ни на один день не прекращали работать, что свидетельствовало о несерьезности полученной травмы; отмечали, что труд докторов нередко оценивался выше среднего, а количество больничных листов непропорционально росло. Именно

²²⁸ Установление Советской власти в Кузбассе. 1917–1919: сб. документов. Кемерово, 1957. С. 286.

²²⁹ Голос народа (Томск). 1918. 9 окт.

²³⁰ Реплика В.А. Кадейкина о том, что «на министерской кухне втайне от рабочих начали стряпать новый проект устава о больничных кассах» (*Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная: большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968. С. 50) является типичным примером подтасовки фактов. Фраза дословно взята из советского сборника документов (см.: По ту сторону Урала (В царстве Колчака). Уфа, 1919. С. 35). Архивные материалы, отражающие обсуждение проекта в профсоюзных организациях, судя по листам использования, были хорошо знакомы данному исследователю.

²³¹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 176. Л. 61–66.

²³² Там же. Л. 9, 72, 76, 90, 94, 101, 104–105, 115, 119; Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 1; Наш путь (Тюмень). 1918. 30 нояб.

²³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 3; ГАНО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 54. Л. 13; Д. 170. Л. 78; ЦГИА РБ. Ф. П-1832. Оп. 7. Д. 17. Л. 105–106; *Черняк Э.И.* Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1994. Ч. 2. С. 269, 286.

расточительством предприниматели объясняли тот факт, что до революции больничным кассам хватало 4,5% отчислений, а теперь не хватает 10%²³⁴. Конечно, эти аргументы были справедливыми лишь отчасти. Предприниматели не учли, что реальная зарплата с дореволюционного времени существенно снизилась. С одним можно согласиться: экономический кризис и резкое падение рентабельности – не самое лучшее время для развития системы социального страхования. Ведь социальные трансферты в данном случае являлись скрытым налогом на предпринимательскую прибыль. В любом случае основную часть издержек за социальное страхование несли работодатели, и они должны были обладать правом контроля за тем, как расходуются их средства. Всероссийский совет съездов промышленности и торговли в ноябре 1918 г., ссылаясь на многочисленные просьбы местных торгово-промышленных организаций, адресовал Министерству труда от имени всех предпринимательских организаций востока России предложение официально сократить взносы работодателей до 5%. Число представителей от страхуемых и работодателей Всероссийский совет потребовал уравнивать, а представителей от Министерства труда уравновесить представителями от Министерства промышленности и торговли²³⁵.

В сентябре 1918 г. главноуправляющий труда П.В. Мурашев направил в Совет Временного областного правительства Урала большой доклад о проблемах социального страхования. Он сравнивал Россию и, в частности, Урал с развитыми европейскими государствами и сетовал на то, что в России страховое дело находится в зачаточном состоянии и требуется резкое увеличение отчислений на все виды страховых нужд. Он предлагал централизацию страховой медицины, установление 8% отчислений работодателей из фонда заработной платы без каких-либо вычетов с самих работников. Контроль за состоянием страхования П.В. Мурашев предполагал возложить на областной страховой совет при главном управлении труда. На местах все больничные кассы разных предприятий и учреждений, по замыслу авторов, следовало объединить по территориальному принципу²³⁶. Проекты главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала являлись попыткой смягчить советское законодательство о страховании, сохранив его принципиальные основания. Поэтому после ликвидации уральской автономии они были предложены на рассмотрение Директории, а затем и Российскому правительству, но не привлекли внимания законодателей.

Под влиянием критических откликов Министерство труда вынуждено было переделать законопроект. В официальной прессе появились сведения о намерении установить взносы в

²³⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 10; Д. 173. Л. 87. Исторический опыт также показывает, что учреждения медицинского страхования серьезно настроены бороться против симуляций только в случае, когда ими управляют те, кто оплачивает страховки (см.: *Грин Д.* Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства. М., 2009. С. 74–75, 84).

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 99, 140–141.

²³⁶ *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика ... С. 134–137. Примечательно, что очень похожий закон о больничных кассах был принят Кубанским краевым правительством 30 сентября 1919 г. (см.: *Вишневецкий А.* Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 225–227).

размере 4% от нанимателей и 1% с заработков работающих. Правления больничных касс собирались формировать из 9 представителей от рабочих, 6 – от нанимателей и по одному – от ведомств труда, финансов и государственного контроля²³⁷. Проект после доработки был представлен в Совет министров еще 18 октября 1918 г. Сложная политическая обстановка в Омске отодвигала его рассмотрение. Наконец, в заседаниях 29 и 30 ноября 1918 г. Совет министров рассмотрел его, сузил круг страхуемых, исключив из него служащих правительственных учреждений и лиц, работавших в сфере домашнего услужения, поручил Министерству труда доработать окончательный текст законопроекта совместно с юрисконсультской частью²³⁸. Доработанный вариант был утвержден 8 января 1919 г. как постановление «Об изменении правил обеспечения рабочих на случай болезни и об органах, ведающих страхованием рабочих». Предпринимателей обязали выплачивать в больничные кассы 6% сверх суммы заработной платы. Рабочие должны были платить 1,5%. Из предпринимательских взносов половина направлялась на пособия по болезни и увечью, а вторая половина – на содержание медицинских учреждений²³⁹. Членство же в правлениях больничных касс оставили таким, как было прописано в законопроекте. В государственных учреждениях больничные кассы не организовывались. Высокооплачиваемые рабочие не подлежали страхованию. Наиболее важным достижением следует считать появление совета по делам страхования при Министерстве труда и областных (губернских) присутствий по страховым делам. Первый – действовал под председательством Министра труда и включал товарища министра, представителей от шести министерств, по одному от всероссийской организации земств, городов и союза врачей, по три представителя от предпринимателей и больничных касс. Губернские (областные) присутствия по делам страхования действовали под председательством управляющего губернией (областью) и включали инспектора труда, старшего фабричного инспектора, представителя государственного контроля, врачебного инспектора, представителя от городской думы губернского (областного) города и по два представителя от земства, предпринимателей и больничных касс²⁴⁰.

Влияние и авторитет государства в социальном страховании должен был возрасти. Практически Российское правительство взялось за воплощение идеи Комуча о создании общегосударственного совета по делам страхования на паритетных началах. Но квалифицированные специалисты в министерстве были наперечет, политически нейтральных фигур, приемлемых на местах одновременно для предпринимателей и наемных работников, тоже набиралось немного.

Оставался и определенный правовой вакуум, не позволявший избрать общегосударственный совет по делам страхования. Сформулированный в постановлении 8 января 1919 г. порядок

²³⁷ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 10 нояб.

²³⁸ Совет министров Российского правительства ... Т. 1. С. 48, 50; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 23 об.

²³⁹ Правительственный вестник. 1919. 19 февр. Приложение.

²⁴⁰ Законы о страховании рабочих. Омск, 1919.

его формирования не позволял произвести выборы от общественных организаций. Потребовалось собрать междуведомственное совещание (оно заседало 23 и 28 февраля 1919 г.) и внести уточнения²⁴¹. Только 20 марта 1919 г. Министерство труда внесло в Совет министров проект, уточнявший прядок формирования совета. Он четко определял, от каких именно рабочих, врачебных и предпринимательских организаций выбираются члены совета²⁴². 28 марта Совет министров утвердил его, устранив последние препятствия к формированию Совета по делам страхования²⁴³.

Правовая неразбериха, созданная калейдоскопом властей, оставила без ответа ряд вопросов, требовавших оперативного нормативного урегулирования. Как следовало поступить со взносами за период с июля по декабрь 1918 г.? Циркуляром от 31 декабря 1918 г. Министерство труда рекомендовало взыскать за этот период 6%, а в случае, если работодатели выплатили по более высоким нормам, разрешить зачесть эту переплату в счет взносов будущих месяцев²⁴⁴. Это, во-первых, давало обратную силу принятому закону, во-вторых, действительно подрывало материальное положение некоторых касс. Показателен пример Омской больничной кассы. За 1918 г. она получила 504 тыс. руб. предпринимательских взносов и недополучила 657 476 руб. В 1919 г. касса должна была зачесть 201,6 тыс. руб. аккуратным плательщикам прошлого года в счет переплаты на будущий год, полагая, что большинство неаккуратных по-прежнему может воздержаться от внесения денег²⁴⁵. «Из чего же будет складываться бюджет кассы в грядущем году?» – спрашивали представители кассы. Аналогичная ситуация в больничных кассах Томской губернии заставила даже Томский губернский комиссариат труда указать вышестоящему центральному органу на правовую безграмотность его распоряжений. Министерский циркуляр породил конфликты между кассами и предпринимателями, рассчитавшими во второй половине 1918 г. свои взносы по советским нормам. Работодатели требовали вернуть излишне выплаченные деньги, правления касс указывали, что циркуляр – не закон. Он носит рекомендательный характер, но выполнение таких рекомендаций ведет к банкротству кассы. Правления настаивали на сохранении уже внесенных денег. Более того, требовали, чтобы до конца года работодатели оплачивали по 10%²⁴⁶. Однако тогда получался произвол, так как уплата одними предпринимателями 10%-ных взносов, другими – 6%-ных признавалась законной и окончательной²⁴⁷. Как пишет А. Вишневецкий, правления некоторых касс принимали постановления о

²⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 1618. Л. 5–7.

²⁴² Там же. Л. 3–4, 11.

²⁴³ Совет министров Российского правительства ... Т. 2. С. 470.

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 173. Л. 23; ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 151. Л. 51; Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 6 февр.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 5 февр.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 110–112. Подсчет наш, так как авторы источника исходили из 5%-ных взносов, запроектированных Министерством труда, но окончательно были утверждены 6%-ные взносы.

²⁴⁶ Народная Сибирь. 1919. 18 дек.

²⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 32. Л. 153–156; Вестник больничных касс. 1919. № 4. С. 9–12.

лишении медицинского обслуживания рабочих тех предприятий, у которых работодатели отказались вносить взносы в бюджет, что только накаляло социальную обстановку²⁴⁸.

В начале 1919 г. Министерство труда потребовало от местных уполномоченных обеспечить пересмотр уставов больничных касс в соответствии с вновь принятым законом и произвести перевыборы правлений²⁴⁹. Многие больничные кассы признали новую нормативную базу в целом приемлемой и начали конструктивно работать²⁵⁰. Конференция больничных касс Урала, прошедшая 16–17 февраля 1919 г., оценила принятый закон как шаг на пути к разрешению проблемы страхования²⁵¹. Участники конференции рекомендовали увеличить взносы с предпринимателей до 8% и взносы наемных работников до 2%, а также расширить круг страхуемых, сняв ограничения по заработной плате. Рабочие других промышленных центров продолжали настаивать на исключении из правлений больничных касс предпринимателей, освобождении застрахованных от взносов, введении страхования от безработицы за счет нанимателей²⁵². Иркутский профсоюзный журнал даже требовал возвращения к 10%-ной норме отчислений от предпринимателей, так как на стадии становления страхового дела издержки выше обычного²⁵³. Аналогичные резолюции, осуждающие новый закон как наступление на революционные завоевания пролетариата, в феврале–марте 1919 г. приняли советы профессиональных союзов Томской и Алтайской губерний²⁵⁴.

Временное исполнительное бюро Сибирского съезда больничных касс неоднократно выражало Министерству труда протест по поводу происшедшего в сфере социального страхования на востоке России, в том числе возмущение действиями представителей самого министерства²⁵⁵. Следует отметить, что временное исполнительное бюро начинало свою деятельность как политически ангажированный орган, в выступлениях которого преобладал обвинительный в отношении к власти тон. Но со временем его обращения стали более взвешенными, юридически грамотными и во многом перекликались с критичными оценками работы Министерства труда, даваемыми юрисконсультами управления делами Совета министров Российского правительства.

Предпринимательские организации также в целом негативно отнеслись к новым условиям деятельности страховых учреждений. Например, XI сессия Екатеринбургского совещания

²⁴⁸ Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 211.

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 9, 14–17.

²⁵⁰ См., например: Алтайский вестник. 1919. 9 апр.

²⁵¹ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 22 (9) февр.; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 141.

²⁵² Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводным очерком А. Таняева. Свердловск, 1929. С. 124; Иркутская летопись. 1661–1940. Иркутск, 2003. С. 375; Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 8. С. 20; № 13. С. 14; Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 7 марта; ГАНО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 131. Л. 77.

²⁵³ Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 12–13.

²⁵⁴ Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании ... С. 214–216.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 158; Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 68. Л. 48.

горнопромышленников Урала 22–25 марта 1919 г. ходатайствовала перед правительством о приостановке действия этого закона до внесения в него поправок. Они требовали снизить размер взносов до 3%. Передача дела оказания врачебной помощи от предприятий к больничным кассам, обязательная по действовавшему закону, с точки зрения промышленников, могла быть признана целесообразной либо по добровольному соглашению с нанимателем, либо при неудовлетворительном ведении им страховых дел²⁵⁶. Наконец, они требовали паритетного представительства рабочих и нанимателей в правлениях больничных касс²⁵⁷. Министерство труда детально прокомментировало все предложения уральских промышленников и не увидело оснований для приостановки действия закона и внесения в него существенных поправок²⁵⁸. Несколько ранее уральские промышленники отказались от участия в съезде больничных касс, заявив, «что не время лечить рабочих, когда больна промышленность»²⁵⁹.

В целом во второй половине 1918 г. во взаимоотношениях работодателей и правлений больничных касс многочисленные конфликты серьезно подрывали идею социального партнерства. Владельцы и управляющие предприятий отмечали, что больничные кассы не просто жаловались на недостаточность взносов для выполнения всех предусмотренных законом социальных обязательств, но и широко использовали всевозможные лазейки для искусственного увеличения взносов предпринимателей, в частности, оформляли серьезно больных как увечных, пользуясь тем, что для них лечение оплачивает целиком работодатель²⁶⁰. Особенно негативно воспринимали владельцы предприятий принудительное взыскание страховых взносов за 1918 г., тем более, что были случаи, когда инспекторы Министерства труда взыскивали их в размере, превышающем 6%²⁶¹. Однако можно привести и отдельные противоположные примеры. Тобольский губернский инспектор труда, получив информацию о вынесенном на обсуждение законопроекте, в начале ноября 1918 г. предписал к 16 декабря пересмотреть все уставы больничных касс губернии в соответствии с еще не утвержденным проектом, грозя остальные считать утратившими силу²⁶².

Исторические источники отражают крайне необъективные оценки и взаимные упреки конфликтующих сторон, что затрудняет историографическую оценку как ситуации в сфере социального страхования в целом, так и законодательных нововведений Российского правительства. В литературе советского периода закрепилась негативная оценка закона от 8 января 1919 г.

²⁵⁶ Этот пункт перекликался с положением декрета Совета народных комиссаров от 14 (27) ноября 1917 г. (см.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 85–86).

²⁵⁷ Колчаковщина на Урале ... С. 73; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 27 (14) марта; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 8.

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 69. Л. 18–19.

²⁵⁹ Сибирский рабочий. 1919. № 8. С. 20–21.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171 Л. 87.

²⁶¹ Там же. Л. 38; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 139–140.

²⁶² ГАРФ. Ф. Р. 161. Оп. 1. Д. 172. Л. 58.

В.А. Кучеряев писал, что постановление «вырвало управление страховыми учреждениями из рук страхуемых» и выстроило трехэтажную чиновничье-предпринимательскую бюрократическую пирамиду над больничными кассами. Новый закон гарантировал рабочим право пользования услугами кассы еще месяц по истечении срока найма. Но красноярский историк преподнес эту норму очень оригинально – новый антирабочий закон уже через месяц лишал безработных прав на страховые пособия²⁶³.

Наиболее взвешенным представляется мнение О.Ю. Никоновой, отметившей, что закон делал шаг на пути к централизации больничных касс, т.е. к созданию крупных и дееспособных медицинско-страховых учреждений²⁶⁴. Эту аргументацию можно лишь усилить. В компенсацию за увеличение взносов владельцы крупных предприятий освобождались от обязанностей содержать за свой счет амбулатории и больницы при заводах и фабриках. Кроме того, закон ввел более широкое и справедливое представительство в правлениях касс²⁶⁵. В действительности устранение из правлений касс работодателей, оплачивавших 4/5 денежных поступлений, являлось дискриминационной мерой советского законодательства, нуждавшегося в исправлении. Следует подчеркнуть, что, встретив столь резкое противодействие своему проекту, Министерство труда не пошло на поводу ни у одной из сторон (советские историки однозначно утверждали, что у буржуазии), а отстояло позицию совершенно особого социального компромисса. Он заключался в трипатризме, т.е. формировании органов, обеспечивающих интересы двух сторон трудовых отношений – работника и работодателя, при активном и подчас решающем участии государства.

В то же время остался незамеченным историками ряд юридических недоработок, допущенных Российским правительством при введении закона. Недовольство подчас выплескивалось не против самого духа закона, а против юридических недоработок в его тексте и сумбурной практики применения. Из текста следовало, что он предписывал создавать новые больничные кассы взамен старых, а не вносить изменения в уставы уже существующих учреждений. Отсутствовал и механизм введения в действие новых норм²⁶⁶. Закон исключал из числа страхуемых лиц, получавших зарплату, троекратно превышавшую заработок чернорабочего. Но в условиях полного хаоса в тарифной системе и ставках оплаты труда трудно было выдержать закономерность. За пределы круга страхуемых выпадали отдельные высокооплачиваемые квалифицированные рабочие специальности, что противоречило духу закона, и Министерству труда

²⁶³ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 129–130.

²⁶⁴ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 140.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 14–17.

²⁶⁶ Там же. Л. 33–34. Комментарий старшего юрисконсульта Управления делами Совета министров Российского правительства «О проекте циркуляра страхового отдела инспекторам труда о проведении в жизнь закона от 8 января 1919 о больничных кассах».

приходилось на ходу инструкциями корректировать его букву²⁶⁷. Наконец, закон не давал четкого разъяснения, рабочие и служащие каких предприятий подлежали страхованию. Если постановление 1912 г. распространяло деятельность больничных касс только на фабрично-заводские, горные, горнозаводские, речные, трамвайные предприятия и железные дороги местного значения, то новый закон употреблял максимально широкую трактовку, охватывая «торговые и промышленные предприятия» вообще. В то же время ст. 259 закона гласила, что «его действию не подчиняются предприятия казенного управления и общественных железных дорог». Было непонятно, какие казенные и принадлежавшие городским органам и земствам предприятия обязаны страховать своих работников.

Недочеты собственного закона признавали руководители Министерства труда. Отдел страхования министерства 31 июля 1919 г. адресовал инспекторам труда циркуляр, признававший, что постановление от 8 января 1919 г. сохранило норму Временного правительства, исключавшую из круга страхуемых служащих, чьи зарплаты трехкратно превышали средний заработок чернорабочего. В связи с падением курса рубля и резкими колебаниями заработной платы обязательного страхования теперь лишались квалифицированные рабочие и служащие среднего звена. Поэтому отдел предлагал не препятствовать добровольному желанию работодателей страховать высокооплачиваемые категории своих работников²⁶⁸.

Министерство труда подготовило законопроект, разрешающий принимать на страхование рабочих и служащих земских и городских учреждений, но не в качестве обязательного, а на добровольной основе, и внесло его на рассмотрение Государственного экономического совещания²⁶⁹. Но в Совет министров данный проект так и не поступил. По этому поводу осенью 1919 г. пришлось даже созвать междудеPARTMENTовое совещание. Оно пришло к выводу, что в соответствии с законом от 8 января 1919 г. на административно-распорядительные учреждения распространяются действия устава о пенсиях и единовременных пособиях, а технически-исполнительные органы с вольнонаемным персоналом должны обеспечиваться на основании уставов больничных касс²⁷⁰.

После упадка страхового дела во второй половине 1918 г. закон о больничных кассах способствовал некоторому подъему работы этих учреждений. Даже профсоюзная пресса отметила активную организационную роль инспекторов труда по строительству и централизации больничных касс (Курган, Семипалатинск). В других местах инициативу по объединению касс проявляли профсоюзы (Усолъе-Сибирское)²⁷¹. На Урале с 3 декабря 1918 г. возобновила свою

²⁶⁷ Там же. Л. 65–65 об.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Правительственный вестник. 1919. 18 июля; ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 35. Л. 3–5, 8–13.

²⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 131–131 об., 134, 136.

²⁷¹ Сибирский рабочий. 1919. № 9. С. 18–19; № 10. С. 21.

деятельность закрытая временным областным правительством Урала «Центропомощь». В марте 1919 г. заработал с трудом сформированный совет этой больничной кассы, который с апреля начал выдавать пособия по болезни. Кроме того, в Екатеринбурге функционировало Уральское окружное страховое товарищество, предоставлявшее пенсии по инвалидности. В одном только Екатеринбурге насчитывалось 15 тыс. членов больничной кассы²⁷². Иркутская больничная касса после принятия нового закона наращивала свою работу, нанимала новых врачей и отмечала, что после временного забвения страхуемые стали относиться к кассе с уважением²⁷³. Подводя итог своей работы за 1919 г., правление кассы сообщило, что из 456 предприятий, находящихся на обслуживании, 122 приняты в этом году. Касса активно сотрудничала с милицией, при содействии которой принудительно взыскано 52% всех поступивших в кассу взносов. На 90 предприятиях обнаружено укрытие данных – либо суммы выдаваемого содержания, либо состава рабочих и служащих²⁷⁴. В Перми работа больничной кассы сразу осуществлялась по новому законодательству. Взяв со всех участников на реорганизацию разовый взнос в 2% от зарплаты, Пермская общая больничная касса решила до марта брать с нанимателей 3%, сохранив обязанность оказания натуральной медицинской помощи на предприятии, а с марта перейти на 6%-ные взносы, освободив нанимателей от этой обязанности²⁷⁵. Все это, конечно, не означало кардинального улучшения работы касс. Пресса приводила случаи уклонения предпринимателей от уплаты страховых взносов уже в сниженном размере²⁷⁶. Совет Семипалатинской общегородской больничной кассы 19 октября 1919 г. объявил, что в связи с тяжелым финансовым положением и удорожанием медицинских услуг касса вынуждена удерживать половину стоимости лечения из больничных пособий²⁷⁷.

Долгое время не удавалось создать Совет по делам страхования при Министерстве труда. Отсутствовало правильное, предписанное в законе, представительство как от страхуемых, так и от нанимателей. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, министр труда Л.И. Шумиловский предложил Бюро съезда больничных касс Урала и Сибири взять на себя роль временного представителя страхуемых. В ближайшее время Бюро поручалось созвать еще один съезд больничных касс востока России для проведения выборов представителей в Совет по делам страхования²⁷⁸. Но съезд так и не состоялся.

²⁷² Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 29 марта; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 145. В журнале «Уральский печатник» утверждалось, что фактически была создана новая общеуральская больничная касса взамен ликвидированной «Центропомощи» и с тем же названием (см.: Уральский печатник (Екатеринбург). 1919. № 4. С. 9).

²⁷³ Сибирский рабочий. 1919. № 11. С. 13.

²⁷⁴ Наше дело (Иркутск). 1920. 16 янв.

²⁷⁵ Освобождение России (Пермь). 1919. 20 марта.

²⁷⁶ Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июня; Сибирский рабочий. 1919. № 12. С. 13; Сибирская жизнь. 1919. 5 июня.

²⁷⁷ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 151. Л. 108–108 об.; За Родину (Семипалатинск). 1919. 24 окт.

²⁷⁸ Сибирский рабочий. 1919. № 12. С. 13.

Заработал центральный Совет по делам страхования лишь с 18 июля 1919 г. и начал свою работу с обсуждения наказа. Его согласование в различных инстанциях правительства заняло несколько месяцев, продолжалось даже после эвакуации министерства в Иркутск, несмотря на полную потерю актуальности. Проект наказа так и не был утвержден, что, впрочем, не препятствовало проведению текущих заседаний совета²⁷⁹.

Наказ губернским (областным) присутствиям по делам страхования, регламентировавший их внутренний распорядок и делопроизводство, был разработан Советом по делам страхования 28 июля 1919 г. и принят Министерством труда 5 августа 1919 г. Этот наказ регламентировал порядок внутреннего делопроизводства присутствия и не касался существа их деятельности²⁸⁰. Но созвать присутствия по делам страхования Министерство труда предложило задолго до утверждения этого документа, разослав 19 марта 1919 г. соответствующий циркуляр управляющим губерниями и областями, предлагавший ускорить создание присутствия и новых больничных касс²⁸¹. Судя по тому, что 11 августа 1919 г. последовал повторный циркуляр аналогичного содержания, на местах страховые присутствия формировались не очень бойко²⁸².

Есть сведения о том, что в июле–августе 1919 г. сформировались губернские и областные присутствия по делам страхования: Алтайское, Томское, Енисейское губернские, Акимлинское и Забайкальское областные присутствия²⁸³. Но едва ли они приступили к серьезной работе. Та же газетная заметка сообщала о формировании Пермского и Уфимского губернских присутствий по делам страхования²⁸⁴. Но в это время войска Российского правительства уже оставили Пермскую и покидали Уфимскую губернии. Присутствие по делам страхования Семипалатинской области открыло свою работу 29 августа 1919 г. Последний сохранившийся протокол датирован 30 сентября 1919 г. Работа присутствия свелась к руководству Семипалатинской общегородской больничной кассой и ревизии ее деятельности²⁸⁵. Читинская больничная касса работала по законодательству Российского правительства до сентября 1920 г.²⁸⁶

В Приморье государственная власть дважды изменяла порядок начисления страховых выплат казенным служащим. Это делалось из соображений экономии бюджетных средств и вопреки правовой логике. Сначала Временное правительство Дальнего Востока – Приморская земская управа 11 августа 1920 г. увязала страховые выплаты правительственных служащих и

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1620. Л. 2, 4–16, 19, 32.

²⁸⁰ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 137. Л. 65–66.

²⁸¹ Там же. Л. 19.

²⁸² Там же. Л. 74.

²⁸³ Правительственный вестник. 1919. 8 авг.

²⁸⁴ Русская армия. 1919. 7 авг.

²⁸⁵ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 137. Л. 101, 159.

²⁸⁶ Забайкальская новь. 1920. 11 сент.

рабочих с прожиточным минимумом. Для них действовала общая с остальными пенсиями шкала 0,4–1,5 прожиточного минимума²⁸⁷.

Временное Приамурское правительство 14 февраля 1922 г. отменило этот закон²⁸⁸. Взамен восстанавливались все дореволюционные правила вычисления пенсионных страховых выплат, в том числе оставшиеся неутвержденными в связи с началом Первой мировой войны. Но при этом сохранилась введенная социалистическим приморским правительством привязка размеров пособий к прожиточному минимуму. Только порядок соотношения старых окладов и новых выплат был изменен и усложнен, хотя на поверку перемены были незначительными. Теперь вводилась шкала в 0,3–1,0 полуторных прожиточных минимума (т.е. 0,45–1,5 от одинарного). Интересно, что за основу подсчета принималась пенсия до июля 1914 г. Как сообщалось в объяснительной записке к законопроекту, все более поздние оклады установлены под влиянием чрезвычайных обстоятельств. Если пенсия превышала этот размер, то она выплачивалась в соответствии с окладом. Если пенсию назначили в период с 11 августа 1920 г. по 14 февраля 1922 г. в кредитных рублях, то следовало перевести их в долю прожиточного минимума на момент назначения и ее выплачивать. Однако подтверждался введенный Российским правительством 18 сентября 1919 г. порядок выплаты пенсий медицинским работникам, погибшим в борьбе с эпидемиями²⁸⁹.

Опыт эволюции советской системы социального обеспечения имел сходство с принятым на востоке России в том, что число трудящихся, охваченных заботами государства, росло одновременно с ухудшением социального положения. Но после перехода трудовых отношений в Советской России на принцип социального обеспечения стало происходить сокращение социальных выплат в их реальном выражении и усиливалась роль натуральных форм помощи нуждающимся. Щедро провозглашенное в Положении о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 г. право безработных, временно утративших трудоспособность из-за травм и болезней, получать оплату в размере от минимальных до средних расценок за труд²⁹⁰ мало что значило в условиях стремительной инфляции. Кроме того, исследователи отмечают декларативный характер принципа всеобщности социального обеспечения. В действительности оно распространялось на красноармейцев, советских служащих и рабочих стратегически значимых предприятий. Для работников государственных и национализированных предприятий с 1 апреля 1919 г. средства на выплату всех видов социального обеспечения стали выделяться из государственного бюджета. Но они были очень малы и покрывали только номинальные денежные выплаты, а не реальные расходы на содержание больных, безработных, рожениц и

²⁸⁷ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 14 авг.

²⁸⁸ Вестник Временного Приамурского правительства. 1922. 22 февр.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 480–484.

ухаживавших за детьми матерей²⁹¹. И в этом случае срабатывала не столько предусмотренная законодательством система социального обеспечения, сколько организуемая региональным советским руководством кампания по сбору средств и мобилизации труда в пользу лояльных власти узких групп населения. Для остальных закреплённый в Положении о социальном обеспечении трудящихся принцип обязательства советского государства остался нереализованным²⁹².

* * *

Комуч, Временное областное правительство Урала, государственные образования Забайкалья и Дальнего Востока не сформировали целостной политики социального страхования. Временное Сибирское и Российское правительства придерживались единого направления в разработке рабочего законодательства. В создаваемой Министерством труда этих правительств нормативной базе также делался основной упор на формирование партнерских структур регионального уровня, которые в отдельных регионах добивались временного смягчения социальной напряженности. Но в целом политика, направленная на сохранение и развитие системы социального обеспечения рабочих в условиях Гражданской войны, оказалась несвоевременной по причине ее необеспеченности достаточными материальными накоплениями, а также непримиримости позиции предпринимателей и рабочих организаций. Государственная власть делала упор на реформирование рабочего законодательства с учетом передового опыта Европы и Северной Америки, но предпочла начинать преобразования с частных предприятий, выводя государственные предприятия и учреждения из-под пресса социальной нагрузки. Самый главный недостаток рабочей политики контрреволюции состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, практически никак не регулировались государством. В глазах предпринимателей действия Временного Сибирского правительства и Российского правительства мало отличались от социалистической политики Временного правительства в 1917 г. Рабочие же видели громадный разрыв между советским и контрреволюционным рабочим законодательством. В итоге обе заинтересованные стороны остались недовольны государственной властью и новые законы подверглись дискредитации с обеих сторон. Закономерно, что в условиях слабых вертикальных связей реальная база для социального партнерства в значительной степени складывалась на региональном уровне и зависела от способностей руководителей местной администрации, в частности, ведомства труда организовать участников трудовых отношений, используя широкий спектр неформальных методов воздействия.

²⁹¹ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 3–4.

²⁹² Очерки истории социального страхования в России ... С. 247–252, 436–441.

Правда, советский опыт охраны труда свидетельствует, что близость социальным ожиданиям не всегда гарантирует успех с практической точки зрения. Во-первых, хотя в советском лагере действительно сохранялась высокая степень влияния работников на вопросы социального страхования и охраны труда, но там тенденция постепенного огосударствления этой сферы обозначилась куда более явственно. Во-вторых, создание новых, близких трудящимся, органов управления социально-трудовой сферы, не обеспеченное материальной базой, оказалось неэффективно²⁹³. Кадровое обеспечение и качество работы органов социального обеспечения в Советской России явно уступало тому, что удалось сохранить на востоке России на протяжении второй половины 1918 – 1919 г. В упадок эта система пришла позже, в период агонии «Белого движения».

* * *

Социальные трансферты предназначены для страхования населения от рисков, связанных с потерей трудоспособности. В стабильной ситуации они формируются постепенно, по мере накопления излишков общественного продукта, причем преимущественно из взносов работников и работодателей. И только если потеря трудоспособности связана с жертвами служения обществу в целом (война, чрезвычайная ситуация), плательщиком социальных взносов от имени общества выступает государство.

Накопленные российским обществом в период экономического подъема начала XX в. фонды страхования своих социальных рисков быстро исчерпали себя за годы Первой мировой войны, когда уровень благосостояния населения резко сократился, а совокупный объем социальных рисков непрерывно и многократно возрастал. В период Гражданской войны общество переступило порог, за которым социальные риски резко возрастают, превращаются в социальные бедствия²⁹⁴. С экономической точки зрения это означало переход некоей критической черты, когда добровольное страхование от рисков за счет индивидуумов, подверженных этим рискам, становится практически невозможным. Принудительное же страхование за счет государства или при посредничестве государства – единственно возможное, но одновременно малоэффективное в силу отсутствия свободных ресурсов.

Следует учесть, что возрожденная на востоке России система социальных трансфертов была далека от классической. Ее своеобразие состояло в перераспределении не относительных общественных излишков, а необходимых ресурсов от менее нуждавшихся к более нуждавшимся. В силу того, что большие массы народа опускались на дно имущественной пирамиды,

²⁹³ *Ильюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны. М., 2007. С. 20–21.

²⁹⁴ Для таких ситуаций австрийский социолог Н. Луман предложил термин «порог катастрофы» (см.: *Луман Н.* Понятие риска // *TESIS*. 1994. Вып. 5: Риск, неопределенность, случайность. С. 136).

государство везде, где это было возможно, использовало политико-идеологические критерии иерархизации своих социальных приоритетов, стараясь перераспределить помощь наиболее лояльной части общества, а в остальных случаях усилить административные и правовые механизмы государственного контроля в сфере социального обеспечения. Но кризис диктовал свои условия, и обстоятельства оказывались выше норм и намерений как политиков, так и участников социально-трудовых отношений. Поэтому инфляция «пожирала» ставки социальных трансфертов быстрее, чем они индексировались, оплата пособий и пенсий государством, страховых взносов предпринимателями производились с многомесячными опозданиями. Система давала сбои, которые на самом деле сигнализировали о недопустимой перегруженности кризисной экономики социальными расходами.

Изучение особенностей социальных трансфертов позволяет наблюдать сплетение двух разнонаправленных общественных процессов. Социальные риски существенно возросли, количество людей, нуждавшихся в помощи, увеличилось, причем в значительной мере за счет результатов затяжных военных действий, эвакуаций и прочих событий, издержки по обеспечению жертв которых не переложимы на конкретных плательщиков. Общество, привыкшее в предыдущие годы к определенному и все возрастающему размеру страхования социальных рисков, и во время Гражданской войны оказалось настроено на прежний уровень обеспечения социальной безопасности. Но теперь поддержка требовалась для большего количества нуждающихся граждан. Инфляция и сокращение объемов производства, напротив, вели к тому, что даже прежний уровень отчислений сулил значительно меньшие социальные гарантии. В условиях острейшего дефицита ресурсов закономерными стали резкое обострение патерналистских настроений, стремление переложить издержки по обслуживанию социальных трансфертов на государство или другую сторону трудовых отношений. Это усиливало социальный конфликт, связанный с определением размеров социальных отчислений различных сторон социально-трудовых отношений и контролем за расходованием средств. Важно отметить, что страховые отчисления от заработков работников не сократились, но оказались направлены на новые, стоявшие вне государственного посредничества, формы страхования своих интересов, в том числе в сферу политической борьбы.

Мировой опыт показывает, что рост социальных трансфертов способен предотвратить революционный взрыв, но неизбежно влечет за собой последующий спад производства²⁹⁵. На стадии же усиления хозяйственного и социально-политического кризиса такая политика просто опасна для экономического положения страны. Мысль о необходимости и неизбежности уменьшения расходов на социальные трансферты даже в условиях катастрофического сокращения

²⁹⁵ Сидорина Т.Ю. История и теория социальной политики. С. 60.

национального продукта не встретила в общественном сознании должного понимания. Зато обнаружилась другая тенденция. Наиболее ценными оказались инвестиции в кратковременные схемы социального обеспечения. Независимо от идеологических установок политических лидеров в чрезвычайной экономической ситуации усилилось значение внеденежных способов удержания квалифицированных работников – сегодня это принято называть «социальным пакетом». От того, насколько его удавалось сформировать и гарантировать работнику, зависело сохранение человеческого капитала. Внутри этого «социального пакета» возросла роль базовых, первоочередных жизненных благ. Если в довоенной России (как и в современном мире) вопрос стоял в первую очередь о пенсионном и медицинском обслуживании, то в экстремальной ситуации акцент сместился к снабжению жильем, одеждой и обувью, обеспечению продовольственным пайком. Власть и институты общественного контроля недостаточно четко отреагировали на это изменение, стремясь сохранить, приспособить к новым условиям и улучшить традиционные элементы системы социального обеспечения, прежде всего денежные. Более того, много внимания власть уделила вопросам подготовки системы социального страхования к послевоенному функционированию. Заботы о завтрашнем дне, о перспективе остались непонятны обществу, в котором социальные гарантии перестали работать уже сегодня. Традиционные же институты страхования социальных рисков, такие как негосударственные или полугосударственные фонды социального и пенсионного страхования, последовательно и долго приживавшиеся в предреволюционном обществе, пережили дезинтеграцию, а те, что еще некоторое время существовали или возродились в антибольшевистском лагере, – перестали выполнять свои функции. Налицо процессы демодернизации, которые были результатом не только сознательного разрушения, как в советском лагере, но и самораспада как объективного следствия катастрофических событий²⁹⁶. Причем все это протекало на фоне взрывного роста самих социальных рисков, что усиливало трагизм русской революции.

²⁹⁶ Впрочем, подобные явления – обычный спутник политических революций или радикального слома социальных структур, прослеженный на примере России 1990-х гг. См.: Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 5. С. 24.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: КОНФЛИКТЫ И ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Принято считать, что основным вопросом Великой русской революции являлся аграрный. Но, вне всякого сомнения, наиболее активной движущей силой революционных событий и последующей Гражданской войны стал пролетариат. Значение его позиции уступает только армии. Опору в пролетариате искали противоборствовавшие в войне силы, от отношения рабочих к политическим режимам зависела их прочность.

Частью социально-трудовых отношений является урегулирование взаимодействия участников. В этом процессе всегда три стороны – работник, работодатель и государство, как минимум, определяющее правила, а как максимум, выступающее в качестве посредника в улаживании всех конфликтов и наблюдателя за нормальным течением производственных процессов. Степень институционализации социально-трудовых отношений и их нацеленность на взаимодействие сторон определяют перспективы установления социального мира между работниками и работодателями, а значит, и возможности нормального производительного труда. Рост числа трудовых конфликтов, перебои в их урегулировании – достаточный фактор для сокращения совокупного национального дохода.

В первую очередь следует определить организационную структуру трудовых отношений, т.е. совокупность организаций и учреждений, их нормативно предписанных прав и полномочий, а также неформальных практик. Очевидно, что в столь динамичное время трудовые отношения невозможно изучать как застывшую систему, но только в динамике смены режимов и изменений экономической ситуации. Подробного рассмотрения заслуживает влияние событий Гражданской войны на инфраструктуру рынка труда, формы и методы его регулирования. Наконец, необходимо рассмотреть проблемы производительности труда и трудовой дисциплины. Количественные и качественные показатели труда, которые работник готов гарантировать, всегда являются предметом договора между работником и работодателем, часто неформального. В соответствии с таким договором степень эксплуатации должна соотноситься с уровнем оплаты труда. Но стремительная трансформация экономической системы, падение уровня благосостояния работников и одновременно рентабельности производства порождали разные формы трудовых конфликтов, которые и являлись своеобразным диалогом работников и работодателей о допустимой интенсивности труда.

4.1. Поиск организационных форм

Революция в России породила совершенно новую модель взаимодействия между работниками и работодателями, в которой первые стремились играть организующую роль, устанавливать правила взаимодействия. При советской власти трудовые отношения регулировались почти целиком органами рабочего контроля и фабрично-заводскими комитетами. Нельзя отрицать некоторого положительного потенциала деятельности этих органов. Правда, он преувеличивался советскими¹ и даже некоторыми современными исследователями². Но позитивный эффект поглощался главным противоречием – введением элементов артельного начала в управление чужим, а не своим капиталом. Советское законодательство первых месяцев и складывавшаяся практика нацеливала органы рабочего контроля на жесткое противостояние предпринимателям³.

Антибольшевистский переворот не изменил структуру органов рабочего контроля, доставшуюся новой власти в наследство от революции. Продолжали действовать фабрично-заводские, рудничные, дорожные комитеты, мощные профсоюзные организации, а в Поволжье – советы. В августе 1918 г. Самарский совет рабочих депутатов даже провел перевыборы без участия большевиков⁴ и действовал до самого восстановления советской власти в октябре 1918 г., оставаясь все эти дни политически ангажированной организацией⁵. Совет фактически стал легальным прикрытием антиправительственной деятельности большевиков. Профсоюзная пресса уведомила, что все договоры и соглашения, заключенные фабрично-заводскими комитетами при советской власти, продолжают действовать⁶. Чтобы восстановить влияние государственной власти на трудовые отношения, необходимо было изъять предприятия из ведения органов рабочего контроля. С одной стороны, покушаться на прерогативы этих органов было небезопасно с политико-этической точки зрения – они олицетворяли собой революционные завоевания рабочего класса, с другой – становилась очевидна ненормальность практики функционирования органов рабочего контроля. Они далеко выходили за нормативные пределы, вмешивались в текущую работу всех производственных структур.

¹ История социалистической экономики СССР. М., 1976. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. С. 111–121; Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 49–63.

² Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 166–171; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998.

³ Поршнева О.С., Фельдман М.А. Власть и рабочие России и Урала условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2013. С. 119.

⁴ Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев, 1959. С. 102–103. На следующих страницах автор оговаривается, что на выборах прошли и большевики, баллотировавшиеся как беспартийные, и даже председатель подпольного самарского комитета РКП(б) К.Ф. Левитин (там же. С. 113.). См. также: Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 191.

⁵ Заря Поволжья (Самара). 1918. 2 окт.

⁶ Ткач (Симбирск). 1918. № 11. С. 17.

Антибольшевистские правительства по-разному решали эту проблему. Комуч приказом № 4 от 8 июля 1918 г. категорически воспретил предпринимателям и населению насильно смещать возникшие ранее органы для руководства предприятиями⁷. Лишь 5 августа 1918 г. Ведомство труда Комуча опубликовало (в газетах и отдельной листовкой) циркуляр о сохранении фабрично-заводских комитетов⁸. Смысл его состоял в том, чтобы вернуть деятельность этих органов в рамки закона Временного правительства от 23 апреля 1917 г., которым они формально в свое время учреждались⁹. В очередной раз стали видны недостатки этого поспешного закона¹⁰. Прописанные в нем и воспроизведенные в циркуляре Комуча полномочия фабрично-заводских комитетов практически полностью дублировали задачи профсоюзных организаций: представительство рабочих перед администрацией предприятий и правительством, в том числе по вопросам заработной платы и внутреннего распорядка, осуществление культурно-просветительской деятельности и переговоры об освобождении от работ представителей рабочих организаций для участия в общественной жизни.

Мемуары, написанные в советскую эпоху участниками профсоюзного движения в Самаре, свидетельствуют, что «при эсерах» в ходе перевыборов советов ряда самарских профсоюзов в них попали исключительно большевики, использовавшие профсоюзную работу как легальное прикрытие подготовки вооруженного восстания против Комуча¹¹. Советские мемуаристы отмечают, что значительная часть профсоюзных руководителей Самары в первые же дни после антибольшевистского переворота была арестована. Но при этом, как отмечает А.И. Ларцев, аресты могли происходить по разным поводам, но все им подвергнутые являлись членами большевистского подполья¹².

Несмотря на репрессии, обрушившееся на лидеров профсоюзов, точнее, на тех из них, кого подозревали в связях с большевиками, организации рабочих и служащих в Поволжье продолжали играть важную роль не только в общественной жизни и формировании органов власти, но и в

⁷ Бюллетень Самарского комитета членов учредительного собрания (Самара). 1918. 9 июня; Приказы Комуча. Самара, 1918. С. 6; *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники. Самара, 2006. Т. 2. С. 156; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года. М., 2011. С. 143 (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XI).

⁸ Вестник Комуча (Самара). 1918. 11 авг.; Наш день (Самара). 1918. 11 авг.; Уфимская жизнь. 1918. 16 авг.; Уфимские губернские известия. 1918. 17 авг.; ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–6 об.; Белое движение. Каталог коллекции листовок. СПб., 2000. С. 75; *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 155. Фрагменты текста опубликованы: *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 2. С. 158–159; *Знаменский Н.* Время чехов // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредительской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. № 1. С. 139.

⁹ Вестник Временного правительства (Пг.). 1917. 25 апр. (9 мая); Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 100. Ст. 551; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 г. Ст. 83.

¹⁰ Обстоятельства его принятия подробнее см.: *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 326–328.

¹¹ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17, 73.

¹² Там же. Ф. 651. Оп. 5. Д. 129. Л. 7.

управлении предприятиями и учреждениями, особенно государственными. В подтверждение данного тезиса достаточно привести два примера, отражающих положение в Среднем Поволжье.

Несмотря на попытку Комуча восстановить единоначалие в почтово-телеграфном ведомстве Поволжья и Южного Урала, до падения Комуча в ведомстве сохранялось своеобразное двоевластие в лице начальника округа, полномочия которого подтвердил Комуч, и окружного комитета служащих, считавшего себя по-прежнему полновластным хозяином. Служащие просто проигнорировали директивы правительства, прямо запрещающие коллегиальное управление как ведущее к разложению служебной дисциплины. Окружной комитет продолжал определять нормы выработки и оплаты, распорядок рабочего дня. 5 сентября 1918 г. 5-й окружной Самарский почтово-телеграфный съезд даже принял решение о сохранении повсеместно в этом ведомстве коллегиального управления и избрал Временный центральный исполнительный комитет. В его задачи входило управление Самарским почтово-телеграфным округом вместо начальника, руководствуясь инструкциями, выработанными при советской власти 2-м Всероссийским почтово-телеграфным съездом¹³. Впрочем, отметим, что самарские почтово-телеграфные служащие в штыки восприняли и попытку советской власти навязать им комиссара почт и телеграфа. Отстаивая свое право на выборы администрации, они в конце 1917 г. вступили в открытое противостояние с большевиками¹⁴. Осенью 1918 г. в профсоюзе шла яростная борьба между противниками советской власти и пробольшевицки настроенным крылом, составлявшим явное меньшинство. Но обе группы солидарно отстаивали сохранение коллегиального управления, теперь уже со ссылкой на резолюции 5-го окружного почтово-телеграфного съезда¹⁵.

Не менее красноречивая ситуация сложилась в железнодорожном транспорте. В ответ на требование восстановить единоначалие Совет профсоюза Самаро-Златоустовской железной дороги выдвинул встречное условие: управляющий дорогой должен выбираться всеобщим тайным голосованием всех членов профсоюза, а все начальствующие лица назначаться им, но с правом отвода любой кандидатуры советом профсоюза. Причем на съезде железнодорожников, обсуждавшем этот вопрос 2 августа, образовалось сильное крыло, требовавшее сохранения коллегиального управления дорогами¹⁶.

Профессиональные союзы Поволжья продолжали активную деятельность: проводили съезды, правления готовились защищать интересы работников, в том числе путем стачек. Сеть

¹³ Известия окружного комитета служащих Самарского почтово-телеграфного округа (Самара). 1918. № 13–14. С. 15–17; № 15–16. С. 44, 48; К свету (Самара). 1918. № 18–19. С. 13–15; Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь–октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018. С. 278–279.

¹⁴ *Зубцова Н.* Самарское профессиональное движение в 1917–1918 гг. Самара, 1927. С. 128–131.

¹⁵ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 328. Л. 58–64; Д. 332. Л. 138 об., 140; Волжский день (Самара). 1918. 20 июня, 12 сент.; Волжское слово (Самара). 1918. 21 июня, 31 авг. 8 сент.

¹⁶ Вечерняя заря (Самара). 1918. 6 авг.; Народное дело (Уфа). 1918. 11 авг. В прессе появлялись и искаженные сведения об этом съезде, якобы отвергшем вмешательство профсоюзов в дела управления железными дорогами (см.: Народ (Самара). 1918. 13 сент.).

профессиональных союзов расширялась за счет создания новых первичных организаций даже в сентябре–октябре 1918 г.¹⁷ Конечно, правильнее говорить об амбивалентных тенденциях: одни организации с приходом Комуча к власти активизировали свою работу, в других наблюдался упадок. Но в целом можно констатировать общее падение интереса рабочих и служащих к профсоюзам, отход от участия в них.

Очевидно, что правительству необходимо было либо законодательно развести функции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, либо ликвидировать фабрично-заводские комитеты как ненужное порождение революции. Боясь прослыть реакционным, Комуч не решился сделать ни того, ни другого. Сохранившиеся фабрично-заводские комитеты по-прежнему пытались вмешиваться в процесс производства, вплоть до попыток регулировать отпуск продукции с некоторых предприятий. 30 августа 1918 г. Ведомство труда огласило более жесткий по тону документ: «Введенный комиссарской властью рабочий контроль полностью отменен»¹⁸. Анархо-синдикалисту фабрично-заводских комитетов управляющий ведомством И.М. Майский, подписавший документ, противопоставил тезис о государственном регулировании производства.

Однако профсоюзы летом 1918 г. не собирались отдавать ни толики революционных завоеваний. Например, при союзе самарских металлистов работали комиссии: испытательная (для решения вопроса о приеме на работу), расценочная, конфликтная, помощи безработным¹⁹. Премстственность с советской рабочей политикой в первый месяц после антибольшевистского переворота оказалась очевидной при решении кадровых вопросов. Управляющим Самарского губернского отделения ведомства труда был назначен председатель союза печатников А.А. Князев²⁰. Бугурусланская городская дума 22 июля 1918 г. приняла постановление до получения четких указаний из Самары сохранить прежний комиссариат труда, сформированный при советской власти²¹. Вскоре, правда, пресса стала сообщать о сокращениях персонала местных комиссариатов труда, полученных в наследство от советской власти, но исключительно по причине неоправданной «раздутости» штатов²².

В Ижевско-Воткинском районе организации рабочего контроля не только сохранили свое влияние, но даже приняли участие в формировании органов повстанческой власти. Нормативные документы, реорганизовавшие внутренний порядок управления Ижевским оружейным и сталелитейным заводом, содержали пункт о включении в администрацию завода и представителей от рабочих²³. В Сарапуле после свержения советской власти Центральный рабочий комитет

¹⁷ Наша жизнь (Самара). 1918. 6 окт.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Белое движение. С. 75.

¹⁹ Заря Поволжья. 1918. 13 июня.

²⁰ Вечерняя заря. 1918. 7 сент.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

²² Наша жизнь (Самара). 1918. 25 июля.

²³ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 303.

промышленных предприятий распорядился оставаться заводским комитетам в прежнем составе и осуществлять свои полномочия по управлению производством, а всякие попытки заменить органы рабочего контроля прежней администрацией пресекались²⁴. Члены совета и фабрично-заводского комитета скрепляли своей подписью решения местной власти в Сарапуле. Усиление влияния рабочих в органах управления закономерно. Их недовольство, зревшее с весны 1918 г., объяснялось в значительной мере отходом большевистского руководства от синдикалистских обещаний эпохи «красногвардейской атаки на капитал». По логике руководителей антибольшевистского движения в Прикамье, участие рабочих в управлении предприятиями не противоречило государственному контролю над производством. Правда, ряд решений ижевской заводской администрации сокращал компетенцию органов рабочего контроля до функций представительства интересов рабочих, в том числе в органах хозяйственного управления, лишив их права прямого вмешательства в производство²⁵.

На Урале местная власть некоторое время проводила «пролетарскую» политику в Челябинске и Уфе. Действовавший в Челябинске с июля до октября 1918 г. Комитет народной власти санкционировал большинство постановлений профсоюзов города, в том числе о контроле приема на работу и увольнения, решении производственных конфликтов, выработке норм труда и оплаты²⁶. В Уфе летом 1918 г. губернская конфликтная комиссия разбирала споры между рабочими и работодателем, следила за соблюдением коллективных договоров, правильностью расчетов²⁷. Когда в Уфу переехал Совет управляющих ведомствами Комуча, командующий Самарской группы войск генерал С.Н. Войцеховский запретил забастовки. В связи с этим 26 октября 1918 г. совет принял «Положение о третейском суде», обязав стороны, не разрешившие конфликты путем переговоров, подчиняться решениям таких судов²⁸. Оренбургский губернский комиссар труда А. Гуревич вел себя как пролетарский лидер, пытаясь реанимировать работу фабрично-заводских комитетов, а по отношению к профсоюзам выступал как руководящая инстанция²⁹. На Среднем Урале политику в области труда в августе–октябре 1918 г. определяло Временное областное правительство Урала. Его Главное управление труда циркулярами от 6 и 13 сентября 1918 г. подтвердило действие всех постановлений Временного правительства 1917 г., в том числе о рабочих комитетах и о рабочих и профессиональных организациях³⁰. Если уральские власти в

²⁴ Прикамье (Сарапул). 1918. 5, 15 сент.

²⁵ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 117.

²⁶ Сичинский Е.П. К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: материалы юбил. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 74.

²⁷ Народное дело (Уфа). 1918. 18 авг.

²⁸ ЦГА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 145.

²⁹ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 21 июля.

³⁰ Циркуляры главноуправляющего труда № 1 и № 2 // Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 1; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 22, 24–24 об., 26–29.

целом ориентировались на сибирское законодательство³¹, в значительной мере дублируя его, то возглавляемое П.В. Мурашевым Главное управление труда руководствовалось указаниями поволжского ведомства труда. В то же время на местах достаточно гибко подошли к решению вопроса об участии рабочих в управлении. Некоторые заводские администрации инициировали воссоздание цеховых комитетов, с которыми согласовывали кадровые перемещения. Им также позволялось следить за санитарно-гигиеническим состоянием цехов³².

Таким образом, не только в Поволжье, но и на Урале политику в области трудовых отношений определял Комуч, а рабочие организации и профсоюзы сохранили возможность активно влиять на взаимоотношения между работодателями и работниками.

Западно-Сибирский комиссариат своим постановлением от 1 июня 1918 г. на целый месяц оставил предприятия в ведении органов рабочего самоуправления³³. Член комиссариата и уполномоченный Временного Сибирского правительства В.О. Сидоров разъяснил, что все органы рабочего контроля и его центральное учреждение – совет рабочего контроля – продолжают свою работу впредь до особого постановления³⁴. По поводу позиции Западно-Сибирского комиссариата в рабочем вопросе в историографии существует две точки зрения. В советское время доминировал взгляд, что эсеровский комиссариат изначально расчищал путь для господства буржуазии, но делал это постепенно, чтобы не вызвать негативную реакцию широких слоев городского населения³⁵. Ряд современных исследователей склоняется к мысли, что члены комиссариата были искренними приверженцами рабочего самоуправления и ограничения влияния предпринимателей на хозяйственную жизнь³⁶. Воспринимая угрозу справа как наиболее опасную для революции, они предпочитали сохранить сильные рабочие организации.

В рабочей среде на востоке России летом 1918 г. очень популярными оставались идеи анархо-синдикалистского характера, предусматривавшие сохранение всех механизмов

³¹ В частности, отношение главноуправляющего горных дел в Совет областного правительства Урала о мерах по нормализации производства от 10 сентября 1918 г. почти повторяет постановление Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. (см.: Антибольшевистское правительство (из истории белого движения): сб. документов. Тверь, 1999. С. 102–103; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 11. Ст. 103).

³² Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 191.

³³ Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. № 1. Ст. 4; Временное Сибирское правительство. 26 мая – 3 ноября 1918 г. Новосибирск, 2007. С. 52.

³⁴ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 64.

³⁵ Шиканов Л.А. Некоторые вопросы историографии начального этапа гражданской войны в Сибири // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 82–83; Шиканов Л.А. О сущности так называемой «демократической» контрреволюции и ее хронологических рамках // Из истории социальной и общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1992. С. 46–50.

³⁶ Журавлев В.В. Рождение Временного сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Новосибирск, 2002. С. 35–47; Шишкин В.И. К вопросу о роли Советов в судьбе переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2005. С. 297–298.

одностороннего влияния рабочих на процесс производства, выработанных при советской власти. Рабочие готовы были критиковать советскую власть за отход от синдикализма и сулили поддержку новоявленной розовой «демократической контрреволюции» за исправление недостатков своих предшественников. Такое требование заявляли рабочие в разных регионах востока России. Самарский совет рабочих депутатов выпустил резолюцию, требовавшую восстановить контроль над производством со стороны рабочих коллективов³⁷. Во Владивостоке в августе 1918 г. профсоюз индустриальных рабочих активно протестовал против денационализации предприятий, проводимой областным земством. Он настаивал на возвращении их в распоряжение рабочих коллективов³⁸. В Сибири, чувствуя на первых порах слабость позиций свергнувшей большевиков государственной власти, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты выступили с требованием возложить контроль над промышленным производством и частным предпринимательством на органы рабочего самоуправления³⁹. Раздавались даже требования сделать профсоюзы органами, контролирующими государственную власть (Омская городская конференция профсоюзов 24–25 июня 1918 г.)⁴⁰.

В июле 1918 г. диалог рабочих с властью в Сибири оставался вполне предметным – члены Западно-Сибирского комиссариата общались на общем с ними политическом языке, а продекларированная властью позиция вселяла в рабочих некоторые надежды. Пришедшие им на смену члены Временного Сибирского правительства категорически дистанцировались от обещаний предшественников, как от неуместного популизма. Во-первых, она противоречила принципу восстановления прав законных владельцев, во-вторых, по мнению правящих верхов, отнюдь не способствовала возобновлению нормальной трудовой дисциплины на предприятиях.

В связи со сменой сибирского руководства в конце лета 1918 г. диалог правительственной власти и рабочих оказался затруднен, они стали разговаривать друг с другом на разных политических языках. Природа этого явления отлично показана в резолюции Совета профсоюзов Красноярска от 1–2 августа 1918 г. Большинство участников совета отвергли примирительные камеры и комиссариаты труда. Они считали их институтами, созданными «богатеями», чтобы

³⁷ Вестник Комуча. 1918. 1 сент.; *Попов Ф.Г.* За власть советов. С. 115.

³⁸ Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 4 авг.

³⁹ Заря Поволжья. 1918. 12, 18, 20 июня; Рабочее знамя (Томск). 1918. 28 июня; Голос народа (Томск). 1918. 5 июня; Алтайский луч (Барнаул). 1918. 28 июня; *Черняк Э.И.* Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 1994. Ч. II. С. 261; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии. Томск, 1992. Ч. 2. С. 241, 243, 261; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии. Томск, 1992. С. 195; Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919). Томск, 1957. С. 319–320; *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 128.

⁴⁰ *Черняк Э.И.* Профессиональные объединения в Сибири ... С. 275; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть советов. 1917–1919 гг. Новосибирск, 1928. С. 68–70.

стоящие у них на службе юристы усыпляли бдительность неискушенных рабочих⁴¹. Правовая культура сибирских рабочих оставалась достаточно архаичной, недалеко ушла от крестьянской⁴².

Сибирские политики предприняли ряд мер по изменению правового режима функционирования рабочих и профсоюзных организаций. Западно-Сибирский комиссариат 28 июня 1918 г. одобрил постановление о порядке увольнения со службы в связи с ликвидацией советских учреждений и денационализацией предприятий⁴³. Временное Сибирское правительство 10 июля 1918 г. утвердило инструкцию к этому постановлению, не опубликованную в собрании узаконений⁴⁴. Позже на основании данного постановления был составлен циркуляр (подписан председателем Совета министров П.В. Вологодским и управляющим делами Совета министров Г.К. Гинсом), разъясняющий, что решение об увольнении принимает начальник предприятия или учреждения единолично. Причем увольнению подлежат «все активные сторонники большевизма, хотя бы они и не проявляли в настоящее время противозаконной деятельности»⁴⁵.

В то же время члены Западно-Сибирского комиссариата и Совет министров Временного Сибирского правительства старались не допустить обострения отношений с рабочими, понимая, что это может стать серьезной помехой для нормального функционирования предприятий промышленности, торговли и транспорта. 6 июля 1918 г. правительство приняло постановление «О недопущении советских организаций»⁴⁶, установившее рамки деятельности профсоюзов. Они могли формироваться как по профессиональному, так и по территориальному признаку, обладали гражданскими правами юридических лиц, но их деятельность не должна была выходить за рамки уставов, в которые запрещалось включать задачи, связанные с политической борьбой. Постановление Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. «О мерах восстановления нормального хода развития предприятий» и инструкция Министерства торговли и промышленности к его исполнению⁴⁷, распространенная в качестве циркуляра всем управляющим промышленных предприятий⁴⁸, подтвердили упразднение «всех рабочих органов, имеющих

⁴¹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–4.

⁴² Неграмотные и малограмотные крестьяне боялись обращаться в коронные суды Российской империи, где чувствовали свое полное бессилие, попадая во власть грамотных людей и буквы закона (см.: *Тарановски Т.* Судебная реформа и политическая культура царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 306).

⁴³ СУР ЗСК. № 2. Ст. 26; Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года): сб. документов. Томск, 1998. Вып. 1. С. 39–40; Западно-Сибирский комиссариат ... С. 158–159; Временное Сибирское правительство. С. 94, 96–97.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 37–37 об.

⁴⁵ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 34. Л. 27; Утро Сибири (Челябинск). 1918. 10 сент.; опубли.: Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: документы и материалы: в 6 т. Челябинская область. Т. 1: 1917–1945. Челябинск, 2005. С. 65.

⁴⁶ Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 2. Ст. 12; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 54–55; Временное Сибирское правительство. С. 126–127.

⁴⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 11. Ст. 103, 104; Сибирский вестник (Омск). 1918. 15 сент.; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 199–201; Временное Сибирское правительство. С. 234–235, 311–312.

⁴⁸ Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 4–5. Вкладыш.

хозяйственный характер (фабрично-заводские, рудничные комитеты и др.)» (п. 2), введение единого управления производством, запрещение всякого вмешательства в него рабочих. Лица, виновные в насильственных действиях по отношению к администрации предприятий в период советской власти, подлежали увольнению. В то же время для значительного сокращения штатов требовалось согласие Министерства труда и Министерства торговли и промышленности, и за профсоюзами сохранялось право мотивированного протеста на такие действия администрации. Обращает на себя внимание ссылка в инструкции (п. 3) на уже упоминавшееся постановление Временного правительства от 23 апреля 1917 г., явно противоречащее духу закона. Этот пункт разрешал действие не только профессиональных организаций, но и фабрично-заводских комитетов. В результате возникала правовая коллизия, так как пп. 2 и 3 входили в противоречие друг с другом. Положение усугублялось тем, что в руководящих документах Министерства труда содержались призывы к ликвидации органов рабочего контроля, даже если для этого потребуются государственные средства. Таковы отношение управляющего Министерства труда Л.И. Шумиловского томскому губернскому комиссару труда от 2 августа 1918 г. и его же циркулярная записка губернским комиссарам труда от 29 августа 1918 г.⁴⁹

В целом постановление Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. было направлено на повышение производительности труда и укрепление производственной дисциплины, давало рабочим некоторую гарантию от произвола руководства предприятий, но в то же время разрешало владельцам избавляться от наиболее экстремистски настроенных рабочих. Министерство труда активно содействовало воплощению в жизнь этого постановления, в частности, в отношении ликвидации органов рабочего контроля. В основном дело свелось к их добровольной самоликвидации либо безболезненному устранению новой администрацией. Но были случаи возникновения жесткого противостояния. Таковы, например, меры Судженского районного комиссара Г. Шульги по ликвидации рудничного комитета, закончившиеся забастовкой⁵⁰. Но не стоит преувеличивать репрессивно-запретительные усилия сибирского Министерства труда. Даже в столице фабрично-заводские комитеты проводили легальные конференции 28–30 июня, 4, 20, 27 июля и 7 августа⁵¹. Известны отдельные успешные попытки рабочих воссоздать фабрично-заводские комитеты даже в декабре 1918 г. и весной 1919 г. (в Кургане)⁵². На Урале в

⁴⁹ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Борьба за власть Советов в Томской губернии ... С. 340.

⁵⁰ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 95–96; Установление советской власти в Кузбассе (1917–1919 гг.): сб. документов. Кемерово, 1957. С. 272–280; Борьба за власть Советов в Томской губернии ... С. 340. Конфликт был продолжением длительной стачечной войны, которую почти непрерывно вели рабочие с апреля 1916 г. (см.: Дробченко В.А. Рабочее движение в Анжеро-Судженском районе в конце XIX в. – 1916 г. // Вестник филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске. Томск, 2004. Вып. 3: Гуманитарные науки. С. 73–78).

⁵¹ Заря (Омск). 1918. 6, 23, 31 июля; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области. Томск, 1991. Ч. 2. С. 254–255, 262, 284, 300–303.

⁵² ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 66, 99–101.

начале 1919 г. действовали 4 фабрично-заводских комитета⁵³. В резолюциях профсоюзных форумов и в 1919 г. продолжало фигурировать требование рабочего контроля⁵⁴. Причем рабочие настаивали, что воссоздание фабрично-заводских комитетов допущено законодательством, и даже вынуждали Министерство труда подтверждать это перед местными властями⁵⁵.

Несколько особняком стояла проблема восстановления трудовой дисциплины на транспорте. Западно-Сибирский комиссариат и Временное Сибирское правительство с первых дней столкнулись с необходимостью вернуть управление транспортными предприятиями в ведение администрации. Циркуляр Министерства путей сообщения от 26 июня 1918 г. упразднял все коллективные учреждения и коллегии, действовавшие как органы управления транспортом, и вводил единоначалие⁵⁶. Управляющий Министерством путей сообщения Г.М. Степаненко 27 июня 1918 г. издал распоряжение «упразднить созданные советской властью излишние учреждения и сократить без нужды увеличенные штаты»⁵⁷. Распоряжением товарища управляющего Министерством путей сообщения Н.И. Ларионова от 16 июля 1918 г. в связи с ликвидацией советских организаций увольнению подлежали все члены бывших дорожных комитетов и районных советов дорог, «а также агенты дороги, состоявшие членами местных совдепов»⁵⁸.

8 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло обязательные постановления «по железным дорогам, казенным и частным, эксплуатируемым и строящимся» и «по водным путям сообщения»⁵⁹. В соответствии с ними запрещалось без санкции военных властей и администрации транспортного предприятия проведение митингов и собраний, прекращение работы, вмешательство рабочих в управление. Нарушение постановления каралось трехмесячным тюремным заключением либо штрафом в размере до 3000 руб.

23 мая 1919 г. Министерство труда разослало подведомственным организациям циркуляр, сообщая о подготовке нового положения о рабочих комитетах взамен положения Временного правительства от 23 апреля 1917 г. Их функцию они видели в формировании у рабочих навыков самоуправления, посредничестве во взаимодействии рабочих коллективов с администрацией и правительством. Рабочие комитеты предполагалось поставить под контроль инспекторов труда. В циркуляре специально оговаривалось, что комитеты никакими контрольными функциями не будут наделены⁶⁰. Но законопроект так и не был разработан министерством.

⁵³ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 9.

⁵⁴ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Тянеева. Свердловск, 1929. С. 116.

⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 22. Л. 160–160 об.; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 169.

⁵⁶ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1918. № 1–3. С. 4.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 183.

⁵⁹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 2. Ст. 18, 19; Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 1–3. С. 5; Временное Сибирское правительство. С. 123–125. Публикатор датирует эти документы 5 июля.

⁶⁰ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 22. Л. 160–160 об.

В рабочей политике Временного Сибирского правительства прослеживается стремление к поиску разумного социального компромисса. Летом 1918 г. концепция рабочей политики Министерства труда предусматривала три задачи: 1) ликвидацию рабочих органов управления производством и права рабочих организаций вмешиваться в вопросы производства. Соответствующие нормы предполагалось закрепить в законах об упразднении органов рабочего контроля, о заводских комитетах, о профсоюзах; 2) пересмотр законодательства о формах взаимодействия участников социально-трудовой сферы. Поправки должны были носить характер компромисса между интересами рабочих и предпринимателей, для чего министерство намеревалось привлечь к законодательному процессу рабочие и предпринимательские организации. В этом направлении министерство собиралось переработать законы о больничных кассах, примирительных камерах, третейских судах, фабричной инспекции; 3) создать адаптированную к современным экономическим условиям нормативную базу, регулиующую вопросы оплаты труда и режима рабочего времени. Для этого планировались законопроекты о 8-часовом рабочем дне, пересмотре ставок в соответствии с прожиточным минимумом, о порядке увольнения рабочих и служащих⁶¹.

Из перечисленных Л.И. Шумиловским 14 законопроектов только 3 дошли до стадии утверждения. Причины могли быть и в сырости предоставляемых в Совет министров материалов, и в спорности содержащихся в них положений. Нужно отметить, что разработку большинства проектов социально-трудового законодательства Министерство труда Временного правительства начало весной–осенью 1917 г.⁶², и именно они стали основой законопроектов сибирского Министерства труда. В результате часть законопроектов достаточно быстро попала на обсуждение Совета министров. Л.И. Шумиловский, делая доклад о работе своего министерства на заседании Директории 12 ноября 1918 г., указал, что проект закона о биржах труда был внесен 17 июля, о примирительных камерах – 22 июля, о порядке увольнения служащих и рабочих – 2 августа, о больничных кассах – 15 августа, о комиссарах труда – 8 ноября⁶³. Правила об увольнениях, подготовленные для Административного совета уже вторично в октябре 1918 г., Совет министров Российского правительства принял только в мае 1919 г. А положение о профессиональных союзах, внесенное на обсуждение 1 октября 1918 г., было отправлено на переработку в межведомственную комиссию, откуда уже не вернулось⁶⁴. Проект о страховании рабочих был принят после многочисленных корректировок. Возможно, что часть перечисленных министром проектов, даже не была написана. Их тексты из министерства в Совет министров не попали.

⁶¹ «Реальная» политика Временного Сибирского правительства (окончание) / публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альм. 2001. № 10. С. 40–42; Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 11 июля.

⁶² Орлова Н.Е. Социальная политика Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) // К истории русской революции: события, мнения, оценки. М., 2007. С. 351–352.

⁶³ Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2010. С. 274.

⁶⁴ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 24; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 40 об. Административный совет дал недельный срок на доработку положения.

Несмотря на конфронтацию в отношениях власти и пролетарских организаций, в рабочей политике Временное Сибирское, а затем Российское правительства решили сделать ставку на профсоюзы, чтобы выбить основание из-под органов рабочего контроля. В тексте постановления от 6 июля 1918 г. «О недопущении советских организаций» профсоюзы признавались единственной организацией, представлявшей интересы рабочего класса. В соответствии с этим принципом более позднее законодательство предусматривало представительство профсоюзов в таких государственных структурах коллегиального характера, как комиссии по возвращению предприятий владельцам, по реквизиции грузов на железных дорогах, совещания при уполномоченных по продовольствию и снабжению и другие. Обычно численность представителей от профсоюзов, союзов предпринимателей, кооперации, органов общественного самоуправления совпадала. При подготовке законопроектов Министерство труда через комиссаров/инспекторов запрашивало первичные данные от профессиональных союзов⁶⁵. Управляющий министерством труда Л.В. Шумиловский писал в начале 1919 г. Верховному правителю России «...я не мыслю работу ведомства без существования профессиональных союзов»⁶⁶.

Опыт деятельности профсоюзов в 1917 г. свидетельствовал, что они не умели и не пытались научиться выстраивать отношения с нанимателями на партнерской основе, предпочитая конфронтационные пути деятельности⁶⁷. В 1917 – начале 1918 г. многие профсоюзы внесли в свои уставные документы пункты, позволявшие им вмешиваться в производственный процесс, устанавливать расценки оплаты труда, участвовать в решении политических проблем, подчас за счет средств предприятия. В ряде профсоюзов членство являлось обязательным условием занятия своей профессией⁶⁸. Летом–осенью 1918 г. судебные органы начали перерегистрацию уставов профсоюзов. Если они не соответствовали действовавшему законодательству или выходили за рамки профессиональных интересов, то подлежали пересмотру и корректировке⁶⁹. В случае нежелания пересматривать устав профсоюзы закрывались административным судом⁷⁰. Большинство претензий судов были мелкими, легко исправимыми и позволяли вернуть деятельность профсоюзов в правовое поле, но воспринимались профсоюзными лидерами как формальные придирки и нападки на организации защиты интересов нанимаемых⁷¹. Информация, что на Урале в мае 1919 г. суды проводили перерегистрацию по закону о профсоюзах 1912 г., похожа на

⁶⁵ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

⁶⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 530.

⁶⁸ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Томск, 2006. С. 112.

⁶⁹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 6. Л. 29; Д. 17. Л. 31–33.

⁷⁰ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 3 июля.

⁷¹ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 71; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 96.

недоразумение⁷². Сибирские суды руководствовались законом Временного правительства от 12 апреля 1917 г. о профсоюзах⁷³. Однако без перерегистрации профсоюзы лишались права собирать взносы, арендовать помещения⁷⁴. Использованный властями метод, не выходя за пределы гражданского законодательства, позволял поставить профессиональные организации в рамки относительной политической лояльности. Правда, больших успехов на этом поприще добиться не удалось. Большинство профсоюзных деятелей не намеревалось отступать от практики действовать независимо и бесконтрольно по отношению к власти. Разница правовой культуры юристов и профсоюзных лидеров была столь велика, что вместо формальной корректировки устава последние предпочитали отстаивать свою свободу от строгого следования букве закона.

Именно эти обстоятельства, а также ограничения на созыв профсоюзных собраний дали основание сначала большевистским политикам, а затем и ряду отечественных исследователей выдвинуть тезис о полном разгроме профсоюзов в Сибири в период контрреволюции⁷⁵, повторяемый и в некоторых современных публикациях⁷⁶. Однако это совершенно не соответствует действительности и критиковалось даже в советской историографии⁷⁷. Противоположные факты находят подтверждения во многих источниках. В частности, в Томской губернии в июле 1918 г. из 26 профсоюзов, подавших документы на регистрацию, 16 ее прошли. С августа по декабрь 1918 г. заявление о регистрации подали 10 профессиональных союзов, из которых 5 было отклонено в связи с несоответствием их уставов постановлению от 6 июля 1918 г. о ликвидации советских организаций. В апреле 1919 г. еще 5 заявлений было удовлетворено, 2 отклонено по той же причине и одно – из-за отсутствия в уставе указаний на порядок созыва собраний и срока полномочий правления. В мае Томский окружной суд также отклонил 7 из 11 заявлений. Причем только 2 – по политическим мотивам, а 5 – в связи с недоработками устава⁷⁸. В Барнауле в первом полугодии 1919 г. зарегистрировали 14 профсоюзов⁷⁹. По данным Министерства внутренних дел, в конце 1918 г. на Урале числилось 184 профессиональных союза⁸⁰. Возможно, что и это заниженные сведения. По другим источникам, в одном только Челябинске летом 1918 г. действовало

⁷² Колчаковщина на Урале ... С. 106.

⁷³ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–52.

⁷⁴ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 65.

⁷⁵ *Молотов К.* К истории РКП в Сибири. Август–декабрь 1918 года // Три года в борьбе за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 163; *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 118; *Носач В.И.* Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1978. С. 123; и др.

⁷⁶ История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., 1999. С. 110. В этой книге утверждается, что Временное Сибирское правительство запретило деятельность профсоюзов. Подобных высказываний нет даже в наиболее ангажированных советских публикациях, на которые опирались авторы данных очерков.

⁷⁷ *Кузнецова О.В.* Современная литература о профсоюзах Западной Сибири периода гражданской войны // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 88. (Здесь, в частности, подвергнуты критике положения книги В.Н. Носача «Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны» (М., 1978). Но с тех пор критикуемый автор не только не внес коррективы в свой текст, но и многократно растиражировал ошибочные утверждения в последующих переизданиях и новых публикациях).

⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–52.

⁷⁹ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 170.

⁸⁰ *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 191.

40 профессиональных союзов⁸¹. В Красноярске количество профсоюзов, объединенных в городской совет профессиональных союзов, сократилось с августа по декабрь 1918 г. с 31 до 24. В Иркутской губернии в октябре 1918 г., по сведениям В.А. Кучеряева, действовали 43 профессиональных союза, а в июле 1919 г. прошли регистрацию и продолжали работать более 30 из них⁸². В Перми из 30 профсоюзов, существовавших при большевиках, к лету 1919 г. восстановила свою деятельность только половина⁸³. Подчас придирки судебных органов выглядели действительно мелочными⁸⁴. Но это не означало тотального запрета профсоюзов, которые обычно продолжали действовать, несмотря на отсутствие регистрации. Правда, так могло быть не везде. Вероятно, другой расклад был в прифронтовых районах. В Уфе из 20 существовавших осенью 1918 г. союзов в начале 1919 г. действовало только 3⁸⁵.

Политические репрессии и административный нажим стали важными факторами, ослабившими профсоюзное движение. Но необходимо признать, что с падением советской власти исчезли многие причины, искусственно поддерживавшие профессиональные союзы. Уже весной 1918 г. представители многих союзов жаловались на съездах и конференциях, что не могут созвать правомочное собрание и принимать законные решения, так как собрания посещает очень небольшая часть членов организации, а взносы платит меньше половины членов союзов⁸⁶. В Поволжье упадок профсоюзов многие источники объясняли «красногвардейской атакой на капитал», после активной фазы которой часть предприятий свернули производство, что усилило безработицу и уронило авторитет профессиональных организаций⁸⁷. Дальше эта тенденция только усиливалась. Представитель весьма крупного по сибирским меркам Бийского совета профсоюзов сообщал в сентябре 1918 г. на Алтайском губернском съезде профсоюзов о том, что в их совете числится 15 тыс. участников, но членские взносы платят только 3 тыс.⁸⁸ Уплата членских взносов – важнейший показатель состояния профсоюзного движения – свидетельствует, что кризис начался задолго до падения советской власти в Сибири. Все это показывает невысокий уровень поддержки профсоюзных лидеров в среде, из которой они выдвинулись, и говорит об отсутствии у них оснований говорить от имени всех рабочих и служащих.

Повсеместный спад активности профсоюзного движения в Сибири во второй половине 1918 г. – начале 1919 г., сокращение численности союзов, массовый выход из них рабочих и

⁸¹ Вестник Самарского совета профессиональных союзов (Самара). 1918. № 1. С. 12; Наш путь (Тюмень). 1918. 26 дек.

⁸² Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах ... С. 73, 134.

⁸³ Народная мысль (Пермь). 1919. 7 июня.

⁸⁴ ГАНО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 31–33.

⁸⁵ Филимонов М.А. Профсоюзы и органы власти Башкирии в годы революций и Гражданской войны // Россия в годы революции и Гражданской войны: историко-правовой аспект: материалы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 34.

⁸⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 38. Л. 13; Д. 62. Л. 9. См. также: Голос рабочего (Уфа). 1918. 16 июля.

⁸⁷ Заря Поволжья. 1918. 18 июля; Народ (Самара). 1918. 12 сент.

⁸⁸ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об.

служащих представляется закономерным явлением. Точная статистика, фиксирующая масштабы этих процессов, весьма фрагментарна. Многие профсоюзы числились на бумаге, а на практике их правления не функционировали, взносы не собирались⁸⁹. По данным Иркутского губернского совета профсоюзов, в августе 1918 г. в Иркутской губернии в 32 профессиональных союзах насчитывалось 6407 членов, в сентябре – 6006, в октябре – 6016, в ноябре – 5316, в декабре – 3939, в январе 1919 г. – 2157. Поясняя ситуацию, комментаторы журнальной публикации указали, что произошло «списывание мертвых душ» – членов, которые лишь номинально с 1917 г. числились в союзах. В то же время полученные статистические данные не отражают объективную картину. Многие союзы перестали подавать сведения, и реальная численность в августе 1918 г. определялась авторами публикации в 7–8 тыс. чел., а в январе сократилась приблизительно до 5,8 тыс.⁹⁰ В подтверждение «антипрофсоюзной» политики контрреволюции историки приводили сведения о сокращении с начала 1918 до лета 1919 г. членов уральских профсоюзов металлистов и горняков с 125 тыс. чел. до 36 836 чел. Но при этом приводивший эти сведения П.С. Лучевников уточнял, что численность учтенных рабочих за это время сократилась до 20%⁹¹. Очевидно, что подобное, весьма пропорциональное сокращение числа членов профсоюзов в условиях остановки заводов летом 1919 г. – явление закономерное и никакого отношения к профсоюзной политике не имело.

Советские историки обвиняли антибольшевистские власти в массовом закрытии профсоюзов. Например, Г.С. Куцый писал, что во Владивостоке были закрыты все профсоюзы, кроме двух – служащих союза торгово-промышленных предприятий и земских служащих, находившихся под влиянием меньшевиков и эсеров и согласившихся сотрудничать с властями и регистрировать уставы⁹². Столь решительные утверждения даже не подкрепляются источниками. Между тем дальневосточная пресса пестрила сообщениями о работе профсоюзов, в том числе и организации ими забастовок. Да и сам автор обильно ее цитирует. Таким образом, сетования автора на гонения власти против профсоюзов выглядят неубедительно. Окончательно запутав читателя, на других страницах своей книги Г.С. Куцый привел сведения о том, что сразу после свержения советской власти во Владивостоке проявили себя 36 профсоюзов, а официально закрыли в августе за причастность к забастовке на транспорте 8 профсоюзов⁹³. В сентябре 1918 г. Центральное бюро профсоюзов Владивостока насчитывало представителей 18 союзов⁹⁴. Советские историко-партийные издания указывают на существование в 1919 г. 37 профсоюзов,

⁸⁹ Голос народа. 1918. 16 нояб.

⁹⁰ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 6–7. С. 5.

⁹¹ Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. Челябинск, 1958. С. 84.

⁹² Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967. С. 63.

⁹³ Там же. С. 75, 83.

⁹⁴ Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 15 сент.

объединенных в Центральное бюро, являвшееся легальным прикрытием большевистского руководства профсоюзным движением⁹⁵.

Ликвидация органов рабочего контроля и ограничение вмешательства профсоюзов в дела производства мотивировались стремлением правительства укрепить производственную дисциплину и контроль над политической ситуацией. Сколько бы советские и постсоветские историки ни писали о значительном демократическом потенциале, заложенном в этих институтах революционного творчества масс, мировая практика опровергает миф об их эффективности. Социальное взаимодействие на почве совместного управления производственным процессом со стороны работодателей и трудовых коллективов реализовалось только в форме кооператива. Но и тот смог успешно проявить себя исключительно на стадии относительного экономического роста. Недаром активный пропагандист этого метода Анри Файоль, описывая его преимущества в Европе, задавал риторический вопрос: «Но что же будет при конъюнктуре неблагоприятной?», — явно подразумевая, что подобные формы взаимодействия владельцев и работников станут просто невозможны⁹⁶. В российских же органах рабочего контроля элемент социального партнерства напрочь отсутствовал⁹⁷. Впрочем, как верно подметили В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева, в патерналистских общественных системах, каковой, безусловно, являлась и российская, в условиях слабости власти склонность к взаимному сотрудничеству падает⁹⁸.

Несмотря на явные гонения со стороны военных властей и судебных органов против многих активистов профсоюзного движения, опасных для государственности в условиях продолжавшейся Гражданской войны, профсоюзы и их объединения вели активную деятельность. Их работа освещена в сохранившейся документации, очень полно отражена в прессе. Совершенно безосновательно утверждение Е.Э. Казакова о том, что власти стремились ограничить профессиональную работу проведением спектаклей и сбором средств на благотворительные нужды⁹⁹. Об этом никогда не шла речь. На материалах Восточной Сибири В.А. Кучеряев убедительно показал, что в антибольшевистский период наблюдался спад в работе профсоюзов по сравнению с 1917 — первой половиной 1918 г. Но никаких попыток ликвидировать эти органы им не отмечено¹⁰⁰. Более того, ряд крупных профсоюзных организаций находился в состоянии хотя и весьма жесткой,

⁹⁵ Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971. С. 85; Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1900–1937). Хабаровск, 1982. С. 120.

⁹⁶ *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М., 1923. С. 29.

⁹⁷ Не удивительно, что в обстоятельном анализе опыта социально-партнерских отношений в России (см.: *Михеев В.А., Михеев Л.В.* Социальное партнерство: теория, политика, практика. М., 2003. С. 61–100) в двух отдельных главах подробно описано их становление в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) и функционирование советской модели в условиях нэпа (с 1921 г.). Правда, попытки развития институтов социального партнерства на территориях, контролируемых антибольшевистскими правительствами, авторы проигнорировали.

⁹⁸ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. С. 206.

⁹⁹ *Казаков Е.Э.* Из истории профсоюзного строительства Сибири до 1920 г. (1906–1919 гг.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX в. Новосибирск, 1994. С. 48.

¹⁰⁰ *Кучеряев В.А.* Деятельность большевиков в профсоюзах ... С. 73–74.

но конструктивной оппозиции к власти до весны 1919 г. Большинство же стало прикрытием нелегальной работы подпольщиков.

Многие профессиональные организации рабочих и служащих продолжали действовать, потеряв статус юридического лица. Историография, профсоюзные и советские источники отмечают случаи реквизиций помещений и имущества профсоюзов, арестов их руководителей, запреты собраний. Это связано с борьбой режима против политической оппозиции, но не с сознательной политической линией правительства на закрытие профсоюзов.

В Поволжье и на Урале центральные и местные органы труда активно взаимодействовали с профсоюзными и предпринимательскими организациями. Главное управление труда Временного областного правительства Урала подошло к мысли о целесообразности государственного посредничества в сфере социально-трудовых отношений. Ведомством осенью 1918 г. начал разрабатываться пакет законов, включая закон о 8-часовом рабочем дне, законы о страховании рабочих, о порядке увольнения, примирительных камерах и профсоюзов. Ни один из них до ликвидации правительства управление не успело представить на обсуждение¹⁰¹.

Временное Сибирское правительство изначально сделало ставку на создание государственных учреждений регулирования трудовых отношений. Четкая властная вертикаль в сфере трудового регулирования могла выстраиваться только постепенно. Буквально в первые после переворота дни в Томске и Барнауле комиссары труда Б.П. Юхневич и В.И. Шемелев были выдвинуты местными профсоюзами и вскоре утверждены министерством. Профсоюзные и рабочие организации пытались навязать Министерству труда принцип формирования аппарата снизу, путем выборов и выдвижений или как минимум согласования назначаемой кандидатуры с местными лидерами рабочих¹⁰². Этим объясняются протесты рабочих против назначения комиссарами труда М.М. Дорн-Михайленко в Новониколаевске, Лычагина в Омске, И. Протасова в Красноярске¹⁰³. При этом Лычагина по требованию Омского совета профсоюзов заменили 11 сентября 1918 г. Г.И. Торговицким¹⁰⁴. В конце 1918 г. Министерству труда удалось создать повсеместно сеть губернских и отчасти уездных комиссариатов, переименованных в 1919 г. в инспекции. Весной 1919 г. они действовали в 15 губерниях, в том числе имелись Пермская, Уральская, Приуральская, Амурская и Приморская инспекции. К губернским органам по значимости приравнялись Новониколаевская и Ленская инспекции труда¹⁰⁵.

¹⁰¹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 58–59.

¹⁰² ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 134. Л. 5; Д. 170. Л. 70–71; Новый алтайский луч (Барнаул). 1918. 29 сент.; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 31 июля; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири ... С. 316. Советское законодательство нормативно закрепило избрание инспекторов труда профсоюзными организациями (см.: Декрет СНК от 17 мая 1918 г. об учреждении инспекции труда, п. 3, 4 // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 280).

¹⁰³ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 85.

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 36.

Само допущение возможности нормальных отношений между рабочими и правительственными органами большинство советских историков считали эсеро-меньшевистской крамолой¹⁰⁶. Следует отметить, что почти все комиссары/инспекторы труда оказались лицами, близкими по своим политическим позициям к РСДРП. Они представляли собой самый левый фланг правительственной элиты. Хотя при колчаковском правительстве многие работники министерства подверглись репрессиям и даже расстрелам, ведомство продолжало оставаться под влиянием социал-демократов до падения Российского правительства и даже во времена Политцентра¹⁰⁷. Многим из представителей Министерства труда удалось наладить тесный контакт с местными профсоюзами. Они разделяли идею разрешения большинства трудовых конфликтов без забастовок, через трехсторонние переговоры между представителями рабочих и предпринимателей при посредничестве государства¹⁰⁸.

Такое взаимодействие пугало предпринимателей, с недоверием относившихся к попыткам ограничить их свободу принимать управленческие решения. Свое мнение в отношении бирж труда они высказали на Всероссийском съезде промышленности и торговли. Специальная резолюция об этом гласила: стороны трудовых отношений не должны иметь полную свободу заключать договоры как через посредничество бирж, так и минуя их, а работодатель не должен быть стеснен очередностью и рекомендациями биржи¹⁰⁹.

В то же время министр труда стремился привлечь и предпринимателей, и рабочих к выработке нового трудового законодательства. 13 июля 1918 г. министерство разослало всем рабочим организациям циркулярный запрос о взглядах профсоюзов на свое будущее правовое положение, с учетом которых предстояло выработать новое трудовое законодательство.

Некоторые деятели рабочего и профсоюзного движения быстро осознали невозможность сохранения органов рабочего контроля в прежнем виде. Они выступили за расширение функций профсоюзов¹¹⁰. Таково, например, требование производить увольнения только с согласия профсоюзов, а прием на работу – только через биржи труда¹¹¹. Но на конструктивное взаимодействие с властью нацеливались далеко не все организации работников и даже не большинство из них.

¹⁰⁶ Кадейкин В.А. Гражданская война в Сибири // Историография советской Сибири. Новосибирск, 1968. С. 70; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 16; Наумов В.П. Советская историческая литература о рабочем классе в годы гражданской войны // Из истории рабочего класса СССР. М., 1968. С. 134. См. также историографический обзор: Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1919 – первая половина 1930-х годов). Томск, 1974. С. 174–178.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 65. Л. 3; Д. 67. Л. 39 об.; Свободный край (Иркутск). 1920. 11 янв. См. также: Макаруч С.В. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири: тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 28–29.

¹⁰⁸ Рынков В.М. Деятельность Министерства труда Временного Сибирского правительства летом–осенью 1918 г. // История белой Сибири: тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 68.

¹⁰⁹ Уфимский торгово-промышленный вестник. 1918. № 24–25. С. 19.

¹¹⁰ Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири ... С. 264–267, 282, 311, 316.

¹¹¹ Жизнь Алтая. 1918. 11 июля; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири ... С. 316; Вестник Самарского совета профессиональных союзов. 1918. № 1. С. 16.

Фабрично-заводские комитеты не подчинялись постановлениям о денационализации предприятий и не соглашались передавать контроль и управление в руки администрации¹¹². Рабочие организации оказывали сопротивление передаче контроля над производством правительству и частным лицам в форме забастовок. Это становилось причиной частых трудовых конфликтов¹¹³. Типичным был ответ Томского губернского совета профсоюзов на запрос Министерства труда о взглядах на будущую организацию профсоюзов. В нем говорилось о необходимости воссоздать рабочий контроль над производством, избирать комиссаров труда только через рабочие организации, передать в их исключительное ведение биржи труда и больничные кассы, сохранить за профсоюзами право проверять делопроизводственную документацию предприятий¹¹⁴. В этом документе сквозит провокационно-конфронтационный настрой.

Исследователи справедливо отмечали, что летом–осенью 1918 г. конфликты нередко носили политический характер или экономические требования дополнялись политическими и рабочие настаивали на выполнении их в полном объеме. Наиболее распространенными условиями являлись освобождение заключенных, восстановление деятельности советов и органов рабочего контроля, предоставление профсоюзам права контролировать органы власти. Власти, наоборот, обычно категорически отвергали политические требования, но предпочитали искать варианты компромиссов в остальных случаях. Следовательно, даже в условиях глубочайшего экономического кризиса наиболее конфликтогенными оставались политические и идеологические вопросы. Однако подспудно в любом массовом конфликте, насколько бы он ни был политизирован, присутствовала и экономическая составляющая. При падении уровня реального вознаграждения рабочие считали морально оправданным ослабление интенсивности труда. «Достижения революции» позволяли им закрепить более низкий уровень трудовой дисциплины и этим компенсировать материальные потери. Вот почему они так твердо готовы были их защищать.

Детально изучая рабочее движение на востоке России в 1918 г., советские исследователи основное внимание уделяли партийной борьбе на рабочих и профсоюзных форумах и политическим выступлениям профсоюзных лидеров. Об этом свидетельствуют историографические обзоры¹¹⁵. Анализ современной литературы показывает, что ситуация осталась почти неизмен-

¹¹² Установление советской власти в Кузбассе ... С. 275–276.

¹¹³ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

¹¹⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1358. Л. 10.

¹¹⁵ См., например: *Кладова Н.В.* Новейшая советская историография рабочего класса Сибири периода гражданской войны и интервенции // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 86–88; *Кладова Н.В.* Становление советской историографии профсоюзного движения в Сибири в годы гражданской войны // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 121–131; *Кладова Н.В.* Основные направления и итоги советской историографии рабочего класса Сибири периода гражданской войны // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 28–30; *Кладова Н.В.* Сибирские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции. (Историография проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; *Кузнецова О.В.* Современная литература о профсоюзах Западной Сибири в период гражданской войны // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 88–90; *Плотникова М.Е.* Советская историография гражданской войны ... С. 164–182.

ной¹¹⁶. Хотя Э.И. Черняк справедливо отметил при этом, что партийное влияние на рабочее движение в антибольшевистский период заметно упало по сравнению с 1917 – первой половиной 1918 г. Политические требования формулировались политизированной верхушкой рабочего движения, а главным побудительным мотивом широкого участия рядовых рабочих в протестном движении оставались экономические интересы. В 1919 г. явные политические требования стали редкостью.

Получалось, что историки настойчиво анализировали нисходящую линию развития рабочего движения, игнорируя доминировавшую и усиливавшуюся в тот период прагматическую тенденцию в действиях рабочих. Хотя и этому нашли объяснение: у руля профсоюзов осенью 1918 г. оказались мелкобуржуазные лидеры, поставившие свои организации под полицейский надзор. Истинное рабочее движение олицетворяли не формальные лидеры, а ушедшие в подполье большевики. Такие утверждения шли от участников подполья, претендовавших на представительство всего рабочего класса. Мифология большевиков-современников определила и мифологию советских исследователей¹¹⁷.

Большинство профсоюзных организаций оказалось в положении непримиримой оппозиции. Отдельные профсоюзные функционеры, сохраняя оппозиционный настрой, согласились на сотрудничество с Министерством труда в решении рабочего вопроса. Важно и то, что многие профсоюзные лидеры не поддерживали экстремизм рабочих. Новониколаевские профсоюзы в сентябре 1918 г. осудили забастовочное движение в городе, так как экономические требования бастовавших рабочих были рассмотрены в примирительной камере и удовлетворены¹¹⁸. Перелом в позиции части профсоюзных лидеров произошел во многом благодаря активной деятельности местных комиссариатов труда в губернских и некоторых уездных центрах. И все же наметилась тревожная тенденция. По мере того, как правительство привлекало к конструктивному диалогу некоторых профсоюзных лидеров, они теряли популярность в рабочей среде и, соответственно, влияние на нее, т.е. собственно те качества, ради которых власти был нужен этот диалог. Склонность части рабочих к экстремизму приводила к появлению двух представительных органов рабочих одновременно. В большинстве случаев это выразилось в создании стачечных комитетов, параллельных профсоюзам. Например, железнодорожники Транссибирской магистрали в

¹¹⁶ Семенова Н.М. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 65–78; Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 79–95; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 51–62; Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 122–134; Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2001. С. 139–148.

¹¹⁷ Кадейкин В.А. Рост классового сознания сибирского пролетариата в период «демократической» контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1966. Вып. 2. С. 28–59; Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири ... С. 87.

¹¹⁸ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 9 сент.; Новый алтайский луч. 1918. 6 сент.

октябре 1918 г. создали особые органы руководства забастовкой¹¹⁹. Во Владивостокском порту наряду с союзом моряков действовал Центральный объединенный комитет рабочих и служащих Добровольного флота¹²⁰.

Между тем почва для сотрудничества правительственных органов и профессиональных организаций имела. Власти поддерживали давнюю программную установку умеренных социалистов и либералов – создание примирительных камер с участием представителей от нанимателей и работников для разрешения трудовых конфликтов. Сеть таких учреждений, созданных на основе законодательства Временного правительства, действовала с лета–осени 1917 г. Большую роль примирительным камерам отводил Комуч. Ведомство труда во взаимодействии с профсоюзами разработало примерный устав примирительной камеры. На его основании открыла работу Самарская губернская центральная примирительная камера. Важнейшим принципом стало паритетное формирование с равным представительством рабочих и работодателей¹²¹. Уральские общественные организации активно занялись адаптацией общероссийского закона для местных условий. По оценкам исследователей, там, где примирительные камеры заработали на паритетных началах, они смягчали накал трудовых конфликтов, а где паритетный принцип был нарушен – деятельность камер себя не оправдала. Наиболее ярко данный тезис подтверждается положением камер на Южном Урале¹²². Впрочем, примеры в других регионах не дают основания для столь однозначных суждений. К лету 1918 г. рабочие имели достаточный опыт прямого давления на предпринимателей и администрацию, научились обходиться без согласовательных процедур¹²³. Примирительные камеры должны были регулироваться законом Временного правительства от 5 августа 1917 г.¹²⁴, но при советской власти далеко ушли за правовые рамки. После антибольшевистского переворота примирительные камеры воссоздали, попытались вернуть в правовое русло и даже расширить их число. Уральские примирительные камеры в первой половине 1918 г. рассмотрели около 100 трудовых конфликтов, а всего местные органы Министерства

¹¹⁹ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 107–109; Профсоюзы железнодорожников Западной Сибири: исторические хроники, традиции, современность. Новосибирск, 2008. С. 78–79.

¹²⁰ *Бянкин В.П.* Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С. 164.

¹²¹ Вестник Уфимского союза профессиональных союзов. 1918. № 1. С. 10–12.

¹²² *Буданов А.В.* Создание и первые шаги примирительных камер на Южном Урале в 1917–1918 гг. // Государственная и муниципальная служба в условиях формирования гражданского общества и рыночной экономики: опыт, проблемы, перспективы: материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2005. Ч. I. С. 40–45; *Абрамовский А.П., Буданов А.В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 47–56; *Фельдман М.А.* Заметки о социальной политике Временного правительства в сфере трудовых отношений летом–осенью 1917 г. // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 3. С. 10–12; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Власть и рабочие Урала в 1917 г.: очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011. С. 112–113.

¹²³ *Щапова Л.В.* Рабочий контроль в Восточной Сибири накануне Октябрьской революции // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 75.

¹²⁴ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2004. Т. 3: Июль–август 1917 года. С. 237–239 (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. IX).

труда участвовали в урегулировании 486 трудовых конфликтов¹²⁵. Но, вероятно, эти сведения неполны. Челябинская примирительная камера за 1918 г. на 69 заседаниях рассмотрела 355 трудовых конфликтов. Причем в пользу рабочих вынесла 247 постановлений, в пользу предпринимателей – 61, и 47 не получили разрешения¹²⁶. Источник не отделяет решения советского и антибольшевистского периодов. Зато А.В. Буданов уточнил, что с 18 июня 1918 г. заседания Челябинской примирительной камеры стали ежедневными, а иногда проводились дневные заседания дополнительно к вечерним. Причем в заседаниях принимали участие рабочие и предприниматели на паритетных началах¹²⁷. Вероятно, автор преувеличил успешность деятельности примирительных учреждений, опираясь лишь на челябинский пример. В Златоусте и Троицке примирительные камеры не были организованы из-за отказа работодателей в них участвовать¹²⁸. В Тюмени постоянные примирительные камеры осенью 1918 г. работали на фабрике В.И. Логинова и заводе Н.Д. Мушарова¹²⁹. На других предприятиях их создавали с большим трудом в связи с крупными конфликтами, как, например, на лесопильном заводе городской управы¹³⁰. Центральное бюро профсоюзов призывало создать их на всех крупных и средних предприятиях и объединить под руководством центральной примирительной камеры, но сетовало, что воплощение идеи задерживается ввиду отсутствия государственных кредитов.

По-видимому количество примирительных камер и интенсивность их работы отличались в разных промышленных центрах. Недаром примирительная камера Иркутска, где происходили сложнейшие и затяжные конфликты нанимателей и работников, зарегистрировала в январе 1919 г. только три обращения¹³¹. В Новониколаевске с 22 июля по 27 ноября 1918 г. заседала комиссия по организации городской примирительной камеры на новых условиях, приемлемых для рабочих и работодателей. В ожесточенных дискуссиях сторон она провела девять заседаний, с большим трудом выработала устав. Но на последнем заседании представитель Биржевого комитета выступил от имени предпринимателей с заявлением, что они отказываются признавать вновь образуемое учреждение¹³². В небольших городах, например, в Енисейске, примирительная камера, открытая 10 октября 1918 г. губернским комиссаром труда И. Протасовым, разбирала, судя по газетным отчетам, большую часть городских трудовых конфликтов¹³³.

¹²⁵ Дмитриев Н.И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака // История «белой» Сибири: тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 110.

¹²⁶ Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

¹²⁷ Буданов А.В. Материалы ОГАЧО о работе примирительной камеры при Совете профессиональных союзов Челябинского района в 1918–1919 гг. // Архивное дело в Челябинской области. Челябинск, 2006. Ч. II. С. 72.

¹²⁸ Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

¹²⁹ Наш путь (Тюмень). 1918. 3 дек.

¹³⁰ Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 266–267.

¹³¹ Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 14.

¹³² Народная Сибирь. 1918. 22 дек.

¹³³ Новый путь (Енисейск). 1918. 19 окт., 30 нояб.

В советской историографии сложилось представление, что примирительные камеры – это механизм, с помощью которого буржуазия, опираясь на правительство, пыталась обуздать рабочее движение¹³⁴. Вопреки этому утверждению на востоке России именно предприниматели чаще уклонялись от обращения в примирительные камеры¹³⁵. Совет управляющих ведомствами Комуча на финальной стадии своей деятельности, находясь в Уфе, продемонстрировал решительный и жесткий вариант государственного посредничества в рассмотрении трудовых конфликтов. В соответствии с принятым 26 октября 1918 г. «Положением о третейском суде» такие суды состояли из двух представителей от конфликтующих сторон и избранного ими супер-арбитра. Если они не избирали суперарбитра в трехдневный срок, то его назначал губернский отдел ведомства труда. Решения судов являлись обязательными для исполнения обеими сторонами¹³⁶. Впрочем, следует отметить, что данный прием едва ли был спонтанным решением проблемы. Он вполне соответствовал мировому опыту. Напомним, что поводом к принятию положения послужил запрет забастовок военными властями. Именно в ситуации запрета забастовок принято прибегать к принудительному арбитражу¹³⁷.

В Сибири власть воспринимала примирительные камеры как институт ограничения произвола частных предпринимателей. Не случайно, когда 2 августа 1918 г. Л.И. Шумиловский представил Совету министров Временного Сибирского правительства проект временного положения о примирительных камерах, коллегиальный правительственный орган поручил управляющему Министерством труда отделить друг от друга вопросы о создании примирительных камер на государственных и частных предприятиях. В первую очередь, Л.И. Шумиловскому рекомендовали рассмотреть пути урегулирования отношений рабочих и частных предпринимателей, как наиболее острых¹³⁸. Косвенно это свидетельствовало о готовности правительства совместно с представителями рабочих заставить частных работодателей идти на компромиссы со своими работниками. Но оно не желало связывать себя в отношениях с собственными рабочими и служащими. Организации, представлявшие нанимателей и наемных работников, периодически высказывали свое мнение о необходимости более четкого закрепления правового статуса примирительных камер. При этом оба фланга оказались единодушны в том, что решения этих учреждений не должны являться обязательными ни для одной из сторон. Профсоюзы настаивали на государственном финансировании работы примирительных камер¹³⁹.

¹³⁴ *Кирюшина В.И.* Политика Временного правительства по рабочему вопросу (март–октябрь 1917 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 16–17.

¹³⁵ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 134. Л. 9; Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 23 нояб.; Рабочее утро. 1918. 15, 20 сент.; Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

¹³⁶ ЦГА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. 145.

¹³⁷ См.: *Швиттау Г.Г.* Промышленные конфликты (Экономическое исследование в области политики труда на Западе). СПб., 1911. С. 375.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 91–91 об.

¹³⁹ Колчаковщина на Урале ... С. 127–128.

В сложившихся условиях социальной конфронтации законодательная инициатива Министерства труда дорабатывалась очень медленно. Законопроект был представлен в Совет министров 29 апреля 1919 г. В одном акте предлагалось урегулировать деятельность примирительных камер и третейских судов. Решения камеры считались обязательными к исполнению, если это было предусмотрено уставом данной камеры или если стороны договорились об этом специально. В рамках гражданского законодательства можно добиваться исполнения решения третейских судов через суды общей юрисдикции¹⁴⁰. Летом 1919 г. газеты сообщили детали проекта о примирительных камерах. Министерство труда собиралось сформировать сеть государственных камер при губернских, уездных и участковых инспекторах труда и под их председательством. Они должны были финансироваться из государственного бюджета, созываться на основе равного представительства сторон. Предполагался запрет на увольнение рабочих, участников камеры, без санкции ее председателя. Разрешались и частные примирительные камеры – профсоюзные, муниципальные или созданные на предприятиях и в учреждениях. Они обязаны были регистрироваться у инспекторов труда¹⁴¹. Здесь также можно отметить попытку обобщить мировой опыт посредничества в трудовых конфликтах, отобрав из него все лучшее, прошедшее в других странах испытание временем¹⁴². Но в действительности, получив серьезные возражения на свой законопроект от других министерств и юрисконсультской части Совета министров, Министерство труда 21 июня 1919 г. отозвало его¹⁴³.

Готовясь к принятию нового закона, Министерство труда предприняло сбор первичной информации о трудовых конфликтах. В конце 1918 – 1919 г. комиссары/инспекторы труда стали отсылать сведения о трудовых конфликтах в министерство. Этот уникальный вид источников еще ждет своего исследователя. Тем не менее даже из отдельных сводок можно сделать некоторые выводы. Правительственные органы активно регистрировали мельчайшие конфликты, хотя, вероятнее всего, значительная часть конфликтных ситуаций оставалась вне учета. Жизнь опровергала сложившиеся стереотипы. В большинство учтенных конфликтов были вовлечены государственные и общественные предприятия и учреждения, а не частные. Кооперативы и земства на востоке России оказались стойкими противниками повышения заработной платы рабочим своих предприятий. Нередко именно они отказывались давать расчет в соответствии с действующим законодательством, сокращали причитающиеся увольняемым рабочим выплаты¹⁴⁴. Не случайно, как отмечал министр внутренних дел В.Н. Пепеляев в докладе Совету министров «Профессиональное движение Сибири и Урала», существовала отчужденность между профсоюзами и

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1617. Л. 2, 4–18.

¹⁴¹ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 27 июля; Алтайский вестник. 1919. 12 авг.

¹⁴² *Швиттау Г.Г.* Промышленные конфликты. С. 359–459.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1617. Л. 33.

¹⁴⁴ Курганская свободная мысль. 1918. 24 июня (7 июля).

кооперативами, которые, несмотря на социалистические воззрения большинства руководителей, жестко препятствовали стачкам¹⁴⁵.

Частные наниматели, напротив, достаточно часто вынуждены были повышать расценки на труд, столкнувшись с забастовкой, что подтверждается и информацией, помещенной в периодической печати. Судя по всему, они проявляли упорство только в том случае, когда исполнение требований работников сулило неминуемое разорение. Крупные конфликты подчас удавалось предупредить путем создания тарифных комиссий на паритетных началах из рабочих и администрации предприятий при посредничестве Министерства труда¹⁴⁶.

Интересна и статистика массовости трудовых конфликтов. Если верить статистической сводке данных, полученной Томской губернской инспекцией труда за март 1919 г., в 90% конфликтов участвовало 1–2 работника. Речь шла о неверном начислении пособий и зарплаты, спорных увольнениях, заштатных или увольнительных вознаграждениях. Примерно 1/6 из них разрешалась в примирительных камерах¹⁴⁷. В сравнении с 1917 г. ситуация практически не изменилась¹⁴⁸. В Ново-Николаевске с 19 июля по 9 ноября 1918 г. уездный комиссариат труда смог привести к соглашению сторон дела в 25 случаях, разрешил окончательно своим решением – в 63, отложил из-за неявки одной из сторон – в 11 и передал в суд 13 дел¹⁴⁹.

Советская историография сосредоточила свое внимание на экстремальных формах трудовых конфликтов – стачках и забастовках. Их действительно было немало. Однако упомянутая статистика показывает очевидную вещь – подавляющая часть трудовых конфликтов носила обыденный и рутинный характер, была лишена всякого политического подтекста. Тем не менее государственные органы пытались воздействовать и на эту часть трудовых отношений, достигали некоторых скромных результатов, что нельзя не отметить. Отечественные исследователи предпочитали игнорировать это явление, ограничиваясь изучением крупных забастовок. Следует иметь в виду и другой важный исследовательский принцип предшественников, приведший к искажению реальной картины забастовочного движения в отечественной историографии советского периода. Несмотря на крайнюю политизацию рабочих, подавляющее большинство забастовок носило экономический характер, чего историки признавать не хотели. Н.М. Семенова, например, утверждала, что периодическая печать всегда более подробно освещала экономические забастовки, а реальную политическую подоплеку трудовых конфликтов умалчивала¹⁵⁰. Это

¹⁴⁵ Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010. С. 312.

¹⁴⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 5–6.

¹⁴⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 94.

¹⁴⁸ Дробченко В.А., Бляхман Б.Я. Трудовое законодательство Временного правительства и его реализация в Сибири // Вестник филиала Кемеровского государственного университета в Анжеро-Судженске. Томск, 2004. Вып. 3: Гуманитарные науки. С. 94–95.

¹⁴⁹ Народная Сибирь. 1918. 3 дек.

¹⁵⁰ Семенова Н.М. Сибирская периодическая печать ... С. 70.

едва ли верно. Пресса была внимательна ко всяким трудовым конфликтам, и даже проправительственные издания достаточно детально информировали читателей о случаях выдвижения политических требований. Справедливее сделать противоположный вывод. Многим конфликтам экономического характера сначала мемуаристы 1920–1930-х гг., а потом исследователи искусственно придали политический характер. Советские историки считали информацию партийного происхождения достовернее оперативного делопроизводства и информационных материалов прессы. Это говорит о необходимости осторожного использования сведений советской историографии.

Практически обойден вниманием историков завершающий период Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Отчасти это связано с тем, что деятельность органов власти и управления на востоке России в 1920–1922 гг. не стала новым этапом в эволюции форм взаимоотношений власти и рабочих организаций. События развивались слишком стремительно и не позволили умеренным социалистам, находившимся у власти, воплотить в жизнь идеи реформирования социально-трудовой сферы. Но и попытки преобразований заслуживают внимания, так как отражали еще одну, неколчаковскую альтернативу советскому варианту решения рабочего вопроса.

В начале 1920 г. громко заявило о себе ведомство труда иркутского Политцентра, провозгласившее, что им уже подготовлены законопроекты, призванные радикально улучшить положение трудящихся: о передаче страховых учреждений в управление рабочих с переложением всех расходов по их содержанию на плечи нанимателей, расширении круга страхуемых, введении прожиточного минимума¹⁵¹. Но в действительности Политцентр не предложил ничего нового: проекты упомянутых преобразований были разработаны сибирскими профсоюзными организациями еще осенью 1918 г. Ведомство труда лишь подтвердило намерение следовать готовым рецептам, но не поставило вопрос о том, как их воплотить в жизнь. На практике социалистическому правительству пришлось решать совершенно другие вопросы, не предусмотренные заранее.

После антиколчаковского переворота в Приморье в рабочих коллективах наибольшим авторитетом пользовались коммунисты. Воспользовавшись слабостью Временного правительства – Приморской областной земской управы, они взяли курс на восстановление мощных профсоюзных объединений. Так, в начале февраля 1920 г. удалось воссоздать Центральные бюро профсоюзов Владивостока и Никольск-Уссурийска. Осмелевшие профсоюзные организации, как в 1918 г., потребовали право контролировать наем и увольнение сотрудников, приступили к восстановлению фабрично-заводских комитетов. Профсоюзные форумы разного уровня,

¹⁵¹ Берснева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр», ноябрь 1919 – январь 1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 112.

проводившиеся в Приморье с февраля по июнь 1920 г. очень часто, требовали ввести нормы защиты наемных работников, основанные на советских декретах.

Проходившая во Владивостоке 4–7 марта 1920 г. городская профсоюзная конференция провозгласила курс на восстановление рабочего контроля. К этому времени во Владивостоке уже имелось 9 заводских комитетов¹⁵². Конференция приняла Положение о заводских комитетах Владивостока и его окрестностей. Такие комитеты учреждались на крупных предприятиях. На казенных они выполняли административно-хозяйственные функции, на частных – контролировали все действия администрации. На предприятиях с числом работников менее 100 функции комитетов выполняли сами работники через выборного представителя. Заводские комитеты получали право принимать и распределять заказы, осуществлять закупки сырья для предприятия¹⁵³. Всего за 1920 г. в одном только Владивостоке образовалось 124 фабрично-заводских комитета, рабочие крупнейших предприятий взяли под свой контроль управление производством¹⁵⁴. А Главный дорожный комитет Уссурийской железной дороги даже взял управление дорогой в свои руки, восстановив принципы рабочего контроля¹⁵⁵. Имевшие меньшее влияние дорожные профсоюзы полусы отчуждения КВЖД безрезультатно боролись с правлением дороги за выполнение тех же требований – контроль за наймом и увольнением совместно с администрацией, установление тарифов на основе прожиточного минимума, оплата по прежним ставкам освобожденным работникам профсоюза¹⁵⁶.

Конец усилению профсоюзных организаций положило вооруженное выступление японских интервентов 3–5 апреля 1920 г., а приход к власти Временного приамурского правительства отмечен попыткой восстановить дореволюционные ограничения деятельности профсоюзов. 26 мая 1921 г. вставший во главе Уссурийской железной дороги инженер А.Ф. Кацienко упразднил институт союзных уполномоченных, исключил вмешательство профессиональных железнодорожных организаций в управление дороги¹⁵⁷. Летом 1921 г. сторонники установления советской власти призвали рабочих к всеобщей политической забастовке. Во Владивостоке для ее проведения сформировали Центральный стачечный комитет, который, правда, смог привлечь к участию в забастовке только около тысячи рабочих. В первых числах августа забастовку прекратили

¹⁵² Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение на Дальнем Востоке и в Забайкалье в период существования Дальневосточной республики: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1969. С. 170, 175.

¹⁵³ Красное знамя (Владивосток). 1920. 16 марта. Приложение.

¹⁵⁴ Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение ... С. 180–181.

¹⁵⁵ Бюллетень военного набата (Владивосток). 1920. 4 февр.; Бюллетень информационного отдела Объединенного оперативного штаба военно-революционных организаций (Владивосток). 1920. 4 февр.; Красное знамя (Владивосток). 1920. 16 марта; Гнатовская Е.Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1991. С. 183–184.

¹⁵⁶ Еженедельник (Харбин). 1921. № 1. С. 13; № 2. С. 11–12; № 4. С. 7; № 5. С. 3; Рабочая мысль (Харбин). 1921. № 5. С. 9.

¹⁵⁷ Гнатовская Е.Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции ... С. 243–244.

жесткими методами: увольнениями, арестами, организованной доставкой штрейкбрехеров – китайских рабочих и каппелевцев¹⁵⁸.

В Советской России, где поводов для протестов у рабочих было не меньше, чем в лагере контрреволюции, профсоюзы быстро утратили роль представителя интересов работника перед работодателями и защитника перед произволом администрации предприятий и учреждений. Они превратились в организацию, принудительно объединявшую в своих рядах все официально занятое в индустриальном секторе население, включая кустарей¹⁵⁹. Главной задачей советских профсоюзов стала не защита интересов трудящихся, а организация производственного процесса. Многочисленные протестные акции рабочих против власти были организованы другими институтами – оппозиционными большевикам партиями, собраниями уполномоченных заводов и фабрик – либо возникали совершенно спонтанно. Лишение профсоюзов как важного института трудовых отношений его прямых функций вело к архаизации протестов, будило потестарные формы самоорганизации пролетариев¹⁶⁰.

Актуальной задачей является сравнение интенсивности трудовых конфликтов в широком хронологическом диапазоне. Иначе утверждение советской историографии о забастовочном буме при «белых» остается голословным. К сожалению, сравнительный анализ динамики и специфики трудовых конфликтов дореволюционного, советского и антибольшевистского режимов едва ли возможно осуществить в силу совершенно разной методики подсчета параметров¹⁶¹.

* * *

Важнейшим социальным ресурсом является уровень готовности к социальному партнерству и классовое самосознание. Российское общество, работодатели и наемные работники испытывали острый дефицит первого из этих качеств. Начавшийся в период Первой мировой войны процесс размывания рабочего класса усилился в годы революции и Гражданской войны, сопровождался люмпенизацией части пролетариата. Это сократило базу для сохранения элементов патриархального патернализма в трудовых отношениях, но не создавало условий для замены его партнерскими связями¹⁶². Поэтому все усилия государства по налаживанию диалога не дали

¹⁵⁸ Россия (Харбин). 1921. 2 авг.; Голос рабочего (Владивосток). 1921. 4, 6 авг.; Очерки истории дальневосточных организаций КПСС. С. 168–169. Известно, что власти и раньше предпочитали обращаться к китайцам, нанимая их нелегально выполнять неквалифицированные работы на железных дорогах Приморья (см.: *Кессель Ж.* Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. Владивосток, 2012. С. 87.)

¹⁵⁹ *Гимпельсон Е.Г.* Советский рабочий класс 1918–1920 гг.: социально-политические изменения. М., 1974. С. 215.

¹⁶⁰ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных заводов и фабрик: документы и материалы / сост., авт. вступ. ст. и прим. Д.Б. Павлов. М., 2006; *Аксютин Ю.В.* Послеоктябрьское похмелье гегемона: рабочий класс и политические партии России в первый год советской власти (ноябрь 1917 – конец 1918 г.). М., 2013. С. 170–191, 244–290.

¹⁶¹ Например, в 1916 г. на территории России учтено 1286 забастовок, а в 1918 г. на советской территории – только 36 (см.: *Иозефович С.* Конфликты в области труда // Наемный труд в России. М., 1927. Ч. 1. С. 152, 158).

¹⁶² *Темницкий А.Л.* Ориентация рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социс. 2004. № 6. С. 28.

практически никаких результатов. Низкий уровень социального партнерства восполнялся классовой солидарностью. Лишь у рабочих степень ее развития была достаточно высока. Будучи по своему социальному происхождению в основной массе полупролетариями, тесно связанными с деревней, они тем не менее оказывали мощное давление на государство и работодателей, выиграв большинство трудовых конфликтов и заставив пойти на уступки. Напротив, предприниматели не обладали этим качеством и не смогли удержать свои позиции, вопреки расхожему мнению о буржуазном характере власти антибольшевистских правительств.

4.2. Регулирование рынка труда

В годы Первой мировой войны российский рынок труда серьезно лихорадило из-за мобилизаций и беженства, но в целом спрос на труд превышал предложение, что обусловило относительно высокий уровень заработной платы на предприятиях промышленности и транспорта. Массовая демобилизация из армии, начало закрытия предприятий осенью 1917 г. и в начале 1918 г. усугубили ситуацию на рынке труда. Статистика зафиксировала серьезный рост безработицы. Трагизм хозяйственной ситуации заключался в наличии огромного числа формально трудоустроенных рабочих, не занятых никакой производственной деятельностью ввиду отсутствия сырья или средств у владельцев¹⁶³. Объективно назревали предпосылки для падения реальной заработной платы и диктата работодателей в сфере трудоустройства¹⁶⁴.

В связи с этим все общественные силы выступали за резкое ужесточение правил найма и увольнения работников. Установление советской власти внесло существенные коррективы в регулирование рынка рабочей силы, главным образом в смысле воплощения идей усиления контроля. Современная исследовательница Л.В. Борисова приходит к справедливому заключению, что рост безработицы в стране вызывался не только воздействием на экономику революционных событий и войны, но и непродуманностью, некомпетентностью решений советской власти. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при острой безработице одновременно усилился и дефицит рабочих рук на действовавших предприятиях¹⁶⁵. Советский декрет от 24 декабря 1917 г. об обязательном страховании от безработицы за счет предпринимателей и Положение о биржах труда, установившее обязательный наем работников через биржу, не смогли переломить ситуацию в лучшую сторону¹⁶⁶. Хотя исследователи не обделяли вниманием положение рабочего класса и ввели в научный оборот ряд фактов, относящихся к интересующей нас сфере, экономические процессы на востоке России в период Гражданской войны с точки зрения регулирования рынка

¹⁶³ Шер В.В. Состояние рабочего рынка и перспективы безработицы // Вопросы безработицы. М., 1918. С. 21–23.

¹⁶⁴ Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 2. С. 128–149, 170–196.

¹⁶⁵ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 23–24.

¹⁶⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 200–205, 424–426.

труда рассматривал только В.В. Минаев, отметивший такие факторы его ухудшения, как беженство и наплыв «желтых» мигрантов¹⁶⁷.

Ситуация в социально-трудовой сфере разных регионов, вышедших из-под контроля советской власти на востоке России, была схожей по основным параметрам: повсеместный спад производства вел к сокращению занятости, падению реальной заработной платы. Политика советской власти первых месяцев, именуемая «красногвардейской атакой на капитал», вела к искусственному сдерживанию сокращения штата работников, а всеилие профсоюзов позволяло держать зарплаты в среднем выше уровня рентабельности, только оттягивая окончательный крах некоторых производств и радикальное избавление от излишней рабочей силы для других. Действительно серьезным фактором ухудшения положения оказалась демобилизация старой армии, обернувшаяся дополнительным предложением рабочих рук на рынке труда.

Антибольшевистские правительства по-разному реагировали на стоявшие перед ними проблемы. Ведомство труда Комуча приказами № 88 и 89 от 7 июля 1918 г. запретило локауты и сохранило все советские правила найма и увольнения¹⁶⁸. В условиях спада промышленного производства это плохо согласовывалось с реальностью. Поэтому на Среднем Поволжье администрация предприятий и учреждений оказалась в правовом вакууме. Шло массовое закрытие нерентабельных предприятий, которое советские исследователи успешно выдавали за изощренные методы борьбы предпринимателей против рабочего движения¹⁶⁹. Р.И. Кроль упомянула о попытке Комуча рассчитать рабочих Сергиевского завода взрывчатых веществ как пример расправы над рабочими. Остановила необходимость уплатить долг по зарплате в полмиллиона рублей¹⁷⁰. В действительности решение о закрытии завода и расчете его рабочих было принято еще ВСНХ 23 мая 1918 г. в связи с признанием завода бесполезным ввиду демилитаризации промышленности¹⁷¹. Следует уточнить, что вопрос о судьбе заводов возник на заседании Комуча еще 26 июня 1918 г. Главной причиной срочного решения вопроса в тот период стали большевистские настроения рабочих, необходимость «в кратчайший срок очистить заводской район от большевистских и преступных элементов». 10 июня было принято решение о выселении всех рабочих

¹⁶⁷ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 6–22. Заметим, что борьба профессиональных союзов против труда мигрантов, заключенных и других форм дешевого труда – общемировая практика (см. об этом: Эренберг Р. Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М., 1996. С. 516).

¹⁶⁸ Приказы Комуча. С. 57–58; Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 2. С. 157–158; Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 181–182; Троцкий В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. II. С. 136; Под знаменем Комуча ... С. 267–268.

¹⁶⁹ Кроль Р.И. Комуч и приход к власти Колчака: дис. ... канд. ист. наук. Б.м., 1949. С. 71–73; Гармиза В.В. Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с Самарской учредилкой // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 35–36; Бубнов А.А. Профсоюзы Среднего Поволжья в годы гражданской войны (по материалам бывших Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1975. С. 43.

¹⁷⁰ Кроль Р.И. Комуч и приход к власти Колчака. С. 33–34.

¹⁷¹ Советское военно-промышленное производство. 1918–1926 гг.: сб. документов. М., 2005. С. 46–47.

с завода с уплатой им вперед месячного содержания и обеспечения бесплатного проезда до нового места службы, а 25 июля Комуч дал распоряжение ведомству финансов обеспечить финансирование 1,5 млн руб. на ликвидацию Иващенковских заводов¹⁷². На следующий день Финансовый совет при Комуче выделил 2 млн руб. для расчета в течение недели с соблюдением всех законных норм выдачи расчета¹⁷³. Следовательно, Комуч лишь продолжил начатое при советской власти дело по ликвидации комплекса военных заводов в пос. Иващенко. 6 августа Комуч вынужден был пойти на ликвидацию двух сахарных заводов Тимашевского и Богатовского ввиду отсутствия на них сырья. Процедура протекала в рамках действовавшего законодательства с предварительным предупреждением рабочих и полным расчетом¹⁷⁴.

Одним из жестких требований рабочих организаций, категорически не поддержанным государственной властью, стало право профсоюзов утверждать прием и увольнение рабочих¹⁷⁵. Сибирские профсоюзы требовали установить трех и шестимесячное выходное пособие при увольнении, несмотря на то, что даже советское законодательство устанавливало только полуторамесячные выплаты¹⁷⁶.

Иногда профсоюзы вырабатывали весьма гибкие и социально ориентированные, хотя и не лишённые налета идеологической ангажированности, правила увольнений. Например, делегатское собрание служащих, мастеровых и рабочих профсоюза Томской железной дороги, рассмотрев вопрос администрации о необходимости произвести сокращение штатов, предложила производить таковое комиссией из представителей администрации и профсоюза. При этом руководствоваться правилами, в соответствии с которыми первоочередные кандидаты на увольнение – те, кто имеет доходы от недвижимости, во вторую очередь увольнять тех, у кого служит еще один член семьи¹⁷⁷. Еще более сложный вариант предлагали железнодорожники Поволжья. Проходивший 2–18 августа 1918 г. делегатский съезд рабочих и служащих Самара-Златоустовской железной дороги согласился с предложением администрации произвести сокращение штатов. Но при этом съезд разработал очередность увольнения, которому подлежали в первую очередь бывшие жандармы и полицейские, во вторую – поступившие на железные дороги во время войны с целью уклонения от воинской повинности, в третью – имеющие дополнительный доход от занятия сельским хозяйством или иные побочные заработки, в четвертую – имеющие родственников,

¹⁷² Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 31, 42; *Троцкий В.* Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Т. II. С. 139; Под знаменем Комуча ... С. 231.

¹⁷³ Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 314–315.

¹⁷⁴ Там же. С. 335. (Так в источнике. В действительности известен казенный Тимошевский сахарный и Богатовский мукомольный завод).

¹⁷⁵ Алтайский луч. 1918. 25 июля; Рабочее знамя (Томск). 1918. 21 июля.

¹⁷⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 166. Л. 21.

¹⁷⁷ Там же. Д. 169. Л. 48. Принуждать предпринимателей при увольнениях к выплате пособий большего размера, чем предусматривало даже советское законодательство – широко распространенная практика местных органов власти (см., например: там же. Д. 166. Л. 68).

работающих на железной дороге, и в пятую – подростков, не сирот¹⁷⁸. Важно, что профсоюз принял эти правила к исполнению, не усомнившись в своем праве диктовать администрации порядок решения кадровых вопросов.

В Поволжье летом 1918 г. не предприниматели и правительство, а пролетарские организации сохранили за собой право определять состояние рынка труда. Так, в Сызрани даже завязался спор между биржей труда и профессиональными союзами из-за того, кому из них принадлежит право уволить всех рабочих, нанятых предпринимателями помимо биржи труда¹⁷⁹.

В других местах в первые недели после свержения советской власти также сказывалась привычка решать кадровые вопросы революционным путем. Организационный комитет гражданской власти Златоуста (орган переходного времени, действовавший до присылки уездного комиссара) 10 июля 1918 г. разобрал конфликт на заводе Е.Г. Пролубникова. Рабочие завода на общем собрании коллектива приняли решение об увольнении нескольких неугодных служащих. Владелец завода уволил без расчета активистов этого собрания. Орган власти поддержал действия владельца, но настоял на необходимости выплатить уволенным выходные пособия¹⁸⁰.

Особый порядок сокращения штатов в связи с деятельностью свергнутой власти в законодательстве впервые предусмотрели в Сибири. Если обычных увольняемых следовало предупреждать за две недели, то для служащих учреждений, созданных специально в интересах советской власти, предупреждением по решению Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. считался день антибольшевистского переворота¹⁸¹. О решении 23 июня 1918 г. уведомили все учреждения специальным циркуляром¹⁸². В принятом 28 июня постановлении уточнялось, что служащие таких учреждений вообще считаются распущенными со дня переворота. Никакие денежные претензии с их стороны удовлетворению не подлежали. Иначе Западно-Сибирский комиссариат отнесся к рабочим. Хозяевам денационализированных предприятий разрешили сокращать рабочих, только если их количество было неоправданно раздуто при советской власти. Однако увольнения по политическим мотивам были запрещены, а персональный состав увольняемых определялся заводским комитетом¹⁸³.

Но в действительности оказалось сложно провести границу между политическими мотивами и хозяйственной целесообразностью, в частности, интересами укрепления трудовой

¹⁷⁸ Свободное слово (Самара). 1918. 2 сент.

¹⁷⁹ Земля и воля (Сызрань). 1918. 4 сент.

¹⁸⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1521. Оп. 1. Д. 1. Л. 185.

¹⁸¹ Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (июнь 1918 г.) / публ. и коммент. В.И. Шишкина // Известия Омского историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11. С. 295; Западно-Сибирский комиссариат ... С. 122.

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; Д. 3. Л. 4.

¹⁸³ Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. № 2. Ст. 26; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. I. С. 39–40; Западно-Сибирский комиссариат... С. 159; Временное Сибирское правительство. С. 96–97.

дисциплины. Тем более, что 10 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство разъяснило постановление комиссариата в том смысле, что администрация предприятий должна принять решение о восстановлении служащих, уволенных советской властью, и увольнении лиц, принятых на их места¹⁸⁴. В разных ведомствах кадровая политика могла различаться в деталях. Управляющий Министерством путей сообщения П.С. Степаненко в телеграмме от 6 августа 1918 г. разъяснял, что увольнению подлежат все активные сторонники советской власти, даже если сейчас они не участвуют в противоправительственной деятельности. В сомнительных случаях управляющий рекомендовал железнодорожному начальству запрашивать заключение товарищей по службе. Причем сторонники советской власти должны были получить расчет по день увольнения. Им не полагалось выходное пособие¹⁸⁵. Управление государственного казначейства, разъясняя в освобожденной от большевиков Чите свою кадровую политику, 5 сентября 1918 г. сообщало, что следует принять обратно всех уволенных большевиками работников, и если существует необходимость, то уволить плохих работников, принятых при советской власти. При этом работникам полностью ликвидируемых учреждений жалование выдается за следующий со дня антибольшевистского переворота месяц, а увольняемым за профессиональной непригодностью – за полтора месяца со дня увольнения¹⁸⁶.

«Правила о мерах к восстановлению нормального хода промышленных предприятий» от 31 июля 1918 г. предусматривали возможность мотивированного протеста на кадровые решения администрации со стороны профсоюзов. В случае значительного сокращения штатов промышленных предприятий решения администрации подлежали утверждению Министерством торговли и промышленности и Министерством труда. В то же время инструкция об исполнении этих правил, принятая Советом министров Временного Сибирского правительства 6 сентября 1918 г., уточняла, что все лица, виновные в насилии над администрацией, подлежали немедленному увольнению¹⁸⁷. Это задним числом вводило в норму уже свершившийся факт – серьезную кадровую чистку, произведенную в Сибири летом 1918 г.

Коль скоро вопрос о сокращениях был поставлен, он не мог решаться безболезненно – поле для сведения счетов было подготовлено и хорошо удобрено самими рабочими. Гонения на инженерно-технический персонал с их стороны начались в первые месяцы после Февральской революции. На Урале к лету 1917 г. по их требованию было уволено 144 представителя администрации частных заводов. На казенных предприятиях такой подсчет не велся¹⁸⁸. Весной 1918 г.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 43. Л. 37–37 об.

¹⁸⁵ Железнодорожник (Томск). 1918. 18 авг.

¹⁸⁶ ГАЗК. Ф. 56. Оп. 6. Д. 40. Л. 23.

¹⁸⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 11. Ст. 103. П. 4, 5; Ст. 104. П. 4, 8; Сибирский вестник (Омск). 1918. 15 сент.; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 200–201; Временное Сибирское правительство. С. 272.

¹⁸⁸ *Абрамовский А.П., Буданов А.В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. С. 44. (Об этом же см.: там же. С. 49).

профсоюзные и фабрично-заводские органы, присвоив право определять кадровую политику, повсеместно проводили увольнения руководства предприятий, инженеров, техников. Некоторые служащие сами покидали предприятия, не видя дальнейшей перспективы нормально исполнять свои обязанности. Условия увольнения подчас были самыми бесчеловечными – без выходных пособий, без оплаты за отработанные дни. Тогда защитить их было некому. Эта ситуация нашла прекрасное отражение в источниках¹⁸⁹. В историографии советского периода она описана в апологетическом ключе¹⁹⁰. Только в некоторых современных публикациях дана иная оценка: социальные маргиналы, неспособные к созидательной работе, часто завоевывали лидирующие позиции в новых структурах производственного управления и избавлялись от прежних менеджеров-профессионалов¹⁹¹. Воздерживаясь от оценок происходившего, свидетельства изгнания неугодных служащих рабочими на предприятиях Кузбасса привел В.А. Дробченко¹⁹². Отметим также, что в случаях забастовок против советской власти уже в первые месяцы 1918 г. местные советы поступали достаточно жестко, увольняя участников протестных акций, в том числе лидеров профсоюзного движения, и не останавливаясь даже перед локаутами¹⁹³.

После антибольшевистского переворота сокращения производились достаточно массово и хозяева или управляющие не могли оставаться беспристрастными в выборе кандидатур на увольнение. Существовал даже июльский проект постановления Временного Сибирского правительства о порядке увольнений служащих, сотрудничавших с большевиками или проявлявших к ним лояльное отношение. Он предусматривал создание в учреждениях и на предприятиях выборных комиссий для решения вопроса об увольнениях¹⁹⁴. В циркуляре Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства от 13 августа 1918 г. предписывалось увольнять всех активных сторонников советской власти¹⁹⁵. Здесь явно звучали политические мотивы. Только сентябрьская инструкция Совета министров предлагала обосновывать подобные действия

¹⁸⁹ ГАКО. Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–6; ГАИО. Ф. Р-2143. Оп. 1. Д. 4. Л. 46 об.; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 9. Л. 30; Сибирский горнорабочий (Томск). 1918. № 1. С. 14.

¹⁹⁰ *Горовой Ф.С.* Особенности рабочего движения на Урале в период от Февраля к Октябрю // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония): материалы к науч. сессии по истории пролетариата. Одесса, 1967. Ч. II. С. 69.

¹⁹¹ *Ковальчук М.А.* Транспортники Дальнего Востока в 1917–1820 гг.: социально-психологические аспекты участия в революции и гражданской войне // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1999. С. 29; История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века.. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 199–200; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 309; *Кононенко А.А.* Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009. С. 62–63; *Бакунин А.В., Бедель А.Э.* Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 19.

¹⁹² *Дробченко В.А.* История Анжеро-Судженского каменноугольного района (конец XIX в. – май 1918 г.). Томск, 2007. С. 65; *Дробченко В.А.* Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск, 2008. С. 254–255.

¹⁹³ *Бакулин В.И.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 108–109.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 2. Л. 182–182 об.

¹⁹⁵ ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 23. Л. 34.

уголовным законодательством – почти всем этим активистам можно было инкриминировать насилие над бывшей администрацией предприятий.

В вопросе об увольнениях избежать реваншистских настроений не только не удалось, но их главным источником даже в Поволжье и на Урале оказались вовсе не частные владельцы. Дело в том, что служащие правительственных, общественных и частных учреждений и предприятий после разгона Учредительного собрания провели забастовку против советской власти. Забастовкой руководили стачечные комитеты, участники оставались на виду у коллег. После падения советской власти всех уволенных «саботажников» с почетом восстановили в прежних должностях. Пути урегулирования трудовых отношений в связи с забастовкой попытались найти на общем собрании служащих правительственных и общественных учреждений г. Самары. Его решение легло в основу приказа Комуча № 136 от 1 июля 1918 г. За дни забастовки выплачивался полный оклад, причем уволенным – до восстановления на службе. Поступившие на места бастовавших штрейкбрехеры увольнялись без всякого вознаграждения¹⁹⁶. Приказ вызвал волну конфликтов в коллективах служащих и даже публичные протесты, за пределами Самарской губернии выполнялся весьма избирательно¹⁹⁷.

Кадровые «подчистки» коснулись даже тех сфер, где, казалось бы, профессионализм должен стоять на первом месте. В Уфимской губернии все бастовавшие при советской власти служащие принимались обратно на службу, но при этом все принятые при большевиках увольнялись, включая и учителей¹⁹⁸. В свою очередь рабочие и служащие Уфы на собраниях принимали более гибкие решения. Одна часть выступала за необходимость принять обратно на работу всех возвращавшихся после активного «раунда» борьбы сторонников советской власти, за исключением тех, кто совершил уголовные преступления. Другие предлагали провести изоляцию всех «должностных лиц большевистского толка» и принимать обратно на службу на основании положительных отзывов цеховых и иных комитетов¹⁹⁹.

На Урале падение советской власти тоже сопровождалось сокращениями на заводах и других промышленных предприятиях. Осенью 1918 г. на горных заводах они регулировались Уральским промышленным комитетом, который следил за тем, чтобы увольнения были оправданы интересами производства и протекали в правовых рамках²⁰⁰.

На железных дорогах сложилась наиболее сложная ситуация. Это самая крупная отрасль индустрии восточных регионов, и увольнения в ней носили массовый характер. Так, уже 6 июля

¹⁹⁶ Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 170–173.

¹⁹⁷ Вестник Комуча. 1918. 25 июля; Голос рабочего (Уфа). 1918. 21, 24 июля.

¹⁹⁸ *Баишев И.Н.* Правовые аспекты функционирования народного образования в Уфимской губернии в годы Гражданской войны // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект: материалы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 46; Известия Временного комитета Уфимской городской думы. 1918. 21 июля.

¹⁹⁹ Голос рабочего (Уфа). 1918. 12 июля.

²⁰⁰ Колчаковщина на Урале ... С. 131, 133.

1918 г. совещание начальников служб и частей управления Алтайской железной дороги начало увольнять работников дороги, активно участвовавших в борьбе за советскую власть, «за деятельность, натравливающую младших агентов дороги на старших»²⁰¹. В июле администрация Алтайской железной дороги уволила рабочих, ушедших весной 1918 г. на семеновский фронт, и еще нескольких рабочих, агитировавших против Временного Сибирского правительства. В результате возник конфликт барнаульских железнодорожников и администрации дороги. Рабочие требовали вернуть всех уволенных, просили Министерство труда запретить дальнейшие увольнения без санкции профсоюзов²⁰². Цирюляры Министерства путей сообщения от 26 и 27 июля 1918 г., повторявшие решения Западно-Сибирского комиссариата по кадровому вопросу, лишь отчасти узаконили уже проводившиеся явочным порядком постановления железнодорожной администрации об увольнениях²⁰³. В соответствии с данными профсоюзного органа печати, на Томской железной дороге в ходе чистки от «большевистствующих элементов» было уволено около 1000 чел.²⁰⁴ Исследователи Е.И. Тимонин и Г.А. Пархунув ссылаются на архивы ФСБ, в которых сохранился пофамильный список уволенных на Томской железной дороге с 18 октября 1918 г. по октябрь 1919 г. По их сведениям, увольнениям подверглись более 500 чел. (т.е. в два раза меньше, чем указал предыдущий источник). Эти увольнения исследователи однозначно характеризуют как политические репрессии. Но сами авторы, опровергая собственный тезис, цитируют циркуляр начальника дороги, свидетельствующий, что в списке преобладали нарушители трудовой дисциплины. Цирюляр предписывал увольнять лиц, не являвшихся на работу со времени свержения советской власти, арестованных и не вышедших из тюрьмы более трех месяцев, и не являвшихся на службу без уважительной причины более трех дней. При этом за забастовку были уволены 74 чел., а остальные – за невыход на работу в разное время. Лишение уволенных казенных квартир авторы охарактеризовали как наиболее бесчеловечную форму политических преследований. Очевидна тенденциозность омских историков в интерпретации архивных документов²⁰⁵. На Уссурийской железной дороге комиссия инженера Железнякова рассмотрела дела на 656 чел., из которых 283 чел. уволила без права восстановления. Увольнение 58 из них летом 1919 г. за активное сотрудничество с советской властью и службу в красной гвардии стало одной из причин забастовки. На Забайкальской железной дороге 19 марта 1919 г. начальник дороги лишил работы 1379 чел. по причине политической неблагонадежности. На Амурской железной дороге увольняли политически неблагонадежных и просто принятых в период советской власти. Всего уволили около тысячи служащих, большинство – по сокращению штатов, но многих – за

²⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 181.

²⁰² Алтайский луч. 1918. 8, 16, 25 июля.

²⁰³ Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 1–3. С. 4.

²⁰⁴ Железнодорожник. 1918. 30 окт.

²⁰⁵ Тимонин Е.И., Пархунув Г.А. Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922). Омск, 2007. С. 125.

сотрудничество с большевиками²⁰⁶. Подобные события произошли практически на всех железных дорогах, чем вызвали протесты железнодорожных рабочих, составлявших наиболее организованную и многочисленную часть пролетариата восточных регионов России²⁰⁷.

Управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский уверил представителей от рабочих Омской железной дороги, что Временное Сибирское правительство отвергает возможность увольнения по политическим мотивам, но в то же время заявил, что решение об обратном приеме уволенных работников всецело принадлежит начальникам дорог, легитимизируя тем самым произведенные увольнения²⁰⁸.

Потеря части лидеров сразу же накалила взаимоотношения рабочих коллективов транспортников с администрацией. Под увольнение попадали даже те, кто выступал против советской власти. В принципе управления железных дорог имели много мотивов к сокращению штатов помимо политических. Численность рабочих и служащих на предшествующий антибольшевистскому перевороту год была неоправданно раздута и нуждалась в оптимизации. Но увольняемым по сокращению полагалось платить выходное пособие в размере оплаты за один–полтора месяца²⁰⁹. Еще на протяжении полугода многие железнодорожники получали при увольнении формулировку «за большевизм», что позволяло администрации не выплачивать выходное пособие. Вероятно, руководство железных дорог просто нашло способ сэкономить средства²¹⁰.

Чистки продолжались и в дальнейшем и затронули разные отрасли, казенные и частные предприятия. Предписания главного управления почт и телеграфа в декабре 1918 г. и в марте 1919 г. предусматривали создание в местных подразделениях ведомства комиссии по расследованию действий служащих при советской власти с целью последующего увольнения выявленных ее сторонников²¹¹. Управляющий Сучанскими копиями весной 1919 г. провел чистку предприятия от «вредного элемента», выслав 186 рабочих²¹². Однако в значительной степени ситуация зависела от руководства предприятий. В частности, начальник Пермской железной дороги Н.И. Бобин организовал работу комиссии по чистке кадрового состава так, что ею не был уволен ни один работник²¹³. Впрочем, подобное происходило редко.

²⁰⁶ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 583. Л. 11–12; Приморская жизнь. 1918. 10, 29 нояб.; Еженедельник (Харбин). 1919. № 3. С. 10; *Гнатовская Е.Н.* Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции ... С. 145; *Ковальчук М.А.* Транспортники Дальнего Востока ... С. 31–32; *Василювский В.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 41.

²⁰⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 12. Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля.

²⁰⁸ Алтайский луч. 1918. 6 авг.

²⁰⁹ Железнодорожник. 1918. 13 авг.

²¹⁰ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 4. С. 8.

²¹¹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 7. Л. 53, 60.

²¹² Сучанская долина в годы гражданской войны: документы // Красный архив. 1938. Т. 6 (91). С. 41.

²¹³ *Бортник Л.С.* К истории Пермской железной дороги в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России. Пермь, 2008. С. 29–34.

Существовала ли возможность провести кадровые чистки безболезненно? Даже при максимальной деликатности со стороны администрации такой исход следует исключить – ведь речь шла об увольнении лидеров – группы, референтной для рабочих. Более того, мотив увольнения был на грани между обвинением в нарушении трудовой дисциплины и политическим обвинением. Это четко отследили рабочие. Поэтому подавляющую часть увольнений рабочие опротестовывали именно как политические преследования²¹⁴. Увольнения часто сопровождалось арестами, что вызывало резкий протест со стороны рабочих. Коллективы рабочих проявляли удивительную сплоченность и социальную солидарность, вставая на защиту своих членов, подвергавшихся преследованиям со стороны властей. Возмущение всегда объяснялось необоснованностью арестов. Делопроизводство большинства крупных предприятий отражает следы подобных конфликтов. Ситуация складывалась безвыходная. Оставить на рабочем месте неугодных было опасно, но и при их увольнении производство опять начинало надолго лихорадить. Многочисленные случаи бескомпромиссных, чрезмерно жестких действий администрации лишь провоцировали рабочих и служащих на конфронтацию. Нередко администрация увольняла рабочих, не соблюдая норм трудового законодательства и действовавших коллективных договоров, например, без оплаты выходных пособий, с оплатой в уменьшенном размере или отказываясь мотивировать свои решения²¹⁵. Так, служащие Барнаульского казначейства подписали протест против увольнения ряда своих коллег, утверждая, что под видом борьбы со сторонниками большевиков управляющий казначейством И.Б. Маршанг сводит личные счета²¹⁶. В данном и многих аналогичных случаях оба мотива – очистка коллективов от сторонников советской власти и преследование личных обидчиков – тесно переплетались.

Со скидкой на традицию сгущать краски все же можно признать корректным утверждение ряда советских историков, что в целом деятельность большинства профсоюзов носила антиправительственный характер²¹⁷. Собранные отечественной историографией многочисленные факты диверсий со стороны рабочих, сочувствовавших советской власти, хотя и следует воспринимать критически каждый в отдельности, в совокупности все же убеждают в том, что репрессии не были беспричинными²¹⁸. Это подтверждают и данные современных исследователей о деятельности

²¹⁴ ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 23. Л. 32; Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 7–8.

²¹⁵ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 94–95; Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии ... С. 269–270; Наш путь (Тюмень). 1918. 1 дек.; ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 4.

²¹⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3.

²¹⁷ См., например: *Гармиза В.В.* Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции // История СССР. 1975. № 4. С. 131; *Кладова Н.В.* Периодическая печать Алтая о рабочем движении в годы гражданской войны и интервенции // Алтай в прошлом и настоящем: 50-летие Алтайского края: тез. докл. науч.-практ. конф. Барнаул, 1987. С. 107.

²¹⁸ *Стишов М.И.* Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны. М., 1962. С. 61–62, 65–66, 194, 235; *Плотников И.Ф.* Героическое подполье: большевицкое подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918–1920). М., 1968. С. 77–102; *Абрамовский А.П., Мишин Н.Ф.* Рабочий класс горнозаводской промышленности Урала в борьбе с контрреволюцией // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. С. 30; *Кучеряев В.А.* Деятельность большевиков в профсоюзах... С. 140–160; *Крушанов А.И.*

Министерства внутренних дел и контрразведки по выявлению подпольных антиправительственных структур в рабочей среде²¹⁹. Другое дело, что борьба с террором путем адресных репрессий часто бьет по невинным. Логика Гражданской войны непоправима и независима от злой или доброй воли политиков.

Увольнения происходили и по сугубо экономическим причинам, более того, в сложившейся хозяйственной ситуации они были неизбежны независимо от сложившегося идейно-политического противостояния. Любые антикризисные меры требовали сокращения ряда убыточных производств, тогда как их поддержание на плаву порождало скрытую безработицу. Одной из причин разбалансированности экономики стала принятая при советской власти практика одностороннего пересмотра коллективных договоров. В них рабочие устанавливали себе выгодные условия оплаты и найма, после чего предприниматели часто отказывались от оперативного управления нерентабельным предприятием²²⁰. После антибольшевистского переворота зазвучали разумные требования хозяев пересмотреть договоры на взаимоприемлемых условиях. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и стремление владельцев переложить материальную ответственность за разруху на предприятиях на рабочих.

Отношение к сокращению производства было разным. Все зависело от позиции, которую занимала новая власть. Комуч, например, полностью исключил возможность решения проблемы рентабельности за счет увольнений. Ведомство труда Комуча понимало, что действующие коллективные договоры принимались в одностороннем порядке, без согласия нанимателей и признавало целесообразность их пересмотра с участием общества фабрикантов и заводчиков. Вместе с тем, не имелась в виду немедленная отмена коллективных договоров²²¹.

В Челябинске комиссар труда Приуралья С.С. Самодуров из-за начавшихся массовых увольнений предоставил контроль за кадровыми перестановками фабрично-заводским комитетам и профсоюзам. Но с установлением юрисдикции Временного Сибирского правительства Л.И. Шумиловский отменил это распоряжение²²².

Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918–1920. Владивосток, 1972. Кн. 1: Вооруженная борьба рабочих и крестьян против объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции (апрель 1918 – март 1919 гг.). С. 144–175, 177–183.

²¹⁹ *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 200–201; *Мышанский А.А.* Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // *Гражданская война на востоке России: проблемы истории.* Новосибирск, 2001. С. 124–125; *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 162, 165; *Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): сборник документов.* Екатеринбург, 2019. С. 164–165.

²²⁰ Положение о порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда, принятое СНК от 25 июня 1918 г., узаконил такую практику (см.: п. 6–9. Декреты Советской власти. Т. 2. С. 482).

²²¹ *Вечерняя Заря.* 1918. 19 июля; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974. С. 116.

²²² *Никонова О.Ю.* Социально-экономическая политика ... 190.

Власти Урала попытались смягчить социальные последствия сокращения числа занятых. 10 сентября 1918 г. Временное областное правительство Урала приняло постановление о сроках предупреждения и размерах вознаграждения при увольнении рабочих и служащих. Если работник проработал на предприятии или в учреждении менее 6 месяцев, то об увольнении полагалось предупредить его за две недели, выплатив недельный заработок, если он работал более этого срока, – то за месяц с выплатой полуторамесячного жалования. В случае досрочного увольнения работник получал дополнительно двухнедельное или месячное пособие²²³.

9 мая 1919 г. аналогичную норму приняло Российское правительство²²⁴. Основой нового закона стал Устав о промышленном труде 1913 г. Новелла состояла в обязанности нанимателя, если договор о найме прерывался по его инициативе, не только предупредить об этом заранее, но и предоставить за свой счет не менее 24 часов рабочего времени для поиска новой работы. Другая примечательная поправка: если работник не получил в срок зарплату, он имел право требовать расторжения договора о найме в судебном порядке. Причем нанимателя в этом случае обязывали выплатить не только причитающуюся зарплату, но и штраф. В зависимости от срока и условий службы он составлял сумму от двухнедельного до двухмесячного заработка. Максимальный штраф присуждался при службе год и более на одном предприятии. В составе заработка учитывался и денежный эквивалент всех видов натурального довольствия. Это существенно усиливало защищенность наемного работника. Закон создавал условия, при которых предприниматель не стал бы увольнять рабочих без действительной необходимости. Наличие упомянутых норм неизбежно подталкивало законопослушную часть нанимателей (а таких было большинство) выдерживать сроки предупреждения работников об увольнении. Подобный закон должен был дисциплинировать и рабочих. У них возникал стимул заключать договор о найме по всей форме, а не игнорировать интересы нанимателей, как это было в советское время и в первые месяцы после антибольшевистского переворота. В противном случае у уволенных не было шансов на признание законными их притязаний. Профсоюзы, благодаря данному закону, также должны были перенаправить значительную часть усилий по защите работников в правовое русло. Но всем этим позитивным начинаниям могла способствовать лишь стабилизация социально-экономического положения, а на востоке России развивалась политическая чрезвычайщина, не позволявшая реализовать принятые нормы. Судить об итогах законодательной инициативы Министерства труда по одному лишь закону от 9 мая 1919 г. нельзя. Дело в том, что он рассматривался только как первый шаг в урегулировании отношений найма-увольнения, все механизмы которого должны были включиться позже, с принятием закона о «расчетных книжках», который в конце лета –

²²³ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. № 3. Ст. 17; Антибольшевистское правительство ... С. 116–118; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

²²⁴ Правительственный вестник. 1919. 3 июня; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 40–40 об. Постановление введено в действие с момента принятия.

начале осени 1919 г. лишь готовили к внесению в Совет министров²²⁵. Только время для подобных законодательных инициатив оказалось не самое подходящее. Закон так и не был принят.

В законодательстве и проектах Министерства труда прослеживается тенденция усиления государственного регулирования найма и увольнения, конечная цель которого – всеобщая регистрация движения на рынке труда. Это был вынужденный и продуманный этатизм. В условиях крайней напряженности отношений «труда и капитала» только усиление государственного вмешательства могло сгладить конфликтность во взаимодействии рабочих и предпринимателей. Но и эту тенденцию, кстати, имевшую внешнее сходство с процессами этатизации социально-трудовой сферы в Советской России, а на практике порожденную совершенно иной природой, нельзя оценивать в краткосрочном периоде. Результат мог быть виден лишь годы спустя, после закрепления в правоприменительной практике и рефлексии в правовом сознании. Все описанные меры нацеливались скорее на послевоенную перспективу, а не на решение текущих запросов.

Рынок труда с лета 1918 по конец 1919 г. переживал серьезные метаморфозы. С одной стороны, закрытие многих предприятий и сокращение производства на других вызывало понижение спроса на труд. С другой – постоянный наплыв беженцев и уволенных с местных предприятий создавали огромную прослойку безработных, предлагавших свой труд. Усугубляло проблему обилие дешевых китайских рабочих. Помимо существовавшей несколько десятилетий массовой трудовой миграции на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, в годы Первой мировой войны китайских рабочих организовано ввозили на территорию Урала и европейской части России для выполнения неквалифицированных работ. Весной–летом 1918 г. оставшиеся без работы китайцы направились на родину неорганизованно, заполонив сибирские города в поисках заработка. С 1 января по 18 марта 1918 г. через Екатеринбург на восток проследовало 17 902 китайских рабочих²²⁶. Из них, судя по имеющимся данным, около 10 тыс. покинули предприятия уральских горнопромышленных округов²²⁷.

Вместе с тем открывались новые производства и спрос на квалифицированный труд, как всегда, оставался высоким. Очевидно, что утверждение авторов монографии о рабочем классе Сибири о том, что «капиталисты» в период контрреволюции сознательно сеяли конфликты на производстве, чтобы уволить рабочих в конце месяца, потому что рабочим в этом случае не полагалось никакой компенсации и даже оплаты за проработанные дни, не соответствует

²²⁵ ИсАОО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 383. Л. 13.

²²⁶ *Ипполитов С.С., Минаев ВВ.* «От этого зависит вся судьба России»: демографическая и экономическая экспансия Китая и Японии на Дальнем востоке и в Сибири (1918–1919 гг.) // *Гражданская война в России, 1917–1922: очерки экономики и политической истории.* М., 2013. С. 138.

²²⁷ *Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны: документы и комментарии.* Екатеринбург, 2010. С. 13.

действительности²²⁸. Авторы могли опираться только на единичные случаи грубого нарушения действовавшего трудового законодательства, действительно имевшие место.

Одной из актуальных задач трудовых отношений оставалось налаживание нормального механизма регулирования спроса и предложения. Проблемы на пути ее решения состояли не в злой воле работодателей, а в кризисном состоянии экономики. Еще до революции для этих целей создавались независимые биржи труда. Закон Временного правительства от 19 августа 1917 г. предусматривал открытие бирж труда городскими общественными управлениями и земскими учреждениями в городах с населением более 50 тыс. чел. (а по распоряжению министра труда – и в населенных пунктах с меньшей численностью населения). Расходы на содержание бирж возлагались на органы местного самоуправления. К целям бирж относились регистрация спроса и предложения на труд, посредничество по найму, сбор информации о состоянии рынка труда и принятие мер к его упорядочиванию. Комитет биржи труда состоял из равного числа представителей работников и работодателей и председателя, избираемого соответствующим городским или земским учреждением. Предусматривалось правило, по которому биржи не обслуживали предприятия, на которых происходила забастовка или локаут²²⁹.

Однако в действительности многие биржи труда в 1917 г. открывались явочным порядком, подчас бессистемно и законом не руководствовались²³⁰. Пик процесса создания бирж труда пришелся на весну 1918 г., когда они уже не могли серьезно влиять на сферу занятости. Из 259 бирж, открытых в России до 1 октября 1918 г., 77% появилось после 1 января 1918 г., из них на Урале – 15%, в Поволжье – 14, в Сибири и на Дальнем Востоке – 9%²³¹. В некоторых городах их существовало несколько. Общегородские биржи удалось сформировать уже после утверждения советской власти (в Самаре – в октябре 1917 г., в Оренбурге – в ноябре 1917 г.)²³². Советское положение о биржах труда от 9 февраля 1918 г. преследовало цель упорядочить их работу. Биржи открывали в городах с населением свыше 20 тыс. чел. Расходы по их содержанию несли органы местного самоуправления с компенсацией затраченных сумм из государственного бюджета. При этом законодательство предусматривало обязательный найм работников через биржу, а советы бирж формировались местными профсоюзами²³³. Это сильно тяготило работодателей – контролировавшиеся профессиональными организациями биржи предъявляли высокие требования. Тем не менее не получавшие и при советской власти никакой компенсации из государственной казны, после ее свержения биржи владели жалкое существование.

²²⁸ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма ... С. 84.

²²⁹ Журналы заседаний Временного правительства ... Т. 3. С. 306–307.

²³⁰ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 343–344.

²³¹ Справочник по биржам труда России. М., 1918. Вып. 1. С. 9, 12–13.

²³² ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 452. Л. 31.

²³³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 424–426.

Массовое закрытие заводов, сокращение их персонала, перепрофилирование производств, аграризация занятий промышленного населения – явления, хорошо знакомые в России уже в годы Первой мировой войны. На востоке России они в полной мере проявились в самом промышленно развитом регионе – на Урале²³⁴. Но дальнейшее сокращение производства под влиянием революции превратило безработицу в острейшую социальную проблему задолго до падения советской власти не только на Урале, но и в других регионах. Это явление не было порождено политикой «белых», как это изображала советская историография.

Впрочем, оценить его количественные масштабы сложно. Весной 1918 г. в Уфе было зарегистрировано более 5 тыс. безработных. По сведениям И.В. Нарского, на Урале в целом накануне падения советской власти областная биржа труда зарегистрировала 25 тыс. безработных²³⁵. Правда, следует осторожно относиться к этим данным. Пресса утверждала, что в регионе всего 24 тыс. работающих и 11 тыс. безработных²³⁶. Источники также свидетельствуют, что со сменой власти ситуация могла динамично меняться. В Невьянском горном округе при советской власти насчитывалось 7,5 тыс. рабочих, а осенью 1918 г. числилось 2240 безработных на бирже и 1000 работающих на заводах²³⁷. Самарская биржа труда регистрировала в июле 1420 – 1635 – безработных в разные недели. В то же время, пресса сообщала, что 53 совета кварталов подали сведения о наличии у них 15 043 неимущих и безработных. Если принять во внимание, что 181 совет кварталов не подал сведения, получается, что они учли в качестве безработных и неимущих значительную долю населения²³⁸. Остается догадываться о причинах такого разнобоя в цифрах – недоучете или уходе рабочих на заработки в другие местности. Управляющий Пермской губернией Н.П. Чистосердов в докладе министру внутренних дел о положении в губернии в апреле–мае 1919 г. сообщал, что безработица не является острой проблемой, напротив, на большинстве заводов недостаток персонала. Исключение составлял Нижне-Тагильский округ, в котором в апреле безработица достигла 55%, но потом стала сокращаться. Правда, управляющий отмечал, что в связи с эвакуацией Прикамья безработица в ближайшее время опять возрастет (документ датирован 21 июля 1919 г.)²³⁹. В Омске в результате наплыва беженцев в конце 1918 г. безработных, по сообщениям прессы, насчитывалось около 25 тыс.²⁴⁰ Несмотря на несовпадение данных из разных газетных и архивных источников, общая тенденция к ухудшению положения очевидна.

²³⁴ *Адамов В.В.* Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония): материалы к науч. сессии по истории пролетариата. Одесса, 1967. Ч. II. С. 167.

²³⁵ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 84.

²³⁶ *Сибирский рабочий.* 1919. № 2. С. 9. Именно такую численность безработных всего Урала указывает Р.А. Хазиев (см.: *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах. М., 2007. С. 47).

²³⁷ Наш путь (Тюмень). 1918. 29 нояб.

²³⁸ Под знаменем Комуча ... С. 268, 270.

²³⁹ *Гражданская война в Прикамье (май 1918 – январь 1920 гг.): сб. документов.* Пермь, 2008. С. 266.

²⁴⁰ *Народная Сибирь.* 1918. 14 дек.

Обилие разнящихся статистических данных, отражающих уровень безработицы, открывало исследователям широкое поле для интерпретаций. Приведенные Г.С. Куцым сведения о резком росте безработицы после падения советской власти на Дальнем Востоке являются результатом элементарного подтасовывания фактов. По его утверждению, во Владивостоке с августа по ноябрь 1918 г. Приморская областная биржа труда зарегистрировала повышение числа безработных с 10 937 до 21 306²⁴¹. Эти данные, приведенные советским историком, впечатляют. Е.В. Семенова приводит это же число совершенно в другой интерпретации: во всей Приморской области за 11 месяцев – с января по ноябрь 1918 г. – зарегистрировано 21 306 безработных. Пик проблемы пришелся на апрель – 4486 безработных, а к октябрю их численность снизилась до 710. Зато предложение на рынке труда выросло за это время с 421 до 2266 вакансий²⁴². Что касается масштабов города Владивостока, там фигурировали совершенно другие данные. Газеты сообщали, что за неделю с 23 по 30 сентября 1918 г. на Владивостокскую биржу труда записалось 239 чел., работу нашли 74 чел., неудовлетворенных заявок на труд насчитывается 297, а всего безработных в городе числится 576²⁴³. Эти сведения далеки от катастрофы на рынке труда. Другое дело, что текущую статистику бирж труда не следует абсолютизировать. Она отражает подчас не реальные тенденции движения занятости, а только зарегистрированную часть этого движения.

Одним из эффективных способов смягчения безработицы являлись выплаты пособий. Еще до революции популярным стало создание специальных фондов страхования от безработицы за счет отчислений из заработков работающих. В 1917 г. местные рабочие организации часто принимали решения о взыскании с нанимателей отчислений в эти фонды. 17 декабря 1917 г. данный порядок был закреплен в Положении ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы²⁴⁴. Советское законодательство нацеливалось на создание единой сети касс страхования от безработицы, финансируемых государством за счет отчислений от налогов. Временно устанавливались взносы с работодателей в размере 3–5%. Кассы должны были выплачивать безработным средний заработок поденного рабочего.

Советский декрет ускорил создание касс страхования на случай безработицы, но их открытие совпало со спадом производства и в результате они владели жалкое существование. Очевидно, что выплаты безработным в размере средней оплаты труда и бесплатное питание, практиковавшиеся весной 1918 г. на востоке России²⁴⁵, только усугубляли иждивенческие настроения и снижали стимул к поиску работы.

²⁴¹ Куцый Г.С. Борьба рабочего класса ... С. 66.

²⁴² Семенова Е.В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2001. С. 58.

²⁴³ Приморская жизнь. 1918. 4 окт.

²⁴⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 200–204.

²⁴⁵ Швец Ю.П. Борьба с безработицей в Сибири в 1917–1918 гг. // Образование и социальное развитие региона. 1999. № 1–2. С. 224–225.

Ожидая дальнейшего углубления кризисных тенденций на рынке труда, Комуч попытался скорректировать советские нормы страхования от безработицы. В Самаре 21 июня 1918 г. состоялось совещание рабочих, предпринимателей и общественности. Они обратились к Комучу с предложением об организации городской кассы страхования от безработицы с представительством не только от профессиональных союзов, но и от предпринимателей и ведомства труда²⁴⁶. 25 июня на основании этого решения Комуч издал приказ № 49, по которому управление кассы строилось с участием государства, рабочих и работодателей. Все эти стороны обязывались платить взносы на содержание кассы: 1/3 – государство, 1/3 – органы земского и городского самоуправления, 1/9 – рабочие, 2/9 – частные наниматели (в формулировке закона – предприниматели). В результате касса установила взносы в размере 13,5% от общего заработка всех работавших (по 4,5% – от государства и органов земского и городского самоуправления, 3% – от частных нанимателей и 1,5% – от зарплат рабочих и служащих). Средств должно было хватить на выдачу питания и пособия в размере прожиточного минимума всем, кто зарегистрирован как безработный. После публикации устава Самарской кассы безработных 26 июля 1918 г. Комуч приказом № 130 предписал на его основе учредить аналогичные кассы в других городах²⁴⁷. Есть сведения о том, что в Самаре касса начала функционировать и собирать взносы²⁴⁸. Известно также, что 11 самарских профсоюзов выступили с протестом против сбора с них взносов в пользу безработных, требуя возложить издержки по страхованию на предпринимателей и государство. Только 3 профсоюза согласились участвовать в кассе²⁴⁹. Результаты работы таких касс в других городах оказались похожими – они открылись, но взносов не получали²⁵⁰. Открытая в Уфе касса первоначально пыталась собирать взносы с предпринимателей на основании советского законодательства. Вновь она открылась в конце октября, на этот раз уже на основании приказа Комуча № 49²⁵¹. Советская историография оценивала приказ как огромный шаг назад в сравнении с революционными завоеваниями рабочих и потворство буржуазии²⁵².

Отрицательное отношение Комуча к советскому опыту страхования членов профсоюзов от безработицы за счет принудительных взносов с предпринимателей свидетельствует о наличии определенной взвешенности умеренных социалистов. Хорошо известен негативный британский

²⁴⁶ Волжский день. 1918. 26 (13) июня.

²⁴⁷ Приказы Комуча. С. 29, 92–93; *Лепандин В.А.* Эсеровские политико-государственные... Т. 2. С. 156–157, 159; Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 159–160, 203–204, 325–329; *Попов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии. С. 150; *Троцкий В.* Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Т. II. С. 126. Устав разработали на основании Временного положения о страховании на случай безработицы (ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–89).

²⁴⁸ Известия Самарского губернского совета народного хозяйства (Самара). 1918. № 9. С. 15; Земля и воля (Самара). 1918. 4 авг.; Городской вестник (Самара). 1918. 13 авг.

²⁴⁹ *Бубнов А.А.* Профсоюзы Среднего Поволжья ... С. 43; см. также: Под знаменем Комуча ... С. 278, 281, 283–284, 287–289.

²⁵⁰ Сызранский вестник (Сызрань). 1918. 10, 24 сент.

²⁵¹ Уфимская жизнь. 1918. 22 июля, 18, 31 окт.

²⁵² *Попов Ф.Г.* Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. Самара, 1934. С. 157–159.

опыт подобных экспериментов, приведший к деморализации рабочих и интенсивному сокращению производительности тех, кто оставался в рядах занятых²⁵³.

Разработанный ведомством труда Кому́ча нормальный устав кассы страхования от безработицы содержал принцип оказания помощи только безработным, занятым на общественных работах, или тем, кому не хватило места на общественных работах²⁵⁴. Ведомство труда планировало инспекцию бирж труда всех городов, где таковые существовали. Одной из ее важнейших задач было не допустить смещения биржами с рабочих мест тех, кто устроился без регистрации на бирже. Ведомство труда и профсоюзы, ранее контролировавшие биржи труда и кассы страхования от безработицы, по-разному понимали свои функции и методы решения стоявших перед ними задач. Ведомство труда исключало подобный метод борьбы с неучтенной занятостью²⁵⁵.

В действительности состояние рынка труда было таково, что оно плохо поддавалось регулированию и быстро адаптировалось к любым попыткам ужесточения. Попытка профсоюзов удержать зарплату на уровне, установленном коллективными договорами для соответствующей отрасли, приводила к тому, что наем шел нелегально, за стенами бирж. А выплата пособий обходилась регистрацией на бирже нелегально занятых в качестве безработных. Подтверждением предположения об огромных злоупотреблениях в связи с выплатой пособий служит очевидный факт: когда в сентябре 1918 г. Самарская биржа перестала выплачивать пособия по безработице, численность зарегистрировавшихся на ней упала до 493 женщин и 368 мужчин. Большинство ранее числившихся безработными – мелкие торговцы, имевшие небольшой заработок, но ходившие на биржу за пособием²⁵⁶.

Кому́ч оказался единственным антибольшевистским правительством на востоке России, относительно быстро закрепившим в законодательстве обязательное страхование от безработицы. Но инициативу рабочих страховать себя за собственные деньги власти обычно не пресекали. Другое дело, что фонды могли функционировать только в локальном пространстве. Например, на уральских горных заводах они имелись в Тагильском и Златоустовском округах. В крупных уральских и сибирских городах они существовали в пределах больших и наиболее сплоченных профсоюзов²⁵⁷. Подчас фонды могли гарантировать безработным пособие, равное минимальной поденщине, и даже некоторые надбавки на иждивенцев-членов семьи. Естественно, нанимателям это очень не нравилось, так как существование подобных фондов поднимало расценки на труд. Но чаще ситуация не внушала оптимизма. В уфимском союзе пищевиков (Союз «съестных

²⁵³ Сидорина Т.Ю. История и теория социальной политики. М., 2010. С. 60. См. также: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 92–97.

²⁵⁴ Вестник Кому́ча, 1918. 21 июля; Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 327.

²⁵⁵ Вестник Уфимского совета профсоюзов. 1918. № 1. 15 сент. С. 5.

²⁵⁶ Народ (Самара). 1918. 11 сент.; Под знаменем Кому́ча ... С. 273–274, 276.

²⁵⁷ Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 10; Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 9; № 10. С. 17; № 11. С. 6; № 12. С. 9.

продуктов») на 1102 члена аккуратно взносы платили только 300 чел., а безработных насчитывалось 400 чел. Для них был собран фонд в 5000 руб. – по 12 руб. на одного безработного²⁵⁸.

Длительное отсутствие законодательных инициатив со стороны Временного Сибирского правительства в отношении регулирования рынка труда создавало правовой вакуум. Внесение корректив в советское законодательство и сложившуюся практику напрашивалось и уже предпринималось местными властями. Курганская городская дума 5 июля 1918 г. постановила воссоздать биржу труда на основании законодательства Временного правительства²⁵⁹. Продолжали действовать биржи труда и в других городах. Наниматели редко обращались к их помощи, не подавали сведения о вакансиях.

Источники позволили выявить единственную попытку нормотворчества органов местного самоуправления, и весьма решительную. Отдел труда Приморской областной земской управы разработал проект Временного положения о Приморской областной бирже труда, обсужденный на совместном заседании профессиональных, предпринимательских, рабочих и общественных организаций. Предложенный проект получил одобрение общественности и был утвержден Приморской областной управой. Данный нормативный акт в целом повторял закон Временного правительства от 19 августа 1917 г., но дополнялся с учетом практики и местных условий. Областная биржа труда объединяла работу всех местных аналогичных учреждений и была организована на паритетных началах (по четыре представителя от предпринимателей и наемных работников под председательством представителя от земства). Задачи биржи сводились к оказанию посреднических услуг на безвозмездной и добровольной основе. Положение предусматривало обязательное руководство при найме коллективными договорами в тех отраслях и на тех предприятиях, где они действуют, и право отказа в приеме заявлений на рабочие руки, если предлагаемые условия резко расходились с господствовавшими на рынке. Обслуживание предприятий, на которых объявлена забастовка или локаут, приостанавливалось, но только если эти действия не противоречат решениям Центральной примирительной камеры. В противном случае биржи могли продолжить обслуживание таких предприятий. Финансировалась областная биржа на паритетных началах Владивостокским городским самоуправлением и областным земством²⁶⁰. Приморские земцы учли реалии революционной эпохи с ее сложнейшими трудовыми конфликтами и предусмотрели такой порядок работы бирж, который бы стимулировал развитие переговорных процедур между работодателями и работниками.

Земские и городские органы самоуправления на востоке России оказались одним из инициаторов корректировки трудового законодательства. Их предложения, отчасти даже

²⁵⁸ Вестник Уфимского совета профсоюзов. 1918. № 1. 15 сент. С. 8.

²⁵⁹ Курганская свободная мысль. 1918. 26 июня.

²⁶⁰ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 5. С. 19–20.

реализованные, имеют принципиальное значение для анализа альтернатив трудового права в антибольшевистском лагере и закономерностей эволюции советской рабочей политики. 14–21 августа 1918 г. на Чрезвычайном совещании представителей городов и земств освобожденной России в Самаре один из участников – С.М. Маслов выступил с докладом о роли муниципалитетов в урегулировании рабочего вопроса. Он критиковал правительственные органы труда за разрозненность действий и призывал передать функцию по регулированию рынка рабочей силы и всех трудовых конфликтов городским управам. Докладчик наметил два направления усовершенствования социально-трудовой сферы: создание региональных бирж труда, способных производить переброску рабочей силы в соседние губернии, и активная организация общественных работ с целью поднятия городского хозяйства²⁶¹.

Но самый большой потенциал в развитии бирж труда как эффективных регуляторов рынка труда продемонстрировали учреждения, рожденные еще при советской власти. Так, сохранившийся и благополучно действовавший при Комуче Самарский совет народного хозяйства разработал Положение о Самарском районном комитете труда. Комитет задумывался как коллегиальный орган, представлявший профсоюзы, предпринимателей и органы местного самоуправления и должен был производить планомерный учет, перевозку и распределение рабочей силы, включая военнопленных и рабочие воинские команды, изыскивать новые источники пополнения рабочей силы путем «привлечения к работе способных к труду, не принимающих участия в производительной деятельности»²⁶².

Неудивительно, что уже летом 1918 г. сибирские законодатели стали готовить законопроект о биржах труда, который был принят только 14 ноября 1918 г. Директорией. Правительственная точка зрения оказалась в целом близка идеям предпринимателей. Вопросы о порядке найма и увольнения, о статусе бирж труда на стадии подготовки законопроекта обсуждались летом–осенью 1918 г. Сибирским торгово-промышленным съездом и I Торгово-промышленным съездом Енисейской губернии, а 18–20 октября 1918 г. – I Уральским торгово-промышленным съездом в Екатеринбурге²⁶³. Предприниматели настаивали на полной свободе найма, полагая, что не должны ограничивать себя ни местом найма, ни очередностью записавшихся на биржу безработных, если они туда обратились. Учтя эти предложения, Министерство труда дополнило первоначальный проект таким образом, чтобы затруднить предпринимателям возможность злоупотреблений и сделать рынок труда прозрачным для всех участников и государства.

В соответствии с законом Временного Всероссийского правительства от 14 ноября 1918 г. биржи труда передали в ведение Министерства труда, их финансирование оставалось

²⁶¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Л. 1199. Л. 96–97.

²⁶² Известия Самарского губернского совета народного хозяйства. 1918. № 9 (22 авг.). С. 12.

²⁶³ Съезды, конференции и совещания ... в Акмолинской области. Ч. 2. С. 280; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 4 сент.; Колчаковщина на Урале ... С. 53.

государственным, а помещение, отопление и освещение обеспечивали органы местного самоуправления. В совете биржи труда предусматривалось паритетное участие представителей от предпринимателей и профсоюзов (по два), а также присутствие одного представителя от городских и земских управ и от Министерства труда. Обязательный наем рабочих через биржу, введенный советской властью, отменялся. Зато закон ввел обязательную регистрацию всех случаев найма и увольнения, независимо от того, нанимал ли работодатель на бирже или помимо нее, шли ли уволенные на биржу или нет. Наниматели, объявившие локаут, биржами не обслуживались, в чем проявилось намерение правительства бороться с локаутами. С обслуживания снимались также и предприятия, рабочие которых объявили забастовку²⁶⁴. Таким образом, сохранилась важная норма закона Временного правительства от 19 августа 1917 г., обеспечивавшая соблюдение интересов нанимателей и нанимаемых. Биржи становились органами учета движения на рынке труда. Состоявшийся в феврале 1919 г. съезд бирж труда выяснил, что в Сибири их действовало 23, на Урале – 7, но работали они крайне нестабильно из-за недостатка средств²⁶⁵.

Закон встретил протест со стороны Исполнительного комитета профессиональных союзов Сибири. Центральный профсоюзный орган требовал обеспечить полное господство представителей рабочих в советах бирж труда и обязательный наем через биржу²⁶⁶. Лишь в этом случае биржи труда смогли бы отказывать в обслуживании не только предпринимателям, объявившим локаут, но и тем нанимателям, которые устанавливали оплату ниже, чем предусмотрено коллективными договорами²⁶⁷. Рабочие всерьез задумывались над тем, что приостановить падение расценок на труд в условиях экономического спада им поможет только централизация и монополизация предложения труда самими нанимаемыми. В критике закона со стороны профсоюзных и рабочих лидеров присутствовала значительная доля классового эгоизма. Например, общепринятым пунктом стал упрек в том, что за буржуазией в новых биржах закрепили абсолютное большинство мест, ведь по рассуждениям «пролетарских идеологов», и государственные чиновники, и представители органов местного самоуправления тоже являлись выразителями буржуазных интересов. Они требовали уравнивать количество представителей от рабочих, с одной стороны, государства, городов, земств и предпринимателей – с другой, что на практике дало бы рабочим не равенство, а подавляющее превосходство.

Скепсис профсоюзных лидеров относительно перспектив работы бирж по новому закону был в значительной мере оправдан. Действительно, открытие и работа этих учреждений затягивались по причинам второстепенного характера. Например, многие городские самоуправления

²⁶⁴ Правительственный вестник. 1918. 22 дек.; Временное Всероссийское правительство. С. 328–331; Сибирский рабочий. 1919. № 1. С. 12–13; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 114.

²⁶⁵ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 149.

²⁶⁶ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 180.

²⁶⁷ Сибирский рабочий. 1919. № 1. С. 5–6.

просто не смогли предоставить помещения и все необходимое для начала работы бирж, поскольку соответствующие расходы даже не были заложены в их бюджет²⁶⁸. Предприниматели легко обходили законодательство, не регистрируя случаи найма и увольнений, так как закон не предусматривал никаких санкций за нарушение этого требования.

Еще одним критиком закона о биржах труда стали земские и городские самоуправления Дальнего Востока. В противовес правительству они поддержали концепцию муниципализации бирж, выдвинутую Чрезвычайным совещанием земств и городов освобожденной России в Самаре. Полагая, что осуществление государством посредничества в вопросах найма и увольнения обречено на провал в силу неавторитетности его в рабочей среде, представители дальневосточных земств и городов на краевом съезде 18–24 января 1919 г. самонадеянно потребовали передать в их руки управление биржами. В основе этой критики лежал все тот же сугубо классовый подход к решению проблемы и явное преувеличение собственных возможностей²⁶⁹.

Позитивные стороны нового закона становятся очевидны, если отвлечься от сиюминутного и узкоклассового подхода. Революционное законодательство, введя полную свободу создания бирж и обязательность найма через них, привело к дезорганизации рынка труда, так как при катастрофически низкой рентабельности производства и избытке предложения рабочей силы естественно, если нанимаемые начинают диктовать условия найма. Свободный торг и свободная конкурентная борьба за работников становятся тогда невозможны. Новый закон ослабил многие ограничения и сделал учет государственным делом. На стадии подъема производства его потенциал мог бы проявиться более полно. Пока же сама обстановка экономического спада не могла благоприятствовать учреждениям, регулирующим наем рабочей силы. Поэтому биржи труда при «белых» правительствах, как бы они ни насаждались государственной властью, функционировали плохо. Законодатели это учитывали и не ожидали быстрого эффекта. Кроме того, как уже отмечалось, регулирование трудовых отношений должно было охватить весь комплекс законов: от 9 мая 1918 г. об увольнении и не принятый закон об обязательных расчетных книжках²⁷⁰. Первый из них предусматривал обязанность работодателя предоставлять предупрежденному о грядущем увольнении работнику один день в неделю для поиска новой работы, что могло бы оживить работу бирж, второй был призван довести регистрацию трудящихся до определенной степени регулярности.

Проект Положения о расчетных книжках поступил из Министерства труда в Государственное экономическое совещание в августе 1919 г. Предполагалось введение таких книжек на всех предприятиях, независимо от формы собственности. В них полагалось записывать все случаи

²⁶⁸ Там же. № 8. С. 20–21.

²⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 900. Л. 53–60.

²⁷⁰ Правительственный вестник. 1919. 6 июля.

нарушения внутреннего распорядка предприятий, наложение на обладателя администрацией штрафных санкций²⁷¹. Но в Совет министров законопроект так и не поступил, так как в ходе обсуждения его признали преждевременным.

Агенты контрразведки сообщали о поступлении на Урал из Омска секретного циркуляра от 1 мая 1919 г., предписавшего администрации казенных заводов завести на каждого работника регистрационные книжки, в которых фиксировать персональные данные. Прием новых работников допускался только по согласованию с разведывательным бюро. Приведенный в донесении текст циркуляра дает основания усомниться в его подлинности и, скорее всего, отражает подготовку к грядущему, но так и не состоявшемуся введению регистрационных книжек, которое очень напугало рабочих и вызвало среди них рост протестных настроений²⁷².

Законодательное регулирование не охватило весь комплекс существовавших на рынке труда проблем. Разработка соответствующей нормативной документации потребовала от Российского правительства долгих согласований, длившихся несколько месяцев, но осталась незавершенной. Принятие законов не могло оздоровить ситуацию на рынке труда. Местные власти предпринимали частные меры в виде организации общественных работ, но, как правило, неудачно. Бравшиеся за дело городские органы часто топили его в бюрократических процедурах. В Самаре летом 1918 г. городская дума создала комиссию по организации общественных работ. Она провела несколько заседаний, согласовала планы работ, наметила организации, обязанные их профинансировать, и на этом дело остановилось. Для реализации проекта требовалось изыскать в городском бюджете 100 тыс. руб.²⁷³ За отсутствием средств инициатива осталась нереализованной. При Челябинской городской думе в июле 1918 г. стала работать комиссия по организации общественных работ. Планировалось привлечь безработных к выработке кирпича, добыче торфа, заготовке дров, уборке и ремонту улиц. Это были чрезвычайно необходимые для городского хозяйства и пользующиеся спросом работы. В городе имелось около 800 учтенных безработных, а запланированные мероприятия могли занять не более 200 работников одновременно. Но и этот замысел натолкнулся на непреодолимое препятствие – требовалось более полумиллиона рублей на организационно-хозяйственные расходы, а дефицитная городская казна предоставить их не могла²⁷⁴. Дело завершилось полным банкротством: спустя некоторое время принятых на работу 40 чел. пришлось уволить без расчета в связи с нерентабельностью всего предприятия. Увольнительные пособия от городской думы они получили только по решению примирительной

²⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 35. Л. 32–34.

²⁷² Документ приведен без даты и подписи, не имеет ведомственной принадлежности и возлагает контроль за перемещением рабочей силы на некое бюро, идентифицировать которое не представляется возможным (см.: Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 162).

²⁷³ Заря Поволжья. 1918. 3 июля; Земля и воля (Самара). 1918. 7 июля.

²⁷⁴ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 131. Л. 2–4 об.

камеры²⁷⁵. Еще несколько сотен безработных записались на общественные работы и прождали несколько месяцев без дела. Между прочим, городские служащие отдела по организации общественных работ в числе 52 чел. несколько месяцев получали за это зарплату, и после сокращения данной структуры им выплатили двухмесячное выходное пособие²⁷⁶. Так что все мероприятие обернулось городу большими убытками. Курганская городская дума в июле 1918 г. предусмотрела наем безработных для землекопных и прочих непрестижных городских работ. Правда, работодатели отмечали фантастическое плутовство и нерадивость нанятых²⁷⁷. Также ничем, кроме серии совещаний, завершилась попытка Владивостокской городской думы организовать общественные работы летом 1918 г.²⁷⁸ Примеры можно продолжать. Важно, что уже в организации городскими органами на востоке России общественных работ летом–осенью 1918 г. четко прослеживалось сложное взаимодействие разных сегментов занятости: свободного и принудительного труда, отечественного и иностранного, дорогого и дешевого. Болезни рынка труда имели сложный структурный характер, а некомпетентное вмешательство вносило новые сбои, а не решало проблемы.

В подтверждение достаточно привести еще один пример. Красноярская городская управа тоже попыталась летом 1918 г. организовать общественные работы для снижения безработицы. Для этого была объявлена запись в артели по рубке дров для города с оплатой 8 руб. в день. По мере организации таких артелей военнопленных, выполнявших эти работы, предлагали отсылать обратно в лагерь или в другие места²⁷⁹. Впрочем, к этому подталкивала сама логика вооруженного противостояния. По требованию чехов, опасавшихся враждебных действий со стороны пленных венгров и австрийцев, командующий войсками Енисейского района приказал всем частным лицам и учреждениям, использовавшим труд военнопленных, вернуть их в лагерь в трехдневный срок²⁸⁰. Этнофобия чехов невольно расчищала рабочие места для отечественных безработных, а содержание пленных вновь ложилось на иждивение казны.

Повсеместно на востоке России организация общественных работ являлась делом органов городского и земского самоуправления, и только в Приморье в 1920 г. идея не просто обрела второе дыхание, но и стала частью государственной политики. Это было связано с необходимостью произвести социально безболезненную демобилизацию огромной, ставшей ненужной,

²⁷⁵ Там же. Л. 6.

²⁷⁶ Там же. Д. 11. Л. 7 об.–8 об.

²⁷⁷ Курганская свободная мысль. 1918. 26 июня.

²⁷⁸ Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 – конец 1918 г.). Уссурийск, 2013. С. 117.

²⁷⁹ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 10 июля.

²⁸⁰ Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 69; Гергилева А.И., Гергилев Д.Н. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 112.

армии, интернированной в Приморье из Китая. Около 75% демобилизуемых являлись выходцами из Поволжья, Урала и Сибири. Следовательно, возникала проблема их трудоустройства. Причем постепенно количество военнослужащих в Приморье возрастало за счет прибытия солдат и офицеров из Манчжурии. По предложению управляющего военными и морскими делами Временного правительства Дальнего Востока генерала В.Г. Болдырева вопрос рассматривала комиссия по разработке военных и военно-морских законопроектов при военном совете. Член совета В.П. Веремецко 26 апреля 1920 г. предложил трудоспособных демобилизуемых собрать в трудовые артели. Другие члены комиссии прекрасно осознавали, что момент для реализации этой идеи выбран не самый подходящий. В ближайшие месяцы ожидалось прибытие в регион из Германии и Австрии 3–4 тыс. бывших российских военнопленных, нескольких тысяч беженцев из Забайкалья, Приамурья и Манчжурии. Все они пополняли армию безработных. Но была и другая сторона ситуации. В связи с катастрофически низким уровнем оплаты труда большинство неработающих даже не пытались заполнить имеющиеся вакансии. Поэтому города Приморья страдали без топлива и строительных материалов, в то время как десятки заброшенных промышленных предприятий могли быть запущены при грамотной постановке производства. При наличии минимального инвентаря не находившие работы люди могли заняться земледелием и рыбной ловлей. Причем правильная организация дела позволила бы успешно сбывать продукцию на рынке и даже получать вполне сносный заработок²⁸¹.

Доклад В.П. Веремецко 30 апреля 1920 г. рассматривался на специальном междуведомственном совещании. Участники отметили множество потенциальных сфер приложения артельного труда. Правда, идея быстро обросла бюрократией. Летом 1920 г. во Владивостоке был образован Особый комитет по организации работ демобилизуемых, требовавший средств на содержание личного состава, проведение обследований природных ресурсов и промышленных предприятий края. Его работа позволила подключить к реализации идеи другие ведомства, получить для организуемых артелей инвентарь в кредит, подъемные средства, льготы по перевозе продукции и прочие необходимые преференции со стороны казны. На протяжении лета–осени 1920 г. в Приморье образовались и стали функционировать небольшие офицерские и солдатские артели, осуществлявшие меновую торговлю с крестьянами в окрестностях Владивостока, каботажные грузовые перевозки, мелкое мыловаренное, мукомольное, сапожное и кузнечное производство, погрузочные работы. Большинство предприятий были мелкими, насчитывали около десятка, изредка 20–30 чел. Два самых амбициозных проекта Особого комитета – лесоразработки и замена китайских шахтеров на русских, предусматривавшие занятость примерно 3 тыс. чел., после долгой подготовки остались нереализованными. В конце 1920 г. Особый комитет имел в своем

²⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 1. Л. 80 об.–81.

составе кроме прочих фабрично-заводской и горный отделы, не имевшие ни одного предприятия в подчинении. Несмотря на столь разветвленную структуру, он смог обеспечить занятость лишь чуть более, чем двум сотням бывших военнослужащих²⁸². Примечательно, что деятельность этого учреждения вызвала яростную отповедь Владивостокской биржи труда. Они отметили, что, во-первых, Особый комитет по организации работ вторгся в ее компетенцию. Руководство биржи настаивало на своем исключительном праве посредничества при найме и организации мер по снижению безработицы, хотя, строго говоря, закон исключал деятельность только частных посреднических организаций. Высказывался и более веский довод: правительственные органы должны оказывать помощь всем без исключения безработным, а Особый комитет по организации работ обеспечивает занятость одной категории безработных в ущерб другим.

Эффективность мер государственной поддержки бывших военных осталась невысокой. Трудоустраиваться интернированным из Забайкалья военным пришлось в основном самостоятельно, причем на свой страх и риск. В прибыльные сферы занятости их не пускали хорошо организованные местные рабочие. Известны кровавые столкновения между артелью грузчиков-капелевцев и членами Союза грузчиков в сентябре 1921 г. во Владивостоке²⁸³.

В дальнейшем на юге Приморья появились еще несколько проектов организации общественных работ, инициированных уже органами местного самоуправления. Даже в феврале 1922 г. председатель Владивостокской городской комиссии общественного призрения Н.А. Данле, признав финансово несостоятельным областное земство, отмечал, что только город может осуществить функцию общегосударственного значения. Для снятия остроты социальной напряженности в Приморье он считал необходимым организовать сельскохозяйственные фермы, артели по разработке горных и лесных богатств, починке дорог и мостов, заготовке дешевого топлива, плетению веников, сбору ягод, ловле рыбы²⁸⁴. Его беспокоили страшные симптомы общего обнищания населения. Здоровые и трудоспособные люди сдавали своих детей в приюты, признавая невозможность прокормить себя и детей в условиях тотальной безработицы²⁸⁵.

Но для повышения рентабельности производства требовался дешевый труд. На российском рынке не каждый соглашался занимать вакансию за предлагаемую мизерную зарплату, да и законодательство не позволяло легально устанавливать оплату существенно ниже прожиточного минимума. Выходцы из Кореи и Китая, проникшие в предшествующие годы даже на Урал, составляли мощнейшую конкуренцию российским пролетариям востока России в 1918–1919 гг. После антибольшевистского переворота в ряде мест наблюдались активные попытки привлечь

²⁸² Там же. Д. 4. Л. 3–7, 17–26, 29–30, 54–58 об.

²⁸³ *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Шанхай: Слово, 1932. С. 6.

²⁸⁴ ЦГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 2. Д. 36. Л. 6–7.

²⁸⁵ Там же. Оп. 5. Д. 42. Л. 4 об.–5.

иностранных рабочих или военнопленных²⁸⁶. Местные власти, руководители предприятий и предприниматели предпочитали ввезти избыточное количество мигрантов из Китая, за счет чего целенаправленно сбить цены на рабочие руки. На место забастовавших российских рабочих наниматели старались принять китайцев, мотивируя это неуступчивостью российских пролетариев и их чрезмерными требованиями к работодателям²⁸⁷. Причем местные власти придерживались такого же мнения. Верховный уполномоченный на Дальнем Востоке в начале 1919 г. запросил у Совета министров разрешение нанимать иностранцев на предприятия края²⁸⁸. Впрочем, судя по сообщениям газет, иногда возникали сложности с подобным наймом. Владивостокские грузчики, требовавшие 50%-ной прибавки к зарплате, не пустили на свои места китайских рабочих и добились своего – милиция саботировала жалобы предпринимателей, а управляющий Приморской областью А.В. Цеклинский заставил их согласиться с таким ростом тарифов²⁸⁹.

Другой трудовой ресурс – военнопленные. По данным В.Г. Вегмана, их насчитывалось в Сибири и на Дальнем Востоке в это время около 240 тыс.²⁹⁰ На Урале располагалось, по приблизительным подсчетам, 385 тыс. военнопленных²⁹¹. Крупные лагеря сосредоточивались в Поволжье. Только под Симбирском концентрировалось 28 тыс. военнопленных. Их труд стал широко использоваться на востоке России с 1915 г. На уральских заводах в 1915 г. военнопленные составляли в среднем 17% занятых, в 1916 г. – 29%, а по отдельным горнозаводским округам этот показатель доходил до 40%²⁹². Несколько иные сведения дает статистика бывшего Генерального штаба на 1 сентября 1917 г. (Таблица 4.1). При этом следует оговориться, что часть территории Казанского военного округа не выходила из-под контроля советской власти или выходила на очень короткое время.

²⁸⁶ Кальнин Я. Труд при «белых» // Сибирские огни (Новосибирск). 1929. № 3. С. 141–142; Курганский свободный вестник. 1918. 16 июня.

²⁸⁷ Сучанская долина в годы гражданской войны ... С. 36–37; Рабочий мир (Владивосток). 1919. 20 янв.; Приморский рабочий (Владивосток). 1919. № 1–2. С. 16–17.

²⁸⁸ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 20 марта.

²⁸⁹ Голос Приморья (Владивосток). 1919. 14 февр.

²⁹⁰ Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 517.

²⁹¹ Данилов В.А. К вопросу об историографии движения иностранных интернационалистов на Урале и в Сибири // История Советской России: новые идеи, суждения: тез. Второй респ. конф. Тюмень, 1993. Ч. 1. С. 28.

²⁹² Суржикова Н.В. Плен, лень и бухгалтерия (к вопросу об эффективности трудового использования военнопленных I мировой войны в экономике Урала) // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития. Челябинск, 2010. С. 41.

Таблица 4.1 – Численность военнопленных в концентрационных лагерях на востоке России в 1917 г.

Чел.

Военный округ	Всего военнопленных	Солдат	Офицеров	Находились в лагерях	Использовались на сельскохозяйственных работах	В лечебных заведениях
Казанский	285376	279747	5629	23108	3106	259163
Омский	207001	202540	4461	9183	1060	196689
Иркутский	36388	28261	8127	16328	1412	18701
Приамурский	14306	9816	4490	9023	639	4489

Рассчитано по: Россия в мировой войне. М., 1925. С. 40.

Приведенные данные не преследуют задачи установить точную численность военнопленных на востоке России. Но зато они с очевидностью показывают, что контингент военнопленных был велик, составлял примерно от 300 тыс. до 500 тыс. чел. и их труд широко использовался в сельском хозяйстве, на промышленных и транспортных предприятиях.

Установление советской власти нарушило уже сложившуюся систему – военнопленные получили возможность наниматься на добровольной основе, и их работа стала оплачиваться по средним рыночным расценкам труда, что сделало ее малопривлекательной для работодателей²⁹³. Сохранился спрос только на труд пленных, являвшихся ценными специалистами высокой квалификации. Но для лиц, не обладавших востребованными профессиональными навыками, устройство на работу оказалось делом трудным, что усугублялось плохим знанием языка, общей психологической подавленностью плена²⁹⁴, порождая маргинальную безработицу. Именно этой причиной следует объяснить активный переход больших групп военнопленных к «красным». Большинство из них были аполитичны, но в условиях распада системы занятости и обеспечения они готовы были служить любой власти, способной их кормить и одевать. Большевики это быстро поняли, создав из них отряды «интернационалистов»²⁹⁵.

²⁹³ Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. С. 51–76; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири. 1914–1917 гг. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154–180; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–148; Талалин А.Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг. (по материалам Омского военного округа) // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 130–134; Schleicher J. Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Ersten Weltkriegs in Russland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 2000. № 10. S. 71–78, 95–104.

²⁹⁴ Вебер М.И., Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на востоке России: взгляд Йохана Принса // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 351, 359.

²⁹⁵ Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 208–210.

Более того, в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора весной 1918 г. пленные стали готовиться к отправке на родину. Некоторых из них чехословацкий мятеж застал в поездах. Причем, воспринимая германских и австро-венгерских пленных как армию противника, чехословацкие легионеры поворачивали такие поезда в обратную сторону, а пассажиров конвоировали обратно в лагеря. По данным Е. Брандсторм, проверить которые не представляется возможным, на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях Урала, Сибири и Дальнего Востока осталось около 400 тыс. пленных. Кроме того, 18,5 тыс. гражданских пленных, располагавшихся на Урале и в Сибири и приготовившихся к выезду на родину, тоже были возвращены обратно в сельскую местность, где ранее проживали. Таким образом, на востоке России сложились возможности для использования труда большого количества работоспособного мужского населения²⁹⁶. Потенциально это была очень мобильная масса, хотя нельзя было не учитывать физическую усталость, моральную подавленность и политическую неблагонадежность пленных.

Профсоюзные и рабочие организации выступали категорически против использования труда военнопленных. Их позиция определилась еще в 1917 г. Они требовали либо запрета использования труда военнопленных, либо оплаты их труда наравне с российскими рабочими²⁹⁷. Дело было не в человеколюбивом отношении профсоюзных лидеров к пленным. Просто существовавший с дореволюционного времени порядок предложением доступного и дешевого принудительного труда делал менее привлекательными для работодателя отечественных работников и создавал тенденцию на понижение общего уровня оплаты труда²⁹⁸. Интересно, что в Германии аналогичное отношение российским военнопленным как конкурентам на рынке труда возникло после заключения Компьенского перемирия и начала Ноябрьской революции. Как и на востоке России, ситуацию усугубляло подозрение в политической нелояльности чужеземцев, волею судеб привлеченных к принудительному или добровольному труду²⁹⁹.

После ликвидации советской власти на востоке России лидеры разных правительств высказали разное отношение к данному вопросу. Ведомство труда Комуча летом 1918 г. поддержало требование профсоюзов, обещая принять постановление, запрещающее предпринимателям брать на работы пленных, если имеются свободные российские рабочие. Вопрос о расценках на труд при этом не рассматривался. Правда, никаких нормативных положений по этому поводу так и не было принято³⁰⁰. Иначе отнеслись к использованию обитателей лагерей на сельскохозяйственных

²⁹⁶ *Brändstarm E.* Among prisoners of war in Russia and Siberia. L., 1929. P. 251–252.

²⁹⁷ *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 233–236; Под знаменем Комуча ... С. 278.

²⁹⁸ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 166. Л. 106–107 об.; *Дробченко В.А.* Кузбасс в вихре революций ... С. 284.

²⁹⁹ См.: *Нагорная С.О.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М., 2010. С. 80.

³⁰⁰ Вестник Самарского совета профессиональных союзов. 1918. № 1. С. 11.

работах. Крестьяне в Самарской губернии уже в июле просили штаб Народной армии срочно прислать военнопленных для уборки обильного урожая за отсутствием достаточного количества свободных рабочих рук в деревне. Судя по всему, штаб просьбу удовлетворил. В августе крестьяне ходатайствовали не забирать у них работников-пленных до конца уборочной кампании – т.е. до середины октября³⁰¹. Также преимущественно социалистическая по составу городская управа во Владивостоке летом 1918 г. выдвинула предложения для смягчения безработицы в Приморье: уволить и выдворить всех иностранцев (китайцев и корейцев) для оздоровления рынка труда, наводненного российскими безработными³⁰², но никаких реальных мер для реализации намеченного городские власти не предприняли.

Местные военные власти на востоке России восстанавливали дореволюционный порядок использования военнопленных и оплаты их труда. Например, 28 июня 1918 г. командующий войсками Красноярского района предписал военнопленным в трехдневный срок вернуться в концентрационный лагерь. Их трудовое использование возобновлялось по заявкам предприятий, учреждений с разрешения штаба командующего³⁰³. В Казани всех военнопленных, работавших на частных предприятиях, за исключением занятых на оборонных предприятиях, комендант города распорядился вернуть в лагерь в течение двух дней³⁰⁴. Желание навести решительный порядок в деле организации трудового использования военнопленных проявили власти Урала и Сибири. Приказ Комуча № 67 от 1 июля 1918 г. предписывал всех празднующихся военнопленных отправлять в концентрационные лагеря. Распределение военнопленных на работы передавалось коменданту Чехословацкого корпуса, к которому предлагали обращаться всем нуждающимся в рабочей силе³⁰⁵. Но, вероятно, недаром 17 сентября 1918 г. уполномоченному по делам военнопленных пришлось повторно в категорической форме предупредить о необходимости возвращения в лагерь всех военнопленных, за исключением отпущенных на работы лично комендантом. Лицам, укрывавшим военнопленных, уполномоченный грозил военно-полевым судом³⁰⁶.

В Сибири более обстоятельно занялись использованием этого трудового ресурса. В июле 1918 г. специальная межведомственная комиссия разработала новые, достаточно строгие правила, регулировавшие труд военнопленных, которые 29 июня 1918 г. утвердило Временное

³⁰¹ Под знаменем Комуча ... С. 207, 213.

³⁰² Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке ... С. 117.

³⁰³ Воля Сибири. 1918. 29 июня; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. С. 74.

³⁰⁴ Новое казанское слово. 1918. 16 авг.

³⁰⁵ Приказы Комуча. С. 42–43; Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 1. С. 204; Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 169; Троцкий В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Т. II. С. 131.

³⁰⁶ Под знаменем Комуча ... С. 83.

Сибирское правительство³⁰⁷. В соответствии с ними получавшие военнопленных работодатели обязывались внести в казну все доходы от использования их труда, самостоятельно вычтя расходы на содержание рабочей силы. Правила были продублированы и детализированы местными начальниками сибирских и уральских гарнизонов³⁰⁸. Новый нормативный акт предписывал особому межведомственному совещанию распределять военнопленных на работу. Им вновь воспретили свободное перемещение по стране, а на промышленные и сельскохозяйственные работы стали отпускать строго по заявкам нанимателей. При этом местные власти старались не допустить конкуренции с безработными российскими подданными³⁰⁹. На строительство концентрационных лагерей для военнопленных правительство выделило 400 тыс. руб.³¹⁰ На Урале к 10 октября 1918 г. объявили сбор всех военнопленных, распределенных при советской власти по разным предприятиям и учреждениям. Приоритетное право на использование их труда получили предприятия, работавшие на оборону³¹¹. В сибирских городах военные власти провели те же меры. Они также попытались наладить регистрацию использования труда военнопленных и собрать плату с предприятий и частных лиц за его использование в предшествующие месяцы³¹².

Специально изучавшая вопрос о трудоустройстве военнопленных Н.В. Суржикова скептически оценивает властные предписания, уточняя, что на идее вернуть всех обитателей в концентрационные лагеря «быстро поставили жирный крест» ввиду элементарной нерентабельности их содержания. Напротив, летом 1918 г. на Урале военнопленных старались распределить сельским хозяевам на работы, а те охотно выписывали таких работников³¹³. Невысоко Н.В. Суржикова оценивает и норму, предписывавшую работодателям отчислять в казну доходы от использования пленных. Такой порядок не мог мотивировать пленных к производительному труду, так как работать приходилось фактически за еду и одежду, на которых работодатели всегда стремились экономить³¹⁴. Несколько больше хозяйственного расчета проявил комендант Читинского гарнизона. 3 октября 1918 г. он предписал всем частным предприятиям и отдельным лицам, использующим труд военнопленных, оплачивать его по расценкам в 50% от среднерыночных. При этом на руки военнопленному выдавать лишь 15 руб. в месяц, а остальное уплачивать в штаб гарнизона. На казенных предприятиях устанавливалась твердая оплата – 50 руб. в месяц, из

³⁰⁷ Сибирский вестник. 1918. 18 авг.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 6. Ст. 63; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 1. С. 138–143; Временное Сибирское правительство. С. 208–211.

³⁰⁸ Белое движение. С. 53; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. С. 121.

³⁰⁹ Курганская свободная мысль. 1918. 16 июля.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 78–78 об.

³¹¹ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

³¹² Народная Сибирь. 1918. 1 окт.; Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 24 марта.

³¹³ Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции ... С. 123–124.

³¹⁴ Суржикова Н.В. Производительность труда пленных иностранцев на Урале // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 149–155; Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции ... С. 180–181.

которых 35 руб. вносились в кассу штаба³¹⁵. Такой порядок, базировавшийся на нормах лета 1917 г., не только возрождал экономические стимулы к трудовому использованию пленных, но и обеспечивал некоторый приток средств местному гарнизону.

Директория 20 октября 1918 г. по просьбе верховного главнокомандующего морскими и сухопутными силами России генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева вернулась к обсуждению проблемы использования военнопленных³¹⁶. За основу принятого постановления был взят этнический признак. Военнопленным славянского и румынского происхождения разрешили записываться в национальные добровольческие отряды или формировать особые трудовые роты. Военнопленные немецкого, мадьярского и турецкого происхождения концентрировались в крупных лагерях и поступали для трудового использования в распоряжение военных властей или предприятий, работающих на оборону. Всех военнопленных следовало эвакуировать из прифронтовой полосы³¹⁷.

Весной 1919 г. Военное министерство Российского правительства забило тревогу по поводу слабого использования военнопленных как трудового ресурса для предприятий, работавших для армии. В записке, поданной в Совет министров 29 апреля 1919 г. отмечалось, что проконтролировать внесение в казну доходов работодателей от использования труда военнопленных практически невозможно, а сами они, «разнузданные и развращенные в период большевистской власти», предъявляли претензии на комфортные условия содержания и, получив отказ, предпочитали празднично проводить время в лагерях в безделье, питаясь за казенный счет³¹⁸.

15 мая 1919 г. Совет министров отменил все ранее изданные постановления об отпуске военнопленных на работы и установил новый порядок. Во всех крупных пунктах содержания военнопленных командующие войсками округа учреждали междуведомственные комиссии для регистрации пленных по категориям и специальностям и распределения на работы. В первую очередь удовлетворялись нужды обороны, затем – заявки правительственных ведомств в интересах казны, в последнюю очередь пленных отпускали в распоряжение земских и городских органов самоуправления для производства сельскохозяйственных и общественных работ. Бывшие красноармейцы не могли отпускаться на работы, только пленные Первой мировой войны. Рядовые привлекались к обязательным работам, унтер-офицеры – на добровольной основе. Офицеры и лица «интеллигентных профессий» привлекались к работам в исключительных случаях, кроме медиков, которые использовались в обязательном порядке. Необходимым условием

³¹⁵ Трудовая Сибирь (Чита). 1918. 6 окт.

³¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 96. Опул: Временное Всероссийское правительство. С. 174–175.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Д. 20. Л. 46–47. Документ предоставлен В.И. Шишкиным; опул.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920 гг.: документы и материалы. М., 2018. Т. 2: Чехословацкие легионеры и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. С. 473–474. В дневнике В.Г. Болдырев записал, что в основу принятого постановления легли приказы генерала Я. Сыровы (*Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания.* Новониколаевск, 1925. С. 74).

³¹⁸ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 104. Л. 55–55 об.

использования труда военнопленных стало отсутствие на бирже труда предложения аналогичных услуг со стороны отечественных работников аналогичных специальностей. Все неказенные пользователи труда военнопленных должны были оплачивать его вперед за все время использования – по 10 руб. за чернорабочего и 20 руб. за квалифицированного работника в месяц. Также пользователь брал на себя расходы по конвоированию, охране, содержанию (одежда, питание, обеспечение жильем и медицинским обслуживанием) и оплачивал работу военнопленных из расчета 2/3 от рыночной оплаты труда работников соответствующей квалификации. Отказ от работ или побег военнопленных карался возвращением в концентрационный лагерь сроком на один месяц³¹⁹.

Сводка на 1 мая 1919 г. зафиксировала десятки лагерей Казанского, Омского, Иркутского и Приамурского военных округов, в которых содержалось 15 011 военнопленных офицеров и 141 074 солдата. Численность их через месяц возросла – 12 965 офицеров и 146 873 солдата. Крупнейшие лагеря востока России по населенности можно сопоставить с сибирскими городами. В Омском лагере находилось 17 тыс. чел., Иркутском – 12,4 тыс. чел., Барнаульском – 10 тыс. чел.³²⁰

Крупные промышленные предприятия Сибири воспользовались возможностью, предоставленной правительством. Железные дороги и угольные копи Сибири запросили вернуть им дореволюционное количество военнопленных (например, Омская дорога – 4 тыс. чел.)³²¹. 3 октября 1919 г. Совет министров поручил военному ведомству выделить для Кузнецких, Анжеро-Судженских и Черемховских копей 4 тыс. военнопленных. Одновременно предписывалось в очередной раз произвести правильный общий учет и организовать более рациональное использование трудового потенциала военнопленных³²². При этом на местные органы МВД возлагалась задача разрешать конфликты по вопросам оплаты труда между работодателями и военнопленными и охранять последних. В этом случае дополнительные должности милиционеров учреждались за счет нанимателей³²³.

Тем не менее, располагая столь значительными трудовыми ресурсами, власти не смогли обеспечить достаточного количества рабочей силы даже для наиболее важных стратегических объектов сибирской экономики. Сказалось и тщательно раздувавшееся пропагандой подозрение военнопленных в связях с большевиками. Порой их предпочитали запереть в концентрационном лагере под охраной, потому что трудоиспользование предполагало мобильность и широкие контакты с населением. Это не исключало случаев, когда сотни и тысячи военнопленных продолжали «праздно шататься» по городам без всякого учета³²⁴, а будучи призваны на работы, бежали

³¹⁹ Правительственный вестник. 1919. 19 июня.

³²⁰ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 60. Л. 2–4, 19, 32.

³²¹ ГАРФ. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 2. Л. 132.

³²² Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 177 об.

³²³ Алтайский вестник. 1919. 11 авг.

³²⁴ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 550. Л. 1; Бюллетень. Экстренный выпуск (Владивосток). 1919. 12 мая.

при первой же возможности³²⁵. Контроль за обитателями концентрационных лагерей оставался очень слабым. В критический момент эвакуации «белых» по Транссибирской магистрали дефицит рабочей силы на Кузнецких, Черемховских и Забайкальских коях, обеспечивавших железную дорогу углем, пришлось восполнять за счет военнопленных чехословацкого корпуса³²⁶. Е. Брандсторм писала, что военнопленных на востоке России привлекали в 1919 г. к разнообразным работам настолько широко, что они составляли в разных отраслях 50–80% всех занятых. Едва ли это утверждение достоверно. Обращает на себя внимание другая приводимая ею информация. По ее сведениям, чехословацкие легионеры держали при корпусе для подсобных работ 12 тыс. военнопленных³²⁷. Если это соответствует действительности, то, вероятно, составляло очень значительную долю от всех привлекаемых к работам пленных, непропорционально большую по сравнению с российскими предприятиями. Очевидно, что это сильно сужало возможность использовать принудительную рабочую силу в других отраслях народного хозяйства. Нельзя сбрасывать со счетов веские причины неэффективного использования и тех военнопленных, которые все же посылались на работы. Есть сведения, что присланных на работу на Южно-Сибирской железной дороге немцев и мадьяр администрация очень плохо содержала и кормила. При этом оставляла их почти без конвоя в пустынной местности (один стражник на 50 пленных). Неудивительно, что они сбегали целыми партиями по 40 чел.³²⁸

Некоторые представители власти осознавали существенные недоработки правительства в сфере использования принудительного труда. 23 августа 1919 г. на заседании комитета экономической политики товарищ министра торговли и промышленности С.А. Введенский делал доклад о неиспользованных ресурсах свободной рабочей силы. Он отметил совершенно неудовлетворительную постановку учета и распределения на работы военнопленных мобилизационным отделом Главного штаба верховного главнокомандующего³²⁹.

На финальной стадии Гражданской войны власти уже не пытались и не могли свободно использовать военнопленных в своих интересах. Отчасти это происходило в силу идеологических причин – социалисты, пришедшие к власти, серьезно воспринимали идеи пролетарского интернационализма, отчасти – из-за совершенной неспособности контролировать ситуацию. В результате режим использования труда военнопленных трансформировался и оказался близким к тому, который существовал в первые месяцы советской власти.

Командующий сухопутными и морскими войсками Временного правительства – Приморской областной земской управы – полковник А.А. Краковецкий 21 февраля 1920 г. объявил, что

³²⁵ Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции ... С. 124.

³²⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 244 об.

³²⁷ Brändstarm E. Among prisoners of war ... P. 267–268.

³²⁸ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1: Май 1918 – сентябрь 1919 г. С. 635.

³²⁹ Русская армия. 1919. 31 авг.

все военнопленные считаются отныне свободными и могут покидать лагерь. Не уехавшие на родину имели право наниматься на работу наравне с российскими гражданами. Желаящие остаются в лагерях и переводятся на солдатский паек. Власти оставляли за собой право привлекать таких военнопленных к казенным работам. Занятые на предприятиях и служившие в учреждениях военнопленные могли получить освобождение от работы по мере подыскания им замены, но не дольше, чем через месяц³³⁰.

От подобных нерешительных и двойственных полумер радикально отличается позиция советской власти, еще с лета 1918 г. взявшей курс на полноценное распоряжение своими военнопленными, включая пленных иностранных государств, в качестве трудовых ресурсов. По мере развития Гражданской войны этот курс только усиливался и ужесточался³³¹. Сибревком 2 января 1920 г. объявил всех трудоспособных военнопленных трудомобилизованными³³².

В антибольшевистский период власти обозначили еще один ресурс мобилизации экономики, но тоже не смогли его использовать в достаточной мере. Речь идет об организации гражданского населения. Стихийные попытки местных властей мобилизовать людей на выполнение тех или иных работ можно было встретить даже летом 1918 г. Сызранское интендантство распределило через кварталных шитье обмундирования для армии. Причем к этой работе привлекли на основаниях безвозмездности, что вызвало ропот среди горожан³³³. Местные власти принимали подобные решения на востоке России неоднократно. Например, в Ишиме в конце 1918 г. комендант провел мобилизацию ремесленников для изготовления сапог, а в Алтайской губернии кустарей мобилизовали на пошив и изготовление военного снаряжения для интендантства³³⁴. Меры эти позволяли облегчить снабжение армии отдельными предметами, но не решали проблему системно. Подобные меры настраивали против местной власти кустарей в отдельных городах. Но чаще всего интендантства объявляли свободные торги на предметы армейского снаряжения и вооружения и вынуждены были считаться с рыночными ценами на труд.

Очевидна крайняя нерешительность органов центральной и местной власти, даже в условиях, близких к коллапсу, сохранявших приверженность принципам свободного найма и рынка как основного регулятора цен на рабочие руки. Например, когда речь шла об очистке от снега железнодорожных путей в прифронтной полосе и заготовке дров для движения паровозов, жизненно необходимых для обеспечения военных действий, приходилось изыскивать средства для

³³⁰ ГАРФ. Ф. Р-4531. Оп. 1. Д. 34. Л. 41–42.

³³¹ Пащина М.В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 191–192.

³³² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 42; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны ... С. 95; Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции ... С. 317–318.

³³³ Земля и воля (Сызрань). 1918. 5 авг.

³³⁴ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 383–384; Кунгурский вестник. 1919. 21 февр.

найма свободных работников и считаться с ценами на поденщину. В таких случаях вольнонаемные рабочие диктовали правительству выгодные для себя условия.

Активнее всего в прифронтовых уездах и в районах военных действий против партизан использовалась мобилизация возчиков вместе с лошадьми и подводами. Во время перевозок мобилизованные получали от военного ведомства солдатский паек и корм для лошадей, но до места работ вынуждены были добираться за собственные средства. Так как в районе действия войск гужевого транспорт требовался в большом количестве, мобилизовывались сотни подвод, работавших посменно по несколько дней. Таким образом, привлечение к гужевой повинности действительно оказалось серьезным ударом по крестьянским хозяйствам прифронтовой полосы³³⁵.

Неоднократно предпринимались попытки призвать население на строительные и сельскохозяйственные работы. Во время летнего 1919 г. наступления Российской армии МВД предложило организовать артели для помощи семьям призванных и добровольно ушедших в армию. Отдел сельского управления МВД циркуляром от 2 июля 1919 г. предлагал созвать губернские совещания по организации общественной трудовой помощи³³⁶. Предлагаемые меры опирались на опыт решения проблемы в годы Первой мировой войны³³⁷ и мало подходили для текущей ситуации, требовавшей куда более решительных мер. Активнее всего взялось за воплощение данной идеи войсковое управление Сибирского казачьего войска, настойчиво просившее срочно направить ему 15 тыс. беженцев для работ в хозяйствах призванных казаков³³⁸. Среди беженцев шла активная вербовка на сельскохозяйственные работы, дававшая очень мало результатов. Пришлось объявлять мобилизацию казахского мужского населения в возрасте от 18 до 43 лет³³⁹.

Пожалуй, более-менее решительно этот ресурс использовался только в Степном крае, где казахское население принудительно свозили на работы по строительству Южно-Сибирской магистрали³⁴⁰, использовали в качестве возчиков воинских грузов и контингентов военнослужащих. Бремя мобилизаций было распределено очень неравномерно между разными волостями, перегружало хозяйство казахов и вело к массовому разорению коренного населения³⁴¹.

Основные усилия правительство направило не на создание нормативной базы и административно-организационное обеспечение трудовых мобилизаций населения для обеспечения армии, промышленности, транспорта и сельского хозяйства трудовыми ресурсами. Решение

³³⁵ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 194. Л. 132–133, 377–377 об.

³³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-3937. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–42 об.; ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 93. Л. 2–2 об.

³³⁷ См.: Рышков В.М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 29.

³³⁸ Земельные органы антибольшевистских правительств Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. документов. Новосибирск, 2017. С. 401–402.

³³⁹ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 93. Л. 8–8 об., 15, 19, 23–25, 28–28 об.

³⁴⁰ Там же. Д. 111. Л. 8–8 об.; Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 193. Л. 16.

³⁴¹ Там же. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 193. Л. 25–27, 33–34; Д. 195. Л. 4–5.

данной проблемы так и осталось задачей военного руководства на местах и органов местного самоуправления.

Центральные учреждения сосредоточились на другом. Не имея возможности платить своим служащим достойную зарплату, правительство, естественно, испытывало недостаток квалифицированных кадров. Тогда как служащих из низовых звеньев государственного и земско-городского аппарата массово призывали в армию, значительная часть образованных квалифицированных людей предпочитала устраиваться на службу в коммерческие предприятия и учреждения. В результате возник острейший дефицит работников в отраслях, связанных с социальной сферой. Например, в Ачинском уезде было мобилизовано в армию 7 из 8 врачей, в Мариинском уезде – 4 из 7³⁴² (по данным С.П. Звягина – 8 из 12)³⁴³. Такова была ситуация не только в Сибири, но и в регионах с давней системой земской медицины. Там все осложнялось их прифронтовым положением. Медицинский персонал был мобилизован в армию. В Оханском уезде осталось 4 земских врача вместо прежних 11³⁴⁴. В то же время города были переполнены квалифицированными медицинскими работниками, предпочитавшими иметь хоть небольшую, но частную практику.

Еще 2 сентября 1918 г. в Совете министров был впервые поднят вопрос о возможности принудительной мобилизации на гражданскую службу лиц с высшим образованием³⁴⁵. 22 и 26 марта, 5 апреля 1919 г. при юрисконсультской части управления делами Верховного правителя и Совета министров заседала междуведомственная комиссия по обсуждению законопроекта о всеобщей гражданской повинности. Основной целью планируемой меры комиссия считала «подкрепление правительственного аппарата штатом служащих»³⁴⁶. Многие служащие правительственных учреждений подлежали призыву в армию, но сохраняли, как известно, право вернуться на занимаемую ранее должность. Для этого, чтобы заполнить множество временных вакансий, Российское правительство собиралось мобилизовать лиц соответствующей квалификации, не подлежащих призыву и занятых в общественных и частных учреждениях³⁴⁷.

А 6 мая 1919 г. им было принято постановление о трудовой повинности³⁴⁸. Оно позволяло по мере необходимости призывать на гражданскую службу лиц «интеллигентских профессий» в возрасте от 21 до 55 лет.

³⁴² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 25. Л. 342–342 об.

³⁴³ Звягин С.П. Кузбасс в годы гражданской войны. Кемерово, 2007.

³⁴⁴ Гражданская война в Прикамье. С. 264.

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 169.

³⁴⁶ Там же. Оп. 6. Д. 51. Л. 1 об.

³⁴⁷ Там же. Л. 18 об.–19.

³⁴⁸ Правительственный вестник. 1919. № 161; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 28–29 об.; Д. 92. Л. 318–322 об. Предложение о переименовании повинности в трудовую выдвинуто в ходе работы междуведомственной комиссии (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 51. Л. 7 об.).

В правительстве имелись сторонники расширения этой меры. За ее реализацию еще весной 1919 г. активно ратовал управляющий делами Верховного правителя Г.Г. Тельберг³⁴⁹, в августе 1919 г. помощник управляющего Министерства торговли и промышленности С.А. Введенский говорил о желательности полного учета и централизованного распределения в интересах государства прибывающих с востока трудовых ресурсов, имея в виду беженцев³⁵⁰. У этой меры нашлись и яростные противники как в Совете министров – например, управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский³⁵¹, так и в обществе. Критики отмечали, что закон позволял призывать небольшое количество людей, но ради этого требовалось провести анкетирование и медицинское освидетельствование значительной массы служащих. Кроме того, они указывали на совершенную неэффективность принудительного интеллектуального труда³⁵² и негативную реакцию обывателей на этот шаг, напоминая большевистские мобилизации интеллигенции.

С принятием постановления споры о порядке его применения не утихли. Смысл уже принятого закона, целесообразность его корректировки и порядок применения вновь обсуждался на междуведомственной комиссии 28 июня и 1 июля 1918 г.³⁵³ Закон предполагалось применять локально, призывая то медиков, то юристов, то ветеринаров. 8 июля 1919 г. Совет министров постановил произвести полный учет всех служащих, подлежащих призыву³⁵⁴. Интересно, что этот закон в советской историографии оброс самыми фантастическими интерпретациями. Например, В.П. Малышев преподнес его как введение обязательной всеобщей трудовой повинности, против которой якобы активно протестовали рабочие³⁵⁵.

Тем не менее закон вступил в силу, и власти провели учет, а во многих местах и медицинское освидетельствование служащих, осуществив их частичный призыв³⁵⁶. Воспользовались принятым законом, однако, с большой осторожностью. 11 июля 1919 г. объявили призыв юристов³⁵⁷. 11 августа 1919 г. Совет министров предоставил управляющему Министерством снабжения и продовольствия право привлекать на службу в свое ведомство сроком до полугода работников кооперативных и торгово-промышленных организаций, имеющих практический опыт хозяйственной деятельности и проживавших в Новониколаевске и городах западнее него³⁵⁸. 15 августа 1919 г. правительство приняло решение в связи с сокращением работ в государственных учреждениях направлять служащих, в том числе женщин, в распоряжение военного ведомства для

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 101. Л. 135–137.

³⁵⁰ Правительственный вестник. 1919. 28 авг.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 101. Л. 132–135.

³⁵² Там же. Оп. 6. Д. 51. Л. 8.

³⁵³ Там же. Д. 52. Л. 12–12 об., 14–19.

³⁵⁴ Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 96–98 об.

³⁵⁵ *Малышев В.П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 136–137.

³⁵⁶ ГАТО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–336.

³⁵⁷ Правительственный вестник. 1919. 17 авг.; Русская армия. 1919. 31 авг.; *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 85.

³⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 19 об.–20 об.

исполнения работ на нужды армии³⁵⁹. Много позже, 30 сентября 1919 г., Совет министров постановил осуществить призыв медицинских работников для отбывания службы по ведомству Министерства внутренних дел³⁶⁰. В дальнейшем к праву мобилизации медицинских работников прибегал Политцентр 3 января 1920 г. и атаман Г.М. Семенов 17 января 1920 г.³⁶¹ Правда, в дискреционном порядке призывы интеллигенции в прифронтовой зоне использовались до законодательного утверждения. Именно таким вариантом стало объявление командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р.Х. Гайды мобилизации врачей – мужчин и женщин до пятидесятилетнего возраста в Пермской губернии³⁶².

Мобилизационные мероприятия коснулись только служащих, но недостаточность такого подхода становилась очевидна. Члены Государственного экономического совещания, обсуждая вопрос о путях преодоления острейшего дефицита рабочей силы на Кузнецких каменноугольных копях, 5 августа 1919 г. предлагали помимо доставки китайских рабочих и военнопленных предоставить бронь от мобилизаций угольщикам и вернуть из армии уже мобилизованных³⁶³. В Омске в октябре 1919 г., когда армия еще собиралась оборонять его от «красных», горожан мобилизовали на строительство оборонительных сооружений. Но ни правильного учета рабочей силы, ни контроля за эффективностью ее использования не наладили. О применении более жестких мер речь не заходила³⁶⁴. Чрезмерная осторожность в вопросах использования отечественных рабочих не позволяла решать проблемы стратегических отраслей. Тот же Вс. Н. Иванов писал, что во время эвакуации из Омска по Транссибирской магистрали в условиях настоящей гуманитарной катастрофы в связи со скоплением на путях сотен поездов вспомогательные железнодорожные рабочие и грузчики строго придерживались восьмичасового рабочего дня, словно целенаправленно задерживая движение эшелонов на восток³⁶⁵. Власти не решились применить чрезвычайные методы воздействия – железнодорожники не считались мобилизованными.

Мероприятия антибольшевистских правительств на востоке России во второй половине 1918 – 1919 г. по регулированию рынка труда не отличались эффективностью. Причину в значительной мере следует искать в объективных экономических тенденциях. Сокращение числа занятых и снижение уровня средней заработной платы – неизбежное следствие экономического спада и одновременно механизм самосохранения экономики. Слабое государство, а именно таким оно было у противников советской власти, оказалось не в силах переломить эти тенденции. Правительственные органы принимали меры в расчете прежде всего на период послевоенной

³⁵⁹ Правительственный вестник. 1919. 2 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 131–132 об.

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 164 об.–165 об.

³⁶¹ Бюллетень информационного бюро Политического центра (Иркутск). 1920. 7 янв.; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 13. Л. 80.

³⁶² Пермь от основания до наших дней, 1723–2013: исторические очерки. Пермь, 2013. Т. 1. С. 485–486.

³⁶³ Правительственный вестник. 1919. 29 окт.; ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 39. Л. 85.

³⁶⁴ Иванов Вс. В Гражданской войне: из записок омского журналиста. 2-е изд. М., 2017. С. 40.

³⁶⁵ Там же. С. 64.

стабилизации и призваны были способствовать постепенному снижению накала социальной напряженности в послевоенное время. Но стремление решать перспективные задачи обернулось полной неготовностью своевременно откликаться на вызовы Гражданской войны.

Очевидно, что «белые» сильно проигрывали своему противнику в твердости и решительности проведения мобилизационных мероприятий. В целом Российское правительство не вышло за рамки методов использования трудовых ресурсов в России во время Первой мировой войны. Политическим лидерам не приходила в голову идея широкой трудовой мобилизации. Российское правительство решилось мобилизовать только тончайший слой квалифицированных специалистов. Парадокс – именно боязнь прослыть «буржуазной диктатурой» сдерживала политиков от решительных шагов. Какой контраст с теми, против кого вели войну «белые»! В.И. Ленин еще в первые дни Февральской революции, ссылаясь на опыт немцев и французов, предлагал ввести в России всеобщую трудовую повинность³⁶⁶. В Советской России законодательное оформление трудовых мобилизаций тоже опережало практический переход к этому принципу организации социально-трудовых отношений. Но там оба процесса начали оформляться значительно раньше и протекали быстрее. Уже 12 января 1918 г. СНК провозгласил всеобщую трудовую повинность, а первый советский КЗоТ начинался со статей о порядке привлечения к ней граждан. Примечательно, что советские профсоюзы быстро трансформировались из органа защиты прав трудящихся в инструмент трудовой мобилизации³⁶⁷. Советская власть могла спокойно призвать к дисциплине и своих социальных союзников, и «попутчиков», и еще решительнее – тех, кого должна была опасаться. С осени 1918 г. она стала активно перебрасывать рабочую силу между предприятиями, концентрируя ее на важнейших в военном отношении участках. Летом же 1919 г. большевики перевезли на восток России десятки тысяч людей для уборки урожая, обеспечения работы транспорта, восстановления уральских заводов³⁶⁸. Осенью 1919 г. на Восточном фронте власти периодически объявляли мобилизацию «буржуазии», «кулаков» или «интеллигенции» на тыловые работы для обслуживания нужд армии³⁶⁹. Для восполнения убыли промышленного пролетариата на военных предприятиях Урала оперативно реэвакуировали из Сибири 3/4 эвакуированного «белыми» персонала (7,5 тыс.), командировали 9,3 тыс. специалистов из других регионов, привлекли в порядке трудовой мобилизации 20,4 тыс. чел. из ушедших с заводов рабочих³⁷⁰. А в антибольшевистской Сибири запоздавшие мобилизационные мероприятия лета 1919 г. так и

³⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 31. С. 43–44.

³⁶⁷ Буряк Е.М. Трудовые отношения в первые годы советской власти (на материалах промышленных районов Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2009. С. 18.

³⁶⁸ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России... С. 55.

³⁶⁹ Гражданская война в Прикамье. С. 86, 106.

³⁷⁰ Рафиков И.К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала (1917–1920 г.) // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989. С. 29–32.

не получили тенденции к углублению и расширению, и это стало одной из причин слабости тыла «белых».

Заключительный этап Гражданской войны на востоке России чрезвычайно богат разнообразными манипуляциями государства в области регулирования рынка труда. Но иркутский Политический центр не успел ничего реализовать в отведенные ему три недели пребывания у власти и лишь декларировал возвращение профсоюзам роли важнейшего инструмента регулирования социально-трудовых отношений. Только Черемховские копи передали в управление комиссии, состав которой назначали из лиц, согласованных с коллективами рабочих копей³⁷¹. В Восточном Забайкалье при атамане Г.М. Семенове вопросы занятости на институциональном уровне не регулировались. А в Приморье в ходе многочисленных политических изменений в сфере организации социально-трудовых отношений происходили многократные метаморфозы.

Одной из первых мер, которой символически обозначило свою идеологическую позицию и социальные пристрастия Временное правительство – Приморская областная земская управа, стал приказ № 1 по ведомству внутренних дел от 1 февраля 1920 г. о восстановлении на службе всех уволенных с 29 июня 1918 г. по 1 февраля 1920 г. за политическую деятельность, работу в профсоюзах, забастовки. При этом время вынужденного бездействия зачитывалось за службу и оплачивалось по ставкам, действовавшим на момент восстановления на службе. Эта мера являлась точным копированием прежних антибольшевистских актов в отношении восстановления на службе уволенных советской властью³⁷². 26 февраля 1920 г. последовало еще одно распоряжение, имевшее характер политического реванша в области трудовых отношений. Постановлением от 26 февраля 1920 г. Временное правительство – Приморская областная земская управа предоставила право руководству государственных учреждений лишать выходного пособия увольняемых служащих – «активных защитников павшей власти»³⁷³. Эсеровская власть Приморья действовала методами сродни советским первым месяцам 1918 г.

Приморские профсоюзы 28 февраля 1920 г. провели совещание с участием членов правительства. Они инициировали создание Областной палаты труда с широкими полномочиями, в том числе и по регулированию рынка труда. Правительство лишь частично пошло навстречу профессиональным организациям. Палату труда наделили полномочиями консультативного органа в области трудового нормотворчества. Биржи труда открывались как отдельные учреждения во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Спасске, Хабаровске и Харбине. Но правительство отвергло часть претензий профсоюзов. Палата и биржи не получили прав регистрации найма и увольнения³⁷⁴.

³⁷¹ ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.

³⁷² Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920. 15 февр.

³⁷³ Там же. 29 февр.

³⁷⁴ Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение ... С. 172–173.

10 сентября 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока – Приморская земская управа ввела новое положение о биржах труда, утвержденное Народным собранием Дальнего Востока³⁷⁵. В его основу было положено Временное положение, подготовленное в октябре 1918 г. Приморской областной земской управой. Круг обязанностей и полномочий бирж труда в обоих документах был одинаков. Теперь его основные нормы распространили на весь Дальний Восток – зону претензий Приморского государственного образования и предусмотрели более стройную единообразную систему бирж. Они учреждались в городах с населением не менее 25 тыс. чел, а в остальных населенных пунктах могли учреждаться по специальному решению. Биржи труда находились в ведении городских и земских самоуправлений и финансировались ими на паритетных началах. Если самоуправления не проявляли инициативы по организации биржи, управление ведомством труда могло само учреждать их за счет земств и городов. Закон обходил стороной вопрос о том, обязательно ли посредничество бирж труда при найме, но строго из текста следовала добровольность обращения к ее услугам. На управление делами труда возлагалась функция согласовывать работу всех бирж региона и вырабатывать для них единую форму делопроизводства. Важнейшей новацией стало то, что с открытием земской или городской биржи всякие частные посреднические конторы подлежали закрытию.

С переходом власти к Приморскому областному управлению ДВР в закон о биржах труда было внесено важное дополнение, сильно сблизившее его с советским законодательством. Найм для работников и нанимателей через посредничество биржи стал обязательным. Лица, устроившиеся на работу без посредничества бирж труда, подлежали увольнению. Сам порядок регистрации найма становился очень похож на мобилизационный. Регистрация безработных на биржах стала обязательной³⁷⁶. Однако на практике все эти жесткие постановления не выполнялись.

Временное Приамурское правительство постаралось демонтировать установленный предшественником правовой режим регулирования найма. 18 июля 1921 г. оно поставило вопрос о необходимости законодательно отменить порядок, по которому все нанимаемые должны были либо являться членами профсоюза, либо пройти регистрацию в одном из профессиональных объединений³⁷⁷. Любопытно, что такая норма отсутствовала в Положении о биржах труда Приморского областного управления ДВР, которое, по-видимому, попыталось руководствоваться напрямую законодательством ДВР.

В то же время глубочайший экономический кризис вновь ставил на повестку дня вопрос о регулировании сокращения штата предприятий. В январе–феврале 1921 г. завершилась сборка американских паровозов, возникла необходимость кардинального сокращения работ

³⁷⁵ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 10 сент.

³⁷⁶ Вестник Приморской области (Владивосток). 1921. 29 апр.

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 114 об.

Владивостокских временных железнодорожных мастерских. Из 1750 чел. сокращению подлежало 900. Вопрос о конкретных кандидатурах на увольнение Управление Уссурийской железной дороги решало совместно с районным комитетом профсоюза, представители которого имели решающий голос. 470 чел. распределили в другие дорожные службы, а 430 – увольнялись с дороги. Оставить старались семейных, переводу на другие участки и увольнению подлежали холостые и малосемейные. Причем переводившимся выдавался месячный оклад в качестве подъемных для обустройства на новом месте. Профсоюз добился сохранения за уволенными квартир до мая (чтобы дать возможность детям доучиться в школе). Примечательно, что в конце концов уволенные рабочие приказом по управлению транспорта ДВР объявлялись мобилизованными и переводились на работу в Читту³⁷⁸. Даже при антибольшевистском правительстве в Приморье профсоюзы оставались каналом тесного взаимодействия населения с «большой землей» – просоветским «буфером».

Вопросы регулирования рынка труда оказались крайне идеологизированными. Сокращение штата ставших ненужными временных железнодорожных мастерских, продолженное Временным Приамурским правительством, теперь уже трактовалось профсоюзными лидерами как поход против рабочего класса. Продолжавшийся рост безработицы, широко распространенные нарушения предпринимателями норм найма и увольнения, выплаты заштатных пособий преподносились оппозицией в качестве продуманных элементов антирабочей политики правительства³⁷⁹. Очевидно, что в переполненном беженцами городе, население которого выросло вдвое, а многие предприятия закрылись из-за отсутствия работы, в положении тотального безденежья условия найма и увольнения диктовали наниматели, за действиями которых правительство оказалось просто не в состоянии уследить.

В Советской России, несмотря на использование заостренной классовой риторики, восхвалявшей освобожденный от оков эксплуатации труд, власть проводила в жизнь сугубо практические мероприятия по обеспечению максимальной занятости, сочетая материальное стимулирование с жестким принуждением к труду, усиленным контролем за движением рабочей силы. 3 сентября 1918 г. СНК РСФСР декретом воспретил зарегистрированным на биржах труда работникам отказываться от предлагаемой работы по специальности, если тарифы соответствуют утвержденным в отрасли расценкам. Важно, что законодательство позволяло использовать безработных и в качестве чернорабочих, фактически организовывать из них отряды дешевой неквалифицированной рабочей силы, в том числе принудительно перемещать их в другие регионы. Введение трудовых книжек в Советской России начали с официально нетрудоустроенного населения, что

³⁷⁸ Гнатовская Е.Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции ... С. 210–212; см. также: Красное знамя (Владивосток). 1921. 18 янв.

³⁷⁹ Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение ... С. 299–300, 354–355.

давало возможность привлекать его к труду на «общественных работах. Осенью 1918 г. СНК предусмотрел возможность мобилизации всего населения для выполнения наиболее срочных и важных работ – расчистки железнодорожных путей от снежных заносов, заготовки дров, чем избавила себя от необходимости считаться с рыночными расценками на труд, неизбежно повышающимися вслед за усилением спроса, и не тратить усилия на поиск рабочей силы³⁸⁰. Наконец, 29 октября 1918 г. биржи труда решили окончательно заменить отделами учета распределения рабочей силы. Принятый 9 декабря 1918 г. Кодекс законов о труде вводил всеобщую трудовую повинность.

Это не отменило необходимость проводить специальные меры обеспечения рабочей силой стратегических отраслей. Проводились как мобилизации по профессиям, так и призывы необходимого числа рабочих всех возрастов и профессий на определенные срочные работы. Практиковались объявления всех работников того или иного предприятия или целой отрасли мобилизованными, запреты покидать рабочие места³⁸¹.

Важным дополнением к советской трудовой политике стала организация с апреля 1919 г. лагерей принудительных работ³⁸² и трудовых армий из мобилизованных трудящихся или военнослужащих, призванных вместо демобилизации послужить на трудовом фронте. Система получила логическое завершение с созданием в январе 1920 г. Главного комитета труда, введением принудительной переброски рабочей силы с закрывавшихся предприятий на действовавшие³⁸³.

Отлаженная система мобилизации труда показала относительную эффективность в восточных регионах России после восстановления там советской власти, когда принуждение к труду стало использоваться как инструмент социальной дискриминации. В Сибири на протяжении 1920 г. мобилизации подверглись 16 категорий населения. В 1921 г. эта практика продолжилась³⁸⁴. С помощью мобилизаций выполнялись ремонтно-восстановительные, погрузочные работы, гужевые перевозки, лесозаготовки, обмолот хлеба. Железнодорожники и угольщики, работники военных производств оставались на своих рабочих местах, объявлялись мобилизованными. Это предотвратило оставление своих рабочих мест теми, кто был недоволен условиями труда, так как подобные действия приравнивались к дезертирству. Работы по организации труда мобилизованных проводили Сибирский комитет по всеобщей трудовой повинности.

³⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 272–273, 396–397, 406–407.

³⁸¹ Там же. С. 166–191, 459–463; Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 259, 300–301, 475–477; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 37, 72–73, 149–152; 241–242, 155, 401–402; Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 189–190, 318–321, 512; Декреты Советской власти. М., 1975. Т. 7. С. 80–81, 132–133, 157, 215–218, 235–237.

³⁸² Декреты Советской власти. Т. 5. С. 69–70.

³⁸³ *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России ... С. 48–65.

³⁸⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: сб. материалов и документов. Новосибирск, 1959. С. 89, 91, 109, 115–116, 125; Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 г. Омск, 1921. С. 7, 8, 17–19, 22–23, 27–28, 69.

В январе 1920 г. Третью армию восточного фронта преобразовали в Трудовую армию³⁸⁵. В составе всех городских и уездных ревкомов действовали комитеты по всеобщей трудовой повинности и комитеты по организации принудительных работ. На работы сгонялись так называемые нетрудовые элементы, в том числе и путем организации облав в городах с целью поимки торговцев и не занятой на советской службе интеллигенции. Власть не стеснялась привлекать на принудительные работы военнопленных не только Гражданской, но и Первой мировой войны. Постановление Сибревкома от 2 января 1920 г. предусматривало оставление в лагерях только нетрудоспособных пленных, передаваемых отделу социального обеспечения. Остальные считались мобилизованными³⁸⁶. Одним из распространенных уголовных наказаний, широко использовавшихся по отношению к политическим противникам, являлось привлечение к принудительным работам. Во всех губернских городах и при крупных предприятиях строились концентрационные лагеря. На практике все это проводилось в жизнь очень медленно из-за отсутствия ресурсов. К лету 1920 г. существовали только омский и красноярский лагеря, осенью организовали черемховский. Обилие лиц интеллигентных профессий в заключении и их острый дефицит в советских учреждениях привели к тому, что заключенных использовали не только на тяжелых физических работах, но и для ведения советского делопроизводства.

* * *

Безработица и проблемы формального трудоустройства, которые обсуждала общественность, оперируя теми или иными цифрами, являлись только частью целого спектра проблем занятости. Формы скрытой безработицы в исследуемый период отличались от тех, что существовали в более позднем советском и современном обществе. В эпоху революции и Гражданской войны не существовало таких методов регулирования занятости, как перевод на неполный рабочий день или неоплачиваемый отпуск. Работодатель стремился уволить работников или недоплатить им, ссылаясь на нерентабельность производства. Население Урала, Сибири и Дальнего Востока в период Гражданской войны было в целом менее мобильно, чем современное, поэтому острее переживало кризис занятости. Выход находили главным образом не в сокращении числа занятых, а в кардинальном сокращении уровня оплаты труда. И все же российское общество имело широкий диапазон адаптационных механизмов, главным образом связанных с использованием личного подсобного хозяйства, приработков и прочими вариантами неформальной занятости. Вообще адаптивность и выживаемость домохозяйств, в которых работники теряли источники официальных доходов, резко возрастает³⁸⁷. Являясь объективной тенденцией

³⁸⁵ Это касалось не только восточного фронта. В последующие месяцы вместо демобилизации красноармейцев советское правительство предпочло образовать 8 трудовых армий по всей стране (см.: *Цысь В.В.* Трудовые армии периода Гражданской войны: в 2 ч. Нижневартовск, 2009. Ч. 1–2).

³⁸⁶ ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 42.

³⁸⁷ См.: Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. М., 2003. С. 335, 380.

экономического кризиса, данные обстоятельства в условиях Гражданской войны столь же неотвратимо влекли за собой важные социальные последствия. В обществе отсутствовал необходимый для нормального функционирования экономики уровень неформализованной договоренности (неявный контракт) между работниками и работодателями о соблюдении минимальных условий взаимоотношений, такие как бесперебойная выплата приемлемой (эффективной) зарплаты работодателем и лояльное отношение к работе и собственности нанимателя со стороны работников³⁸⁸. Это создавало предпосылки для повышенной трудовой конфликтности и, как следствие в эпоху крайне политической ангажированности, для вовлечения крупных социальных групп в политическую борьбу. Известно, что стороны, нацеленные на длительное взаимодействие, в случае конфликта будут путем переговоров обязательно искать компромисс³⁸⁹. Но правомерна и обратная формула: если стороны трудовых споров обнаруживают принципиальную несхожесть позиций, то нацеливаются на борьбу за смену производственных отношений.

Среди различных антибольшевистских правительств наиболее четкая концепция социально-трудовых отношений была разработана в Омске усилиями Министерства труда Временного Сибирского правительства, продолжившего потом свою деятельность в структуре Совета министров Директории и Российского правительства. Она основывалась на принципе трипатризма – трехстороннего участия в разрешении конфликтов представителей рабочих, предпринимателей и государства. Неудивительно, что в условиях неразвитости партнерских отношений (зачатки которых подорвали советские эксперименты) эта модель могла только насаждаться сверху, при доминировании контролирующего социально-трудовую сферу государственной власти³⁹⁰.

Едва ли можно согласиться с В.Г. Хандориным, утверждающим, что органы власти сибирской контрреволюции реализовали кадетскую программу по рабочему вопросу³⁹¹. В действительности при разработке мероприятий по урегулированию рынка труда, как и других мер рабочего законодательства, был использован опыт подготовки и обсуждения соответствующих законопроектов при царском и Временном правительствах, Временном областном правительстве Урала, а готовили соответствующие предложения сотрудник Министерства труда, меньшевики или сочувствующие социал-демократическим идеям.

Правительственные органы «демократической контрреволюции», оказавшись у власти в начальный и финальный период Гражданской войны на востоке России, даже если выступали на словах за равенство сторон в социально-трудовой сфере, фактически открывали дорогу диктату

³⁸⁸ См.: Грановетер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 2. Март. С. 60.

³⁸⁹ Элликсон Р.Э. Порядок без права. Как соседи улаживают споры. М., 2017. С. 78.

³⁹⁰ Много десятилетий спустя, в России 1990-х гг. элементы трипатризма оказались возможны тоже исключительно как насаждаемые сверху (см.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Приобретения и потери России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. М., 2001. Т. 1. С. 233–250).

³⁹¹ Хандорин В.Г. Позиция сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и гражданской войны // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2010. № 6. С. 46–47.

профсоюзных организаций. Профсоюзы в период Гражданской войны последовательно выступали за усиление социальной поддержки трудящихся за счет работодателя и государства, но в конечном счете увеличивали стоимость труда.

4.3. Интенсивность труда: взгляд работника и работодателя

Устоявшееся в историографии мнение о том, что уровень эксплуатации трудящихся, а следовательно, и интенсивность труда в лагере контрреволюции резко повысились, за редким исключением, не находит подтверждения. Утверждения об увеличении продолжительности рабочего дня и сокращении заработной платы советские историки преподносили как нечто очевидное, часто даже не подкрепляли ссылками на источники, а объясняли исключительно злой волей буржуазии³⁹².

В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что в европейской части России, включая Поволжье и Урал, продолжительность рабочего дня в начале XX в. постепенно снижалась и остановилась на отметке 9–10 часов, что соответствовало уровню развития производства и нормальной интенсивности эксплуатации. Дальнейшее сокращение рабочего дня происходило только на отдельных предприятиях, работавших эффективно и оснащенных наилучшим образом. Если бы не Первая мировая война, этот процесс продолжился бы по мере усовершенствования производственной базы. Об объективности данной тенденции говорит хотя бы тот факт, что по мере стабилизации промышленного производства в середине 1920-х гг. рабочий день в обход официального законодательства о труде (сверхурочные) на многих производствах вырос до дореволюционного уровня и даже слегка превысил его³⁹³. Что касается Сибири и Дальнего Востока, то здесь промышленность находилась на более ранней стадии развития. Рабочий день на многих предприятиях промышленности и транспорта регулировался световым днем или потребностями владельца в труде наемных работников³⁹⁴.

Упадок производства и одновременно законодательные изменения революционного периода в области регулирования рабочего времени – два фактора, результатом взаимного действия которых стало сокращение интенсивности труда в России. По оценкам С.Г. Струмилина, продолжительность рабочего дня за 1917–1920 гг. сократилась на 1,5 часа, а с учетом простоев и увеличения продолжительности болезней (примерно в 2,5 раза по сравнению с дореволюционным периодом) – в среднем на 37%, часовая производительность снизилась на 40%³⁹⁵.

³⁹² См., например: *Куцый Г.С.* Борьба рабочего класса ... С. 65; *Рабочий класс Сибири в период строительства социализма ...* С. 84; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье ... С. 116.

³⁹³ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих ... С. 36, 40–41.

³⁹⁴ *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Гомск, 2007. С. 133.

³⁹⁵ *Струмилин С.Г.* Ущерб производительности труда, вызванный гражданской войной и блокадой // *Струмилин С.Г.* Избранные произведения: в 5 т. М., 1963. Т. 1: Статистика и экономика. С. 192–193, 195.

В большинстве советских исследований авторы не утруждали себя доказательством тезиса об отмене 8-часового рабочего дня сразу после свержения советской власти³⁹⁶. И.С. Капцугович даже утверждает, что в Прикамье был установлен 10–12-часовой рабочий день³⁹⁷. В.А. Кадейкин, Я. Кальнин, В.А. Кучеряев, В.И. Шемелев отмечали, что Министерство промышленности и торговли уже в первые месяцы «повело поход» на 8-часовой рабочий день. В доказательство этого положения авторы приводили следующие примеры: на Черемховских коях был прибавлен один час рабочего времени, на Анжерских – 2 часа³⁹⁸.

На территории Поволжья вопрос о сохранении продолжительности рабочего дня сначала вообще не обсуждался. Только когда предприниматели заговорили о необходимости принятия мер по усилению производительности труда, в том числе и за счет этого ресурса, в августе 1918 г. появилось разъяснение, в соответствии с которым после денационализации предприятий распорядок работы владельцы должны были выработать обязательно по согласованию с рабочими³⁹⁹. 4 сентября 1918 г. был принят приказ № 273 о восьмичасовом рабочем дне⁴⁰⁰. И.М. Майский описал трудности, связанные с прохождением этого закона⁴⁰¹. Инициативу его принятия он отнес к началу августа – времени своего вступления на должность управляющего ведомством труда. Но против него выступили сначала представители ведомства торговли и промышленности, потом управляющий военным ведомством полковник Н.А. Галкин. Противников проекта поддерживали многие члены Комуча, отмечая, что в условиях необходимости подъема народного хозяйства такие ограничения нехотены. В результате появилась поправка (п. 18), позволяющая по согласованию военному ведомству и ведомству труда допускать отступление от закона для предприятий, работающих на оборону. Но каждый такой случай следовало утверждать в Комуче в месячный срок. Советские историки эту поправку трактовали как отмену 8-часового рабочего дня⁴⁰². Очевидно, что И.М. Майскому удалось провести закон, игнорировавший нужды армии и не позволявший военным гибко распоряжаться трудовыми ресурсами в интересах обеспечения своих оперативных действий. И.М. Майский сетовал, что прошедший утверждение с таким трудом закон практически ничего не дал рабочим. Ведь 8-часовой рабочий день и так действовал

³⁹⁶ Журавлев М.Н. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. М., 1958. С. 23; Клеткин И.Д. Борьба трудящихся Омска и области против интервентов и белогвардейцев. Омск, 1959. С. 9; Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 415; и др. Существует огромное количество публикаций, в которых воспроизводится этот миф.

³⁹⁷ Капцугович И.С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. С. 87.

³⁹⁸ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 88, 99 (в данном издании есть оговорка, что в целом 8-часовой рабочий день сохранился [с. 87]); Кальнин Я. Труд при «белых». С. 139–141; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. С. 54; и др.

³⁹⁹ Наш день (Самара). 1918. 9 авг.

⁴⁰⁰ Вестник Комуча. 1918. 7 сент.; Наша жизнь (Самара). 1918. 17 сент.; ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 158. Фрагмент опублик.: Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования ... Т. 2. С. 161; Журналы заседаний, приказы и материалы ... С. 291–294.

⁴⁰¹ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 94–96.

⁴⁰² Басин С.Г. Комуч в Самаре в 1918 году // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1957. Вып. 18. С. 108; Бубнов А.А. Самарские профсоюзы в период Комуча // Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. 1973. Т. 115. Вып. 3. С. 80.

повсеместно и не нарушался нанимателями⁴⁰³. Едва ли он прав по существу. Столь четкая законодательная регламентация должна была связать законопослушных предпринимателей и военных по рукам и ногам либо толкнуть их на нарушение законодательства. Кстати, характерно признание меньшевистского лидера в том, что, несмотря на сопротивление практиков, закон ему удалось провести благодаря жесткому давлению со стороны эсеровских активистов Комуча. Впрочем, пресса упоминала о случаях нарушения 8-часового рабочего дня, за что владельцы предприятий получали крупные штрафы⁴⁰⁴, а ведомство труда Комуча даже предусмотрело создание смешанных комиссий из представителей рабочих и работодателей по введению 8-часового рабочего дня⁴⁰⁵.

Временное областное правительство Урала подтвердило не только 8-часовой рабочий день для рабочих⁴⁰⁶, но и 6–7-часовой – для служащих. Действовало и правило о сокращении на два часа рабочего дня перед праздником. Причем не обеспечивавшие функционирование своих предприятий в полную силу промышленники не возражали против этого порядка⁴⁰⁷.

В соответствии с положением Временного Сибирского правительства «О мерах к восстановлению нормального хода работ промышленных предприятий» интенсификацию производства следовало производить при условии 8-часового рабочего дня⁴⁰⁸. Но историки обходят стороной тот факт, что раньше на этих предприятиях продолжительность рабочего дня составляла 7 и 6 часов, и даже вышестоящие советские хозяйственные и профсоюзные органы протестовали против одностороннего решения местных профсоюзов о таком режиме работы⁴⁰⁹. Источники свидетельствуют о стремлении работодателей использовать мягкие варианты усиления эксплуатации. Например, увеличить на час субботний укороченный рабочий день, ввести полуторную оплату сверхурочных вместо двойной (Ниже-Тагильский завод)⁴¹⁰. Рабочий день служащих увеличивался до 7–8 часов (на 1–2 часа)⁴¹¹. Постановление Совета министров Временного Сибирского правительства от 10 июля 1918 г., отменявшее сокращение рабочего дня почтово-телеграфных служащих Томского почтово-телеграфного округа, гарантировало им отныне восьмичасовой рабочий день⁴¹².

⁴⁰³ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. С. 96–97.

⁴⁰⁴ Народ (Самара). 1918. 25 сент.; Заря Поволжья. 1918. 25 сент.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–64 об.

⁴⁰⁶ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 1. Ст. 1, п. 5; Антибольшевистское правительство ... С. 77.

⁴⁰⁷ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 152; Колчаковщина на Урале ... С. 51.

⁴⁰⁸ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 11. Ст. 103, п. 3; Сибирский вестник (Омск). 1918. 15 сент.; Законодательная деятельность белых правительств ... Вып. 2. С. 200; Временное Сибирское правительство. С. 234–235.

⁴⁰⁹ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни ... С. 105; Дробченко В.А. Кузбасс в вихре революций ... С. 276.

⁴¹⁰ Колчаковщина на Урале ... С. 146.

⁴¹¹ Там же. С. 147, 155.

⁴¹² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

Отдельные случаи введения рабочего дня длиннее 8 часов предпринимались без ведома правительственных органов, которые относились к таким фактам отрицательно. Распоряжениями же государственной власти в связи с военным положением позволялось удлинять рабочий день свыше 8 часов, но только за счет сверхурочных. Педантизм органов государственного управления был объясним – приходилось бороться, например, с включением в рабочее время перерывов на обед и на чай⁴¹³. В целом практика наведения трудовой дисциплины в антибольшевистском лагере очень напоминала действия советских хозяйственных органов, на протяжении лета–осени 1918 г. последовательно заменявших органы рабочего контроля правительственной администрацией⁴¹⁴.

Единственный известный пример, когда инициатива увеличения продолжительности рабочего дня исходила от местных властей, а центральные органы Временного Сибирского правительства не отреагировали – это события на медном руднике «Улень» в Енисейской губернии⁴¹⁵. Приказом от 20 июня 1918 г. правительственный комиссар по управлению рудниками К.И. Хруцкий официально ввел 10-часовой рабочий день, снизил расценки оплаты труда. Всем несогласным он предложил покинуть рудник, получив расчет по последний день работы, т.е. без выходного пособия⁴¹⁶.

Увеличение рабочего дня до 8 часов вызывало протесты рабочих и служащих тех предприятий, где он раньше был установлен короче. Работники исходили из того, что решения администрации ведут к усилению капиталистической эксплуатации и, следовательно, недопустимы. Например, на Судженских коях это стало причиной забастовки⁴¹⁷. Служащие профсоюза речников Томской губернии потребовали доплаты за 2 часа работы как за сверхурочные⁴¹⁸. Есть и множество других примеров конфронтации рабочих с властью и работодателями на почве увеличения продолжительности рабочего дня до 8 часов. Они тщательно подобраны советскими историками в исследованиях и документальных публикациях⁴¹⁹. Отметим, что историки обычно воздерживались от уточнения, что рабочий день увеличивался до 8 часов, а не более. Чаще всего такое умолчание являлось плодом политической конъюнктуры, хотя могло быть и невольным результатом классовых источниковедческих пристрастий. Профсоюзные источники подчас тоже глухо сообщали об увеличении рабочего дня или введении двух сверхурочных часов, тогда как источники, исходящие от администрации предприятий и учреждений, – о восстановлении 8-часового режима работы. То же касается и проблемы оплаты сверхурочных, которую разные

⁴¹³ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

⁴¹⁴ *Киселев А.Ф.* Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. С. 116–123; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России ... С. 33–54.

⁴¹⁵ Копи являлись частным предприятием, но находились во временном государственном управлении.

⁴¹⁶ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 93. Л. 122.

⁴¹⁷ Борьба за власть Советов в Томской губернии ... С. 339–340.

⁴¹⁸ ГАНУ. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 7; ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–23 об.

⁴¹⁹ Колчаковщина на Урале ... С. 148, 151–152, 154–155.

источники могут трактовать противоположным образом. Например, администрация Копикуза осенью 1918 г. отказывалась оплачивать полуторную плату за работу в праздничные дни на рабочих местах с непрерывным циклом работ, ссылаясь на дореволюционные нормы и заключенные с рабочими договоры. Профсоюз же указывал на нововведения рабочего контроля, требовал для этих рабочих полуторной оплаты как за сверхурочные, угрожая забастовкой⁴²⁰. Например, кузбасские углепромышленники жаловались на массовое несоблюдение 8-часового рабочего дня. Ссылаясь на плохое снабжение и низкую оплату, работники самовольно снижали себе продолжительность работ⁴²¹. Очевидно, что нормативное регулирование продолжительности рабочего дня оставалось актуально скорее не для нанимателей, а для рабочих.

Бывали случаи, совсем не вписывавшиеся в концепцию о росте эксплуатации трудящихся. 5-й окружной Самарский почтово-телеграфный съезд утвердил правило, по которому конторские служащие трудятся 6 часов, а рабочие – 8, но в мае, июне и июле – на один час меньше. Для ряда рабочих специальностей временно установили 6-часовой рабочий день «ввиду антисанитарных условий работы». А в ответ на упреки, что новый распорядок работы почты, по которому после обеда корреспонденцию не принимают и это тормозит государственную и общественную жизнь, профсоюзные лидеры парировали, что не позволят посягать на революционные завоевания трудящихся и возвращаться к беспощадной эксплуатации времен царизма⁴²².

В современной историографии появилось другое утверждение, что якобы 8-часовой рабочий день был в Сибири «закреплен» (по контексту следует, что законодательно)⁴²³. На самом деле нормативно это нигде не прописывалось, но сверхурочные часы высчитывались исходя из 8-часовой нормы. Следует отметить, что для служащих правительственных учреждений был сохранен 6-часовой рабочий день, правда, оплата сверхурочных, широко практиковавшихся и в административных учреждениях, осуществлялась в одинарном размере, и только работа в праздники оценивалась в полуторном⁴²⁴. Закон о 8-часовом рабочем дне, видимо, по аналогии с комучевским, в августе 1918 г. планировался Министерством труда к внесению на обсуждение Совета министров⁴²⁵. Он так и не был подготовлен. 13 октября 1918 г. члены Директории призвали готовить не общий закон, а детальную регламентацию продолжительности рабочего дня на разных производствах⁴²⁶.

⁴²⁰ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 22. Л. 60; Д. 24. Л. 12–12 об.

⁴²¹ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 21. Л. 45.

⁴²² Известия окружного комитета служащих Самарского почтово-телеграфного округа (Самара). 1918. № 15–16. С. 31; № 17–18. С. 6.

⁴²³ Макаруч С.В. К политической биографии Л.И. Шумиловского // История «белой» Сибири: тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 137.

⁴²⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые Правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 1. Ст. 10.

⁴²⁵ «Реальная» политика Временного Сибирского правительства (окончание) / публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альм. 2002. № 10. С. 42.

⁴²⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 111 об.

Летом 1919 г. Л.И. Шумиловский в очередной раз заявил, что разработка такого закона является одной из первоочередных задач его министерства⁴²⁷. Проект внесли на обсуждение Государственного экономического совещания только 1 сентября 1919 г. Его авторы исходили из научной доказанности оптимальной 8-часовой продолжительности рабочего дня, как способствующей наибольшей производительности работника. Они полагали также, что введение неограниченных сверхурочных заставляет рабочего беречь силы в основное рабочее время, чтобы реализовать возможности отработать дополнительное, дороже оплачиваемое, время. Только 29 октября 1919 г. Совещание обсудило постановление, сосредоточившись на уточнении количества праздничных дней в году и допустимой продолжительности сверхурочных работы в разных отраслях⁴²⁸. В Совет министров проект так и не поступил.

Естественно, что в условиях Гражданской войны власть вынуждена была в отдельных случаях отказываться от 8-часовой нормы. Это зависело не от степени ее «реакционности». Общеизвестно, что Прикомуч стоял ближе других правительств к рабочим интересам, но при нем на Ижевском заводе с 14 августа 1918 г. организовали работу по воскресеньям и в праздники за полуторную оплату, с 1 сентября ввели сверхурочные без дополнительной оплаты, а с 18 октября – обязательные двухчасовые сверхурочные для мастерских, не выполнявших производственные задания⁴²⁹.

Нужно помнить, что введение сверхурочных – часть экономически обусловленного поведения работодателей. Если работники загружены неритмично, то сверхурочные – самый экономически оправданный прием оптимизации трудовых усилий. Если же сверхурочные имеют постоянный характер, они сохраняются лишь при неоправданно высоких транзакционных издержках на наем дополнительной рабочей силы (страховые выплаты и управленческие и логистические расходы), когда дешевле становится переплатить за излишние часы имеющимся работникам⁴³⁰.

Реконструкция реальной картины трудовых взаимоотношений полна сложных источниковедческих проблем. Профсоюзные источники содержат крайне недостоверную информацию о ситуации, а именно они легли в основу советских исследований как якобы наиболее объективные. Перекрестный анализ источников позволяет дать многим конфликтам совершенно иную трактовку. Вот один из примеров. На лудильно-жестяном заводе Министерства продовольствия и снабжения ввели обязательные сверхурочные. По версии рабочих, администрация завода компенсировала таким образом убытки, возникшие из-за прибавок на дороговизну. По версии же

⁴²⁷ Правительственный вестник. 1919. № 183.

⁴²⁸ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 35. Л. 37–41, 61–62.

⁴²⁹ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятаж в Ижевско-Воткинском районе. С. 115; Чураков Д.О. «Третья сила» у власти: Ижевск. 1918 г. // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 38–39. Это решение в виде воззвания к рабочим повторено позже в официальном издании Прикомуча (см.: Ижевский защитник (Ижевск). 1918. 15 окт. Опул.: Ижевск: документы и материалы. 1760–2010. Ижевск, 2010. С. 355).

⁴³⁰ См. об этом.: Эренберг Р. Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. С. 158–165.

руководства завода, это было связано с исполнением срочного военного заказа⁴³¹. Отсутствие делопроизводственной документации не позволяет найти истину в данном случае. В целом же очевидно разное понимание рабочими и нанимателями чрезвычайных обстоятельств, позволявших устанавливать сверхурочные работы. Недаром уральские профсоюзы, например, требовали согласовывать с ними введение сверхурочных работ⁴³². Для них это был еще и способ воздействия на рынок труда – профсоюзы отказывались принимать сверхурочные и настаивали на найме дополнительной рабочей силы, указывая на безработицу среди лиц своей профессии⁴³³. В конечном итоге здесь смыкались вопросы регулирования рынка труда, размеров его оплаты, рентабельности производства, скрещивались противоположные социально-классовые интересы участников трудовых отношений, отрефлексированные в источниках на уровне идеологической интерпретации событий. Они, кстати, оказывались подчас далеко не однозначными. Например, члены Директории на заседаниях 12 и 14 ноября 1918 г. критично оценивали работу Министерства труда, требуя полнее учитывать настроения рабочих, ограничить аппетиты промышленников, и приводили в пример работу комучевского ведомства труда⁴³⁴. В то же время умеренные лидеры профсоюзов нередко квалифицировали забастовочную борьбу сибирских рабочих летом–осенью 1918 г. как экономический саботаж, а в мерах противодействия забастовкам со стороны правительства они видели вынужденную реакцию на завышенные требования радикального крыла рабочего движения. Например, социал-демократическая газета «Новый алтайский луч» писала о забастовке, прошедшей в августе 1918 г. в Новониколаевске, как о «провокационной выходке»⁴³⁵.

Промышленники в отличие от государственных органов охраны труда и вовсе настаивали на необходимости отказа от привилегий, завоеванных рабочими в годы революции. Основным аргумент состоял в том, что Россия продолжает находиться в состоянии войны, а выйдя из нее, столкнется с необходимостью конкурировать с иностранной промышленностью на собственных рынках сбыта. В Западной Европе в годы Первой мировой войны продолжительность рабочего дня была повсеместно увеличена, что позволило смягчить падение промышленного производства. Ссылаясь на эту практику, уральская и сибирская буржуазия потребовала от правительства учесть опыт Запада в своей политике и ограничить рабочих в интересах выживания отечественного производства. А это означало, что хозяева предприятий предполагали экономить не только на заработной плате нанимаемых, но и на их снабжении, социальном обеспечении. Требования промышленников в октябре 1918 г. открыто прозвучали на съездах представителей торговли и

⁴³¹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 99–101.

⁴³² Колчаковщина на Урале ... С. 114–115, 125.

⁴³³ Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 8–9.

⁴³⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 100–113.

⁴³⁵ Новый алтайский луч. 1918. 6 сент.; Воля Сибири. 1918. 8 сент.; Заря (Омск). 1918. 23 сент.

промышленности Урала и Сибири⁴³⁶. С точки зрения участников этих съездов, Временное Сибирское правительство «пошло на поводу у рабочих», так как признало большинство завоеваний, полученных ими в ходе Февральской революции, и не привело их в соответствие с современным кризисным состоянием индустрии.

Столь же разительно отличалась оценка двумя сторонами трудовых отношений коллективных договоров. Рабочие отмечали, что коллективные договоры заменяют конкуренцию между рабочими пролетарской солидарностью. Поэтому необходимо, чтобы профессиональные союзы в обязательном порядке заключали коллективные договоры с предпринимателем и являлись монополистами в предложении рабочей силы на рынке труда⁴³⁷. Эта разумная и грамотная линия могла иметь перспективы, но в других условиях, на стадии экономического подъема, когда высокий спрос на рабочие руки позволял объединениям нанимаемых диктовать свои условия. Предприниматели, напротив, считали коллективные договоры вполне разумной мерой регулирования отношений с работниками, которая, однако, не могла быть признана обязательной в настоящее время. Главную причину они видели в недостаточной организованности представителей собственной социальной группы, что не позволяло им выступать от имени всего класса⁴³⁸. Действительно, мировой опыт показывает, что коллективные договоры начинают широко вводиться там, где предприниматели имеют стройную систему территориальных и отраслевых организаций, способных выступать консолидированно от имени работодателей⁴³⁹.

Очевидно, что основной подоплекой наиболее глубоких и затяжных конфликтов оставалась заработная плата, ее размер и порядок начисления. Тон переговорного процесса обычно задавали рабочие, и он был подчас далек от конструктивного. Томские союзы металлистов, кожевников и мукомолов вскоре после падения советской власти потребовали признания предпринимателями ставок, разработанных тарифной комиссией в мае 1918 г. и утвержденных Советом профсоюзов. Предприниматели мотивировали свой отказ: ставки, по их мнению, были завышены, и на фоне июньского понижения рыночных цен требование оказалось несвоевременным. Но они готовы были к трехстороннему разрешению конфликта при активном участии городского отдела труда. Бастующие оценили резолюцию биржевиков (кстати, весьма корректную) как поход буржуазии против всего рабочего класса. «Конфликт должен быть разрешен самим рабочим классом без участия предпринимателей», – постановили в союзе металлистов 20 июня 1918 г., передавая разрешение конфликта заинтересованным профсоюзам и совету рабочего контроля. Состоявшееся 23 июня заседание тарифной комиссии подтвердило советские тарифы для всех профессий и

⁴³⁶ Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919: сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 163; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 178–179; Колчаковщина на Урале ... С. 55; Борьба за советскую власть на Южном Урале (1917–1918 гг.): сб. документов и материалов. Челябинск, 1957. С. 183–184.

⁴³⁷ Колчаковщина на Урале ... С. 126.

⁴³⁸ Там же. С. 52.

⁴³⁹ Швиттау Г.Г. Промышленные конфликты. С. 281, 353–355.

потребовало утверждения их губернским отделом труда как уже одобренных Томским губернским советом профсоюзов. Рассмотрение в любых других комиссиях считалось излишним. Попытка свести роль городского органа к простой регистрации профсоюзных решений, видимо, возмутила даже томский муниципалитет, изначально желавший помочь рабочим. Поэтому городской отдел труда ответил, что в связи с отказом от участия профсоюзов в согласительной комиссии ставки профсоюзной тарифной комиссии не утверждаются и не обязательны для предпринимателей⁴⁴⁰. Агрессивным поведением томских профсоюзов можно объяснить нежелание кузбасских горнопромышленников даже согласовывать расценки сдельной оплаты труда с губернским союзом горнозаводских рабочих⁴⁴¹.

Позиция уральских профсоюзных лидеров существенно отличалась от сибирских. 16 октября 1918 г. товарищ главноуправляющего труда Н.М. Обухов обратился в Центральное областное бюро профессиональных союзов Урала с запросом о причинах, по которым бюро затягивает утверждение новых ставок, отметив, что такая задержка может вызвать конфликты. Руководители бюро ответили, что только при советской власти в его функции входило обязательное утверждение всех ставок и коллективных договоров. Сейчас же они считают это делом рабочих коллективов и их нанимателей⁴⁴². Более того, уральские рабочие и их профсоюзные лидеры с пониманием отнеслись к введению сдельных работ. Рабочее протестное движение на Урале, интенсивное в последние месяцы советской власти, кардинально пошло на спад⁴⁴³.

Но разногласия обнаружались довольно быстро. Советские органы управления промышленностью, оставляя Урал, на многих предприятиях выплатили рабочим полуторамесячный оклад. Это, кстати, позволяло новым властям в случае, если они не считали целесообразным возобновлять работы, зачесть эти выплаты в качестве увольнительного пособия. Но на большинстве предприятий работы продолжались. Естественно, что администрация объявила советские выплаты, осуществленные из касс предприятий, полуторамесячной зарплатой. Следовательно, оплата труда должна была возобновиться только в сентябре. Рабочие же настаивали на постепенном списании с них выданных советской властью денег. Временное областное правительство Урала в этом противостоянии встало на сторону рабочих, установив порядок, в соответствии с которым выданные рабочим и служащим вперед суммы должны будут погашаться равными частями – для холостых не более 1/3, а для семейных не более 1/4 в месяц. Причем Главное управление труда представило действия предпринимателей и заводоуправлений, засчитывающих

⁴⁴⁰ Рабочее знамя (Томск). 1918. 28 июня.

⁴⁴¹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

⁴⁴² Колчаковщина на Урале ... С. 101.

⁴⁴³ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919: документы и материалы. Париж, 1982. С. 52; *Гизатуллин Д.* Характер и типология рабочих (повстанческих) выступлений на Урале (конец 1917 – осень 1918 г.) // Студент и научно-технический прогресс: тез. науч. конф. Челябинск, 2001. С. 85.

советский аванс в качестве летней заработной платы, как произвол буржуазии, хотя они были логичны и уместны в сложившихся условиях⁴⁴⁴.

В сентябре 1918 г. уральские предприниматели и управляющие предприятий попытались снизить советские расценки либо варьировать условия перевода рабочих на сдельщину так, чтобы общий уровень оплаты понизился. Подобные меры диктовались чувством самосохранения, а не наживы. Причина состояла в катастрофическом падении рентабельности производства. Как отмечает О.Ю. Никонова, реально процесс перевода рабочих на сдельщину растянулся на всю вторую половину 1918 г., так как многие заводы возобновили работу не в сентябре, а в ноябре–декабре. За основу пересчета зарплаты с повременной на сдельную взяли не действовавшие летом расценки на труд, а те, которые предусматривал тарифный договор Уральского областного совета профсоюзов от 3 февраля 1918 г. Но и они нередко значительно понижались, например, в Верхне-Сергинском и Атигском заводах – на 40%. Рабочие ответили забастовкой.

Судя по откликам в прессе, понижение расценок не стало массовым явлением, и в целом предприниматели и заводоуправления придерживались принятых правил перевода на сдельный принцип оплаты. Рабочие, указав на рост цен уже с сентября 1918 г., выдвигали требование о повышении расценок на 20–25% или предлагали твердую надбавку на дороговизну, доводящую оплату труда до прожиточного минимума⁴⁴⁵. Рабочие Верх-Исетского завода указывали, что им предлагают приступить к работе по ставкам, утвержденным в феврале 1918 г., тогда как цены на предметы первой необходимости с тех пор выросли на 100–300%⁴⁴⁶. После освобождения Перми был применен тот же алгоритм конвертации советской зарплаты в новые сдельные ставки, предусматривавший сохранение объемов выплат при высокой производительности, и в результате опять возникли проблемы, связанные с изменением уровня цен⁴⁴⁷.

Очевидно, что уступчивость работодателей в вопросах заработной платы зависела в первую очередь от элементарного наличия средств. Руководство Златоустовского округа, получавшего большие и регулярные государственные субсидии, имело ресурсы для более гибкого решения рабочего вопроса. Начальник округа Г.И. Бострем принял Временные основные положения о тарифных ставках, предусматривавшие пересчет зарплат при росте цен более чем на 20% и оплату 2/3 заработка в случае простоя производства по вине заводоуправления. При переходе на сдельщину новые ставки рассчитали так, чтобы оплата труда выросла на 20–25%⁴⁴⁸.

⁴⁴⁴ Антибольшевистское правительство ... С. 15, 65–66.

⁴⁴⁵ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 5 февр.; Урал (Екатеринбург). 1918. 22 нояб.; Колчаковщина на Урале ... С. 133–141; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 161–162; Никонова О.Ю. Челябинские каменноугольные копи в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Оренбургскому краю 250 лет: материалы юбил. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 77.

⁴⁴⁶ Наш путь (Тюмень). 1918. 22 нояб. № 1.

⁴⁴⁷ Освобождение России (Пермь). 1919. 13 февр.

⁴⁴⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 164.

Но удовлетворить в целом справедливые требования рабочих о прибавках могли далеко не все работодатели. У большинства уральских горных и горнозаводских предприятий ресурсов для этого не было. Ситуация замкнутого рабочего поселения сужала поле для маневра и администрации, и трудящимся. В более конкурентной среде крупных городов активная и солидарная позиция рабочих и служащих часто приводила к успешному исходу борьбы. Томские официанты осенью 1918 г. не только добились повышения оплаты, но и решения примирительной камеры о выплате им половины зарплаты за время забастовки и аннулирование хозяевами всех увольнений бастующих⁴⁴⁹. Подобных примеров можно привести много.

Особенно показательна ситуация в полиграфической промышленности. Печатники омских типографий отказались выходить на работу до тех пор, пока хозяева не пролонгировали срок коллективного договора, предусматривавшего повременную оплату труда⁴⁵⁰. Комментируя ситуацию, акмолинский комиссар труда Г.И. Торговицкий сообщал, что из-за отсутствия материалов работники типографий Омска сидят почти без работы. Их перевод на сдельщину позволял нанимателям фактически уволить лишних рабочих, не выплачивая им даже ликвидационных⁴⁵¹. Но затягивать конфликт не были заинтересованы государственные органы – бастовавшие типографии задерживали исполнение важных казенных заказов. Владельцам типографий пришлось пойти на уступки. Владивостокские печатники провели в августе 1918 г. общую забастовку, основным требованием которой стало сохранение коллективного договора, заключенного при советской власти. Однако существовавший договор признали несправедливым все работодатели, в том числе и Приморское областное земство – орган, носивший репутацию оплота демократических идей в регионе. После прекращения работы появилось еще одно требование – выплата зарплаты в половинном размере за дни простоя⁴⁵². Забастовка печатников Томска, настаивавших на возобновлении утвержденного при большевиках коллективного договора о повременной оплате труда, продлилась три с половиной месяца, до начала 1919 г. Выстоять печатникам помогли средства от томских профсоюзов⁴⁵³ и объявление в случае локаута общесибирского бойкота на освободившиеся места⁴⁵⁴. Условия бастовавших включали также выплату за время забастовки. Хозяевам типографий пришлось удовлетворить почти все требования томских печатников⁴⁵⁵. Под конец печатники выдвинули поистине макиавеллевское требование – либо принятие новых ставок,

⁴⁴⁹ Семенова Н.М. Сибирская периодическая печать ... С. 72.

⁴⁵⁰ Сибирский печатник (Томск). 1918. № 1. С. 7; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 90. Шемелев В.И. Борьба за колдоговор в дни контрреволюции (Забастовки сибирских печатников 1918–1919 гг.) // Профессиональное движение. 1927. № 30. С. 6.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 77.

⁴⁵² Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 18 авг.

⁴⁵³ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 90.

⁴⁵⁴ Народная Сибирь. 1918. 4 дек.

⁴⁵⁵ Семенова Н.М. Сибирская периодическая печать ... С. 74; Дмитриенко Н.М. Рабочее движение в Томске в годы революции и гражданской войны (март 1917 – декабрь 1919 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 254–259.

которые укажут рабочие, либо оплата за почти сто забастовочных дней⁴⁵⁶. Впрочем, по сообщениям прессы, забастовку удалось прекратить только когда военные пригрозили рабочим военно-полевым судом⁴⁵⁷. Столь же любопытен исход забастовки типографских рабочих Иркутска в декабре 1918 г. Упорство и солидарность рабочих заставили не только поднять ставки по их настоянию, но даже оплатить забастовочные дни⁴⁵⁸. В декабре 1918 г. енисейский губернский комиссар П.И. Троицкий вынужден был объявить забастовку печатников политической акцией с целью препятствия публикации правительственных сообщений и пригрозил применить против бастующих войска. Рабочие пошли на уступки, согласившись на повышение зарплаты на 40%, а не на 53%, как они требовали изначально⁴⁵⁹. Весной 1919 г. печатники Екатеринбурга добились 45%-ного повышения ставок⁴⁶⁰. Кстати, подозрения, что печатники с помощью забастовок иногда пытались оказать давление на средства массовой информации, были не пустыми. За предшествовавшие полтора года в России сложилась богатая традиция «пролетарской цензуры», когда типографские рабочие с помощью забастовок определяли, каким газетам и журналам выходить на их предприятиях⁴⁶¹. Куда более интересен тот факт, что печатникам и военным в Сибири удавалось несколько раз договариваться и военные разрешали борьбу с предпринимателями при условии особых форм сотрудничества. Так, в августе 1918 г. Семипалатинские печатники заверили военные власти, что ведут борьбу не с ними, а с предпринимателями. Они обязались, не прекращая забастовки, выполнять все заказы коменданта города, а тот, в свою очередь, согласился оплачивать заказы не владельцам типографии, а профсоюзу, направляя деньги в его стачечный фонд. В Барнауле в декабре 1918 г. союз печатников пообещал выделить необходимое число рабочих (включая бастовавших) в нужную типографию для оперативного исполнения военных заказов, в обмен на что начальник гарнизона признал право печатников оказывать давление на владельцев типографий, в том числе и с помощью забастовки⁴⁶².

Были случаи менее удачных выступлений, но всегда они отличались упорством и сплоченностью. Владелец типографии в Иркутске И.А. Белоголовый отказался подписывать новый коллективный договор. После двухнедельной забастовки он заявил, что считает себя и рабочих свободными от трудовых обязательств по отношению друг к другу. Тогда печатники стали требовать от него выплаты двухнедельного выходного пособия⁴⁶³. Перенос заказов из бастующих

⁴⁵⁶ Борьба за власть Советов в Томской губернии ... С. 394.

⁴⁵⁷ Народная Сибирь. 1918. 19 дек.

⁴⁵⁸ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1919. 17 янв.; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 186.

⁴⁵⁹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 106. Л. 6–7; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 186; Шемелев В.И. Борьба за колдоговор ... № 30. С. 8.

⁴⁶⁰ Сибирский печатник (Томск). 1919. № 9. С. 12.

⁴⁶¹ Колоницкий Б.И. Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 153–154, 158.

⁴⁶² Шемелев В.И. Борьба за колдоговор ... № 30. С. 6; № 31. С. 8.

⁴⁶³ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 4–5.

типографий в другие оказался невозможен, так как все печатники города проявили солидарность и отказались выполнять такие работы⁴⁶⁴.

Реже аналогичную солидарность и активность проявляли работники других отраслей. В августе 1919 г. рабочие Сучана добились 50%-ного повышения оплаты труда. Но они тут же заявили о необходимости новых прибавок на 100 и даже 200% и удаления войск с копей⁴⁶⁵. Другой дальневосточный пример: портные Владивостокского профсоюза «Игла» бастовали с 15 мая по 15 июня 1919 г. Они настаивали на повышении оплаты труда на 50% и подписании нового коллективного договора. Хозяева согласились увеличить зарплату, но категорически не стали принимать предлагаемый рабочими коллективный договор. В трех мастерских, не договорившись со своими рабочими, хозяева приняли других. Поэтому союз считал забастовку проигранной⁴⁶⁶.

Примечательный пример – события августа 1918 г. в Новониколаевске. Рабочие большинства городских предприятий образовали стачком, требуя провести повышение зарплаты на 30% (по версии автора книги «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть советов. 1917–1919 гг.» В.И. Шемелева – на 15–20%), утвержденное местным советом накануне чехословацкого мятежа, но нереализованное. Рабочие проявили завидную групповую солидарность. Забастовка носила не только классовый, но и антиправительственный и даже антипрофсоюзный характер. В требованиях пролетариев не увидели рационального зерна ни местный комиссар труда М.М. Дорн-Михайленко, ни лидеры профессиональных советов и социалистических партий⁴⁶⁷. Через неделю выступление закончилось практически безрезультатно – созданием согласительной комиссии по выработке новых ставок. Уволенные в эти дни рабочие просились обратно на работу с зарплатой по официально утвержденным ставкам, но не получили удовлетворения. Недовольный провокационным поведением лидеров бастующих, комиссар труда (социал-демократ) сам указал милиции зачинщиков для ареста⁴⁶⁸.

Стойкость рабочих объясняется крепкой классовой солидарностью. Во многих городах действовали общегородские стачечные фонды, собирались отчисления с членов профсоюзов города в пользу политического Красного Креста. Особенно благоприятная ситуация для этого сложилась в первые месяцы после свержения советской власти. В дальнейшем протестные акции рабочих все больше смыкались с антиколчаковским движением. В Сучане стачечный фонд пополняли

⁴⁶⁴ Народная Сибирь. 1918. 24 дек.

⁴⁶⁵ Сучанская долина в годы гражданской войны ... С. 37–40. Беда в том, что администрация тянула с выплатой жалования по два месяца, чтобы потом выдать весь долг одной купюрой в 500 руб.

⁴⁶⁶ Приморский рабочий. 1919. № 1–2. С. 16–17.

⁴⁶⁷ Воля Сибири. 1918. 8 сент.

⁴⁶⁸ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 172. Л. 16; Новый луч (Барнаул). 1918. 6 сент.; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 90–93.

местные партизаны⁴⁶⁹. В Самарской губернии семьям красноармейцев через фронт тайком передавалась материальная помощь⁴⁷⁰.

Хотя деятели профсоюзного движения справедливо отмечали общий спад активности, плохую уплату взносов, профсоюзы все же сохранили крепкое ядро, позволявшее аккумулировать довольно солидные средства. Стаечные фонды создавались повсеместно. Кроме того, у рабочих всегда имелся еще один специфический прием, действовавший достаточно эффективно в силу высокого уровня классовой солидарности, – призыв к бойкоту штрейкбрехеров и предприятий, хозяева которых отказывались принимать условия рабочих. Это удачно срабатывало на предприятиях бытового обслуживания: в парикмахерских, местах общественного питания, кино-театрах и пр. В отношении производства шире был распространен бойкот на рынке труда – профсоюзы запрещали наниматься на места уволенных работников, но он был менее эффективен. Еще раз отметим, что это важный качественный показатель уровня классового единения. Безработица всегда является питательной средой для штрейкбрехерства⁴⁷¹, а рабочим на востоке России удавалось поддерживать его на весьма низком уровне.

Уникальная по своей информативности таблица, в которую В.А. Кучеряев собрал сведения о 43 забастовках, произошедших в Восточной Сибири во второй половине 1918 – 1919 г., свидетельствует, казалось бы, о низкой результативности стачечной борьбы. Как следует из таблицы, лишь 15 забастовок закончились полным или частичным успехом рабочих, 14 – силовым подавлением или локаутом⁴⁷². Но достоверными такие сведения признать нельзя в силу их неполноты (отсутствуют данные о крупных и очень известных конфликтах) и некорректной методики подбора информации. Журнал иркутских профсоюзов сообщил о 7 забастовках только в декабре 1918 г. в одном губернском городе, а В.А. Кучеряев учел лишь 3 из них⁴⁷³. Кроме того, силовое, даже вооруженное вмешательство властей не исключает учета и частичного удовлетворения требований рабочих. Подчас это происходило не сразу, а через месяц-другой. Силовое вмешательство могло ограничиться изоляцией нескольких зачинщиков, а могло закончиться массовым арестом или расстрелом. К тому же невозможно не учитывать характер требований рабочих, который обычно определял итог забастовки. Но даже эти, выявленные советским исследователем, сведения многое подтверждают. Почти все забастовки на частных предприятиях оказались успешными (сам автор не фиксировал форму собственности, но ее легко проследить по данным

⁴⁶⁹ ГАПК. Ф. Р-1370. Оп. 3. Д. 79. Л. 26; Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 15 сент.; Заря (Томск). 1918. 7 окт.; Новый алтайский луч. 1918. 24 сент.; Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство (1917–1927): сб. статей и воспоминаний. Новосибирск, 1927. С. 115; *Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье ... С. 220.

⁴⁷⁰ СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 5. Д. 129. Л. 5.

⁴⁷¹ *Швиттау Г.Г.* Промышленные конфликты. С. 107–108; *Козина И.* Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 497–498.

⁴⁷² *Кучеряев В.А.* Деятельность большевиков в профсоюзах ... С. 248–251.

⁴⁷³ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 8. На этот журнал В.А. Кучеряев тоже часто ссылался.

таблицы). Силовое же вмешательство присутствовало исключительно на предприятиях, находившихся в государственном управлении.

Ситуация в значительной мере напоминала то, что происходило в 1917 г., когда предприниматели пытались некоторое время отстаивать свои интересы и условия рентабельного производства, но предпочитали отступить, не доводя противостояние до массового протеста. Рабочие же во второй половине 1918 – 1919 г. использовали методы экономической борьбы, успешно опробованные в первые революционные месяцы – прекращение забастовки только при уплате за забастовочные дни, всеобщее участие всех работающих в протестных акциях и жесткие методы борьбы против штрейкбрехеров⁴⁷⁴.

Менее однозначной оставалась ситуация на казенных и оставшихся в управлении казны предприятиях. В октябре 1918 г., с введением сдельной оплаты, стали готовить всеобщую стачку железнодорожники. Это совершенно особый сюжет в истории забастовочного движения. Желая заблаговременно предупредить ее, накануне забастовки железнодорожная администрация известила стачечный комитет в Омске о намеченном пересмотре ставок в сторону повышения. Управляющий Министерством путей сообщения А.М. Ларионов распорядился согласовать вопрос о заработках с представителями железнодорожников. Причем предусматривалось сохранение фиксированных выплат «на дороговизну». Временное Всероссийское правительство рассматривало вопрос 10, 16, 17, 20 и 21 октября 1918 г. и, подтвердив обязательность введения сдельной и повременной оплаты труда, надеялось удовлетворить экономическую часть требований железнодорожников путем повышения тарифов и таким образом предотвратить остановку железнодорожного движения⁴⁷⁵. Однако эта информация, переданная стачечному комитету, не была доведена до рабочих их лидерами. Стачком отказался обсуждать размер ставок с администрацией Омской железной дороги, возражая против самого принципа сдельной оплаты. Чтобы нивелировать положительный эффект от действий Временного Сибирского правительства и Директории, руководители стачки спешно ужесточили свои требования. Они собирались заставить железнодорожную администрацию не только признать нормы оплаты, принятые Московским учредительным железнодорожным съездом в сентябре 1917 г. и не введенные даже при советской власти, но и осуществить доплату по ним с сентября 1917 г. по сентябрь 1918 г. Стачком настаивал на праве железнодорожных профсоюзов определить, кого из уволенных за сотрудничество с советской властью следует принять обратно на работу. Кроме того, рабочие требовали оплатить забастовочные дни⁴⁷⁶. Поданные в Совет министров требования бастующих омских железнодорожников

⁴⁷⁴ Наша жизнь (Самара). 1918. 6 окт.; Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни ... С. 52–53.

⁴⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 13–13 об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 45–46; Временное Всероссийское правительство. С. 146–147, 150, 153–164, 166, 174, 177.

⁴⁷⁶ Установление советской власти в Кузбассе ... С. 288, 292; Голос народа. 1918. 23 окт.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47. Л. 7; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 55 об. Хотя даже декрет ВЦИК и СНК от 24 декабря 1917 г.

содержали пункт о доплате за дороговизну на 30% независимо от новых повышений окладов, разрабатываемых Временным Сибирским правительством⁴⁷⁷. Генерал В.Г. Болдырев на заседании Временного Всероссийского правительства квалифицировал забастовку железнодорожников как измену, рассказал о случаях целенаправленной порчи бастующими подвижного состава и поддержал придание их военно-полевому суду и при необходимости – расстрелам⁴⁷⁸. В дневнике же он записал, что политическая подоплека забастовки у него не вызывала никаких сомнений. Экономические требования являлись только предлогом⁴⁷⁹. На КВЖД основной причиной забастовки стачком объявил отмену советского декрета о повышении заработной платы. Но когда управляющий дорогой приостановил отмену, стачком отказался прекратить забастовку⁴⁸⁰.

Лидеры железнодорожников в своих экономических требованиях явно провоцировали правительство на эскалацию конфликта. Наряду с экономическими стачечные комитеты повсеместно выставляли такие политические требования, как освобождение заключенных, восстановление советов и рабочего контроля. Причем прекращение забастовки они связывали с выполнением всей суммы требований. Начатое омичами выступление быстро охватило Транссибирскую магистраль. Солидарность была проявлена железнодорожниками от Челябинска до Харбина и Владивостока. Можно отметить рудименты общинного крестьянского сознания в психологии рабочих. Сам факт подачи ходатайства о повышении зарплаты от имени всего коллектива воспринимался железнодорожниками как легитимация. Поэтому право на получение оплаты по повышенным ставкам 1917 г. казалось им незыблемым, а отказ удовлетворить их требования, даже со стороны высшего органа власти, воспринимался как произвол.

Чтобы движение по железным дорогам не остановилось окончательно, власти пришлось применить насильственные действия⁴⁸¹. Одновременно искали и пути смягчения ситуации. Циркуляр Министерства путей сообщения от 17 октября 1918 г. предусматривал на всех железных дорогах образование комиссий для определения ставок сдельной оплаты труда с участием рабочих и администрации. В то же время органы Министерства труда взяли на себя инициативу урегулирования конфликта в качестве третьей стороны. 19 октября 1918 г. при участии

признал утвержденные этим съездом нормы оплаты труда железнодорожников только с момента принятия декрета (см: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 205–210).

⁴⁷⁷ В борьбе с контрреволюцией: сб. документов и материалов. Омск, 1959. С. 60–63; Заря (Омск). 1918. 18, 19 окт.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47. Л. 7. О правительственной версии событий см.: Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 окт. (Опубл.: Временное Всероссийское правительство. С. 222–223).

⁴⁷⁸ Временное Всероссийское правительство. С. 166.

⁴⁷⁹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 74.

⁴⁸⁰ Илюшин В. Стачка на КВЖД в 1918 г. // История пролетариата в СССР. М., 1934. № 2. С. 179.

⁴⁸¹ Заря (Омск). 1918. 18–19 окт.; В борьбе с контрреволюцией. С. 60–62; Борьба за власть Советов в Томской губернии ... С. 361–363; Установление советской власти в Кузбассе ... С. 288–289; Илюшин В. Стачка на КВЖД ... С. 179–183; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. С. 213–239; Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. С. 107–109; Ашкинадзе Д.И. Железнодорожники Ишима в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.). Тюмень, 1961. С. 68–69.

представителей министерства в Иркутске было созвано совещание по вопросу о волнениях среди железнодорожников⁴⁸² и сформировано несколько комиссий для разработки новых ставок и распорядка рабочего дня на железнодорожных станциях. Комиссар труда Иркутской губернии С.М. Третьяк обещал рабочим не только поднять ставки, но и уплатить за дни забастовки.

Чиновники Министерства труда явно вторглись в компетенцию ведомства путей сообщения и превысили данные им полномочия по урегулированию трудовых споров. Это признал сам управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский. Незамедлительно последовал протест дорожной администрации, объявившей все обещания комиссаров труда необязательными для исполнения⁴⁸³. Причем Министерство путей сообщения этим протестом не столько показывало нежелание урегулировать конфликт, сколько защищало свои ведомственные интересы от постороннего вмешательства. Ему пришлось временно отменить все уступки, обещанные комиссарами труда от имени правительства. Прекратившаяся было стачка приняла затяжной характер и закончилась новым компромиссом, но уже с железнодорожной администрацией.

Примечательно, что методы урегулирования забастовки железнодорожников стали предметом разногласий в высших органах власти. В частности, при обсуждении этого вопроса Временным Всероссийским правительством один из его членов – М.В. Зензинов настаивал на том, что необходимо создать правительственную комиссию для расследования причин забастовки, куда включить представителей от сибирских министерств путей сообщения и труда, по три представителя от рабочих железнодорожников и три «нейтральных лица, знакомых с условиями труда железнодорожников». Он полагал, что любые переговоры улучшат общественный климат. П.В. Вологодский и В.Г. Болдырев были против такой комиссии, которая станет судить о правомерности действий государственной власти и военных по ликвидации забастовки, что только уронит авторитет власти. Сами действия железнодорожников, подчеркивали они, абсолютно недопустимы в условиях войны, а ликвидация забастовки, подрывавшей военное снабжение, может проводиться любыми чрезвычайными методами. К тому же, напомнил в ходе дискуссии П.В. Вологодский, уже существует комиссия по пересмотру тарифов оплаты труда железнодорожных рабочих и служащих, и ее работа – это единственно правильный путь поиска социального компромисса⁴⁸⁴.

За исключением уплаты за дни забастовки, остальные экономические требования рабочих были в течение ноября–декабря 1918 г. рассмотрены комиссиями, созданными железнодорожной администрацией, и приняты в официальном порядке. Новые тарифы сдельной и поверстной оплаты

⁴⁸² Железнодорожник. 1918. 14 нояб.

⁴⁸³ Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 110; Козлова С.А. Труд и охрана труда при Колчаке // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 84–85.

⁴⁸⁴ Временное Всероссийское правительство. С. 166, 184.

вводились с 1 октября, а на КВЖД и Уссурийской железной дороге – с 1 декабря 1918 г. Твердые же оклады повысились с 1 июля 1918 г., а за прошедшие месяцы разница компенсировалась⁴⁸⁵.

Октябрьская стачка железнодорожников выявила неспособность аппарата Министерства труда влиять на разрешение серьезных трудовых конфликтов – все предложенные комиссарами труда меры носили незаконный характер и выходили за рамки их компетенции. Обнаружилось и неумение самого правительства оперативно реагировать на критические ситуации. Стачка практически на месяц остановила движение по Транссибирской магистрали. Временному Сибирскому, а позже Российскому правительствам пришлось принять требования рабочих о повышении заработной платы.

Забастовка железнодорожников в октябре 1918 г. долго откликалась болезненным эхом. Военные и гражданские органы провели аресты лиц, причастных к организации этого явно провокационного мероприятия. Главный комитет профессиональных союзов Томской железной дороги в ультимативной форме отстаивал невиновность большинства арестованных, воспринимая действия властей как политический произвол⁴⁸⁶. Забастовка со всей очевидностью показала, что от поведения железнодорожников целиком зависит жизнеобеспечение региона, и правительство должно было считаться с их интересами. Тем не менее власти не сделали ничего существенного для улучшения положения железнодорожников, кроме повышения ставок, эффект от которого инфляция перекрыла уже через три месяца. На Пермской железной дороге материальное положение железнодорожников ухудшилось настолько, что генералу Р.Х. Гайде даже пришлось вводить для них бесплатные продовольственные пайки⁴⁸⁷. Уровень оплаты железнодорожников повсеместно оставался на грани выживания. Инфляция оставляла им лишь выбор между забастовкой или уходом с работы.

Отсутствие средств в бюджете правительства и падение курса рубля порождали благоприятную почву для организации новых антиправительственных акций. Явно политический подтекст присутствовал во всеобщей забастовке во Владивостоке в марте–апреле 1919 г., когда 5 тыс. рабочих потребовали одновременно сократить рабочий день, увеличить зарплату и оплатить дни забастовки, добавив к этому отказ от выполнения военных заказов⁴⁸⁸. Аналогичные мотивы прослеживаются и в более поздней всеобщей забастовке в Приморье в мае–июне 1919 г. Организатором выступило Центральное бюро профсоюзов Владивостока. Там, где рабочие не были поддержаны профсоюзом, они создавали стачкомы из неформальных лидеров. По утверждениям советских историков, повышение зарплаты являлось лишь поводом, позволявшим

⁴⁸⁵ Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 10–20. С. 50, 52; Приморская жизнь. 1918. 22 нояб.

⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 32 об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

⁴⁸⁷ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 марта.

⁴⁸⁸ Куцый Г.С. Всеобщая забастовка рабочих Приморья весной 1919 г. // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. Владивосток, 1975. С. 17.

организованно начать забастовку работникам разных профессий. Хотя очевидно, что доминировали именно экономические требования. Неделю спустя забастовку в порту прекратили, так как все требования морских команд были выполнены⁴⁸⁹. 2200 портовых грузчиков, будучи обеспечены работой на 30–50%, добились увеличения зарплаты без официального сокращения занятости. Правда, забастовка дала властям повод прибегнуть к массовым политически мотивированным увольнениям. В порту было уволено около 3 тыс. рабочих и служащих, которые преимущественно пополнили не армию безработных города, а партизанские отряды⁴⁹⁰.

Падение реальной заработной платы стало одной из основных причин возобновления массовых протестных выступлений железнодорожников. В начале июля 1919 г. забастовали рабочие Забайкальской, Уссурийской и Восточно-Китайской железных дорог. Отчасти повторилась сибирская ситуация осени прошлого года. Железнодорожная администрация назначила 30%-ную прибавку на март и апрель, а на май и июнь она увеличилась до 100% к окладу. Но рабочие начали забастовку как раз накануне выплаты повышенного денежного содержания⁴⁹¹. На этот раз они требовали двукратного увеличения ставок и доплат, а также ликвидации сверхурочных. На КВЖД рабочие настаивали на отмене принудительных сверхурочных, а те, на которые добровольно соглашались рабочие, следовало оплачивать по советским нормам двукратно, тогда как по действовавшему законодательству они оплачивались в полуторном размере. Большую часть экономических требований железнодорожников пришлось удовлетворить, поскольку длительный конфликт оборачивался полным прекращением железнодорожного сообщения между Дальним Востоком и Сибирью. За этим последовали увольнения. На Уссурийской железной дороге они грозили всем, не вышедшим на работу после 8 июня. Увольнению в этом случае подлежали 1600 чел.⁴⁹² Уполномоченный Верховного правителя на Дальнем Востоке генерал Алексеев вмешался в конфликт и приказал немедленно принять на освободившиеся места новых людей. Это было малоперспективное решение, учитывая низкую зарплату железнодорожников и то, что стачком объявил все освободившиеся места под бойкотом. К августу там было уволено 957 рабочих и служащих⁴⁹³. Всех железнодорожников объявили мобилизованными и к не вышедшим на работу в трехдневный срок применили принудительную мобилизацию в армию с выселением семей из казенной квартиры. Так в конце июня – начале июля 1919 г. было отправлено в армию около 800 железнодорожников⁴⁹⁴. Составленный управлением Забайкальской железной дороги список зачинщиков забастовки насчитывал ни много ни мало 1340 чел.⁴⁹⁵ Но увольнения

⁴⁸⁹ История Дальневосточного пароходства. Владивосток, 1962. С. 57–60.

⁴⁹⁰ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание ... С. 167–168.

⁴⁹¹ Эхо (Владивосток). 1919. 8, 9 июля.

⁴⁹² Гнатовская Е.Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции ... С. 175.

⁴⁹³ Куцый Г.С. Борьба рабочего класса ... С. 165.

⁴⁹⁴ Сенкевич А. Гражданская война на Дальнем Востоке. Забастовки на Уссурийской железной дороге в 1919 г.

// Борьба классов. 1936. № 6. С. 61.

⁴⁹⁵ Новости жизни (Харбин). 1919. 7, 15 июля.

применялись нерешительно, не сопровождались эффективными шагами по налаживанию трудовой дисциплины и не позволили мобилизовать железнодорожный транспорт Дальнего Востока. По крайней мере, участники интервенции запомнили, что очень часто перемещение войск срывалось именно по причине отказа рабочих выполнять свои обязанности⁴⁹⁶.

Примечательно, что в это же время, почувствовав приближение Красной армии, уральские железнодорожники безропотно и самоотверженно вырабатывали повышенные нормы в связи с эвакуацией уральских предприятий, что даже Совет министров выделил 1 млн руб. для награждения наиболее отличившихся из них⁴⁹⁷. Известно, что уральские пролетарии в полной мере вкусили все прелести советской власти летом 1918 г., тогда как их дальневосточные коллеги сохраняли о ней радужные представления. Следовательно, политический опыт мог существенно влиять на трудовое поведение.

У всеобщей забастовки железнодорожников Дальнего Востока лета 1919 г. есть «две истории». По информации активистов большевистского подполья, воспроизведенной в историографии, это была политическая акция с целью прервать снабжение Белой армии⁴⁹⁸. Но у рабочих железнодорожной отрасли имелось немало собственно экономических причин, коренившихся прежде всего в сложном финансовом положении Дальнего Востока, невозможности администрации дорог обеспечивать минимальный уровень материального благосостояния своих работников. В газетных сообщениях и правительственной переписке прослеживаются сугубо экономические причины забастовки, для устранения которых у властей не было денег.

Нужно отметить, что дефицит денежных средств не позволял властям гибко регулировать социальные проблемы рабочих и служащих. Например, 28 июля 1919 г. Совет министров одобрил предложение министра путей сообщений Л.А. Устругова о выделении 20 млн руб. деньгами старых образцов и мелкого достоинства для работников КВЖД, так необходимых для снижения социальной напряженности на важнейшей магистрали. Но тут же было решено не распространять эту акцию на Уссурийскую железную дорогу, состоявшую в аренде у правления КВЖД, но находившуюся на российской территории и не игравшую такого важного транспортного значения⁴⁹⁹. Исправляющий обязанности управляющего КВЖД проявил несговорчивость в

⁴⁹⁶ По крайней мере, канадские источники отмечали, что почти все попытки продвинуть войска в западном направлении блокировались железнодорожными рабочими (см.: *Isitt B. Mutiny From Victoria to Vladivostok, December 1918 // Canadian Historian Review, June 2006. P. 256*).

⁴⁹⁷ Правительственный вестник. 1919. 17 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 105; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: сб. документов. М., 2003. С. 580.

⁴⁹⁸ Эту версию подробнее см.: *Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД в 1917–1922 гг. Новосибирск, 1983. С. 82–85; Куцый Г.С. Борьба рабочего класса ... С. 140–164.*

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 117 об.–118.

отношениях с персоналом, что породило даже слухи о телеграмме В.И. Ленина в его адрес с выражением благодарности за организацию забастовки⁵⁰⁰.

Рабочий вопрос остро стоял и на предприятиях водного транспорта. Выполнение такой важной задачи, как подготовка речного флота к навигации 1919 г., сильно задерживалось в связи с обострением отношений рабочих и судовладельцев, установивших слишком низкую оплату за ремонт плавсредств. Весной 1919 г. рабочие судоремонтных предприятий Обь-Иртышского и Волжско-Камского бассейнов потребовали ее повышения. В Тюмени, главном судоремонтном центре Обского бассейна, эти требования поддержал губернский комиссариат труда. Отказ судовладельцев их удовлетворить вызвал длительную забастовку. Рабочие бастовали почти весь март 1919 г., важнейший период подготовки к навигации. Остановка работ, а также увольнения, к которым прибегали судовладельцы, отрицательно сказались на ходе ремонта судов и речных коммуникаций. По утверждениям советских историков, Российское правительство постановлением 4 марта 1919 г. приравнивало работников водного транспорта к военнообязанным, что позволило расценивать невыход на работу как военное преступление⁵⁰¹. Выявить в архивах такое постановление не удалось. Вмешательство генерала Р.Х. Гайды позволило временно возобновить работу. Он вернул уволенных и пригрозил расстрелять каждого десятого в случае возобновления забастовки. Но с отъездом генерала Р.Х. Гайды из Тюмени конфликт вернулся в прежнюю стадию. Только когда стало очевидно, что именно упорство судовладельцев станет причиной неготовности судов к навигации, требования рабочих частично удовлетворили. В конечном счете конфликт затянулся вследствие неспособности правительства заставить судовладельцев пойти на уступки, которые, в свою очередь, тоже зависели от правительственных кредитов водному транспорту.

Исследователь Гражданской войны в Зауралье П.И. Рощевский необоснованно приписывал авторство приказа, содержавшего угрозу расстрела рабочих, Л.И. Шумиловскому. Остальные советские историки полагали, что инициатива объявить водников военнообязанными исходила от Р.Х. Гайды. В действительности это соответствовало законодательству и лишь детализировало его. Постановление Российского правительства от 4 марта 1919 г. не могло являться реакцией на забастовку водников. На самом деле вопрос о необходимости уточнить порядок введения военного положения на железнодорожном и водном транспорте был поднят Министерством путей сообщения 4 ноября 1918 г. Он обсуждался на трех межведомственных заседаниях 19, 22 и 27 декабря 1918 г. и был внесен в повестку работы Совета министров 10 января 1919 г. Следовательно, это никак не могло быть связано с забастовками речников Обь-Иртышского бассейна⁵⁰². Правила о

⁵⁰⁰ Неизвестный дневник барона А.П. Будберга 1919–1920 гг. // *Ганин А.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 605.

⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39, 388; Профсоюзы Сибири в борьбе ... С. 189–190; *Рощевский П.И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 223–224; *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная. С. 249.

⁵⁰² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 32. Л. 58–63.

введении военного положения на железных дорогах Совет министров принял 11 февраля 1919 г., а Положение о военно-судовой повинности, примененное в случае с забастовкой в Тюмени, действовало с 28 июня 1914 г., и Российское правительство лишь 11 марта 1919 г. ужесточило его нормы⁵⁰³. Примечательно, что союзное командование, как правило, требовавшее от Российского правительства и его агентов на местах переговоров с рабочими, осуждали репрессии против бастующих. Но столкнувшись с малейшим проявлением саботажа в отношении себя, применяли крайние меры, не считаясь с российским законодательством, что подтверждается угрозами провозвести казнь каждого десятого участника забастовки. Примеры можно при желании дополнять⁵⁰⁴.

Нет ничего удивительного в жестком подавлении забастовочного движения в условиях военного положения. В целом применяемые репрессивные меры вполне укладываются в действовавшее законодательство – Положение о военно-полевом управлении. Именно этим руководствовались военные, вводя запреты на забастовки. Исполняющий дела коменданта Владивостокской крепости полковник Бутенко запретил деятельность профсоюзов среди рабочих крепости, выслал за ее пределы руководителей профсоюзных организаций. Он мотивировал это подрывной работой профсоюзов среди рабочих военного порта. Даже после образования двухсторонней комиссии для рассмотрения вопроса о повышении зарплаты, профсоюзы вынесли постановление о продолжении забастовки, что вело к приостановке работы по срочным военным заказам⁵⁰⁵.

Сила применялась далеко не везде. В августе–сентябре 1919 г. с требованием повышения зарплаты объявили забастовку судовые рабочие и служащие пароходства «Лензолото» Ленского и Витимского горных округов. Конфликт разрешался путем длительных переговоров, работала комиссия Министерства труда, которая, в конце концов, согласилась выполнить все требования бастующих⁵⁰⁶.

Затяжной конфликт разыгрался в Добровольческом флоте на Дальнем Востоке. Ситуация осложнялась тем, что от бастовавших зависело снабжение Северо-Востока России. 15 июля 1919 г. Совет министров рекомендовал использовать все меры, чтобы уладить этот конфликт и только в крайнем случае распространить на членов судовых команд закон о военно-судовой повинности или заменить их служащими военно-морского ведомства⁵⁰⁷.

В горной и горнозаводской промышленности, сосредоточенной главным образом на Урале, в 1919 г. забастовки были более редкими и менее массовыми. Исследователи неправомерно

⁵⁰³ Там же. Оп. 5. Д. 92. Л. 83, 153–154 об.; Правительственный вестник. 1919. 29 марта.

⁵⁰⁴ *Исцитт Б.* Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция, 1917–1919 гг. Владивосток, 2013. С. 311–313.

⁵⁰⁵ Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток, 1955. С. 205.

⁵⁰⁶ Ленские прииски: сб. документов. М., 1937. С. 528–534; *Агналаков В.Т.* Киренский уезд Иркутской губернии в 1917–1920 годах (Изучение истории провинциальной России): учеб. пособие. Иркутск, 1994. С. 29–30.

⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 105 об.

искали корень причин в низкой сознательности рабочего класса. Скорее напротив, правильное говорить об элементах патриархальности, доверительности в отношениях рабочих и администрации, вытекавших из горноокружной системы управления⁵⁰⁸. Несмотря на катастрофически низкий уровень оплаты труда, в апреле–мае 1919 г. коллективы выдвинули умеренные требования о 20–50%-ном ее повышении, которые администрация могла выполнить примерно в половинном размере⁵⁰⁹. Но и резервов у промышленников и заводоуправлений не было – полуостановившиеся заводы производили продукцию в основном не на рынок, а для казны. Государство закупало товары по фиксированным низким ценам, не позволявшим наладить рентабельное производство. Заводы целиком зависели от государственных дотаций, которые не предусматривали увеличения зарплаты⁵¹⁰. Не очень гибкий спрос на квалифицированный труд в регионе, состоявшем из удаленных друг от друга заводских поселков, не позволял рабочим диктовать условия. Основная масса просто попыталась устроиться в деревне или увеличить трудовые усилия в приусадебном хозяйстве, имевшемся у большинства рабочих. Именно поэтому уральские заводы отличались отсутствием солидарных забастовок. К ним прибегали на отдельных заводах в крайних случаях. Уральский промышленный комитет только в марте 1919 г. поднял на нескольких предприятиях прошлогодние февральские тарифы на 25% (Лысьвенский округ, Чусовской, Нижне-Исетский и Билимбаевский заводы). В мае–июне тарифы были увеличены на большинстве остальных горно-заводских предприятиях на 25–50%. В этом определенную роль сыграла поездка Л.И. Шумиловского на уральские заводы, ускорившая решение данной проблемы⁵¹¹.

Массовое недовольство вызвала телеграмма Р.Х. Гайды, предписавшая ввести на всех казенных заводах Урала восьмичасовой рабочий день для служащих взамен шестичасового и отменявшая сокращенные на два часа предпраздничные рабочие дни. Распоряжение командующего Сибирской армией вызвало забастовки рабочих Кыштымского и Нижне-Тагильского округов, жесткий саботаж на других предприятиях. Как сообщала разведка, телеграмма Р.Х. Гайды была намеренно передана на места в искаженном виде, чтобы спровоцировать недовольство амбициозным генералом и ускорить его отставку. В оригинальном варианте Р.Х. Гайда предлагал выплачивать рабочим и служащим дополнительное рабочее время по двойным ставкам, как за сверхурочные⁵¹².

⁵⁰⁸ Сапоговская Л.В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006. С. 139.

⁵⁰⁹ Как справедливо отметил Г.Г. Швитгау, тактика «мелких» и «частичных» забастовок часто бывает сознательным выбором рабочих, понимавших невозможность для предпринимателей удовлетворить их требования в полном объеме и в масштабе всей отрасли, а также слабость собственных протестных ресурсов (см.: Швитгау Г.Г. Промышленные конфликты. С. 114–115, 124).

⁵¹⁰ Наш Урал. 1919. 5, 7, 22 февр.; Колчаковщина на Урале ... С. 146, 152–153.

⁵¹¹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика ... С. 171–175.

⁵¹² Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 161–162.

Еще одним распространенным мотивом начала забастовок стала задержка заработной платы, а также отказ в обеспечении рабочих жильем, продовольствием и одеждой. Подобные факты детально выявлены советской историографией и преподносятся как злостное нарушение прав рабочих со стороны предпринимателей и государства. Очевидно, что в большинстве случаев задержки в оплате труда происходили не по вине администрации предприятий, а в связи с общим экономическим кризисом, банкротством большинства производств, тотальным дефицитом и дефолтовым состоянием финансовой сферы⁵¹³. Рабочие же нередко проявляли нетерпимость по отношению к собственному руководству, обвиняя его в намеренном вредительстве и выставляя невыполнимые в этой ситуации требования соблюдения всех социальных гарантий, предусмотренных революционными завоеваниями. Распад денежной системы и бартеризация экономических отношений все чаще делали предметом требований рабочих не размер денежных выплат, а выдачу зарплаты деньгами определенного вида или компенсацию иными материальными благами (немонетарные виды оплаты). Например, на Дальнем Востоке одним из распространенных условий бастовавших в 1919 г. была уплата им полноценными денежными знаками (сибирскими, потом романовскими), а не бонами местного обращения⁵¹⁴. Проявлением материальных претензий рабочих к администрации становились требования о повышении или соблюдении установленных размеров продовольственных пайков, обеспечении жильем, топливом, одеждой⁵¹⁵. Эти ценности, ставшие частью вознаграждения за труд, оказались гораздо стабильнее денег, курс которых непрерывно падал. Особенно это характерно для Урала.

В Приморье в 1920 г. забастовки как метод разрешения трудовых конфликтов практически прекратились. Рабочие успешно действовали через профсоюзные организации и фабрично-заводские комитеты. И только в полосе отчуждения КВЖД 28–29 марта 1920 г. железнодорожные рабочие и мастеровые подняли забастовку, способствуя смещению Д.Л. Хорвата и установлению китайского управления дорогой, которое опиралось на рабочие организации⁵¹⁶. Однако отсутствие у правительства средств и неспособность оплачивать обещанную зарплату, в полтора раза превосходящую прожиточный минимум, к декабрю 1920 г. снова поставило на повестку такие крайние меры борьбы. Примечательно, что Владивостокское бюро профсоюзов не поддержало железнодорожников, оценивая угрозу забастовки как меру антиправительственную и недопустимую в сложившихся условиях, предлагая всем недовольным оплатой уволиться⁵¹⁷.

⁵¹³ Свободный край (Иркутск). 1918. 26 окт.

⁵¹⁴ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 183.

⁵¹⁵ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 18–19, 163.

⁵¹⁶ Соломенник В. Борьба за советскую власть в полосе отчуждения КВЖД // Дальистпарт. Владивосток, 1925. Вып. 3. С. 79–80.

⁵¹⁷ Красное знамя (Владивосток). 1921. 12 апр.

В структуре Приморской областной палаты труда весной 1920 г. учредили конфликтную комиссию. Ее задача состояла не в поиске путей примирения, а в разрешении конфликта. Образцом послужила Советская Россия, от которой в вопросах урегулирования трудовых споров, по мнению издателей оппозиционной газеты, антибольшевистское Приморье отстало минимум на год⁵¹⁸. За полгода работы конфликтной комиссии она разрешила более тысячи трудовых конфликтов⁵¹⁹. Но сотрудники палаты стояли на классовых позициях, охотно грозили предпринимателям закрытием предприятий в случае невыполнения решения комиссии (как правило, о повышении зарплаты и выплате пособий), но оставляли без внимания жалобы предпринимателей на действия рабочих⁵²⁰.

После переворота 26 мая 1921 г. и прихода к власти Временного Приамурского правительства профсоюзы Владивостока объявили всеобщую политическую забастовку. Она прошла 27 июля – 1 августа 1921 г. и завершилась массовыми локаутами. После забастовки часть профессиональных союзов Владивостока и Никольска-Уссурийского были закрыты, их активные участники арестованы. Не вдаваясь в оценку этических аспектов антипрофсоюзных репрессий, следует признать политическую целесообразность столь жестких мер. Профсоюзы с февраля 1920 г. являлись в Приморье легальным прикрытием РКП(б) и поддерживающей ее коалиции.

Следующий раунд всеобщей забастовки начался 19 октября 1922 г. Коммунисты назвали ее всеобщей политической. В действительности трудно судить о том, что определило присоединение к ней около 40 тыс. владивостокских рабочих и служащих – крайнее неудовольствие действиями режима М.К. Дитерехса или отчаяние от того, что уровень оплаты опустился ниже всяких разумных границ и она перестала играть роль стимула к труду⁵²¹. Ситуация оказалась для режима неуправляемой – за участие в забастовке никого не наказали.

Здесь очень показательно сопоставление с тем, как действовала власть «демократического буфера», сталкиваясь с аналогичными проблемами. Экономическое положение ДВР было не многим лучше, чем в антибольшевистском Приморье. Рабочие выдвинули требования железнодорожной администрации ДВР обеспечить хотя бы минимальные пропитание и вознаграждение за труд. Данные действия были квалифицированы как злостный саботаж, а забастовка рабочих и служащих Амурской железной дороги в мае 1922 г. каралась увольнением каждого второго участника⁵²².

Достаточно сложно проводить сравнение действий антибольшевистских правительств и советской власти по стимулированию производительности труда и установлению трудовой

⁵¹⁸ Там же. 11 марта.

⁵¹⁹ Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение ... С. 174. Автор привел разные данные из разных источников – 1078 конфликтов, из которых 35 передано в суд, и 1254 конфликта, из которых 78 передано в суд.

⁵²⁰ Красное знамя (Владивосток). 1921. 22 февр.

⁵²¹ Куцый Ю.Г. Рабочий класс и профсоюзное движение ... С. 380.

⁵²² Гнатовская Е.Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции ... С. 252–253, 257.

дисциплины. Советская власть последовательно шла по пути превращения профессиональных союзов в «приводной ремень партии», используя общественный потенциал для организации ударнического движения, контроля за соблюдением трудовой дисциплины, организации быта работников и для недопущения с их стороны протестных действий. В 1920 г. в структуре профсоюзных комитетов появились комиссии по недопущению стачек и забастовок, окончательно закрепив за советскими профсоюзами функцию тайного политического надзора за работниками⁵²³. Трудовые конфликты в Советской России полноценно не фиксировались и адекватно не документировались.

* * *

Итак, проблемы, связанные с регулированием размера и порядка начисления заработной платы, режимом труда в восточном лагере российской контрреволюции оказались в ряду острых проблем социальной политики. Рабочие бастовали часто и массово, временами полностью останавливали работу важнейших промышленных предприятий и транспортное сообщение. Они использовали наиболее радикальные методы борьбы за экономические права, включая жесткое отстаивание заведомо невыполнимых требований, неохотно шли на переговоры с правительством и предпринимателями. Сказался и тот факт, что пробольшевистски настроенные лидеры очень часто составляли неформальную группу, противостоявшую внутри профсоюзов формальным руководителям – «соглашателям». Известно, что лидеры рабочих, как правило, формируют в организуемых протестных акциях самостоятельную неэкономическую повестку⁵²⁴. Они провоцировали обострение трудовых конфликтов, успешно используя забастовочное движение на стратегических предприятиях (транспорт, топливная, полиграфическая промышленность) в политических целях. В то же время правящая власть тесно увязывала материальное положение рабочих с вопросом самокупаемости производства, поэтому неохотно шла навстречу требованиям рабочих. Разным был сам подход к решению проблемы оплаты за труд. Рабочие считали стоимость жизни, администрация предприятий и правительство – стоимость производимых ими благ. Впрочем, подобные разногласия между работодателями и работниками существовали во все времена и являются закономерностью производственных отношений⁵²⁵.

Спрос на труд это не просто функция от appetites буржуазии, желающей держать работника в черном теле. Соотношение заработной платы и капиталистической прибыли, как и их реальное выражение, напрямую зависит от общего положения народного хозяйства⁵²⁶. Падение объемов производства и инфляция капиталов неизбежно ведут к снижению цены на труд и

⁵²³ *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в Советской России ... С. 145–146.

⁵²⁴ *Ashinfelter J., Johnson G.* Bargaining Theory, Trade Union and Industrial Strike Activity // *American Economic Review*. 1969. N 9. P. 35–49.

⁵²⁵ Обзор этой проблемы см.: *Ракоти В.Д.* Заработная плата и предпринимательский доход. М., 2001.

⁵²⁶ *Маслов П.П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921. С. 33.

стремлению заместить падающий рост зарплаты за счет сокращения незарплатных издержек на рабочую силу, в том числе в виде усечения социальных программ. Рабочая политика антибольшевистских правительств была попыткой плыть против стихийного течения рынка занятости. Учитывая долговременную тенденцию сокращения объемов производства в России, следует признать, что время для разработки рабочего законодательства и легализации рабочих организаций было выбрано неподходящее. Современник описываемых событий, австриец Л. фон Мизес отмечал, что даже во времена стабильности забастовки являются социальным вымогательством, а борьбу со штрейкбрехерством относил к актам социального насилия. Забастовки он оценивал как действия чрезвычайно вредные для общества (в его терминологии – деструкционизм)⁵²⁷. Для периода Революции и Гражданской войны его оценка тем более адекватна. Это очевидно, если поднаться до интересов выживания всего социума, а не одного только пролетариата. Борьба рабочих за улучшение своего положения, в том числе за счет закрепления дополнительных прав в трудовом законодательстве, на стадии падения производства ведет к дополнительному сокращению совокупного объема производимого общественного продукта. Особенно ощутимо протестные акции дестабилизировали положение отдельных предприятий и отраслей. Но если в современной обществе вред от таких протестов просчитывается и легко заметен⁵²⁸, то в период Гражданской войны процедура банкротства отсутствовала, разорение большинства промышленных и транспортных предприятий искусственно сдерживалось государством. Негативные последствия амортизировались, а издержки перекладывались на все население. Упреки немецкого теоретика в адрес профсоюзного движения высказаны в отношении куда более цивилизованного его германского варианта. Индустриальный сектор восточных регионов России в антибольшевистский период демонстрирует куда больший масштаб разрушительности, свидетельствует о крайней слабости институтов межклассовой общественной солидарности.

* * *

В советской историографии мнение о том, что именно антирабочая политика контрреволюционных правительств вызвала широкое стачечное движение, стало застывшей догмой. Ее до сих пор никто не попытался переосмыслить. Даже новейшие и наиболее глубокие работы западных историков целиком базируются на идиомах советской историографии, из которой черпают основной массив фактов⁵²⁹. Такая причинно-следственная связь вызывает сомнение. Непредвзятый анализ источников свидетельствует о невысокой достоверности и чрезвычайной тенден-

⁵²⁷ Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 294–318.

⁵²⁸ Соловьев А.В. Почему забастовка порой оканчивается банкротством предприятия // Человек и труд. 1997. № 9. С. 66–67.

⁵²⁹ Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 336–361. Даже в случае отсылок к первоисточникам все интерпретации воспроизводят положения из работ В.А. Кадейкина, Я. Кальнина, С.А. Козловой, Н.М. Семеновы, А.П. Тянёва, В.И. Шемелева.

циозности информации, представленной в отечественных исторических исследованиях. В действительности рабочие выставляли предпринимателям и государственной власти требования, выполнение которых в военных условиях оказалось неприемлемо. В их трудовом поведении преобладали деструктивные формы. Подчас они игнорировали элементарные правила производственной дисциплины. Это обстоятельство, наряду с организацией прямого саботажа на многих промышленных предприятиях, толкало власти на введение законодательных ограничений политической деятельности рабочих и профсоюзных организаций, а нередко и на карательные меры. Радикализм и агрессивная оппозиционность рабочего движения являлись важными факторами, которые не только стимулировали эволюцию политического режима в сторону авторитаризма, но и углубляли деградацию народного хозяйства. С другой стороны, владельцы нерентабельного производства не могли предложить справедливую компенсацию за труд, поэтому рост активных и пассивных форм сопротивления представляется закономерным.

Здесь уместно вспомнить теорию классов П. Бурдьё⁵³⁰. Он подчеркивал, что классовая борьба это не только борьба за социальные права и условия жизни, но и усилия «элиты» класса по самоидентификации. Объективной близости социально-экономического положения мало, да и она не всегда обязательна. Важна готовность большой группы людей отстаивать некую сумму требований, воспринимаемую ими как права класса. Этот процесс всегда ускоряет деятельность активистов и неформальных лидеров, а крайние формы социального противостояния стимулируют его, способствуя формированию ментальной общности и в буквальном смысле слова «создавая» консолидированный и готовый к борьбе класс. На востоке России в период Гражданской войны рабочий класс действительно являлся наиболее организованной консолидированной группой населения.

Одно обстоятельство придавало ситуации неклассический вид. В своем протесте рабочие руководствовались в большей степени ценностями моральной экономики, чем индустриальной трудовой этикой, которая у полупролетариев едва начинала формироваться. Но это не мешало им осознавать себя в марксистском смысле слова «классом для себя»: по степени внутригрупповой солидарности рабочие в «антибольшевистском сообществе» явно стояли на первом месте. Итак, очевидно, что классовый конфликт усугублялся также столкновением индустриальных и доиндустриальных ценностей. Это еще в 1917 г. стало приводить к волнообразному усилению производственных противоречий, уже описанных в историографии⁵³¹. Сибирская периодика времен возникновения советской власти рисует аналогичную картину. На аксиологическом уровне ничего не изменилось и с приходом к власти «белых» режимов. Без этой ценностной «подкладки» вся трудовая конфликтология изучаемого социума останется непонятной.

⁵³⁰ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 88, 91, 233–235.

⁵³¹ Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. С. 45, 52–53.

Отличаясь друг от друга, иногда в существенных деталях, политика различных антибольшевистских правительств оказалась схожа в своем магистральном устремлении к институционализации трудовых конфликтов. Но избранная линия больше подходила для постреволюционного восходящего развития экономики. Более того, мировой опыт показал, что именно по этому пути эволюционировали взаимосвязи работников и работодателей в XX в. Важнейшим условием успешной эволюции является система корпоративизма, требующая значительной социальной согласованности участников трудовых отношений по базовым целям развития общества. Россия же в революционную эпоху представляла собой противоположный пример. Уровень солидарности потенциальных участников социально-трудового противостояния – наемных работников и предпринимателей – был минимален. Обе стороны бескомпромиссно требовали уступок. В значительной мере сказался негативный опыт предпринимательской мягкости и беззащитности в 1917 – первой половине 1918 г., когда в ходе создания органов рабочего контроля и «красногвардейской атаки на капитал» хозяйственная сфера была доведена до состояния хаоса. На этот раз промышленники были настроены решительнее. Поэтому и усилия правительственных органов по налаживанию переговорного процесса приносили незначительные плоды. Сказалось и то, что сами органы власти не выработали четкую позицию по всем вопросам, связанным с урегулированием трудовых конфликтов. Одна часть правительственного аппарата была склонна к большему учету требований рабочих – социальная доминанта в этом случае очевидна. Другая часть политиков и управленцев исходила из приоритета интересов производства, которые в сложившихся условиях можно было отстаивать только через жесткий стиль управления, диктат государства в социально-трудовой сфере и силовое разрешение возникавших конфликтов. Поиск средней линии вылился в твердую защиту приоритетов государства, тогда как в отношениях частных нанимателей и рабочих правительственные органы предпочитали заниматься поиском компромиссов. В этом случае многое определял уровень внутриклассовой солидарности. Рабочие проявили способность к весьма сложным формам коллективного действия. В их резерве имелся широкий набор методов коллективного давления – от забастовок в масштабах целой отрасли до ристрикционизма – негласного ограничения объемов производства при формальном соблюдении норм трудовой дисциплины. В столкновении «труда и капитала» на востоке России в годы Гражданской войны «капитал» оказался слабой и плохо защищенной стороной.

Одним из путей повышения выживаемости экономики в условиях экономического кризиса являлось повышение отдачи на капитал с помощью снижения издержек на воспроизводство рабочей силы. Но эффективного государственного регулирования сферы занятости добиться не удалось. Государство, нацеленное на использование преимущественно экономических методов сохранения трудовых ресурсов, не проявило должной воли и прибегало к административным рычагам только в локальных масштабах. К тому же, действуя более жестко в случаях протестов на

казенных предприятиях, в конфликтах рабочих с предпринимателями государство больше заботилось об обеспечении лояльности пролетариата, нежели условий для восстановления эффективного и рентабельного производства. В результате антибольшевистские правительства не смогли разработать меры по привлечению мигрантов, военнопленных и других категорий низкооплачиваемых работников, позволяющих сокращать средний уровень оплаты труда. Предпринимательское сообщество при полном осознании и вполне внятной артикуляции своих классовых интересов продемонстрировало минимальную консолидацию и оказалось не в состоянии успешно лоббировать выгодные ему меры.

Нужно отметить, что относительный государственный либерализм все же позволил трудоспособному населению использовать максимум разнообразных стратегий для борьбы за свое экономическое выживание. Работники не могли противостоять объективной тенденции к понижению жизненного уровня, но преуспели в защите своих интересов на рынке труда через институциональные механизмы. Это сдержало падение уровня жизни работников, но препятствовало выходу экономики на оптимум.

ГЛАВА 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

В данной главе речь пойдет о гарантированной государством социальной поддержке населения, как оказываемой непосредственно правительственными учреждениями, так и организуемой обществом. В современной изучаемому периоду терминологии деятельность, связанная с социальной реабилитацией нуждающихся в защите, не способных содержать себя самостоятельно групп населения – детей, стариков и инвалидов, называлась «призрением», которое охватывало и государственную, и общественную социальную работу. Понятие «благотворительность» использовали для обозначения усилий негосударственных организаций или частных лиц, направленных на помощь нуждающимся. И то, и другое выросло из представлений о «божьей милости», но в условиях модернизации укрепилось в качестве государственных функций и регулируемых государством форм общественной солидарности¹.

Призрение пережило глубокую трансформацию в период Первой мировой войны, а затем в связи с революцией. Кардинально изменилась структура органов социальной помощи населению, подчиненность, порядок финансирования, соотношение участия в социальной работе государства, органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц. Резко выросла численность лиц, нуждавшихся в социальной поддержке. Но финансовые и организационные возможности государства и общества для обеспечения потребности в социальной помощи сократились. Состояние продолжающегося социально-политического транзита общества задает иерархию научных проблем, рассматриваемых в главе. Начать следует с анализа институциональных трансформаций в сфере обеспечения социальных гарантий населения. Отдельного рассмотрения заслуживают две крупнейшие самостоятельные проблемы – функционирование системы здравоохранения в условиях перераспределения усилий и ресурсов между обслуживанием армии и гражданского населения и политика антибольшевистских правительств по отношению к беженцам. Следует оговориться, что структурировать исторический материал по отдельным проблемам подчас трудно. Нередко одни и те же учреждения и организации оказывали все виды поддержки местному населению и беженцам, занимались медицинским обслуживанием и иными видами социальной работы. Кроме того, деятельность по выплате пенсий и пособий, оказанию трудовой помощи населению рассмотрена в предыдущих главах, что неизбежно сужает ракурс рассмотрения.

¹ Ульянова Н.Г. *Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века.* М., 2005. С. 17.

5.1. Государственное регулирование призрения и благотворительности

Впервые в России правительственное призрение получило мощный импульс развития после Северной войны, когда Петром I было однозначно определено, что забота о военноувечных есть обязанность государства. В последующие десятилетия весь контингент бедных и нищих стал предметом заботы со стороны государства. Второй импульс был задан при Павле I, когда царская фамилия начала публично подавать пример негосударственной благотворительности. Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны стало крупнейшим благотворительным фондом России². Следующий шаг в развитии связан с созданием системы земского и городского самоуправления в годы либеральных реформ, когда быстро увеличилась сеть местных учреждений социального призрения. Это привело к выходу на новый уровень системы социальной помощи и здравоохранения в Поволжье и на Урале³. Сплотившись, государственные, муниципальные и частные учреждения приходили на помощь нуждавшимся в периоды обострения народных бедствий. Начал накапливаться опыт преодоления экстремальных ситуаций. В отдельных случаях общественность оказывалась последовательнее государства в отстаивании интересов пострадавших от чрезвычайных ситуаций (голод 1891 г.). Российское общество Красного Креста превратилось в одну из крупнейших общественных организаций, эффективно действовавших во время войны на фронте и в тылу. В пользу этого учреждения в императорской России существовали небольшие сборы с выдаваемых паспортов и пассажирских железнодорожных билетов.

Любая масштабная война влечет резкое увеличение численности лиц, не способных собственными силами справиться с обстоятельствами и нуждающихся в помощи посторонних. В этом случае возникает необходимость отмотилизовать уже существующую систему специальных органов общественного призрения либо срочно создавать новые структуры. Деятельность таких органов выходит на передний план, в существенной мере определяет характер и тяжесть социальных последствий войны. Российская система общественного призрения оказалась недостаточно готова к масштабной современной войне, какой стала Первая мировая. Выяснилось, что общественный потенциал использовался далеко не полностью. В то же время «избыток» негосударственной инициативы натолкнулся на недостаток средств. Затратив значительные суммы на лечение больных и раненых в первые месяцы войны, земства и города быстро столкнулись с острым финансовым дефицитом. Одновременно объем социальной работы только увеличивался: появились беженцы, инвалиды и больные, сироты и другие категории нуждающихся в опеке и

² См. подробнее: *Чернецов Н.В.* Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

³ *Богатырева О.Н.* Эволюция системы местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях: 1861 – февраль 1917 г. Екатеринбург, 2004. С. 145, 237; *Задорнова Е.Е.* Государственно-общественное призрение на Урале: последняя треть XVIII – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2001. С. 100–106.

помощи. Развернуть работу в необходимом масштабе оказалось возможно только на средства казны⁴. В годы войны сложилась следующая субординация: земства и города выделяли средства по собственной инициативе, а правительство компенсировало им расходы на социальную поддержку лиц, пострадавших во время войны.

Правящая власть тоже активно подключилась к делу призрения, расширяя работу существовавших благотворительных учреждений под покровительством царствующего дома Романовых и организуя новые⁵. Уже 11 сентября 1914 г. был сформирован Верховный совет по призрению семей призванных на войну, а также раненых и павших воинов, наделенный широкими полномочиями по мобилизации и распределению средств и обладавший большим административным ресурсом в силу того, что объединил руководителей ведомств и влиятельную аристократию, включая членов августейшей семьи⁶.

Основные учреждения, направленные на разрешение чрезвычайных социальных проблем России, во время Первой мировой войны были размещены ближе к фронту. Активное участие в обслуживании фронта и прифронтовых территорий приняли земские органы Поволжья⁷. Чем дальше на восток, тем меньше было учреждений, специализировавшихся на обслуживании нужд армии и гражданского населения, пострадавшего в ходе военных действий. Средства, вырученные от благотворительных сборов восточных регионов России, направлялись в центр и местности, прилегающие к фронту. С таким багажом вступили в революцию восточные регионы страны.

Февральская революция открыла череду глубоких преобразований в сфере общественной и правительственной социальной работы. 21 марта 1917 г. Временное правительство распорядилось передать «самостоятельные» благотворительные организации в подчинение соответствующих ведомств – военного, внутренних дел и народного просвещения и Всероссийскому обществу Красного Креста⁸. 5 марта 1917 г. появилось особое Министерство государственного призрения, но оно мало успело сделать в революционной суматохе. Как ни парадоксально, централизаторские устремления государственной власти сочетались со стимулированием частной благотворительной инициативы. 29 июня 1917 г. Временное правительство образовало Комитет помощи военоувечным воинам. Комитет открывал приюты, лечебные заведения, оказывал материальную помощь нуждающимся⁹. Его местные отделения содержались преимущественно за счет частных

⁴ Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.). Самара, 2003. С. 341.

⁵ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004.

⁶ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг., 1914. Вып. 1. С. 75–79.

⁷ Земское самоуправление в России. 1864–1918. М., 2005. Кн. 2: 1905–1918. С. 238–249.

⁸ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 283–285.

⁹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1918. Вып. 2: 5 мая – 24 июня 1917 г. Ч. 1. Ст. 14. С. 62–63.

и общественных пожертвований. Правительство производило софинансирование местных социальных расходов и оплачивало оказание помощи в чрезвычайных ситуациях¹⁰.

После установления в столице власти советов в структуре Совета народных комиссаров был учрежден комиссариат социального призрения. Декрет от 19 ноября 1917 г. предусматривал ликвидацию всех частных благотворительных обществ с передачей их имущества соответствующим государственным органам и превращением центральных учреждений подобных обществ в отделы комиссариата. 30 апреля 1918 г. произошло переименование центрального советского органа, ответственного за социальную работу, в комиссариат социального обеспечения. Смена вывески означала и кардинальные перемены в концепции его работы. Под государственное обеспечение попадали очень узкие категории лиц, полностью потерявшие трудоспособность. Остальные нуждавшиеся обеспечивались за счет добровольных пожертвований или заботами местных советских органов власти без государственных гарантий. И это в то время, когда численность лиц, которым требовалась помощь со стороны государства и общества, непрерывно росла вследствие войн и революционных событий¹¹.

В структуре губернских и областных, а часто и городских советов советское законодательство предусмотрело образование комитетов призрения. Но они не получали никаких средств для своей деятельности и занимались только выяснением численности нуждавшегося населения. Приход к власти большевиков не привел к полному параличу в работе учреждений призрения. По инерции некоторые из них продолжали несколько месяцев действовать на старые, открытые ранее кредиты, остатки благотворительных средств и сохранившиеся материальные запасы. Советская власть пополняла ресурсы путем концентрации в своем распоряжении средств и имущества бывших общественных учреждений призрения. В частности, 4 января 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет о передаче Советскому государству имущества Красного Креста и Всероссийского союза земств и городов¹². Но на практике учреждения призрения прозябали. Так, Самарская городская управа в августе 1918 г., отчитываясь о состоянии приютов и богаделен в городе, сообщала, что после ликвидации всех общественных организаций комиссариат социального обеспечения сконцентрировал в своем ведении 18 детских приютов на 1003 ребенка и 5 богаделен на 380 стариков и старух. Для экономии средств уволили почти весь персонал, включая учителей в детских приютах, так как намеревались приютских детей направить в общие

¹⁰ Павлова И.П., Катцина Т.А. Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) // История государства и права. 2017. № 8. С. 53–58; Павлова И.П., Катцина Т.А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март–октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 135.

¹¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 155–156.

¹² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 324–325.

городские школы. Учреждения не получали финансирования, дети жили впроголодь, и только аванс городской управы позволил закупить для них немного продуктов¹³.

Перед возникшими летом–осенью 1918 г. на востоке России антибольшевистскими правительствами стояла задача смягчить социальные последствия Гражданской войны, но пути ее реализации варьировались в зависимости от понимания смысла социальной справедливости, финансовых возможностей. В структуре Комуча и Временного областного правительства Урала вопросы социального призрения входили в компетенцию ведомства внутренних дел. Но внутри них не существовало специальных подразделений, курировавших социальную работу. В сибирском государственном аппарате имелся отдел (позже – департамент) призрения Министерства внутренних дел. Во главе отдела с 15 сентября 1918 г. стоял известный земский и городской деятель Оренбургской губернии, санитарный врач Алексей Андреевич Корчагин. В компетенцию данного подразделения входила не только выдача пособий и пенсий инвалидам, семьям погибших военных и государственных служащих. Отдел принял на себя функции Алексеевского комитета – попечение детских приютов и других благотворительных учреждений. Это было логично, так как с падением монархии комитеты, основателями которых являлись представители семьи Романовых, не могли полноценно функционировать. Между тем у каждого комитета оставались местные отделения с подведомственной сетью попечительных и благотворительных учреждений, лишенных всякой материальной поддержки. На местах государственным призрением занимались те же органы, через которые осуществлялась выдача пособий и денежных выплат: губернские (областные) отделы призрения.

Основная тяжесть заботы о благотворительных учреждениях от Поволжья до Дальнего Востока легла на восстановленные земские и городские органы самоуправления. Комуч распорядился о передаче всех дел по работе с беженцами органам городского и земского самоуправления¹⁴. Чрезвычайное совещание представителей городов и земств освобожденной России, проходившее в Самаре 16–21 августа 1918 г., заслушало и одобрило доклад «Задачи муниципалитетов по вопросу социального призрения». Автор (его имя в источнике не сохранилось) защищал идею о том, что все социальные выплаты относятся к обязательствам государства, но осуществлять работу по определению круга получателей и оказанию им помощи должны органы местного самоуправления, получающие полное финансирование от правительства на эту работу. Но при этом докладчик предлагал не только передать в управление городов все учреждения, заботившиеся о сиротах, нетрудоспособных, обеспечивающие нужды беженцев, военнопленных, помощь

¹³ Под знаменем Комуча (Самарский край, июнь – октябрь 1918 г.): сборник документов и материалов. Самара, 2018. С. 368.

¹⁴ Волжский день (Самара). 1918. 14 июля.

населению, пострадавшему от Гражданской войны, но и настаивал на необходимости кардинально приумножить такие учреждения, расширив их финансирование¹⁵.

В Сибири и на Дальнем Востоке летом–осенью 1918 г. положение учреждений общественного призрения не регулировалось общегосударственными нормативными актами. Временное Сибирское правительство допустило, что профинансирует 1/3 расходов их содержания при условии своевременной подачи сметы расходов и принятия остальных 2/3 на счет городов, земств и/или общественных организаций. При этом органы самоуправления стремились переложить бремя содержания приютов и богаделен друг на друга ввиду острейшего бюджетного дефицита и исчерпания прежних благотворительных источников финансирования. В качестве компромиссных и разумных принимались решения об объединении городских и уездных учреждений, долевым совместном финансировании со стороны городских управ и земств, привлечении к их содержанию кооперативов и местных общественных организаций¹⁶.

На деле средства на содержание учреждений призрения не выделялись. Больницы и приюты не только остались без денег, но и перестали получать от поставщиков продукты в кредит¹⁷. Все эти пертурбации происходили на фоне возросшей численности обитателей приютов и богаделен. Начиная с 1915 г. число детей, отдаваемых в приюты из-за сиротства или бедности семьи в связи с призывом кормильца, возросло. Появилось множество увечных воинов, не способных содержать себя. В конце 1917 – начале 1918 г. повсеместно возникли союзы увечных воинов (уездные, городские и даже волостные), организованные в губернские объединения. В одной только Алтайской губернии весной 1918 г. в них числилось 15 тыс. инвалидов¹⁸. Но никаких средств на содержание таких организаций власти не выделяли. Они существовали за счет благотворительных взносов, а на собранные средства имели возможность оказать помощь только отдельным лицам, а также организовать для инвалидов трудовую помощь¹⁹.

Положение приютов Владивостока более подробно описано в монографии З.Т. Позняк. Она отмечает серьезное увеличение численности детей и стариков в приютах с 1917 г., в том числе брошенных родителями и родственниками по причине бедности. Особенностью Приморья являлись постоянные попытки городского самоуправления Владивостока привлечь к содержанию приютов областное земство. То обстоятельство, что приюты находились на содержании органов местного самоуправления, а не государства, смягчило влияние политических факторов на положение призреваемых²⁰. В сельской местности социальную ситуацию частично амортизировала

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1999. Л. 90–92; Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–18 об.

¹⁶ ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 160. Л. 5–5 об.; Д. 190. Л. 1–3 об.

¹⁷ Армия и народ (Уфа). 1918. 16 окт.

¹⁸ ГААК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 152. Л. 9–9 об.

¹⁹ Там же. Л. 5–5 об.; Д. 153. Л. 23–23 об.

²⁰ Позняк З.Т. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018. С. 303–316.

традиция взаимовыручки, но и она за годы войны была подорвана. С.П. Залыгин, тонко подметивший в романе «Комиссия» повседневную жизнь алтайской деревни лета 1918 г., писал: «Общественных дел у лебяжинских как никогда: вдовы, сироты и калеки – через два дома в третьем, а кто и чем им будет помогать?»²¹.

В соответствии с инструкцией Министерства внутренних дел Российского правительства от 6 декабря 1918 г. городские, губернские и уездные земские управы должны были иметь в своей структуре отделы общественного призрения и вести дела на собственные средства и пособия от Министерства внутренних дел²².

4 апреля 1919 г. отдел призрения Министерства внутренних дел вышел в Совет министров с предложением принять «Временное положение о Центральном и местных учреждениях государственного призрения». В соответствующем обосновании А.А. Корчагин и А.А. Грацианов отмечали, что действовавший Устав об общественном призрении «является пережитком старины» и не может служить руководством для правительственных и общественных учреждений. В нем отсутствовало разделение обязанностей между государственными и общественными организациями. Часть функций государства до революции сводилась к простому перечислению пособий органам местного самоуправления на обеспечение инвалидов и сирот, причем через особые фонды, находившиеся под покровительством царствовавшей семьи.

Авторы предлагали четко распределить категории призреваемых. К обязанностям государства следовало отнести призрение лиц, пострадавших при исполнении служебных обязанностей, и их семейств, военно-увечных, сирот военнослужащих, семейства лиц, призванных по мобилизации, нетрудоспособных военнопленных и лиц, вынужденных в силу военных обстоятельств и политических событий пользоваться помощью государства (беженцы). Заботу об остальных малообеспеченных, нетрудоспособных, беспризорных детях, подкидышах, калеках и неизлечимо больных следовало возложить на общественные организации и органы местного самоуправления²³. Однако соответствующее положение «О центральном и местных учреждениях государственного призрения» было принято Советом министров только 8 июля 1919 г. Этим постановлением были окончательно упразднены Романовский, Алексеевский, Елизаветинский и Татьянинский комитеты, Ведомство императрицы Марии, Императорское человеколюбивое общество, попечительство о трудовой помощи и иные учреждения призрения, управлявшиеся в дореволюционной России на особых основаниях. Все заведения, имущество и капиталы указанных учреждений, а также всех прочих благотворительных организаций, прекративших свою деятельность, передавались в ведение Департамента государственного и общественного призрения

²¹ Залыгин С. Комиссия. М., 1988. С. 9.

²² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 46.

²³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 33. Л. 147.

Министерства внутренних дел и переходили на государственное финансирование. На местах губернские/областные отделы призрения объединяли работу всех правительственных, городских, земских служб и общественных благотворительных организаций. При них должны были действовать попечительские советы. Непосредственно призрением должны были заниматься городские и земские органы²⁴.

Расходы земств и городских самоуправлений на общественное призрение могли быть разными. Бийское уездное земство планировало затратить на эти цели 0,9% от сметы, или в 22 раза меньше, чем на здравоохранение, в 24 раза меньше, чем на образование. А Приморское областное земство планировало затратить даже чуть больше, чем на нужды здравоохранения, и лишь в 3–4 раза меньше, чем на образование²⁵.

Но это только сметные предположения. Информацию о реальных расходах земств отследить трудно, так как сметы в основном не исполнялись. Негибкие финансовые права земских и городских органов и стремительная инфляция привели к резкому сокращению материальной базы земств и городов. Это поставило под угрозу выполнение ими традиционных социальных функций. Для решения проблемы возникла идея внесения целевых изменений в налоговое законодательство, которые бы позволяли формировать специальные государственные и муниципальные денежные фонды, расходуемые на нужды социального призрения. Министерство внутренних дел предлагало ввести сборы на проведение увеселительных и зрелищных мероприятий, на продажу игральные карт, налоги на бездетность и безбрачие. Полученные от таких налогов поступления сделать целевыми, направив на цели призрения²⁶. В отношении двух первых налогов такое решение было принято 8 июля 1919 г.²⁷ В конце августа 1919 г., когда приняли эти и еще несколько так называемых чрезвычайных налогов, они стали поступать в военный фонд²⁸. Лишь введенный с 26 июня 1919 г. подешный сбор отчислялся в пользу Российского общества Красного Креста²⁹. Правда, как показала практика взимания таких сборов, они давали казне ничтожный доход³⁰. Поэтому, даже если бы все чрезвычайные налоги и сборы стали поступать в специальный фонд социального призрения, вряд ли это существенно изменило бы уровень его материального обеспечения.

²⁴ Правительственный вестник. 1919. 5 сент.

²⁵ Народные думы (Бийск). 1919. № 4. С. 33; Первое приморское областное земское собрание 8–20 сентября 1919 г. Владивосток, 1919. Т. 1: Протокол и журнал земского собрания. С. 12–14.

²⁶ Правительственный вестник (Омск). 1919. 15 апр.

²⁷ Там же. 5 сент.

²⁸ Там же. 17 авг., 25 сент. А.Н. Никитин ошибочно утверждал, ссылаясь на тот же источник, что отдел призрения собирался вводить дополнительные налоги, чтобы за их счет повышать пенсионные выплаты для семей военнослужащих и потерявших на войне родственников (см.: *Никитин А.Н.* Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социальные и экономические проблемы Сибири переходного периода 1917–1937 гг. Омск, 1987. С. 27).

²⁹ Правительственный вестник. 1919. 26 июля.

³⁰ *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 92.

Помимо финансовых давали о себе знать и организационные проблемы. Первая мировая и Гражданская войны, политические перевороты настолько повлияли на состояние благотворительных учреждений, что Департамент государственного и общественного призрения с трудом выяснял, какое количество благотворительных учреждений располагалось на подведомственной ему территории. Причем объявленные осенью 1919 г. результаты этой «рекогносцировки» – 8 инвалидных домов на 770 чел. – явно не соответствовали действительности³¹. Ситуация быстро менялась, и центральный орган не успевал отреагировать на эти перемены. К тому же резко возрос масштаб необходимой работы. В октябре 1918 г. областная комиссия обследовала 12 приютов (по три – во Владивостоке и Никольске-Уссурийском, два в Хабаровске, один в Имане и остальные в сельской местности). В них содержалось 1106 детей. Это не считая многочисленных эвакуируемых с запада детских учреждений. Вероятно, эти сведения не точны. С.С. Пай приводит данные, выявленные в архиве. В приведенной ей таблице есть сведения о 1065 детях только в трех приютах Владивостока. Важно другое: лишь 10% прибыли из Владивостока и 45% из Приморской области, 27,5% – из европейской части России и происхождение многих не было установлено³². В начале 1919 г. приморская пресса сообщала о 10 детских приютах, содержащих 489 детей, преимущественно сельских сирот, оставшихся после погибших воинов³³. В Забайкалье действовало 4 детских приюта на 298 детей³⁴. Существующие данные отрывочны, приводятся по отдельным административным единицам за разные периоды. Огромному количеству детей не хватало мест в приютах, и эта проблема стала хронической на всей подконтрольной антибольшевистским силам территории еще с первых недель. Достаточно упомянуть два примера на противоположных «географических полюсах» – нехватка средств для содержания беспризорных детей в Самаре и беспризорных и солдатских сирот на о. Русском под Владивостоком³⁵. Все источники свидетельствуют о взрывном росте количества сирот, инвалидов, бездомных. Причем основные заботы легли на плечи органов самоуправления, явно к ней не готовых.

После падения Российского правительства специальные ведомства, отвечающие за социальное обеспечение, отсутствовали. В Приморье эту функцию пришлось взять земствам и городам. Несмотря на то, что в структуре управления внутренних дел Временного Приамурского правительства существовал отдел призрения, который продолжал функционировать и в период

³¹ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 186.

³² Пай С.С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 годах // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы II Междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 149–154.

³³ Земские известия (Владивосток). 1919. 2 марта.

³⁴ Скажутин Д.В. Учреждения призрения города Читы в 1917–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 228, 230.

³⁵ Климушкин П.Д. История Комитета народной власти второго периода // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2004. С. 183–185; ЦГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 781. Л. 1.

деятельности Совета Земской Приамурской думы, особой активности он не проявлял. В качестве работоспособного органа можно отметить только Владивостокский городской отдел призрения, который, являясь муниципальной службой, вынужден был в 1921–1922 г. заниматься решением вопроса в масштабах всего государственного образования. На самом деле и он не обладал необходимым финансовым обеспечением и располагал скорее нужными организационными ресурсами. Именно он играл ключевую роль в лоббировании интересов учреждений общественного призрения, прежде всего перед могущественными японцами. Главной его заботой стало объединение всех владивостокских детских приютов в одном месте и их превращение в трудовую колонию с целью минимизации расходов на содержание. Для этого требовалось, чтобы японское командование согласилось передать освобождаемые японскими солдатами казармы на Черной речке в распоряжение города. Вопрос решался усилиями отделов призрения Совета Приамурской земской думы и города и русско-японской согласительной комиссии³⁶. Во владивостокских детских приютах в 1922 г. было сосредоточено около 450 детей, и еще столько же не могли быть размещены в приютах из-за отсутствия места. Это не считая детских учреждений на о. Русском. Проблема поиска помещений для детей породила затяжной конфликт между городскими отделами призрения и учебным, конкурировавшим друг с другом за здания под приютские либо школьные учреждения³⁷.

Институционализация социальной политики антибольшевистских правительств состояла не столько в прямом государственном управлении, сколько в регулировании системы общественных организаций и их прямом субсидировании. Данный вопрос нашел отражение в историографии, итоги которой необходимо учитывать при дальнейшем исследовании проблемы.

В диссертации С.С. Ипполитова поставлена цель изучить благотворительную деятельность в России в годы Гражданской войны. Автор реконструировал историю возрождения и деятельности Главного управления Российского общества Красного Креста. Но он обошел молчанием то обстоятельство, что на территории востока России произошло огосударствление этой структуры и относить ее к общественной благотворительности нельзя. Правильнее считать, что работавшие в учреждениях Красного Креста общественные деятели реально находились на службе у государства. Предмет диссертации С.С. Ипполитова – общественная благотворительность – оказался изучен им только на материалах эмиграции. Применительно к антибольшевистскому движению проблема так и осталась вне поля зрения исследователя³⁸. Зато в силу указанного обстоятельства им детально исследовано одно из важных направлений государственной социальной политики – оказание медицинской помощи через организацию Красного Креста. В более поздней

³⁶ ЦГИА ДВ. Ф. 28. Оп 1. Д. 1046. Л. 2, 19–19 об., 45–45 об.

³⁷ Там же. Л. 56–57 об., 66–66 об., 68–69.

³⁸ *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

публикации С.С. Ипполитов фактически признал справедливость критики, высказанный в его адрес³⁹, воспроизведя тезис об огосударствлении Российского общества Красного Креста и превращении его в часть государственного аппарата⁴⁰.

Повышенное внимание историки уделили работе действительно общественных благотворительных структур, но не отечественных, а иностранных. Их активная деятельность на востоке России изучалась советскими и российскими исследователями. Но общественный характер данных организаций обычно ставился под сомнение. Напротив, подчеркивалось, что они являлись проводниками политики империалистических государств.

Исследование государственной политики в сфере социального призрения и общественной благотворительности осложняет то обстоятельство, что общественные организации и соответствующие государственные структуры давали в прессе крайне противоречивую информацию о своей деятельности. Каждая из них старалась приписать именно себе заслугу в проведении той или иной акции. Познакомившись с отдельными документами, любой исследователь рискует приписать все лавры лишь одному из нескольких ключевых участников социальной работы, возможно, не самому главному. Из материалов, опубликованных в периодической печати, также очень сложно установить степень участия государства и каждой из общественных организаций в различных акциях. Требуется обстоятельный анализ документации непосредственно самих организаций призрения, причем желательно сразу всех или хотя бы большинства.

Как уже упоминалось, заметную роль в проведении социальной политики правительства сыграли органы Красного Креста. Судьба этой организации полна неожиданных поворотов. 4 января 1918 г. Декретом СНК РСФСР ее органы были расформированы, а все их имущество передано местным советам⁴¹. После этого прошла серия арестов краснокрестных деятелей. Большевики создали комитет по реорганизации Российского общества Красного Креста (контролировавшийся ВЧК), а 7 августа 1918 г. объявили об организации советского Красного креста, подчинявшегося Наркомздраву. Но почти никто из бывших работников не признал его, так же как и международный союз обществ Красного Креста⁴².

С началом боевых действий против «красных» стало происходить стихийное воссоздание местных учреждений Красного Креста и других добровольных организаций здравоохранения. Врачи и сестры милосердия, оказывая помощь больным и раненым, встретили поддержку со стороны органов местного самоуправления и администрации.

³⁹ Рышков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 303.

⁴⁰ Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению // Новый исторический вестник. 2013. № 4. С. 65.

⁴¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 324–325.

⁴² Барсуков М.И. Красный крест и красный полумесяц в СССР: исторический очерк. М., 1955. С. 49–65; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность ... С. 43.

В Сибири общественные деятели также предприняли попытку создания центральной организации на основе существовавшего ранее Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам. Общество возникло в 1914 г. и имело перед революцией 52 отдела, действовавшие наряду с сибирскими подразделениями РОКК. С приходом советской власти работа его прекратилась, а медицинские и попечительские учреждения общества бедствовали, как и учреждения Красного креста. В июле 1918 г. сотрудники Омского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам образовали Временный главный комитет под председательством директора Центрального управления государственного банка Сибири А.А. Скороходова. Они рассчитывали восстановить работу многочисленных отделений общества и, объединив их с отделениями РОКК, организовать на его основе Сибирский красный крест⁴³.

На востоке России первая попытка воссоздать расформированные большевиками центральные учреждения Красного Креста была предпринята в Самаре летом 1918 г. Тогда по инициативе местных общественных деятелей было создано Временное организационно-исполнительное бюро. Ведомство внутренних дел Комуча признало его Временным главным управлением Российского общества Красного Креста и допустило к работе. 12 сентября 1918 г. Комуч принял положение о Временном главном комитете по управлению делами Российского общества Красного Креста⁴⁴. 30 сентября его возглавил Б.Ф. Соколов. В октябре 1918 г. эта общественная организация переехала в Омск.

Прибывший в Омск сотрудник Временного главного комитета по управлению делами РОКК совместно с сибирскими работниками выдвинули инициативу официального возрождения своей организации под эгидой Директории, а затем Российского правительства⁴⁵. Созванное в Омске совещание деятелей Российского общества Красного Креста после нескольких заседаний 8 ноября 1919 г. обратилось к Временному Всероссийскому правительству с докладной запиской о работе Временного главного управления⁴⁶. Она была рассмотрена 12 ноября 1918 г., и Совет министров получил поручение срочно разработать закон об управлении обществом Российского Красного Креста⁴⁷. Юрисконсультская часть управления делами Совета министров дала отрицательное заключение, отметив наличие на территории антибольшевистских окраин нескольких главных управлений сомнительной легитимности. Юристы считали оправданным создание

⁴³ Тишкина К.А. Восстановление деятельности благотворительных организаций Западной Сибири в 1918–1919 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 142.

⁴⁴ Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года: сб. документов. М., 2011. С. 102, 368–370.

⁴⁵ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 15 нояб.; ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 135; Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–9; Д. 15. Л. 1–2 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 59. Л. 1–1 об., 5–7.

⁴⁷ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны: сб. документов / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015. С. 112–115; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 271.

только временного областного управления⁴⁸. Тем не менее 6 декабря 1918 г. было принято Положение о Временном главном управлении Российского общества Красного Креста в составе Российского правительства⁴⁹ и учреждено соответствующее ведомство, во главе которого встал самарский общественный деятель Александр Николаевич Шелашников. После его смерти в августе 1919 г. управление возглавил другой самарец – Михаил Львович Киндяков.

Положения, утвержденные Комучем и Российским правительством, сильно отличались друг от друга. Учрежденный Комучем Временный Главный комитет по управлению делами Российского общества Красного Креста, будучи общественной организацией, имел в своем составе 8 представителей государственных учреждений, входивших в него по должности, 4 представителя от общественных организаций и 8 – от центральных и местных краснокрестных подразделений. Главное управление Российского общества Красного Креста входило в состав правительства. Но центральные ведомства в нем представляли лишь 4 члена. Число членов от учреждений и организаций Красного Креста было существенно больше и составляло минимум 14 членов, но возрастала численность представителей фронтовых районов. Положение, утвержденное Комучем, предписывало направление организационной деятельности, наделяло правами по экстренному созданию местных организаций общества там, где их не было, и решающее значение на местах признавало за городскими и земскими структурами. Положение Российского правительства ничего об этом не упоминало.

В первые четыре месяца пребывания в Омске Временное главное управление провело 59 заседаний и рассмотрело 338 вопросов⁵⁰. В данном случае мы видим редкий пример, когда общественные деятели проявили инициативу, смогли быстро и эффективно организовать и объединить свои усилия по оказанию помощи правительству, были довольно скоро признаны правительством и переведены на положение официального государственного органа управления. После этого значительное количество санитарных и медицинских учреждений, принадлежавших ранее местным отделениям Красного Креста и другим общественным организациям, уже прекратившим свое существование или стихийно возрожденным, было подчинено Временному главному управлению и поставлено на казенное обеспечение. При Временном главном управлении, в состав которого входили исполнительная комиссия, финансовый совет, появились управления трех районов – Поволжского, уже покинутого Народной армией, внутреннего, фронтового и 7 отделов. Весной 1919 г. в структуре Российского Красного Креста действовало 17 местных

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 59. Л. 9–9 об.

⁴⁹ Правительственный вестник. 1918. 27 дек.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.). Томск, 2002. Вып. 1. С. 63–65; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 35–38 об.

⁵⁰ Русская армия (Омск). 1919. 18 февр.

отделений, 11 комитетов Красного Креста, 9 комитетов общин сестер милосердия, 15 больниц и приемных покоев⁵¹.

В июле в связи с реорганизацией управления армии изменилась и структура учреждений Главного управления Российского общества Красного Креста. Летом 1919 г. пресса сообщала о другой конфигурации и масштабах деятельности. Действовали три окружных управления: Степное (Омск), Восточно-Сибирское (Иркутск) и Дальневосточное (Хабаровск), 15 губернских управлений, 31 местный комитет, 15 больниц и 16 при них общин сестер милосердия. На фронте действовали 32 госпиталя и лазарета, 2 плавучих госпиталя, санитарные поезда, врачебно-питательные и изоляционно-эпидемические отряды, банные, прачечные, зубо-врачебные и другие санитарно-медицинские учреждения. Правда, их кадровый состав не впечатлял. Во фронтовых учреждениях работали 92 врача, 82 фельдшера и 407 медицинских сестер. Пресса сообщала о том, что в стадии формирования находятся еще 84 учреждения российского Красного Креста⁵². Через управление распределялись государственные средства на санитарно-медицинское обслуживание фронта.

Одно из объяснений, для чего Российскому правительству нужно было сохранить за Российским обществом Красного Креста статус общественной организации, следует искать в международном аспекте. Важным направлением деятельности Временного главного управления этой организации являлось получение международного признания. Огромную помощь в работе сыграло тесное сотрудничество с главными управлениями американской, британской и японской организаций Красного Креста, ввозивших на восток России медикаменты и теплую одежду. Иностранные миссии Красного Креста построили в России большое количество санитарных и медицинских учреждений, многие из которых были переданы российской организации.

Это позволяло, во-первых, рассчитывать на помощь международных благотворительных организаций, во-вторых, претендовать на собственность общества за границей, оставшуюся с до-революционных времен и «замороженную» после ликвидации Главного управления Красного Креста большевиками. Непризнанному правительству получить содействие было вероятнее по линии международных благотворительных организаций, чем на государственном уровне. С марта 1919 г. управление занялось вопросом о получении признания со стороны международных организаций Красного Креста. В марте 1919 г. Временное главное управление начало бороться за признание со стороны Постоянного бюро международного Красного Креста в Женеве. Летом удалось договориться с представителями существовавших в Киеве и Екатеринодаре

⁵¹ *Инполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 54; *Инполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 56; *Тишкина К.А.* Деятельность сибирского общества помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. С. 188.

⁵² Русская армия. 1919. 11 июля.

управлений Российского общества Красного Креста о принципах взаимодействия, что позволило всем антибольшевистским представителям действовать централизованно⁵³.

С 29 июня 1919 г. в Париже в рамках Финансово-экономической комиссии при Парижской мирной конференции стало функционировать совещание по делам Российского Красного Креста. Сохранились сведения о 18 его заседаниях. Совещание отличало достаточно широкое представительство – члены Главного управления, функционировавшего до его роспуска большевиками, представители Российского общества Красного Креста в странах Европы, что обеспечивало преемственность и позволяло вести переговоры о получении оставшегося за границей имущества общества и новых поставках. Совещание признало правомочными Временное главное управление в Омске и Временное управление в Екатеринодаре. Интересы Омска представлял находившийся в Париже бывший товарищ министра иностранных дел Российского правительства Ю.В. Ключников⁵⁴.

Совещание, с одной стороны, содействовало работе миссий Красного Креста в России, так как заявляло о гуманитарных нуждах Белого движения в европейской прессе, выходило на соответствующие правительственные органы крупных государств, что облегчило ввоз в Россию бесплатных или дешевых санитарных грузов. Но, с другой стороны, участники совещания, в том числе Ю.В. Ключников, настаивали на признании своего руководящего статуса по отношению к Временному главному управлению в Омске и аналогичной структуре в Екатеринодаре и только на указанных условиях готовы были вести работу в пользу легализации действующих в России подразделений⁵⁵. Это сужало возможности самостоятельной работы Российского правительства на международной арене, заставляло усомниться в правомочности предпринимаемых омским Временным главным управлением Российского общества Красного Креста самостоятельных акций.

16 августа 1919 г. Постоянное международное бюро признало омскую организацию законной преемницей дореволюционной организации. Это оказалось очень кстати. Временное главное управление Российского общества Красного Креста координировало деятельность 8 зарубежных представительств. На этой работе пришлось сделать акцент осенью 1919 г., когда Временное главное управление Российского общества Красного Креста было вынуждено быстро сворачивать свою деятельность на востоке России⁵⁶.

Одной из целей Российского правительства стала централизация государственных и общественных ресурсов, предназначенных для санитарного обслуживания фронта. Но вариант такой централизации удалось найти не сразу. В январе 1919 г. Временное главное управление

⁵³ *Инполитов С.С.* «Я видел мертвых...»: Российское общество Красного креста и Американский красный крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. // *Россия и современный мир.* 2018. № 1 (98). С. 102–103.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

⁵⁵ Там же. Л. 5–6.

⁵⁶ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Д. 54. Л. 1 об. См. также: *Инполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 73.

Российского общества Красного Креста приняло решение о включении в свой состав учреждений Главного по снабжению армии комитета Всероссийского союза земств и городов. Но 15 марта 1919 г. было принято противоположное решение – о размежевании этих организаций с тем, чтобы Земгор, оставаясь автономным, имел своих представителей во Временном главном управлении и обе организации могли действовать на фронте сообца. Но в апреле 1919 г. начальник штаба верховного главнокомандующего в приказном порядке провел объединение всех организаций, оказывавших помощь больным и раненым солдатам и офицерам на фронте под руководством Российского общества Красного Креста и предоставил главноуполномоченному Российского общества Красного Креста при Штабе верховного главнокомандующего право распоряжаться всеми такими учреждениями, их средствами и ресурсами⁵⁷.

В условиях стремительного, почти хаотичного отступления Белой армии Временное главное управление Российского общества Красного Креста прекратило свою деятельность, хотя и ненадолго пережило Российское правительство. В начале 1920 г. оно уже не имело возможности управлять медицинскими учреждениями, а лишь пыталось предотвратить переход остатков своего имущества в распоряжение советской власти. 31 января 1920 г. имущество передали Иркутскому государственному университету, а на следующий день Временное главное управление Российского общества Красного Креста самоликвидировалось⁵⁸.

Краснокрестные подразделения, оказавшиеся на территории восточнее Иркутска, продолжали действовать в тесном сотрудничестве с государственными структурами. Собственных средств у них не было, зато их оборудование и персонал можно было использовать при условии государственного финансирования. Время от времени Управление внутренними делами Российской восточной окраины возмещало израсходованные средства Красного Креста. Например, 8 апреля 1920 г. ему перечислили 462 334 руб. на покрытие расходов по содержанию противоэпидемического барака для беженцев⁵⁹. За 1920 г. в госпиталях и больницах Красного Креста в Восточном Забайкалье медицинскую помощь оказали 6372 больным и раненым, и еще 4970 чел. получили амбулаторную помощь⁶⁰.

В Приморье в 1920–1922 г. действия властей в значительной мере были продолжением прежних тенденций с корректировкой на новые обстоятельства. Временное правительство – Приморская областная земская управа 11 марта 1920 г. учредила областной и уездные советы народного здоровья для объединения, организации мероприятий в области здравоохранения и борьбы с

⁵⁷ *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного креста в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 58.

⁵⁸ *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 66–68; *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 62.

⁵⁹ Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 21 апр.; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 157.

⁶⁰ *Голотик С.И., Ипполитов С.С.* Российское общество Красного креста (1917 – 1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. С. 243.

эпидемиями, рационального и экономного расходования средств⁶¹. Их создание преследовало цель централизовать усилия и кредиты на нужды здравоохранения. 15 апреля 1920 г. в Приморье было учреждено Временное главное управление Российского Красного Креста. На организационный период обязанности управления возлагались на бюро Совета народного здоровья Временного правительства⁶². Но в действительности вновь учрежденное ведомство состояло «из председателя и двух членов дамского комитета», и важнейшим его достижением стало получение имущества от американского Красного Креста, который планомерно сокращал масштабы своей деятельности на востоке России⁶³. Из-за отсутствия реальных административных возможностей управлять полученным имуществом его передали в распоряжение отдела призрения Приморской областной земской управы⁶⁴. Таким образом, под контроль одного из областных земств перешли значительные запасы медикаментов, завезенных сюда обществом из-за границы и эвакуированных на Дальний Восток при отступлении Белой армии. Еще раньше Временное правительство – Приморская областная земская управа пыталась подчинить своему контролю материальные запасы Российского общества Красного Креста.

Руководители самоликвидировавшегося Временного главного управления Российского Красного Креста, выехав из Иркутска в Харбин, попытались возобновить свою деятельность и взять под контроль имущество общества на Дальнем Востоке. Но китайская администрация КВЖД препятствовала движению беженцев и больных по путям сообщения. Поэтому решено было доставить их транзитом в Приморье. 21 июля 1920 г. М.Л. Киндяков перед выездом из Харбина в Париж провел реорганизацию управления учреждениями и имуществом Российского общества Красного Креста, учредив Особое совещание Красного Креста на Дальнем Востоке во главе с С.С. Аксаковым⁶⁵.

Временное Приамурское правительство 13 июня 1921 г. упразднило Временное управление и организовало Особое совещание Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке. С 10 октября 1921 г. ему предоставили право не только распоряжаться имуществом, но и получать все сборы, которые законодательство предусматривало в пользу Красного Креста⁶⁶. При этом возникла странная и весьма громоздкая для небольшого региона структура: коллегиальное особое совещание Российского общества Красного Креста имело в своем распоряжении

⁶¹ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). 1920. 18 марта.

⁶² Там же. 22 апр.

⁶³ Известно, что небольшое финансирование по линии Американского Красного Креста продолжалось до осени 1922 г. Офис располагался в доме Элеоноры Лорд Прей во Владивостоке, оказывал материальную помощь нескольким сотням обнищавших беженцев (см.: *Лорд Прей Э.* Письма из Владивостока (1894–1930). Владивосток, 2014. С. 378–385).

⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 об.–23.

⁶⁵ *Голотик С.И., Ипполитов С.С.* Российское общество Красного креста. С. 170.

⁶⁶ Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). 1921. 30 июня; ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

единственного уполномоченного, руководившего всеми учреждениями общества в Приморье. В апреле–мае 1922 г. Особое совещание попыталось открыть Нижнеамурское отделение в Николаевске-на-Амуре, опираясь на самостоятельно действовавшие в районе российские медицинские учреждения. Но развернуть работу совещание не имело возможности, так как правительство вскоре утратило контроль над данной территорией. Осенью 1922 г. в связи с эпидемией среди беженцев оживилась работа подразделения в Хайлар-Маньчжурском районе. Красный Крест в Приморье осуществлял заботу о беженцах, содержал тыловые и фронтовые медицинские учреждения для военнослужащих.

Наряду с Российской обществом Красного Креста действовал еще ряд организаций, осуществлявших социальную работу на востоке России в сложном взаимодействии с правительственной властью различных государственных образований. После прихода к власти большевиков прекратил деятельность Всероссийский союз земств и городов, активно работавший в годы Первой мировой войны⁶⁷. Его объединенные военно-медицинские и попечительские учреждения остались без хозяина, хотя разные общественные силы претендовали на это наследие. 19 января 1919 г. приказом Верховного правителя эту организацию официально ликвидировали. Санитарное имущество союза (30 различных учреждений) передали Временному главному управлению Российского общества Красного Креста⁶⁸.

Однако централизаторским устремлениям колчаковских министров не суждено было реализоваться в полной мере. В не менее значительном центре антибольшевистского движения – деникинском тылу – власти сделали ставку не на Красный Крест, а именно на земско-городскую организацию. Там она продолжала активно помогать снабжению и санитарному обеспечению фронта. С целью ее воссоздания на востоке с юга России отправили делегацию известных общественных деятелей, в которую входили А.А. Червен-Водали, П.А. Бурыйшкін, позже попавшие в состав Российского правительства. Летом 1919 г. ими был образован Сибирский комитет Всероссийского земского союза. Рассчитывая на возобновление работы действовавших до революции на востоке России подразделений союза, деникинские политики быстро создали разветвленную управленческую структуру в составе исполнительного бюро и пяти отделов⁶⁹.

Одновременно координацию санитарно-эпидемической работы и осуществление ряда мероприятий по помощи беженцам взяли на себя Сибземгор и Союз городов, представлявший интересы регионов Поволжья и Урала. Летом 1919 г. сформировались крупные общегосударственные организации, работа которых была нацелена главным образом на медицинское обслуживание нужд армии и тыла. Их деятельность часто дублировала друг друга. Они вели свою работу

⁶⁷ Известия Главного комитета [Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам] (Москва). 1914. № 1. С. 16.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

⁶⁹ Правительственный вестник. 1919. 15, 17, 21 авг.

почти целиком на государственные средства. Перед эвакуацией Омска они провели серию совещаний по распределению функций. В результате была выработана схема, в соответствии с которой общественные организации осуществляли помощь раненым через Союз городов. Он же распределял средства между другими участниками медобслуживания. Стационарное лечение в тылу предполагалось сосредоточить под контролем Сибземгора, так как муниципальные медицинские учреждения подчинялись именно ему. Противоэпидемические мероприятия на путях сообщения явились предметом заботы Земского и Городского союзов, тогда как ответственность за размещение беженцев в Сибири и заботу о них брал на себя Сибземгор⁷⁰. Такую попытку осуществить централизацию общественных усилий предприняли лишь под занавес Белого движения, и она не могла оказаться удачной осенью 1919 г. С падением колчаковского режима союзы земств и городов России отходят от активной работы по оказанию медицинской и социальной помощи населению.

Раньше общественная благотворительность выражалась главным образом в сборе пожертвований для армии и организации подарков для военнослужащих к рождеству или пасхе. Летом 1919 г. на фоне углубления бедственного положения населения и приближения фронта к Сибири поле деятельности благотворителей расширилось и стало более практичным.

Созданный летом 1919 г. Объединенный комитет общественных организаций помощи армии за две недели собрал 1,7 млн руб. пожертвований. Этот комитет оказывал содействие Красному Кресту: строил для него госпитали, оборудовал пункты питания для беженцев и солдат. Основную часть работы комитет производил на возмездной основе, получая от казны компенсацию произведенных затрат. Заготовка продовольствия тоже легла на его плечи, причем удалось решить вопрос даже о доставке 50 ведер молока для больных солдат и беженцев. Солдатам на пригородных к Омску станциях раздавались чай, мыло, табак и сахар. При управлении воинского начальника ст. Омск был создан специальный пункт для безвозмездного питания солдат, которые по формальным соображениям не могли быть официально зачислены на довольствие. Комитет осуществлял и такие работы, как подготовка бань для прибывавших в Омск солдат и беженцев, оборудование вагонов-бань для фронта⁷¹. В структуре комитета действовали шесть комиссий: финансовая, госпитальная, санаторно-питательная, фронтовая, банная и по пошиву белья⁷².

Власть инициировала создание еще одной организации, нацеленной на вовлечение в благотворительную деятельность лиц, наделенных широкими административными полномочиями. 1 апреля 1919 г. при управлении делами Верховного правителя был учрежден Сибирский военно-благотворительный комитет. По замыслу его создателей, он должен был оказывать содействие

⁷⁰ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26–27. С. 27–28.

⁷¹ Правительственный вестник. 1919. 15 авг.; Русская армия. 1919. 16 авг.

⁷² Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества ... С. 217.

А.В. Колчаку в деле обеспечения лиц, пострадавших в борьбе с советской властью. Комитет возглавил сам Верховный правитель, и в него входили министры военный, морской, внутренних дел, управляющий делами Совета министров, главноуполномоченный Временного главного управления Российского Красного Креста и лица по назначению Верховного правителя. Его члены безвозмездно несли свои обязанности, которые состояли в приеме пожертвований и их оптимальном распределении⁷³. 9 июня 1919 г. комитет утвердил положение о местных отделениях. Они также учреждались управляющими губерниями (областями), включали руководителей всех правительственных учреждений и органов местного самоуправления и занимались сбором пожертвований⁷⁴. Однако следов работы этого органа обнаружить в прессе больше не удалось, что позволяет предположить, что создание комитета было в большей степени пропагандистской акцией. Нужно отметить, что такая практика сильно отличалась от дореволюционной, когда при правительстве действовал Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших, который выполнял функции координатора попечительской деятельности и распределял казенные субсидии между общественными благотворительными организациями.

В деятельности крупных благотворительных учреждений общегосударственного масштаба проявились две общие закономерности. Во-первых, они начинали образовываться сверху, сначала возникали раздутые управленческие структуры, только потом выстраивались низовые уровни, скромный масштаб работы которых не соответствовал управленческим штатам. Во-вторых, все они были тесно связаны с правительством, работали в значительной степени на казенные деньги. Отделить общественную благотворительность от государственной социальной помощи в данном случае невозможно. Это была в большей степени именно государственная социальная политика, проводимая с привлечением общественной инициативы, чем общественная благотворительность, опирающаяся на поддержку правительства.

Это не значит, что общественная благотворительная инициатива была слаба или подавлена. Ситуацию, которую И.В. Нарский определил как «сумерки общественного призрения», он совершенно справедливо отнес именно к завершающему советскому периоду Гражданской войны, не показав, к сожалению, положение этой сферы у предшественников советской власти⁷⁵. Действительно, обычно благотворительность не требовала организационного оформления. Достаточно было в любом учреждении или на предприятии объявить целевой кружечный сбор денег или подарков, и люди откликались. Как и до революции, оставалась широко распространенной практика благотворительных концертов, спектаклей. Во многих городах действовали возникшие по инициативе местных общественных деятелей благотворительные комитеты, осуществлявшие

⁷³ Правительственный вестник. 1919. 2 авг.; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые Правительствующим сенатом. Омск, 1919. № 14. Ст. 223.

⁷⁴ Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества ... С. 201.

⁷⁵ Нарский И. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 153–155.

сборы средств и помощь нуждающимся. Провести четкую дифференциацию между государственной и общественной инициативой тем более сложно, что нередко организаторами благотворительных сборов в пользу больных и раненых являлись правительственные учреждения или армейские подразделения, но инициатива эта исходила «снизу», от местных руководителей⁷⁶. Трудно судить о том, насколько война и ухудшение материального положения повлияли на склонность людей жертвовать. Чтобы делать какие-нибудь выводы на этот счет, следует провести специальное исследование состояния общественной благотворительности в антибольшевистский период. Материалы для анализа этой проблемы имеются в изобилии. Но нужно представить объемы работы благотворительных организаций на фоне их деятельности в предшествующий период. Такой экскурс выходит за рамки задач настоящего исследования.

Более четко можно проследить деятельность иностранных благотворительных миссий. Сохранился значительный объем косвенных материалов. С.С. Ипполитов отметил, что делопроизводство Главного управления Российского общества Красного Креста, отражавшее его взаимодействие на востоке России с иностранными миссиями Красного Креста, не сохранилось. Но он отмечает, что в работе управления поддержание связей с иностранными организациями занимало приоритетное место и выражалось в финансировании девяти иностранных представительств: в Европе, САСШ, Японии и Китае⁷⁷. Серьезную помощь государству оказывал Американский Красный Крест, начавший свою деятельность в Сибири с сентября 1918 г. Из отечественных исследователей наиболее подробно, к сожалению, только на материалах российской периодической печати, осветил деятельность этой организации П.Л. Нестеренко⁷⁸. Летом 1918 г. в правительство САСШ по дипломатическим каналам стали поступать сообщения о гуманитарных проблемах в Сибири. Война привела к скоплению на железнодорожных станциях обездоленных беженцев (крестьян, шахтеров, кочевников-бурятов), которым грозил голод и зимовка под тентами⁷⁹. Во второй половине 1918 г. американцы постепенно наращивали свою гуманитарную деятельность в России – от Владивостока в западном направлении. Начали они с осмотра мест заключения, приютов, больниц⁸⁰. Отдельные сотрудники миссии пытались повлиять на пенитенциарную систему контрреволюции, добиться облегчения участи политических заключенных и гуманизации обращения с ними⁸¹. Но эти усилия оставались тщетными и не входили в число основных направлений деятельности Американского Красного Креста. 9 ноября 1918 г. Совет министров Директории постановил освободить от постоя войск здание Омского сельскохозяйственного института,

⁷⁶ Капустина Я.В. Культурная жизнь Красноярска в годы Гражданской войны // Вестник Томского университета. 2009. № 321. С. 96.

⁷⁷ Ипполитов С.С. «Я видел мертвых...». С. 103.

⁷⁸ Нестеренко П.Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков: материалы всерос. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 215–218.

⁷⁹ Papers relating to the foreign Relation of the United States: 1918. Russian. Washington, 1932. V. III. P. 128, 130.

⁸⁰ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 344.

⁸¹ Попов Ф.Г. За власть советов: разгром Самарской учредилки. Куйбышев, 1959. С. 89.

чтобы предоставить это помещение госпиталю Американского Красного Креста⁸². В конце 1918 г. американские медики помогали в борьбе с тифом в городах Урала и Сибири⁸³. В 1919 г. на востоке России действовали два центральных бюро Американского Красного Креста (в Омске и Владивостоке), а персонал его сибирской миссии насчитывал 688 чел., из них 278 американцев⁸⁴. За год на востоке России и в Японии американцами было открыто 14 больниц для русских и чехословаков, 7 из них располагались в Сибири⁸⁵. Причем в ведении американцев были, как правило, лучшие и самые большие госпитали в сибирских городах, и специализировались они на противотифозных мероприятиях и сложных хирургических операциях. В августе 1919 г. американская благотворительная организация наращивала объем своей работы, заявляя о готовности оборудовать дополнительные госпитали в случае передачи российскими властями подходящих помещений. По Транссибирской магистрали курсировал американский антитифозный поезд⁸⁶.

По официальной американской информации, все 30 т грузов Красного Креста, отправленные из Америки до ноября 1918 г., предназначались для помощи чехословакам⁸⁷. Но в действительности многое досталось россиянам. Медикаменты, одежда и обувь не только распределялись между лечебными учреждениями, но и раздавались нуждающимся лицам из гражданского населения, преимущественно среди беженцев и обитателей приютов, что подтверждают не только отчеты самого Красного Креста, но и российские свидетельства⁸⁸. Во Владивостоке Американский Красный Крест в конце 1918 – начале 1919 г. остался единственной организацией, оказывавшей помощь многочисленным беженцам⁸⁹. Американские железнодорожники направили гуманитарную помощь российским собратям. Специальный поезд в 42 вагона в январе 1919 г. проехал по Транссибирской магистрали. Так, в Чите по спискам, составленным администрацией, рабочие и служащие распределили 1046 комплектов, в каждом из которых имелось одеяло, ткань, белье. Западнее американцы планировали дополнить пакеты набором продовольственных товаров⁹⁰. Из Владивостокского порта в Сибирь Американский Красный Крест ввез медикаменты и товары на сумму \$8,1 млн. 200 американских врачей и медсестер работали на востоке России⁹¹. Летом 1919 г. один американский поезд возил с фронта раненых солдат, а другой – беженцев⁹². С начала 1919 г. специальный поезд Американского Красного Креста двигался из Владивостока

⁸² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 42. Л. 81.

⁸³ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 22 дек.; Siberian Opportunities. Вестник русско-американского сближения (Сан-Франциско). 1919. № 3. Р. 30.

⁸⁴ Хилл Л.Т. (мл.) Американка в Сибири во время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. М., 2004. С. 309.

⁸⁵ Заря (Омск). 1919. 14 июня; Народная свобода (Барнаул). 1919. 21 мая; Сибирская речь (Омск). 1919. 6 авг. (21 июля); Русская армия. 1919. 23 авг.

⁸⁶ Русская армия. 1919. 2, 6 сент.; Голос Приморья (Владивосток). 1919. 5 февр.

⁸⁷ Буллард А. Деятельность Америки в Сибири // Дружеское слово (Владивосток). 1918. № 1. С. 6.

⁸⁸ Народная Сибирь. 1918. 19 дек.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска ... С. 347.

⁸⁹ Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ... С. 329.

⁹⁰ Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). 1919. 31 янв.

⁹¹ Правительственный вестник. 1919. 7, 22 авг.

⁹² Там же. 30 авг.

в Сибирь, раздавая российским железнодорожникам специальные пакеты с одеждой, а самым нуждающимся – продовольствие. На упреки в том, что меры социальной поддержки направлены на рабочих и служащих только одного ведомства, американские власти разъяснили, что получили от своих железнодорожников адресный взнос в \$4,5 млн, которые полагалось истратить исключительно на снабжение их российских собратьев всем самым необходимым⁹³. Средства для благотворительной деятельности в России жертвовали граждане и организации САСШ, одной из богатейших к тому времени стран мира. Поэтому Американский Красный Крест являлся самой обеспеченной благотворительной организацией на востоке России.

Со стороны высших эшелонов российской власти такая работа приветствовалась. Благотворительные грузы выпускались из Владивостокского порта и перевозились внутри страны по железным дорогам беспошлинно и по льготному тарифу⁹⁴. Однако местные власти и железнодорожные чиновники нередко чинили препятствия деятельности американских благотворительных организаций, так как с них невозможно было получить мзду⁹⁵. Совету министров приходилось принимать специальные решения об освобождении от уплаты пошлины американских благотворительных грузов⁹⁶. Совершенно бесосновательными являются следующие утверждения С.С. Ипполитова: «Сами американцы всячески подчеркивали бескорыстность своей помощи и независимость ее от политики <...> Однако такая человеколюбивая политика имела мало реальных оснований <...> Анализ деятельности Американского Красного Креста на территории Сибири и Дальнего Востока дает основание предполагать, что, помимо оказания медпомощи русскому населению, он преследовал и другие, далеко не благотворительные цели <...> Нельзя не увидеть, что любая помощь ей (России) будет являться прекрасной саморекламой организации, эту помощь осуществляющей. Поддержка России стала своего рода бизнесом, приносящим как политический, так и обычный капитал в денежном выражении»⁹⁷. Ничего не скажешь – убедительные аргументы! Благотворительность корыстна, так как она вольно или невольно является рекламой добродетели. Ни одного исторического факта, подтверждающего упреки в корыстолюбии, автор не представил. Просьба разрешить благотворительной организации беспошлинный провоз медикаментов представляется совершенно естественной. Упоминания современников о том, что члены американских санитарных поездов подчас приторговывали шоколадом⁹⁸, не могут всерьез изменить общую оценку характера деятельности этой организации. Очевидно, что

⁹³ Прибайкальская жизнь. 1919. 31 янв.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 92. Л. 26; Ф. 197. Оп. 9. Д. 84. Л. 3.

⁹⁵ Papers relating to the foreign Relation of the United States. P. 438.

⁹⁶ Правительственный вестник. 1919. 5 сент.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 14. Ст. 233.

⁹⁷ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность ... С. 82–83.

⁹⁸ Charles Quenet L'arriere siberien // Le monde slave. 1926. № 8. P. 170 (см. перевод на рус. яз.: ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 365. Л. 7).

нельзя выдавать действия рядовых сотрудников за общую миссию благотворительной организации, которую отдельные служащие могут не разделять.

С.С. Ипполитов не одинок в своих безосновательных подозрениях о корыстных намерениях американских медицинских служб. В этом он опирается на отечественную историографическую традицию. Так, Н.Г. Линчевская предполагает связь Американского Красного Креста с коммерческими датскими и американскими фирмами⁹⁹. При этом выявленный автором фактический материал, напротив, свидетельствует только о крупных расходах благотворительного характера. Для Е.А. Приваловой факт причастности американских монополий к финансированию деятельности Американского Красного Креста в Сибири превращает эту благотворительную организацию в выразителя интересов «акул империализма»¹⁰⁰. Из последних публикаций можно упомянуть статью Е.В. Мячиной, в которой деятельность отделений иностранных миссий Красного Креста преподносится как одна из форм иностранной интервенции¹⁰¹.

Устойчивый миф о «нечистых» намерениях Американского Красного Креста в Сибири проистекает от глубокого непонимания внутренних идейных стимулов западной благотворительности, а также определяется позицией большевистской партии. В документах последней давалась негативная оценка деятельности иностранных благотворительных организаций на территории России, якобы отвлекавшей трудящихся от сознательной борьбы за свои права и даже развращавшей молодежь¹⁰².

Другой источник историографических заблуждений – устойчиво негативное отношение современников к деятельности западных миссий. Действительно, активная работа американских медиков во Владивостоке весной 1918 г. породила слухи о том, что американцы захватили российские госпитали, изгнали оттуда российских медиков и оказывали в них помощь исключительно чехам и американцам, лишив помощи россиян. Американскому бюро печати пришлось разъяснять, что они взялись оборудовать заброшенный госпиталь на о. Русском, рассчитанный на 300 российских раненых, в том числе и 80 страдальцев, размещенных ранее российскими медиками в необорудованном бараке¹⁰³. Примеры можно было бы продолжать.

Упомянутые примеры историографии страдают вполне объяснимой абберацией восприятия. Их авторы не готовы рассматривать альтруизм как самодостаточную ценность и как одну из

⁹⁹ Линчевская Н.Г. Американский «Красный Крест» в Западной Сибири (1919 г.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: тез. докл. и сообщ. II регион. науч.-метод. конф. Омск, 1995. С. 161.

¹⁰⁰ Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990. С. 16.

¹⁰¹ Мячина Е.В. К вопросу о тыловом обеспечении белогвардейской армии А.В. Колчака в 1918–1920 гг. // Вестник алтайской науки. 2008. № 3 (3). С. 137.

¹⁰² См., например: Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток, 1955. С. 160–161, 280–281, 375, 636–638, 666–668.

¹⁰³ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 17 окт.

базовых потребностей общества, объясняемую как средство для достижения рациональных целей¹⁰⁴. Справедливости ради, необходимо оговориться, что в последних публикациях С.С. Ипполитов смягчил свои оценки, отмечая, что в работе американской миссии Красного Креста само-реклама преобладала над реальными действиями. Он также отметил, что американцы стремились всегда работать «под собственным флагом», напрямую оказывать медицинскую и гуманитарную помощь, сведя к минимуму взаимодействие с российскими службами¹⁰⁵. Этот вывод убедительно доказан фактическим материалом и заслуживает внимания.

В американской историографии, значительно более фундаментально исследовавшей работу своих общественных структур на объятых Гражданской войной российских территориях, указанная проблема вообще не обсуждается. Исследователи ставят другие вопросы: удалось ли сохранить принцип невмешательства в ход политических и военных событий, оказать помощь в равной степени всем нуждавшимся в ней, независимо от того, на чьей стороне они выступили в Гражданской войне? Вслед за В. Грэвс они упрекали представителей Американского Красного Креста в том, что, встав на путь снабжения медикаментами колчаковской армии, они, по сути дела, нарушили принцип нейтральности, провозглашенный американской дипломатией в России, оказали поддержку одной из воюющих сторон¹⁰⁶. Дж. А. Полк использует отчеты американских гуманитарных миссий (Красного креста и YMCA), свидетельствующие, что с первых недель войны в Поволжье американцы работали на поприще медицинского обеспечения Народной армии Комуча. Она не дает этим фактам никаких оценок, но также приводит мнение британских дипломатов, полагавших, что агенты YMCA – разведчики, выяснявшие перспективы установления коммерчески выгодных связей для американского бизнеса. Американский автор признает, что помимо благотворительности у представителей гуманитарных миссий действительно существовала вторая цель – экономическая рекогносцировка. Впрочем, появление огромного тылового района, переполненного беженцами и больными, однозначно выдвинуло на первый план помощь российскому населению¹⁰⁷. При колчаковском режиме учреждения Американского Красного Креста располагались как на фронте, так и в тылу, обслуживали и население, и армию, но преимущественно войска интервентов. В период отступления Белой армии, в сентябре–ноябре 1919 г., Американский Красный Крест расширил сеть своих госпиталей в прифронтовом районе (Петропавловск, Ишим), работал в более тесном взаимодействии с российскими санитарными организациями. По описаниям американских источников, Российское правительство в августе–октябре 1919 г. проявило

¹⁰⁴ *Калабреззи Г.* Будущее права и экономики. М., 2016. С. 163.

¹⁰⁵ *Ипполитов С.С.* «Я видел мертвых...». С. 108–109.

¹⁰⁶ *Graves W.S.* America's Siberian Adventures. 1918–1920. N-Y., 1931. P. 205; *Smith Ch. H.* What happened in Siberia // *Asia*. 1922. V. XXII. P. 374–377; *Fike C.E.* The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relation, 1917–1919 // *The Journal of Modern History*. Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). P. 107.

¹⁰⁷ *Polk J.A.* Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia: PhD Theses. Toronto, 2012. P. 160, 164, 170–171, 173.

большую заинтересованность в приобретении через посредничество миссии медикаментов и перевязочных средств за границей, высказало готовность сполна оплатить все закупки¹⁰⁸.

Падение власти Колчака застало американскую благотворительную организацию врасплох. В начале 1920 г. происходила спешная ликвидация запасов, ввезенных Американским Красным Крестом в Восточную Сибирь. Очевидно, здесь были не только медикаменты для лечения военнослужащих, но и множество предметов первой необходимости гражданского обихода. В Иркутске в учреждениях и организациях шла запись нуждающихся, которые потом по паспортам, в порядке живой очереди получали совершенно бесплатно фуфайки, белье и много другое, даже детские присыпки. Эти предметы потом продавались гражданами на «толкучке», так как многие успевали получить по несколько раз в количестве, далеко превышающем их личные надобности. Подобные бесплатные раздачи, плохо организованные американцами, привели к опасной давке у складов¹⁰⁹. Более организованно происходила раздача «подарков» Американского Красного Креста в Чите. Здесь распределение осуществляло общество взаимопомощи беженцев, из числа получателей исключались лица, ранее уже получившие теплые вещи от американцев¹¹⁰.

Но пресса отмечала и попытки Американского Красного Креста возобновить свою деятельность в связи с масштабной гуманитарной катастрофой в Восточной Сибири в начале 1920 г. В частности, его представители посетили председателя финансово-экономического совета Земского правительства Забайкалья П.М. Никифорова с запросом о возможностях оказать помощь гражданскому населению, «застрававшему» между «красными» и «белыми». Никифоров уверил американцев в полной свободе действий при условии отделения гуманитарной миссии от военной¹¹¹.

Другая американская организация – Христианский союз молодых людей (YMCA) – больше занималась религиозной пропагандой, распространением религиозной литературы. Впрочем, у этой организации имелся огромный опыт не просто благотворительности, а системной реабилитации нуждающихся в социальной защите. С рядом категорий российских подданных YMCA успешно и бескорыстно работала с начала Первой мировой войны¹¹². В отечественной историографии закрепились сугубо негативные оценки деятельности этой организации¹¹³. В последние годы появились исследования, выполненные в более спокойном тоне. Но в поле авторского

¹⁰⁸ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 394–397.

¹⁰⁹ Свободный край (Иркутск). 1920. 21 янв.

¹¹⁰ Забайкальская новь (Чита). 1920. 6 февр.

¹¹¹ Красное знамя (Владивосток). 1920. 24 февр.

¹¹² Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М., 2010. С. 65–67.

¹¹³ Евтушевский А.Г. «Христианский союз молодых людей» – орудие идеологической интервенции США на советском Дальнем Востоке // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. Владивосток, 1975. С. 22–25; Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1980. С. 12–14; Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. С. 142–154; Смоляков А. Под алым стягом революции. Комсомол Дальнего Востока в 1920–1922 гг.: исторический очерк. Хабаровск, 1978. С. 28.

внимания попали преимущественно педагогические аспекты и организация скаутского движения на Дальнем Востоке¹¹⁴. На самом деле ничего «подрывного» союз не предпринимал, если не относить к такому роду деятельности пропаганду спорта, просветительские лекции, показ кинолент и организацию сети скаутских отрядов и клубов по интересам¹¹⁵. Конечно, все это органично включало в себя пропаганду «американского образа жизни».

Нужно отметить, что Христианский союз молодых людей сыграл заметную роль в общественном движении на востоке России. Он развернул свою деятельность с прибытием в Приморье чехословаков и первоначально ориентировался на удовлетворение гуманитарных нужд интервентов, но достаточно быстро развернул работу и среди населения¹¹⁶. Им были организованы клубы, спортивные площадки, летние лагеря для подростков во Владивостоке, Харбине, Иркутске, проводилась демонстрация научно-популярных фильмов в городах и сельской местности. Однако есть и свидетельства, причем не только американского происхождения, участия союза в благотворительной деятельности на территории Сибири. Например, в Иркутске союз на свои средства содержал колонию для больных и увечных военнопленных на 800 человек. Американские христиане устраивали школы для детей беженцев, распространяли литературу о здоровом образе жизни, распределяли бесплатные продовольственные пайки среди беднейшего населения и солдат¹¹⁷.

Значительную работу с начала 1919 г. YMCA проводил в воинских частях, где занимался обустройством клубов и столовых для солдат интервентов и российской армии. В подразделениях интервентов работали 42 секретаря, среди русских солдат – 6, а после ухода чехословаков с фронта – 21. Вся деятельность осложнялась подозрением в пропаганде толерантного отношения к большевизму. Российское командование даже проводило расследование о влиянии деятельности союза на масштаб дезертирства и перехода солдат на сторону противника. Не найдя доказательств существования такой связи, командование выдвинуло четыре условия: к работе допускались только американцы (но не евреи); не должно быть пропагандистской работы в казармах и

¹¹⁴ Шабодоева А.В. Из истории возникновения скаутского движения в Иркутске // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. Ч. I. С. 17–19; Шабодоева А.В. Скаутинг как система внешкольного воспитания: исторический аспект проблемы (на примере Восточной Сибири (1917–1926 гг.)) // Национальная идея, образование и воспитание (философско-методологические и региональные аспекты). Чита, 1998. Вып. 2. С. 96–103; Федирко О.П. Деятельность молодежных организаций на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Вестник Бурятского университета. 2010. № 7. С. 37–41.

¹¹⁵ Наиболее полное освещение деятельности Владивостокского отделения YMCA в российской историографии см.: Пай С.С. Культурно-просветительская деятельность христианских союзов во Владивостоке в 1918–1922 гг. (по материалам местной прессы) // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 2009. Т. 38. С. 89–95.

¹¹⁶ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 156–157.

¹¹⁷ Романов Н.С. Летопись города Иркутска ... С. 342; Пай С.С. Реформирование системы народного просвещения на юге Дальнего Востока в 1917–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. С. 130; Вестник Христианского союза молодых людей (Владивосток). 1919. № 1. С. 8–9; № 2. С. 10–13, 16.

на постое солдат; не должно быть никаких образовательных программ от американских пропагандистов; вся деятельность должна согласовываться с командованием на местах¹¹⁸.

В 1920 г. союз быстро свернул деятельность в Восточной Сибири и ограничился Приморьем и полосой отчуждения КВЖД, где организовывал детские клубы, образовательные программы и кинопрокаты¹¹⁹.

Американская дипломатическая переписка содержит указания на трудности работы благотворительных организаций по обеспечению беженцев. Без содействия военной миссии по транспортировке товаров своевременно обеспечить миссии Красного Креста и YMCA всем необходимым было невозможно¹²⁰. В Омске вообще деятельность YMCA была запрещена контрразведкой, так как организацию считали рассадником еврейской пропаганды и обвиняли в сборе разведывательной информации¹²¹. Была и другая причина – союз пытался проводить в России религиозную пропаганду в армии в протестантском духе, что встречало категорические возражения властей¹²². Еще меньше понимания встретила попытка американцев оказывать помощь германским и австрийским военнопленным, инспектировать лагеря совместно с представителями датской и шведской миссий¹²³. Многочисленные данные, свидетельствующие о недоверии российских чиновников и военных к контингенту американских служб в Сибири, привели в своей книге Д. Дэвис и Ю. Трани, а также Дж. А. Полк в диссертации¹²⁴.

В меньшей степени проявил себя Японский Красный Крест, действия которого, не столь масштабные, не выходили за пределы Дальнего Востока¹²⁵. По данным дальневосточной прессы, японцы пожертвовали для российского населения медицинских препаратов на 100 тыс. йен, а всего на благотворительные цели в России – около 1 млн йен¹²⁶. Ими была открыта больница в Чите на 1200 мест, производилась раздача продовольствия железнодорожникам и беднейшему населению через посредничество православной церкви, пожертвовано читинским городским больницам медикаментов на 5 тыс. йен¹²⁷. В конце 1919 г. населению приморских городов

¹¹⁸ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 304–306, 310, 311.

¹¹⁹ Там же. P. 445–447.

¹²⁰ Papers relating to the foreign Relation of the United States. P. 143.

¹²¹ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 185.

¹²² Временное Всероссийское правительство ... С. 169, 227; Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 522.

¹²³ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 373–379.

¹²⁴ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 381–382; Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 305, 309, 312–313.

¹²⁵ Правительственный вестник. 1919. 14 окт.

¹²⁶ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 13 нояб.

¹²⁷ Кандидов Б.П. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932. С. 24; Василевский В. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 77, 107–108; Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (осень 1918 – весна 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. С. 75.

Японский Красный Крест выдавал наборы продовольствия и ткани для пошива одежды¹²⁸. Архивные источники также подтверждают доставку Японским Красным Крестом медико-санитарных товаров в Омск и частные японские пожертвования¹²⁹. Японская армия, чтобы поднять свою популярность, в конце 1919 г. также осуществляла раздачу продовольствия и одежды городскому населению Дальнего Востока¹³⁰. Правда, аналогичная практика летом 1920 г., после провокационного нападения японской армии на приморские революционные войска, воспринималась как циничная подачка с целью купить себе лояльность населения и натолкнулась на массовый бойкот¹³¹. Тем не менее многие приморцы испытали на себе пользу работы японской краснокрестной миссии. С ноября 1919 г. японская миссия Красного Креста организовала во Владивостоке больницу с амбулаторным приемом на 150 чел. Принимали как японских, так и российских пациентов совершенно бесплатно на протяжении нескольких лет, до ухода японской армии из Приморья¹³². Попытки австрийского и венгерского Красного Креста через посредничество американской краснокрестной организации оказать помощь своим соотечественникам-военнопленным даже в декабре 1919 г. натолкнулись на противодействие Российского правительства¹³³. Тем не менее известно, что американская миссия осуществляла помощь австрийским и немецким военнопленным вопреки позиции российской стороны. Именно в этом следует искать ключ к негативной оценке санитарных служб американцев в российских официальных документах.

Лишь отрывочные данные сохранились о работе британской и канадской миссий. Британская миссия организовала санитарный отряд и обслуживала госпиталь в Екатеринбурге. Канадская миссия Красного Креста прибыла во Владивосток в последние дни 1918 г. и первые месяцы оказывала медицинскую помощь воинскому контингенту канадского корпуса. Но еще в Ванкувере перед отбытием из Канады руководители миссии поставили вопрос о выделении небольших средств для оказания помощи гражданскому населению. Правда вместо швейных и вязальных наборов, одежды и обуви канадские предприниматели закупили бисквиты и картофельные чипсы. Однако, попав в Восточную Сибирь, канадские медики стали просить не предметы домашнего обихода, а медикаменты и мобильное больничное оборудование для борьбы с эпидемией тифа¹³⁴. С отбытием канадского интервенционистского корпуса небольшая миссия Красного Креста осталась во Владивостоке. Канадские медики оказывали в Приморье помощь не

¹²⁸ Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1919. 26 дек.; *Гнатовская Е.Н.* Интервенционистский фактор в социально-политических реалиях Дальнего Востока 1918–1922 гг.: виновники интервенции и их жертвы // Проблемы отечественной истории: материалы науч. конф. Уссурийск, 2006. С. 85.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 28 об.

¹³⁰ Уссурийский край. 1919. 26 дек.

¹³¹ Борьба за власть Советов в Приморье ... С. 508–511.

¹³² *Мизь Н.Г., Бреславец А.А.* Япония – Российское Приморье: путь к взаимопониманию. Владивосток, 2010. С. 49–50.

¹³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 250 об.

¹³⁴ *Polk J.A.* The Canadian red cross and relief in Siberia, 1918–1920: MA thesis. Ottawa, 2004. P. 40, 89–96, 99.

только воинскому контингенту интервентов, но и российским войскам, а также беженцам¹³⁵. Оборудованный канадцами и американцами санитарно-продовольственный поезд в апреле 1920 г. направился в Восточную Сибирь для передачи медикаментов и муки военнопленным центральных держав в лагерях Дальневосточной республики. Но дальше Читы японцы иностранных благотворителей не пропустили¹³⁶.

Как признает канадская исследовательница Дж.А. Полк, антибольшевизм американских благотворителей был тактическим ходом. Стратегической же целью являлась помощь населению и распространение идеалов высокоразвитого в техническом отношении и основанного на религиозных ценностях американского образа жизни, усиление экономического и идейного влияния САСШ, в том числе через личные примеры практической заботы о простых россиянах. И на этом пути они готовы были сотрудничать с любой властью¹³⁷.

Датский и Шведский Красные Кресты, до войны активно работавшие в России на поприще оказания помощи германским и австро-венгерским военнопленным, попытались продолжить эту деятельность на территориях, вышедших из-под контроля советской власти на востоке. С советским руководством им легко удалось договориться, и в июле миссия датчан и шведов запаслась валютой и отправилась из Москвы в Сибирь. Красные позволили переправиться им через линию фронта. Зато на Урале и в Сибири их встретили подозрением в шпионаже в пользу центральных держав и, даже сняв подозрения, долго не допускали к работе¹³⁸. Только в конце 1918 г. добился права на возобновление своей деятельности у Российского правительства Шведский Красный Крест, который собирался заниматься оказанием помощи военнопленным¹³⁹. С той же целью через Владивосток в Сибирь направилась международная миссия Красного Креста, занимавшаяся организацией помощи военнопленным центральных держав и организацией их вывоза на родину. Миссия действовала в 1919–1921 гг. в колчаковской Сибири, семеновском Забайкалье, ДВР и в Советской России¹⁴⁰. Датчане и шведы в этой ситуации создали объединенную организацию Красного креста (Nordkors). Их деятельность принесла мало результатов, наталкиваясь на противодействие администраций лагерей, главным образом из чехословацких, польских, сербских военных. По описанию участников миссии, российские власти были заинтересованы в том, чтобы предоставить пленным как можно больше свободы, избавить себя от необходимости полностью содержать лагеря. Но представители интервентов, преобладавших в администрации отдельных

¹³⁵ *Ипполитов С.С.* «Я видел мертвых...». С. 106; *Isitt B.* Canada and the allied occupation of Vladivostok (1918–1919) // Гражданская война и иностранная интервенция на Российском Дальнем востоке: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 13.

¹³⁶ *Polk J.A.* The Canadian red cross and relief in Siberia ... P. 169.

¹³⁷ *Polk J.A.* Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 430.

¹³⁸ *Brändstäm E.* Among prisoners of war in Russia and Siberia. L., 1929. P. 253–254.

¹³⁹ Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 14 янв.

¹⁴⁰ О деятельности на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам см.: *Montandon G.* Deux Ans Chez Koltchak et chez les bolcheviques, pur la Croix-Rouge de Geneve (1919–1921). Paris, 1923. P. 9–93.

лагерей, содержали пленных в страшной нужде, что затрудняло использование их труда. И только на Дальнем Востоке, где лагеря находились под управлением японцев и американцев, военнопленные были полностью обеспечены в строгом соответствии с правилами Гаагской и Женевской конвенций. Усилиями международных миссий удалось добиться в июле 1919 г. увеличения денежного довольствия для военнопленных¹⁴¹. Правда, при царском режиме офицеры получали 50 руб. в месяц и могли на эти деньги себя полностью обеспечивать. Теперь в связи с дороговизной солдатам и офицерам установили одинаковое содержание в 100 руб. ежемесячно, которых совершенно не хватало. Документация канадской миссии Красного Креста свидетельствует о поступлении в лагеря военнопленных помощи от американских, британских и канадских официальных и частных благотворительных организаций, но насколько значимой она была и доходила ли непосредственно до обитателей лагерей, требует уточнений¹⁴².

Совершенно другими путями развивалась сфера социального призрения в советском лагере после начала Гражданской войны. Большевики пошли по пути ликвидации общественных благотворительных организаций, передавая все их капиталы и имущество в распоряжение государства. Таким образом происходила централизация управления учреждениями социального призрения, концентрация их скудных ресурсов. Советское правительство выделило несколько приоритетных групп населения, получателей государственных социальных трансфертов. В первую очередь это дети, в отношении которых в законодательстве отсутствовала классовая риторика. Все юные граждане становились получателями усиленных пайков, для них строились специальные столовые и приюты. Впрочем, поток декретов о социальном обеспечении детей не должен вводить в заблуждение¹⁴³. Именно Советская Россия отличалась обилием беспризорных детей, лишенных заботы со стороны общества и государства¹⁴⁴. Другой приоритетной группой стали «защитники советской власти», пострадавшие в борьбе с контрреволюцией: политические беженцы, жертвы «белого террора» и еврейских погромов и многие другие¹⁴⁵. Тенденция героизации жертв при большевиках закрепились не только в политическом языке, символике и ритуалах, но и в материальной поддержке пострадавших. Она при советской власти проявилась раньше и сильнее, чем в лагере контрреволюции. Наконец, большевистский режим легко избавлялся от социальных обязательств предшественников, целенаправленно оставляя без средств существования тех, от кого не ждал поддержки.

¹⁴¹ *Brändstäm E.* Among prisoners of war ... P. 257–262.

¹⁴² *Polk J.A.* The Canadian red cross and relief in Siberia. P. 118–121; *Montandon G.* Deux Ans Chez Koltchak et chez les bolcheviques. P. 121–123.

¹⁴³ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 131, 181, 193, 311–312, 363–364; Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 28–31, 196, 277.

¹⁴⁴ Реальные успехи советской политики по отношению к детям приходятся на период нэпа. См.: *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940. М., 2015.

¹⁴⁵ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 282–283; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 415–416, 525.

Резюмируя анализ политики в сфере социального призрения, регулирования правительственной социальной работы и общественной благотворительности, можно сформулировать три вывода. Во-первых, недостаток средств и организационных возможностей отчасти восполнялся объединением государственных, земско-городских, общественных и частных усилий и источников финансирования. Основные обязательства по организации социального призрения и частично по ее финансированию правительственная власть стремилась переложить на органы местного самоуправления. Во-вторых, общественность проявила высокую активность, нашла пути взаимодействия с государственными органами и интеграции с ними для ведения социальной работы. Серьезную проблему представляла сложность и длительность согласования множества интересов, не позволявших оперативно настраивать нормативную базу под запросы динамично меняющейся ситуации. Наконец, в-третьих, наиболее обеспеченные иностранные благотворительные миссии проявили высокую активность, но остались слабо интегрированы в российскую институциональную среду из-за взаимного недоверия между иностранными и российскими социальными службами.

5.2. Взаимодействие государства, органов местного самоуправления и общественных организаций в сфере здравоохранения

Здравоохранение всегда являлась важной составляющей социальной сферы. В условиях войны его роль возрастает. Тем не менее здравоохранение долгое время оставалось на периферии внимания исследователей. Советские историки медицины либо просто умалчивали о существовании здравоохранения на территориях, не контролировавшихся советской властью¹⁴⁶, либо уделяли основное внимание его критике и поэтому были далеки от стремления к взвешенному научному анализу¹⁴⁷. Современные исследователи остаются на начальной стадии разработки проблемы. Существует две современные публикации Ю.П. Горелова, в которых рассмотрена организация госпиталей в Белой армии¹⁴⁸. В одной из них автор привел данные, что уже летом 1918 г. в Западно-Сибирском военном округе действовали 15 военно-лечебных учреждений, обслуживавших 250 офицеров и 4,5 тыс. солдат¹⁴⁹. Здесь очевидная ошибка. Данные, вероятно, относятся к лету 1919 г., как и все остальные сведения, приведенные в упомянутых тезисах. Монография

¹⁴⁶ Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956). М., 1957.

¹⁴⁷ См., например: *Федотов Н.П., Бова П.А., Березин В.П.* Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск, 1967. С. 32–37.

¹⁴⁸ *Горелов Ю.П.* К вопросу госпитального обслуживания армии Колчака // История «белой» Сибири: сб. тез. докл. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 53–56; *Горелов Ю.П.* Из опыта госпитального дела белой армии Сибири // История «белой» Сибири: тез. II науч. конф. Кемерово, 1997. С. 70–73.

¹⁴⁹ *Горелов Ю.П.* Из опыта госпитального дела ... С. 71.

Ю.П. Горелова не добавляет ничего нового к уже введенной им в научный оборот информации, так как, вопреки указанным в названии глав хронологическим рамкам (до 1918 г. включительно), описывает главным образом дореволюционный период¹⁵⁰. Исследования С.С. Ипполитова и А.А. Мышанского значительно более обстоятельны, но они страдают некритическим восприятием информации из источников (в первом случае – из документации Красного Креста, во втором – муниципальных органов здравоохранения), воспроизводят ведомственный взгляд на проблему¹⁵¹. В диссертации и публикациях К.А. Тишкиной, публикациях С.Г. Сизова содержится информация о деятельности благотворительных организаций по оказанию медицинской помощи военнослужащим в отдельных регионах Сибири¹⁵². Вопрос о здравоохранении в Забайкалье рассмотрен в диссертации К.И. Журавлева и статьях В.А. Шаламова¹⁵³.

Положение медицинских учреждений и санитарных служб на востоке России сильно варьировалось в зависимости от региона. В Поволжье и на Урале существовала давняя, уходящая корнями в прошлое, земская медицина. На Урале еще ранее появления земств существовала традиция горнозаводской медицины¹⁵⁴. В более восточных регионах азиатской части страны не существовало земств с их богатым опытом обслуживания сельской местности, а плотность населения была в десятки раз ниже, чем в губерниях европейской части¹⁵⁵. Поэтому обеспеченность населения медицинской помощью оставалась существенно хуже, чем в губерниях европейской части России, а организаторами медицинской помощи являлись губернские или переселенческие учреждения, в крупных городах – муниципальные органы¹⁵⁶.

В ходе Первой мировой войны из медицинских служб происходил отток кадров в армию и общественные организации, связанные с санитарным обслуживанием фронта. Он составил до половины врачебного персонала. Обеспеченность населения медицинской помощью, следовательно,

¹⁵⁰ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

¹⁵¹ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность ... С. 54–115; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 102–119.

¹⁵² Тишкина К.А. Восстановление деятельности благотворительных организаций ... С. 140–144; Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества ... С. 22–23; Сизов С.Г. Благотворительная деятельность в белой столице России (Омск, июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // Гражданская война на востоке России: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2017. С. 308–313; Сизов С.Г. Благотворительность и социальная помощь в Белом Омске (1918–1919 годы) // Социально-гуманитарный вестник: всерос. сб. науч. тр. Юбил. вып. 20. Краснодар, 2017. С. 26–30.

¹⁵³ Журавлева К.И. Здравоохранение и здоровье населения Забайкалья (1765–1965): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Чита, 1966. С. 12; Шаламов В.А. Здравоохранение в Забайкальской области ... С. 156–166.

¹⁵⁴ Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955; Шерстова Т.Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004.

¹⁵⁵ Биниток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здравие в войну 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 71–72.

¹⁵⁶ Власов Г.А. Очерки по истории здравоохранения Хабаровского края (1856–1968 гг.): автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 1969. С. 10–11; Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения в Сибири. Томск, 1975. С. 114–167; Шаламов В.А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным на 1913 г. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 7. С. 88.

в эти годы сильно сократилась¹⁵⁷. Уральские, сибирские и дальневосточные городские и общественные благотворительные организации участвовали в создании госпиталей. Большинство из них направлялись в европейскую часть России, ближе к фронту¹⁵⁸, что способствовало ослаблению медицинской инфраструктуры на востоке страны. В годы Первой мировой войны Земско-городской союз организовал около 4 тыс. госпиталей. Некоторая их часть оказалась позже на антибольшевистской территории. Они почти не работали летом 1918 г., но оставался медицинский персонал и сохранился организационный опыт работников органов местного самоуправления.

В Самарском Поволжье земские медицинские учреждения оказались перегружены из-за эпидемии холеры. К концу августа она отступила, но в связи с острым дефицитом земского бюджета стали закрываться уездные земские больницы, и больных перевели в губернские земские и городские. Больницу союза городов в Самаре Совет управляющих ведомствами принял на счет казны, но давать дополнительное финансирование земским и городским учреждениям здравоохранения не спешил¹⁵⁹.

Информация о деятельности власти по организации медицинского обслуживания армии в Поволжье и на Урале летом и осенью 1918 г. практически отсутствует. Ни Комуч, ни Временное областное правительство Урала не предполагали разворачивать специальные государственные структуры, рассчитывая, что с задачей справятся уже существовавшие земские и муниципальные медицинские службы. Такая модель могла продолжать работать только при наличии достаточных государственных субсидий, которые едва ли были по силам поволжским и уральским властям. В результате Штаб Народной армии в Уфе в начале сентября 1918 г. пытался инициировать самоорганизацию врачей для медицинского обслуживания фронта. Совещание врачей решило, «учитывая партизанский характер войны», создать летучий перевязочный транспортный отряд¹⁶⁰.

Воссоздание лазаретов на Урале взял на себя Екатеринбургский комитет Всероссийского союза земств и городов. Запросив у Временного областного правительства Урала 1,3 млн руб., он недостаточно обосновал свои сметные предположения и сумел получить 4 октября 1918 г. от уральской власти санкцию на расходование только 500 тыс. руб.¹⁶¹

Сложнее выглядела ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке. С созданием земств осенью 1917 г. врачебные отделения губернских, областных и уездных управлений подверглись расформированию, а всю их материальную базу передали врачебно-санитарным отделам губернских и уездных земств и городских управ. Ликвидация органов местного самоуправления советской властью происходила в период становления этих отделов. Советская власть пошла по пути

¹⁵⁷ Биниток В.И., Каменский Л.С. Народное питание и народное здравие ... С. 74–75.

¹⁵⁸ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 167–175.

¹⁵⁹ Под знаменем Комуча ... С. 351–352, 356, 363–365, 376–377.

¹⁶⁰ Армия и народ (Уфа). 1918. 5 сент.

¹⁶¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 41. Л. 9–9 об.

объединения всех медицинских учреждений под контролем отделов здравоохранения местных советов. Когда после антибольшевистского переворота работа земских и городских учреждений была восстановлена, они, как и год назад, продолжали находиться в стадии формирования.

Угроза эпидемии осенью 1918 г. стала для земской и городской медицины серьезным испытанием. Органы местного самоуправления пытались наладить гигиенический и санитарно-эпидемиологический контроль, предпринимали усилия по организации противоэпидемиологической пропаганды. На вакцинацию населения органами самоуправления Сибири из государственного бюджета выделили более 10 млн руб. Отчеты земских и городских организаций свидетельствовали, что усилия органов местного самоуправления к октябрю 1918 г. позволили нормализовать санитарно-эпидемиологическую ситуацию¹⁶². Газеты сообщали другие, менее утешительные сведения. Например, в Томске антисанитария среди беженцев вызвала сначала эпидемию инфлюэнцы, затем – сыпного тифа, бороться с которыми в казармах, беженских бараках, тюрьме и больницах не было совершенно никакой возможности. В конце года в Сибири эпидемии усиливались, выделяемые земствам и городским управам средства были каплей в море¹⁶³. В Зайсанском уезде Семипалатинской области на противоэпидемические мероприятия в апреле 1919 г. уездное земство смогло выделить только 10 тыс. руб., тогда как требовалось в 9 раз больше¹⁶⁴. Очагами эпидемий во многих городах Сибири стали тюрьмы и больницы¹⁶⁵.

Поддержка органов местного самоуправления входила в задачу отдела народного здоровья Министерства внутренних дел. Это ведомство изначально признало, что земства и города имели богатый опыт в сфере здравоохранения, и лучший вид помощи со стороны государства – субсидирование. В сентябре 1918 г. из казны было отпущено 2 млн руб.¹⁶⁶ Этим и последующих ассигнований хватало только на самые срочные мероприятия, но не на поддержание текущей нормальной работы. Для нормальной работы этого не хватило бы даже для одной губернии. Так, в начале 1919 г. Бийское уездное земство внесло в смету план расхода 1426 тыс. руб. на нужды здравоохранения¹⁶⁷.

Хотя Административный совет Временного Сибирского правительства еще осенью 1918 г. выделил небольшие средства на борьбу с эпидемическими заразными болезнями¹⁶⁸, принятых

¹⁶² Воля Сибири (Красноярск). 1918. 2 авг.; Сибирское медицинское обозрение (Красноярск). 1918. № 3–6; Белое движение: каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000. С. 55.

¹⁶³ Народная Сибирь. 1918. 6, 13 дек.; ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 139. Л. 90–90 об.

¹⁶⁴ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 148. Л. 80.

¹⁶⁵ *Ликстанов И.М.* Места заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2015. С. 21–22; *Ликстанов И.М.* Оказание медицинской помощи заключенным в тюрьмах Восточной Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.) // VII чтения, посв. памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): материалы междунар. науч. конф. Новокузнецк, 2012. С. 180–183.

¹⁶⁶ Правительственный вестник. 1919. 9 апр.

¹⁶⁷ Народные думы (Бийск). 1919. № 4. С. 26.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 33–33 об., 44–44 об.

мер было явно недостаточно. В конце 1918 г. в городах Сибири вновь возникла опасная эпидемиологическая ситуация. Очагами распространения тифа стали тюрьмы и места компактного проживания беженцев – вокзалы, станции, загородные дачи и пригороды. 3 декабря Совет министров Российского правительства отпустил Министерству юстиции на борьбу с тифом в местах заключения 250 тыс. руб. (вместо просимых 1 млн руб.), а 4 февраля 1919 г. выделил еще 500 тыс. руб. для этих же целей¹⁶⁹. 6 декабря 1918 г. городам Западной Сибири на антитифозные мероприятия перечислили 5 млн руб., которые 8 января 1919 г. распределили между получателями на основании предложений Министерства внутренних дел¹⁷⁰. Пособия выдавались в размере от 50 до 100% от предполагаемых расходов, т.е. государство иногда брало целиком на себя расходы по борьбе с эпидемиями. 10 марта 1919 г. Министерство внутренних дел запросило на противоэпидемические мероприятия еще 16 372 504 руб., из которых подтвердило сметой 12 822 004 руб. Этот запрос удовлетворили только на сумму 5 897 041 руб., т.е. выделили менее половины¹⁷¹. А.А. Мышанский, опиравшийся на земские источники, уверяет, что органам самоуправления, благодаря своевременно выделенным средствам и слаженным действиям врачебного персонала, удалось подавить очаги эпидемии в Сибири на рубеже 1918–1919 гг.¹⁷² Между тем заведующий отделом народного здоровья Министерства внутренних дел К.М. Гречищев утверждал, что только наступление теплого времени даст надежду на то, что эпидемия отступит, запрашивая новые 8 млн руб. пособий городским и земским органам для борьбы с тифом до августа 1919 г.¹⁷³

Отчеты действительно приукрашали реальную картину. Эпидемия шла с запада и распространялась от фронта в тыл. В связи с этим наблюдалась большая административная активность, нацеленная на решение вопросов санитарно-эпидемиологического характера. Но администрирование без финансовой поддержки давало очень скромный эффект. Городские управы проявили готовность всерьез заняться улучшением санитарного положения городов, но делать это они собирались на средства казны. Своих финансовых резервов у них не было. С осени 1918 г. земский и городской отделы Министерства внутренних дел, Особое совещание по финансированию предприятий общегосударственного значения оказались завалены просьбами городов о выделении кредитов на очистку улиц, строительство или ремонт канализационных и водопроводных сооружений, модернизацию ассенизационных служб. Обосновать необходимость такого рода работ с точки зрения интересов коммунального хозяйства было несложно. В городах страны в последние годы произошла заметная деградация городского хозяйства. В период революционного бурления

¹⁶⁹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 53. Л. 74; Д. 1533. Л. 1–2.

¹⁷⁰ Там же. Д. 53. Л. 6 об.

¹⁷¹ Там же. Оп. 4. Д. 33. Л. 232 об.

¹⁷² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 104–105.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 33. Л. 231, 234.

скопление нечистот приобрело катастрофический характер. Сразу оговоримся – это было еще не грязное антисанитарное дно революции, а только начало сползания к нему¹⁷⁴.

Государственные инвестиции в городское хозяйство могли бы если не спасти ситуацию, то, по крайней мере, отдалить наступление катастрофы и смягчить остроту вопроса. Но, как известно, данная проблема была не единственной, и правительству приходилось затыкать множество других дыр помимо этой. Скромные средства, отпускаемые государством на удовлетворение санитарно-гигиенических нужд городов и земств, распределялись не очень эффективно. Примечателен и сам принцип их выделения. Правительство явно не понимало или не желало учитывать чрезвычайность ситуации, обуславливая кредитование муниципалитетов нормами дореволюционного права (законы от 15 мая 1911 г. и 26 июня 1914 г.). Совет министров предпочитал добавлять деньги к средствам, уже изысканным городом. Чтобы получить кредит правительства, следовало доказать, что сам город готов вкладывать деньги в санитарно-гигиенические мероприятия. Отсутствие средств у города могло стать причиной для отказа ему в помощи. Следовательно, деньги выделялись городам с наименее дефицитным бюджетом, а не самым пострадавшим от антисанитарии и эпидемий¹⁷⁵. Кроме того, необходимы были гарантии возврата выделяемого кредита. Наконец, требовалась четкая смета на весь срок работ, по которой правительство соглашалось выделить средства, и доказательства того, что на отпущенные деньги предполагаемые работы будут действительно проведены. В довершение 8 января 1919 г. Совет министров потребовал, чтобы отдел народного здоровья получал для утверждения кредита сметы земств и городских управ на противоэпидемические мероприятия положительные заключения Государственного контроля, который, в свою очередь, запрашивал оценку сметы у местных контрольных органов¹⁷⁶. В результате на согласование правительственных субсидий и кредитов для самых неотложных мер борьбы с эпидемиями уходили месяцы. Нередко земские и городские службы в это время уже действовали, тратили собственные средства на свой страх и риск. В условиях галопирующей инфляции просчитывать смету на многие месяцы вперед было сложно. Имелись, правда, и новации. Так, за счет казны разрешался наем дополнительного медицинского персонала и закупка лекарств, санитарное оборудование пристаней, что до революции законом не предусматривалось¹⁷⁷.

Учитывая, что из 10 млн руб., затраченных органами местного самоуправления на борьбу с эпидемиями, 5 млн руб. им компенсировало правительство, можно сделать вывод, что до начала 1919 г. санитарно-эпидемиологические мероприятия легли приблизительно поровну на

¹⁷⁴ Нарский И.В. Канализация хаоса и хаос канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 238–262; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе ... С. 130–131.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 7 об.–8; Ф. Р-1702. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 36. Л. 6–7.

¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-1702. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–7 об.

¹⁷⁷ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 180.

государственный и муниципальные бюджеты. Это подтверждают и материалы работы санитарной комиссии Государственного экономического совещания, на заседаниях которой приводились многочисленные жалобы земств о примерно половинной компенсации им расходов, произведенных в конце 1918 – начале 1919 г. на борьбу с эпидемиями¹⁷⁸. Определить роль общественной благотворительности очень сложно – источники не отражают статистику денежных поступлений в виде пожертвований. Но косвенно можно судить по самому факту активной деятельности местных организаций, специально занятых сбором средств на борьбу с эпидемическими болезнями¹⁷⁹. Полученная от казны на борьбу с эпидемиями сумма была крайне мала. Недаром отдел народного здравия запросил у Российского правительства еще 10 млн руб. сразу после распределения первой суммы¹⁸⁰.

Средства выделяли очень скупо. Екатеринбургская городская управа запросила 810 тыс. руб., и отдел народного здравия утвердил кредит в полном объеме, но было выслано только 100 тыс. руб. Суммы, получаемые на местах, были столь малы, что воспринимались как полное отсутствие казенных средств. Медицинский персонал вынужден был стирать бинты для многократного использования, а больных размещали в собственных домах медицинских работников и кормили за счет благотворительных взносов¹⁸¹.

Американский Красный Крест активно и достаточно успешно блокировал распространение тифа в войсках интервентов, проводил профилактические меры среди железнодорожников и других представителей российского населения, контактировавших с интервентами, при необходимости оказывал им медицинскую помощь, а также занимался борьбой с эпидемией среди политических заключенных в дальневосточных тюрьмах и лагерях для военнопленных. Кроме того, международные миссии Красного Креста потратили значительные по российским меркам средства и усилия на организацию бань, дезинфекцию одежды для армии и гражданского населения, распределение в российских госпиталях белья и медикаментов¹⁸². Высвобождение усилий и ресурсов российских организаций здравоохранения давало возможность сосредоточиться на других направлениях борьбы с эпидемиями, и в этом смысле помощь американцев была значительна.

Логично, что в условиях дефицита средств широко использовались информационно-пропагандистские методы и меры административного воздействия. Земские и городские учреждения и даже военные власти занялись информированием населения о санитарной обстановке и мерах профилактики эпидемических заразных болезней. От имени не только городских и земских управ, но и начальников милиции, начальников гарнизонов, уполномоченных по охране

¹⁷⁸ Там же. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 56 об.–58.

¹⁷⁹ Кустанайский листок (Кустанай). 1919. 5 июня; Белое движение: каталог листовок ... С. 329.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

¹⁸¹ Прибайкальская жизнь. 1919. 1 мая.

¹⁸² Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 324.

государственного порядка и общественного спокойствия вводились серьезные санкции за нарушение санитарного режима¹⁸³.

Пресса тревожилась, что городское население выросло в 1,5–2 раза, а количество больничных мест осталось прежним. Конечно, это было неверно. Под больницы срочно переоборудовались многие учебные помещения, здания, ранее занятые под увеселительные мероприятия. В Уфе городскую барачную больницу для заразных больных расширили в 4 раза (до 600 коек). Но в ней содержалось свыше 700 больных (на 2/3 – солдат и офицеров). А всего больных сыпным тифом, по данным медико-санитарного бюро, в январе–апреле 1919 г. насчитывалось 850–1431 чел.¹⁸⁴ В начале 1919 г. в четырех уездных больницах Томской губернии появились инфекционные отделения, были созданы три временных отряда по борьбе с тифом. В Иркутской губернии открылись 8 барачных для тифозных больных¹⁸⁵. В одном Тарском уезде Тобольской губернии отремонтированы четыре лечебницы и действовали три эпидемиологических отряда¹⁸⁶. Именно в годы Гражданской войны в земской сети медицинских учреждений зародились новые, более совершенные формы обслуживания населения: посылка медицинских отрядов в отдаленные части губерний¹⁸⁷ и обслуживание больных в медицинских учреждениях соседних областей и губерний в случае отсутствия собственных узких специалистов. Однако не хватало ни помещений, ни медикаментов, ни персонала.

В качестве примера можно привести ситуацию в Енисейской губернии. Ачинские уездное земство и городская управа не смогли противостоять эпидемии. Борьба с ней легла на плечи переселенческого медпункта, кредитуемого из казны местной санитарно-исполнительной комиссией. В Красноярске под тифозный барак пришлось занять глазное отделение городской больницы. Исходя из антисанитарного состояния города и особенно вокзала, медики прогнозировали усиление эпидемии в ближайшее время¹⁸⁸. А.А. Мышанский, говоря об успехах земской и городской медицины, приводит множество примеров, когда из-за отсутствия средств муниципальные органы вынуждены были закрывать свои медицинские учреждения или их отдельные службы¹⁸⁹. Трудно понять, из чего складывается убежденность этого автора об улучшении качества работы земско-городской медицины, если она подкрепляется главным образом свидетельствами о

¹⁸³ Алтайский вестник (Барнаул). 1919. 18 февр.; Вестник Забайкалья. 1919. 5 сент.; Воля Сибири (Красноярск). 1919. 12 окт., 24 нояб.; Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 56; Белое движение: каталог листовок ... С. 169, 213, 274, 283, 290, 292, 295, 296; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 106–107.

¹⁸⁴ Уфимская жизнь. 1919. 14 (1) мая.

¹⁸⁵ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 107.

¹⁸⁶ Угрюмова М.В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тобольск, 2004. № 1. С. 95–96.

¹⁸⁷ До революции такая форма использовалась Переселенческим управлением и Российским обществом Красного Креста.

¹⁸⁸ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 52–53.

¹⁸⁹ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления ... С. 109–113. См. также: Земский журнал (Нижегородский). 1919. № 1. С. 13.

катастрофической нехватке персонала в муниципальных больницах и амбулаториях, об отсутствии элементарных лекарств и препаратов. Противоречие фактов выводам налицо. Об этом же свидетельствуют и документы, но не отчетного характера, а материалы текущего делопроизводства. Новые методы работы с больными указывают не на улучшение работы, а на определенную живучесть и умение смягчить процесс падения медицины в глубокую яму неуправляемого кризиса. До обуздания тифозной стихии, о котором писал А.А. Мышанский, санитарным работникам было очень далеко, что они сами неплохо осознавали. Как отмечали летом 1919 г. представители санитарной комиссии Государственного экономического совещания, отдел народного здоровья МВД мог давать только минимальные кредиты земствам и городам на удовлетворение самых неотложных противоэпидемических нужд¹⁹⁰.

В действительности определенный результат проявлялся там, где согласованно действовали разные службы и ведомства. В Тобольской губернии в связи с угрозой эпидемии еще в сентябре 1918 г. была образована санитарно-исполнительная комиссия, объединившая усилия губернского комиссариата, земства и городских управ, Переселенческого ведомства¹⁹¹. В Челябинском районе распоряжением штаба 3-го Уральского армейского корпуса 7 ноября 1918 г. был образован Санитарный комитет из медицинских работников – представителей от армии, гражданской власти (комиссариат Приуралья), земских и городских органов¹⁹².

В противодействии эпидемиям ключевая роль отводилась главам администраций губерний и областей. Обладая значительными административными ресурсами, они объединяли работу различных государственных, земских, городских и общественных служб, располагали средствами для решения самых неотложных нужд, могли относительно оперативно получать небольшие кредиты по линии МВД¹⁹³. Более стройная централизованная система борьбы с эпидемиями на востоке России возникла благодаря законодательному оформлению санитарно-исполнительных комиссий. Впервые вопрос обсуждался Российским правительством 6 декабря 1918 г., а 31 января 1919 г. Совет министров распорядился создать их на местах для организации противоэпидемических мероприятий¹⁹⁴. В марте–апреле они сформировались и приступили к работе в большинстве губернских и во многих уездных центрах¹⁹⁵. Комиссии носили характер надведомственных чрезвычайных органов. Председатели губернских комиссий, как правило, наиболее авторитетные врачи губернии или уезда, составляли сметы расходов на противоэпидемические

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 86.

¹⁹¹ Вестник Тобольской губернии. 1919. 7 янв.

¹⁹² Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: документы и материалы: в 6 т. Челябинская область. Т. 1: 1917–1945. Челябинск, 2005. С. 69–71.

¹⁹³ Прибайкальская жизнь. 1919. 14 февр.

¹⁹⁴ Правительственный вестник. 1919. 21 февр.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 1. Ст. 9; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 55–55 об.; Д. 48. Л. 36–37; Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1–2. С. 57.

¹⁹⁵ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 3–4. С. 53–54.

мероприятия и отправляли непосредственно на утверждение министра внутренних дел. Весной 1919 г. комиссии заработали и, объединив усилия военных и гражданских властей, выполняли свои функции значительно эффективнее муниципальных органов. Они имели директивные права в отношении земских и городских, военных и государственных гражданских медицинских служб, включали руководителей местной администрации, командующих гарнизонами. Комиссии оказались способны приступить к решению ряда проблем в общегосударственном масштабе, что было не под силу органам местного самоуправления, например, организовали осмотр и дезинфекцию беженцев, двигавшихся на восток по железной дороге на большом пространстве Урала и Сибири.

Но и санитарно-исполнительным комиссиям не удалось полностью избежать межведомственных противоречий. Командированный в Курганскую уездную комиссию представитель Российского общества Красного Креста застал там дискуссии и попытки представителей разных ведомств переложить работу друг на друга. В результате решено было просить МВД прислать уполномоченного, наделив его диктаторскими правами¹⁹⁶.

Почва для межведомственных трений сохранялась на протяжении всего 1919 г. Помимо отдела народного здоровья Министерства внутренних дел организацию и координацию медицинского обслуживания осуществляли такие центральные учреждения, как Временное главное управление Российского общества Красного Креста и Главное военно-санитарное управление Военного министерства. Они почти полностью дублировали функции друг друга. Не приходится удивляться их конфликтным отношениям между собой. Как полагает С.С. Ипполитов, основным инициатором конфликтов было военное ведомство, у которого дела шли гораздо хуже, чем у Временного главного управления¹⁹⁷. Но позиция, отраженная в документации Российского общества Красного Креста, представляется односторонней, а именно она стала основой для таких выводов. Кроме того, необходимо помнить, что, например, к осени 1919 г. Военно-санитарное управление по объему снабжения, количеству больничных мест и наличному штату медицинских работников в четыре раза превосходило совокупные масштабы деятельности всех общественных организаций вместе взятых, включая российский и иностранные организации Красного Креста¹⁹⁸.

Военно-санитарное управление при Штабе верховного главнокомандующего было сформировано в сентябре 1919 г. во главе с главным военно-санитарным инспектором, в составе трех отделов: врачебно-санитарного, общего, заготовок и снабжения. В декабре его переименовали во врачебно-санитарную часть, в феврале 1919 г. – в управление главного военно-санитарного инспектора, а в июле – в управление начальника военно-эвакуационной части с подчинением

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 101 об.

¹⁹⁷ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность ... С. 70.

¹⁹⁸ Русская армия. 1919. 20 сент.

одновременно Штабу и военному министру. Новое название означало, что задача учреждений управления сводилась к направлению тяжелораненых в тыл (в эвакуацию), где они могли долечиваться. При каждой дивизии был учрежден лазарет, передовой перевязочный отряд и отряд дезинфекции. В гарнизонах имелись амбулатории, при штабах дивизий – передвижные аптеки, при штабах корпусов – аптечные склады¹⁹⁹. Стройная на бумаге, военно-санитарная служба работала с большими сбоями, при постоянном затоваривании складов испытывала острейший дефицит медикаментов и перевязочных средств на передовой.

Ненормальные отношения между военными и гражданскими медицинскими и санитарными учреждениями негативно сказались и на состоянии отчетности. Комиссия по санитарному состоянию армии и тыла Государственного экономического совещания летом 1919 г. не смогла получить от военных отчетов и статистических сведений и вынуждена была довольствоваться только данными, полученными от гражданских структур. Попутно отметим, что эта комиссия признала близкими к действительности только общие цифры о численности больных и раненых. Сведения по отдельным городам страдают двойным счетом, так как не отделяют заболевших местных жителей от привезенных больных. Комиссия отмечала неудовлетворительное состояние фронтовых медицинских учреждений, массовость случаев, когда больных размещали в казармах вместе со здоровыми и отпускали самостоятельно добираться за 200 верст до мест лечения²⁰⁰.

После падения Российского правительства санитарно-исполнительные комиссии продолжали действовать в регионах, где не установилась советская власть. Так, в Восточном Забайкалье именно Забайкальская областная санитарно-исполнительная комиссия 2 мая 1920 г. получила сверхсметный кредит в 10 млн руб. для проведения экстренных противоэпидемических мероприятий²⁰¹. Но в Приморье еще в 1919 г. появилась другая форма взаимодействия медицинских работников и администрации. Вместо междуведомственных комиссий действовали областной и уездные земские врачебно-санитарные бюро и областной врачебно-санитарный совет. Они констатировали сложность работы ввиду отсутствия казенных средств и призыва медицинских работников на военную службу²⁰².

Борьба с эпидемией была важнейшей, но не единственной проблемой, беспокоившей гражданскую медицину и создававшей поводы для сотрудничества государственных органов, военных структур, муниципалитетов и общественности. Правительство заботило состояние и других отраслей здравоохранения, тем более что органы местного самоуправления не имели достаточных средств для обслуживания текущих медицинских нужд населения. Иногда приходилось

¹⁹⁹ Яньшин Л.А. К истории медицинского обеспечения войск Белого движения на востоке России (1918–1920 гг.) // Военно-медицинский журнал. 2014. № 7. С. 57–62.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 6. Д. 32. Л. 54–56.

²⁰¹ Вестник Забайкалья. 1920. 9 мая; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 202.

²⁰² Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 4. С. 19–21; Приамурский кооператор (Владивосток). 1919. № 1. С. 30.

решать общесибирские проблемы здравоохранения посредством кредитов отдельным земствам. Например, на содержание Томской окружной лечебницы для душевнобольных Административный совет выделил 238 тыс. руб. (из запрашиваемых министром внутренних дел 500 тыс. руб.)²⁰³. Последнее, впрочем, неудивительно, учитывая уникальный характер и масштабы этого учреждения: до революции около 1/10 всех больничных коек сибирских лечебных учреждений сосредоточивалось в этой больнице²⁰⁴.

В действительности финансирование учреждений здравоохранения и их снабжение медикаментами шло через несколько ведомств и общественных организаций, без учета масштабов работы которых невозможно составить полное представление о состоянии здравоохранения. Сводные данные о расходах Министерства снабжения и продовольствия на закупку медикаментов рисуют следующую картину: 4 ноября 1918 г. было отпущено на эти цели 3 млн руб., 25 февраля 1919 г. – 12 млн руб. и еще 12 млн руб. на санитарное снаряжение, 25 октября – 4945 тыс. руб.²⁰⁵ Денежные средства выделялись крайне нерегулярно и при их появлении в первую очередь решались вопросы обеспечения медицинских учреждений медико-санитарными принадлежностями. Чтобы исправить плачевное положение в этой сфере, сибирские земства создали центральные аптечные склады и организовали экспедицию в Харбин и Владивосток, а в марте 1919 г. Временное главное управление Российского общества Красного Креста снарядило закупочную экспедицию во Владивосток и Японию. Но необходимые товары продавались только за валюту. Члены экспедиции выдали задатки, но вскоре поняли, что внутренний рынок не способен принять товары по столь высоким ценам. Задатки были потеряны, экспедиция вернулась ни с чем²⁰⁶.

Медицинские службы востока России пытались уделять внимание восстановлению санаторно-курортных учреждений. Такая работа велась и ранее, санатории для увечных воинов с лечением за счет казны и благотворительных органов организовывались еще в годы Первой мировой войны. Лечение продолжалось и при советской власти. В частности, на оз. Шира на юге Енисейской губернии бесплатное лечение проходили более сотни бывших военнослужащих, из них 30 чел. – все лето²⁰⁷.

Задачу восстановления курортов решить одним выделением средств оказалось невозможно. Лесные массивы, отведенные в распоряжение курортов и санаториев, подверглись беспощадной вырубке, крестьяне заселяли территории, отведенные для отдыха пациентов, ценные минеральные источники использовались для хозяйственных нужд и водопоя животных. Томские врачи еще осенью 1918 г. отметили, что рассчитывать на восстановление всей сети курортов и их

²⁰³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 49.

²⁰⁴ Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины ... С. 125, 131.

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 41. Л. 259–260.

²⁰⁶ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность ... С. 51–52.

²⁰⁷ Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества ... С. 207–208.

развитие в ближайшие годы не приходится. Был смысл наметить и восстановить хотя бы несколько наиболее ценных и перспективных для использования лечебных учреждений реабилитационного характера²⁰⁸. Тем не менее летом 1919 г. Российским Красным Крестом предоставлялись для больных и выздоравливавших офицеров 150 мест на курорте Шира в Енисейской губернии, 30 – в Усолье под Иркутском и 10 – в Шиванде в Забайкалье²⁰⁹. Сметой главного управления Российского общества Красного Креста на 1919 г. предусматривалось выделение 864 929 руб. на восстановление курортов и прием в них нуждавшихся в лечении военнослужащих, в том числе на кумысолечебницу в Уфимской губернии и здравницу в Горном Алтае²¹⁰.

В Забайкалье санаторно-курортному обслуживанию военных уделили необычайно большое внимание даже на заключительном этапе существования антибольшевистского сопротивления в регионе. Военное совещание при помощнике главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по военной части 12 мая 1920 г. выделило 21 888 тыс. руб. для подготовки забайкальских курортов. Специальная медицинская комиссия проводила освидетельствование желающих получить лечение и распределяла их на два полуторамесячных заезда по 600 чел. Лечение и содержание военных на курортах обеспечивалось на средства казны²¹¹.

Конечно, концептуально речь шла о централизованном финансировании отдельных работ по восстановлению сети курортов и для направления нуждавшихся военнослужащих за счет правительства на лечение. Сама эксплуатация курортов оставалась отдана инициативе общественных или кооперативных организаций и частных лиц. О централизации курортного дела, сосредоточении контроля за использованием курортов, как в Советской России²¹², речь не шла.

И все же самым главным вопросом, беспокоившим власть, являлась забота о раненых и покалеченных в боях. Этот вопрос заставлял забывать политические обиды и идеологические разногласия. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства безоговорочно выделил средства на размещение больных и раненых военнослужащих Народной армии в сибирских и уральских госпиталях. Хотя именно в этот день сибирская власть отказала Комучу в приеме гражданских беженцев²¹³.

Осенью 1918 г. к работе с беженцами и борьбе с эпидемическими болезнями подключилась миссия Американского Красного Креста. Поезд, насчитывавший 43 вагона с медицинским персоналом, медикаментами и оборудованием, циркулировал по Транссибу, обслуживая не только войска интервентов, но и гражданских беженцев²¹⁴. С сентября 1918 г. в Сибири начали работу

²⁰⁸ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 23.

²⁰⁹ Русская армия. 1919. 11 июля; ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 60. Л. 138 об., 216–220.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 60. Л. 121.

²¹¹ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 50. Л. 88, 99, 118–188 об.

²¹² Декреты Советской власти. Т. 5. С. 19–21.

²¹³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 20 об.

²¹⁴ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 175.

американские санитарные миссии. В начале деятельности Американского Красного Креста работа с беженцами стала вынужденным отвлечением от основного направления – медицинского обслуживания воинских подразделений интервентов. Но со временем объем работы с населением возрастал. Сведения о масштабе деятельности медицинских заведений Американского Красного Креста с июня 1918 по февраль 1919 г. приведены в таблице 5.1:

Таблица 5.1 – Госпитальная работа Американского Красного Креста в Сибири (июнь 1918 – февраль 1919 г.)

Наименование госпиталя	Койко-мест (чел.)	Всего лечилось пациентов (чел.)	Пациенто-дней
Туберкулезный госпиталь в Бушеду	100	300	600
Омский госпиталь	500	773	16050
Русский островной госпиталь (о. Русский под Владивостоком)	250	600	50000
Тюменский госпиталь	350	722	23113
Владивостокский беженский госпиталь	250	700	20000
Итого	1450	3095	115163

Источник: The work of the American Red Cross during the war: a statement of finances and accomplishments for the period July 1, 1917 to February 28, 1919. Washington, 1919. P. 84.

Американский Красный Крест снабжал также российские медицинские учреждения всем необходимым для оборудования стационарной борьбы с тифом, включая кровати и матрасы, медикаменты, перевязочные средства и продовольствие. Во Владивостоке им оборудованы изоляторы, в Екатеринбурге – банно-дезинфекционный пункт, которые обслужили 30 тыс. чел. Американский санитарный поезд имел в своем составе бани, дезинфекционные вагоны, перевязочные²¹⁵. Большую роль американцев в обслуживании нужд беженцев, их снабжении одеждой и едой, оказании медицинской помощи, дезинфекции жилых помещений отмечали российские газеты²¹⁶. Однако нельзя забывать, что основную материальную помощь в это время получали войска чехословаков. Им в качестве благотворительной помощи американцы передали от 100 тыс. до 200 тыс. предметов одежды и обуви, что было достаточно, чтобы полностью одеть весь корпус в новую гражданскую одежду, а медицинская помощь, предоставлявшаяся Чехословацкому корпусу американцами, включала весь набор основных видов медицинской помощи, даже

²¹⁵ The work of the American Red Cross during the war: a statement of finances and accomplishments for the period July 1, 1917 to February 28, 1919. Washington, 1919. P. 85.

²¹⁶ Приморская жизнь. 1918. 17 окт.

передвижные стоматологические клиники²¹⁷. Информация из американских отчетов о соотношении усилий, затрачиваемых миссиями Красного Креста на медицинское обслуживание интервентов и русских военных и гражданского населения, требует дополнительного критического анализа. Омский американский госпиталь, который в американских отчетах учитывался как обслуживавший нужды беженцев, судя по воспоминаниям работавшей в нем С.К. Буксгевден, на самом деле был заполнен преимущественно ранеными и больными чехами, американцами и англичанами²¹⁸.

Не сопоставим с деятельностью гражданских медицинских служб, государственных и муниципальных, масштаб медицинской работы на фронте и на нужды фронта. Работа на этом направлении была более скоординирована и финансово обеспечена. Но такого эффекта удалось добиться не сразу. В первые месяцы после начала болевых действий на восточном фронте большую роль играла частная инициатива и благотворительная деятельность. В июле 1918 г. при содействии военно-санитарного управления Омское отделение Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам организовало сбор частных средств, распределение прибывающих с фронтов на лечение борцов против советской власти, доплату им к пайковым деньгам для усиленного питания. Почти 50 тыс. руб. отделению общества удалось собрать за один месяц²¹⁹. В Барнауле возобновил работу лазарет Красного Креста. Отсутствие казенного финансирования и средств в городском бюджете на его содержание вынудили провести в декабре 1918 г. лотерею среди барнаульцев в пользу лазарета²²⁰.

В дальнейшем стремление подкрепить государственные мероприятия усилиями общественности не ослабевало. В сентябре 1918 г. в Томске прошел Всесибирский съезд земств и городов, на котором было принято решение создать объединение общественных и правительственных организаций для помощи фронту²²¹. Сибземгор тщательно разработал программу работы земств и городов по заявкам военного ведомства на строительство и оборудование больниц и иных санитарных и медицинских учреждений. Но это объединение осталось невостребованным.

В первые месяцы 1919 г. в городах востока России стали возникать комитеты помощи армии, а при них дамские общества или кружки. Инициативу часто проявляли начальники гарнизонов или жены офицеров. К осени 1919 г. в сибирских городах действовала сеть

²¹⁷ The work of the American Red Cross during the war ... P. 85. Более детально работа медицинских учреждений в указанный период освещена в: Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 175–180, 184–185.

²¹⁸ Buxhoeveden S. Left behind: Fourteen months in Siberia during the revolution, Dec. 1917 – Febr. 1919. – URL: <http://www.alexanderpalace.org/leftbehind/XII.html>.

²¹⁹ Тишкина К.А. Восстановление деятельности благотворительных организаций ... С. 140–144; Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества ... С. 181–182.

²²⁰ Тишкина К.А. Восстановление в Сибири работы отделов общества Красного креста в годы Гражданской войны (на примере Алтайской губернии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 268.

²²¹ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 88.

благотворительных обществ и кружков, оказывавших помощь армии пожертвованиями или работой по изготовлению предметов одежды, обуви, медикаментов²²².

Решающую роль в этой работе государство отводило Красному Кресту. Статус Временного главного управления Российского общества Красного Креста нельзя определить однозначно. С одной стороны, оно формально оставалось общественной организацией, с другой – входило в структуру правительства на правах главного управления и, что особенно существенно, получало бюджетные деньги; сметные ассигнования подлежали утверждению органами Государственного контроля и отчету по всем правилам, принятым в государственном учреждении. С декабря 1918 г. по 1 мая 1919 г. Временное главное управление Российского общества Красного Креста израсходовало 20 445 034 руб., из которых частные пожертвования составляли 48 028 руб., правительственные ассигнования – 19 596 639 руб.²²³ В октябре 1919 г. им было получено от казны 65 млн руб. до конца текущего года, но к 1 ноября 1919 г. почти все эти средства были истрачены на текущие расходы, оплату услуг партнерских организаций и покупку медикаментов во Владивостоке²²⁴. Цифры неумолимо свидетельствуют, что на помощь раненым государство готово было затрачивать значительно большие средства, чем на борьбу за здоровье гражданского населения.

Следует учитывать, что в источниках встречаются противоречивые сведения о расходах на гражданское и армейское здравоохранение, требующие взвешенного анализа. По приведенным С.С. Ипполитовым сведениям за 1919 г., Временное главное управление израсходовало внутри страны 28 млн руб., тогда как на зарубежные представительства только с 1 сентября 1919 г. по 1 января 1920 г. было отпущено 37 млн руб. На основании этого он делает вывод о приоритетности финансирования заграничных медицинских служб России. Можно лишь выразить несогласие с С.С. Ипполитовым, который полагает, что значение внутрироссийских и зарубежных организаций Российского общества Красного Креста измеряется в денежном эквиваленте (56% денег ушло за рубеж, 44% израсходовано внутри страны). Следует помнить, что, по приводимым им же самим данным, с декабря 1918 по апрель 1919 г. Временное главное управление израсходовало 20 млн руб., следовательно, на оставшиеся 8 месяцев приходится всего 8 млн руб.²²⁵, что свидетельствует, на наш взгляд, не столько о свертывании деятельности Российского общества Красного Креста на востоке России (напротив, известно, что осенью 1919 г. она достигла максимума), сколько о том, что ассигнования стали идти по другим каналам. К тому же существует смета Временного главного управления российского общества Красного Креста на вторую

²²² См.: Народный вестник (Томск). 1919. 21 июля; *Тишкина К.А.* Деятельность сибирского общества ... С. 192–199.

²²³ *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 58.

²²⁴ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 353–353 об., 409.

²²⁵ *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 74–75.

половину 1919 г., предусматривавшая расход 198 377 244 руб.²²⁶ Автор забывает также об инфляции. 37 млн руб., истраченные в конце 1919 г. за рубежом, в реальном выражении стоили намного меньше, чем 20 млн руб., отпущенные в начале того же года на внутренние нужды. Ничего С.С. Ипполитов не говорит о целях переводов средств за рубеж. Известно, что в июле–августе 1919 г. во Владивостоке и в Японии работала миссия Российского Красного Креста, совершавшая заказы на медикаменты и оборудование для отправки в Сибирь в прифронтовые учреждения с оплатой в сентябре–октябре минимум на 180 тыс. иен²²⁷. Судя по контексту событий, накануне своего краха Российское правительство предусмотрительно санкционировало перевод активов за рубеж, в том числе и по линии Российского общества Красного Креста.

Более объективной оценкой масштабов армейского здравоохранения являются сведения о количестве учреждений, работников и коек в них. К марту 1919 г. на фронте действовало 43 медицинских учреждения Российского общества Красного Креста на 2730 коек. Отступление армии заставило передислоцировать многие из них. Несмотря на неудачную эвакуацию Перми, больные и раненые были в основном вывезены, медики работали на пределе возможностей. Из Уфы, Златоуста и Челябинска удалось эвакуировать всю материальную часть Красного Креста, кроме деревянных кроватей. В Екатеринбурге, по сведениям «красных», в ходе наступательной операции 5–20 июля 1919 г. удалось захватить эшелоны с ранеными, которые противник не успел эвакуировать, а уполномоченный РОКК А.Ф. Грахе докладывал, что ему удалось всех вывезти, но путем громадных лишений и не по железной дороге, а походным порядком, так как эвакуационный пункт покинул Екатеринбург одним из первых и никакой помощи ему не оказал. При оставлении «белыми» Уфы эвакуация происходила хаотично и тифозные больные двигались самоходом вперемишку с другими покидавшими город военными и гражданским населением. Летом 1919 г. санитарные службы развернули госпитали в Куломзино и Омске, приспособив под них любые подходящие помещения, даже мельницы. Появилось 4,5 тыс. новых коек. В июле 1919 г. особоуполномоченный Российского общества Красного Креста при Южной армии А.А. Булыгин посетил территорию развертывания своей деятельности между Оренбургом, Троицком и Ташкентом и обнаружил, что армия обеспечена лечебными учреждениями примерно наполовину. На фронте свирепствовал тиф, отсутствовали медикаменты и перевязочные средства²²⁸. В таких условиях А.А. Булыгин вернулся в Омск, где организовал санитарный отряд из 12 транспортно-перевязочных обозов (400 повозок), 12 врачей, 161 сестры милосердия и 470 рабочих и санитаров (другие

²²⁶ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 42. Этот документ должен быть известен и С.С. Ипполитову, многократно ссылавшемуся в своей диссертации на это дело.

²²⁷ Там же. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 108 об.–109, 122.

²²⁸ Там же. Л. 142–143; Ф. Р-4452. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.

архивные данные говорят о 350 чел. всего медперсонала). 12 сентября отряд выступил из Омска и прошел с Южной армией до Китая²²⁹.

В связи с тем, что Военное министерство не справлялось со всеми медицинскими задачами, Министерству путей сообщения пришлось развернуть врачебно-санитарный отдел, отвечавший за медицинское обслуживание железных дорог и водных путей. Основное внимание уделяли тем зонам, где противоэпидемических и лечебных учреждений Военного министерства и Красного Креста не хватало. Специализировался отдел на дезинфекции вагонов и банях для пассажиров. Министерство имело в своем распоряжении и собственные заразные бараки. На водных путях дополнительные меры заключались в организации санитарных кают на каждом судне, санитарного надзора на пристанях и специальных эпидемических заведений в крупных речных портах²³⁰. При этом отчетность выглядела неплохо, но мемуаристы свидетельствуют об ужасающих фактах халатности санитарных служб на путях сообщения.

Санитарная комиссия Государственного экономического совещания, изучавшая в июле 1919 г. положение армии, пришла к выводу, что множество условий способствует распространению в армии инфекционных заболеваний и вообще полной неустроенности в санитарном и медицинском отношении. К таким условиям они отнесли крайний недостаток медицинского персонала, дезинфекционного оборудования, бань и прачечных. В результате части на фронте не мылись месяцами. Кроме того, комиссия отметила, что ввиду множества ведомств, занятых санитарным обеспечением армии, их работа совершенно не согласована друг с другом. Больные и раненые, выйдя из больниц и госпиталей, но еще не отправляясь в армию, оказывались предоставлены сами себе. Ни одно учреждение за них не отвечало. На складах представители комиссии обнаружили в наличии достаточно медикаментов и санитарно-гигиенических средств, что при хороших темпах их дальнейшей заготовки не предвещало острого дефицита. Но при этом ими не были обеспечены тыловые и особенно фронтовые учреждения здравоохранения. Кроме того, практически ничего не делалось для санитарного обеспечения железных дорог. Грязный подвижной состав и отсутствие мест для дезинфекции и мытья проезжающих масс людей делали пути сообщения источником распространения болезней. Весьма показательны, что комиссия в качестве слабых мест и недоработок отметила как раз те, которыми занимался Красный Крест и многие другие благотворительные организации, и которые они в своих отчетах описывали как наиболее успешно решаемые проблемы. «Эти формальности, достигая стройности и согласованности

²²⁹ Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 35, 37–38; Д. 54. Л. 19–19 об.; Ф. Р-4452. Оп. 1. Д. 23. Л. 10 об.; ИсАОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Русская армия. 1919. 5 окт.; *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 94–95. О ситуации в Екатеринбурге см.: *Плотников И.Ф.* О времени и обстоятельствах освобождения Екатеринбурга от колчаковцев // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1976. С. 3–12; Доклад об эвакуации раненых в Екатеринбурге // ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 81–81 об.

²³⁰ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 149–152.

на бумаге, в действительности убивают живое дело помощи больным и раненым»²³¹. Хотя «живое дело» пробивало себе дорогу. Из-за отсутствия теплой одежды в госпиталях больных и раненых отогревали, обкладывая их бутылками с горячей водой²³².

Для исправления ситуации санитарная комиссия, тем не менее, срочно просила выделить солидные средства на улучшение санитарного состояния армии – 10 млн руб. Министерству путей сообщения для доставки медикаментов и 90 млн руб. земским и городским самоуправлениям на срочную постройку бань и дезинфекционных камер²³³.

В августе–сентябре 1919 г. в связи с отступлением за Урал пришлось спешно разворачивать сеть санитарно-медицинских учреждений в Прииртышье. Планировалось строительство барачно-госпиталей на 13 тыс. коек, но выполнить задуманное оказалось невозможно из-за стремительного движения фронта на восток. Госпитали располагались на вокзалах, в вагонах, обывательских квартирах. Больных и раненых с трудом успевали вывозить в тыл, используя товарные вагоны, почти без сопровождения медперсонала. Военно-медицинские службы столкнулись с острым недостатком передвижных госпиталей и летучих санитарных отрядов. Для раненых и больных не было белья, медикаментов²³⁴. Мемуаристы описывали, что в отступавшей армии тифозным не оказывали никакой медицинской помощи. Больных просто складывали в телеги и везли вместе с отступавшими войсками²³⁵.

В значительной степени причиной плохой работы военно-санитарных служб стало неумелое управление армией. Еще в мае 1919 г. проверявшие работу Ставки генерал-майоры М.К. Дитерихс, М.А. Иностранцев и ген.-майор А.Ф. Матковский обнаружили, что санитарные и медицинские средства, в изобилии поступающие в интендантства, несвоевременно поставлялись на фронт либо вовсе оставались на складах²³⁶. Если судить по данным контрразведки, в следующие несколько месяцев положение не улучшилось. Информаторы особенно обращали внимание на неорганизованность перевозки больных и раненых по железным дорогам. Так называемые санитарные поезда – это грязные непригодные вагоны, где военнослужащие перемещались часто без присмотра со стороны медперсонала. Станционные медицинские и питательные пункты чаще всего не были готовы к оказанию помощи. Похоже, специальные меры по врачебно-санитарному обслуживанию на транспорте принимались только на бумаге. В прифронтовых

²³¹ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 182–182 об.; см. также об этом: Русская армия. 1919. 6 авг. Мемуаристы отмечали, что миссии Красного Креста и до революции склонны были преувеличивать масштаб своей работы, а то и вовсе фальсифицировать ее для придания себе «веса» (см., например: *Маргулис М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 1: Сентябрь 1918 – апрель 1919 г. С. 120.

²³² На страже свободы ([Томск]). 1919. 2 окт.

²³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 62. Л. 2–2 об.

²³⁴ Там же. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 25. Л. 143 об.; ИсаОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Д. 2. Л. 18, 51, 67; Д. 3. Л. 4, 21, 24; Д. 4. Л. 5, 15, 24.

²³⁵ *Волегов И.* Воспоминания о Ледяном походе. 1918–1922. Данденонг, Виктория, 1988. С. 164.

²³⁶ *Иностранцев М.А.* Первое поручение адмирала Колчака // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 253.

госпиталях дела обстояли немногим лучше. Медикаментов не хватало, персонал бездействовал, и солдаты лежали вповалку на полу, предоставленные сами себе²³⁷.

Несмотря на меры, специально предпринятые для спасения положения Южной армии, ситуация там продолжала оставаться удручающей. Отправившийся из Омска 12 сентября 1919 г. санитарный отряд А.А. Булыгина, дойдя до Атбасара, обнаружил, что стремительно отступавшая Южная армия оставила все имевшиеся лечебные учреждения «красным», а количество нуждавшихся в медицинской помощи резко возросло, и вновь прибывший отряд оказался не способен удовлетворить все запросы. В октябре–ноябре А.А. Булыгин, возглавивший военно-медицинскую организацию Южной армии, в срочном порядке развернул 21 учреждение (госпитали и питательные пункты) в Акмолинске, Атбасаре, Кокчетаве и ряде сельских населенных пунктов Степного края. В ноябре их снова пришлось спешно эвакуировать дальше на восток и юго-восток. Часть медикаментов пришлось оставить, а больные после этого надолго оказались на подводах²³⁸.

К сожалению, источники гораздо больше сообщают о проектах Российского общества Красного Креста по созданию медицинских учреждений для фронта и тыла, чем о проделанной работе. С.С. Ипполитов, вслед за источниками, увлекается перечислением планов, оставляя в стороне вопрос о том, какая часть из них реализована²³⁹. Исследование Г.Х. Риппа больше нацелено на выявление реальной картины, правда, концентрируется на том, чего не смогли сделать колчаковские медицинские службы. Автор дает сведения о развитии эпидемии на востоке России. Динамика заболеваний тифом всех видов по восьми губерниям Сибири выглядела следующим образом: в ноябре 1918 г. – 2,5 тыс. случаев заболеваний, в декабре – 10 тыс., в январе 1919 г. – 11,9 тыс., в феврале – 9,7 тыс., а всего за июль 1918 – февраль 1919 г. – 34 773 случая заболевания. За год же с июля 1918 г. по июль 1919 г. было учтено 131 866 случаев. Но настоящая эпидемия разыгралась осенью 1919 г. С весны 1919 г. волна эпидемии захлестнула прифронтовую Пермскую губернию²⁴⁰. За один сентябрь зарегистрировали 20 тыс. вновь заболевших только на территориях сибирских губерний²⁴¹. На Урале наблюдалась та же ужасающая картина. В Уфимской губернии за 1919 г. было 69 520 заболевших тифом (показатель в 15 раз выше среднегодового в 1913–1918 гг.)²⁴². На Урале города переходили от «красных» к «белым» по несколько раз. Сложность военно-политической обстановки не позволяет разделить долю «ответственности» за

²³⁷ Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): сборник документов. Екатеринбург, 2019. С. 35, 37, 40, 45, 72, 100, 106–107, 132, 135, 138, 143, 176, 229–230, 235–237.

²³⁸ ГАРФ. Ф. Р-4452. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–13 об.

²³⁹ См., например: *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 89–90.

²⁴⁰ *Нарский И.* Жизнь в катастрофе ... С. 133.

²⁴¹ *Рипп Г.Х.* Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987. С. 13.

²⁴² *Нарский И.* Жизнь в катастрофе ... С. 137.

эпидемии советской и колчаковской медицины. Хотя едва ли в этом вопросе вообще применим обвинительный тон и поиск виновных.

Именно армия стала главным источником инфекционных заболеваний. Рассчитанная на помощь раненым, военная медицина не справлялась с эпидемическими напастями. Медики не имели возможности отделить больных солдат от здоровых, зараженные гарнизоны от гражданского населения. В инфекционных бараках находилась масса голодных, раздетых людей, лечить которых пытались практически без медикаментов²⁴³. В Екатеринбурге решили срочно строить отдельный противотифозный барак для солдат и беженцев, но отделить больных беженцев от здоровых в условиях, когда они жили в вагонах в неимоверной скученности, было невозможно. Для этого их следовало расселить. То же самое можно было сказать о тюрьме, где вместо 600 заключенных находилось 1600 не изолированных друг от друга людей, больные вперемишку со здоровыми. В условиях полного отсутствия средств у уездно-городской санитарной комиссии борьба с эпидемией оценивалась как дело практически бесперспективное²⁴⁴. Но в августе–октябре 1919 г. МВД направило значительные средства городским самоуправлениям на постройку больничных бараков и переоборудование под госпиталя существующих помещений. Только в Забайкалье коечный фонд увеличивался на 1000 коек²⁴⁵.

Тем не менее в ходе отступления Белой армии в последние месяцы 1919 г. удалось осуществить относительно плановое перемещение военно-медицинских учреждений по Транссибу на восток. План их эвакуации пришлось корректировать в связи со скоростью движения войск и политическими событиями, приведшими к падению Российского правительства в Иркутске. Так, вместо предполагавшихся 3 тыс. коек в Иркутске к концу декабря подготовили только 1200 в пяти госпиталях и 500 коек на станции Иннокентьевская. Медицинские учреждения, если верить отчетным документам, были полностью готовы к работе (даже установили круглосуточное дежурство в военно-аптечном магазине). Но больных в госпитали поступило мало²⁴⁶. Ведь санитарные поезда стояли в пробках, а армия отступала обходными путями. Тысячи больных умирали без медицинской помощи. В ходе эвакуации Главного управления Российского общества Красного Креста была проведена инспекция медицинских учреждений. В результате перемещение части госпиталей и иных учреждений из прифронтовых зон на восток пришлось прекратить и срочно развернуть работу на промежуточных станциях Транссибирской магистрали. В то же время другую их часть перенаправили из района Иркутска дальше в Забайкалье. С середины декабря в Чите организовали несколько госпиталей. Медицинские учреждения прибыли и начали

²⁴³ Детальное описание масштабов трагедии см.: *Punn Г.Х.* Советская военная медицина ... С. 13–19.

²⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 34. Л. 41–44.

²⁴⁵ *Шаламов В.А.* Здравоохранение в Забайкальской области ... С. 73.

²⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-4452. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об., 7.

функционировать в Сретенске, Троицкосавске²⁴⁷. Но усилия по перевозке больных и раненых, видимо, больше оставались на бумаге. По свидетельству А.Н. Серебрянниковой, встретившей в феврале 1920 г. санитарный поезд в Забайкалье: «Вагоны полны больными и умирающими, почти все – сыпнотифозные. Умирают каждый день; здоровые и больные лежат подчас рядом с мертвецами. На весь поезд нет ни одного врача, и только две сестры, едва держащиеся на ногах от нечеловеческого утомления»²⁴⁸.

Отчетная документация, несмотря на элементы самокритики, далека от изображения реальных масштабов трудностей. Описания современников куда красноречивее рисуют масштабы гуманитарной катастрофы исхода «белых» из Сибири. Санитарные поезда в восточном направлении почти не продвигались. Многие из них покинул персонал. Оставшиеся без топлива, воды и еды люди умирали, поезда с ними загоняли в тупик и забывали о них. На станции Чулымская в конце 1919 г. рабочие в поисках топлива обнаружили занесенные снегом вагоны и, приняв за уголь, попытались их разгрузить. Так они обнаружили несколько вагонов с замерзшими людьми из бывшего санитарного поезда²⁴⁹. Это не единственный случай. По Транссибу больные в тифозных поездах в ноябре–декабре 1919 г. были брошены умирать, и на запасных путях оставались целые поезда с трупами²⁵⁰.

Не лучше складывалась ситуация в Степном крае. Из-за плохого питания отступление Южной армии от самого Актюбинска называлось «голодным походом». И. Еловский описывает, что многие не выдерживали этот поход. Многих участников приходилось бросать прямо в степи – они отказывались идти дальше из-за усталости и истощения. К середине декабря войска Южной армии утратили боеспособность из-за повального тифа и массовых кишечных инфекций²⁵¹. Самостоятельно следовали за отступавшей Южной армией лечебные заведения Красного Креста, союза городов и остатки военно-лечебных заведений. В конце декабря эвакуировавшиеся из Атбасара и Акмолинска на подводах госпитали и раненые прибыли в Сергиополь. В конце 1919 г. до Семиречья добрались толпы небоеспособных людей. Почти все больные, они заражали тифом друг друга и части, располагавшиеся ранее в этом регионе²⁵². При отступлении к китайской границе в начале 1920 г. части партизанского отряда атамана Анненкова отобрали у обоза Красного Креста более 100 подвод и значительную часть имущества, которое подверглось не только

²⁴⁷ Там же. Л. 11–12.

²⁴⁸ Китай и русская эмиграция в Дневниках И.И. и А.Н. Серебрянниковых. М., 2006. Т. 1. «Пока мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). С. 66.

²⁴⁹ Свободный край (Иркутск). 1920. 13 дек.

²⁵⁰ Иванов В.С. В Гражданской войне: из записок омского журналиста. М., 2017. С. 63.

²⁵¹ Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии: из воспоминаний участника похода. Пекин, 1921. С. 7, 13; Серебрянников И.И. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923 // Серебрянников И.И. Гражданская война в России: великий отход. М., 2003. С. 66–71.

²⁵² Марковчин В. Три атамана. М., 2003. С. 94–95.

неконтролируемым реквизициям, но и откровенному грабежу²⁵³. Тем не менее, остановившись в районе Чугучака на российско-китайской границе, Красный Крест за январь–март 1920 г. вновь развернул два эпидемических госпиталя на 500 коек и два общих – на 250 коек. С февраля 1920 г. началась организация лечебных учреждений в Чугучаке на китайской территории. Это было очень кстати, так как в этом районе концентрировалось большое количество российских беженцев, значительная часть которых оказалась заражена тифом. С 12 марта 1920 г. организация Российского общества Красного Креста (517 чел.) с официального разрешения китайских властей разместились в Чугучаке. Врачи работали практически без содержания, но с большим энтузиазмом. Зарплата выплачивалась сибирскими деньгами, которые в Китае почти ничего не стоили, а гонорары за лечение местного населения медики постановили вносить на обеспечение госпиталя. К лету 1920 г. в Тарбагатайском районе Китая действовало уже три лечебных учреждения Красного Креста. Но занять удалось лишь 263 медицинских работника. Еще 250 чел. оставались без работы, но на содержании Красного Креста. Планировалось переместить их в Приморье. В сентябре 1920 г. все три госпиталя продолжали работать благодаря ассигнованиям российского посланника князя Н.А. Кудашева. А.А. Булыгин запрашивал его о выделении 2 767 667 сибирских рублей (или 14 тыс. китайских лан) на содержание персонала и больных до весны 1921 г.²⁵⁴ Неизвестно, изыскал ли средства российский посланник в Китае, но это маловероятно, так как 23 сентября 1920 г. он вынужден был покинуть свой пост по требованию китайских властей. Правда, запасы медикаментов, вывезенных из России, были на исходе, и в последующие несколько месяцев все русские госпитали в Синьцзяне закрылись²⁵⁵.

Несмотря на героизм в действиях отдельных работников медучреждений, в целом возникали сложности с привлечением людей к столь опасной работе. Российское правительство предприняло ряд шагов к стимуляции труда такого рода. 19 декабря 1918 г. Совет министров утвердил предложение Министерства внутренних дел о переименовании городских врачей в уездных. Сельские участковые, объездные врачи, фельдшеры и повивальные бабки сокращались везде, где возникли земские учреждения. Это позволило существенно поднять уровень оплаты медицинскому персоналу – уездным врачам до 600 руб., фельдшерам до 500 руб. в месяц²⁵⁶. С 1 апреля 1919 г. в сторону резкого повышения были пересмотрены пенсии и пособия семьям медицинских работников, умершим от заразно-эпидемических болезней при исполнении служебных обязанностей. Расширился круг получателей таких пенсий (за счет муниципальных служащих и персонала больничных касс). Пенсия предусматривалась в 2000 руб. в год врачам, 400–800 руб. –

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-4452. Оп. 1. Д. 23. Л. 13 об.–14.

²⁵⁴ Там же. Л. 18–20 об., 24.

²⁵⁵ Там же. Л. 14 об.–17.

²⁵⁶ Правительственный вестник. 1919. 23 янв.; Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.). Томск, 1998. Вып. 2. С. 32–35.

медперсоналу, а также единовременное пособие семье умершего в размере его годового содержания²⁵⁷.

Насколько действенными оказались такие денежные стимулы? Судить об этом позволяет самооценка медиками своего материального положения. Уже в январе 1919 г., т.е. в первый месяц действия повышенных окладов, профессиональная медицинская пресса сообщала, что рост зарплаты на 25% был совершенно не ощутим, так как вознаграждение за труд оставалось нищенским. К тому же зарплату нередко задерживали по три месяца²⁵⁸. Гражданские медики выживали, работая на износ в двух–трех местах, выискивая малейшую возможность заработать на частной практике. Это не могло позитивно влиять на качество медицинского обслуживания. Мобилизованным врачам, обязанным за ту же оплату отбывать на службе целый день, приходилось намного сложнее²⁵⁹. Скучность ресурсов заставляла проявлять заботу лишь о самых ценных кадрах. 18 июня 1919 г. Исполнительная комиссия Временного главного управления Российского общества Красного Креста постановила медсестрам, прослужившим в прифронтовой полосе более трех месяцев, выдать пособие на обмундирование в размере 1 тыс. руб. или выделить само обмундирование со складов²⁶⁰. На местах размеры оплаты медицинским работникам тоже представлялись недостаточными. Челябинское чрезвычайное уездное земское собрание, ввиду ничтожности казенных выплат, постановило земским медицинским работникам с 1 апреля 1919 г. ввести 100%-ные прибавки к основному жалованию, а в случае смерти при исполнении профессиональных обязанностей выдавать единовременное пособие в размере трехгодового оклада и доплачивать семье к пенсии сумму до полного оклада погибшего служащего²⁶¹.

В деятельности российских медицинских служб сказывалось не только низкое материальное обеспечение, но и цивилизационные особенности. В России относились к человеческой жизни небрежнее, чем в европейской социокультурной традиции. В эпоху социальных катаклизмов эта тенденция только усиливалась²⁶². По отзывам американского медицинского персонала, российские медики были нечистоплотны, не выдерживали правил стерилизации и вообще достаточно небрежно относились к тяжелораненым. Служащих американских госпиталей, снабженных противомоскитными сетками, особенно удивляло нежелание россиян позаботиться о минимальном комфорте своих пациентов – тяжелобольных в теплое время года буквально до полу-смерти закусывали кровососущие насекомые. Существовал даже негласный запрет брать на работу российский персонал, хотя и в американских госпиталях отмечалась острая нехватка

²⁵⁷ Правительственный вестник. 1919. 3 сент.; Собрание узаконений и распоряжений правительства ... 1919. № 14. Ст. 224.

²⁵⁸ Земский журнал (Нижеудинск). 1919. № 7. С. 4.

²⁵⁹ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1–2. С. 50.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-4452. Оп. 1 Д. 22. Л. 1 об.

²⁶¹ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–3, 6–7 об.

²⁶² *Зима Н.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 60–78.

работников²⁶³. Со стороны российских медицинских служб тоже наблюдалось пренебрежение к американским коллегам за лучшую обеспеченность, за боязнь грязной работы и даже за незнание русского языка, подчас не позволявшее американцам эффективно выполнять свои обязанности²⁶⁴. Спасавшийся бегством из Омска в тифозном поезде Американского Красного Креста И.С. Ильин в полную противоположность американской мемуаристке утверждает, что за больными ухаживали только российские медсестры, причем лекарств американцы практически не выдавали, почти не кормили. Зато ехавший с комфортом американский персонал великолепно питался, неторопливо осматривал достопримечательности сибирских городов, пока больные погибали в вагонах²⁶⁵. Было и подозрение в симпатиях к «красным». Конечно, предположение Н.Г. Линчевской, что американских медиков не любили за то, что они не участвовали в боях, как англичане или японцы, не более, чем недоразумение²⁶⁶. Всем было хорошо известно, что служащие миссий Красного Креста не должны участвовать в боевых действиях. С другой стороны, многие мемуаристы и исследователи – участники событий обвиняли интервентов, особенно чехов, в негуманном отношении в российском беженцам, раненым, подчеркивали, что чешские власти, распорядившиеся осенью 1919 г. на Транссибирской магистрали, заблокировали продвижение на восток в том числе и для российских санитарных поездов, оставляя людей погибать от холода в железнодорожных пробках ради того, чтобы обеспечить себе комфортное продвижение и, захватывая склады с российским воинским обмундированием, лишали самого необходимого обессиливших российских солдат²⁶⁷. Мемуаристы – участники интервенции – упоминали случаи, когда, потеснившись, войска интервентов пускали в свои поезда женщин и детей, спасавшихся от «красных»²⁶⁸, но видимо это явление не было массовым.

В условиях крупномасштабной войны и эпидемий только государство могло осуществлять работу по обеспечению медицинского обслуживания армии. Но эта часть правительственной деятельности оставалась открыта и для сотрудничества с общественными благотворительными организациями. Давний опыт российской благотворительности здесь не пропал даром. В общественном сознании очень четко фиксируется всплеск озабоченности состоянием военной медицины и готовность помогать как материально, так и через организационное участие. Этот всплеск, наблюдаемый в 1919 г., сопоставим с усилением общественного участия в медицинском обслуживании нужд фронта в 1915–1916 гг. и, напротив, контрастирует с забвением санитарно-

²⁶³ Хилл Л.Т. (мл.) *Американка в Сибири ...* С. 241, 278. Боязнь российской антисанитарии – этого спутника эпидемий – была настолько велика, что военнотружущим канадского корпуса запретили бытовые контакты с местными жителями – хождения по городу и появления в общественных местах (см.: *Исумм Б.* Из Виктории во Владивосток: Канадская сибирская экспедиция, 1917–1919 гг. Владивосток, 2013. С. 250).

²⁶⁴ ИсАОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

²⁶⁵ [Ильин И.С.] *Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920.* М., 2016. С. 413–415.

²⁶⁶ *Линчевская Н.Г.* Американский «Красный Крест» ... С. 161–162.

²⁶⁷ *Ефимов Г.А.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920 гг. М., 2008. С. 135, 273.

²⁶⁸ *Horrocks V.H.* A full life. L., 1960. P. 53.

медицинских проблем в 1917 – первой половине 1918 г. Практически в каждом уездном городе существовала организация для сбора средств и оказания помощи раненым воинам. В губернских центрах таких организаций могло насчитываться несколько. Как правило, они поддерживали конкретные местные лечебные учреждения, и сводных данных о результатах их деятельности не существует. Все же финансовая роль такой благотворительности была более чем скромна в сравнении с десятками миллионов рублей, требовавшихся на обслуживание медицинских учреждений в масштабах государства.

Исследователь С.С. Ипполитов приходит к выводам, которые мы приведем целиком: «Организации российской благотворительности явились неотъемлемой частью антибольшевистских правительств, дублируя или полностью замещая деятельность некоторых "государственных" органов. Вместе с тем, приходится признать, что этот процесс постепенно превратился в попытки подчинить всю деятельность благотворительных организаций "правительственным" задачам. Возникающее здесь противоречие с определением понятия "благотворительность" не носит в данном случае принципиальный характер. Оказание медицинской и санитарной помощи в условиях военного времени не могло осуществляться на "добровольных" и "независимых" началах, однако сама природа российских благотворительных организаций от этого вынужденного подчинения не изменилась»²⁶⁹. Признавая тщательность проделанной исследователем работы по выявлению ключевых фактов, можно в корне не согласиться с приведенным выводом, который, видимо, призван подогнать выявленный материал под общую концепцию диссертации. Очевидно, что Временное главное управление Российского общества Красного Креста являлось государственной структурой. Не общественная благотворительная организация выполняла функции государственных органов, а государство использовало общественную инициативу, что позволяло гибче справляться со своими задачами. Вывод о сохранении в неизменном виде природы благотворительных организаций полностью опровергается даже тем материалом, который приводит сам С.С. Ипполитов. Она под влиянием войны совершенно трансформировалась, так как не только Российское общество Красного Креста, но и другие крупные организации могли функционировать, только встраиваясь в государственный аппарат и переходя на государственное финансирование. Само применение термина «благотворительность» в данном случае допустимо с большой натяжкой.

С.С. Ипполитов цитирует письмо М.Л. Киндякова В.Н. Пепеляеву, в котором тот отмечает, что Временное главное управление Российского общества Красного Креста не является самостоятельной организацией. По его мнению, это лишь подсобная часть Военно-санитарного управления, при этом оно само по инициативе правительства вбирает в себя более мелкие

²⁶⁹ *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 107.

благотворительные организации²⁷⁰. Действительно, существовали сложные схемы финансирования и организации медицинской работы. Так, летом 1919 г. полученные из государственного бюджета средства Исполнительная комиссия Временного главного управления Российского общества Красного Креста переводила через особоуполномоченного по Сибирской армии Пермскому губернскому комитету земского союза. Деньги шли на организацию земских госпиталей для обслуживания Сибирской армии. Исполнительная комиссия могла принять решение о передаче пермского госпиталя «Крестьянин» (из контекста документа – земское медучреждение) в ведение Красного Креста²⁷¹. Таким образом, от политической воли зависела и смена ведомственной принадлежности работавших на нужды фронта медицинских учреждений.

Все же очевидно, что частная благотворительность серьезно подпитывала усилия государства по медико-санитарному обслуживанию армии и гражданского населения средствами и в большей степени – людьми. В Омске один из крупных госпиталей с июня 1918 до апреля 1919 г. содержался на частные пожертвования, в июле Дамский комитет сформировал добровольческий отряд в 600 чел., предложивший Российскому обществу Красного Креста бесплатно обслуживать его медицинские учреждения²⁷². Публичный сбор пожертвований общественными благотворительными организациями на борьбу с эпидемиями имел место в Ачинске, Кустанае, Омске, на помощь увечным и раненым воинам – практически во всех городах востока России, более или менее длительное время остававшихся под властью «белых»²⁷³. Причем общественное движение в помощь государству не ослабевало по мере усиления военных неудач Белой армии. Г.К. Гинс отмечал, что накануне эвакуации Омска в октябре 1919 г. наблюдалась особенно оживленная работа Всероссийского союза земств и городов по созданию санитарных отрядов, открытию лазаретов, сбору пожертвований²⁷⁴.

Все это наталкивает на мысль, что и отрицать роль общественной благотворительности никак нельзя. Хотя именно так делает, например, Ю.П. Горелов. Он однозначно поставил в один ряд местных медицинских органов государства полевые санитарные управления, учреждения Красного Креста, земские, городские, религиозные и общественные организации²⁷⁵. Здесь правильнее говорить об очень тонком симбиозе, возникшем стихийно и, вероятно, без тщательно продуманной политики. Сказалось то, что большинство крупных чиновников правительст-

²⁷⁰ Там же. С. 70.

²⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-4452. Оп. 1 Д. 22. Л. 4.

²⁷² Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.; *Ипполитов С.С.* Российская благотворительная деятельность ... С. 70.

²⁷³ Вестник Тобольской губернии. 1919. 7 янв.; Белое движение: каталог коллекции листовок ... С. 237, 270, 304, 325, 327, 329.

²⁷⁴ *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. 1918–1920. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 3. С. 380.

²⁷⁵ *Горелов Ю.П.* К вопросу госпитального обслуживания ... С. 53–56; *Горелов Ю.П.* Из опыта госпитального дела ... С. 70–73.

венного аппарата, отвечавших за социальное призрение, работу с беженцами, медицинское обслуживание, в недавнем прошлом сами были не государственными служащими, а общественными деятелями. Они использовали свой опыт, опирались на привычные им силы, но оказались в совершенно новой ситуации. Общественные организации были не в состоянии аккумулировать средства, достаточные для самостоятельной работы. Поэтому в финансовом отношении общественная работа стала частью государственного бюджета. Закономерен и финансовый контроль за их деятельностью со стороны государства. При этом слияние государства и общественных благотворительных организаций принимало разные очертания. Местные общества сохраняли свой общественный характер в полной мере. Возрожденное на востоке России первоначально по общественной инициативе, Российское общество Красного Креста превратилось в государственное учреждение, выросло в него из частной инициативы. Крупные организации общероссийского и губернского уровня имели, как правило, два источника финансирования – частные пожертвования и государственные субсидии. Следовательно, они имели переходный характер.

Ближе к финалу Белого движения можно встретить и другие сценарии, лишь подтверждающие общий вывод. Политцентр получил от своего предшественника осложнение эпидемической обстановки. Вместе с волной беженцев, наводнивших Восточную Сибирь, города региона захлестнула интенсивная волна тифа. Но осенью 1919 г. Российское правительство стянуло в регион огромные запасы медикаментов, а эвакуированные военно-медицинские учреждения были заранее приготовлены для принятия больных и раненых. Армия отступала окольными путями, и госпитали пустовали. Американский Красный Крест в декабре 1919 г. принял решение свернуть свою работу в Сибири²⁷⁶. 10 января 1920 г. эта организация передала все госпитальное имущество в распоряжение Иркутской городской управы. Российский персонал американских санитарно-медицинских учреждений перешел на российскую службу и поступил в ведение «буферного» правительства²⁷⁷. Все передаваемое имущество и персонал начали распределять между больницами Иркутска. Впрочем, быстро выяснилось, что для поддержания в рабочем состоянии вновь полученных учреждений требуется в ближайшее время не менее 8 млн руб.²⁷⁸

Но для кардинального улучшения ситуации правительство решило привлечь к борьбе с эпидемией само население. В частности, Политцентр подготовил постановление о создании волостных санитарных попечительств. Они должны были включать всех находившихся в пределах волости медицинских, профсоюзных, кооперативных работников и представителей местных органов власти. Попечительства организовывались с целью оказать поддержку работе медицинского персонала и принимать самостоятельные меры по борьбе с эпидемиями²⁷⁹.

²⁷⁶ См. подробнее: Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 417–418.

²⁷⁷ ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

²⁷⁸ Дело (Иркутск). 1920. 7, 14 янв.

²⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

Реальные шаги Политического центра по борьбе с эпидемическими болезнями свелись к выделению небольших сумм: 200 тыс. руб. Тайшетской уездной земской управе, 500 тыс. руб. Иркутской губернской земской управе²⁸⁰. Это легко понять, если учесть катастрофический дефицит средств в распоряжении Политцентра. И лишь в последний день своей работы Политцентр распорядился ассигновать по 1 млн руб. на противоэпидемические мероприятия Иркутскому губернскому земству и городскому самоуправлению Иркутска²⁸¹. Но в условиях столь тревожной ситуации странным выглядит решение о выделении по 1 млн руб. на организацию рабочего и крестьянского съездов²⁸². Установление отношений с ведущими общественными организациями оказалось в тот момент важнее мер по налаживанию санитарной работы. Впрочем, реальную работу по борьбе с эпидемией тифа в Иркутской губернии в последующие месяцы пришлось налаживать уже советской власти.

В Забайкалье же, где еще несколько месяцев продолжалась борьба и сохранялся антибольшевистский режим, основной акцент власть и общественность сделали на обслуживании армии. Активизировавшие свою работу в конце 1919 г. благотворительные учреждения Забайкалья не могли покрыть свои потребности с помощью добровольных взносов. Тогда в сентябре 1919 г. Читинская торгово-промышленная палата разверстала между коммерсантами в форме самообложения сумму в 4,6 млн руб., предупредив, что неуплату будут рассматривать как уклонение от государственных повинностей. Штаб Приамурского военного округа поддержал это начинание и создал Бюро помощи больным и раненым, которое сочетало сбор добровольных пожертвований с принудительной заготовкой продовольствия и предметов первой необходимости²⁸³. Такая принудительная благотворительность под присмотром солдатских штыков чем-то напоминала известные культсборы и прочие виды самообложения, широко применявшиеся советской властью в деревне в 1920–1930-е гг.

В начале января 1920 г. главнокомандующий вооруженными силами Российской восточной окраины атаман Г.М. Семенов обратился к представителю Американского Красного Креста в Манчжурии Р.Б. Тойслеру с просьбой оказать помощь населению и беженцам в Восточном Забайкалье. Просьба была воспринята позитивно. Поезд с американскими товарами прибыл в Читу 14 января. За несколько дней собрано 3325 заявлений о помощи, преимущественно семейных, при удовлетворении которых для 11 355 чел. выделили комплекты одежды в количестве около 40 тыс. предметов, и еще примерно такое же количество было распределено в последующие недели оставленными в Чите представителями миссии. В марте 1920 г. в Читу направили еще 4 вагона одежды для 2 тыс. семей забайкальских железнодорожников. Кроме того, товары для

²⁸⁰ Там же. Д. 1. Л. 31; Д. 15. Л. 6.

²⁸¹ Дело (Иркутск). 1920. 21 янв.

²⁸² ГАНО. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, 32.

²⁸³ *Василевский В.* Забайкальская белая государственность ... С. 35.

прибывавших в Манчжурию гражданских беженцев и военнослужащих, преимущественно капеллецев, распределялись в Харбине, где только до конца февраля помощь получили около 6 тыс. чел.²⁸⁴

В Приморье, где после падения колчаковского режима острой проблемой стало почти полное отсутствие средств в казне, эпидемические болезни продолжали создавать угрозу населению и требовали чрезвычайных мер. 16 марта 1920 г. Временное правительство – Приморская областная земская управа выделила 29 млн руб. на противоэпидемические мероприятия²⁸⁵. Это было самое крупное ассигнование за первые месяцы деятельности этого регионального органа. 20 мая 1920 г. последовало перечисление 3 387 640 руб. Никольск-Уссурийскому уездному земству на восстановление пришедшей в упадок медицинской части и 9 млн руб. на удовлетворение неотложных нужд в области медицинского обслуживания в уездах Приморской области²⁸⁶, затем более мелкие целевые перечисления на более конкретные нужды²⁸⁷. Небольшую помощь оказали ликвидировавшие свою деятельность американский и канадский Красные Кресты. Канадцы в октябре 1920 г. бесплатно раздавали медикаменты лечебным учреждениям Приморья, запасы потребительских товаров населению²⁸⁸.

Недостаток средств подталкивал правительство к более тесному сотрудничеству с иностранными миссиями Красного Креста. В докладах американской миссии отмечалось, что правительство А.С. Медведева идет навстречу всем пожеланиям ради расширения медицинского обслуживания населения. Миссии занимались ликвидацией товарных остатков (на складах различные «гуманитарные грузы» скапливались с осени 1918 г.), готовясь к закрытию деятельности. Два поезда с товарами были направлены в Хабаровск и Никольск-Уссурийский. Товары были частично распределены среди железнодорожников, частично переданы местным земским учреждениям для удовлетворения нужд населения. Представители Американского Красного Креста также оказали помощь выпущенным из приморских тюрем политическим заключенным, истощенным и больным²⁸⁹.

Летом 1920 г. иностранная помощь была практически свернута. Российских средств на борьбу с возникшей в 1921 г. эпидемией чумы не хватало, и 22 апреля 1921 г. Совет управляющих отделами Приморского областного управления ввел единовременный налог на противочумные мероприятия на территории Приморской области²⁹⁰. Налогом облагались все российские и иностранные граждане с 18 лет. Размер и способ обложения зависел от рода занятий, размера

²⁸⁴ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 427–428.

²⁸⁵ Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 21 марта.

²⁸⁶ Там же. 30 мая.

²⁸⁷ Там же. 29 июня, 5 июля.

²⁸⁸ Заря (Харбин). 1920. 26 сент.

²⁸⁹ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 423–426.

²⁹⁰ Вестник Приморской области (Владивосток). 1921. 29 апр.

имущества. Уплату обязали произвести всех до 15 мая 1921 г., потом передвинули срок уплаты на 26 мая, тот самый день, который впоследствии оказался днем государственного переворота.

Временное Приамурское правительство, пришедшее к власти, также вынуждено было уделять значительное внимание кредитованию учреждений здравоохранения²⁹¹. В Приморье продолжала свирепствовать эпидемия чумы, на борьбу с которой государственная власть вынуждена была обращать пристальное внимание, несмотря на катастрофическое безденежье. Уже 8 июня 1921 г., на второй неделе своего существования, правительство выделило 20 тыс. зол. руб. областной санитарно-исполнительной комиссии, что составило, правда, лишь 1/3 от запрошенной суммы²⁹². Временное Приамурское правительство перенесло сбор противочумного налога на 15 июля с доходов и 1 сентября с имущества, оставив прежним порядок его сбора²⁹³. Уплачиваемый золотом, этот налог позволял собирать средства и обеспечивать эпидемиологические службы Приморья.

Вместе с тем приморская власть оказалась неспособна произвести мобилизационные мероприятия для того, чтобы обеспечить необходимое медицинское обслуживание армии, отправленной в наступление. Отчасти это связано с тем, что так называемый Хабаровский поход белоповстанцев готовился втайне, и официально Временное Приамурское правительство к нему не имело отношения. Тем не менее оно осуществляло снабжение и финансирование военных действий. В санитарных учреждениях находились исключительно добровольцы, а сотни врачей Приморья и полосы отчуждения КВЖД не были привлечены. Между тем поход проходил в сложнейших условиях. Помимо больных и раненых были сотни обмороженных²⁹⁴.

Но документация самого Временного главного управления Российского общества Красного Креста рисует героический облик борцов на «санитарном фронте». Не остается никаких сомнений – обслуживание фронта являлось для него приоритетным направлением деятельности. С конца 1920 г. тремя санитарными поездами удалось эвакуировать из Восточного Забайкалья и Маньчжурии около тысячи больных и раненых солдат и офицеров, которые прошли лечение в медицинских учреждениях Приморья. С конца 1921 г. на фронте попеременно работали два санитарных поезда и один питательный пункт для обслуживания армии, железнодорожных рабочих и служащих прифронтовой территории. К началу 1922 г. санитарные эшелоны, рассчитанные на 150 больных каждый, вывезли с фронта около 800 больных и раненых и отправились обратно на фронт. О результатах второго похода сведения не выявлены. Осенью 1922 г. на значительно приблизившемся к Владивостоку фронте работал один санитарный поезд²⁹⁵.

²⁹¹ Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 11 июля.

²⁹² ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 151–153, 134.

²⁹³ Вестник Временного Приамурского правительства. 1921. 21 июля.

²⁹⁴ *Филимонов Б.Б.* Белоповстанцы. Хабаровский поход. Зима 1921/1922 г. // Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005. С. 348–351.

²⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 12. Л. 16–16 об., 49–51, 110–110 об., 236–236 об.

В Советской России в условиях Гражданской войны шла дальнейшая централизация медицинских учреждений, логично завершённая созданием Наркомата здравоохранения, объединившего под единым руководством не только все гражданские, но и военно-медицинские учреждения. Все медики оказались причислены к мобилизованным, что исключало легальную частную практику и обязало всех трудиться по назначению государства. 30 июля 1919 г. Совет рабоче-крестьянской обороны учредил особый военно-санитарный фонд, в расходовании которого под руководством Наркомздрава на удовлетворение фронтовых санитарно-медицинских служб объединялись усилия ряда других наркоматов²⁹⁶. Вместо гибкого лавирования между интересами разных ведомств, сочетания возможностей земской, городской и частной медицины, управления учреждениями здравоохранения с помощью правительственных субсидий в поддержку общественных инициатив, как это происходило на востоке России, советская власть концентрировала скудные организационные, материальные и кадровые ресурсы на ключевых направлениях.

Еще более решительно стал действовать Сибревком в Сибири, столкнувшись с эпидемией тифа. Образовав Чрезвычайную комиссию по борьбе с тифом, региональный орган революционной власти принял решение о сосредоточении в ее распоряжении всего кадрового состава медиков, медикаментов и коечного фонда больниц, не считаясь с существовавшими формами собственности и ведомственной принадлежностью. В результате советской власти удалось обуздать эпидемию, используя те ресурсы, которые достались от колчаковского режима²⁹⁷.

* * *

Здравоохранение на востоке России после падения советской власти достаточно долго оставалось децентрализованным, лишённым единого управления и правительственной поддержки. Преодолеть такую ситуацию удалось благодаря соединению сразу двух факторов – централизации власти к середине осени 1918 г. и усилиям медицинской общественности, выступившей за воссоздание общероссийского объединения Красного Креста. До падения власти контрреволюции здравоохранение сохранило ведомственную множественность. Значительная часть медицинских учреждений находилась в ведении земских и городских органов самоуправления, ими содержались и финансировались, но получали существенную помощь от правительства. Одновременно существовали многочисленные учреждения Красного креста, обсуживавшие и армию, и гражданское население, и армейские санитарно-медицинские службы. Такой вариант взаимодействия позволял диверсифицировать источники финансирования и объединить усилия разных

²⁹⁶ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 612–615.

²⁹⁷ Рышков В.М. Советская социальная политика в условиях завершения Гражданской войны: Сибревкомовский вариант (конец 1919 – 1922 г.) // Советский проект. 1917 – 1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 186–187.

институтов власти, местного самоуправления, общественности. В то же время он порождал проблему ведомственной несогласованности и недостаточной централизации усилий и ресурсов.

5.3. Помощь беженцам

Любая война порождает исход населения с территории проживания. Люди спасаются от боевых действий и политических преследований, вывозят имущество. В результате военных действий между «белыми» и «красными» тысячи мирных жителей превратились в беженцев, что породило новый виток социальных проблем.

С массовым беженством Россия столкнулась еще в годы Первой мировой войны. Тогда же были разработаны правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания материальной помощи эвакуированным и беженцам²⁹⁸. Социальную работу в этом направлении отличала множественность путей реализации. Ее начинали общественные благотворительные организации, действовавшие на частные пожертвования и субсидии от казны, затем подключились земские и городские органы, Красный Крест, наконец, государственные органы. На лето 1917 г. в стране насчитывалось, по одним данным, 3,8 млн беженцев, по другим – 6 млн и даже 7,2 млн чел.²⁹⁹ Огромный поток беженцев направился в плодородные губернии Поволжья и Южного Урала. Только в Казанской и Уфимской губерниях осело около полумиллиона беженцев³⁰⁰. А.Н. Курцев, изучавший вопрос на основе архивных источников, приводит и региональное распределение беженцев на этот период. По его сведениям, в Азиатской России располагалось 114 637 чел., или 3% от всей численности беженцев. При этом больше всего их было в Акмолинской области (31 963 чел.) и в Томской губернии (30 005 чел.)³⁰¹. И.А. Еремин на основании местных архивных источников предлагает другие сведения: к 1 января 1916 г. за Урал последовало 166 222 беженца, 80% которых осели в Западной Сибири³⁰². Итак, Сибирь столкнулась с беженством задолго до начала Гражданской войны.

На востоке России еще до революции на работу с беженцами переориентировалось Переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации. Оно, наряду с крестьянами-переселенцами, оказывало продовольственную и медицинскую помощь беженцам, находившимся в пути к местам вселения. Отметим, что в этот период министерство рассматривало помощь беженцам как одну из вспомогательных, но по сути чуждых ему функций. Обязанности по

²⁹⁸ Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916.

²⁹⁹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 71; Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 141; Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 108.

³⁰⁰ Уфимская жизнь. 1918. 16 сент.

³⁰¹ Курцев А.Н. Беженство. С. 141.

³⁰² Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район ... С. 225.

социальному призрению беженцев в царской России возлагались на Министерство внутренних дел, в структуре которого с сентября 1915 г. существовал отдел по устройству беженцев. Пособия и пайки государство выдавало через беженские общественные организации и редко делало это напрямую через свои учреждения. Эффективность мер социального призрения сводилась почти на нет инфляцией, так как установленные в 1915 г. размеры беженских пособий и пайков (в 15 коп. в день) до конца 1917 г. не индексировались. С конца 1916 г., желая сократить поток перемещающихся людей, государство резко снизило финансовую помощь беженским организациям³⁰³. Летом–осенью 1917 г. прекратился отпуск государственных средств на содержание беженских организаций. Советская власть отпускала небольшие суммы для обеспечения беженских школ и больниц, но для выплаты государственных пособий средств не находилось.

После февральских и особенно октябрьских событий 1917 г. поток внутренних мигрантов возрос, изменился и характер миграции. В Сибирь направились тысячи жителей тыловых районов европейской части России, спасаясь от голода и от политического давления нового режима. Начавшаяся Гражданская война спровоцировала поток новых беженцев. Они концентрировались на вокзалах и пристанях, а для их обустройства требовались средства³⁰⁴. Весь миграционный поток устремился в производящие продовольствие регионы, прежде всего на юг Сибири. Екатеринбургский регистрационный пункт с января по май 1918 г. зарегистрировал 52 622 переселенца, челябинский – около 150 тыс. Это была совершенно иная категория беженцев, чье бегство не было напрямую связано с военными действиями³⁰⁵. Ни СНК РСФСР, ни возникшие на востоке страны летом 1918 г. правительства не воспринимали их как беженцев, достойных государственной помощи.

При советской власти существовали намерения расширить переселенческую работу, создать условия для более массового переселения в восточные регионы страны. Как справедливо фиксировали представители центральных и местных советских органов, в 1917–1918 гг. значительная часть зарегистрировавших себя как переселенцев в действительности являлись внутренними мигрантами, использовавшими переселенческие льготы для более комфортного движения на восток³⁰⁶. Многие из них были самыми обыкновенными мешочниками. В первые месяцы советской власти был введен запрет на отправку беженцев в голодающие губернии. Идея отделить таких людей от переселенцев и лишить их государственной поддержки была признана здоровой и сибирскими властями. Поэтому распоряжением Министерства земледелия и колонизации

³⁰³ Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 24.

³⁰⁴ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 41. Д. 1. Л. 10–11, 23; ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 165. Л. 15–15 об. Во Владивостоке в зимние месяцы начала 1919 г. на вокзале концентрировалось около 2 тыс. бездомных беженцев (Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ... С. 330).

³⁰⁵ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 211.

³⁰⁶ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 28. Л. 7–8; Д. 34. Л. 7–8.

Временного Сибирского правительства в конце августа 1918 г. была приостановлена перевозка переселенцев и беженцев на восток, прекращена выдача им удостоверений на льготный проезд по железным дорогам³⁰⁷.

Беженцы Первой мировой войны сохраняли особый статус некоторое время после прихода к власти большевиков. Приказом НКВД от 21 марта 1918 г. прекращалась выдача пайков беженцам. Это решение объяснялось отсутствием средств и одновременно тем фактом, что мизерный обесценившийся паек все равно не позволял выживать. Правда, при этом старикам, детям и больным было оставлено пособие от 4,5 до 6 руб., на которое существовать также было невозможно³⁰⁸. Забота о беженцах декретом СНК от 27 июля 1918 г. передавалась местным советам, а с государственного бюджета бремя их содержания снималось³⁰⁹. Эти меры не коснулись служащих казенных учреждений, организовано эвакуированных на восток до прихода к власти большевиков. Они приписывались для продолжения исполнения своих обязанностей в одном из тыловых учреждений своего ведомства и сохраняли за собой право на получение должностных окладов по месту своей приписки независимо от смены режимов. Судьба таких служащих определялась не столько бюрократическими формальностями, сколько соображениями корпоративной солидарности, и большинство таких эвакуированных продолжало числиться за штатом с выплатой окладов.

Перемена власти не сильно отразилась на государственных служащих, эвакуированных в восточные регионы России. Много таких «нахлебников» оказалось на сибирских и особенно на уральских железных дорогах. Для молодой и бедной поволжской и сибирской государственности это оказалось непосильным бременем. Уже 2 июля 1918 г. по представлению Министерства путей сообщения Временное Сибирское правительство постановило прекратить дальнейший прием эвакуированных железнодорожников на Омскую и Томскую железные дороги, освободить эвакуированных от дальнейшей службы, выплатив им единовременное пособие в размере двухмесячного оклада. Мотивы такого решения очень просты. Железные дороги не могли обеспечить эвакуированных железнодорожников работой, а их содержание ложилось тяжким финансовым грузом на бюджет министерства³¹⁰.

Борьба за советскую власть усилила миграционное движение в России. Общий исход из Советской России на окраины, подальше от эпицентра влияния большевиков дополнялся небольшими потоками беженцев, связанных с локальными столкновениями участников гражданского

³⁰⁷ Там же. Д. 36. Л. 7–8.

³⁰⁸ Щетинина А.С. Беженцы Первой мировой войны на Алтае (1917–1930 гг.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: III науч. чтения пам. Ю.С. Булыгина. Барнаул, 2005. С. 113; Щетинина А.С. Революционная ситуация 1917 г. и ее влияние на вынужденные миграции на Алтае // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века: материалы всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 160.

³⁰⁹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 59.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 13.

противоборства. Например, из Благовещенска в Сахалин, на китайскую сторону Амура, после так называемого Гамовского мятежа переправилось около 3 тыс. беженцев, включая служащих ряда эвакуированных правительственных учреждений. В Сахалине на средства российского вице-консула действовали Комитет по оказанию помощи беженцам и Комиссия по пайковому довольствию. На полученные 155 тыс. руб. они выдавали не только пайки, но и пособия особо нуждавшимся³¹¹. Аналогичная ситуация складывалась в Оренбуржье, Семиречье, Забайкалье, где вооруженная борьба породила беженство.

Отмена советских законов на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока подразумевала восстановление всех дореволюционных норм социальной помощи беженцам Первой мировой войны. Комуч попытался сделать вид, что проблема беженцев не так остра, как в начале войны, и ее можно переложить на органы самоуправления. Между тем с мест поступали сведения об ужасном положении беженцев. Преобладали описания жесточайшего голода, угроз выселения из квартир и общежитий за неуплату, отсутствия одежды и обуви. Деятельность беженских организаций, лишенных государственного финансирования, либо полностью остановилась, либо могла обеспечивать менее десятой части нуждавшихся. Как ни парадоксально, самые значительные материальные затраты несла американская миссия, содержавшая на свои средства в Самарской губернии школы, питательные пункты и амбулатории для беженцев³¹².

Уже в начале июля Самарская губернская земская управа сформировала совещание по делам беженцев. Но ввиду отсутствия средств совещание приняло решение оказывать не благотворительную, а трудовую помощь, т.е. видело свою задачу в организации общественных работ для беженцев. Получателем государственного финансирования, по решению совещания, становилась только губернская управа, а не национальные беженские организации³¹³. 26 июля 1918 г. совещание, созванное на этот раз под названием малый совет о беженцах Самарской губернской земской управы, обсуждало вопрос о создании бюро по регистрации беженцев. Наметили сосредоточить усилия на вывозе трудоспособных беженцев для найма на сельскохозяйственные работы в Сибири и на Южном Урале³¹⁴.

31 июля 1918 г. Комуч принял решение упразднить губернские, уездные и городские комитеты о беженцах, «ибо деятельность этих комитетов как государственных органов не вызывается необходимостью»³¹⁵. Забота о беженцах, потерявших трудоспособность, передавалась органам земского и городского самоуправления. Попечение об остальных беженцах Комуч не считал

³¹¹ Благовещенск. Март 1918 года. Благовещенск-на-Амуре, 2018. С. 69–71.

³¹² Под знаменем Комуча ... С. 349, 351, 357, 361.

³¹³ Волжский день (Самара). 1918. 7 июля.

³¹⁴ Под знаменем Комуча ... С. 360–362.

³¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 228 об.; Вестник Комуча. 1918. 1 авг.; Наш день (Самара). 1918. 17 июня; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 39, 216; Под знаменем Комуча ... С. 365.

целесообразным, так как они за прошедшее после вынужденной миграции время имели возможность либо подыскать себе работу, либо вернуться домой.

Такое решение не только сокращало расходы казны, но и ломало всю установившуюся ранее систему финансирования беженских организаций. Недаром, вопреки собственным намерениям и плачевному состоянию бюджета, Комучу в последние два месяца существования пришлось выделять средства практически всем уездным и городским управам Южного Урала, польским и еврейским организациям, располагавшимся в этом районе³¹⁶. Даже после прекращения финансирования названные организации продолжали действовать. На их содержании оставались столовые, приюты, богадельни, мастерские и другие беженские учреждения, обреченные на прозябание и зависевшие исключительно от возможности земских и городских управ выделять субсидии из скудных средств местных бюджетов. Население стало выдворять беженцев из квартир, за которые те оказались не в состоянии платить, с чем местная администрация, не имевшая возможности выделить квартирные пособия, пыталась бороться с помощью запретительных мер. Сами беженцы заявили о недопустимости такого к себе отношения. Например, бузулукский съезд беженцев 30–31 июля 1918 г. настаивал на необходимости приравнять нетрудоустроенных беженцев к нетрудоспособным и выдавать им наравне с нетрудоспособными пайки³¹⁷.

Передача попечения о беженцах органам местного самоуправления вызвала категорическое несогласие в Оренбурге. В Оренбургской губернии находилось около 100 тыс. беженцев Первой мировой войны – жителей занятых Германией западных губерний России. Оренбургский губернский комитет по устройству беженцев еще 24 июня 1918 г. просил управляющего делами по устройству беженцев в Оренбургской губернии И.Г. Розанова утвердить кредит в 5 649 246 руб. на выплату им пособий за второй квартал 1918 г. Розанов кредит утвердил, но финансовая комиссия при Комуче отменила это решение, сославшись на обязанность земства содержать беженцев. Однако, как отметил оренбургский войсковой атаман А.И. Дутов, решение Комуча совершенно не учитывало специфику казачьих территорий. Оренбургская губерния делилась на войсковую и невойсковую части и не могла целиком управляться губернским земством. В то же время представитель Оренбургского губернского земства 25 июля 1918 г. в Самаре заявил, что не видит никаких препятствий для исполнения постановления Комуча. При этом сообщил, что земство уже рассчитало размер ежемесячного беженского пайка, который составил 18 руб. в городе и 15 руб. в деревне. Пайк предполагали выдавать только нетрудоспособным беженцам, долю которых определили в 65% от общего беженского контингента³¹⁸.

³¹⁶ ГАОО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 69. Л. 10–10 об.

³¹⁷ Народное дело (Уфа). 1918. 16 авг.; Уфимские губернские известия. 1918. 17 авг.; Уфимская жизнь. 1918. 2 авг.; Под знаменем Комуча ... С. 361, 366.

³¹⁸ ГАОО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 69. Л. 2–4 об.

Кредит Оренбургской губернии на содержание беженцев за апрель–июнь 1918 г. был открыт в начале августа в размере 50% запрошенной суммы³¹⁹. Уже через месяц уполномоченный Комуча по Оренбургской губернии П.В. Богданович сообщал, что к прежним 100 тыс. беженцев добавились еще 12 тыс. чел. из Симбирской и Самарской губерний, находящихся в катастрофическом положении. Вопиющее неустройство прежних и вновь прибывших беженцев грозило обернуться настоящим беженским бунтом, избежать которого, по уверению уполномоченного, можно было только срочно прислав 1 млн 100 тыс. руб.³²⁰ Не лучше обстояли дела в Уфимской губернии, где поволжских беженцев без теплой одежды осенью размещали в страшной скученности в помещениях казенных учреждений³²¹. Предпринимались усилия и для направления миграционного потока в сельскую местность, для чего Уфимский губернский комитет о беженцах распределял прибывавших по уездам и волостям в соответствии с выработанным планом³²².

Положение усугублялось тем, что одновременно на запад двигался встречный поток беженцев Первой мировой войны, получивших разрешение вернуться домой. В связи с напряженной обстановкой на фронте таких мигрантов останавливали на станциях и пристанях и возвращали обратно в места временного проживания³²³.

В сентябре 1918 г. началось отступление Народной армии, и поволжскому правительству пришлось дезавуировать собственное решение о снятии с центральной власти ответственности за содержание вынужденных мигрантов. 13 сентября 1918 г. Комуч выделил 500 тыс. руб. на нужды беженцев³²⁴. Чрезвычайная ситуация заставила социалистическое правительство признать неизбежность расходов казны на содержание беженцев.

В Сибири вопрос об отказе от обязательств времен Великой войны по социальному обеспечению вынужденных мигрантов не стоял. Другое дело, что большинство местных комитетов бездействовало и возродить их оказалось непросто. Весь вопрос упирался в изыскание средств. Ограничивая прием новых беженцев³²⁵, заботу об уже прибывших в Сибирь Временное Сибирское правительство считало своей обязанностью и кредитовало их содержание по мере возможности. 2 августа 1918 г. Совет министров по представлению Министерства финансов утвердил выделение аванса в 4 млн руб. на содержание беженцев в августе и сентябре текущего года³²⁶. 19 июля 1918 г. Административный совет выделил 30 тыс. руб. на нужды беженцев Акмолинской

³¹⁹ Там же. Л. 4, 6.

³²⁰ Там же. Л. 13.

³²¹ Народное дело (Уфа). 1918. 21 сент.

³²² ЦГИА РБ. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1а. Л. 14.

³²³ Уфимская жизнь. 1918. 2 авг.; Миграция военного времени (1914–1920) в Уфимской губернии: сборник документов и материалов. Уфа, 2015. С. 113.

³²⁴ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 272 об.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 82.

³²⁵ Поволжские и уральские газеты дали информацию о получении телеграммы министра внутренних дел Временного Сибирского правительства Грацианова об отказе в приеме в Сибири поволжских беженцев (Уфимская жизнь. 1918. 24 сент.).

³²⁶ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 92 об.

области³²⁷. Но это были узкоцелевые и крайне недостаточные средства для того, чтобы достойно поддерживать жизнь беженского сообщества.

Сложнее обстояли дела с новыми беженскими контингентами, перемещение которых пока оставалось локальным и ограничивалось отдаленными регионами. Так, практически не уделили внимания беженцам Семиреченского фронта, на котором развернулась острейшее вооруженное противостояние задолго до Чехословацкого мятежа. Казахская историография пришла к справедливому выводу, что на территории современного Казахстана Гражданская война началась еще в конце 1916 г. Восстание киргизов вызвало волну беженцев. Летом 1918 г. там разгорелась борьба между переселенцами, казачеством и киргизами. Коренное население западных районов Семиреченской области спасалось бегством на территорию Восточного Туркестана. Как писали члены Киргизского комитета спасения, беженцы по пути в Китай безжалостно расстреливались большевиками³²⁸. В марте 1919 г. через китайскую границу на территорию России вернулись 165 тыс. беженцев, на обеспечение которых Семиреченский комитет Алаш просил выделить 30 млн руб.³²⁹

Возвращаясь к ситуации лета–осени 1918 г., отметим, что основную тяжесть работы с беженцами взяли на себя муниципальные органы. 8 августа 1918 г. МВД Временного Сибирского правительства циркулярно уведомило губернских и областных комиссаров, глав земских и городских самоуправлений, что государство не в состоянии сейчас проявлять должную заботу об этой категории пострадавших от Первой мировой и Гражданской войн. Зато отдел призрения Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства постарался унифицировать правила оказания помощи беженцам. Выдача пособий сиротам, нетрудоспособным и многодетным семьям, предоставление медицинского обслуживания и дешевых помещений, обеспечение санитарно-гигиенических мероприятий ложились на городские и земские управы. Министерство внутренних дел с октября 1918 г. взялось компенсировать 1,5 руб. в месяц на одного призываемого³³⁰.

Масштаб вынужденных миграций мирных жителей в период Гражданской войны еще больше возрос. Европейская часть России в представлении «белых» лидеров стала территорией, временно отданной противнику, и миграция с запада на восток вновь воспринималась как беженство или даже организованная эвакуация. Нужно отметить, что тысячи из тех, кто осенью 1918 г. эвакуировался через фронт в Поволжье, на Урал и в Сибирь, находились на положении политических беженцев. На протяжении всего лета 1918 г., несмотря на ожесточенные бои между

³²⁷ Там же. Л. 60 об.–61.

³²⁸ Движение Алаш: сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Алматы, 2011. Т. 1: Документы, допросы и ответы, синхронные переводы, материалы судов, конфискованные письма. С. 141.

³²⁹ Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 213, 273.

³³⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 851. Л. 2–3; ГАЗК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4 об.; ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 41. Л. 20–20 об.; ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 136. Л. 6. (Опубл.: Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ... С. 677–678).

Красной и Народной армией, переход через фронт оставался совершенно свободным, и поволжские города были наводнены людьми, выехавшими из Советской России³³¹. Даже во времена военных успехов в Самарскую губернию с запада двигались беженцы, выбиравшиеся из Советской России. Из прифронтовых районов бегство от «красных» было массовым, но ограничивалось соседними волостями и уездами³³².

От городских властей и уездных уполномоченных уже в июле–августе 1918 г. в Совет управляющих ведомствами Комуча поступали многочисленные запросы о материальной и организационной помощи по устройству множества прибывающих людей³³³. Многие двигались дальше, вглубь тылового района.

Первая массовая волна беженцев направилась на восток России при отступлении осенью 1918 г. Народной армии Комуча из Поволжья. В сентябре 1918 г. в Самаре скопилось около 20 тыс. беженцев из Казани, Симбирска и Сызрани, и еще в городе находилось около 22 тыс. беженцев Первой мировой войны, нуждавшихся в помощи (а вместе с не нуждавшимися – около 27 тыс. чел.). Под беженцев пришлось отвести все общественные здания и школьные помещения³³⁴. По-видимому, в Самару прибыла только часть. Остальные распределились по другим направлениям. По крайней мере, число ушедших из Казани с отступающей Белой армией оценивается в диапазоне от 30 тыс. до 78 тыс. чел. С.Ю. Малышева указывает, что это от 30 до 57% горожан, вероятно, не учитывая беженцев, двигавшихся через Казань «транзитом» из более западных областей³³⁵. 12 сентября Совет управляющих ведомствами Комуча постановил выделить 500 тыс. руб. на нужды беженцев, 14 сентября – выдать месячный (семейным – полуторамесячный) оклад жалованья государственным служащим, эвакуировавшимся из Казани и Симбирска, начать выдачу им постоянных пособий наравне с беженцами Первой мировой войны³³⁶. А 13 сентября на заседании Комуча разбирался вопрос о бездействии эвакуационной комиссии, призванной заниматься подготовкой к возможной сдаче поволжской столицы «красным»³³⁷. 14 сентября Штаб Народной армии известил население, что обстановка на фронте стабильная и панические просьбы лиц и учреждений об их скорейшей эвакуации из Самары совершенно не имеют под собой реальных оснований³³⁸. Но ситуация в переполненных городах ухудшалась. Беженцам приходилось выделять общественные помещения и школы под жилье³³⁹. 18 сентября 1918 г. Совет

³³¹ Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 76, 80, 81, 87.

³³² Волжский день (Самара). 1918. 13 июля.

³³³ ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 18. Л. 49–53, 92–93.

³³⁴ Народ (Самара). 1918. 17, 18 сент.; Под знаменем Комуча ... С. 382–383.

³³⁵ Малышева С.Ю. Комучевская Казань // Татарстан. 2001. № 9. С. 54.

³³⁶ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 272; Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–50 об., 61; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 104.

³³⁷ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 275 об.

³³⁸ ЦГАСО. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 698. Л. 355.

³³⁹ Волжский день (Самара). 1918. 15 сент.

управляющих ведомствами ассигновал 2 млн руб. на удовлетворение нужд беженцев-военнослужащих (офицеров и военных чиновников, пробиравшихся на неподконтрольные советской власти территории), 24 сентября 1918 г. наряду с выделением очередных 1,5 млн руб. на нужды беженцев постановил размещать прибывающих не в городах, а в сельской местности под страхом лишения пайков³⁴⁰. Судя по всему, деньги выделялись по смете, составленной для обслуживания беженцев Первой мировой войны еще до отступления Народной армии³⁴¹. Между тем только на обслуживание питательных пунктов Самары требовалось в месяц около 700 тыс. руб. Несвоевременное поступление казенных кредитов вело к тому, что эвакуационные комиссии бездействовали, городские власти спешно устраивали прибывавших на ночлег в школы и общественные здания.

Заботы о беженском населении взял на себя отдел по устройству беженцев Ведомства внутренних дел Комуча, который, однако, не справляясь со стоявшими перед ним задачами, 21 сентября 1918 г. учредил Комитет помощи беженцам в качестве консультативного общественного органа, призванного объединить усилия общественности, земств, городских управ и правительственных учреждений для скорейшей «разгрузки» Самары и ее окрестностей от массы беженцев³⁴². Самарское губернское земство, еще в конце августа объявившее об отказе обслуживать беженцев ввиду отсутствия средств и государственной поддержки³⁴³, тем не менее учредило на свои средства питательные пункты на вокзалах и пристанях, истратило за три недели 69 тыс. руб., оказав помощь только 5 тыс. беженцев³⁴⁴. В довершение несчастий американская миссия 1 октября 1918 г. отказалась содержать госпиталь, столовую на 700 комплектов питания ежедневно, ссылаясь на изменившиеся обстоятельства, требовавшие срочного свертывания работы миссии в Поволжье. Все учреждения миссии были сданы на баланс городского самоуправления Самары³⁴⁵.

Финансовые возможности Комуча быстро исчерпались – 17 октября Совет управляющих принял решение засчитывать эвакуированным служащим жалование за октябрь в качестве эвакуационного пособия, а сумма в 345 тыс. руб., отпущенная прифронтовому комитету по оказанию помощи беженцам, была очень мала³⁴⁶. Эвакуацию большинства служащих оттягивали, самовольно покидавших места службы грозили лишить прав на эвакуационное пособие. Беженцев пытались перебросить на Южный Урал, размещая в сельской местности и оставляя им лишь

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 342 об.; Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об.; Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета ... С. 112, 115.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 2. Л. 55, 72.

³⁴² Под знаменем Комуча ... С. 384–385.

³⁴³ Вестник Комуча. 1918. 24 авг.; Под знаменем Комуча ... С. 374.

³⁴⁴ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 41. Д. 1. Л. 24.

³⁴⁵ Под знаменем Комуча ... С. 387.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–98 об.

перспективу «самопрокорма», или дальше в Сибирь, угрожая лишить пайков тех, кто не подчинится такому принудительному расселению³⁴⁷.

Между тем население с середины сентября по обрывочным вестям с фронта предполагало, что Самару удержать не удастся. Начался массовый выезд на восток. Но еще две недели власти заверяли жителей, что никакой угрозы городу нет, и пытались задержать выезжавших горожан. В первых числах октября, когда военный крах стал очевиден, все дороги на восток оказались запружены возами, телегами и просто толпами людей, спасавшихся бегством. Но даже 4 октября, за два дня до вступления «красных» в Самару, городская дума заверяла, что город не будет сдан и призывала жителей оставаться на местах. Комуч не создал ни одной организации по эвакуации гражданского населения³⁴⁸.

4 октября 1918 г. Совет управляющих ведомствами Комуча распорядился эвакуировать все правительственные учреждения из Самары в Уфу³⁴⁹. Но значительная часть эвакуирующихся из Поволжья направилась в Оренбургскую губернию, власти которой некоторое время воспринимали себя как часть территории Комуча. Поэтому Оренбургский комитет членов Учредительного собрания выплачивал эвакуационные пособия прибывающим с запада государственным служащим. Но в конце октября в самом Оренбурге стали готовиться к эвакуации и выдавать своим служащим эвакуационные пособия, правда, в сниженном размере (семейным – месячный оклад, несемейным – двухнедельный)³⁵⁰. Ухудшение в конце 1918 г. обстановки на юго-западном фронте вряд ли позволяло содержать дальше эвакуированных служащих.

Официальные сухие строки документов не способны отразить масштаб социального бедствия. Военные часто боялись признать перед гражданским населением, что практически не способны сдерживать фронт. Поэтому жители многих крупных поволжских городов вынуждены были спасаться, едва успев собрать чемоданы, в надежде, что эвакуация продлится неделю-другую. Другие не были столь наивны, но просто не имели средств для длительного путешествия. К тому же местные власти практически не готовили эвакуацию населения и гражданских объектов, чем и усугубили проблемы³⁵¹. Иногда их действия доходили до цинизма. Вводя население Самары в заблуждение относительно положения на фронте, Комуч заблаговременно начал эвакуировать правительственных служащих и значительную часть транспортных ресурсов направил на вывоз казенного имущества.

³⁴⁷ Уфимский вестник (Уфа). 1918. 24, 26 сент.; ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–98 об.; ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 41. Д. 1. Л. 24; *Блюменталь И.И.* 1918 год в Самаре. Историко-революционный календарь // *Вся Самара и губерния на 1926 год: адресно-справочная книга.* Самара, 1926. С. 86.

³⁴⁸ [*Ильин И.С.*] Скитания русского офицера. С. 320–322., 329, 233.

³⁴⁹ *Заря Поволжья* (Самара). 1918. 5 окт.; *Попов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 226.

³⁵⁰ Оренбургский Вестник Комуча (Оренбург). 1918. 30, 31 окт.

³⁵¹ *Еленевский А.* Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 171; *Руднев С.П.* При вечерних огнях: воспоминания. Харбин, 1928. С. 248–249; *Миграция военного времени ...* С. 115.

Похожие ситуации возникали при оставлении Народной армией Комуча и отрядами антибольшевистских повстанцев и других городов. Сарапул сдали «красным» совершенно неожиданно, напугав перед этим жителей рассказами о бесчинствах «красных», чем вызвали почти поголовное бегство. В дороге им предлагали подводы по спекулятивным ценам, причем ни военные, ни гражданская власть практически ничего не предприняли для организации помощи³⁵².

Это не единичный случай. Позже особоуполномоченный по делам беженцев А.И. Коробов отмечал, что вся эвакуация Поволжья происходила очень неорганизованно, а власти не столько помогали, сколько создавали бюрократические препоны. Была установлена система пропусков и регистрации, но на поезда попадали только те, кто обходил эти препоны. Остальные вынуждены были подолгу и часто безрезультатно ходить по инстанциям. Беженцев бросили на произвол судьбы в информационном вакууме, из-за чего многие эвакуировались в район дальнейшего отступления войск и были вынуждены срочно следовать в противоположном направлении. При этом районы оптимального следования беженцев в тыл периодически закрывали для движения гражданского населения. А.И. Коробов смог организовать работу с беженцами только с опорой на общественные организации, которые готовы были действовать без учета границ между сибирскими и поволжскими властями. И когда эта работа стала налаживаться, прибывшая из Самары Высшая эвакуационная комиссия предъявила требование сдать ей все дела. Работа А.И. Коробова дала весьма скромные результаты, так как военные и железнодорожные власти не подчинились ему, и в результате эвакуация гражданского населения из Уфы и Челябинска в Сибирь протекала тоже достаточно хаотично³⁵³.

Выехавшие из Самары чиновники смешались с бессистемно бежавшим населением. Его прием в Уфе организовали общественные организации и органы местного самоуправления, получившие от Комуча через уездный совет по делам беженцев остатки «беженских» средств³⁵⁴. Подчас инициатива опытного человека, вовремя оказавшегося в нужное время в нужном месте, могла многое решить. Как описывает мемуарист, известный самарский земский деятель С.П. Руднев, он фактически сам организовал прием и питание беженцев в Уфе и добился у местного епископа и губернского комиссара обеспечения их минимальных нужд, найдя готовых помогать ему людей и приемлемые способы получения финансирования для этих целей³⁵⁵. Поволжских жителей, искавших убежище от большевиков на Урале, решено было размещать в школьных зданиях и отапливаемых загородных дачах³⁵⁶. По неофициальным данным, из одной только Казани к «белым» бежало 78 тыс. жителей³⁵⁷. Число беженцев из Прикамья определяется

³⁵² Урал (Екатеринбург). 1918. 21 (8) нояб.

³⁵³ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 15 нояб.

³⁵⁴ ЦГА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 162 об.

³⁵⁵ Руднев С.П. При вечерних огнях ... С. 248–249.

³⁵⁶ Уфимская жизнь. 1918. 16 сент.

³⁵⁷ Записки белогвардейца ... С. 87.

мемуаристами «на глазок» в 40–50 тыс.³⁵⁸ Но начавшую налаживаться работу сорвало прибытие в город эвакуационной комиссии Комуча. Она потребовала сдать ей все дела и суммы, и организованный прием беженцев на этом прекратился³⁵⁹. Созданный взамен губернский комитет помощи беженцам насчитывал целых шесть секций, включая культурно-просветительную³⁶⁰. Бюрократизация и смена организующего центра дестабилизировали положение. В ноябре, после выпуска краткосрочных обязательств Комуча, беженским организациям выделили 554,5 тыс. руб., в том числе 300 тыс. руб. на эвакуацию беженцев из Прикамья, с тем чтобы не направлять их в переполненную беженцами Уфу³⁶¹. Часть сумм пошла на эвакуацию некоторых правительственных учреждений из Уфы на восток. До 13 ноября 1918 г. проведена плановая эвакуация служащих и частных лиц в Челябинск и восточнее. Ситуация усугублялась неудачами на фронте, который в конце 1918 г. придвинулся к Уралу. В результате контингент поволжских беженцев пополнился за счет эвакуированных с горных заводов рабочих и служащих³⁶². Желаящие покинуть город после указанной даты лишались правительственного содействия. В дальнейшем заниматься устройством поволжских беженцев пришлось Временному Всероссийскому и Российскому правительствам³⁶³.

Помощь беженцам не стала тем вопросом, решение которого заставило бы Комуч и Временное Сибирское правительство забыть о разногласиях. Министр земледелия и колонизации Временного Сибирского правительства Н.И. Петров известил Самару о прекращении приема беженцев из Поволжья в Сибирь. Мотивировалось это решение отсутствием в сибирских городах жилищного фонда, исчерпанностью свободных земель для колонизации. В связи с распоряжением прекратить прием в сибирском направлении новых беженцев и переселенцев, часть спасавшихся людей оказалась задержана на западных границах Сибири. Пресса сообщала о задержке более 40 тыс. чел.³⁶⁴ 10 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства выделил им 150 тыс. руб. на питание. Представление по этому поводу, написанное еще 9 августа, пролежало под сукном более месяца, пока ситуация не обострилась до крайности. Тогда же решили перечислить 75 тыс. сербским беженцам³⁶⁵. 17 сентября 1918 г. Админист-

³⁵⁸ *Ефимов А.* Ижевцы и воткинцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 370, 373.

³⁵⁹ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 15 нояб.

³⁶⁰ Уфимская жизнь (Уфа). 1918. 18 сент.

³⁶¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 189, 217, 223 об.; Д. 2. Л. 68, 69 об., 77, 102.

³⁶² *Зарудная-Фриман М.* Мчались годы за годами: история одной семьи. М., 2002. С. 95.

³⁶³ Временное Всероссийское правительство ... С. 28, 36, 44, 63; Уфимская жизнь. 1918. 14 (1) нояб.; Армия и народ (Уфа). 1918. 1 окт.; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 20 об., 42; Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 313. Л. 94; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 27. Л. 3 об.

³⁶⁴ *Луков Е.В.* Политика антибольшевистских правительств ... С. 188; Вечерняя заря (Самара). 1918. 6 авг.

³⁶⁵ Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов. Новосибирск, 2007. С. 394; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 10, 11.

ративный совет постановил отказать управляющему внутренних дел Комуча в помощи по размещению беженцев из Поволжья и лишь принять меры к устройству уже прибывших в Сибирь³⁶⁶.

И только Директория решила войти в тесные отношения с Комучем для совместного регулирования беженского потока. 25 сентября 1918 г. Директория, не имевшая собственного государственного аппарата, рассмотрела вопрос о необходимости регулировать беженский поток совместными усилиями Комуча и Временного Сибирского правительства³⁶⁷. Вопрос о беженцах обсуждался в заседаниях Временного Всероссийского правительства неоднократно (25, 26, 27, 29 сентября, 4 октября), где было отмечено, что район Уфы переполнен беженцами, прибывавшими совершенно хаотично и нуждавшимся в планомерном расселении³⁶⁸. 29 октября 1918 г. на должность главноуполномоченного по устройству беженцев назначили А.И. Коробова, его помощником стал С.Ф. Знаменский. Но уже на следующий день члены правительства внесли уточнение: главноуполномоченный Временного Всероссийского правительства по делам беженцев на территории, управляющейся Комитетом членов учредительного собрания. 4 октября 1918 г. была официально учреждена должность главноуполномоченного по делам беженцев. Он получал финансирование через Государственное казначейство на реализацию мер, запланированных им для обеспечения беженцев, и получил право объединять действия всех правительственных, общественных, земских и городских организаций, занятых решением помощью беженцам³⁶⁹. А.И. Коробов принял решение послать особоуполномоченных квартирьеров по Транссибирской магистрали от Кургана до Омска для подготовки и размещения беженцев в Сибири³⁷⁰. Уже после того, как Директория подключилась к организации помощи беженцам, 2 октября Административный совет утвердил выдачу 1 млн руб. в помощь беженцам из Поволжья в Сибирь, разрешив реквизицию помещений для них по пути их следования по железной дороге³⁷¹. Достаточно ли такой суммы, можно судить по сообщениям в официальной прессе, писавшей, что беженцы двигаются по железной дороге целыми эшелонами, состоят преимущественно из семей, не имеющих средств и терпящих большие лишения. На некоторых станциях (Тюмень) железнодорожная администрация не позволяет делать остановку, ссылаясь на отсутствие свободных путей. Поезд, наполненный голодными людьми, проследовал мимо большой станции.

Решением Директории от 18 октября 1918 г. предписывалось организовать централизованное размещение временно эвакуированных в Челябинск служащих Комуча. Их планировали поселить в Кургане и Петропавловске, а часть оставить в Челябинске. Причем при размещении

³⁶⁶ Временное Сибирское правительство ... С. 421; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 20 об.

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1 Д. 27. Л. 3 об.

³⁶⁸ Временное Всероссийское правительство ... С. 28, 36, 44, 63.

³⁶⁹ Там же. С. 65–66, 110–111, Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 15 нояб.; К.А. Тишкина датирует учреждение должности главноуполномоченного 4 октября 1918 г., что не соответствует действительности. См.: *Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи помощи ...* С. 213–214.

³⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 313. Л. 94.

³⁷¹ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 42.

служащие должны были начать получать заштатное жалование³⁷². Беженцев в Челябинске регистрировали, проводили медицинский осмотр, а затем планово везли в города до Иркутска включительно и распределяли по сельской местности³⁷³. 4 ноября в МВД организовали отдел призрения, которому передавались том числе и вопросы по устройству беженцев. Должность главного уполномоченного 13 ноября 1918 г. была ликвидирована³⁷⁴.

Найденная в сибирском бюджете сумма оказалась каплей в море. Например, для одного Тобольского уезда, где планировали разместить 12 тыс. беженцев, выделили только 5 тыс. руб. Содействие общественных организаций способствовало относительной нормализации жизни беглецов. Власти в основном обеспечивали неимущим беженцам бесплатный проезд и питание в пути. Приоритет в размещении и снабжении имели дети, старики, больные³⁷⁵. Нетрудоспособным и не находившимся на чьем-то иждивении беженцам выдавали пособие в размере от 15 до 45 руб. в месяц. На обучение детей беженцев из казны выделялось 8 руб. в месяц. Впервые с 1915 г. размер пайков был проиндексирован и увеличился в 2,5–7 раз. Государство же, как и раньше, взяло на себя призрение беспризорных беженцев, оплачивая их пребывание в приютах, а также обеспечение элементарных санитарных условий – содержание беженских общежитий, мытье в банях, стирку белья и пр.³⁷⁶

Основную часть беженцев принимала Сибирь. К работе с ними были привлечены отдел призрения Министерства внутренних дел и Переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации, земские и городские управы. Последние спешно изыскивали средства на прием беженцев, считая их займом государству. По линии железной дороги от Челябинска до Иркутска были созданы 15 питательных пунктов, а в Новониколаевске – центральное справочное бюро, где беженцев регистрировали и подыскивали им службу³⁷⁷. Отчасти это делалось на средства городских и земских органов, принимавших беженцев. За распределением беженцев по губерниям и областям Сибири следил уполномоченный МВД по размещению беженцев В. Покровский. Власти прилагали усилия для того, чтобы максимально контролировать и регулировать поток людей,двигающихся на восток, предписали всем беженцам пройти регистрацию в любой беженской столовой или местном переселенческом пункте³⁷⁸. Масштаб работы можно представить из отчетности Иркутского переселенческого пункта, который с июля по декабрь 1918 г. выдал

³⁷² Там же. Д. 32. Л. 91; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33, 62.

³⁷³ Уфимская жизнь. 1918. 29 окт.

³⁷⁴ Временное Всероссийское правительство ... С. 272, 281.

³⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 143. Л. 69; Д. 150. Л. 13; Ишимский край (Ишим). 1918. 22 окт.

³⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 329; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33.

³⁷⁷ Правительственный вестник. 1919. 9 апр.

³⁷⁸ Русский восток (Чита). 1918. 22 (9) дек. В этот период абсолютное большинство получателей питания были беженцы.

двигавшимся на восток переселенцам, беженцам и военнопленным 46 999 платных порций, 18 542 бесплатных³⁷⁹.

Сам факт того, что содействием населению в процессе вынужденной миграции занималось, как и в предшествующие годы, Переселенческое управление, не должен вводить в заблуждение. Нет никаких оснований вслед за В.В. Минаевым смешивать переселенческую политику государства, ориентированную на хозяйственное освоение восточных территорий, с организацией помощи беженцам. Их приезд на восток воспринимался как вынужденный, временный, не преследовавший экономических целей, а сама помощь беженцам, оказываемая государством и общественными организациями, носила гуманитарный характер. Государственный аппарат совершенно ясно осознавал дифференциацию экономических и гуманитарных проблем.

По данным Министерства внутренних дел, вероятно, заниженным, поток беженцев из Поволжья осенью 1918 г. достигал 100 тыс. чел. Из распределительного пункта в Новониколаевске в соответствии с заранее намеченным планом беженцы расселялись по сельской местности в районах от Новониколаевска до Иркутска. Томское губернское земство должно было принять 20 тыс. беженцев, Алтайское – 40 тыс., Иркутское – 4 тыс., вся Сибирь – немногим более 60 тыс. Остальные беженцы считались избыточными. Новониколаевское центральное справочное бюро успело осенью 1918 г. зарегистрировать 25 тыс. беженцев, из которых трудоустроить смогли лишь 561 чел. Следовательно, эффективными меры по устройству беженцев и их адаптации в местах временного проживания назвать нельзя. Для этого требовались значительно большие вложения. Кроме недостатка средств обозначился недоучет одного важного обстоятельства. Принимающая сторона ориентировалась на размещение беженцев в сельской местности, чтобы предоставить им возможность заняться земледельческим трудом. Эта практика была отработана еще в дореволюционный период, но не учитывала специфики беженства времен Гражданской войны. Если в 1915–1916 гг. среди беженцев преобладали крестьяне, то теперь основную массу составляли горожане, прежде всего – интеллигенция³⁸⁰. Положение усугублялось тем, что преобладало стихийное перемещение беженцев. В сентябре 1918 г. власти рассчитывали разместить в Мариинском уезде 504 семьи численностью в 2,3 тыс. чел., тогда как только в Тайге стихийно скопилось от 3 тыс. до 5 тыс. беженцев³⁸¹.

Кроме беженцев из Поволжья, летом–осенью 1918 г. потребовали внимание также пострадавшие казаки Семиреченского казачьего войска. В результате военных действий отряды атамана А.М. Ионова отошли в июне 1918 г. в китайскую провинцию Синьцзян. Сначала они

³⁷⁹ *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России»: демографическая и экономическая экспансия Китая и Японии на Дальнем востоке и в Сибири (1918–1919 гг.) // *Гражданская война в России, 1917–1922: очерки экономики и политической истории.* М., 2013. С. 148.

³⁸⁰ *Рышков В.М.* Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // *Гуманитарные науки в Сибири.* 1915. Т. 22, № 3. С. 71.

³⁸¹ *Звягин С.П.* Кузбасс в годы Гражданской войны. Омск, 2007. С. 88.

обратились за «братской помощью» к сибирским казакам. Посланцы семиреченского войскового атамана выступили на 4-м Войсковом круге Сибирского казачьего войска, обошли 81 сибирскую станицу и собрали 15 тыс. руб. пожертвований. Но в помощи нуждались не только военные, которые преимущественно и собрались в Китае. Поток беженцев из Семиречья в Сибирь хлынул еще весной, при советской власти, и усилился в летние месяцы³⁸². Часть из них расселилась по казачьим станицам, но в целом судьба этих беженцев плохо прослеживается.

В начале сентября 1918 г. А.М. Ионов телеграфировал в Омск о необходимости срочной помощи казакам-беженцам Семиреченского казачьего войска. После рассмотрения вопроса в комиссии, образованной Административным советом специально для изучения этого дела, в помощь семиреченским казакам-беженцам выделили 500 тыс. руб. и 50 тыс. руб. – правлению Семиреченского казачьего войска на организацию социальной поддержки населения³⁸³. 200 тыс. руб. Административный совет распорядился передать в помощь беженцам, эвакуировавшимся в Кульджу³⁸⁴.

Однако в действительности, стихийное беженство достигало Манчжурии и Приморья. Во Владивостоке поздней осенью и зимой вокзал был переполнен ночующими бездомными беженцами. В феврале 1919 г. здесь собиралось на ночь до 2 тыс. чел. Ситуация усугублялась тем, что отведенные еще в годы мировой войны помещения потребовали военные забрали под собственные нужды. Российские военные и особенно союзники заняли занимали множество зданий и имели помещения с избытком, но никто не согласился потесниться и впустить беженцев. С наступлением лета 1919 г. власти попытались спасти ситуацию, распределив вынужденных мигрантов по пригородным поселкам, выделив под общежития заброшенные усадьбы и помещения пустовавших казарм³⁸⁵.

По-видимому, реальное количество людей, бежавших от наступающих большевиков, оказалось значительно больше, чем ожидали в Сибири. В октябре 1918 г. в Новониколаевске объявлялось, что ожидается прибытие в город не менее 20 тыс. беженцев, среди которых значительное количество лиц интеллигентных профессий³⁸⁶. В Алтайской губернии также озаботились отсутствием работы для интеллигентных беженцев, каковых было большинство, судя по телеграммам, рассылаемым А.И. Коробовым. Они явно не имели возможности прокормить себя собственным трудом. Губернская земская управа запросила по 45 руб. в месяц из казны для выдачи пайка

³⁸² *Ивлев М.Н.* Антибольшевистское движение в Семиреченском казачьем войске // *Белая гвардия*. М., 2005. № 8. С. 226–237; *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1: 1917–1920. С. 180–181.

³⁸² *Сизов С.Г.* Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.). Омск, 2018. С. 75.

³⁸³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 8, 11 об., 20 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 78.

³⁸⁵ *Позняк Т.З.* Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до Гражданской войны: проблемы выживания и общественного признания // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14. № 2. С. 198–202.

³⁸⁶ *Народная Сибирь* (Новониколаевск). 1918. 3 окт.

каждому из централизованно направленных в пределы губернии³⁸⁷. Относительно полная информация сохранилась о приеме беженцев в отдельных уездах Алтайской губернии. В Бийском уезде на начало 1919 г. числилось 1163 беженских семьи – 4920 чел. Отсутствие средств на оплату беженского пособия власти уезда попытались смягчить, произведя сбор пожертвований. Полученные средства передали прежде всего нетрудоспособным³⁸⁸. Но беженцы прибывали в города не только Западной, но и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока. Даже во Владивостоке ожидали, что около 5 тыс. беженцев останется на зиму без крова, хотя 1 тыс. чел. разместил в своих бараках Американский Красный Крест³⁸⁹. Следует учесть, что большинство поволжских мигрантов «осели», не доезжая до Средней Сибири и тем более Дальнего Востока.

Но в целом у властей и земства восточных регионов России было весьма смутное представление о численности проживавших беженцев разных категорий и их положении. Недаром в Барнауле в марте 1919 г. национальные беженские организации (литовская, польская, белорусская, украинская, еврейская) инициировали создание Бюро помощи беженцам, предлагая начать с элементарной регистрации их наличного контингента³⁹⁰. Общественная инициатива подчас смягчала ситуацию с недостатком квалифицированных кадров беженских служб, но средства, аккумулируемые благотворительными организациями, оставались небольшим довеском даже к явно недостаточным суммам, выделяемым на эти цели государством.

Существенную помощь в решении проблем вынужденных мигрантов оказала миссия Американского Красного Креста. Ее усилиями до февраля 1919 г. удалось оборудовать и полностью снабжать общежития для беженцев на 1000 чел. Позже масштаб работы с беженцами только возрастал. Американской миссией Красного Креста были открыты беженские общежития и школа для беженских детей в Омске³⁹¹. В сибирской столице на попечении американцев оказалось 25 тыс. беженцев (четверть от общего числа находившихся в городе)³⁹².

Как известно, работникам государственных учреждений и предприятий правительство пыталось обеспечить организованную эвакуацию, материальные издержки которой компенсировали в виде эвакуационных пособий. Остальным беженцам государство гарантировало лишь небольшую материальную помощь по прибытии в Сибирь. Многие населенные пункты оказались переполнены, приток мигрантов привел к нерегулируемому повышению цен на жилье³⁹³. Неожиданно появившуюся в уральских и сибирских городах массу беженцев местные власти не в состоянии были обеспечить жильем, одеждой, организовать приемлемые санитарные условия в

³⁸⁷ ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 190. Л. 10–10 об.

³⁸⁸ ГАКК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 57. Л. 7.

³⁸⁹ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 13 нояб.

³⁹⁰ ГАКК. Ф. 233. Оп. 3. Д. 154. Л. 8–10 об.

³⁹¹ The work of the American Red Cross during the war ... P. 86, 341–346.

³⁹² Хилл Л.Т. (мл.) Американка в Сибири ... С. 267–271.

³⁹³ Голос народа (Томск). 1918. 6 окт.; Сизов С.Г. Белая столица России. Омск, 2018. С. 51.

местах пребывания. Попав в Сибирь, многие беженцы вынуждены были проживать в вагонах, на вокзалах. Так, например, в Новониколаевске только 5 тыс. беженцев разместились в заранее подготовленных городской управой квартирах, остальные проживали в 32 эшелонах по линии железной дороги. По отзывам мемуаристов, Омск в марте–апреле 1919 г. был перенаселен за счет множества беженцев, зимовавших в крытых ветками и соломой землянках, вырытых во множестве по всему городу³⁹⁴. Аналогичная ситуация была во всех сибирских городах. Правда, Переселенческое управление предоставляло медицинское обслуживание и пропитание, подыскивало работу. Но так было не везде. В Петропавловске помещения учреждений, призванных обслуживать беженцев, заняли для своих нужд чешские войска, на станции Манчжурия – японские.

Нельзя говорить об абсолютном господстве патерналистских настроений в среде беженцев. Люди старались сами помочь друг другу. Во многих сибирских городах действовали землячества. Те, кто приехал в Сибирь раньше и успел устроиться, помогали адаптироваться вновь прибывающим. Действовали городские или районные организации беженцев (Казани, Самары, Петрограда, ижевско-воткинских заводов). Через них беженцы могли получить небольшую материальную помощь, рекомендацию при поиске работы³⁹⁵. Земляческие организации оказывали и моральную помощь, организуя встречи со старыми знакомыми. В отдельных случаях землякам даже удавалось основывать успешные коммерческие предприятия, сколотить состояние. Очень сильны были этнические общины беженцев, между местными жителями и беженцами соответствующей национальности быстро устанавливались партнерские отношения, что способствовало адаптации прибывавших на новые места³⁹⁶.

Среди беженцев были и зажиточные, предпочитавшие не пользоваться помощью правительственных служб и частных благотворительных организаций³⁹⁷. Им вполне хватало собственных средств для путешествия до Владивостока и дальше в эмиграцию. Многие из них неплохо устроились и в Сибири, могли выбирать место жительства. Как писал Вс. Н. Иванов, все государственно мыслящие предпочитали Омск, спекулянты и торговцы – Новониколаевск, солидные и интеллигентные – Томск, будирующие, протестующие – Иркутск, а отчаянные спекулянты тянулись в Харбин³⁹⁸. Так по воле самих имущих беженцев складывалась география миграции. Но подавляющее большинство движущихся на восток людей не могли сами выбирать места и условия жизни.

³⁹⁴ Федотов-Уайт Д.Н. Пережитое. Война и революция в России / пер с англ. А. Дементьев. М., 2017. С. 262.

³⁹⁵ Рыженко В.Г. Беженцы периода гражданской войны (к вопросу об использовании материалов центральных архивов) // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории: материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2002, С. 23–26.

³⁹⁶ Приморская жизнь. 1918. 13 нояб.

³⁹⁷ Маслова И.В. Революция и предпринимательство: судьбы Стахеевых после 1917 г. (на материалах личного происхождения) // Частные миры Великой русской революции: сб. науч. тр. Казань, 2017. С. 35.

³⁹⁸ Иванов Вс. В Гражданской войне. С. 33.

Однако большинство беженцев все же бедствовало и не могло получить серьезную поддержку ни от правительства, ни от общественных организаций. Врачи, артисты, учителя из беженцев переполнили рынок интеллектуальных услуг. Часть пыталась обосноваться на земле, главным образом путем самовольных захватов, но встречала отпор со стороны органов государственной власти и местного населения. Известно, что большинство людей, попав в экстремальную ситуацию, придерживаются таких стратегий адаптации, как самоограничение и использование социального капитала (помощь от родственников, знакомых, использование ранее накопленного имущества). У беженцев вполне закономерно потенциал этих стратегий быстро исчерпывался, к тому же, они оказывались в новом месте, часто во враждебном окружении. Если в 1915–1916 г. отношение сибиряков к беженцам часто было если не сочувственным, то терпимым³⁹⁹, во время Гражданской войны ухудшение собственного материального положения наложилось на фактор психологической усталости. Поэтому в 1919 г. отмечались попытки сельских жителей «выжить» тех беженцев, которые прибыли год–два назад. Местные жители отказывались давать им топливо, продавать продовольствие, требовали повышенной платы за проживание⁴⁰⁰. Тем более они делали все возможное, чтобы избежать расселения дополнительных групп беженцев уже Гражданской войны. Недостаток помощи от государства и недружественное отношение принимающего социума мигранты могли компенсировать только через девиантную адаптацию⁴⁰¹. Масса неработающих беженцев вынуждена была нищенствовать или добывать на пропитание противоправными действиями. Сибирское население, уставшее от наплыва во всем нуждавшихся и порой совершенно беспомощных масс людей, относилось к ним весьма недружелюбно⁴⁰². Недовольство вызывала организованная местными властями подводная повинность крестьян для перевозки беженцев. Источники фиксируют и отдельные случаи вымогательства у сельских жителей продовольствия большими группами вооруженных беженцев⁴⁰³. Все происходившее следует признать закономерностью: мигранты всегда «не только страдают от звериной жестокости, но и сами бывают на нее способны»⁴⁰⁴. Но во время Гражданской войны органы власти не имели ни опыта, ни ресурсов, чтобы противостоять порождаемый беженством рост взаимной агрессии в обществе⁴⁰⁵.

³⁹⁹ Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум. С. 73.

⁴⁰⁰ ГААК. Ф. 225. Оп. 1. Д. 16. Л. 65; Ф. 233. Оп. 3. Д. 154. Л. 8.

⁴⁰¹ Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной» адаптации // Социс. 1999. № 4. С. 50–51.

⁴⁰² Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 21 авг.; Армия и народ (Уфа). 1918. 13 окт.; Курьшев И.В., Гривенная Л.А. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921 гг.). Ишим, 2010. С. 69; Суверов Е.Б., Карпов Р.А. Деятельность колчаковской милиции Алтайской губернии (1918–1919 гг.): учеб. пособие. Барнаул, 2014. С. 29.

⁴⁰³ Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1918–1920 гг.): сб. документов и материалов. Свердловск, 1967. С. 292.

⁴⁰⁴ Коллиер П. Исход: как миграция меняет наш мир. М., 2017. С. 12.

⁴⁰⁵ Закономерность обострения социальных проблем, вызываемых беженством, находит подтверждение и на материалах других регионов (см.: Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012. С. 310–313).

Именно по этой причине государственные органы спешили как можно скорее организовать реэвакуацию беженцев, тем более что наступление Белой армии на фронте в первые месяцы 1919 г. позволяло рассчитывать, что в ближайшем будущем жители Поволжья смогут вернуться домой. Железная дорога готова была выделить для этих целей по 10 вагонов в день, Переселенческое управление, российский и американский Красный Крест – предоставить продовольствие, медикаменты, пункты для социального обслуживания реэвакуантов⁴⁰⁶. Поражение Белой армии помешало осуществлению этой акции, и количество мигрантов с запада продолжало расти. В то же время, даже в период успешного продвижения армии на запад, власть стремилась пресечь стихийную реэвакуацию беженцев западных губерний России запретительными мерами. Весной 1919 г. часть беженцев пыталась отправиться из Сибири домой через фронт. Но губернские и областные отделы призрения получили распоряжение категорически отказывать в выдаче проездных документов, а военные власти прифронтовых территорий – возвращать таких реэмигрантов обратно на прежние места водворения⁴⁰⁷. По сообщениям контрразведки, осенью 1919 г. беженцы из западных губерний бывшей Российской империи проявляли стойкие просоветские настроения, предвкушали скорый приход «красных» как самую скорую перспективу возвращения на Родину⁴⁰⁸.

После окончания Первой мировой войны в Сибирь начали прибывать бывшие российские военнопленные. Органы государственной власти и общественность выделяли их особо в громадном людском потоке, двигавшемся в восточном направлении. Внимательное отношение к ним закономерно. В царской России проблемы солдат и офицеров, попавших в плен и находившихся в лагерях противника, игнорировались государством и по требованию властей замалчивались общественностью. Россия – единственная из стран Антанты, не оказывавшая централизованной материальной поддержки своим пленным, численность которых была самой большой из всех государств-участников военных действий. К 1 января 1918 г. в лагерях Германии и Австро-Венгрии находилось чуть более 3,4 млн солдат, офицеров и класных чинов русской армии⁴⁰⁹. Ситуация стала меняться при Временном правительстве, когда вопрос о судьбе российских военнопленных стал предметом обсуждения. Но дальше обозначения этой проблемы в общественном мнении и заявлений правительства о готовности ею заниматься дело не продвинулось. И только приход к власти большевиков привел к радикальному изменению ситуации. В апреле 1918 г. была создана «Центральная комиссия о пленных и беженцах» и стала организовываться сеть ее местных учреждений. С мая началось поступление продовольственной помощи из России, были организованы продовольственные закупки в Германии и Австро-Венгрии, оказывалась медицинская и

⁴⁰⁶ Кунгурский вестник (Кунгур). 1919. 17 мая.

⁴⁰⁷ ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 179. Л. 75.

⁴⁰⁸ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 78–79, 82, 88.

⁴⁰⁹ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие. М., 1999. С. 15. Автор отметила, что из-за сложности учета сведения в разных источниках могут отличаться.

юридическая помощь. По окончании Первой мировой войны Центрпленбеж и его местные комиссии занялись оказанием помощи возвращавшимся из плена российским солдатам и офицерам. 16 ноября 1918 г. СНК установил довольствие возвращавшимся из плена солдатам и офицерам наравне с военнослужащими РККА и принял ряд мер для их лечения, транспортировки и продовольствия в пути до родных мест. Семьи находившихся в плену стали получать солдатский паек⁴¹⁰. По данным на конец 1918 г., из Казани на восток должно было проследовать около 200 тыс. бывших военнопленных. И.П. Щеров, опирающийся на советские источники, утверждает, что в феврале 1919 г. между Советской Россией и «омским правительством» удалось достичь соглашения о регулярной отправке и приеме военнопленных, возвращавшихся на родину. В плановом порядке за февраль–март 1919 г. переправилось 11 137 чел.⁴¹¹ Следует признать недостоверной категорическую оценку О.С. Нагорной репатриации военнопленных на территорию Сибири как провал. По ее утверждению, правительственные и земские службы на востоке России отказались от помощи возвращавшимся из плена, смирившись с тем, что «волна пойдет стихийно и беспорядочно»⁴¹². Проблема возвращения военнопленных Первой мировой войны на восток России до последнего времени оставалась неисследованной⁴¹³. Только недавние исследования К.А. Тишкиной затрагивают ее впервые в историографии⁴¹⁴.

В действительности первым на проблему отреагировал еще Комуч, ассигновавший 21 сентября 1918 г. 200 тыс. руб. беженским организациям для оказания помощи военнопленным, возвращающимся из Германии и Австрии⁴¹⁵. Отступление Народной армии не позволило думать о расширении этой работы. Дальнейшую инициативу приняло на себя Российское правительство. В этой обстановке Российское правительство не могло оказаться в стороне и показать, что проявляет меньше забот о пострадавших в Первой мировой войне, чем советское правительство. 10 декабря 1918 г. отдел призрения Министерства внутренних дел провел совещание с целью централизовать усилия по оказанию помощи бывшим военнопленным на пути домой⁴¹⁶. 31 декабря 1918 г. Совет министров выделил 6,5 млн руб. на оказание помощи возвращавшимся из плена соотечественникам⁴¹⁷. Еще 3 млн 705 тыс. руб. изыскали 24 января 1919 г. для открытия трехмесячного обслуживания 10 приемных пунктов с дезинфекционной камерой, кухней,

⁴¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 20–21, 90, 223.

⁴¹¹ Щеров И.П. Центрпленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 29–30.

⁴¹² Нагорная О.С. Другой военный опыт. С. 341–342.

⁴¹³ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 72–77.

⁴¹⁴ Тишкина К.А. Помощь возвращавшимся из плена в 1918–1920 гг. русским воинам (на примере Западной Сибири) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 161–179; Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи ... С. 209–213.

⁴¹⁵ Журналы заседаний, приказы, материалы Комитета ... С. 114.

⁴¹⁶ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств ... С. 192.

⁴¹⁷ Правительственный вестник. 1919. 28 янв.; Законодательная деятельность Российского правительства. Вып. 2. С. 85; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 98.

баней⁴¹⁸. К апрелю 1919 г. официальные источники Российского правительства сообщали, что их уже прибыло 60 тыс. чел., а до конца весны ожидалось еще около 200 тыс.⁴¹⁹ 16 июня 1918 г. Совет министров продлил финансирование приемных пунктов и иных служб по обслуживанию бывших военнопленных еще на пять месяцев, до 1 сентября⁴²⁰. Но этих средств было достаточно только для призрения бывших военнопленных на пути домой.

Опираясь на опыт Первой мировой войны, власти обратились к волостным и сельским управам, сельским старостам с просьбой изыскать возможность для оказания помощи этой категории населения на общественных началах⁴²¹. Но организация доставки на места проживания осуществлялась совместно несколькими ведомствами (Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел, Переселенческим управлением), земскими и городскими органами, участвовавшими на условиях возмещения расходов со стороны казны. Другой вопрос, что подчас государство не могло своевременно компенсировать затраты. Полный объем работ по организации возвращения военнопленных и их стоимость неизвестны, и нельзя судить, во сколько они действительно обошлись органам самоуправления. Очевидно только, что для оказания помощи беженцам земства предоставили в основном административный ресурс, да некоторые общественные и кооперативные организации обеспечили необходимые материалы на льготных условиях, благодаря чему возвращавшиеся из плена солдаты действительно получали ночлег, питание, теплую одежду и медицинскую помощь⁴²². Значительная часть учреждений, обслуживавших возвращавшихся из плена, действовала под контролем российского Красного Креста⁴²³.

Определенную помощь оказывали американские благотворительные организации. Переговоры YMCA и Российского Красного Креста выявили недостаток ресурсов российских служб для обеспечения бывших пленных. После этого американские христиане организовали несколько дамских комитетов помощи возвращающимся военнопленным, выделили из своих запасов чай, папиросы, галеты, получили в британском и чешском интендантствах одежду и обувь. Статистика Американского Красного Креста сообщала о 61 тыс. обслуженных пленными, вернувшихся из Германии на восток России⁴²⁴. Недаром находившийся в это время в Омске брат Леонида Андреева поэт А. Болоховской (А.Н. Андреев) в стихотворении, посвященном возвращавшимся из плена российским солдатам, писал: «...проходит он часто по улице людной»⁴²⁵.

⁴¹⁸ Правительственный вестник. 1919. 18 февр.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 38–38 об.

⁴¹⁹ Правительственный вестник. 1919. 15 апр.

⁴²⁰ Там же. 15, 26 июля.

⁴²¹ Белое движение: каталог коллекции листовок ... С. 282.

⁴²² Народная Сибирь. 1918. 31 дек.

⁴²³ Русская армия. 1919. 11 июля.

⁴²⁴ Вестник Христианского союза молодых людей (Владивосток). 1919. № 2. С. 12.

⁴²⁵ Болоховской А. После плена // Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919 гг. Тобольск, 2016. С. 67.

Известно, что Российское правительство использовало возможности перечисления валютных средств в помощь российским военнопленным за границей. Положение военнопленных в Европе резко ухудшилось во второй половине 1918 г. в связи с падением курса рубля. 27 мая 1919 г. Совет министров Российского правительства принял решение о выделении 10 млн руб. на помощь неимущим русским гражданам, находящимся за границей⁴²⁶. Российские дипломаты в Швейцарии и Италии получили разрешение от российского МИДа сделать займы для помощи россиянам в Европе (военнопленным и беженцам)⁴²⁷. Даже покинув Омск 11 ноября 1919 г., Совет министров постановил выделить 5 тыс. ф. ст. на оказание через берлинскую миссию Российского Красного Креста помощи российским военнопленным, возвращавшимся из немецкого плена⁴²⁸.

12 июня 1919 г. Совет министров Российского правительства принял специальное постановление о порядке назначения пенсий инвалидам, возвращающимся из плена. Речь шла о случаях, широко встречавшихся среди бывших военнопленных, когда пострадавший не имел документов, подтверждающих связь утраты трудоспособности с прохождением воинской службы. Для рассмотрения таких случаев создавалась комиссия при министерстве, имевшая право запрашивать документы от губернских и уездных по воинской повинности присутствий и проводить медицинские освидетельствования⁴²⁹.

Основная работа по приему возвращавшихся военнопленных была перенесена на губернские и уездные администрации, органы городского и земского самоуправления. На них возлагалась забота по приему и обслуживанию прибывающих из плена российских солдат, обеспечение их одеждой, питанием, санитарно-медицинским обслуживанием, подводами в порядке отбывания натуральной земской повинности. Алтайская губернская земская управа начала готовиться к приему возвращающихся из плена российских солдат с 10 декабря 1918 г. Разработав комплекс мер по обеспечению нужд следующих домой солдат, приготовились к приему на территории губернии 20 тыс. чел. На выделенные из губернского земского бюджета 50 тыс. руб. в уездных городах организовали питательные пункты, обеспечили теплой одеждой в пути и подводами до места жительства, а к сельским обществам обратились с требованием организовать прием на местах. Причем земства настаивали на разверсточном принципе расселения – каждая волость должна быть готова принять по одной дополнительной беженской семье на десять дворов. В Семипалатинск по плану должно было прибыть около 2 тыс. бывших российских военнопленных.

⁴²⁶ Правительственный вестник. 1919. 11 июня; Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.): сб. документов. Новосибирск, 2016. Т. 1. С. 718; Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919): сб. документов. М., 2018. Т. 2: Май–июнь 1919. С. 326.

⁴²⁷ Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 130–131.

⁴²⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 236 об.

⁴²⁹ Правительственный вестник. 1919. 27 июня.

Управа города выделила аванс в 10 тыс. руб. для организации питательного пункта и помещений для отдыха возвращавшихся военнопленных⁴³⁰. Помимо органов самоуправления питание бывшим военнопленным предоставляли также воинские начальники, у которых они обязаны были регистрироваться в пути. Но перебои в работе оказались неизбежными. В связи с несвоевременностью поступления на места средств для компенсации расходов от правительства полноценное санитарно-медицинское обслуживание к началу 1919 г. за пределами Транссибирской магистрали организовать не удалось⁴³¹.

В отношении возвращавшихся из плена российских солдат и офицеров на востоке России доминировало гуманитарное отношение. Сложности бытового плана, с которыми им пришлось столкнуться в пути, объяснялись недостаточными материальными ресурсами и плохой организацией и не обуславливались идеологическими соображениями. Идеологический подход к возвращавшимся через Советскую Россию или «понохавших» большевистской пропаганды солдат и офицеров в источниках не прослеживается. Это контрастирует с советской практикой взаимодействия с репатрируемыми военнопленными, в которой на первых местах оказались изоляция их от общества как потенциальных носителей враждебной идеологии (карантинизация) и усиленная идейно-политическая обработка и даже попытка форсировать нужный состав репатриантов путем фильтрации в немецких лагерях. О.С. Нагорная упоминает о том, что представители Белого движения пытались вербовать военнопленных в антибольшевистские воинские формирования, но это происходило при обращении их в дипломатические службы в Европе⁴³².

К лету 1919 г. основная волна возвращавшихся из плена достигла своих родных мест. 4 июля 1919 г. Российское правительство наконец приняло «Временное положение о призрении беженцев», предписавшее обязательства государства в отношении беженского населения. В соответствии с ним на государственное попечение принимались все неимущие дети до 14 лет, нетрудоспособные по болезни и старости (мужчины с 55 и женщины с 50 лет). Призреваемым оказывалась помощь в размере 45 руб. в месяц, плюс 10 руб. на квартиру. Пособие могло выдаваться как деньгами, так и натурой в виде питания, лечения, предоставления места для проживания. Дети беженцев обучались за счет Министерства народного просвещения. Передвижение, питание, лечение всех беженцев, а не только признанных малоимущими, осуществлялось за счет казны⁴³³.

⁴³⁰ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

⁴³¹ ГААК. Ф. 225. Оп. 2. Д. 16; Ф. 233. Оп. 2. Д. 162. Л. 42–42 об.; Оп. 3. Д. 156. Л. 32–33.

⁴³² *Нагорная О.С.* «Эвакуация в том виде, в котором существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны // Вестник Челябинского университета. 2008. № 15. С. 58–60.

⁴³³ Правительственный вестник. 1919. 1 авг.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 851. Л. 6–8; Журналы и стенографические отчеты заседаний ... Т. 3: Июль–декабрь 1919 г. С. 76–77.

Следующая, более мощная волна беженцев захлестнула Сибирь летом–осенью 1919 г. Уральские города покидали служащие со всем казенным имуществом, обыватели («мелкая буржуазия» в терминологии советских мемуаристов), тянущие за собою многочисленные телеги, и даже рабочие целых предприятий⁴³⁴. Оставляемые Белой армией районы Прикамья и Урала население покидало массово, уезжая обычно целыми семьями⁴³⁵.

Как и во время отступления из Поволжья осенью 1918 г., военные часто скрывали истинное положение на фронте, опасаясь паники, подчас вводили в заблуждение обывателей, уверяя, что уральским городам ничего не угрожает⁴³⁶. Поэтому ни эвакуационные службы, ни само гражданское население не смогли тщательно подготовиться к эвакуации. Так, в спешке были покинуты Пермь, Екатеринбург. Огромные поезда из телег и повозок заполнили дороги в восточном направлении⁴³⁷. Стремительно отступавшие из Прикамья и с Урала войска осложняли продвижение гражданского населения. Лишь в некоторых городах местные власти путем введения экстренных мер смогли подготовить эвакуацию. В Челябинске распродали запасы продовольствия городской управы, что позволило выдать служащим жалованье и трехмесячное пособие. Часть продуктов выдали авансом в счет зарплаты. Эвакуацию проводили таким образом, чтобы важнейшие коммунальные городские службы продолжали функционировать независимо от смены властей⁴³⁸. Но подготовленные к организованному вывозу материальные ценности (около 3 тыс. вагонов) в связи со стремительным наступлением «красных» пришлось оставить в Челябинске⁴³⁹. В Екатеринбурге, по данным контрразведки, эвакуация была сорвана, с одной стороны, сочувствовавшими советской власти железнодорожниками, чинившими препятствия вывозу правительственных и воинских учреждений порчей путей и подвижного состава, а с другой стороны, заведующими эвакуацией офицерами и чиновниками, открыто торговавшими местами в вагонах, что позволило покинуть город зажиточным жителям ценой срыва графика эвакуации правительственных учреждений⁴⁴⁰.

Основной поток беженцев двигался по Транссибирской магистрали. Вновь острой проблемой стало оседание беженцев в городах и на станциях. Главным сборным пунктом стало предместье Омска – станция Куломзино, где к началу осени скопилось до 100 тыс. беженцев.

⁴³⁴ ГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 321. Л. 52–52 об., 62–69.

⁴³⁵ *Посадский А.В.* Уральское и Прикамское беженство в 1919 году // *Гражданская война на востоке России.* Пермь, 2008. С. 225–228; *Грондейс Л.* Война в России и Сибири. М., 2018. С. 254–255, 278–279; *Фронт и тыл колчаковской армии ...* С. 228.

⁴³⁶ См., например: *Уфимская жизнь.* 1919. 22 (9) мая.

⁴³⁷ *Народный вестник (Томск).* 1919. 21 июля.

⁴³⁸ ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 131. Л. 32–36.

⁴³⁹ См.: *Плотников И.Ф.* Большевики во главе антиколчаковских выступлений рабочих Урала летом 1919 г. // *Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.).* Свердловск, 1980. С. 101; *Плотников И.Ф.* В белогвардейском тылу: большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Свердловск, 1978.

⁴⁴⁰ *Фронт и тыл колчаковской армии ...* С. 172–173, 175–176.

Железная дорога не справлялась с наплывом спасавшихся от большевиков людей. Другим важным каналом перемещения беженцев стали реки. В июле–августе с Северного фронта по Тавде, Тоболу и Иртышу с Урала прибыло около 30 тыс. чел. Генерал В.А. Кислицин, проплывавший в это время из Ляпина в Тобольск, свидетельствовал, что многие уральские крестьяне бежали от «красных», вывозя на лодках все свое домашнее имущество и скот. Все думали, что отступление очень быстро сменится победоносным наступлением и в ближайшее время уральцы смогут вернуться домой⁴⁴¹. Но и по грунтовым дорогам двигались большие массы людей. Через Тюменский уезд прошло пешком и на подводах 20–30 тыс. крестьян, 12 тыс. рабочих – ижевцев и воткинцев, не считая убежавших городских жителей недавно оставленных городов. В свою очередь, из самой Тюмени в августе 1919 г. эвакуировалось около 28 тыс. чел. (среди них почти 10 тыс. арестантов)⁴⁴². Газеты писали, что перед отступающей армией с утра до вечера через западносибирские города тянулись вереницы беженских возов на восток⁴⁴³. Множество пеших беженцев шли с Южного Урала через Кустанай⁴⁴⁴. Делопроизводитель осведомительной канцелярии штаба 3-й армии В.А. Рябков сообщал, что за 25 дней движения в беженском потоке он ни разу не видел проверки документов. Приказы о закрытии городов и местностей для движения беженцев никто не выполнял. По дорогам в общем потоке бесконтрольно перемещались «десятки тысяч в офицерской и солдатской формах, полусолдатских костюмах, призывного возраста и т.д.»⁴⁴⁵.

Наводнившие Западную Сибирь беженцы жили под открытым небом, не могли обеспечить свое существование. 21 июля прошло специальное междуведомственное совещания об использовании труда беженцев, на котором говорили о необходимости наладить наконец централизованное распределение прибывающих по профессиям, особенно акцентируя внимание на необходимость максимально полного трудоустройства около 100 тыс. прибывших с Урала рабочих⁴⁴⁶. Но и спустя месяц беженцы нанимались в основном случайно в сельском хозяйстве и лишь благодаря тому, что начавшаяся мобилизация сибирских казаков совпала с началом страды⁴⁴⁷. И только 11 августа 1919 г. организовали централизованный наем беженцев на сельскохозяйственные работы к сибирским казакам с бесплатной доставкой волонтеров по станциям⁴⁴⁸.

⁴⁴¹ За Родину (Семипалатинск). 1919. 14 сент.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26, 27 июля, 21 авг.; Русская армия (Омск). 1919. 26 сент.; *Кислицин В.А.* В огне гражданской войны: мемуары. Харбин, 1936. С. 45–47.

⁴⁴² Борьба за власть советов в Тобольской (Тюменской) губернии ... С. 291–292.

⁴⁴³ Вестник Тобольской губернии. 1919. 26 июля.

⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-4669. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

⁴⁴⁵ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 232.

⁴⁴⁶ Русская армия (Омск). 1919. 26 июля. Это составляло примерно половину численности уральского промышленного пролетариата. Реконструкция по советским источникам количества эвакуированного с уральских заводов персонала (включая служащих) свидетельствовала о принципиально иной цифре – 9 тыс. чел. (См.: *Голубцов В.С.* Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и иностранной интервенции // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. С. 98).

⁴⁴⁷ Русская армия. 1919. 8 авг.

⁴⁴⁸ Там же. 18 авг.

12 августа 1919 г. собралось Совецание представителей ведомств по эвакуации и устройству служащих правительственных учреждений, обозначившее массу проблем, связанных с поспешным оставлением Урала. Необходимость учесть ошибки и заблаговременно подготовить эвакуацию столицы становилась почти очевидной. Впервые об этом заговорил сам Верховный правитель еще 14 июля 1919 г.⁴⁴⁹ Но осуществить эвакуацию заблаговременно не хватило политической воли. А.В. Колчак и его ближайшее окружение испугались негативных морально-психологических последствий заблаговременного и организованного оставления столицы. Лишь 22 августа Совет министров принял постановление о вывозе из Омска ряда государственных учреждений, носившее половинчатый характер и вскоре отложенное в связи с началом контрнаступления⁴⁵⁰.

Дефицит средств подталкивал Российское правительство к дополнительной поддержке конкретных категорий беженцев. Так, в начале сентября 1919 г. Совет министров выделил 24 млн руб. для помощи беженцам из области Оренбургского казачьего войска. Примерно в это же время Министерство внутренних дел перевело управляющему Кокчетавским уездом 100 тыс. руб. на оказание помощи башкирским беженцам. Как свидетельствуют в свой записке на имя Верховного правителя лидеры проколчаковского крыла башкирского национального движения, это составляло всего 1,5 руб. в сутки на каждого башкира-беженца, да и те давали только при наличии эвакуационных карточек, которых у башкир, спешно оставлявших свои селения, обычно не было⁴⁵¹.

Башкирские беженцы действительно находились в ужасном положении. Когда «белые» оставили башкирские территории весной 1919 г. в казахские степи бежало около 2,5 тыс. башкирских семей, или около 10 тыс. чел. Перед бегством они претерпели сильное разорение от Красной армии⁴⁵². Первую волну беженцев формировали те, кто бежал вместе с армией, вторая волна – это сельское население башкирских селений, подвергшихся террору и разграблению красноармейцами. Даже когда «белые» отступили к Омску в сентябре 1919 г., сохранялась связь с Малой Башкирией, откуда по-прежнему просачивались отдельные семьи, спасавшихся из советского тыла. В Сибирь и потом в Забайкалье последовало несколько тысяч семей. В силу этнической обособленности они встретили враждебное отношение местного населения и имели

⁴⁴⁹ Будберг А. Дневник белогвардейца. М., 2001. С. 173–174; Зырянов П.Н. Омская эвакуация и конец белой власти в Сибири // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 121; Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 511.

⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 146.

⁴⁵¹ Докладная записка башкирских политических деятелей верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку. Октябрь 1919 г. / публ. и предисл. С.С. Балмасова // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 224.

⁴⁵² Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): документы и материалы: в 4 т. / авт.-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Уфа, 2003. Т. 2. Ч. 2. С. 108. См. также: Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 117; Багаутдинов Р.О. Мусульмане-беженцы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 262–263.

сложности с адаптацией на новых местах, поэтому нуждались в специальной адресной поддержке. Именно по этой причине один из известных башкирских религиозных деятелей М.Г. Курбангалиев в конце октября 1919 г. обратился к Верховному правителю с просьбой учредить Башкирское казачье войско. Как считали башкирские лидеры, это позволило бы получать более масштабную государственную социальную поддержку⁴⁵³.

Примечательно, что по другую сторону фронта в пропагандистских целях разыграли карту социальной помощи башкирам. 6 октября 1919 г. СНК отпустил 150 млн руб. на помощь башкирскому населению трех районов Башкирской Советской республики, «пострадавшему от белогвардейских насилий и погромов»⁴⁵⁴. Директива ВЦИК от 21 сентября 1921 г. предписала оказать помощь башкирскому населению, пострадавшему от «белых». Это был великолепно продуманный ход, учитывая, что пострадали они главным образом от действий красноармейцев. При этом советское правительство отпустило средства на социальную помощь через специальный орган «Башкирпомощь», но главный метод заключался в поддержке строительства национальной автономии и изыскании внутренних средств за счет экспроприаций⁴⁵⁵. Разница подходов налицо.

28 октября 1919 г. Совет министров выделил 1 млн руб. Главному управлению вероисповеданий для оказания помощи беженцам духовного звания всех конфессий⁴⁵⁶. Много позже, в 1920 г., в Восточном Забайкалье появится тоже опекаемая этническая группа. Это буряты, бежавшие от большевиков из Западного Забайкалья в Восточное под защиту атамана Г.М. Семенова. И тоже помощь им в условиях острейшего бюджетного дефицита окажется больше политико-символической, нежели практической. 7 марта 1920 г. помощник главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины по гражданской части выделил им 200 тыс. руб. с правом распределения через доверенных лиц⁴⁵⁷.

Беспорядочное бегство осенью 1919 г. соседствовало с централизованной эвакуацией. Многие учреждения и даже предприятия успевали собрать и подготовить к транспортировке казенное имущество и личные вещи работников. Последние имели право брать с собой семьи. Специфика эвакуационных мероприятий Гражданской войны резко отличалась от опыта эвакуаций Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. степень организованности была максимальной в начале эвакуации. Чем дальше в тыл продвигались люди и материальные ценности, тем менее управляемым становился этот процесс. Порой вывозимые в тыл государственные служащие и рабочие казенных предприятий, призреваемые и материально опекаемые со стороны государства на подготовительной стадии, по мере своего продвижения на восток превращались в обыкновенных

⁴⁵³ Багаутдинов Р.О. Участие башкир в белом движении. 1917–1920 гг. Уфа, 2009. С. 155.

⁴⁵⁴ Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 152.

⁴⁵⁵ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 224–226.

⁴⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 216 об.

⁴⁵⁷ Вестник Забайкалья (Чита). 1920. 17 марта; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 90.

беженцев, которым местные власти готовы были помочь не больше, чем остальному мигрирующему населению. Но все же летом–осенью 1919 г. в общем потоке мигрантов количество лиц, получивших статус эвакуированных, было заметно больше, чем год назад.

Спрогнозировать динамику и масштабы беженства и эвакуации руководство не сумело. Тем важнее обратить внимание на самооценку чиновников, ответственных за помощь гражданам, прибывающим из прифронтовых местностей. В Министерстве внутренних дел, судя по отчетам, состояние дел представляли в радужном свете. 24 июля 1919 г. управляющий министерством В.Н. Пепеляев выступил на заседании Государственного экономического совещания с докладом о помощи беженцам. Заседание было закрытым, содержание доклада и его обсуждение не подлежало публикации в прессе. Несмотря на это, В.Н. Пепеляев явно приукрашал информацию, сглаживал существующие проблемы, преувеличивал степень контроля государства над миграционными процессами. По его информации, все мигранты, независимо от того, двигались ли они по железным дорогам, водным путем или гужом, имели возможность получать пособия от казны. Вся помощь осуществлялась через департамент государственного призрения Министерства внутренних дел, а на местах – через уполномоченных министерства по делам беженцев. В.Н. Пепеляев определил количество беженцев, нуждающихся в материальной поддержке, в 50 тыс. чел. Именно на такое количество людей рассчитало свои мероприятия Министерство внутренних дел⁴⁵⁸. Докладчик оговорился, что общее количество приближалось к 90 тыс., но, по его оценкам, лишь 50% из них нуждались в социальной помощи⁴⁵⁹. По линии железных дорог отделом призрения Министерства внутренних дел были созданы 14 питательных пунктов, на водных путях – 3. В.Н. Пепеляев уверил присутствующих, что средств и организационных ресурсов для обеспечения беженцев вполне хватает.

Доклад вызвал критику со стороны членов совещания, сразу отметивших, что количество беженцев сильно занижено. В.Н. Пепеляев парировал тем, что это сведения регистрационного бюро без прибывших из Поволжского района. Даже если беженцев в действительности больше, раз они не обратились в бюро за помощью, следовательно, не нуждаются в ней, – полагал управляющий. Он продолжал настаивать, что и в жилищном вопросе не предвидится больших проблем, так как большинство спасавшихся от «красных» – люди интеллигентных профессий и предпочитают снимать частное жилье, нежели ютиться в казенных квартирах⁴⁶⁰.

В действительности большинство предсказаний В.Н. Пепеляева оказалось несбыточным. Стремительное отступление армии привело к многократному увеличению масштабов вынужденной миграции. В связи с эвакуацией и прибытием беженцев в городах по Транссибирской

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 77 об.

⁴⁵⁹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 330.

⁴⁶⁰ Там же. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79.

магистралаи серьезно обострился жилищный вопрос. Специальные бараки для беженцев начали строить еще до революции. Но зимой 1918–1919 гг. скученность в них была невероятная. Американская медсестра Ф. Хоффман сообщала родным, что в бараках 300 футов длиной и 80 шириной скапливалось около 300 человек. Семьи жили в отсеках за занавесками, располагаясь в 2 яруса. В каждом отсеке была маленькая печь для готовки пищи, а для обогрева всего пространства использовали огромные печи. Помещения не проветривались, был затхлый воздух⁴⁶¹.

Министерство внутренних дел еще 20 июля 1919 г. телеграфировало управляющим губерниями и областями о необходимости подготовиться к приему и расселению беженцев. Министерство просило избегать заселения городов и стараться распределять прибывающие контингенты в сельской местности. Но для этого следовало организовать питание и расселение на транзитных пунктах (станциях и пристанях), доставку до мест планового проживания⁴⁶². Основные усилия по плановому приему беженцев следовало предпринимать органам местного самоуправления.

По информации Министерства путей сообщения, до эвакуации Урала по линии железных дорог планировали построить бараки на 13 тыс. чел. После того, как Урал оказался в руках «красных», решили строить бараки на 20 тыс. чел. Но средства, запрашиваемые для этого в размере 18 млн руб., своевременно не выделили. Однако, по данным министра путей сообщения Л.А. Устругова, на строительство жилья для беженцев и санитарное обустройство линии железных дорог требовалось не менее 50 млн руб.⁴⁶³ После выступления Л.А. Устругова на Государственном экономическом совещании по его представлению Совет министров выделил Министерству внутренних дел из военного фонда кредит в 15 млн руб. «на улучшение санитарной части и связанные с этим строительные работы... с предоставлением права расходовать указанные средства через посредство других учреждений, ведомств и общественных организаций»⁴⁶⁴. Очевидно, местные отделы призрения обеспечивали только небольшую часть беженцев. В Алтайской губернии, переполненной беженцами, к 1 июля 1919 г. губернский отдел призрения зарегистрировал только 13 555 чел., причем произвел обследование материального положения на предмет выделения пособия только в отношении 2251 чел.⁴⁶⁵ Несмотря на то, что планировали принять в губернии несколько десятков тысяч беженцев (только Бийский уезд – до 20 тыс. чел.), в действительности прибыла лишь треть ожидавшихся по причине беспорядочного отступления на фронте и развертывания партизанского движения, делавшего невозможным плановое размещение беженцев в сельской местности⁴⁶⁶.

⁴⁶¹ Хилл Л.Т. (мл.) Американка в Сибири ... С. 268.

⁴⁶² ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 179. Л. 46.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79 об.

⁴⁶⁴ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 295 об.

⁴⁶⁵ Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 369.

⁴⁶⁶ ГААК. Ф. 225. Оп. 2. Д. 16. Л. 68.

Истинное количество пребывавших с запада людей определить оказалось практически невозможно. Прифронтовые дороги были заполнены обозами с беженцами, в большинстве своем крестьянами, идущими на восток через всю Сибирь иногда с самого Урала⁴⁶⁷. Местные власти, прежде всего городские, уже в августе 1919 г. забили настоящую тревогу по поводу перегрузки коммунального хозяйства и жилищного фонда, требуя государственной помощи и компенсации расходов, возложенных на их и без того пустые бюджеты. В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизировать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан. Тесня городских обывателей, уплотняя многих из них в два–три раза, городские и военные власти расселяли беженцев, эвакуированных и солдат⁴⁶⁸. Особенно помогли здесь городские управы и общественные благотворительные организации. Только Американский Красный Крест построил на востоке России, по его собственным данным, 250 барачков, а также селил беженцев в своих госпиталях⁴⁶⁹. По сообщению американских источников, общие затраты Американского Красного Креста в России в годы Гражданской войны составили \$23 млн⁴⁷⁰. Затраты американской стороны Российское правительство частично возместило в российской валюте. 5 и 16 декабря 1919 г. Совет министров передал 10 млн и 5 млн руб. на счет Американского Красного Креста⁴⁷¹. 22 декабря на тех же основаниях было принято решение о выделении еще 60 млн руб. Деньги должны были предоставляться постепенно, по мере надобности⁴⁷². Какова доля реально возмещенных российскими органами власти расходов Американского Красного Креста, еще предстоит выяснить.

Но основные расходы несла российская сторона – государственные, местные городские и земские бюджеты. В Семипалатинске в конце августа – начале сентября 1919 г. проведен осмотр всех жилых, торговых и общественных помещений с целью выявления возможности поселения беженцев, всех владельцев заставили отчитаться о реально проживающих и степени загруженности имуществом и товарами⁴⁷³. После поступления управляющему Семипалатинской областью в сентябре 1919 г. аванса в 300 тыс. руб. начали строить в Семипалатинске 20 барачков для беженцев, дезинфекционные камеры, прачечные, а также несколько помещений такого же профиля в Змеиногорске и Сергиополе. Но в ноябре строительство было еще в разгаре,

⁴⁶⁷ Всеволод Иванов. У черты. Очерки фронта / подг. текста, коммент. Е.А. Попковой // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы. М., 2017. С. 451.

⁴⁶⁸ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8; Д. 119. Л. 231–232 об., 419, 421; Свободный край (Иркутск). 1919. 10 авг.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 21 авг., 4 сент.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска ... С. 366.

⁴⁶⁹ Правительственный вестник. 1919. 22 авг.

⁴⁷⁰ Fike C.E. The Influence of Cree I Committee ... P. 107.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 8, 26; Д. 245. Л. 275.

⁴⁷² Там же. Д. 46. Л. 402; Д. 245. Л. 295. См. об этом также: Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: сб. документов. М., 2003. С. 230–231, 588–589.

⁴⁷³ ЦХДНИ ВКО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 167. Л. 3.

однако без перспектив застеклить помещения ввиду острого дефицита оконного стекла⁴⁷⁴. Важно также, что кроме аванса, составлявшего меньшую часть стоимости строительства, больше средств не поступило⁴⁷⁵.

С американской благотворительностью связана и другая история, начинавшаяся как часть сугубо внутренней общероссийской трагедии. В 1917 г. на Урал и в Сибирь были эвакуированы из Петрограда и Москвы несколько детских колоний, приютов. В основном это были дети беженцев, разлученные с родителями. Кроме того, летом 1918 г. группы детей выехали из столиц в детские лагеря на Урале. В связи с началом вооруженной борьбы детские колонии и лагеря остались без средств, потеряли возможность вернуться домой. Точное количество детских учреждений из европейской части России и детей в них неизвестно⁴⁷⁶, но только под Уфой находилось в нескольких колониях 2,7 тыс. детей, оказавшихся в крайне тяжелом положении⁴⁷⁷. Выделенные им материалы для постройки, теплой одежды и обуви, продовольствия⁴⁷⁸ были реквизированы чехословаками. Колонии владели жалкое существование⁴⁷⁹. Летописец Американского Красного Креста Ч.П. Дависон утверждал, что из Тюмени и Ишима этой организацией было вывезено и «возвращено к нормальной жизни» после голода и лишений 1200 детей («Lost children of Ural» / «Потерянные дети Урала»)⁴⁸⁰. Но данная версия, описанная им «крупными мазками», без деталей, не находит подтверждения в источниках, свидетельствующих о вовлеченности прежде всего отечественных учреждений и организаций в заботу об этих детях. Временное областное правительство Урала выделило 12 сентября 1918 г. на содержание приютов 100 тыс. руб. и поставило вопрос о переводе их на баланс Временного Сибирского правительства и, возможно, переезде их в Сибирь⁴⁸¹. Были даже установлены контакты с родительскими комитетами Советской России и обсуждался вариант получения средств на содержание приютов от больничной кассы Петрограда. Но проект оказался нереализуемым. Пока правительства между собой решали вопрос о централизованном финансировании детских колоний, Уфимское губернское земство активно разрабатывало проект временного распределения детей среди крестьян губернии с сохранением их централизованного обучения⁴⁸². Осенью 1918 г. началась эвакуация детей с Урала на восток.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 4, 28–28 об.; Д. 1169, Л. 1.

⁴⁷⁵ Там же. Д. 169. Л. 19.

⁴⁷⁶ Известно специальное постановление СНК РСФСР от 25 сентября 1918 г. о желательности переговоров с чехословаками о возвращении 6 тыс. детей петроградских и московских пролетариев (см: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 586).

⁴⁷⁷ Уфимский вестник. 1918. 5 (18) июля.

⁴⁷⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-343. Оп. 2. Д. 356. Л. 4–5, 8–11, 14–15.

⁴⁷⁹ Уфимская жизнь. 1918. 8 авг.

⁴⁸⁰ *Davison H.P.* The American Red Cross in the Great war, 1917–1919. N-Y, 1919. P. 27.

⁴⁸¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. 1918. № 4. Ст. 19; ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 15. Л. 21 об.; Д. 21. Л. 39–39 об.

⁴⁸² *Габитова Л.Р.* Дети на дорогах Гражданской войны (газетная хроника и архивные материалы) // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект: материалы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 132–134.

Директория изыскала 10 тыс. руб. на содержание приютов Союза городов, эвакуированных в Петропавловск и оставшихся без средств⁴⁸³. Большое количество учреждений для детей-сирот располагалось в Омске. Е.В. Луков несправедливо упрекает Российское правительство в том, что оно пожалело деньги на содержание детских приютов, но быстро изыскало средства на их эвакуацию из столицы⁴⁸⁴. На самом деле вывоз приютов из Омска был оправдан и с экономической, и с санитарной точек зрения. В конце 1918 г. из перегруженного и зараженного тифом Омска пришлось эвакуировать приюты в Томск и Енисейскую губернию. 290 тыс. руб. было выделено на их вывоз и содержание на ближайшие три месяца, 300 тыс. – на приобретение одежды и обуви. Но уже существовавшие приюты были переполнены, так как Гражданская война привела к обострению проблемы сиротства и детского бродяжничества. Министерство внутренних дел стремилось создавать детские учреждения такого рода не в крупных городах, а в сельской местности, превращая их в детские трудовые колонии⁴⁸⁵. Кроме того, детям довольно активно помогали местные благотворительные организации⁴⁸⁶.

История детей, вывезенных летом 1918 г. из европейских губерний России на Урал и далее перемещенных в Сибирь, получила неожиданное продолжение. Американский Красный Крест взял под свой патронаж сначала несколько приютов, не добравшихся до Омска. Они летом 1918 г. располагались двумя группами: одна – в Тюмени, Ирбите, Шадринске, а другая – в Петропавловске, Кургане, Троицке. Эти колонии стали снабжаться преимущественно американской миссией Красного Креста⁴⁸⁷. Часть детей из разных колоний американцы собрали в большом детском лагере у озера Тургояк на Урале, летом 1919 г. их пришлось спешно эвакуировать под угрозой захвата территории войсками Красной армии⁴⁸⁸. Далеко не всех детей, добравшихся до столицы, успели вывезти из Омска летом 1919 г. Когда у Министерства внутренних дел не оказалось средств для их сносного содержания, Американский Красный Крест взял на свое попечение часть детей, эвакуированных из Петрограда из-за угрозы немецкого наступления. Они находились в палаточном лагере Американского Красного Креста перед зданием госпиталя в Омске⁴⁸⁹. В конце концов большую часть детей американцы вывезли на о. Русский, где они прожили до 1920 г. По утверждениям американской стороны, условия содержания были несравнимо лучше, чем в приютах под российской опекой. Находившийся на острове с конца 1918 г. российский приют для сирот погибших военнопленных имел куда худшие условия содержания⁴⁹⁰. Вопрос об

⁴⁸³ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

⁴⁸⁴ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств ... С. 187–188.

⁴⁸⁵ Правительственный вестник. 1919. 19, 26 янв., 15 апр.; Законодательная деятельность Российского правительства. Вып. 2. С. 9–10; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 64–65.

⁴⁸⁶ Курганская свободная мысль. 1919. 23 марта.

⁴⁸⁷ Там же. 22 марта.

⁴⁸⁸ Polk J.A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA ... P. 346–349, 356.

⁴⁸⁹ Русская армия. 1919. 6 авг.

⁴⁹⁰ Голос Приморья (Владивосток). 1919. 9 февр.

образовании и частично – о содержании детей взяло на себя Владивостокское городское управление, выделившее 200 тыс. руб. на организацию 17 классов. Известно, что в 1920 г. численность детей в приютах Владивостока увеличилась. К 780 беженцам из Петрограда сначала присоединились 120 кадетов 1-го Сибирского кадетского корпуса (по другим данным – 200), а потом 367 кадетов Хабаровского из Муравьева-Амурского кадетского корпуса и воспитанники иркутского Николаевского института⁴⁹¹.

Американские мемуаристы и исследователи всегда подчеркивали исключительную роль именно американской благотворительной помощи в деле спасения российских детей – обитателей приютов. Следует отметить, что более половины средств (63,5% в 1920 г.) на содержание и обучение детей, эвакуированных из Петрограда, выделили приморские органы государственного и муниципального управления – Комитет беженцев и отдел народного образования Владивостокской городской управы, что никак не умаляет огромной помощи, оказанной российским детям американскими благотворительными организациями⁴⁹². В апреле 1920 г. американская сторона обращалась к представителю советской власти во Владивостоке В.Д. Виленскому с предложением о возвращении детей в европейскую часть России по бесплатному тарифу. Но вопрос так и не удалось разрешить⁴⁹³. Эвакуируясь, американцы забрали петроградских детей в Америку. А ведь это были не сироты. У большинства из них в европейской части страны остались родители. Лишь несколько лет спустя дети вернулись на родину⁴⁹⁴. История получила огласку в советской и западной прессе, стала предметом научного изучения, художественного творчества и документальной кинематографии⁴⁹⁵. Правда, о других, более прозаических, но не менее трагичных историях детских колоний, приютов и инвалидных домов на востоке России в годы Гражданской войны почти ничего не написано. Например, Оренбургский женский институт был эвакуирован из Оренбурга 6 января 1919 г. вместе со всем имуществом и девочками-воспитанницами. Только в Омск он прибыл в начале сентября, все это время находясь на станциях в вагонах и беженских бараках. Около 300 детей восемь месяцев страдали от холода, голода и болезней. Все имущество было утрачено в пути, и выживание зависело от помощи благотворительных

⁴⁹¹ *Пай С.С.* Социально-воспитательные учреждения Приморской области в 1918–1922 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. СПб., 2008. № 33 (73). С. 346–347; *Пай С.С.* Реформирование системы народного просвещения ... С. 58–62; *Пай С.С.* Решение проблемы беженства ... С. 149–150.

⁴⁹² *Пай С.С.* Реформирование системы народного просвещения ... С. 58.

⁴⁹³ Красное знамя (Владивосток). 1920. 22 апр.

⁴⁹⁴ Совершенно мифологическую историю этих детей сообщает В.Д. Вегман в своих комментариях к воспоминаниям генерала В.Г. Болдырева. По его версии, многократные обращения советского правительства к Колчаковскому о возвращении этих детей были цинично отвергнуты, и только Американский Красный Крест заставил Колчака вернуть детей домой кружным путем через Америку, Англию, Францию и Финляндию (см. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервью ... С. 521).

⁴⁹⁵ *Хилл Л.Т. (мл.)* Американка в Сибири ... С. 311–313; *Липовецкий В.* Ковчег детей, или невероятная одиссея. СПб., 2005; *Молкина О.И.* Над нами Красный Крест. М., 2006; *Ляшенко М.* Из Питера в Питер. М., 1981; *Miller F.* The wild children of the Urals. N-Y., 1965; *Swan J.* The lost children: Russian odyssey. Carlisle, Pennsylvania, 1989. Библиографию, статьи, документы, фотоархив об истории путешествия российской детской колонии в США и обратно см. на сайте: <http://home.colonia.spb.ru>.

организаций. Но в конце концов и их эвакуацию на Дальний Восток взял на себя Американский Красный Крест⁴⁹⁶. В Приморье в 1921–1922 гг. помимо детей из Петрограда, оказавшихся под опекой американцев, в трех детских приютах на нищенском содержании Владивостокской городской думы находились еще 1065 детей, как местных, так и потерявших родителей или связь с ними в ходе беженской эпопеи⁴⁹⁷.

Несмотря на такие болезненные ситуации, в целом работа правительства и общественных организаций по обеспечению беженцев в 1919 г. была более слаженной, чем в предыдущем году. Не обошлось без противостояния различных муниципальных и правительственных организаций, конкурировавших за кредиты и подозревавших друг друга в недобросовестном расходовании денег⁴⁹⁸. Правительственные кредиты распределялись через главноуполномоченного по делам оказания помощи беженцам при Министерстве внутренних дел. Кредитовались структуры самого министерства, Переселенческого управления и Российского общества Красного Креста⁴⁹⁹. Эти три крупные организации благодаря государственным кредитам развернули масштабную деятельность по адаптации беженцев к сибирским условиям. 1 августа 1919 г. Совет министров Российского правительства принял временное положение о мерах помощи беженцам, выделил им 11 млн руб. на пособия, 5 млн руб. на эвакуацию и 3 млн руб. на медицинскую помощь. В августе 1919 г. Российский Красный Крест, финансируемый напрямую из военного фонда, организовал питание беженцев в столовых за половинную стоимость, а детям и неимущим – бесплатно. Еще раньше то же делали уполномоченные Министерства внутренних дел по делам призрения беженцев⁵⁰⁰. 21 августа 1919 г. Совет министров отпустил министерству из военного фонда кредит в 15 млн руб. на оказание помощи беженцам в пути следования⁵⁰¹. Между губернскими и областными органами упомянутые средства в конце августа – начале сентября 1919 г. были уже распределены, но сразу выявился их острый дефицит для обеспечения уже намеченных и срочных мер⁵⁰². Продовольственная помощь была рассчитана на 100 тыс. беженцев⁵⁰³. К работе с беженцами были привлечены муниципальные, земские и общественные организации. Например, действовавшие при уполномоченных Министерства внутренних дел бюро труда в Куломзино, Новониколаевске, Томске, Красноярске, Иркутске, Сретенске и Чите состояли из представителей земств, городов, кооперативов⁵⁰⁴. Во многих городах к работе с беженцами подключились

⁴⁹⁶ Русская армия. 1919. 19 сент.

⁴⁹⁷ *Пай С.С.* Реформирование народного просвещения ... С. 64.

⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 120. Л. 25–28, 37–38, 48–49.

⁴⁹⁹ Утверждение С.С. Ипполитова и В.В. Минаева, что вся работа по призрению беженцев была передана Российскому обществу Красного Креста и его местным представительством, не соответствует действительности (см.: *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России» ... С. 145–146).

⁵⁰⁰ Русская речь (Новониколаевск). 1919. 29 июля; Русская армия. 1919. 26 июля.

⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 49 об.

⁵⁰² Там же. Оп. 1. Д. 120. Л. 25–27.

⁵⁰³ Правительственный вестник. 1919. 14 авг.

⁵⁰⁴ *Минаев В.В.* Демографические факторы обострения ... С. 218.

комитеты помощи армии. Все они обращались к центральным органам власти за дополнительными кредитами. МВД настаивало на централизованном распределении на местах выделенных средств через управляющих губерниями и областями.

Железнодорожная администрация и беженские организации направляли мигрантов в наиболее обеспеченные продовольствием и жильем районы, не учитывая наличие свободных рабочих мест. Поэтому мало кто из беженцев смог найти работу, и содержание их легло на плечи государства. 27 августа 1919 г. правительственное совещание по вопросу о расселении беженцев признало возможным оставлять в городах только беженцев – рабочих и служащих городских предприятий и учреждений или тех, чья профессия требует пребывания в городе. Остальных – регистрировать и селить в местностях, предписанных планом расселения. Немного выручало привлечение беженцев к уборке урожая в хозяйствах казаков, призванных на военную службу⁵⁰⁵.

Наряду с Красным Крестом беженским делом занимались многие другие благотворительные организации и муниципальные органы. Деятельность большинства из них координировалась Российским Красным Крестом. Он аккумулировал серьезные средства, полученные в виде пожертвований от общественности. 15 октября 1919 г. Совет министров отпустил Министерству внутренних дел на приобретение теплой одежды для беженцев 10 млн руб. (вместо запрашиваемых 15 млн руб.)⁵⁰⁶. Но органы самоуправления крупных городов самостоятельно содержали, как правило, несколько учреждений общественного призрения. Например, во Владивостоке в конце 1918 – начале 1919 г. насчитывалось пять таких учреждений, в 1919 г. – шесть, в 1920 г. – семь (детские приюты, ночлежки, рабочий и инвалидный дома)⁵⁰⁷.

Очевидно, что государственные расходы на помощь беженцам в августе–октябре 1919 г. увеличились на порядок. Но и этого было недостаточно, особенно если учесть примерно десятикратную инфляцию за истекший год. Тогда станет понятно, что подобное увеличение в лучшем случае незначительно перекрывало прошлогодние расходы в их реальном стоимостном выражении. Дефицит средств по-прежнему не позволял развернуть полноценную работу по реабилитации и адаптации основной массы беженского населения. Жители созданных за казенный счет беженских барачков, как показало обследование положения беженцев в Томске, жили в абсолютно пустых помещениях и спали вповалку на грязном полу⁵⁰⁸. Во Владивостоке отведенные беженцам военные казармы оказались в таком ужасном состоянии, что насильно заселяемые туда беженцы разбежались по городу. Они прятались от санитарных служб, предоставлявших бесплатную баню, опасаясь, что после помывки их снова принудительно заселят в эти казармы⁵⁰⁹.

⁵⁰⁵ Белое движение: каталог коллекции листовок ... С. 345.

⁵⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 208 об.

⁵⁰⁷ Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока ... С. 276.

⁵⁰⁸ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века. Томск, 2000. С. 255.

⁵⁰⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 889. Л. 10–11.

Но кардинально повлиять на работу государственных и муниципальных служб общественность не могла. Необходимо было дальнейшее расширение масштабов государственного вмешательства. Осенью 1919 г. железная дорога оказалась заблокирована сотнями поездов, использовавшихся как жилье для беженцев и отступавших солдат⁵¹⁰. Дальнейшая эвакуация затруднялась скоплением людей, уже прибывших в Сибирь ранее. Омск в сентябре–октябре 1919 г. – это вереница подвод, тянувшихся через город и внутри города к вокзалу⁵¹¹. Перенаселенные беженцами окраины сибирских городов стали очагами распространения эпидемии тифа и других инфекционных болезней. В условиях ужасающей скученности бороться с эпидемиями было невозможно. Главные очаги – госпитали, приюты, беженские бараки – необходимо было полностью переселять для дезинфекции. Но переселять было некуда. В Новониколаевске пришлось заселить беженцами даже противочумную дезинфекционную камеру⁵¹². Усугубляли проблему союзники, которые в столь сложных условиях занимали всегда самые лучшие помещения в городе и располагались там весьма просторно. В Иркутске 6 тыс. чехов разместились в казармах, пригодных для 25 тыс. солдат⁵¹³. Правительство с запозданием, но осознало проблему. 23 июня 1919 г. Совет министров выделил 2,3 млн руб. на борьбу с тифом на водных путях сообщения. 11 августа 1919 г. Совет министров постановил выделить еще 85 млн руб. на дезинфекционные и санитарные работы, постройку жилых помещений для нужд армии и беженцев. Всего через несколько дней, 20 августа, последовало еще одно, более радикальное решение. В структуре Министерства внутренних дел создавался Высший строительно-распорядительный комитет, призванный объединить усилия всех ведомств и организаций, занятых возведением санитарных и жилых помещений для армии и беженцев. Уже отпущенный министерству на эти нужды кредит в 100 млн руб. расширялся до 400 млн руб.⁵¹⁴ Смету вновь созданного комитета утвердили на заседании только 6 сентября 1919 г. Представители разных ведомств, исходя из масштабов беженства и вызванного им ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, запрашивали увеличить смету до 600 млн руб. Просьба встретила резонное возражение – из-за отсутствия рабочей силы едва рассчитывали освоить уже выделенные ранее 400 млн руб.⁵¹⁵ Очевидно, правительство осознавало свою неспособность в полном объеме решать стоявшие перед ним задачи по созданию сносных условий для приема беженцев. Через месяц, 6 октября, Совет министров, пойдя по более легкому пути решения проблемы, представил Высшему строительно-распорядительному

⁵¹⁰ См., например: *Приданников А.О.* Вычеркнутые из истории: записки очевидца. Омск, 2002. С. 22.

⁵¹¹ *Воцакин А.М.* Эвакуация // *Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919 г.* Тобольск, 2016. С. 90.

⁵¹² ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7 об.–8.

⁵¹³ ГАРФ. Ф. Р-4669. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

⁵¹⁴ *Правительственный вестник.* 1919. 11 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 46.

⁵¹⁵ *Правительственный вестник.* 1919. 24 сент.

комитету право отчуждать необходимые помещения «для оборудования санитарных мест и размещения беженцев»⁵¹⁶.

Но проследить результативность выделенных ассигнований практически невозможно. Страшные картины забитой поездами с беженцами и больными Транссибирской магистрали и медленно двигавшихся вдоль нее верениц повозок плохо документированы, но нашли отражение в мемуарной и художественной литературе⁵¹⁷. На двух дорогах через Щегловскую тайгу к Красноярску тянулся сплошной поток людей и тяжело груженных саней, которые не могли тянуть выбившиеся из сил и некормленные лошади⁵¹⁸. Транспортные заторы и нежелание большинства беженцев продвигаться слишком далеко на восток привели к тому, что города прифронтной полосы и железные дороги оказались переполнены, а за Байкалом эвакуационные службы готовы были принять дополнительно значительное количество вынужденных мигрантов. Многие лишились своего имущества на этом отрезке пути. Никто не вел учет, сколько из пустившихся в бегство не выдержали тягот и вернулись домой.

Местная администрация принимала строжайшие меры для распределения беженцев по сельской местности и малым городам в строгом соответствии с заранее разработанным планом⁵¹⁹, но основная часть прибывающих неконтролируемо селилась в крупных центрах. Например, на 1 октября 1919 г. в Хабаровске числилось 169 беженцев, хотя места были подготовлены к принятию 1,5 тыс. чел.⁵²⁰ Зато на железнодорожных путях Забайкалья в это время скопилось 355 вагонов с беженцами, служащими эвакуированных учреждений и предприятий и их имуществом⁵²¹. К концу 1919 г. станции Забайкальской области оказались тоже до предела переполнены эвакуированным населением. Возникла острая необходимость «разгрузки» Читы, и управляющий Забайкальской областью ограничил въезд в город, допустив только тех служащих, эвакуированные учреждения которых развернули работу в Чите⁵²².

В ноябре–декабре 1919 г. ситуация изменилась. Армия отступала стремительно, и для желающих эвакуироваться железнодорожных служащих и рабочих не хватало мест в вагонах. Люди стремились как можно дальше продвинуться на восток, опасаясь попасть в руки «красных»⁵²³.

В Восточной Сибири беженство приобрело массовый масштаб в начале 1920 г., в период существования Политцентра. Газеты сообщали, что в январе по Байкалу непрерывной лентой тянулись повозки и толпы людей – «это Иркутск пустился в бега, предчувствуя захват власти

⁵¹⁶ Там же. 6 нояб.

⁵¹⁷ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: контексты эпохи. М., 2018. С. 295; *Витольдова-Лютык С.* На восток. Рига, [1928]. С. 13–51.

⁵¹⁸ *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920 гг. М., 2008. С. 231, 312.

⁵¹⁹ Вестник Забайкалья. 1919. 24 авг.

⁵²⁰ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 15. Л. 18–19.

⁵²¹ Там же. Д. 19. Л. 33.

⁵²² Там же. Л. 134–134 об.

⁵²³ Фронт и тыл колчаковской армии ... С. 146–147.

большевиками»⁵²⁴. В мемуаристике и художественной литературе трагедия сибирского «ледяного похода» и бегства гражданского населения по заснеженным сибирским лесам и бездорожью приобрела поистине эпические масштабы⁵²⁵.

После падения Российского правительства государственное финансирование беженцев продолжалось, но инфляция и острый бюджетный дефицит делали выделяемые суммы фактором, мало влиявшим на положение страдальцев Гражданской войны. В Восточном Забайкалье 3 апреля 1920 г. было выделено 2 млн руб. на призрение беженцев⁵²⁶. Более значимым оказалось решение помощника главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины от 21 апреля 1920 г. об изменении порядка выдачи продовольственного пособия беженцам с 1 апреля 1920 г. Его приравнивали к продовольственному пособию семьям призванных на военную службу, которое, кстати, с 26 мая 1920 г. стали выдавать не деньгами, а продуктами⁵²⁷.

Высшие органы власти Российской восточной окраины очень стремились поскорее освободить Забайкалье от массы людей и учреждений, находящихся уже полгода в состоянии эвакуации и крайне обременительных для региона с небольшим населением и слабой инфраструктурой. 27 февраля 1920 г. командующий войсками Российской восточной окраины приказал создать комиссию для проведения дальнейшей планомерной эвакуации под руководством генерал-майора В.В. Дашкевич-Горбатского⁵²⁸. Комиссия составляла план дальнейшего распределения эвакуируемых дальше на восток, график их убытия, утверждала лимиты привоза грузов и багажа. Приоритетным считали дальнейшую эвакуацию семей военнослужащих и правительственных чиновников, во вторую очередь стремились вывезти больных и раненых, в третью – военные учреждения и оставшиеся семьи и лишь после вывоза необходимого беженцам продовольствия предполагали отправить в Маньчжурию правительственные учреждения. Дело осложнялось загруженностью дороги и тем, что из-за взаимных долгов по подвижному составу Забайкальской железной дороги и КВЖД приходилось на ст. Маньчжурия производить перегрузку эвакуируемого имущества в другие вагоны⁵²⁹.

Внедрялись и варианты более дешевой помощи беженцам. Генерал С.Н. Розанов отдал приказ во всех городах Амурской, Приамурской и Сахалинской областей выделить на 1920 г. беженцам в свободное пользование без права аренды участки под огороды⁵³⁰.

К сожалению, источники не позволяют получить более-менее точные демографические показатели вынужденной миграции в восточных регионах России в годы Гражданской войны.

⁵²⁴ Забайкальская новь (Чита). 1920. 11 февр.

⁵²⁵ *Маслов Г.* Путь во мраке (дорога Омск–Красноярск. Январь–февраль 1920 г.) // *Маслов Г.* Стихотворения. Красноярск, 1998. С. 32–36; *Иванов Вс.* В гражданской войне. С. 49–133; и др.

⁵²⁶ Вестник Забайкалья. 1920. 23 апр.; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 143.

⁵²⁷ Вестник Забайкалья. 1920. 5 мая; ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 181.

⁵²⁸ ГАРФ. Ф. Р-8404. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁵²⁹ Там же. Л. 148–150 об.

⁵³⁰ Забайкальская новь. 1920. 24 янв.

Публиковавшиеся данные в одних случаях сильно занижены, так как многие беженцы не регистрировались, перемещались без билетов. В других, наоборот, статистические данные о количестве беженцев завышались. Происходило это потому, что правительственные и общественные организации, осуществлявшие помощь беженцам, старались таким образом добиться увеличения государственных субсидий. Нельзя исключать и банальное расхищение средств, как предполагает В.В. Минаев, в отношении питательных пунктов⁵³¹.

Осенью 1919 г. только на Транссибирской магистрали находилось по приблизительным оценкам около 800 тыс. беженцев⁵³². Хотя впервые газеты огласили эту цифру еще осенью 1918 г., ссылаясь на некие данные Временного Сибирского правительства⁵³³. Учесть точное количество двигавшихся на восток людей в конце 1919 г. просто невозможно. Железная дорога представляла собой сплошной затор.

Впрочем, корректных оценок масштабов этого явления не существует. Некоторую часть данных, фигурировавших в прессе и архивных документах, попытался собрать С.П. Звягин⁵³⁴. Но полученные результаты не могут не натолкнуть на мысль, что органы власти и общественность получали не просто разнородные, а даже разнопорядковые сведения.

Наращение социальных проблем в связи с беженством вполне оперативно отражала пресса. Многие из прибывших в Сибирь в 1919 г. за неимением жилья продолжали и осенью располагаться под открытым небом. Неудивительно, что временная стабилизация фронта в сентябре 1918 г. привела к скорейшей подготовке реэвакуации беженцев. Даже совещание по эвакуации переименовали в совещание по деэвакуации и устройству служащих и правительственных учреждений⁵³⁵. Но отступление Белой армии в октябре продолжилось, что не позволило осуществить эту идею. Случай частичной реэвакуации Тобольска в начале октября 1919 г. является исключением⁵³⁶. Главное, что готовившаяся с августа эвакуация под влиянием событий на фронте практически прервалась на два месяца. Когда настала пора оставлять Омск, почти неподготовленное бегство населения этого громадного чиновничьего мегаполиса окончательно подорвало и без того еле дышавшую систему обеспечения беженцев, работу транспортных и санитарных служб. О роковом значении для Белого движения оставления столицы уже писали⁵³⁷. Остается добавить,

⁵³¹ Минаев В.В. Демографические факторы обострения ... С. 218.

⁵³² Рынков В.М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России // История Сибири, 1583–2006: проблемы и перспективы: сб. материалов науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 186. Западные источники называют цифру в 1 млн чел. (см.: Goldhurst R. The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920. N.Y., 1978. P. 246). Газета «Уфимский вестник» дает такую же цифру беженцев на осень 1918 г.: Уфимский вестник. 1918. 12 окт.

⁵³³ Приморская жизнь. 1918. 13 нояб.

⁵³⁴ Звягин С.П. Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. Томск, 2008. С. 113.

⁵³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4669. Оп. 1. Д. 4. Л. 66–67 об.

⁵³⁶ Тобольский стрелок (Тобольск). 1919. 4 окт.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 24 окт.

⁵³⁷ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2005. Ч. 3. Кн. 2. С. 345; Зырянов П.Н. Омская эвакуация и конец белой власти ... С. 119–139.

что за этот просчет была заплачена громадная социальная цена. Вагоны с Российским правительством выехали из Омска 10 ноября, за 4 дня до прихода Красной армии. В дальнейшем власть практически потеряла контроль над перемещением беженцев, обрекая всех на самостоятельную борьбу за выживание. В считанные дни Транссибирская магистраль оказалась блокирована вагонами с беженцами, которые к тому же не пропускали на восток чехи, распорядившиеся движением на дороге. Вагоны с тысячами гражданских беженцев остались на магистрали, а люди умирали от холода и отсутствия еды. Слухи о происходившей гуманитарной трагедии просочились даже в европейскую прессу, мало интересовавшуюся сугубо внутренними делами России⁵³⁸. В ноябре 1919 г. к массе спасавшихся бегством людей присоединились многие горожане Западной Сибири. Количество беженцев в Иркутске оценивалось газетами в 50–100 тыс. чел., в Томске статистические обследования зафиксировали прирост населения за 1918–1919 гг. на 100 тыс. чел., причем беженский поток осени 1919 г. увеличил население города на 61 тыс. чел.⁵³⁹ Омск перед эвакуацией насчитывал в 5 раз больше жителей, чем до начала Гражданской войны (500 тыс. чел.), Новониколаевск – в 2,5 (195 тыс. чел.), Петропавловск – в 3 раза (90 тыс. чел.)⁵⁴⁰.

Транссибирская магистраль оказалась почти полностью остановлена, хотя для ее разгрузки правительство распорядилось запретить выезд беженцев из городов Западной Сибири на восток. Железная дорога должна была принимать пассажиров только по удостоверениям правительственных учреждений на право выезда или эвакуации⁵⁴¹. Именно масштабная эвакуация правительственных учреждений создала окончательный затор на железнодорожных путях. При наличии денег многие старались купить лошадь, так как гужом можно было продвигаться даже быстрее, чем поездом⁵⁴². Тысячи подвод потянулись по проселочным дорогам на восток. Газеты даже сообщали, что впервые за долгие месяцы в сибирских городах пустовало множество квартир⁵⁴³. Вряд ли удастся достоверно подсчитать, какое количество мигрантов из европейской части России осталось в Сибири, сколько вернулось домой, а сколько эмигрировало за рубеж, сколько сибиряков присоединилось к беженцам в конце 1919 г.

На исходе 1919 г. почти вся хозяйственная деятельность Российского правительства свелась к обеспечению эвакуации и мерам по призрению раненых военнослужащих. Мероприятия последних дней существования Российского правительства свидетельствуют о том, что государственные учреждения были не в состоянии эффективно продолжать работу. В декабре 1919 г.

⁵³⁸ *Coates W.P., Coates Z.K. Armed Intervention in Russia. 1918–1922. L., 1935. P. 233.*

⁵³⁹ *Романов Н.С. Летопись города Иркутска ... С. 368; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск ... С. 123, 255.*

⁵⁴⁰ *Pinn Г.Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987. С. 14.*

⁵⁴¹ *Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.*

⁵⁴² *Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 80–81; Витольдова-Лютык С. На восток. С. 24–42.*

⁵⁴³ *Сибирская жизнь. 1919. 11 дек.*

роль высшего органа власти все больше ограничивалась финансированием негосударственных организаций. Уже упоминалось, что в декабре 1919 г. Совет министров неоднократно ассигновал Американскому Красному Кресту крупные суммы на возмещение расходов по снабжению русской армии и населения. 23 декабря правительство утвердило выдачу 30 млн руб. технико-строительному отделу Сибземгора на постройку барачных для беженцев и военнослужащих⁵⁴⁴. Это была последняя мера, принятая колчаковским режимом в социальной сфере. Вероятно, часть предпринятых усилий дала результат уже после утверждения в Сибири советской власти. По крайней мере, уполномоченный Всероссийского земского союза в Красноярске В.П. Селезнев, управлявший госпиталями, питательными пунктами и иными учреждениями для беженцев и больных военнослужащих, 2 января 1920 г. перешел со всеми подведомственными ему учреждениями в ведение Енисейской губернской земской управы, а уже 6 января отдавал распоряжения от имени местного ревкома⁵⁴⁵.

Ужасными были условия оставления противниками большевиков Иркутска. Смягчило ситуацию то, что этот исход проходил постепенно. У желавших оставалась возможность покинуть город в период существования Политического центра и первые недели деятельности Иркутского революционного комитета. Чехи и служащие дипломатических представительств помогли некоторым государственным служащим и известным общественным деятелям в период господства Политцентра выехать из Иркутска⁵⁴⁶. Как известно, многие из них не успели выехать и были арестованы.

Переpravляясь за Байкал, все новые потоки беженцев стремились продвинуться дальше в полосу отчуждения КВЖД или Приморье. Но огромной массе людей пришлось остановиться в Восточном Забайкалье. Привлекала надежда на получение социальных выплат от верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Хотя, как уже отмечалось, с 16 марта 1920 г. эвакуированным служащим, не принятым в штат семеновских правительственных учреждений, была прекращена выплата эвакуационных пособий. Но заботы о беженцах были свойственны и семеновской администрации. Одним из последних постановлений Совета управляющих ведомствами стало решение от 21 июля 1920 г. о выделении 9 млн руб. на окончание строительства трех беженских барачных, начатого еще при Российском правительстве⁵⁴⁷. Летом 1920 г. начался стихийный исход населения из Восточного Забайкалья. С каждым эшеломом на восток по КВЖД отправлялось несколько вагонов с беженцами⁵⁴⁸.

⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 46. Л. 406.

⁵⁴⁵ *Посадсков А.Л.* Демократический переворот 23 декабря 1919 – 5 января 1920 г. в Красноярске: страница из истории Гражданской войны на востоке России // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Новосибирск, 2009. С. 75.

⁵⁴⁶ Китай и русская эмиграция в Дневниках И.И. и А.Н. Серебрянниковых. Т. 1. С. 49–52; *Устрялов Н.В.* Иркутск – Харбин // *Устрялов Н.В.* Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 г.): воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 231.

⁵⁴⁷ ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 28. Л. 308.

⁵⁴⁸ Заря (Харбин). 1920. 10 авг.

Семеновский режим заранее стал готовить организованную эвакуацию Читы. Прежде всего обеспокоились вопросом о материальном обеспечении отступления. По решению Совета управляющих ведомствами от 3 августа 1920 г. на эвакуацию каждому ведомству отпустили очень приличный аванс – 30 млн руб. и 5 млн руб. управлению делами Совета управляющих ведомствами. Причем авансы выдавались золотом по льготному курсу в 15 тыс. руб. «голубками» (семеновские деньги) за один зол. руб. При этом строго предписывалось по возможности тратить на эвакуацию бонны, а золотом стараться выдавать эвакуационные пособия. Расходы на транспортировку и продовольствие семей служащих брала на себя казна⁵⁴⁹. Средства для обеспечения эвакуированных семеновские власти добыли в значительной мере за счет изъятия частных грузов на железнодорожных станциях⁵⁵⁰. Золото же старались расходовать за границей. 6 августа 1920 г. Совет управляющих ведомствами Российской восточной окраины выделил Ведомству путей сообщения 20 млн руб. золотом на постройку бараков в Маньчжурии для размещения правительственных служащих и их семейств⁵⁵¹.

Остаткам семеновской и каппелевской армий при передвижении через Маньчжурию удалось выстроить эшелоны в соответствии с гуманитарными приоритетами: впереди двигались эвакуированные учреждения и гражданские лица, за ними – армейские учреждения и воинские части⁵⁵².

Несмотря на попытку предусмотреть и материально обеспечить отступление Белой армии из Восточного Забайкалья, вовлеченность армии в политические интриги сделала массу эвакуированных людей, так или иначе связавших себя с атаманом, своеобразными заложниками. В Приморском народном собрании разгорелась дискуссия о том, принимать в регионе беглецов из «семеновского царства» или нет. Одна часть депутатов акцентировала внимание на гуманитарном характере вопроса, отмечая, что огромная масса больных, неустроенных в бытовом отношении и исстрадавшихся за годы войны людей ждет помощи и сострадания от соотечественников. Другая часть – напоминала, что речь идет о пропуске контингента в политическом отношении неблагонадежного, способного сыграть решающую роль в ликвидации «розового» режима в Приморье. Между тем на КВЖД стояло 24 эшелона с войсками, 11 – с беженцами, 9 – с ранеными и больными. По различным данным, военные с семьями насчитывали 23–26 тыс. чел.⁵⁵³ «Совет

⁵⁴⁹ ГАЗК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–9 об.

⁵⁵⁰ Забайкальская новь. 1920. 1 окт.

⁵⁵¹ ГАЗК. Ф. 355. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁵² Новости жизни (Харбин). 1920. 7 дек.

⁵⁵³ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 33–34, 48. Генерал П.П. Петров говорил о численности до 20 тыс. чел., а опиравшийся преимущественно на его воспоминания И.И. Серебренников писал о 25 тыс. Эти данные повторила Н.Н. Аблажей (см.: *Петров П.* В Приморье (1921–1922 гг.) // *Последние бои на Дальнем Востоке.* М., 2005. С. 8; *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: великий отход. М., 2003. С. 196; *Аблажей Н.Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 19). Сводку различных данных представил С.Ф. Смит, в которых численность беженцев была в диапазоне от 25 тыс. до 57 тыс. (см.: *Smith C.F.* Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrvolution in the Russian Far East. 1920–1922. Seattle, 1975).

управляющих исключительно формально взглянул на этот вопрос, полагая своим бумажным решением остановить живой поток голодающих, больных и раненых людей...», – зафиксировал по этому поводу в дневнике В.Г. Болдырев⁵⁵⁴. Но китайская сторона силой прогоняла российские эшелоны со своей территории, и в итоге Дальневосточная армия проникла в Приморье вопреки запрету. В.Г. Болдырев утверждал, что он принял меры к размещению каппелевских раненых по госпиталям, военнослужащих и гражданских беженцев по квартирам вопреки решению Совета управляющих ведомствами Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы и вызвал протесты с ее стороны. В результате В.Г. Болдырев покинул пост командующего сухопутными и морскими силами Приморья.

Положение осложнялось тем, что через Владивосток одновременно двигались два других встречных потока вынужденных мигрантов. С одной стороны – российские военнопленные, возвращавшиеся из Европы восточным путем, с другой стороны – военнопленные центральных держав, отправлявшиеся домой. Сибревком целенаправленно предлагал германским и австрийским военнопленным эвакуироваться восточным путем через Приморье, рассчитывая повысить социальную напряженность и тем самым усилить революционные настроения на Дальнем Востоке. В Сибири намеревались послать на родину через Владивосток 10 тыс. военнопленных⁵⁵⁵. Все они требовали помещений, организации питания и медицинского обслуживания. Делегация ДВР пыталась использовать бытовые невзгоды каппелевцев, чтобы организовать их возвращение в Советскую Россию или до предела озлобить против собственного командования тех, кто отказывался от реэвакуации⁵⁵⁶. Примерно в это же время во Владивосток английскими кораблями было доставлено 3 тыс. российских военнопленных из Германии. Как пишет В.Г. Болдырев, их размещение в переполненном городе, где почти все подходящие помещения были заняты интервентами, оказалось делом чрезвычайно сложным. Между тем правительство Дальневосточной республики, у которого отношения с Приморским правительством испортились, использовало этот случай как метод политического давления, не давая разрешения прибывшим на выезд в западном направлении. В задержке эвакуации пленные стали винить Временное правительство Дальнего Востока – Приморскую областную земскую управу⁵⁵⁷.

Беженцы из Забайкалья осели на станциях и в поселках по железной дороге от Гродеково до Владивостока, концентрируясь в большом количестве в Никольске-Уссурийском. Помощь им оказывал только Российский Красный Крест и другие благотворительные организации. 20 тыс. руб. золотом выделила местной организации Российского общества Красного Креста Никольск-

⁵⁵⁴ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты ... С. 391.

⁵⁵⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 24.

⁵⁵⁶ Парфенов П. Переговоры с командованием белых армий в 1920–1921 гг. // Пролетарская революция. 1926. № 12. С. 211–216.

⁵⁵⁷ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты ... С. 385.

Уссурийская городская и уездная земская управы⁵⁵⁸. Летом 1921 г. Временное Приамурское правительство поставило вопрос о возможности закрытия учреждений Красного Креста в связи с тем, что все нуждавшиеся в медицинском обслуживании военнослужащие прошли необходимый курс лечения. И только неожиданное прибытие российских беженцев из британских колоний (Месопотамии и Египта) численностью около тысячи человек заставило сохранить медицинские и продовольственные учреждения. Осенью 1921 г. отдел призрения ведомства внутренних дел Временного Приамурского правительства обследовал примерно 3 тыс. беженцев Гродековской группы, приняв на государственное обеспечение 1300 из них: семьи военнослужащих, в том числе и потерявшие кормильцев в боевых действиях, и беженцы Гражданской войны. Это было расширением круга призреваемых за счет государства. Но значительная часть осталась без государственной поддержки и получали помощь (продовольственную, отопление, услуги прачечной) только через пункты Красного Креста в Никольске-Уссурийском. Причем в городе и вокруг него осталось большое количество беженцев, не затронутых государственным обследованием, а ресурсов Красного Креста хватало только на дополнительную помощь еще 1300 чел.⁵⁵⁹ Целый эшелон с забайкальскими беженцами оставался на полном обеспечении Красного Креста до осени 1922 г. Численность получавших в нем довольствие людей постепенно сокращалась и на май 1922 г. составляла еще около 200 чел. На частичном обеспечении Российского общества Красного Креста в 1921 г. оставались также несколько питательных и медицинских пунктов (первые обслуживали 150–200 чел. ежедневно) и школа в полосе отчуждения КВЖД⁵⁶⁰.

Между тем отношение к «внутренним» беженцам было иным. Имеются в виду беженцы из разоренного Николаевска-на-Амуре, полторы тысячи из которых были доставлены японцами в Приморье⁵⁶¹. Помимо активной работы благотворительных организаций, собиравших средства для их расселения, снабжения одеждой, обувью и питания, заботу о них проявляла и государственная власть. 2 октября 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока – Приморская областная земская управа выделила им 3 млн руб.⁵⁶²

Подчеркнуто внимательное отношение к жертвам николаевской трагедии было свойственно и политическому режиму, пришедшему на смену социалистическому. 17 июня 1921 г. Временное Приамурское правительство приняло на счет казны оплату 50% стоимости перевозки обратно в Николаевск-на-Амур беженцев, желавших вернуться домой⁵⁶³. Отдел призрения ведомства внутренних дел оказывал помощь только беженцам из Николаевска-на-Амуре и

⁵⁵⁸ *Ваврик Д.Н.* Земская власть в Приморье и Никольске-Уссурийском в 1918–1922 гг. // Уссурийский краеведческий вестник. Уссурийск, 2002. Вып. 2. С. 93.

⁵⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-84. Оп. 1. Д. 10. Л. 22–27.

⁵⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 50–53; Д. 10. Л. 390, 905–912.

⁵⁶¹ *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты ... С. 368.

⁵⁶² Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы. 1920. 6 окт.

⁵⁶³ ГАРФ. Ф. Р-936. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.

нескольким десяткам семей беженцев Первой мировой войны, имевшим на это право на основании Временного положения о призрении беженцев Российского правительства от 4 июня 1919 г. Попечение об остальных оставалось целиком на совести благотворительных организаций.

При этом необходимо помнить, что основная масса беженцев Приморья – это гражданские лица, прибывавшие со всего востока России постепенно, на протяжении трех последних лет. По данным городской управы, население Владивостока в 1917 г. насчитывало 120 тыс. чел., в 1919 г. – 180 тыс., в 1921 г. – 250 тыс. чел.⁵⁶⁴

Военное поражение «белого» Приморья осенью 1922 г. не стало неожиданностью и четко связывалось с плановым оставлением региона японскими интервентами. Тем не менее режим М.К. Дитерихса не подготовился основательно к эвакуации. За две недели до ухода японцев выяснилось, что покинуть город желает гораздо больше людей, чем рассчитывали военные. Главной причиной бездеятельности являлось отсутствие у правящей власти материальных возможностей для эвакуации больших групп населения. Нужно отметить, что японские войска настояли на некоторых гуманитарных гарантиях для побежденных, потребовав, чтобы Народно-революционная армия ДВР не входила в город до тех пор, пока не завершится эвакуация всех желающих⁵⁶⁵. В результате из Владивостока ушло 19 тыс. чел. Среди 9 тыс., двигавшихся пешком и на подводах через Посыет, было 4 тыс. больных и раненых, 700 женщин и 500 детей. Вся масса эвакуировавшихся целиком зависела от милосердия принимавшей страны (Китая и Японии) и работы американской и японской миссий Красного Креста⁵⁶⁶.

В Советской России беженство оставалось такой же острой социальной проблемой, как и на окраинах. Для ее решения был учрежден специальный центральный орган, имевший широкую сеть местных отделений. При этом беженцев с 27 июля 1918 г. уравнивали в социальных правах с другими гражданами, а это значит, что специальные выплаты им отменялись, а пособия они могли получать только на общих основаниях. Задачу специальных органов ограничила организацией реэвакуации беженцев в места постоянного жительства. С сентября 1919 г. большевики стали привлекать трудоспособных беженцев к обязательным работам, в том числе и с правом их перемещения в другие регионы, используя как контингент свободной дешевой рабочей силы⁵⁶⁷.

Когда советская власть установилась в Сибири, в отношении находившихся здесь беженцев законодательство не предусматривало никаких компенсационных выплат. Сибревком

⁵⁶⁴ Власов С.А. Повседневная жизнь жителей Владивостока в годы Гражданской войны // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 234–237.

⁵⁶⁵ Мейблом Ф. Тернистый путь // Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005. С. 57–58.

⁵⁶⁶ Серебренников И.И. Гражданская война в России ... С. 209–212; Жиганов В.Д. Эвакуация Приморья // Первопоходник. 1972. № 7. С. 4–7. Мытарства интернированных на китайской и корейской территории описывал подробно Н.Н. Петров (см.: Петров Н.Н. От Волги до Тихого океана в рядах белых. М., 2011. С. 245–250).

⁵⁶⁷ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 103–104; Декреты Советской власти. Т. 4. С. 327–329; Декреты Советской власти. Т. 6. С. 122–123.

организовал возвращение на родину беженцев Первой мировой войны при условии документального подтверждения обстоятельств вынужденной миграции. Все беженцы Гражданской войны, мигрировавшие на восток в надежде оказаться подальше от большевиков, лишались содействия со стороны советских органов. Но таких беженцев активно мобилизовывали на выполнение заданий советской власти⁵⁶⁸.

В годы Первой мировой войны беженцы стали группой, требовавшей внимания, расходов, участия со стороны государства и общества. В антибольшевистском лагере бремя социальных расходов только усилилось. Большевики превратили беженцев в трудовой ресурс, используемый во благо политического режима, существенно снизив социальную нагрузку, связанную с содержанием нетрудоспособных беженцев, бедственное положение части российского населения обернули в политическую выгоду. Выживали беженцы путем самоорганизации, в значительной мере вопреки политике центрального советского правительства⁵⁶⁹.

* * *

Достоверных источников, позволяющих определить численность вынужденных мигрантов в восточных регионах России в годы Гражданской войны, нет. Однако отдельные «отряды» беженцев и эвакуированных прослеживаются относительно достоверно. Значительная часть из них выезжала лишь в соседние регионы, а вынужденное путешествие длилось несколько месяцев и завершилось возвращением. Попытки органов власти организовать потоки мигрантов имели небольшой эффект, лишь корректировали преимущественно стихийное движение. Для большинства вынужденных мигрантов периода Гражданской войны движение в пространстве одновременно обернулось движением вниз по социальной лестнице, которое, будучи массовым явлением, охватившим несколько сотен тысяч людей, стало частью великой трагедии народа. Но кроме того, «бег» на восток имел эффект своеобразного социального мультипликатора. Мигранты продуцировали бедность, девиантное поведение, социальную неустроенность вовне общества, ухудшая материальное положение и условия быта всего сибирского и дальневосточного населения, порождая взаимные волны агрессии.

Органы власти и управления предпринимали масштабные усилия для организации помощи беженцам и эвакуированным. Кому-то не смог проигнорировать беженскую проблему, Директория и Российское правительство приняли на себя большинство прежних обязательств по содержанию беженцев и скорректировали их в соответствии с требованиями времени. Временное Приамурское правительство также несло на себе серьезную социальную нагрузку по содержанию беженцев. Но аппарат управления верховного главнокомандующего вооруженными силами

⁵⁶⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 445. Л. 1, 18, 20, 22–22 об.

⁵⁶⁹ См. подробнее: *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925. М., 2014. С. 292–226.

Российской восточной окраины постарался минимизировать социальные обязательства в отношении беженцев и эвакуированных, а Временное правительство Дальнего Востока строило свою политику в зависимости от политической лояльности. Выделяемые средства нельзя признать достаточными, но если сделать скидку на неожиданность самого беженства и непредсказуемую численность нуждающихся в государственной опеке, то приходится признать, что антибольшевистские правительства сделали достаточно много для минимизации социальной напряженности. Главными стали организационно-административные усилия, заключавшиеся в объединении правительственных, земских и городских служб и общественных организаций, что открывало возможность для аккумуляции кадровых, материальных и финансовых ресурсов государства и общества.

* * *

Среди множества антибольшевистских государственных образований, возникших на востоке России в годы Гражданской войны, лишь крупнейшие, такие как Комуч, Временное Сибирское и Российское правительства, или региональные, но существовавшие длительное время, например, Временное Приамурское правительство, оказались вовлечены в сферу государственного призрения. Упомянутые органы власти достаточно четко отделяли задачи социальной работы от остальных социально-экономических проблем, решением которых традиционно занимается государство. Сибирский государственный аппарат проявил наибольшую готовность бороться с социальными последствиями форс-мажорных обстоятельств. Именно в его недрах (сначала Временного Сибирского, потом Российского правительства) достаточно быстро появились специализированные структуры управления.

При этом ключевые управленческие позиции в области социальной работы заняли не сибиряки, а выходцы из европейской части России и особенно из Поволжья. Многие из них начинали сотрудничать с Комучем, но по-настоящему нашли свое дело на поприще государственной или общественной службы в Сибири. Это свидетельствует о том, что в Сибири, лишенной опыта земской работы и удаленной от фронтов Первой мировой войны, не сформировался соответствующий кадровый потенциал.

В антибольшевистский период на востоке России сохранился симбиоз государства и общества в борьбе с чрезвычайными социально-демографическими проблемами. Общественные организации, окрепшие за годы Первой мировой войны, продолжали прежнюю деятельность. Вместе с тем наблюдалось ярко выраженное стремление подчинить общественные усилия государственной воле, включить их в единый аппарат социальной работы. Здесь не происходило кардинального слома предшествующей практики, напротив, дореволюционные тенденции нашли свое логическое завершение. Общественная инициатива в период социальных катастроф нуждалась в государственной поддержке, а неповоротливость государственного аппарата сглаживалась за

счет гибкости и инициативности общественных деятелей. Симбиоз этих сил был необходим, хотя в реальности он был далеко не всегда безоблачным.

Существовала и другая проблема. Благотворительность, помимо этических причин, всегда бывает обусловлена еще и превентивным страхом перед социальным взрывом⁵⁷⁰. В условиях, когда этот взрыв уже произошел, расходы на благотворительность требовалось увеличивать, но над обществом начинает довлеть социальный эгоизм. Это вполне закономерно⁵⁷¹. Если росло число нуждающихся, не способных обеспечивать себя самостоятельно, то общественный капитал приходилось распределять среди большего числа людей, издержки на работающее население в виде изъятий из заработка на социальные нужды возросли настолько высоко, что не могли осуществляться через добровольные трансферты. П. Козловски пишет, что тогда объективно назревает введение государством принудительной благотворительности⁵⁷². На наш взгляд, альтернативой такого исхода стало огосударствление этой сферы традиционно общественной деятельности.

Наибольшей бедой явилось запаздывание в реагировании государства на социально-демографические вызовы времени. В силу приоритетности военно-политической борьбы государство выделяло средства и прилагало административные усилия только тогда, когда социальные проблемы, такие как эпидемии или беженство, приобретали характер катастрофы. Как это ни парадоксально, социальные расходы при этом резко возрастали, а требуемый эффект все равно не достигался.

Причины такого положения носят объективный характер. В начале XX в. российская государственность еще не приобрела необходимого опыта социальной работы. Еще не сформировались навыки прогнозирования гуманитарных катастроф. Естественно, не отработанными оказались и технологии борьбы с ними. Да и мировой опыт в этой сфере только нарабатывался. Россия, едва справлявшаяся в мирное время с повседневными нуждами здравоохранения и общественного призрения, не могла обеспечить необходимый уровень материального и кадрового обслуживания собственных гуманитарных нужд, многократно выросших в годы Гражданской войны.

В данном контексте нельзя не отметить результативность опыта победителей. С одной стороны, ими был создан механизм эффективной мобилизации громадных ресурсов и всего кадрового потенциала и их концентрации в руках государства, позволявший в целом решать аналогичные задачи с большой отдачей. С другой стороны, придя на Урал и в Сибирь, «красные» на протяжении целого года уделяли социально-демографическим проблемам значительно меньше внимания. В советском лагере социальная работа не отвлекала от решения основных задач – удержания власти.

⁵⁷⁰ *Buchanan J.M.* Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. Chicago, 1975. P. 80–81.

⁵⁷¹ *Коллиер П.* Исход: как миграция изменяет наш мир. С. 187.

⁵⁷² *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., 1999. С. 301.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении лета–осени 1918 г. огромная территория – от Поволжья и Прикамья до Тихого океана – вышла из-под контроля советской власти. Конгломерат таких разнородных, слабо связанных между собой территорий плохо подходил для создания полноценного военно-политического объединения. Поэтому здесь возник ряд антибольшевистских правительств и государственных образований разной идейно-политической направленности, выдвигавших претензии на разный статус (общероссийский, региональный, национальных автономий). Даже длительное объединение под властью Российского правительства не принесло необходимой консолидации. Правительство, располагавшееся в Омске, едва ли могло стать реальным центром власти для Урала и для Дальнего Востока. Демографические и интеллектуальные ресурсы, индустриальный потенциал и транспортная сеть восточной контрреволюции концентрировались вблизи фронта, что объективно предопределило уязвимость в Гражданской войне. Поэтому реальное значение востока России как центра сопротивления большевизму стремительно убывало по мере продвижения фронта на восток, и это обстоятельство позволяло так же стремительно усиливаться Советской России.

Сложность изучения 19 правительств и государственных образований, существовавших в восточных регионах России в период Гражданской войны, обусловлена тем обстоятельством, что существенно варьировался имевшийся в распоряжении каждого из них объем ресурсов, различалась структура, задачи и приоритеты осуществляемой ими социальной политики. Тем не менее возникшие в разное время органы власти и управления многое связывает. Факторы преемственности и взаимодействия существенно преобладают над различиями, что позволяет рассмотреть их все вместе, как находившиеся «по одну сторону» Гражданской войны и при сравнении противопоставить советскому лагерю. Генетически законодательство противников большевистского режима опиралось на нормативно-правовую базу царского и Временного правительств и разрыв с недавним советским прошлым. Сменяя друг друга до самой финальной эпопеи эвакуации из Владивостока, все последующие правительства строили правовую базу исходя из презумпции действия нормативно-правовых актов своих прямых предшественников. Даже там, где намечался процесс интеграции с законодательством советской власти (Временное Приморское управление ДВР), он не успел зайти далеко, и попытка внести изменения в действовавшую нормативную базу не оказала решающего влияния.

Единство нормативного пространства закреплялось и усиливалось тесной связью населения, проживавшего на сопредельных территориях. Границы между зонами контроля отдельных антибольшевистских правительств оставались условными. Разные группы общественности пы-

тались объединиться в масштабах всего востока России и оказывали консолидированное воздействие на органы правительственной власти нескольких регионов через сеть общественных организаций. Пресса восточных регионов создавала единое информационное пространство, в котором формировалось общественное мнение и происходила выработка общественно-значимых позиций по ключевым актуальным политическим проблемам, в том числе в отношении осуществляемой антибольшевистскими правительствами социальной политики.

Огромную роль в социально-политической жизни России сыграло достижение осенью 1918 г. относительного единства государственного пространства в масштабах нескольких крупных регионов. Несмотря на имевшиеся трудности хозяйственной и политической коммуникации, данное обстоятельство обеспечило правовое единство социальной политики на всем востоке России и преемственность нормативной базы последующих несоветских органов правительственной власти от законодательства Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств.

Структура центральных и местных правительственных органов и служб антибольшевистских правительств на востоке России, характер их взаимодействия с обществом в значительной мере базировались на опыте Первой мировой войны. Но их пришлось скорректировать под влиянием произошедшей в 1917 г. революции, с учетом результатов советских преобразований и начавшейся Гражданской войны. Система власти и управления в первую очередь нацеливалась на возрождение дореволюционных институтов, а лишь затем на ее адаптацию к новым условиям, которая происходила очень медленно, с большим запаздыванием, не отвечавшим требованиям эпохи. Тем не менее на востоке России удалось сохранить либо возродить многие государственные и общественные организации дореволюционного времени, создать новые объединения макрорегионального масштаба, восстановить деятельность органов местного самоуправления. На земские и городские органы возложили очень многие дополнительные обязанности социального характера. Они распределяли пайки и пособия солдатским семьям, организовывали питательные пункты для беженцев и эвакуированных на пути их движения, готовили места проживания, содержали приюты для сирот, престарелых и инвалидов. Их усилиями проводились и основные антиэпидемиологические мероприятия. Естественно, абсолютное большинство всех этих функций оказалось непосильно для скудных бюджетов самоуправлений. Они привлекали благотворительные организации, вводили натуральные повинности с населения, но главным образом запрашивали финансирование у правительства и, как правило, получали его.

В инфляционной экономике правительственная власть широко использовала «дефлотовую» модель взаимодействия с негосударственными институтами. Как правило, большинство социально значимых мероприятий осуществлялось ими на условиях частичной или полной компенсации из правительственного бюджета. Но между затратами и их компенсацией проходили

месяцы, за которые деньги успевали обесцениться. Получая возмещение в номинальном выражении, земские и городские управы вынуждены были кредитовать социальные мероприятия государства, перекладывая часть его финансирования на население в виде земских сборов. Другим вариантом стало привлечение к социальной работе благотворительных организаций. Они обладали небольшим собственным бюджетом за счет частных, главным образом корпоративных, взносов. Более значимо то обстоятельство, что благотворительные организации привлекали опытных волонтеров, что позволяло власти переложить на них администрирование в области социальной работы. Таким способом правительственная власть несколько смягчала давление социальных расходов на бюджет, имея возможность частично возложить их на органы самоуправления, некоторые общественные организации и в конечном итоге – на простых обывателей, а также смягчить кадровый голод в собственных социальных службах. Эффект синергии такого сотрудничества очевиден. Но неизбежными оказались серьезные транзакционные издержки – неправительственные учреждения и организации имели собственные представления о масштабах и путях реализации государственной социальной политики. Контроль правильности проведения основ социальной политики неправительственными исполнителями и расходования ими предоставленных средств ложился тяжелой бюрократической гирей, осложняя и замедляя политическую коммуникацию.

Взаимодействие между органами власти, местного самоуправления и организованной общественностью выстраивалось в течение нескольких месяцев. На региональном уровне оно могло давать результаты уже в августе–сентябре 1918 г., а в масштабах большого макрорегиона – только в октябре–декабре. Количество и качество социальных амортизаторов, призванных смягчать социальные бедствия населения, постепенно росли на протяжении второй половины 1918 г. и первой половины 1919 г. Многие из них продолжали действовать до падения Белого Приморья.

Степень активности и структура реализуемых направлений социальной политики каждого из исследованных антибольшевистских правительств зависели от идеологии, организационных и финансовых возможностей. Все правительства восточного лагеря контрреволюции можно подразделить на три группы.

Для Комитета членов Учредительного собрания, Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства характерны достаточно детальная разработка нормативной базы социальной политики, широкий охват ее направлений, значительная степень реализации. Конечно, необходимо оговориться, что просуществовавший всего четыре месяца Комуч многое только наметил. Остальные упомянутые органы власти в силу преемственности аппарата управления проводили единую внутреннюю политику, которая в результате установления юрисдикции Российского правительства на всем пространстве востока

России сыграла ключевую роль и оказала влияние на деятельность правительств всех последующих государственных образований.

Вторую группу составляют правительства и органы региональной власти, целенаправленно концентрировавшие усилия на решении ограниченного круга проблем (Западно-Сибирский комиссариат, Прикамский комитет членов Учредительного собрания, Временное областное правительство Урала, Оренбургское казачье войсковое правительство, Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, Временное правительство – Приморская областная земская управа, Временное Приамурское правительство). При этом часто решение более широкого круга социальных проблем оставалось в проектах, могло опираться на опыт предшественников или стать основой для разработки социальной политики последующими правительствами.

К третьей группе следует отнести целый ряд правительств и региональных органов управления, которые, продекларировав свою власть, не имели реальных рычагов проведения самостоятельной социальной политики (Временное правительство Амурской области, Временное автономное правительство Сибири, иркутский Политический центр, Правитель Приамурского земского края). Это не исключало принятия перечисленными правительствами отдельных относящихся к социальной политике решений и даже их реализации, попыток определиться с судьбой преобразований предшественников.

Национальные экстерриториальные правительства отказывались от проведения социальной политики, считая ее компетенцией центрального общероссийского правительства. Но они заставляли считаться с собой и влияли на социальную политику более крупных политических акторов.

За годы Гражданской войны наблюдалась весьма неожиданная динамика социальной политики, не совпадавшая на первый взгляд с направлением эволюции политических режимов. «Демократическая контрреволюция» опиралась на правосоциалистическую концепцию. Ее лидеры исходили из необходимости замены государственной власти самоорганизацией граждан, по крайней мере, на низовом уровне. Но в целом диалога с общественностью у социалистических Комуча и Западно-Сибирского комиссариата не получилось. С похожими проблемами столкнулись в 1920 – первой половине 1921 г. социалистические Политцентр и региональные правительства Приморья. Все они ориентировались на взаимодействие с общественными организациями, но не сумели наладить с ними диалог и расширить свою социальную базу.

У этого есть как минимум три причины. Во-первых, социальные противоречия между отдельными группами общества оставались слишком глубокими. В результате передача решения важнейших вопросов под контроль общественности только провоцировала новые гражданские

конфликты, усиливая социальную напряженность. Во-вторых, институты гражданского общества в России находились в глубоком кризисе. Революционный всплеск политической активности в 1917–1918 гг. происходил на фоне резкого ослабления материальных основ самоорганизации. Общественные объединения претендовали на организационную независимость, но не могли ни полноценно функционировать, ни предпринимать самостоятельных действий без финансовой поддержки правящей власти. В-третьих, оказавшиеся у власти социалисты, не имея практических навыков управления, восполняли данный недостаток обильной социальной риторикой. Это помогло им несколько месяцев удерживать власть, но не позволило выработать понятные правила взаимодействия с обществом, сформулировать основы социальной политики, разделяемые значительной частью населения. В результате вместо усиления социальной составляющей внутренней политики получилось погружение в общественный хаос.

В процессе создания единой государственной организации власть эволюционировала в сторону этатизации. В то же время она делала решительные шаги по созданию и воссозданию институтов реализации социальной политики. Чем дальше вправо по политическому спектру сдвигалась правящая власть во второй половине 1918 – 1919 г., тем меньше провозглашалось слов о социальном государстве и больше совершалось дел в области социальной политики. В результате на порядок более эффективным, с точки зрения удовлетворения социальных запросов населения, оказался аппарат правительств, пришедших к власти путем государственных переворотов и состоявших из оппонентов социалистов. Правительства, достигшие власти недемократическим путем, подчас способны лучше учитывать и защитить интересы широких слоев населения¹.

Следует отметить, что недемократическая по своему происхождению власть принимала решения после многочисленных согласований – между ведомствами, представителями различных групп общественности. Летом и осенью 1919 г. каждый шаг Российского правительства в области социального регулирования проходил несколько стадий обсуждения в соответствующем министерстве, затем в комиссиях Государственного экономического совещания. В антибольшевистском лагере можно наблюдать быстрое развитие практики ведения диалога как способа взаимодействия разных слоев общества, разных групп интересов. В этом виден несомненный шаг вперед на пути к достижению социального компромисса. Но всякое усложнение согласовательных процедур обычно ведет к увеличению времени получения готового результата. Можно было бы ожидать позитивный эффект от взаимосогласия сторон, но в условиях военно-политического противоборства от скорости принятия решений подчас зависит больше, чем от их социальной комфортности. В лагере контрреволюции забюрократизированная процедура многоступенчатых согласований нередко топила малейшую инициативу в многомесячных прениях. Недаром многие

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 355.

идеи социальной политики дожидались своего правового воплощения в дни стремительного отступления белых армий, когда в них уже не оставалось никакого смысла. Кроме того, многостороннее участие в обсуждении основ социальной политики часто приводило только к усилению социальной напряженности, так как для достижения положительного результата нужен консенсус по базовым вопросам эволюции государства и общества, а участники переговоров демонстрировали конфронтацию.

На востоке России антибольшевистские правительства многое сделали для поддержания жизнеспособности групп населения, составлявших социальную базу режима. Использовался целый спектр инструментов, таких как индексация зарплат и разовые доплаты, социальные пособия, гарантированная и приоритетная помощь при социальных бедствиях. Но социальная база оказалась слишком узкой. Для большинства правительств – это прежде всего служащие собственного аппарата управления и армия. Лишь Российское правительство могло позволить себе расширить этот круг лиц, включив в него казачество, довольно многочисленное на востоке России, и верхний слой интеллигенции. Власть создавала для упомянутых групп населения условия жизни относительно благоприятные на фоне социальных катаклизмов Гражданской войны. Но слабость материальной базы антибольшевистских правительств не позволяла эффективно справляться даже с этой задачей. Попытки привлечь на свою сторону рабочих, особенно активные со стороны Комуча, и предпринимателей серьезным успехом не увенчались.

В то же время, независимо от политического облика, все антибольшевистские правительства в разной степени стремились предстать выразителями идеи социального мира, выступить в качестве арбитра, способного разрешать основные общественные конфликты. Такая нацеленность на учет разнообразных интересов препятствовала необходимой концентрации материальных и людских ресурсов, не позволяла четко установить иерархию политических приоритетов и в соответствии с ней выстроить иерархию распределения социальных льгот.

Тем не менее ориентация на консенсус не только определяла принципы, но и повлияла на конкретные результаты. Более четко, чем в императорской и революционной России, социальные функции государства были прописаны в законодательстве, отражены в структуре государственного аппарата, подкреплены солидной долей социальных расходов. Имперское правительство в начале XX в. на стадии экономического подъема проявляло осторожность в наращивании социальных расходов и обязательств, главным образом развивая механизмы перераспределения частных средств через благотворительность. И только Первая мировая война заставила существенно усилить государственные социальные расходы. Большевики пошли по пути передела имущества населения, особенно его зажиточных слоев, в пользу социальных групп, составлявших социальную базу режима. На востоке России антибольшевистские правительства в самой экономически сложной обстановке не пошли по пути кардинального сокращения установленных до революции

социальных обязательств, даже ввели новые, специально ориентированные на условия Гражданской войны. Провозгласив готовность оказать материальную поддержку многочисленным группам нуждающихся, социально незащищенных, антибольшевистские правительства на востоке России сдерживали социальный реваншизм и отказались от классового принципа при решении гуманитарных проблем. Вопрос об оказании социальной поддержки нуждающимся решался исходя из обстоятельств возникновения нужды, а не классового происхождения получателей социальной помощи. Регулирование трудовых отношений нацеливалось на поиск баланса между интересами работников и работодателей, допуская в разной степени государственное посредничество. Власть предприняла ряд шагов, исключающих получение социальной помощи нелояльными режиму лицами и их семьями. Но законодатели за редким исключением допускали только персональную социальную эксклюзию.

Однако в ситуации государственного банкротства положительный эффект был сведен к минимуму. Наличие все увеличивавшегося слоя нуждающихся в социальной помощи, бессилие институтов общественной благотворительности не позволили пойти на сокращение государственных социальных расходов. В стихии Гражданской войны государство оказалось неспособно аккумулировать достаточный объем кадровых, финансовых и материальных ресурсов. Наиболее действенными оставались административные рычаги решения социальных проблем, но они применялись осторожно, непоследовательно.

Если в стабильном обществе расходы на социальные нужды в значительной мере являлись инвестициями в человеческий капитал или в повышение качества жизни, в ситуации Гражданской войны в России они стали формой выживания общества. О качестве жизни речь не могла идти по определению. Очевидно, что человеческий и социальный капитал, накопленный в предшествующее время, стал важнейшей основой, позволявшей выживать отдельным социальным группам. Слабеющее государство, не возродившиеся в должной мере органы местного самоуправления и ослабленные структуры общественного призрения могли охватить своим воздействием лишь некоторую часть нуждающихся, но и для них правительственная помощь оказалась недостаточно эффективна, чтобы сдержать развитие негативных социальных процессов. Оставалось уповать на самовыживание. Патернализм российского общества перестал играть свою стабилизирующую роль. При этом наиболее ценными качествами стала внутригрупповая солидарность и готовность презреть устойчивые стереотипы социального престижа. Обладающие этими признаками группы населения смогли встать на путь своеобразного социального шантажа, достаточно эффективного там, где работники противостояли не государственной машине, а разрозненному и слабому классу предпринимателей. В условиях ослабления политического и социального контроля открылся широкий простор для социальной борьбы. Причем потенциал выжива-

ния в значительной степени определялся не индивидуальными качествами, а социальными навыками, социальной памятью. Наибольшую живучесть показали рабочие – самая отдаленная от антибольшевистской государственности группа, но крепко сплоченная опытом коллективных протестных действий и внутригрупповой взаимопомощи, что косвенно подтверждает закономерность исхода Гражданской войны.

Вместе с тем антибольшевистская альтернатива рисует и ряд позитивных перспектив взаимодействия общества и государства, опередивших свое время и поэтому оказавшихся неостребованными. Были подготовлены к запуску механизмы послевоенной социальной стабилизации. Многие мероприятия задумывались в расчете на реализацию в мирных условиях послевоенной России, и неспешность разработки объяснялась как раз тем, что победа над большевиками казалась во второй половине 1919 г. дальше, чем год назад. Но это были тщательно отработанные комплекты нормативных и инструктивных документов. В рамках социально-трудовых отношений отработывались тонкие нормативные механизмы взаимодействия участников при активной регулирующей роли государства. Порядок проведения социальных трансфертов, денежных и натуральных, позволял подключить к социальной работе наряду со специализированными правительственными учреждениями земства, городские и общественные учреждения и организации.

Слабость государственной материальной базы не позволила эффективно ответить на вызовы истории. Но в целом во второй половине 1918 – 1919 г. в антибольшевистском лагере принцип социальной ответственности государства укрепился. На это указывает сравнение с предшествующим периодом революции и с советским режимом. Продолжилось укрепление традиции взаимодействия государства и общества по решению социальных проблем, сложившейся в годы Первой мировой войны. В результате были заложены основания для послевоенного развития системы медицинского обеспечения наемных работников, для государственного регулирования рынка труда. Возросли законодательно установленные социальные обязательства работодателей перед нанятыми работниками. Власть отработала схему мобилизации не только государственных, но и общественных ресурсов на помощь населению, пострадавшему от чрезвычайных ситуаций (беженство, эвакуация, эпидемии и многое другое). Она включала выплаты пособий и организацию транспортировки, питания и медицинского обслуживания в пути, содействие в расселении и трудоустройстве. В условиях войны таких ситуаций возникало множество. Но и в мирное время в России они случались нередко. И сколько раз до революции, да и после нее государство оставляло пострадавшее население на произвол судьбы по доброй воле, а не из-за нехватки средств. На востоке России был достаточно четко определен круг людей, имевших основание на социальную поддержку государства, органов местного самоуправления и общества. Он оказался довольно широк в связи с наложением друг на друга двух войн – мировой и гражданской – и практически не допускал исключений и вел к огромным социальным расходам. На завершающем

этапе Гражданской войны этот круг начал сужаться в связи с неспособностью органов власти справляться со своими обязательствами. Но и в реализовавшемся в 1920–1922 гг. варианте выполнение социальных обязательств оставалось одной из важнейших функций правительственных органов, важнейшей статьёй расходов.

Все это, безусловно, является «активом» социальной политики антибольшевистских правительств. Гражданская война оставалась стихией человеческой жестокости, несмотря ни на какие теоретические конструкции политических лидеров или исследователей. Противники советской власти, не сумев создать сильную и стабильную государственную власть, в конце концов, не смогли защитить сторонников своего лагеря ни от Красной армии, ни от партизан, ни от произвола собственных чиновников и военных, допуская достаточно злоупотреблений. Организация социальной помощи населению оставалась сильно забюрократизирована и осложнена скудостью материальных средств. Ее позитивные результаты можно оценить как весьма скромные.

В то же время население на востоке России оказалось не под столь жестким контролем, как при советской власти, что позволяло ему применять широкий диапазон дозволенных, а потому не преследуемых властью бытовых и трудовых практик и облегчало выживание.

В целом политика антибольшевистских правительств по сравнению с советской оказалась более человекоберегающей, но менее мобилизационной. С этой точки зрения социальная политика большевиков безусловно выигрывала. Хотя утопизма в ней было даже больше, но он носил характер мобилизующей идеологии, не мешал, а способствовал успеху в противоборстве с противниками.

Единые и бесспорные критерии социальной справедливости очень сложно сформулировать. Есть два подхода к их определению. В первом случае это степень успеха в поиске тонкого баланса между противоборствующими социальными группами, в нахождении компромисса в общественном сознании. Во втором – это способность распределить ресурсы таким образом, чтобы минимизировать социальные издержки политической борьбы и экономического развития (стагнации, кризиса). В революционную эпоху невозможно существование правительства, которое примирило бы всех и удовлетворило запросы подавляющего большинства населения. Сами понятия «народ» и «народная воля» становятся эфемерными. Любая чрезвычайщина накладывает тяжелую печать на взаимодействие государства и общества. Раз ступив на ее путь, трудно вернуться к нулевому варианту, прекратить насилие и восстановить справедливость. Достижение общественного консенсуса невозможно в условиях аномии, так же, как и превращение воюющего государства в социальное. Именно это пытались сделать антибольшевистские правительства. Революция – это самораспад общества, и государство, стремящееся просто его затормозить, а не кующее новую социальную реальность, обречено на поражение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦК – Центральный комитет

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

СНК [РСФСР] – Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной республики

ДВР – Дальневосточная республика

МВД – Министерство внутренних дел

КВЖД – Китайско-восточная железная дорога

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

ЦГИА ДВ – Центральный государственный исторический архив Дальнего Востока

ГАТ – Государственный архив г. Тобольска

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАКО – Государственный архив Кемеровской области

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области

СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ИсАОО – Исторический архив Омской области

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории

ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области

НАРБ – Национальный архив республики Башкортостан

ГАПК – Государственный архив Приморского края

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦХДНИ ВКО – Центр хранения документов новейшей истории Восточно-Казахстанской области, Семипалатинск, Казахстан

ГАПК – Государственный архив Хабаровского края

YMCA (Young Men's Christian Association) – Христианский союз молодых людей

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Источники****Архивные материалы****Государственный архив Российской Федерации**

1. Ф. Р-131. Административный совет Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.
2. Ф. Р-151. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.
3. Ф. Р-157. Междусоюзный железнодорожный комитет по восстановлению деятельности транспорта Китайско-Восточной и Сибирской железных дорог. Владивосток, 1918–1919.
4. Ф. Р-159. Министерство земледелия и колонизации Российского правительства. Омск, 1918–1920.
5. Ф. Р-161. Министерство труда Российского правительства. Омск, 1918–1920.
6. Ф. Р-175. Совет министров Временного правительства автономной Сибири. Владивосток, 1918.
7. Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства. Омск, 1918–1920.
8. Ф. Р-180. Управление делами Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918.
9. Ф. Р-190. Чрезвычайное государственное экономическое совещание. Омск, 1918–1919.
10. Ф. Р-198. Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов Российского правительства. Омск, 1918–1920.
11. Ф. Р-341. Политический центр. Иркутск, 1920.
12. Ф. Р-667. Иностраный отдел при комитете членов Всероссийского учредительного собрания. Уфа–Самара, 1918.
13. Ф. Р-670. Совет управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного собрания. Самара–Уфа, 1918.
14. Ф. Р-936. Управление делами Приамурского Временного правительства. Владивосток, 1921–1922.
15. Ф. Р-937. Канцелярия правителя Приамурского земского края. Владивосток–Никольск-Уссурийский, 1922.
16. Ф. Р-944. Управление внутренними делами Приамурского земского края. Владивосток, 1921–1922.

17. Ф. Р-1702. Отдел народного здоровья Министерства внутренних дел Российского правительства. Омск, 1918–1919.
18. Ф. Р-1845. Временное Главное управление Российского общества Красного креста (Российское правительство). Омск, 1918–1920.
19. Ф. Р-3516. Ведомство земледелия, землеустройства и государственных имуществ Делового кабинета. Владивосток, 1918.
20. Ф. Р-3630. Военно-морское ведомство Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы. Владивосток, 1920.
21. Ф. Р-3703. Финансово-экономическая комиссия при Русском политическом совещании в Париже. Париж, 1918–1919.
22. Ф. Р-4376. Ведомство труда Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Самара, 1918.
23. Ф. Р-4452. Временное Главное управление Российского общества Красного креста (Политцентр). Иркутск, 1920.
24. ГАРФ. Ф. Р-4531. Управление Владивостокской городской милицией. Владивосток, 1917–1922.
25. Ф. Р-4669. Главноуполномоченный Министерства внутренних дел по эвакуации и устройству служащих правительственных учреждений Российского правительства. Омск, 1919–1920.
26. Ф. Р-4711. Войсковое правительство Забайкальского казачьего воска. Чита, 1918–1920.
27. Ф. Р-5000. Уполномоченный Временного Главного управления Российского общества Красного креста по Иркутско-Иннокентьевскому району (Политцентр). Иркутск, 1920.
28. Ф. Р-6354. Временный совет Сибирского народного управления. Иркутск, 1920.
29. Ф. Р-8404. Управление внутренних дел Восточной окраины России (Временное Приамурское правительство). Владивосток, 1919–1922.

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

30. Ф. 274. Центральный комитет партии социалистов-революционеров. 1901–1923.

Российский государственный военный архив (Москва)

31. Ф. 39709. Главное управление по делам казачьих войск. Омск; Иркутск, 1918–1919.
32. Ф. 39466. Главный штаб Военного министерства. Омск, 1918–1919.
33. Ф. 39597. Военное министерство Российского правительства. Омск, 1918–1920.

Центральный государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток)

34. Ф. 28. Владивостокская городская дума. Владивосток, 1870–1926.

35. Ф. Р-84. Уполномоченный Российского общества Красного креста в Приморской области. Владивосток, 1920–1922.

Государственный архив в г. Тобольске

36. Ф. И-580. Заведующий по земельно-устроительным и переселенческим делам в Тобольской губернии. Тобольск, 1866–1919.

Государственный архив Забайкальского края (Чита)

37. Ф. 56. Забайкальская казенная палата. Чита, 1888–1920.

38. Ф. 329. Главнокомандующий всеми вооруженными силами и походный атаман всех казачьих войск Восточной окраины России. Чита, 1919–1920.

39. Ф. 355. Канцелярия управляющего ведомства финансов Российской Восточной окраины. Чита, 1920.

40. Ф. 130. Краевое народное собрание Дальнего Востока. Чита, 1920.

41. Ф. 35. Объединенный фонд Областного союза Забайкальских кооперативов Всероссийского центрального Союза потребительских обществ «Центросоюз» (1916–1920) и Совета кооперативных съездов Забайкальской области Совета Всероссийских кооперативных съездов (1918–1920), Чита.

42. Ф. 334. Забайкальский областной комиссар Всероссийского Временного, Временного Сибирского правительства. Чита, 1916–1920.

43. Ф. 165. Забайкальская областная земская управа. Чита, 1918–1920.

Государственный архив Кемеровской области

44. Ф. Д-20. Контора Судженских каменноугольных копей Л.А. Михельсона. Пос. Анжеро-Судженск, 1906–1920.

45. Ф. Д-13. Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество (Копикуз). Кузнецк, 1912–1919.

Государственный архив Свердловской области

46. Ф. Р-569. Временное областное правительство Урала. Екатеринбург, 1918–1919.

47. Ф. Р-1196. Екатеринбургская городская управа. Екатеринбург, 1918–1919.

48. Ф. Р-1951. Управление внутренних дел Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918–1919.

Государственный архив Томской области

49. Ф. 196. Томская губернская казенная палата. Томск, 1822–1920.

50. Ф. 198. Томское губернское казначейство Томской губернской казенной палаты. Томск, 1863–1920.

51. Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией. Томск, 1918–1919.

52. Ф. Р-312. Томская губернская инспекция труда Министерства труда Российского правительства. Томск, 1917–1919.

Центральный государственный архив Самарской области

53. Ф. 5. Самарская губернская земская управа. Самара, 1865–1918.

54. Ф. Р-122. Временный Самарский губернский комитет по народному образованию при Самарской губернской земской управе. Самара, 1918.

55. Ф. Р-123. Самарский губернский уполномоченный Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Самара, 1918.

56. Ф. Р-402. Комитет членов Учредительного собрания Самарской губернии. Самара, 1918.

57. Ф. 823. Самарский губернский земельный комитет членов Всероссийского учредительного собрания. Самара, 1917–1918.

58. Ф. 2700. Государственного комитета РФ по оборонным отраслям промышленности. Чапаевск, Самарская область, 1917–1993.

59. Ф. Р-3931. Ведомство народного просвещения Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Самара, 1918.

60. Ф. Р-2937. Канцелярия управляющего Самарской губернией в г. Омске. Омск, 1919.

Самарский областной государственный архив социально-политической истории

61. Ф. 651. Партийный архив Самарского обкома КПСС. Куйбышев, 1929–1991.

62. Ф. 3500. Отдел истории партии Куйбышевского обкома ВКП(б) (Истпарт). Куйбышев, 1921–1937.

Государственный архив Новосибирской области

63. Ф. Д-122. Волостные земские управы Новониколаевского уезда. 1917–1923.

64. Ф. Д-144. Документы по истории общественного и революционного движения, о борьбе с контрреволюцией в Сибири (коллекция). 1864–1929.

65. Ф. Д-146. Сибирское статистическое управление. Новониколаевск, 1916–1923.

66. Ф. Д-149. Документы по истории рабочего и профессионального движения в Сибири (коллекция). 1902–1932.

67. Ф. П-5. Сибирская комиссия по изучению истории Коммунистической партии и истории Великой Октябрьской социалистической революции (коллекция). 1921–1940.

68. Ф. Р-1. Сибирский революционный комитет. Челябинск–Новосибирск, 1919–1930.

69. Ф. Р-867. Иркутский политический центр. Иркутск, 1919–1921.

Государственный архив Алтайского края

70. Ф. 224. Барнаульская уездная земская управа. Барнаул, 1914–1920.

71. Ф. 225. Бийская уездная земская управа. Бийск, 1917–1918.

72. Ф. 233. Алтайская губернская земская управа (Алтгубземуправа). Барнаул, 1917–1919.

Государственный архив Красноярского края

73. Ф. 1800. Енисейский губернский комиссариат Временного Сибирского правительства. Красноярск, 1913–1920.

Государственный архив Иркутской области

74. Ф. Р-2143. Восточно-сибирский районный уполномоченный по топливу председателя Особого совещания по топливу. Иркутск, 1915–1919.

Исторический архив Омской области

75. Ф. Р-953. Акмолинский областной комиссариат труда Министерства труда Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.

76. Ф. Р-1617. Акмолинское областное управление Министерства внутренних дел колчаковского правительства. Омск, 1916–1919.

77. Ф. Р-2105. Совет Всесибирских кооперативных съездов. Омск–Иркутск, 1918–1919.

78. Ф. Р-1898. Главный уполномоченный Российского общества Красного креста. Омск, 1919.

79. Ф. П-19. Омский истпарт. Омск, 1896–1987.

Государственный архив Оренбургской области

80. Ф. 41. Оренбургская городская управа. Оренбург, 1871–1919.

81. Ф. 365. Оренбургский комитет уполномоченного Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Оренбург, 1918.

82. Ф. Р-1912. Штаб Оренбургского военного округа. Оренбург, 1917–1919.

Оренбургский государственный архив социально-политической истории

83. Ф. 8042. Оренбургский губернский совет профсоюзов. Оренбург, 1917–1928.

Объединенный государственный архив Челябинской области

84. Ф. Р-1521. Временный комитет по организации гражданской власти Временного контрреволюционного Сибирского правительства. г. Златоуст Уфимской губернии, 1918.

85. Ф. Р-1542. Челябинская уездная народная управа Челябинского уезда. Челябинск, 1911–1923.

86. Ф. П-596. Комиссия по истории партии при Челябинском обкоме ВКП(б). Челябинск, 1920–1939.

Национальный архив республики Башкортостан

87. Ф. И-133. Стерлитамакская уездная земская управа Уфимской губернии. Стерлитамак, 1908–1919.

88. Ф. И-343. Уфимская уездная продовольственная управа. Уфа, 1915–1918.

89. Ф. Р-987. Уфимский губернский уполномоченный Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. Уфа, 1918.

90. Ф. Р-1177. Временный комитет Уфимской городской думы. Уфа, 1918.

91. Ф. П-1832. Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции Башкирского обкома ВКП(б) (Истпарт). Уфа, 1921–1944.

Государственный архив Приморского края

92. Ф. Р-1370. Коллекция документов-воспоминаний «Революционное движение в Приморье». Владивосток, 1885–1989.

Центр документации общественных организаций Свердловской области

93. Ф. 41. Свердловский (Уральский) истпарт. 1922–1979.

Центр хранения документов новейшей истории Восточно-Казахстанской области, Семипалатинск, Казахстан

94. Ф. Р-48. Управляющий Семипалатинской областью. Семипалатинск, 1918–1919.

95. Ф. Р-37. Семипалатинская уездная земская управа. Семипалатинск, 1918–1919.

Государственный архив Хабаровского края

96. Ф. П-44. Отдел дальневосточной краевой комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б) при Хабаровском краевом комитете ВКП(б) (Дальистпарт). Хабаровск, 1922–1939.

Периодическая печать

Газеты

1. Алтайский вестник (Барнаул). – 1919.
2. Алтайский луч (Барнаул). – 1918.
3. Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919.
4. Армия и народ (Уфа). – 1918.
5. Бюллетень военного набата (Владивосток). – 1920.
6. Бюллетень информационного бюро Политического центра (Иркутск). – 1920.
7. Бюллетень информационного отдела Объединенного оперативного штаба военно-революционных организаций (Владивосток). – 1920.
8. Бюллетень правительства Амурской области (Благовещенск). – 1918.
9. Бюллетень Самарского комитета членов учредительного собрания (Самара). – 1918.
10. Бюллетень. Экстренный выпуск (Владивосток). – 1919.
11. Вестник Временного Восточно-Забайкальского правительства (Чита). – 1920.
12. Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). – 1918.

13. Вестник Временного правительства – Приморской областной земской управы (Владивосток). – 1920.
14. Вестник Временного правительства (Пг.). – 1917.
15. Вестник Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). – 1918.
16. Вестник Временного правительства Дальнего Востока – Приморской областной земской управы. – 1920. – 30 мая.
17. Вестник Временного Приамурского правительства (Владивосток). – 1921–1922.
18. Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). – 1918.
19. Вестник Забайкалья (Чита). – 1919–1920.
20. Вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Самара). – 1918.
21. Вестник острова Сахалин (Александровск-на Сахалине). – 1919.
22. Вестник Приамурского Временного правительства (Владивосток). – 1921–1922.
23. Вестник Приамурского земского края (Владивосток). – 1922.
24. Вестник Приморской области (Владивосток). – 1921.
25. Вестник Тобольской губернии (Тобольск). – 1919.
26. Вестник Томской губернии (Томск). – 1919.
27. Вечер (Владивосток). – 1920.
28. Вечерний Барнаул (Барнаул). – 1994. – 27 авг.
29. Вечерняя Заря (Самара). – 1918.
30. Владиво-Ниппо (Владивосток). – 1920.
31. Военные ведомости (Новониколаевск). – 1919.
32. Волжский день (Самара). – 1918.
33. Волжско-Камская речь (Казань). – 1918.
34. Воля Сибири (Красноярск). – 1918–1919.
35. Вперед (Харбин). – 1920.
36. Голос народа (Томск). 1918.
37. Голос Приморья (Владивосток). – 1919.
38. Голос рабочего (Владивосток). – 1921.
39. Голос рабочего (Уфа). – 1918.
40. Городской вестник (Самара). – 1918.
41. Дальний Восток (Владивосток). – 1919.
42. Дело (Иркутск). – 1920.
43. Дело Сибири (Омск). – 1918.
44. Железнодорожник (Томск). – 1918.
45. Жизнь Алтая (Барнаул). – 1918.

46. За Родину (Семипалатинск). – 1919.
47. Забайкальская новь (Чита). – 1919–1920.
48. Заря (Омск). – 1918–1919.
49. Заря (Томск). – 1918.
50. Заря (Харбин). – 1920.
51. Заря Поволжья (Самара). – 1918.
52. Земля и воля (Самара). – 1918.
53. Земля и воля (Сызрань). – 1918.
54. Земские известия (Владивосток). – 1919.
55. Ижевский защитник (Ижевск). – 1918.
56. Известия Временного комитета Самарской торгово-промышленной палаты (Самара). – 1918.
57. Известия Временного комитета Уфимской городской думы (Уфа). – 1918.
58. Известия Забайкальской областной земской управы (Чита). – 1918.
59. Ишимский край (Ишим). – 1918.
60. Контраст (Барнаул). – 2001.
61. Красное знамя (Владивосток). – 1920–1921.
62. Кунгурский вестник (Кунгур). – 1919.
63. Курганская свободная мысль (Курган). – 1918–1919.
64. Кустанайский листок (Кустанай). – 1919.
65. На страже свободы ([Томск]). – 1919.
66. Народ (Самара). – 1918.
67. Народная газета (Томск). – 1918.
68. Народная мысль (Пермь). – 1919.
69. Народная свобода (Барнаул). – 1919.
70. Народная Сибирь (Новониколаевск). – 1918.
71. Народное дело (Уфа). – 1918.
72. Народный вестник (Томск). – 1919.
73. Наш день (Самара). – 1918.
74. Наш край (Уфа). – 1919.
75. Наш край (Хабаровск). – 1919.
76. Наш путь (Тюмень). – 1918.
77. Наш Урал (Екатеринбург). – 1919.
78. Наша жизнь (Самара). – 1918.
79. Наше дело (Иркутск). – 1919–1920.

80. Наше слово (Чита). – 1920.
81. Новое казанское слово (Казань). – 1918. – 16 авг.
82. Новости жизни (Харбин). – 1919–1920.
83. Новый алтайский луч (Барнаул). – 1918–1919.
84. Новый луч (Барнаул). – 1918.
85. Новый путь (Енисейск). – 1918.
86. Оренбургский вестник Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Оренбург). – 1918.
87. Оренбургский казачий вестник (Троицк). – 1919.
88. Освобождение России (Пермь). – 1919.
89. Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1919.
90. Правительственный вестник (Омск; Иркутск). – 1918–1920.
91. Прибайкальская жизнь (Верхнеудинск). – 1919.
92. Прикамье (Сарапул). – 1918.
93. Приморская жизнь (Владивосток). – 1918.
94. Рабочее знамя (Томск). – 1918.
95. Рабочее утро (Оренбург). – 1918.
96. Рабочий день (Оренбург). – 1918.
97. Рабочий и крестьянин (Владивосток). – 1918.
98. Рабочий мир (Владивосток). – 1919.
99. Россия (Харбин). – 1921.
100. Русская армия (Омск). – 1918–1919.
101. Русская речь (Новониколаевск). – 1919.
102. Русский восток (Чита). – 1918.
103. Свободная речь (Семипалатинск). – 1918.
104. Свободная Сибирь (Красноярск). – 1918.
105. Свободное слово (Самара). – 1918.
106. Свободный край (Иркутск). – 1918–1920.
107. Семиреченские областные ведомости (Сергиопольская). – 1919.
108. Сибирская жизнь (Томск). – 1918–1919.
109. Сибирская речь (Омск). – 1919.
110. Сибирский вестник (Омск). – 1918.
111. Социалист (Оренбург). – 1918.
112. Социалист-революционер (Уфа). – 1918.
113. Сызранский вестник (Сызрань). – 1918.

114. Тобольский стрелок (Тобольск). – 1919.
115. Торгово-промышленный вестник (Омск). – 1919.
116. Труд (Уфа). – 1918.
117. Трудовая Сибирь (Чита). – 1918.
118. Урал (Екатеринбург). – 1918.
119. Уральская жизнь (Екатеринбург). – 1919.
120. Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). – 1919–1920.
121. Утро Сибири (Челябинск). – 1918.
122. Уфимская жизнь (Уфа). – 1918–1919.
123. Уфимские губернские известия (Уфа). – 1918.
124. Уфимский вестник (Уфа). – 1918.
125. Эхо (Владивосток). – 1919.
126. Якутский областной вестник (Якутск). – 1918.
127. Якутское земство (Якутск). – 1919.

Журналы

1. Вестник больничных касс (Томск). – 1919. – № 3, 4.
2. Вестник Западно-Уральской железной дороги (Екатеринбург). – 1918. – № 2; № 14; № 20; № 21.
3. Вестник Министерства путей сообщения (Омск). – 1918.
4. Вестник Омской железной дороги (Омск). – 1919. – № 15–17.
5. Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги (Самара). – 1918. – № 14.
6. Вестник Самарского совета профессиональных союзов (Самара). – 1918. – № 1.
7. Вестник Совета Всесибирских кооперативных съездов (Омск). – 1919. – № 10–11.
8. Вестник Уфимского совета профессиональных союзов (Уфа). – 1918. – № 1.
9. Вестник Христианского союза молодых людей (Владивосток). – 1919. – № 1–2.
10. Единая Россия (Омск). – 1919. – № 2; № 5.
11. Еженедельник (Харбин). – 1919. – № 3.
12. Еженедельник (Харбин). – 1921. – № 1; № 2; № 4; № 5.
13. Жизнь красной Сибири (Новониколаевск). – 1921. – № 1–2.
14. Жизнь Сибири (Новониколаевск). – 1922. – № 4.
15. Земская жизнь Приморья (Владивосток). – 1918. – № 4; № 5.
16. Земский журнал (Нижнеудинск). – 1919. – № 1; № 7.
17. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. – Пг., 1915. – Вып. 6.

18. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. – Пг., 1914. – Вып. 1.
19. Известия Всесибирского союза земств и городов («Сибземгора») (Томск). – 1919. – № 1–6.
20. Известия Главного комитета [Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам] (М.). – 1914. – № 1.
21. Известия окружного комитета служащих Самарского почтово-телеграфного округа (Самара). – 1918. – № 13–14; № 15–16; № 17–18.
22. Известия Самарского губернского совета народного хозяйства (Самара). – 1918. – № 9.
23. Известия Совета областных съездов (Самара). – 1918. – № 1.
24. К свету (Самара). – 1918. – № 18–19.
25. Народное дело (Нижеудинск). – 1919. – № 10.
26. Народное дело (Оренбург). – 1918.
27. Народные думы (Бийск). – 1919. – № 4.
28. Наша жизнь: еженедельный профессиональный политический журнал. Орган Томского окружного почтово-телеграфного союза (Томск). – 1919. – № 7.
29. Новое земское дело (Красноярск). – 1919. – № 26–27.
30. Омский голос (Омск). – 1919. – № 12.
31. Приамурский кооператор (Владивосток). – 1919. – № 1.
32. Приморский рабочий (Владивосток). – 1919. – № 1–2.
33. Промышленность Западной Сибири (Омск). – 1918. – № 4–5. Вкладыш; № 6.
34. Путь деревни (Ачинск). – 1918. – № 17; № 24.
35. Рабочая мысль (Харбин). – 1921. – № 5.
36. Северосоюз (Тобольск). – 1918. – № 36–37.
37. Сибирский горнорабочий (Томск). – 1918. – № 1.
38. Сибирский печатник (Томск). – 1918. – № 1; № 7; № 9.
39. Сибирский рабочий (Иркутск). – 1919. – № 1; № 2; № 4; № 6–7; № 8; № 9; № 10; № 11; № 12; № 13.
40. Сибирское медицинское обозрение (Красноярск). – 1918. – № 1/2; № 3–6.
41. Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (Омск). – 1918. – № 1–2.
42. Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). – 1918. – № 1–4; № 8–9.

43. Собрание узаконений Временного правительства (Пг.). – 1917. – № 100; № 182; № 246.
44. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). – 1918. – № 1–23.
45. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые правительствующим сенатом. – Омск, 1919. – № 1–24.
46. Страхование рабочих (М.). – 1917. – № 6–7.
47. Ткач (Симбирск). – 1918. – № 11.
48. Уральский печатник (Екатеринбург). – 1918. – № 1; № 4.
49. Уфимский торгово-промышленный вестник (Уфа). – 1918. – № 24–25.
50. Siberian Opportunities. Вестник русско-американского сближения (Сан-Франциско). – 1919. – № 3.

Опубликованные источники

1. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела А.В. Колчака / под ред. А. Н. Сахарова, В. С. Христофорова, Г. А. Трукана [и др.]. – М., 2003. – 701 с.
2. 1918 год на востоке России / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2003. – 463 с.
3. А.М. Сибирская кооперация в период военной диктатуры / А. М. – Омск, 1922. – 40 с.
4. Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие: сб. архив. документов и материалов / сост. М. М. Козыбаева, З. Т. Садвокасова, Ф. Р. Лебаев. – Алматы : Литера-М, 2018. – 432 с.
5. Алаш-Орда : сб. документов / сост. Н. Мартыненко. – Кзыл-Орда, 1929.
6. Антибольшевистское правительство (из истории белого движения) : [сб. документов] / сост.: С. П. Васильченко, О. А. Васьковский, Е. П. Сичинский [и др.]. – Тверь : ТвГУ, 1999. – 219 с.
7. Античные философы (свидетельства, фрагменты и тексты) / сост. А. А. Аветисян. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1955. – 314 с.
8. Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства : сб. документов и материалов / сост. В. И. Василевский. – Чита : Поиск, 2002. – 128 с.
9. Белая эмиграция в Китае и Монголии / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 431 с.
10. Болдырев, В. Г. Директория. Колчак. Интервенты : воспоминания / В. Г. Болдырев. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.

11. Болоховской, А. После плена / А. Болоховской // Поэзия Белой столицы : стихи поэтов Омска 1918–1919 гг. – Тобольск, 2016. – С. 67.
12. Бородин, Н. А. Идеалы и действительность: 40 лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919) / Н. А. Бородин. – Берлин; Париж, 1930. – 214 с.
13. Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922 гг.) : сб. документов. – Владивосток : Примиздат, 1955. – 831 с.
14. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.) : сб. документов и материалов / отв. ред. П. И. Рощевский. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. – 430 с.
15. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919) : сб. документов и материалов / гл. ред. В. С. Флеров. – Томск : [б.и.], 1957. – 569 с.
16. Буллард, А. Деятельность Америки в Сибири / А. Буллард // Дружеское слово (Владивосток). – 1918. – № 1. – С. 6.
17. Знаменский, Н. Время чехов / Н. Знаменский // Борьба за Казань: сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. – Казань, 1924. – № 1. – С. 111–180.
18. Борьба за советскую власть на Южном Урале (1917–1918 гг.) : сб. документов и материалов / ред. П. Г. Агарышев [и др.]. – Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1957. – 484 с.
19. Будберг, А. Дневник белогвардейца: воспоминания, мемуары / А. Будберг. – Минск : Харвест; М. : АСТ, 2001. – 335 с.
20. В борьбе с контрреволюцией : сб. документов и материалов (1918–1919 гг.). – Омск : Ом. кн. изд-во, 1959. – 198 с.
21. Витольдова-Лютык, С. На восток: воспоминания времен колчаковской эпопеи в Сибири в 1919–1920 гг. / С. Витодольдова-Лютык. – Рига : Ориент, [1928]. – 126 с.
22. Волегов, И. Воспоминания о Ледяном походе. 1918–1922 / И. Волегов. – Данденонг, Виктория : Тип. Г. А. Павлова, 1988. – 273 с.
23. Вологодский, П. В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918–1925) / П. В. Вологодский; сост., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндреса. – Рязань, 2006. – 619 с.
24. Восточный фронт адмирала А.В. Колчака / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2004. – 651 с.
25. Вошакин, А. М. Эвакуация / А. М. Вошакин // Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919 г. – Тобольск, 2016. – С. 90.
26. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2010. – 362 с.

27. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Сова, 2007. – 818 с.
28. Всеволод Иванов. У черты. Очерки фронта / подг. текста, коммент. Е.А. Попковой // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы. 1917–2017. – М., 2017. – С. 434–460.
29. Гайдовское восстание во Владивостоке 19–20 ноября 1919 г. // Дальистпарт: сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. – Владивосток, 1923. – Кн. 2. – С. 141–148.
30. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г. К. Гинс. – (перв. изд.: Харбин, 1921). – М. : Крафт+, 2007. – 704 с.
31. Гоппер, К. Четыре катастрофы: воспоминания / К. Гоппер. – Рига : Dzīve un kultūra, 1920. – 168 с.
32. Государственный переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года : сб. документов / сост. В. Зензинов. – Париж, 1919.
33. Гражданская война в Прикамье: сб. документов (май 1918 – январь 1920 гг.). – Пермь : Стиль-МГ, 2008. – 503 с.
34. Гражданская война в России: борьба за Поволжье : сб. / сост. А. Смирнова. – М. : АСТ : Транзиткнига; СПб. : Terra Fantastica, 2005. – 444 с.
35. Гражданская война в России: катастрофа белого движения в Сибири : сб. – М. : АСТ, 2005. – 480 с.
36. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 : сб. документов и материалов. – Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1962. – 440 с.
37. Грондейс, Л. Война в России и Сибири / Л. Грондейс; под ред. Р. Г. Гагкуева; сост., ред. и коммент. Р. Г. Гагкуев; пер. с фр. М. Ю. Кожевникова. – М. : РОССПЭН, 2018. – 455 с.
38. Движение Алаш: сборник документов и материалов. Декабрь 1917 – май 1920 г. – Алматы : Алаш, 2005. – Т. 2. – 496 с.
39. Движение Алаш: сборник материалов судебных процессов над алашевцами : в 3 т. – Алматы : Ел-шежіре, 2011. – Т. 1 : Документы, допросы и ответы, синхронные переводы, материалы судов, конфискованные письма / сост. Х. М. Турсун; науч. ред. Д. Махат. – 428 с.
40. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 625 с.
41. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 2 : 17 марта – 10 июля 1918 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 698 с.
42. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Политиздат, 1964. – Т. 3 : 11 июля – 9 ноября 1918 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 676 с.

43. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 4 : 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 744 с.
44. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 5 : 1 апреля – 31 июля 1919 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 676 с.
45. Декреты Советской власти : сб. материалов и документов. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 6 : 1 августа – 9 декабря 1919 г. / ред. С. Н. Валк [и др.]. – 584 с.
46. Докладная записка башкирских политических деятелей верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку. Октябрь 1919 г. / публ. и предисл. С. С. Балмасова // Белая гвардия : альманах. – 2005. – № 8 : Казачество России в Белом движении. – С. 224.
47. Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию. – Владивосток : Издание Приморской окружной торгово-промышленной палаты, 1922. – 459 с.
48. Еленевский, А. Лето на Волге (1918 год) / А. Еленевский // 1918 год на востоке России / сост. С. В. Волков. – М., 2003. – С. 134–172.
49. Еловский, И. Голодный поход Оренбургской армии: из воспоминаний участника похода / И. Еловский. – Пекин : Тип. Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1921. – 26 с.
50. Енборисов, Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом / Г. В. Енборисов. – Шанхай, 1932. – 288 с.
51. Ефимов, А. Ижевцы и воткинцы / А. Ефимов // 1918 год на востоке России / сост. С. В. Волков. – М., 2003.
52. Ефимов, А. Г. Ижевцы и воткинцы: борьба с большевиками. 1918–1920 / А. Г. Ефимов. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 415 с.
53. Жиганов, В. Д. Эвакуация Приморья / В. Д. Жиганов // Первопоходник. – 1972. – № 7. – С. 4–7.
54. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 г. : в 4 т. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. 4 : Сентябрь–октябрь 1917 г. / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. – 510 с. – (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. X).
55. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. 3 : Июль–август 1917 г. / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. – 416 с. – (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. IX).
56. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. – М. : РОССПЭН, 2002. – Т. 2 : Май–июнь 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько, О. В. Лавинская. – 512 с. – (Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. VIII).

57. Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства (июнь 1918 г.) / публ. и коммент. В. И. Шишкина // Известия Омского историко-краеведческого музея. – Омск, 2005. – № 11. – С. 291–303.
58. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года : [сб. документов] / отв. ред., сост., предисл. Б. Ф. Додонов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 631 с.
59. Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства А.В. Колчака (ноябрь 1918 – декабрь 1919) : сб. документов : в 3 т. / отв. ред. Б. Ф. Додонов; отв. сост. Е. В. Балущкина, К. Г. Ляшенко; сост. В. Д. Лебедев. – М. : Кучково поле, 2018. – Т. 1 : Ноябрь 1918 – апрель 1919. – 872 с.; Т. 2 : Май–июнь 1919. – 752 с.; Т. 3 : Июль–декабрь 1919. – 1072 с.
60. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года) : сб. документов / сост.: Е. В. Луков, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. – Вып. 1–3. – 447 с.
61. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) / сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск, 2002. – Вып. 1. – 150 с.; Томск, 2003. – Вып. 2. – 202 с.
62. Законы и распоряжения о беженцах. – М. : Изд-во юрид. отд. Всерос. союза городов, 1916. – Вып. 1. – 103 с.
63. Законы о страховании рабочих. – Омск, 1919. – 53 с.
64. Залыгин, С. П. Комиссия. – М. : Советский писатель, 1988. – 446 с.
65. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. материалов и документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2005. – 246 с.
66. Записки белогвардейца – лейтенанта N.N. // Архив русской революции : в 22 т. – М. : Терра, 1991. – Т. 9–10. – С. 56–114.
67. Зарудная-Фриман, М. Мчались годы за годами: история одной семьи / М. Зарудная-Фриман. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 365 с.
68. Земельные органы антибольшевистских правительств Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) : сб. документов / сост. и отв. ред. В. М. Рынков. – Новосибирск : Сибпринт, 2017. – 544 с.
69. Иванов, Вс. Н. В Гражданской войне: из записок омского журналиста / Вс. Н. Иванов. – 2-е изд. / предисл., коммент. К. М. Цимбаев. – М. : Изд. Гос. публ. ист. библ. России, 2017. – 206 с.
70. Ижевск: документы и материалы. 1760–2010. – Ижевск, 2010. – 900 с.

71. Из воспоминаний главноуправляющего труда Временного областного правительства Урала П.В. Мурашева «Контрреволюция на Урале 1918–1919 гг.» // Уральский областник. – 1994. – № 4. – С. 23–37.
72. Иностранная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане : документы и материалы : в 2 т. / сост. А. Г. Багрянцев, А. С. Елагин, И. А. Алимов [и др.]. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. – Т. 1 : Май 1918 г. – сентябрь 1919 г. – 685 с.
73. Иностранцев, М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина; вступ. стат., коммент. А. В. Ганина. – М. : Кучково поле; Издательский центр Воевода, 2017. – 928 с.
74. Иностранцев, М. А. Первое поручение адмирала Колчака / М. А. Иностранцев // Генерал Дитерихс / ред. и сост. В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2004. – С. 245–258.
75. Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 847 с.
76. История Западного отделения Алаш-Орда / сост. М. Н. Сдыков [и др.]. – Уральск : [б.и.], 2012. – Т. 1 : Сборник документов и материалов. – 464 с.
77. К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция) : сб. стат. – М., 1919. – 111 с.
78. Климушкин, П. Д. История Комитета народной власти второго периода / П. Д. Климушкин // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). – Самара : Самар. гос. ун-т, 2004. – С. 154–188.
79. Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М. : Центрполиграф, 2003. – 927 с.
80. Катанаев, Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска / Г. Е. Катанаев; отв. ред. А. Л. Посадсков. – Новосибирск : Изд-во ГПНТБ СО РАН, 2005. – 367 с.
81. Кессель, Ж. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. : [роман] / Ж. Кессель. – Владивосток : Рубеж, 2012. – 144 с.
82. Китай и русская эмиграция в Дневниках И. И. и А. Н. Серебрянниковых : в 5 т. – М. : РОССПЭН, 2006. – Т. 1 : «Пока мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934) / предисл. М. Раева (англ.); сост., вступ. ст., подг. текста, биогр. словарь и коммент. А. А. Хисамудинова; общ. ред. С. М. Ляндреса. – 448 с.
83. Климушкин, П. Д. Борьба за демократию в России / П. Д. Климушкин // Гражданская война на Волге в 1918 году. – Прага, 1930. – Сб. 1. – С. 38–102.

84. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводом очерком А. Таняева. – Свердловск : Уралполиграф, 1929. – 63; 232 с.
85. Контрреволюция в Сибири: доклад полковника Глухарева // Красная летопись. – М., 1923. – № 5. – С. 356–370.
86. Кроть, Л. А. За три года: воспоминания, впечатления и встречи / Л. А. Кроть. – Владивосток : Свободная Россия, 1921. – 212 с.
87. Лапандин, В. А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.) : исторические источники / В. А. Лапандин : в 2 т. – Самара : СЦАИИИ, 2006. – Т. 1. – 250 с.; Т. 2. – 292 с.
88. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 31 : Март–апрель 1917. – 671 с.
89. Ленские прииски : сб. документов / под ред. П. Поспелова. – М. : История заводов, 1937. – 563 с.
90. Лорд Прей, Э. Письма из Владивостока (1894–1930) / Э. Лорд-Прей; под ред. Б. Ингемансон; пер. с англ. А. А. Сапелкин. – Владивосток : Рубеж, 2014. – 464 с.
91. Ляшенко, М. Из Питера в Питер : повесть / М. Ляшенко. – М. : Детская литература, 1981. – 303 с.
92. Майский, И. М. Демократическая контрреволюция / И. М. Майский. – М.; Пг. : Госиздат, 1923. – 360 с.
93. Маргулиес, М. С. Год интервенции / М. С. Маргулиес. – Берлин : Изд-во З. И. Гржебина, 1923. – Кн. 1 : Сентябрь 1918 – апрель 1919 г. – 361 с.
94. Маслов, Г. Стихотворения / Г. Маслов. – Красноярск : Платина : Журн. «День и ночь», 1998. – 54 с.
95. Молотов, К. К истории РКП в Сибири. Август–декабрь 1918 года / К. Молотов // Три года в борьбе за диктатуру пролетариата. – Омск, 1920. – С. 159–165.
96. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.) : документы и материалы : в 4 т. / авт.-сост. Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 2003. – Т. 2, ч. 2. – 692 с.
97. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. : документы и материалы / сост. и науч. ред. Б. Б. Батуев. – Улан-Удэ : Сибирь, 1994. – 198 с.
98. Неизвестный дневник барона А. П. Будберга 1919–1920 гг. // Ганин А. Семь «почему» российской Гражданской войны. – М. : Пятый Рим, 2018. – С. 588–721.
99. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. – Пг. : Тип. т-ва п.ф. «Эл. тип. Н. Я. Стойковой», 1916. – 515 с.

100. Образование всероссийской власти в Сибири (Из дневника П.В. Вологодского) / публ. Д. Г. Вульфа, С. М. Ляндреса // Отечественная история. – 2000. – № 6. – С. 135–140.
101. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 : документы и материалы : в 6 т. – Челябинская область. – Т. 1 : 1917–1945. / редкол. М. Н. Рязанов [и др.]. – Челябинск : Книга, 2005. – 638 с.
102. Папушек, И. Причины чехословацкого выступления / И. Папушек // Воля России. – Прага, 1928. – № 8–9. – С. 287–350.
103. Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти / публ. подг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский // Вопросы истории. – 2006. – № 2. – С. 3–14; № 3. – С. 3–17; № 4. – С. 3–8.
104. Партия социалистов-революционеров : документы и материалы : в 3 т. / автор предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев; отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3, ч. 2 : Октябрь 1917 – 1925 г. – 1055 с.
105. Парфенов, П. Переговоры с командованием белых армий в 1920–1921 гг. / П. Парфенов // Пролетарская революция. – 1926. – № 11 (58). – С. 143–195; № 12 (59). – С. 208–233.
106. Первое приморское областное земское собрание 8–20 сентября 1919 г. – [Владивосток] : Изд. Приморской обл. зем. управы, 1919. – Т. 1 : Протокол и журнал земского собрания. – IV, III, 21, 146 с.
107. Первый съезд Сибирских больничных касс с представителями Урала и Комитета членов Учредительного собрания, состоявшийся 3–9 октября 1918 г. в Томске. – Омск: [б.и.], 1918. – 61 с.
108. Петров, Н. Н. От Волги до Тихого океана в рядах белых: воспоминания, документы / Н. Н. Петров. – М. : Айрис-пресс, 2011. – 543 с.
109. Петров, П. В Приморье (1921–1922 гг.) / П. Петров // Последние бои на Дальнем Востоке : [сборник]. – М., 2005. – С. 7–45.
110. Петров, П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.): воспоминания / П. П. Петров. – Рига : М. Дидковский, 1930. – 250 с.
111. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) : сб. документов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – 2-е изд., расш. и доп. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 418 с.
112. Под знаменем Комуца: Самарский край, июнь – октябрь 1918 г. : сборник документов и материалов / науч. ред. А. В. Калягин; отв. сост. О. В. Зубова, А. В. Калягин; сост.: Н. М. Малкова, А. Ю. Маркелов, К. Ф. Фролова. С. А. Фунтикова. – Самара : Книжное издательство, 2018. – 584 с.

113. По ту сторону Урала (В царстве Колчака). – Уфа : Уфимский губ. револ. ком-т, 1919. – 39 с.
114. Полное собрание законов Российской империи. – 3-е изд. – Т. XXXII. 1912 г. – Отд. 1 : От № 36391 – 38602 и Дополнения. – Пг., 1915. – 1819 с.
115. Последние бои на Дальнем Востоке / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 815 с. – (Россия забытая и неизвестная).
116. Приданников, А. О. Вычеркнутые из истории: записки очевидца / А. О. Приданников. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. – 163 с.
117. Приказы Комитета членов Учредительного собрания. – Самара : Тип. М. Фейгельман, 1918. – 94 с.
118. Приказы по Степному корпусу. Омск, 1918 // Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. – Инв. № 355(57) П-758. – № 51 от 6 июля; № 79 от 26 июля; № 102 от 13 авг.
119. Приказы Сибирскому казачьему войску. Омск, 1918 // Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. – Инв. № 355(57) П-758. – № 330 от 14 авг.
120. Протоколы 3-го очередного войскового круга области войска Оренбургского. – Троицк : [б.и.], 1919. – 479 с.
121. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 : [сб. документов] / сост. и отв. ред. В. И. Шишкин. – М. : МФ «Демократия», 2003. – 672 с.
122. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных заводов и фабрик: документы и материалы / сост., авт. вступ. стат. и прим. Д. Б. Павлов. – М. : РОССПЭН, 2006. – 256 с.
123. Рабочий класс Урала в годы войны и революций: в документах и материалах: под ред. А.П. Танеева : в 3 т. – Свердловск : Уралпрофсовет, 1927. – Т. 3 : Октябрьский переворот на Урале / с вводным очерком Евг. Гольдича. – 451 с.
124. Развитие народного образования в Восточном Казахстане (XIX – начало XX в.) : сб. документов / сост. Г. Т. Касымова, М. И. Перебеева, А. Е. Шалыгин. – Семей, 2016. – Ч. 1. – 311 с.
125. «Реальная» политика Временного Сибирского правительства / публ. С. В. Дрокова // Белая армия. Белое дело : ист. науч.-попул. альм. – 2001. – № 9. – С. 29–41.
126. «Реальная» политика Временного Сибирского правительства (окончание) / публ. С. В. Дрокова // Белая армия. Белое дело : ист. науч.-попул. альм. – 2002. – № 10. – С. 35–47.
127. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922 : хрестоматия. – Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2001. – 528 с.
128. Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов / сост. Л. И. Петрушева, Е. Ф. Теплова. – М. : Ин-т российской истории РАН, 1995. – 442 с.

129. Руднев, С. П. При вечерних огнях: воспоминания / С. П. Руднев. – Харбин : Заря, 1928. – 467 с.
130. Сахаров, К. В. Белая Сибирь: внутренняя война 1918–1920 гг. / К. В. Сахаров. – Мюнхен, 1923. – 325 с.
131. Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 г. – Омск, 1921. – 92 с.
132. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Пг. : Первая гос. тип., 1918. – Вып. 2 : 25 мая – 24 июня 1917 г. – Ч. 1. Отд. I – III. – VIII, 698 с.
133. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Пг. : Гос. тип., 1917. – Вып. 1 : 27 февраля – 5 мая 1917 г. – 557 с.
134. Сибирская милиция (1918–1919 гг.) : сборник нормативно-правовых документов / сост. С. П. Звягин, Л. И. Петрушева. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – 93 с.
135. Сибирский предпарламент: частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь–август 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2013. – 292 с.
136. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 : сб. материалов и документов. – Новосибирск, 1959. – 658 с.
137. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: сб. воспоминаний. – Ульяновск : Ульян. кн. изд-во, 1958. – 432 с.
138. Скитания русского офицера : дневник Иосифа Ильина. 1914–1920 / И. С. Ильин; подг. текста, вступ. ст. В. П. Жобер. – М. : Книжница/Русский путь, 2016. – 480 с.
139. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири / Славянофил. – Токио : Тоио-Инсацу-Кабусики-Кайша, 1921. – 22 с.
140. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. – М., 1919. – № 15.
141. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 г. – 3 января 1920 г.) : сб. документов : в 2 т. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. – Т. 1. – 748 с.; Т. 2. – 734 с.
142. Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.). Т. 2 : сборник документов / под ред. В. А. Золотарева; отв. сост. Т. В. Сорокина. – М. : Новый хронограф, 2005. – 765 с.
143. Солодовников, Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда (из записок русского революционера) / Б. Солодовников. – Прага : [Собственное издание, 1921].
144. Справочная книжка о правах солдат и их семей на пенсию, пособия и другие виды помощи от государства и об особых правилах и преимуществах на государственную помощь солдат участников войны с большевиками. – Омск, 1919. – 38 с.

145. Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политическому центру в присутствии высоких комиссаров и высшего командования союзных держав. Иркутск (станция). Январь 1920-го года. – Харбин, 1921.
146. Сучанская долина в годы гражданской войны : документы // Красный архив. – 1938. – Т. 6 (91). – С. 16–88.
147. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 : сб. документов. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3. Кн. 2 : 1918–1920 / сост., автор предисл. и прим. Н. И. Канищева; отв. ред. В. В. Шелохаев. – 248 с.
148. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1992. – Ч. 1. – 173 с.; Ч. 2. – 346 с.
149. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1992. – 130 с.
150. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1991. – 219 с.
151. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1991. – 332 с.
152. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1992. – 205 с.
153. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1992. – 208 с.
154. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) : [сб. материалов] / науч. ред. Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1992. – Ч. 1. – 150 с.; Ч. 2. – 332 с.
155. Таган, Г. Башкиры в Забайкалье / Г. Таган // Ватандаш. – 1997. – № 8. – С. 113–129; № 9. – С. 147–156; № 10. – С. 155–168.
156. Уральский архив : [публ. документов] // Уральский областник. – 1991. – № 1. – С. 71–84; № 2. – С. 55–87.
157. Установление советской власти в Кузбассе (1917–1919 гг.) : сб. документов / под ред. В. А. Кадейкина. – Кемерово : Кем. кн. изд-во, 1957. – 430 с.

158. Уфимское государственное совещание / пред. и прим. А. Ф. Изюмова // Русский исторический архив. – Прага, 1929. – Сб. 1. – С. 57–280.
159. Федотов-Уайт, Д. Н. Пережитое. Война и революция в России / Д. Н. Федотов-Уайт; пер с англ. А. Дементьев. – М. : Циолковский, 2017. – 491 с.
160. Филатьев, Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца / Д. В. Филатьев. – Paris : Ymca-press, 1985. – 144 с.
161. Филимонов, Б. Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов / Б. Б. Филимонов. – Шанхай : Слово, 1932. – 244 с.
162. Филимонов, Б. Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход. Зима 1921/1922 г. / Б. Б. Филимонов // Последние бои на Дальнем Востоке / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2005. – С. 348–351.
163. Филимонов, Б. Б. Конец Белого Приморья / Б. Б. Филимонов. – Вашингтон : Изд. Русского книжного дела в США Victor Kamkin, Inc., 1971. – 371 с.
164. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области : сб. документов / сост и науч. ред. Д. И. Петин. – Омск : Исторический архив Омской области, 2014. – 223 с.
165. Флот в белой борьбе / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2002. – 607 с.
166. Флуг, В. Е. Отчет о поездке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. / В. Е. Флуг // Архив русской революции. – М., 1991. – Кн. 5. Т. 9. – С. 249–267.
167. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.) : сб. документов / сост. М. И. Вебер. – Екатеринбург : УрО РАН, 2019. – 272 с.
168. Хилл, Л. Т. (мл.) Американка в Сибири во время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. / Л. Т. Хилл (мл.); пер. В. Бурсак. – М. : Русский импульс, 2004. – 383 с.
169. Черняк, Э. И. Политические партии в Сибири: март 1917 – ноябрь 1918 гг. / Э. И. Черняк. – Томск : ТГУ, 1993. – 195 с.
170. Черняк, Э. И. Профессиональные объединения Сибири. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. Съезды, совещания, конференции / Э. И. Черняк : в 2 ч. – Томск : ТГУ, 1994. – Ч. 1. – 185 с.; Ч. 2. – 357 с.
171. Чехословацкий корпус в Поволжье. 1918–1920 годы : документы и материалы / [сост. А. Г. Рыбков] ; под ред. С. Ю. Наумова, Е. И. Демидовой. – Саратов : Саратовский гос. социально-экономический ин-т (фил.) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2014. – 181, [2] с.
172. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920 гг. : документы и материалы. – М.: Кучково поле, 2018. – Т. 2 : Чехословацкие легионеры и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / отв. сост. А. Р. Ефименко. 1024 с.

173. Ширямов, А. А. Иркутское восстание и расстрел Колчака / А. А. Ширямов // Сибирские огни. – 1924. – № 4. – С. 122–139.
174. Шишкин, В. И. К истории колчаковского переворота : [публ. документа] / В. И. Шишкин // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1989. – Вып. 1. – С. 59–63.
175. Эспе. Год в царстве Колчака: материалы по истории рабочего движения Сибири с июля 1918 до июля 1919 г. / Эспе. – Казань, 1919. – 48 с.
176. 4–5 апреля 1920 года : сборник документов. – Хабаровск : Дальгиз, 1937. – 87 с.
177. Алаш қозғалысы : Құжаттар мен материалдар жинағы. – Алматы : Алаш, 2005. – Т. 2 : Желтоқсан 1917 ж. – мамыр 1920 ж. [Движение Алаш : сборник документов и материалов. – Т. 2 : Декабрь 1917 г. – май 1920 г.] / жауапты құраст. Е. М. Грибанова, С. О. Смағұлова. – 496 б.
178. Алаш қозғалысы: мәселенің зерттелу тарихынан : Құжаттар мен материалдар жинағы. – Алматы : Ел-шежіре, 2008. – Т. 4 : 1918–2007 гг. [Движение Алаш: из истории изучения вопроса : сборник документов и материалов. – Т. 4 : 1918–2007 гг.] / бас ред. М. Қ. Қойгелдиев; жауапты құраст. А. С. Зұлқашева. – 472 б.
179. Алаш Таным : сборник документов. – Семей, 2012. – 425 с.
180. Алаш–Ақиықтары: мақалалар, деректі кужаттар, аудармалар : [сборник документов]. – Алматы : Алаш, 2006. – 288 б.
181. Brändstärm, E. Among prisoners of war in Russia and Siberia / E. Brändstärm. – L., 1929. – 284 p.
182. Charles Quenet L'arriere siberien // Le monde slave. 1926. № 8. P. 161–182.
183. Greves, W. S. America's Siberian Adventures. 1918–1920 / W. S. Greves. – N-Y., 1931. – 363 p.
184. Horrocks, B. H. A full life | B. H. Horrocks. – L., 1960. – 342 p.
185. Montandon, G. Deux Ans Chez Koltchak et chez les bolcheviques, pur la Croix-Rouge de Geneve (1919–1921) / G. Montandon. – Paris : Librairie Felix Alcan, 1923. – 318 p.
186. Papers relating to the foreign Relation of the United States: 1918. Russian. – Washington, 1932. – V. III.
187. The testimony of Admiral Kolchak and other Siberian Materials / E. Varneck, H. H. Fisher (ed.). – Stanford, 1935. – 466 p.
188. The work of the American Red Cross during the war: a statement of finances and accomplishments for the period July 1, 1917 to February 28, 1919. – Washington, 1919. – 90 p.
189. Za Svobodu: Obrazkova kronica cekoslovenskoho / revolucniho hnuti na rusi / 1914–1920. – D. 3 : Pod vedeniem prof. T.G. Masaryka. 1917–1918. – Praha, 1926; D. 4 : Anabase 1918–1920. – Praha, 1929.

Энциклопедическая и справочная литература

1. Белое движение: каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.) / сост.: Г. В. Михеева (отв. сост.), Э. Е. Алексеева, Н. А. Давиденко [и др.]; Рос. нац. б-ка. – СПб.: [Изд-во РНБ], 2000. – 504 с.
2. Блюменталь, И. И. 1918 год в Самаре: историко-революционный календарь / И. И. Блюменталь // Вся Самара и губерния на 1926 год : адресно-справочная книга. – Самара, 1926. – С. 67–91.
3. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 703 с.
4. Михеева, В. Г. Листовки белого движения в архивах Праги : каталог собрания / В. Г. Михеева. – СПб. : Нестор, 2003. – 116 с.
5. Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири : библиогр. указатель. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 103 с.
6. Правила издания исторических документов в СССР. – М., 1969. – 111 с.
7. Социальная политика : толковый словарь / под ред. Н. А. Волгина. – 2-е изд., доработ. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 453 с.
8. Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В. А. Ядов. – СПб. : Наука. СПб. отд-ние, 2006. – 425 с.
9. Справочник по биржам труда России / сост. А. Аникст. – М. : Типо-литография товарищества издательского и печатного дела, 1918. – Вып. 1. – 30 с.
10. Статистический ежегодник 1918–1920 г. – М., 1921. – Вып. 1. – 693 с.
11. Троцкий, В. Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: хроника событий / В. Троцкий. – Самара: Госиздат. Ср.-Волж. обл. отд-ние, 1929. – Т. 2 : 1918 год. – 305 с.
12. Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Изд. испр. и доп. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – 1112 с.
13. Энциклопедия города Омска. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2009. – Т. 1 : Омск: от прошлого к настоящему. – 919 с.

Специальная литература

1. А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920) : сб. документов и материалов / сост. Н. М. Хисматуллина [и др.]. – Уфа : Китап, 2005. – 392 с.
2. Аблажей, Н. Н. Сибирское областничество в эмиграции / Н. Н. Аблажей. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ, 2003. – 304 с.

3. Аблажей, Н. Н. Атаман Семенов в Белом движении (1917–1945) / Н. Н. Аблажей, Д. Г. Симонов // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах : материалы регион. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – С. 60–63.
4. Абрамовский, А. П. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. / А. П. Абрамовский, А. В. Буданов. – Челябинск : ЧИ УрАГС, 2008. – 373 с.
5. Абрамовский, А. П. Рабочий класс горнозаводской промышленности Урала в борьбе с контрреволюцией / А. П. Абрамовский, Н. Ф. Мишин // Из истории Южного Урала и Зауралья. – Челябинск, 1971. – С. 27–50.
6. Авдошкина, О. Д. Сибирские и дальневосточные партии кадетов в годы Гражданской войны / О. Д. Авдошкина // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – Хабаровск, 2007. – Вып. 5. – С. 90–104.
7. Аверьев, В. Аграрная политика колчаковщины / В. Аверьев // На аграрном фронте. – 1929. – № 6. – С. 24–45; № 8. – С. 23–44.
8. Агалаков, В. Т. К вопросу о ликвидации колчаковщины и ее учреждений / В. Т. Агалаков // Труды Иркутского университета. – Иркутск, 1958. – Т. 25. – Вып. 1. – С. 3–22.
9. Агалаков, В. Т. Киренский уезд Иркутской губернии в 1917–1920 годах. (Изучение истории провинциальной России) : учеб. пособие / В. Т. Агалаков. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1994. – 54 с.
10. Адамов, В. В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции / В. В. Адамов // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония) : материалы к науч. сессии по истории пролетариата. – Одесса, 1967. – Ч. 2. – С. 159–167.
11. Акерлоф, Дж. Экономика идентичности: как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работам, сколько зарабатываем и насколько несчастны / Дж. Акерлоф; пер. с англ. Г. Стороженко. – М. : Карьера-Пресс, 2010. – 212 с.
12. Аксютин, Ю. В. Мятаж Чехословацкого корпуса. К истории начала Гражданской войны / Ю. В. Аксютин // Свободная мысль. – 2008. – № 9. – С. 121–132.
13. Аксютин, Ю. В. Послеоктябрьское похмелье гегемона: рабочий класс и политические партии России в первый год советской власти (ноябрь 1917 – конец 1918 г.) / Ю. В. Аксютин. – М. : ИИУ МГОУ, 2013. – 408 с.
14. Акулов, М. Р. Профсоюзы Сибири в борьбе против контрреволюционного эсеро-меньшевистского правительства и колчаковщины, за восстановление советской власти / М. Р. Акулов // Боевые годы: сб. статей и воспоминаний. – Новосибирск, 1959. – С. 17–22.
15. Акулов, М. Р. Профсоюзы Западной Сибири / М. Р. Акулов, А. С. Московский. М. : Профиздат, 1962. – 143 с.

16. Алдашов, А. Н. К вопросу о переговорах большевиков с социалистами-революционерами в Уфе в январе 1919 года / А. Н. Алдашов // Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность. – Уфа, 1997.
17. Алеврас, Н. Н. «Челябинские хроники» К.Н. Теплоухова: образ мемуариста / Н. Н. Алеврас, Т. А. Андреева // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. – Челябинск, 2008. – Вып. 4. – С. 117–143.
18. Алферова, Е. Ю. Социальное страхование рабочих Урала (конец XIX в. – 1917 г.) / Е. Ю. Алферова, Л. С. Юдина // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма. – Свердловск, 1990. – С. 77–96.
19. Альперович, М. Рождение Мексиканского государства / М. Альперович. – М. : Наука, 1979. – 167 с.
20. Аманжолова, Д. А. Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш / Д. А. Аманжолова. – М. : Россия молодая, 1994. – 216 с.
21. Аманжолова, Д. А. На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана / Д. А. Аманжолова. – Алматы : Таймас, 2009. – 410 с.
22. Аманжолова, Д. А. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918–1919 гг.) / Д. А. Аманжолова // Вестник Челябинского университета. – Сер. 1 : История. – 1994. – № 1 (7). – С. 20–32.
23. Аминев, З. А. Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии / З. А. Аминев // Из истории Советской Башкирии: ученые записки Башкирского ун-та. Вып. 26. – Уфа, 1967. – Сер.: ист. Вып. 5. – С. 5–30.
24. Аминев, З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.) / З. А. Аминев. – Уфа : Гилем, 1966. – 483 с.
25. Андреев, Г. И. Революционное движение на КВЖД в 1917–1922 гг. / Г. И. Андреев. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 132 с.
26. Аткинсон, Э. Неравенство, как с ним быть? / Э. Аткинсон. – М.: Дело, 2018. – 536 с.
27. Ашкинадзе, Д. И. Железнодорожники Ишима в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / Д. И. Ашкинадзе. – Тюмень : Тюм. кн. изд-во, 1961. – 76 с.
28. Ашмарина, С. В. Социальное страхование на Урале. 1903–1914 / С. В. Ашмарина. – М. : Изд-во РГГУ, 2012. – 204 с.
29. Бабаков, В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. / В. В. Бабаков. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2012. – 147 с.
30. Бабаков, В. В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г. / В. В. Бабаков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 52–56.

31. Багаутдинов, Р. О. Мусульмане-беженцы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны / Р. О. Багаутдинов // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. № 1. – С. 262–263.
32. Багаутдинов, Р. О. Национальная политика самарского Комуча и установление отношений с Башкирским правительством / Р. О. Багаутдинов // Вестник Башкирского университета. 2013. – Т. 18. № 4. – С. 1334–1336.
33. Багаутдинов, Р. О. Переход Башкирского правительства на сторону советской власти в 1919 году / Р. О. Багаутдинов // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. № 2. – С. 746–749.
34. Багаутдинов, Р. О. Участие башкир в белом движении (1917–1920 гг.) / Р. О. Багаутдинов. – Уфа : Гилем, 2009. – 207 с.
35. Баева, Л. К. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 – конец 1918 года) / Л.К. Баева. – М. : Политиздат, 1977. – 143 с.
36. Баевский, Д. А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.) / Д.А. Баевский. – М. : Наука, 1974. – 336 с.
37. Базаров, Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаяева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 376 с.
38. Базаров, Б. В. «Белая Сибирь» в зеркале современной российской историографии, или Покушение на историю / Б. В. Базаров, Л. В. Курас // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – № 1. – С. 111–115. – Рец. на кн.: Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.). – Новосибирск : Офсет-ТМ, 2017. – 528 с.
39. Баишев, И. Н. Правовые аспекты функционирования народного образования в Уфимской губернии в годы Гражданской войны / И. Н. Баишев // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Уфа, 2009. – С. 45–49.
40. Бакулин, В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. / В. И. Бакулин. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2008. – 299 с.
41. Бакунин, А. В. Уральский промышленный комплекс / А. В. Бакунин, А. Э. Бедель. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 120 с.
42. Балабанова, Е. С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной» адаптации / Е. С. Балабанова // Социс. – 1999. – № 4. – С. 46–57.
43. Балковая, В. Г. Деятельность Истпарта и формирование концепции гражданской войны / В. Г. Балковая // Ученые записки Владивостокского филиала Российской таможенной академии. – Владивосток, 1996. – Вып. 1. – С. 73–79.

44. Балмасов, С. С. Антибольшевистское движение в Уральском казачьем войске: краткий исторический очерк / С. С. Балмасов // Белая гвардия : альманах. – М., 2005. – № 8. – С. 161–162.
45. Балмасов, С. С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства / С. С. Балмасов // Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки : материалы науч. конф. в Челябинске. – М., 2003. – С. 51–53.
46. Балюшина, Ю. Л. Социальная политика: понятие и сущность / Ю. Л. Балюшина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 56–59.
47. Бандурка, В. Б. Белое движение в Приморье в заключительный период Гражданской войны (1920–1922 гг.) / В. Б. Бандурка. – Рязань : РВАИ, 2010. – 214 с.
48. Барвенко, Е. И. «Архив русской революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири / Е. И. Барвенко // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. – Томск, 1985. – С. 133–144.
49. Барвенко, Е. И. Белоэмигрантская мемуаристика и современная буржуазная историография причин поражения контрреволюции в Сибири в 1918–1920 гг. / Е. И. Барвенко // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. – Томск, 1986. – С. 54–63.
50. Барнаульские пимокаты: очерк революционного, кооперативного и профессионального движения / под ред. П. Семьянова и П. Тузовского. – Барнаул : Красный Алтай, 1927. – 62 с.
51. Барсуков, М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц в СССР: исторический очерк / М. И. Барсуков. – М. : Медгиз, 1955. – 156 с.
52. Басин, С. Г. Комуч в Самаре в 1918 году / С. Г. Басин // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. – Куйбышев, 1957. – Вып. 18. – С. 107–127.
53. Батоцыренов, В. Б. Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии (1917–1965 гг.) / В. Б. Батоцыренов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. – 71 с.
54. Безродный, К. Э. О сибирских архивах периода гражданской войны / К. Э. Безродный // Сибирские архивы и историческая наука: материалы науч. конф., посв. 50-летию Государственного архива Кемеровской области (1943–1993 гг.). – Кемерово, 1997. – С. 8–11.
55. Безродный, К. Э. Омские архивы в годы гражданской войны / К. Э. Безродный // Архивный вестник. – Омск, 1994. – № 5. – С. 11–18.
56. Белова, И. Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект / И. Б. Белова // Вестник Вятского гуманитарного университета. – 2014. – № 4. – С. 72–77.
57. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 / И. Б. Белова. – М. : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.

58. Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения: кол. монограф. / под ред. В.Т. Тормозова. – М., 2008. – 331 с.
59. Белое движение и национальный вопрос в России: [кол. моногр.] / под ред. В.Т. Тормозова, А.Г. Письменского. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 156 с.
60. Белоусов, Г. М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) / Г. М. Белоусов // Сибирский исторический сборник. – Иркутск, 1974. – Вып. 2. – С. 129–151.
61. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Луман. – М. : Московский философский фонд, 1995. – 322 с.
62. Берснева, И. В. Между Сциллой большевизма и Харибдой белого движения: умеренные социалисты (эсеры и меньшевики) Сибири в годы гражданской войны / И. В. Берснева // История белой Сибири : тез. докл. IV науч. конф. – Кемерово, 2001. – С. 27–31.
63. Биншток, В. И. Народное питание и народное здравие в войну 1914–1918 гг. / В. И. Биншток, Л. С. Каминский. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 90 с.
64. Благовещенск. Март 1918 года / коллектив авторов; отв. ред. А.В. Телюк. – Благовещенск-на-Амуре : Амурская ярмарка, 2018. – 464 с.
65. Боброва, В. С. Управление архивным делом в Сибири в 1920–1930-е годы / В. С. Боброва. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006. – 200 с.
66. Богатырева, О. Н. Эволюция системы местного самоуправления в Вятской и Пермской губерниях: 1861 – февраль 1917 / О. Н. Богатырева. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2004. – 458 с.
67. Боргт, Р. ван дер. Основы социальной политики / Р. ван дер Боргт; пер. с нем. Н. Михайлова. – СПб. : Вестник знания, 1904. – Т. 1. – 184 с.
68. Бордюгов, Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти : историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. – М. : Русский мир, 1998. – 320 с.
69. Борисова, Л. В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.) / Л. В. Борисова. – М. : Собрание, 2006. – 288 с.
70. Бортник, Л. С. К истории Пермской железной дороги в годы Гражданской войны / Л. С. Бортник // Гражданская война на востоке России. – Пермь, 2008. – С. 29–34.
71. Борьба за власть советов на Алтае (исторический очерк) / [М. Н. Головатенко, и др.]; под ред. Т.А. Кулакова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 461 с.
72. Боярский, В. А. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал / В. А. Боярский. – М. : Высшая школа, 1961. – 163 с.
73. Бубнов, А. А. Самарские профсоюзы в период Комуча / А. А. Бубнов // Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. – 1973. – Т. 115. – Вып. 3. – С. 73–87.

74. Буданов, А. В. Материалы ОГАЧО о работе примирительной камеры при Совете профессиональных союзов Челябинского района в 1918–1919 гг. / А. В. Буданов // Архивное дело в Челябинской области. – Челябинск, 2006. – Ч. 2. – С. 69–73.
75. Буданов, А. В. Создание и первые шаги примирительных камер на Южном Урале в 1917–1918 гг. / А. В. Буданов // Государственная и муниципальная служба в условиях формирования гражданского общества и рыночной экономики: опыт, проблемы, перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2005. – Ч. 1. – С. 40–45.
76. Булгакова, Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века : материалы конф. – СПб.; Кишинев, 2001. – С. 429–493.
77. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 1997. – 376 с.
78. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН, 2010. – 967 с.
79. Булдаков, В. П. Война, породившая революцию / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. – М. : Новый хронограф, 2015. – 720 с.
80. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
81. Бурдые, П. Государство : курс лекций в Коллеж де Франс / П. Бурдые; пер. с фр. Д. Краlechкина, И. Кушнарера. – М. : Дело, 2016. – 720 с.
82. Бутенин, Н. А. Временное правительство Амурской области / Н. А. Бутенин // Проблемы отечественной и всеобщей истории : сб. науч. тр. – Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2001. – С. 162–169.
83. Бутенин, Н. А. К истории «демократической» контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. / Н. А. Бутенин // Великий Октябрь и непролетарские партии : материалы науч. конф. – М., 1982. – С. 57–64.
84. Бутенин, Н. А. К истории временного правительства Амурской области / Н. А. Бутенин // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905–1920 гг.). – Томск, 1982. – С. 193–200.
85. Бутенин, Н. А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. / Н. А. Бутенин // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. – Томск, 1982. – С. 103–120.

86. Бутенин, Н. А. Сибирское областничество на Дальнем Востоке в годы гражданской войны / Н. А. Бутенин // Проблемы отечественной истории : материалы науч. конф. – Уссурийск, 2007. – Ч. 1. – С. 93–94.
87. Бутенин Н.А. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 – конец 1918 г.) / Н. А. Бутенин, Н. Д. Бутенина. – Уссурийск : Изд-во ДВФУ, 2013. – 180 с.
88. Бучко, Н. П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) / Н. П. Бучко. – Хабаровск : Частная коллекция, 2009. – 253 с.
89. Бянкин, В. П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.) / В. П. Бянкин. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1979. – 256 с.
90. Вавилина, Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема / Н. Д. Вавилина. – Новосибирск : СибАГС, 2000. – 510 с.
91. Ваврик, Д. Н. Земская власть в Приморье и Никольске-Уссурийском в 1918–1922 гг. / Д. Н. Ваврик // Уссурийский краеведческий вестник. – Уссурийск, 2002. – Вып. 2. – С. 88–95.
92. Валиахметов, А. Н. «Организованная память»: сбор воспоминаний о боевых действиях против Чехословацкого легиона в Казанской губернии / А. Н. Валиахметов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-1 (76). – С. 39–43.
93. Валиахметов, А. Н. Выступление чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) / А. Н. Валиахметов // Филология и культура. – 2012. – № 3 (9). – С. 207–210.
94. Валиахметов, А. Н. Современная зарубежная историография о Чехословацком корпусе в России / А. Н. Валиахметов // Вестник молодых ученых. – Сер. 3: Исторические науки. – СПб., 2004. – № 2. – С. 78–86.
95. Валиахметов, А. Н. Чехословацкий корпус в отечественной историографии 1920-х гг. / А. Н. Валиахметов // Российская история XX века: проблемы науки и образования : материалы науч. конф. – М., 2004. – С. 174–176.
96. Варгин, Н. Ф. О литературе по истории гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири / Н. Ф. Варгин // История СССР. – 1964. – № 4. – С. 140–155.
97. Василевский, В. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах : краткие очерки истории / В. Василевский. – Чита : Поиск, 2000. – 182 с.
98. Василевский, В. И. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны / В. И. Василевский. – Чита : РИЦ пресс-службы Управления судебного департамента Читинской области, 2007. – 174 с.

99. Васильева, С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учеб. пособие / С. Н. Васильева. – М. : Изд-во МГОПУ, 1999. – 146 с.
100. Васьковский, О. А. Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта по разработке истории гражданской войны / О. А. Васьковский // Из истории партийных организаций Урала : сб. науч. тр. – Свердловск, 1966. – Вып. 8. – С. 24–30.
101. Васьковский, О. А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский. – Свердловск : [б.и.], 1981. – 76 с.
102. Васьковский, О. А. Источниковедение и историография истории гражданской войны на Урале 1918–1919 гг. / О. А. Васьковский // Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического региона. – Свердловск, 1963. – С. 56–65.
103. Васьковский, О. А. Итоги и задачи изучения истории гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский // Урал и оборона Советской страны. – Свердловск, 1968. – С. 53–69.
104. Васьковский, О. А. К вопросу о соотношении сил в уральской деревне в период гражданской войны (1918 г.): обзор литературы / О. А. Васьковский // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири : докл. и сообщ. науч. сессии по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири. – Свердловск, 1966. – С. 339–346.
105. Васьковский, О. А. Некоторые итоги историографического исследования истории гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. 1917–1937. – Свердловск, 1980. – С. 3–18.
106. Васьковский, О. А. Новая литература по истории гражданской войны на Урале 1918–1919 гг. / О. А. Васьковский // Ученые записки Уральского университета. – Свердловск, 1961. – Вып. 39. – Ч. 2 : Вопросы истории Урала. – С. 3–20.
107. Васьковский, О. А. Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе / О. А. Васьковский // Историческая наука на Урале за 50 лет. – Свердловск, 1967. – Вып. 1. – С. 131–139.
108. Васьковский, О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе / О. А. Васьковский // Ученые записки Уральского университета. – Свердловск, 1967. – № 78. – Серия: История. – Вып. 2: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. – С. 3–67.
109. Васьковский, О. А. Основные итоги изучения Октябрьской революции и гражданской войны на Урале / О. А. Васьковский, Н. Н. Попов // Урал и проблемы региональной историографии: советский период. – Свердловск, 1986. – С. 3–19.
110. Васьковский, О. А. Некоторые итоги изучения социально политических проблем истории Урала периода гражданской войны (1918–1920) / О. А. Васьковский, А. Т. Тертышный //

Историография гражданской войны и империалистической интервенции. – М., 1983. – С. 177–188.

111. Васьковский, О. А. Современная историография истории Урала периода гражданской войны / О. А. Васьковский, А. Т. Тертышный. – Свердловск, 1984.

112. Вебер, М. И. Военнопленные Первой мировой войны на востоке России: взгляд Йохана Принса / М. И. Вебер, Н. В. Суржикова // Диалог со временем. – 2014. – № 47. – С. 340–361.

113. Вегман, В. Военнопленные империалистической войны / В. Вегман // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1. – Ст. 517.

114. Вегман, В. Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной / В. Вегман // Сибирские огни. – 1923. – № 5–6. – С. 140–162.

115. Вегман, В. Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией / В. Вегман // Сибирские огни. – 1923. – № 3. – С. 89–115.

116. Вегман, В. Сибоблдума / В. Вегман // Сибирские огни. – 1923. – № 4. – С. 89–111.

117. Вегман, В. Д. Партийно-советская пресса Сибири / В. Д. Вегман // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. – Омск, 1920. – С. 111–117.

118. Великий Сибирский ледяной поход / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2004. – 718 с.

119. Верещагин, А. С. Гражданская война: аспекты современной историографии / А. С. Верещагин // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Уфа, 2009. – С. 9–13.

120. Верещагин, А. С. Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы гражданской войны / А. С. Верещагин // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 116–123.

121. Верещагин, А. С. Новые аспекты региональной историографии Гражданской войны / А. С. Верещагин // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 1(1). – С. 744–746.

122. Верещагин, А. С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.) / А. С. Верещагин. – Уфа, 2001. – 330 с.

123. Верещагин, А. С. Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания / А. С. Верещагин // Академик П.В. Волобуев: Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. – М. : Наука, 2000. – С. 389–396.

124. Верещагин, А. С. Социально-экономическая политика в годы гражданской войны (трактовки и интерпретации отечественной историографии) / А. С. Верещагин // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2009. – № 1. – С. 63–72.

125. Веселы, И. Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. / И. Веселы; пер. с чеш. Ф.С. Чумало. – М. : Воениздат, 1965. – 182 с.

126. Вигдорчик, Н. А. Теория и практика социального страхования / Н. А. Вигдорчик. – Пг. : Книга, 1923. – Вып. 1 : Теоретические основы социального страхования. – 153 с.
127. Вигдорчик, Н. А. Теория и практика социального страхования / Н. А. Вигдорчик. – Пг. : Книга, 1923. – Вып. 3 : Страхование на случай болезни в России. – 156 с.
128. Висьневский, Я. Войско Польское в Сибири во время революции и Гражданской войны / Я. Висьневский // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды : сб. стат. российских и польских исследователей. – М., 2009. – С. 217–259.
129. Вишневецкий, А. Развитие законодательства о социальном страховании в России. Законодательство царского времени и советского правительства / А. Вишневецкий. – М. : Вопросы труда, 1926. – 234 с.
130. Вишневецкий, Д. М. Влияние норм трудового права и других институциональных факторов на гибкость российского рынка труда / Д. М. Вишневецкий. – М. : Изд-во ВЦУЖ, 2003. – 31 с.
131. Вишневецкий, С. О. Обращения Российского правительства в газете «Русская армия» (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 гг.) / С. О. Вишневецкий // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов IV Регион. науч. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 153–156.
132. Владимирова, В. Год службы «социалистов» капиталистам: очерки по истории контрреволюции в 1918 г. / В. Владимирова. – М.; Л. : Гос. изд-во, 1927. – 386 с.
133. Власов, С. А. Повседневная жизнь жителей Владивостока в годы Гражданской войны / С. А. Власов // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы междунар. науч. конф. – Владивосток, 2012. – С. 234–237.
134. Водовозов, В. Социальный вопрос и социальная политика / В. Водовозов // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – М. : Терра, 1992. – Т. 61 : София-статика. – С. 72–75.
135. Волков, Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества / Е. В. Волков. – Челябинск : Челяб. дом печати, 2008. – 390 с.
136. Волков, Е. В. Благосостояние и быт колчаковских офицеров / Е. В. Волков // История белой Сибири : тез. 4-й науч. конф. – Кемерово, 2001. – С. 128–132.
137. Волков, Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования / Е. В. Волков. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 336 с.
138. Волков, Е. В. Лики Белого движения в мемуарах его участников из Советской России / Е. В. Волков // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – Сер. : Социально-гуманитарные науки. – 2005. – Вып. 4. № 7. – С. 21–33.
139. Волков, Е. В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны / Е. В. Волков. – Иркутск, 2005. – 299 с.

140. Волков, Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е. З. Волков. – М.; Л., 1930. – 272 с.
141. Волобуев, П. В. Пролетариат и буржуазия в 1917 году / П. В. Волобуев. – М. : Мысль, 1964. – 360 с.
142. Вольский, А. История мексиканских революций / А. Вольский. – М.; Л. : Госиздат, 1928. – 209 с.
143. Воробьева, В. Я. Путь меньшевиков и эсеров Поволжья и Сибири от «чистой демократии» к колчаковской диктатуре / В. Я. Воробьева // Ученые записки МГПИ им. Ленина. – М., 1969. – № 309. – С. 339–376.
144. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: контексты эпохи : [сборник] / отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. Е. А. Папкина. – М. : ИМЛИ РАН, 2018. – 736 с.
145. Вторушин, М. И. Профсоюзное движение на территории Сибири в период Гражданской войны / М. И. Вторушин // Социальная политика и профсоюзное движение: история и современность. – М., 2005. – С. 137–142.
146. Габитова, Л. Р. Дети на дорогах Гражданской войны (газетная хроника и архивные материалы) / Л. Р. Габитова // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Уфа, 2009. – С. 132–134.
147. Гагкуев, Р. Г. Белое движение на юге России: военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. / Р. Г. Гагкуев. – М. : Содружество «Посев», 2012. – 704 с.
148. Гаевский, Э. И. Воткинский завод в годы гражданской войны (1917–1922) / Э. И. Гаевский // Белая гвардия: альманах. – М., 2002. – № 6: Антибольшевицкое повстанческое движение. – С. 26–29.
149. Ганин, А. В. Антибольшевистское движение в Оренбургском казачьем войске: краткий исторический очерк / А. В. Ганин // Белая гвардия. – М., 2005. – № 8. – С. 180–184.
150. Ганин, А. В. Атаман А.И. Дутов / А. В. Ганин. – М. : Центрполиграф, 2006. – 623 с.
151. Ганин, А. В. Дневник барона А.П. Будберга как источник по истории Гражданской войны на востоке России: новые находки и наблюдения / А. В. Ганин // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2017. – С. 61–66.
152. Ганин, А. В. Семь «почему» Российской Гражданской войны / А. В. Ганин. – М. : Пятый Рим, 2018. – 864 с.
153. Гараев, Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.) / Г. Г. Гараев. – Томск, 1984. – 208 с.

154. Гарипова, Л. Г. Некоторые вопросы истории контрреволюции в современной советской историографии / Л. Г. Гарипова // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического отечества : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1990. – С. 41–43.
155. Гарипова, Л. Г. Некоторые историографические вопросы истории гражданской войны на Алтае / Л. Г. Гарипова // Гражданская война и партизанское движение в Алтайском крае. – Барнаул, 1989. – С. 98–101.
156. Гармиза, В. В. Директория и Колчак / В. В. Гармиза // Вопросы истории. – 1976. – № 10. – С. 16–32.
157. Гармиза, В. В. Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции / В. В. Гармиза // История СССР. – 1975. – № 4. – С. 120–131.
158. Гармиза, В. В. Крушение эсеровских правительств / В. В. Гармиза. – М. : Мысль, 1970. – 294 с.
159. Гармиза, В. В. О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсеро-меньшевистских правительств / В. В. Гармиза // Банкротство мелкобуржуазных партий в России: 1917–1922 гг. : сб. науч. тр. – М., 1977. – Ч. 1. – С. 177–187.
160. Гармиза, В. В. Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с Самарской учредилкой / В. В. Гармиза // Исторические записки. – М., 1955. – Т. 53. – С. 29–49.
161. Гергилева, А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири / А. И. Гергилева. – Красноярск : СГТУ, 2007. – 123 с.
162. Гергилева, А. И. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) / А. И. Гергилева, Д. Н. Гергилев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 390. – С. 109–116.
163. Героические годы борьбы и побед: Дальний Восток в огне гражданской войны : [кол. моногр.] / отв. ред. Ф. Н. Петров. – М. : Наука, 1968. – 389 с.
164. Геронимус, А. И. Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку / А. И. Геронимус // Исторические записки. – 1949. – № 29. – С. 33–47.
165. Герчиков, В. И. Мотивация, стимулирование и оплата труда : учеб. пособие. / В. И. Герчиков. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004. – 172 с.
166. Гизатуллин, Д. Характер и типология рабочих (повстанческих) выступлений на Урале (конец 1917 – осень 1918 г.) / Д. Гизатуллин // Студент и научно-технический прогресс : тез. науч. конф. – Челябинск, 2001. – С. 84–86.
167. Гимпельсон, Е. Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М. : [б.и.], 1998. – 258 с.
168. Гимпельсон, Е. Г. Советский рабочий класс, 1918–1920 гг.: социально-политические изменения / Е. Г. Гимпельсон. – М. : Наука, 1974. – 352 с.

169. Глущенко, И. И. К вопросу о советской историографии гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке / И. И. Глущенко // Вопросы истории советского Дальнего Востока. – Владивосток, 1963. – Кн. 1. – С. 41–56.
170. Глущенко, Н. А. История подготовки союзной интервенции на территорию Сибири и Дальнего востока России в зеркале американской газеты «The New York Times» / Н. А. Глущенко // Вестник Томского университета. – 2014. – № 379. – С. 15–119.
171. Глущенко, Н. А. Проблема взаимоотношений правительства А.В. Колчака и населения Сибири в зеркале американской прессы / Н. А. Глущенко // Вестник Томского университета. – История. – 2012. – № 4 (20). – С. 51–53.
172. Глущенко, Н. А. Американская пресса как источник изучения личности адмирала А.В. Колчака и деятельности Всероссийского временного правительства / Н. А. Глущенко, С. Ф. Фоминых // Вестник Томского университета. – 2012. – № 359. – С. 87–89.
173. Гнатовская, Е. Н. Интервенционистский фактор в социально-политических реалиях Дальнего Востока 1918–1922 гг.: виновники интервенции и их жертвы Е. Н. Гнатовская // Проблемы отечественной истории : материалы науч. конф. – Уссурийск, 2006. – С. 81–89.
174. Голдин, В. И. Гражданская война в России в современной историографии / В. И. Голдин // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. – Архангельск, 1999. – С. 5–33.
175. Голдин, В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 333 с.
176. Голдин, В. И. Революционный пролог и Гражданская война в России на историографическом рубеже XX–XXI в. / В. И. Голдин // Проблемы новейшей истории России. – СПб., 2005. – С. 91–202.
177. Голдин, В. И. Россия в гражданской войне: очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.) / В. И. Голдин. – Архангельск : Боргес, 2000. – 280 с.
178. Голдин, В. И. Среди замазанных фигур / В. И. Голдин // Родина. – 2008. – № 3. – С. 3–8.
179. Головин, Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / Н. Н. Головин : в 2 т. – М. : Айрис-пресс, 2011. – Т. 1, кн. 1–5. – 558 с.
180. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне / Н. Н. Головин. – Жуковский; М. : Кучково поле, 2001. – 434 с.
181. Голотик, С. И. Российское общество Красного креста (1917 – 1930-е гг.) / С. И. Голотик, С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. – 2001. – С. 237–250.
182. Голуб, П. А. Чехословацкий мятеж взрывает гражданскую войну П. А. Голуб // Политическое просвещение. – 2007. – № 2. – С. 96–117.

183. Голубев, Е. А. Периодическая печать Западного Забайкалья в конце 1919 – 1920 г. / Е. А. Голубев, Н. В. Цыпышева // Вестник Восточно-Сибирского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 91–97.
184. Голубев, Е. А. Периодическая печать Западного Забайкалья в период белой государственности (1918–1919) / Е. А. Голубев, Н. В. Цыпышева // Вестник Восточно-Сибирского технологического университета. – 2009. – № 2. – С. 112–121.
185. Голубева, Л. Ф. История развития системы социальной политики в обществе / Л. Ф. Голубева // Социально-экономические системы и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 11. – С. 39–40.
186. Голубцов, В. С. Материалы уральских органов ВСНХ об ущербе, нанесенном уральской промышленности в результате гражданской войны и иностранной интервенции / В. С. Голубцов // Из истории заводов и фабрик Урала. – Свердловск, 1960. – Вып. 1. – С. 96–101.
187. Голубцов, В. С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917–1923) / В. С. Голубцов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 226 с.
188. Гордон, Л. А. Потери и обретения России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов : в 2 т. – М. : Эдиториал-УРСС, 2001. – Т. 1 : Меняющаяся страна в меняющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. – 304 с.
189. Горелов, Ю. П. Из опыта госпитального дела белой армии Сибири / Ю. П. Горелов // История «белой» Сибири : тез. II науч. конф. – Кемерово, 1997. – С. 70–73.
190. Горелов, Ю. П. К вопросу госпитального обслуживания армии Колчака / Ю. П. Горелов // История «белой» Сибири : сб. тез. докл. науч. конф. – Кемерово, 1995. – С. 53–56.
191. Горелов, Ю. П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века / Ю. П. Горелов. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – 388 с.
192. Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство (1917–1927): сборник статей и воспоминаний. – Новосибирск : Типография Сибкрайсоюза, 1927. – 326 с.
193. Горовой, Ф. С. Особенности рабочего движения на Урале в период от Февраля к Октябрю / Ф. С. Горовой // Пролетариат России на пути к Октябрю 1917 года (облик, борьба, гегемония) : материалы к науч. сессии по истории пролетариата. – Одесса, 1967. – Ч. 2. – С. 66–70.
194. Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / под ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 464 с.
195. Гражданская война в Поволжье (1918–1920 гг.) : [коллект. моногр.] / отв. ред. М. К. Мухарьямов. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1974. – 495 с.

196. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии : [кол. моногр.] / под общ. ред. Ю. А. Лысенко. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – 383 с.
197. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале : [кол. моногр.] / О. А. Васковский, М. А. Молодцыгин, Я. Л. Ниренбург [и др.]. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1969. – 391 с.
198. Грановетер, М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд / М. Грановетер // Экономическая социология. – 2011. – Т. 12. № 2. Март. – С. 49–79.
199. Греков, Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири. 1914–1917 гг. / Н. В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1997. – С. 154–180.
200. Григорцевич, С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.) / С. С. Григорцевич. – М. : Госполитиздат, 1957. – 201 с.
201. Гридяева, М. В. Газетная печать на Северном Сахалине в 1917–1920 гг. / М. В. Гридяева // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы междунар. науч. конф. – Владивосток, 2012. – С. 85–88.
202. Грин, Д. Возвращение в гражданское общество: социальное обеспечение без участия государства / Д. Грин. – М. : Новое издательство, 2009. – 220 с.
203. Гришаев, В. Ф. 120 лет со дня рождения педагога и журналиста Л.И. Шумиловского (1876–1920) / В. Ф. Гришаев // Страницы истории Алтая 1996 г.: календарь памятных дат. – Барнаул, 1995. – С. 9–11.
204. Гришанин, П. И. Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память / П. И. Гришанин // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 167–172.
205. Гришанин, П. И. Новое историческое знание в оценке институциональной структуры белых политических режимов / П. И. Гришанин // Клио. – 2009. – № 1 (40). – С. 28–30.
206. Гришанин, П. И. Современные подходы к изучению Гражданской войны и Белого движения / П. И. Гришанин // Вопросы истории. – 2009. – № 6. – С. 160–168.
207. Гулыга, А. Крах антисоветской интервенции США / А. Гулыга, А. Геронимус. – М.: Учпедгиз, 1952. – 191 с.
208. Гусаков, Д. Б. Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в России : учеб. пособие / Д. Б. Гусаков. – СПб. : СПбГИПСР, 2010. – 259 с.
209. Гусев, К. В. История «демократической» контрреволюции в России / К. В. Гусев. – М. : Знание, 1973. – 64 с.
210. Гусев, К. В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР / К. В. Гусев. – М. : Знание, 1966. – 64 с.

211. Гусев, К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции : исторический очерк / К. В. Гусев. – М. : Мысль, 1975. – 383 с.
212. Данилов, В. А. К вопросу об историографии движения иностранных интернационалистов на Урале и в Сибири / В. А. Данилов // История Советской России: новые идеи, суждения : тез. II Респ. конф. – Тюмень, 1993. – Ч. 1. – С. 28–30.
213. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессор; пер. с англ. С. Моисеева; науч. ред. Д. Карасева. – М. : Дело, 2019. – 504 с.
214. Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. / В. А. Демидов. – 2-е изд., доп. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 318 с.
215. Демидов, В. А. От Каракорума к автономии / В. А. Демидов. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1996. – 156 с.
216. Демидов, В. А. Бурятия: от степных дум к автономии / В. А. Демидов, В. В. Демидов. – Новосибирск : СибАГС, 2001. – 161 с.
217. Деникин, А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – Берлин : Слово, 1924. – Т. 3 : Белое движение и борьба добровольческой армии. Май–октябрь 1918 г. – 272 с.
218. Дмитриев, Н. И. Белогвардейская эвакуация промышленности Южного Урала / Н. И. Дмитриев // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край : материалы науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 49–51.
219. Дмитриев, Н. И. Златоустовский завод при белогвардейцах / Н. И. Дмитриев // Вторые Уральские военно-исторические чтения. – Екатеринбург, 2000. – С. 129–132.
220. Дмитриев, Н. И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака / Н. И. Дмитриев // История «белой» Сибири : тез. третьей науч. конф. – Кемерово, 1999. – С. 107–110.
221. Дмитриев, Н. И. Л.И. Шумиловский – одна из первых жертв советского репрессивного аппарата / Н. И. Дмитриев // Тоталитаризм и личность : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. – Пермь, 1994. – С. 152–154.
222. Дмитриев, Н. И. Новый подход к проблеме денационализации белогвардейскими властями промышленности и транспорта на востоке России / Н. И. Дмитриев // Исторический опыт освоения восточных районов России : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. – Владивосток, 1993. – Кн. 3. – С. 46–48.
223. Дмитриев, Н. И. О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918–1919 гг. / Н. И. Дмитриев // Деловая Россия: история и современность : тез. II Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 1996. – С. 93–95.

224. Дмитриев, Н. И. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было / Н. И. Дмитриев // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 1996. – № 1. – С. 65–98.
225. Дмитриев, Н. И. Междусоюзный железнодорожный комитет и его роль в восстановлении Сибирской магистрали / Н. И. Дмитриев, Т. В. Дмитриева // Фундаментальные и прикладные исследования по транспорту. – Вып. 24 (106). Страницы истории России. – Екатеринбург, 2002. – С. 142–155.
226. Дмитриев, П. Н. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе / П. Н. Дмитриев, К. И. Куликов. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – 390 с.
227. Дмитриева, С. С. Промышленность Урала летом–осенью 1918 г.: программа выхода из кризиса от демократического правительства / С. С. Дмитриева // Индустриальная Россия. Вчера. Сегодня : материалы всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. – С. 139–143.
228. Дмитриенко, Н. М. Рабочее движение в Томске в годы революции и гражданской войны (март 1917 – декабрь 1919 гг.) / Н. М. Дмитриенко // Актуальные вопросы истории Сибири : III Науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2002. – С. 254–259.
229. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, населения / Н. М. Дмитриенко. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 284 с.
230. Добровольский, А. В. Автономная сибирская группа социалистов-революционеров (октябрь 1918 – январь 1920 г.) / А. В. Добровольский // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. : материалы V Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2. – С. 58–62.
231. Добровольский, А. В. Всесибирский краевой комитет партии эсеров в период демократической контрреволюции / А. В. Добровольский // Исторический ежегодник. – Омск, 1999. – С. 76–84.
232. Добровольский, А. В. Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. / А. В. Добровольский // Вестник Кузбасского государственного университета. – 2004. – № 1 (38). – С. 127–132.
233. Добровольский, А. В. Рабочий вопрос в тактике правых эсеров Сибири в период колчаковщины / А. В. Добровольский // Вестник Кемеровского университета. – 2015. – № 2–6 (62). – С. 237–240.
234. Добровольский, А. В. Сибирский союз социалистов-революционеров (1919 г.) / А. В. Добровольский // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. – Новосибирск, 1998. – Вып. 3. – С. 64–78.
235. Добровольский, А. В. Сибирско-уральская конференция партии социалистов-революционеров (апрель 1919) / А. В. Добровольский // Между прошлым и будущим: вопросы истории и исторического образования. – Новосибирск, 2000. – С. 130–139.

236. Добровольский, А. В. Современные исторические исследования о деятельности эсеров в Сибири в 1917–1923 гг. / А. В. Добровольский // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век.* – Новосибирск, 2007. – Вып. 8. – С. 159–174.
237. Добровольский, А. В. Становление и развитие в 1920–1950-е гг. историографии деятельности партии эсеров в Сибири в послеоктябрьский период / А. В. Добровольский // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век.* – Новосибирск, 2006. – Вып. 7. – С. 87–102.
238. Добровольский, А. В. Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.) / А. В. Добровольский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 2002. – 398 с.
239. Домовитова, П. Я. Информационная война политических блоков на «белом» Урале / П. Я. Домовитова // *Вестник Пермского университета.* – 2014. – История. – Вып. 4. – С. 92–103.
240. Дордус, А. Д. Политические партии Дальнего Востока в годы гражданской войны / А. Д. Дордус // *XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке : тез. докл. и сообщ. науч. конф.* – Хабаровск, 1995. – С. 115–117.
241. Доронин, Ю. П. Авиация белых армий на Восточном фронте / Ю. П. Доронин // *Белая армия. Белое дело.* – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 55–74.
242. Драгомирецкий, В. С. Чехословаки в России. 1914–1920 гг. / В. С. Драгомирецкий. – Париж; Прага, 1928.
243. Дробченко, В. А. История Анжеро-Судженского каменноугольного района (конец XIX в. – май 1918 г.) / В. А. Дробченко. – Томск : ТГУ, 2007. – 333 с.
244. Дробченко, В. А. Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. / В. А. Дробченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 662 с.
245. Дробченко, В. А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918) / В. А. Дробченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 290 с.
246. Дробченко, В. А. Рабочее движение в Анжеро-Судженском районе в конце XIX в. – 1916 г. / В. А. Дробченко // *Вестник филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске.* – Томск, 2004. – Вып. 3 : Гуманитарные науки. – С. 73–78.
247. Дробченко, В. А. Трудовое законодательство Временного правительства и его реализация в Сибири / В. А. Дробченко, Б. Я. Бляхман // *Вестник филиала Кемеровского государственного университета в Анжеро-Судженске.* – Томск, 2004. – Вып. 3 : Гуманитарные науки. – С. 82–108.
248. Дробышевский, С. А. Классические представления о государстве, праве и политике : учеб. пособие / С. А. Дробышевский. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 376 с.
249. Дубровский, К. В. В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция, 1918–1919 / К. В. Дубровский. – М.; Л., 1929. – 128 с.

250. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 г.) / Н. Г. Думова. – М. : Наука, 1982. – 416 с.
251. Дэвис, Д. Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Дэвис, Ю. Трани; науч. ред. А. А. Поршакова; пер. с англ. Е. В. Нетесовой. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с.
252. Евтушевский, А. Г. «Христианский союз молодых людей» – орудие идеологической интервенции США на советском Дальнем Востоке / А. Г. Евтушевский // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. – Владивосток, 1975. – С. 22–25.
253. Емцов, Г. Н. Государство и право в условиях гражданской войны / Г. Н. Емцов. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2006. – 116 с.
254. Емцов, Г. Н. Гражданская война как политико-правовое явление / Г. Н. Емцов // Актуальные вопросы теории и истории государства и права : сб. науч. стат. – Красноярск, 2004. – С. 12–24.
255. Еремин, И. А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 г.) : учеб. пособие / И. А. Еремин. – Барнаул : АлтГПА, 2010. – 293 с.
256. Еремин, И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / И. А. Еремин. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – 276 с.
257. Ермолин, А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.) / А. П. Ермолин. – М. : Мысль, 1982. – 224 с.
258. Жабаева, Л. Б. Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. – 335 с.
259. Жувенель, Б. де. Этика перераспределения / Б. де Жувенель; пер. с фр.; предисл. Дж. Грея. – М. : Ин-т национальной модели экономики, 1995. – 145 с.
260. Журавлев, В. В. Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май–июнь 1918 г.) / В. В. Журавлев // Проблемы истории гражданской войны на востоке России : Бахрушинские чтения 2003. – Новосибирск, 2003. – С. 37–71.
261. Журавлев, В. В. Временная Сибирская областная дума: между революцией и контрреволюцией / В. В. Журавлев // Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2017. – С. 27–37.
262. Журавлев, В. В. Государственное совещание в Уфе: к вопросу о путях и характере консолидации антибольшевистского движения на востоке России в июле–сентябре 1918 г. / В. В. Журавлев // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв. : Бахрушинские чтения 2007 : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007. – С. 70–94.

263. Журавлев, В. В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от автономной Сибири к возрожденной России / В. В. Журавлев // Власть и общество в Сибири в XX в. – Новосибирск, 1997. – Вып. 1. – С. 3–30.
264. Журавлев, В. В. Рождение Временного Сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции / В. В. Журавлев // Гражданская война на востоке России. – Новосибирск, 2002. – С. 35–47.
265. Журавлев, В. В. За пределами науки: по страницам имитационной историографии / В. В. Журавлев, В. М. Рынков, Д. Г. Симонов // Российская история. – 2016. – № 6. – С. 229–234.
266. Журавлев, М. Н. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов / М. Н. Журавлев. – М. : [б.и.], 1958. – 40 с.
267. Зайнышев, И. Г. Взаимосвязь социальной политики и социальной работы / И. Г. Зайнышев. – М. : Союз, 1994. – 769 с.
268. Запольская, В. М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая – середина ноября 1918 г.) / В. М. Запольская // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. – Свердловск, 1973. – Вып. 7. – С. 164–169.
269. Запорожченко, Г. М. Городская и рабочая кооперация Сибири в 1864–1917 гг. / Г. М. Запорожченко. – Новосибирск : Сибпринт, 2004. – 260 с.
270. Запорожченко, Г. М. Транспортная кооперация в Сибири в первой трети XX века / Г. М. Запорожченко. – Новосибирск : Сибпринт, 2007. – 232 с.
271. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. – 2-е изд. – М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2008. – 575 с.
272. Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда / под ред. Т. Малеевой. – М. : Гендальф, 2001. – 216 с.
273. Захаров, А. М. «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России / А. М. Захаров. – СПб. : РГПУ, 2019. – 496 с.
274. Звягин, С. П. Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) / С. П. Звягин // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв. – Томск, 2008. – С. 112–116.
275. Звягин, С. П. Из опыта финансирования милиции Всероссийским временным правительством в 1919 г. / С. П. Звягин // Российская государственность: опыт и перспективы изучения : материалы межвуз. науч. конф. – М., 1995. – С. 65–67.
276. Звягин, С. П. Из практики Всероссийского временного правительства по содержанию милиции на частные средства / С. П. Звягин // 50 лет Великой победы : тез. науч. конф. – Кемерово, 1995. – С. 127–129.

277. Звягин, С. П. Кузбасс в годы Гражданской войны / С. П. Звягин. – Омск : Омская академия МВД России, 2007. – 116 с.
278. Звягин, С. П. Об отношении периодической печати Сибири к репрессивной политике властей (май 1918 – декабрь 1919 г.) / С. П. Звягин // История российской духовности : материалы XXII заоч. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 222–225.
279. Звягин, С. П. Правоохранительная политика А.В. Колчака / С. П. Звягин. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – 352 с.
280. Звягин, С. П. Цензура в условиях «белой» Сибири / С. П. Звягин // Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 1998. – С. 68–78.
281. Земеров, Б. И. Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) / Б. И. Земеров // Рабочие Сибири в период империализма. – Томск, 1976. – С. 79–122.
282. Землянский, В. Л. Временное народное собрание Дальнего Востока: основные вехи деятельности первого дальневосточного парламента / В. Л. Землянский // Ойкумена: регионаловедческие исследования. – 2020. – № 3. – С. 85–95.
283. Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. – М. : Наука, 2005. – Кн. 2 : 1905–1918. – 384 с.
284. Зима, Н. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. / Н. Ф. Зима. – М. : ИРИ РАН, 2000. – 277 с.
285. Зимица, В. Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны / В. Д. Зимица. – Волгоград : Изд-во Академии гос. службы, 1997. – 484 с.
286. Зиновьев, В. П. Индустриальные кадры старой Сибири / В. П. Зиновьев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 258 с.
287. Зинченко, В. Г. Социалисты-революционеры в период колчаковщины / В. Г. Зинченко // Материалы XXXII Молодежной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : История. – Новосибирск, 1994. – С. 121–122.
288. Зинякова, В. М. «Белая идея» и ее реализация в Сибири (на основе мемуарных источников участников «белого движения») / В. М. Зинякова // История «белой» Сибири : тез. науч. конф. – Кемерово, 1995. – С. 8–12.
289. Зирин, С. Г. Голгофа Северо-Западной армии. 1919–1920 гг. / С. Г. Зирин. – СПб. : Береста, 2011. – 256 с.
290. Зольников, Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. / Д. М. Зольников. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. – 334 с.
291. Зомбарт, В. Избранные работы / В. Зомбарт; пер. с нем. – М. : Территория будущего, 2005. – 342 с.

292. Зомбарт, В. Идеалы социальной политики / В. Зомбарт; пер. А. К. – СПб., 1906. – 63 с.
293. Зубцова, Н. Самарское профессиональное движение в 1917–1918 гг. / Н. Зубцова. – [Самара] : Истпроф. Сам. губпрофсовета, 1927. – 189 с.
294. Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 635 с.
295. Зырянов, П. Н. Омская эвакуация и конец белой власти в Сибири / П. Н. Зырянов // Проблемы политической и экономической истории России : сб. стат. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 119–139.
296. Иванов, Е. Е. «Третий путь» в социальной революции 1917–1921 гг.: проблемы социальных преобразований в годы гражданской войны. (На материалах Комитета членов Всерос. Учред. собрания) / Е. Е. Иванов, М. А. Кудинов. – М. : Спутник, 2003. – 72 с.
297. Иванов, С. Л. Иранская революция 1905–1911 годов / С. Л. Иванов. – М. : Изд-во ИМО, 1957. – 560 с.
298. Иванов, А. В. Антибольшевистское движение на уральских заводах в 1918 г. (советская историография) / А. В. Иванов // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (82). – С. 148–155.
299. Иванов, А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. / А. В. Иванов // Белая Армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7–23.
300. Иванов, А. В. Политический выбор оренбургского казачества: осмысление проблемы советскими историками в 1960–1980-е гг. / А. В. Иванов // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 3 (24). – С. 86–94.
301. Иванов, А. В. Социально-политические аспекты Ижевско-Воткинского восстания 1918 года в трудах советских историков 1920–30-х гг. / А. В. Иванов // Вестник Удмуртского университета. – 2012. – Вып. 3 : История и филология. – С. 47–54.
302. Иванов, А. В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы / А. В. Иванов // Известия УрГЭУ. – 2013. – № 2 (46). – С. 89–95.
303. Иванов, А. В. Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии / А. В. Иванов, А. Т. Тертыйшный. – Екатеринбург, 2002. – 252 с.
304. Иванов, Б. В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны / Б. В. Иванов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1976. – 376 с.

305. Иванов, Л. М. Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение / Л. М. Иванов // Рабочее движение в России в период империализма. – М. : Наука, 1982. – С. 88–126.
306. Иванов, Л. М. К вопросу о страховании рабочих в России / Л. М. Иванов // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971. – С. 327–351.
307. Иванов, Н. Т. Гражданская война в Восточной Сибири / Н. Т. Иванов, П. В. Портнягин. – Иркутск : Изд-во ИГПУ, 1999. – 112 с.
308. Иванов, Р. Л. Понятие законодательства в современном российском праве / Р. Л. Иванов // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 6–16.
309. Иванов, С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке / С. Иванов. – Владивосток : Примиздат, 1952. – 247 с.
310. Иванов, С. Американские интервенты на советском Дальнем Востоке (1918–1920 гг.) / С. Иванов. – Владивосток : Примиздат, 1951. – 100 с.
311. Ивлев, М. Н. Антибольшевистское движение в Семиреченском казачьем войске: краткий исторический очерк / М. Н. Ивлев // Белая гвардия : альманах. – М., 2005. – № 8 : Казачество России в Белом движении. – С. 226–237.
312. Иконникова, Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) / Т. Я. Иконникова. – Хабаровск : Хабар. УПП ВОС, 2004. – 178 с.
313. Ильченко, В. Н. Историка об экономической политике большевиков на Урале в 1918 г. / В. Н. Ильченко // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2004. – Т. 1. – С. 68–79.
314. Ильюхов, А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны / А. А. Ильюхов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 264 с.
315. Ильюхов, А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 / А. А. Ильюхов – М. : РОССПЭН, 2010. – 415 с.
316. Илюшин, В. Стачка на КВЖД в 1918 г. / В. Илюшин // История пролетариата в СССР. – М., 1934. – № 2.
317. Иозефович, С. Конфликты в области труда / С. Иозефович // Наемный труд в России. – М., 1927. – Ч. 1. – С. 144–177.
318. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. – М. : Мысль, 1983. – 294 с.
319. Ипполитов, Г. М. О подходах к установлению степени достоверности художественной литературы о Гражданской войне России как историко-психологического источника / Г. М. Ипполитов // Художественная литература как историко-психологический источник : материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2004. – С. 223–228.

320. Ипполитов, С. С. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время второй смуты / С. С. Ипполитов, В. В. Минаев // Новый исторический вестник. – 2013. – № 37. – С. 27–45.
321. Ипполитов, С. С. «От этого зависит вся судьба России»: демографическая и экономическая экспансия Китая и Японии на Дальнем востоке и в Сибири (1918–1919 гг.) / С. С. Ипполитов, В. В. Минаев // Гражданская война в России, 1917–1922 : очерки экономики и политической истории. – М., 2013. – С. 131–160.
322. Ипполитов, С.С. «Я видел мертвых...»: Российское общество Красного креста и Американский красный крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. / С. С. Ипполитов // Россия и современный мир. – 2018. – № 1 (98). – С. 100–112.
323. Ипполитов, С. С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению / С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. – 2013. – № 4. – С. 56–68.
324. Ирошников, М. П. Создание советского централизованного государства / М. П. Ирошников. – М., 1967.
325. Исаев, В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне / В. В. Исаев. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 282 с.
326. Иситт, Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция, 1917–1919 гг. / Б. Иситт; пер. с англ. С. Панич. – Владивосток : Дальнаука, 2013. – 392 с.
327. Историография крестьянства советской Сибири : [кол. моногр.] / отв. ред. Н. Я. Гуштин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 477 с.
328. Историография советской Сибири (1917–1945 гг.) : [кол. моногр.] / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1968. – 248 с.
329. История гражданской войны в СССР : в 5 т. – М., 1959. – Т. 4 : Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.) / ред. комиссия тома: С. Ф. Найда, Г. Д. Обичкин, Ю. П. Петров [и др.]. – М. : Госполитиздат, 1959. – 444 с.
330. История Дальневосточного пароходства : очерки / под ред. Б. М. Дворняк. – Владивосток : Морской транспорт, 1962. – 264 с.
331. История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – Т. 3, кн. 1 : Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / отв. ред. Б. И. Мухачев. – 630 с.
332. История Казахстана с древнейших времен до наших дней : [кол. моногр.] : в 5 т. – Алматы : Атамур, 2010. – Т. 4 : Казахстан в советский период / отв. ред. К. С. Алдажуманов. – 768 с.

333. История казачества Азиатской России : [кол. моногр.]. – Екатеринбург, 1995. – Т. 3 : XX век / отв. ред. В. Ф. Мамонов. – 270 с.
334. История профсоюзов России: этапы, события, люди / [В. А. Кадейкин (рук. авт. коллектива), Г. М. Адибеков, Г. П. Алексеев и др.]; под ред. Н. Н. Гриценко и др. – М. : Акад. труда и соц. отношений; Федерация независимых профсоюзов России, 1999. – 590 с.
335. История развития пенсионной системы в России IX–XX вв.: от истоков феодально-сословных привилегий до современных систем социального страхования : [науч.-попул. издание] / [И. Б. Роговая]. – М. : ПФРФ, 2015. – 702 с.
336. История Сибири с древнейших времен до наших дней : [кол. моногр.] : в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. – Л. : Наука. Лен. отд-ние, 1968. – Т. 4 : Сибирь в период строительства социализма. – 490 с.
337. История социалистической экономики СССР : [кол. моногр.] / отв. ред. И. А. Гладков. – М. : Наука, 1976. – Т. 1 : Советская экономика в 1917–1920 гг. – 448 с.
338. Ишемгулов, Н. У. Образование Башкирской республики / Н. У. Ишемгулов. – Уфа : Китап, 2018. – 172 с.
339. Кабанов, В. В. Между правдой и ложью: отечественные мемуары XX века / В. В. Кабанов. – М. : ИЦ Ин-та рос. истории РАН, 2004. – 282 с.
340. Кабытов, П. С. Организация и деятельность Самарского и Средневолжского истпартов по изучению Октябрьской революции крае / П. С. Кабытов, В. А. Шестаков // Трудящиеся Поволжья в борьбе за власть Советов. – Куйбышев, 1981. – С. 68–77.
341. Кабытова, Н. Н. Социальная политика Комуца (1918 г.) / Н. Н. Кабытова // Известия Самарского университета. Новая серия. – 2012. – Т. 12. – Сер. : История. Международные отношения. – Вып. 4. – С. 95–99.
342. Кадейкин, В. А. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства / В. А. Кадейкин // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1969. – Вып. 4. – С. 148–161.
343. Кадейкин, В. А. Гражданская война в Сибири / В. А. Кадейкин // Историография советской Сибири. – Новосибирск, 1968. – С. 73–100.
344. Кадейкин, В. А. Забастовочное движение сибирских рабочих во второй половине 1918 года / В. А. Кадейкин // Борьба за власть советов Сибири и на Дальнем Востоке. – Томск, 1968. – С. 114–143.
345. Кадейкин, В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 г.) / В. А. Кадейкин. – Кемерово, 1966.

346. Кадейкин, В. А. Рост классового сознания сибирского пролетариата в период «демократической» контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) / В. А. Кадейкин // Из истории рабочего класса Сибири. – Кемерово, 1966. – Вып 2. – С. 28–59.
347. Кадейкин, В. А. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной интервенции и гражданской войны / В. А. Кадейкин. – Кемерово : Кем. кн. изд-во, 1968. – 557 с.
348. Казаков, Е. Э. Из истории профсоюзного строительства Сибири до 1920 г. (1906–1919 гг.) / Е. Э. Казаков // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX в. – Новосибирск, 1994. – С. 41–50.
349. Казанчиев, А. Д. Временный комитет Уфимской городской думы в июле 1918 г. / А. Д. Казанчиев // Крушение царизма и гражданская война на Урале: исторические чтения / А. Д. Казанчиев. – Челябинск, 1998. – С. 38–42.
350. Казанчиев, А. Д. Совет управляющих ведомствами в Уфе / А. Д. Казанчиев // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI–XX вв. – Уфа, 1996. – С. 65–69.
351. Казанчиев, А. Д. Уфимская Директория 1918 года / А. Д. Казанчиев. – Уфа : Восточный университет, 2003. – 115 с.
352. Кайда, О. А. Система военной документации органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны / О. А. Кайда // Документ. Архив. История. Современность : сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2012. – С. 290–294.
353. Кайда, О. А. Системы документации органов власти и управления Белой Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) / О. А. Кайда // Вестник Томского университета. – 2012. – № 363. – С. 95–98.
354. Кайда, О. А. Специфика документационного обеспечения управления органов власти на территории белой Сибири в годы Гражданской войны / О. А. Кайда // Документ. Архив. История. Современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 8. – С. 71–73.
355. Калабреззи, Г. Будущее права и экономики: очерки о реформе и размышления / Г. Калабреззи. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. – 304 с.
356. Кальнин, Я. Труд при «белых» / Я. Кальнин // Сибирские огни (Новосибирск). – 1929. – № 3. – С. 134–142.
357. Каминский, Ф. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века / Ф. Каминский. – Магнитогорск : Минитип, 2001. – 272 с.
358. Камынин, В. Д. Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале / В. Д. Камынин // Гражданская война как феномен мировой истории : материалы науч. конф. – Екатеринбург, 2008. – С. 9–22.

359. Кандидов, Б. П. Японская интервенция в Сибири и церковь / Б. П. Кандидов. – М. : ГАИЗ, 1932. – 64 с.
360. Капицын, В. М. Социальная политика и право: сущность и взаимозависимости / В. М. Капицын // Российский журнал социальной работы. – 1998. – № 8. – С. 18–28.
361. Капустина, Я. В. Культурная жизнь Красноярска в годы Гражданской войны / Я. В. Капустина // Вестник Томского университета. – 2009. – № 321. – С. 95–97.
362. Капцугович, И. С. История политической гибели эсеров на Урале / И. С. Капцугович. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1975. – 189 с.
363. Капцугович, И. С. Прикамье в огне гражданской войны / И. С. Капцугович. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1969. – 130 с.
364. Кардин, В. Сегодня о вчерашнем: мемуары и современность / В. Кардин. – М. : Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1961. – 189 с.
365. Каревский, А. А. В.О. Каппель и Народная армия. Антибольшевистская борьба в Поволжье в 1918 году / А. А. Каревский // Каппель и каппелевцы : [сборник]. – М., 2007. – С. 580–679.
366. Каревский, А. А. К истории антибольшевистского восстания в Ижевске и Воткинске: вооруженные формирования Прикамья летом–осенью 1918 г. / А. А. Каревский // Ижевско-Воткинское восстание : [сборник]. – М., 2000. – С. 5–12.
367. Касимов, С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.) / С. Ф. Касимов. – Уфа : Китап, 1997. – 351 с.
368. Каспэ, С. И. Империя и модернизация : общая модель и российская специфика / С. И. Каспэ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 253 с.
369. Катцина, Т. А. Социальная политика Временного Сибирского правительства: идеи и опыт реализации / Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит // Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 190–194.
370. Катцина, Т. А. Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) / Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит // Известия Урал. федер. ун-та. – Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 78–91.
371. Каштанов, С. М. Русская дипломатика : учеб. пособие / С. М. Каштанов. – М. : Высшая школа, 1998. – 231 с.
372. Кейнс, Д. М. Общая теория занятости, процента и денег : избранное / Д. М. Кейнс. – М. : Эксмо, 2007. – 957 с.
373. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. – 2-е изд. – СПб. : Алет-Пресс, 2015. – 542 с.

374. Кирмель, Н. С. Карающий меч адмирала Колчака / Н. С. Кирмель, В. Г. Хандорин. – М. : Вече, 2015. – 319 с.
375. Киселев, А. Ф. Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917–1920 гг.) / А. Ф. Киселев. – М. : Прометей, 1991. – 244 с.
376. Кислицин, В. А. В огне гражданской войны: мемуары / В. А. Кислицин. – Харбин : Наш путь, 1936. – 113 с.
377. Кладова, Н. В. Историко-публицистическая литература 20-х годов об экономической политике контрреволюционных правительств Сибири / Н. В. Кладова // Великий Октябрь и социалистические преобразования Сибири : тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1987. – С. 57–58.
378. Кладова, Н. В. Новейшая советская историография рабочего класса Сибири периода гражданской войны и интервенции / Н. В. Кладова // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. – Томск, 1987. – С. 86–88.
379. Кладова, Н. В. Основные направления и итоги советской историографии рабочего класса Сибири периода гражданской войны / Н. В. Кладова // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества : тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1990. – С. 28–30.
380. Кладова, Н. В. Периодическая печать Алтая о рабочем движении в годы гражданской войны и интервенции / Н. В. Кладова // Алтай в прошлом и настоящем: 50-летие Алтайского края : тез. докл. науч.-практ. конф. – Барнаул, 1987. – С. 106–108.
381. Кладова, Н. В. Сибирские городские восстания периода гражданской войны в исследованиях 20-х гг. / Н. В. Кладова // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. – Омск, 1988. – С. 63–66.
382. Кладова, Н. В. Становление советской историографии профсоюзного движения в Сибири в годы гражданской войны / Н. В. Кладова // Вопросы историографии Сибири и Алтая. – Барнаул, 1988. – С. 121–131.
383. Клеванский, А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. / А. Х. Клеванский. – М. : Наука, 1965. – 394 с.
384. Клеткин, И. Д. Борьба трудящихся Омска и области против интервентов и белогвардейцев. К 40-летию освобождения Омска от колчаковщины и иностранной интервенции / И. Д. Клеткин. – Омск : [б.и.], 1959. – 47 с.
385. Кобзов, В. Урал в период потрясений 1917–1921 годов / В. Кобзов, И. Шведов. – Челябинск : Мякотин И.В., 2017. – 453 с.

386. Кобзов, В. С. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. / В. С. Кобзов, Е. П. Сичинский. – Челябинск : Изд-во Челяб. юрид. ин-та, 1997. – 185 с.
387. Ковальчук, М. А. Транспортники Дальнего Востока в 1917–1820 гг.: социально-психологические аспекты участия в революции и гражданской войне / М. А. Ковальчук // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 1999. – С. 22–39.
388. Кожевников, В. А. Государственное устройство России в планах антибольшевистских оппозиций (1917–1922 гг.) / В. А. Кожевников. – Воронеж : Истоки, 2003. – 258 с.
389. Козина, И. Рабочее движение в России: анатомия забастовки / И. Козина // Журнал исследований социальной политики. – 2009. – Т. 7. № 4. – С. 485–502.
390. Козлов, М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции / М. И. Козлов. – Архангельск : КИРА, 2010. – 201 с.
391. Козлова, С. А. Труд и охрана труда при Колчаке / С. А. Козлова // Из прошлого Сибири. – Омск, 1927. – С. 69–95.
392. Козловски, П. Принципы этической экономии / П. Козловски; пер. с нем. В. Н. Белова. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – 344 с.
393. Кокоулин, В. Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 гг.) / В. Г. Кокоулин. – Новосибирск : Офсет-ТМ, 2017. – 527 с.
394. Кокоулин, В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг.) / В. Г. Кокоулин. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2002. – 292 с.
395. Коллиер, П. Исход: как миграция изменяет наш мир / П. Коллиер. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.
396. Колоницкий, Б. И. Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) / Б. И. Колоницкий // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. : сборник статей и материалов. – СПб., 1994. – С. 151–163.
397. Кондрашин, В. В. Самарский Комуч и крестьянство / В. В. Кондрашин // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. : сб. науч. тр. – Тамбов, 2001. – С. 136–151.
398. Конев, К. А. Образ американской и японской интервенции в периодической печати Сибири и Дальнего Востока (август 1918 – апрель 1919 г.) / К. А. Конев // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов III Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2013. – С. 217–222.
399. Конев, К. А. Применение методики контент-анализа при изучении содержания пропагандистских материалов периодической печати «белой» Сибири: опыт изучения «Нашей газеты»

(октябрь–декабрь 1919 г.) / К. А. Конев // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов IV Регион. науч. конф. – Новосибирск, 2010. – С. 211–218.

400. Коновалова, О. В. Дневник П.В. Вологодского как источник по истории Гражданской войны в Сибири / О. В. Коновалова // Красноярский край – 70 лет исторического пути : материалы V Краевед. чтений. – Красноярск, 2005. – С. 202–208.

401. Кононенко, А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. / А. А. Кононенко. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – 224 с.

402. Кононова, М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М. М. Кононова. – М. : ИВИ РАН, 2004. – 240 с.

403. Константинов, С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны / С. И. Константинов. – Екатеринбург : ИРА УТК, 1997. – 314 с.

404. Константинов, С. И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность ее альтернативы? (опыт альтернативной истории) / С. И. Константинов // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. – Челябинск, 1999. – С. 56–72.

405. Корнаи, Я. Экономика дефицита / Я. Корнаи; пер с венг. – М. : Наука, 1990. – 607 с.

406. Коробейников, А. В. Воткинское судостроение и Гражданская война: очерки социальной истории города и завода / А. В. Коробейников. – Ижевск : Иднакар, 2012. – 190 с.

407. Коробкин, А. А. К вопросу о возникновении Временного правительства Урала (Историография вопроса) / А. А. Коробкин // V Всероссийские Платоновские чтения : материалы всерос. конф. – Самара, 1999. – С. 120–123.

408. Костанов, А. И. Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. / А. И. Костанов // Отечественные архивы. – 2008. – № 5. – С. 18–28.

409. Костогрызов, П. И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле–июне 1918 г. / П. И. Костогрызов // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2001. – № 9. – С. 15–20.

410. Костогрызов, П. И. Уфимское государственное совещание 1918 г.: попытка создания всероссийской белой власти / П. И. Костогрызов // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений : материалы междунар. конф. – Самара, 2001. – С. 260–263.

411. Кравченко, А. И. Социология труда в XX веке: историко-критический очерк / А. И. Кравченко. – М. : Наука, 1987. – 180 с.

412. Крадин, Н. Н. Политическая антропология : учеб. пособие / Н. Н. Крадин. – М. : Ладомир, 2001. – 212 с.

413. Кревельд, М. Расцвет и упадок государства / М. Кревельд; пер. с англ. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 542 с.
414. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект : [кол. моногр.] / отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.
415. Кротова, М. В. Анализ дневников И.С. Ильина как исторического источника по истории Гражданской войны / М. В. Кротова // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2019. – С. 131–136.
416. Крузе, Э. Э. Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 годах / Э. Э. Крузе. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. – 143 с.
417. Крупина, А. Н. Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону советской власти / А. Н. Крупина // Уральское село в XX веке. – Екатеринбург, 1994. – С. 4–24.
418. Крупина, А. Н. Уральские историки 60–80-х гг. об участии крестьянства в борьбе за установление и упрочение советской власти / А. Н. Крупина // Историография социально-экономического развития Урала в период строительства социализма (1917–1937). – Свердловск, 1987. – С. 31–414.
419. Кручинин, А. С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семеновым / А. С. Кручинин // История белой Сибири : тез. 4-й науч. конф. – Кемерово, 2001. – С. 213–215.
420. Крушанов, А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 – март 1920 г.) / А. И. Крушанов. – Владивосток : Примор. кн. изд-во, 1962. – 355 с.
421. Крушанов, А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920) / А. И. Крушанов. – Владивосток : [б.и.], 1972. – Кн. 1: Вооруженная борьба рабочих и крестьян против объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции (апрель 1918 – март 1919 гг.). – 285 с.
422. Крюков, А. В. Роль сибирских подпольных партийных конференций в организации партизанско-повстанческого движения в Енисейской губернии / А. В. Крюков // Вопросы науки и образования. История. Исторические науки. – 2018. – № 7 (19). – С. 86–90.
423. Кузнецова, О. В. Современная литература о профсоюзах Западной Сибири периода гражданской войны / О. В. Кузнецова // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. – Томск, 1987. – С. 88–90.
424. Кузьмин, В. Л. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. / В. Л. Кузьмин, Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск, 2005. – 220 с.
425. Кузьмин, В. Ю. Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.) / В. Ю. Кузьмин. – Самара : Самар. ун-т, 2003. – 391 с.

426. Кульшарипов, М. М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.) / М. М. Кульшарипов. – Уфа : Китап, 2000. – 368 с.
427. Кульшарипов, М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики (1917–1920 гг.) / М. М. Кульшарипов. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1992. – 158 с.
428. Куприянова, Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. / Л. В. Куприянова // История предпринимательства в России. – М., 1999. – Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX в. – С. 397–422.
429. Куприянова, Л. В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы / Л. В. Куприянова // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 50–76.
430. Курас, Л. В. «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было / Л. В. Курас // Eurasia: Statut et Legem (Евразия: государство и право). – 2014. – № 4. – С. 84–98.
431. Курас, Л. В. «Великое Монгольское государство» атамана Г.М. Семенова и Серединое государство барона Р.Ф. Унгерна фон Штенберга / Л. В. Курас // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) : сб. материалов всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 401–409.
432. Курас, Л. В. Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л. В. Курас, И. В. Наумов, Т. А. Немчинова, П. А. Новиков. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. – 203 с.
433. Курцев, А. Н. Беженство / А. Н. Курцев // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 129–147.
434. Курцев, А. Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) / А. Н. Курцев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 98–113.
435. Курышев, И. В. Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921) / И. В. Курышев, Л. А. Гривенная. – Ишим : Изд-во ИГПТ, 2010. – 182 с.
436. Куцкий, В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. / В. Ю. Куцкий. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. – 201 с.
437. Куцкий, Г. С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. / Г. С. Куцкий. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 302 с.
438. Куцкий, Г. С. Всеобщая забастовка рабочих Приморья весной 1919 г. / Г. С. Куцкий // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. – Владивосток, 1975. – Т. 101 : Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. – С. 15–21.

439. Куцкий, Г. С. Из истории борьбы рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и колчаковщины (июль 1918 – январь 1920 гг.) / Г. С. Куцкий // Дальний Восток за 40 лет советской власти. – Комсомольск-на-Амуре, 1958. – С. 215–265.
440. Куцкий, Г. С. Некоторые вопросы советской историографии гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922) / Г. С. Куцкий // Вопросы истории советского Дальнего Востока. – Владивосток, 1965. – Вып. 3. – С. 12–16.
441. Кучеряев, В. А. Профсоюзы Восточной Сибири в борьбе с колчаковщиной / В. А. Кучеряев // Россия и социально-экономическое развитие Сибири : тез докл. и сообщ. – Тобольск; Тюмень, 1982. – Ч. 2. – С. 16–17.
442. Лаверычев, В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России. 1861–1917 гг. / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1972. – 342 с.
443. Лавров, Н. М. Мексиканская революция 1910–1917 гг. / Н. М. Лавров. – М. : Наука, 1972. – 290 с.
444. Лапандин, В. А. Восстание чехословацкого корпуса: к проблеме оценки причин и характера / В. А. Лапандин // Вестник Самарской государственной экономической академии. 2001. – № 1(5). – С. 140–145.
445. Лапандин, В. А. Комитет членов учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность / В. А. Лапандин. – Самара : СЦАИИИ, 2003. – 242 с.
446. Ларьков, Н. С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. / Н. С. Ларьков // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 2. – С. 24–30.
447. Ларьков, Н. С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский встречный бой 1918 г. / Н. С. Ларьков // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. – Новосибирск, 2001. – С. 48–66.
448. Ларьков, Н. С. Количество без качества, или Снова «в кроссовках по истории» / Н. С. Ларьков // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: История. – 2015. – № 2 (34). – С. 125–128. – Рец. на кн. : Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). – Новосибирск, 2014. – 548 с.
449. Ларьков, Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть / Н. С. Ларьков. – Томск : ТГУ, 1995. – 250 с.
450. Ларьков, Н. С. Сибирский белый генерал / Н. С. Ларьков. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. – 312 с.
451. Ларьков, Н. С. Сибирский Октябрь и маргиналы / Н. С. Ларьков // Из истории революции в России (первая четверть XX в.) : материалы всерос. симпози., посв. пам. проф. И.М. Разгона. – Томск, 1996. – Вып. 1. – С. 171–172.

452. Левчук, А. П. Еще раз о «преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) / А. П. Левчук // Из истории революций в России (первая четверть XX в) : материалы всерос. симпоз. – Томск, 1996. – Вып. 2. – С. 3–12.
453. Лившиц, С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (к истории «семеновского инцидента») / С. Г. Лившиц // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. – Новосибирск, 1985. – С. 176–183.
454. Лившиц, С. Г. Временное Сибирское правительство / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 98–107.
455. Лившиц, С. Г. Из истории американской интервенции в Сибири. 1918–1919 гг. / С. Г. Лившиц // Вопросы новой и новейшей истории : научные труды НГПИ. – Новосибирск, 1969. – Вып. 22. – С. 3–25.
456. Лившиц, С. Г. Из истории империалистической интервенции в Сибири (1918–1919 гг.) / С. Г. Лившиц // Вопросы новой и новейшей истории. – Новосибирск, 1966. – С. 46–72.
457. Лившиц, С. Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. / С. Г. Лившиц. – Барнаул : БГПИ, 1979. – 96 с.
458. Лившиц, С. Г. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. / С. Г. Лившиц // Вопросы новой и новейшей истории : ученые записки БГПИ. – Барнаул, 1972. – Т. 19. – С. 3–33.
459. Лившиц, С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – Барнаул, 1969. – С. 69–93.
460. Лившиц, С. Г. Колчаковский переворот / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1983. – № 3. – С. 79–90.
461. Лившиц, С. Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1974. – № 8. – С. 87–89.
462. Лившиц, С. Г. Политика Японии в Сибири в 1918–1920 : учеб. пособие / С. Г. Лившиц. – Барнаул : БГПИ, 1991. – 119 с.
463. Ликстанов, И. М. Оказание медицинской помощи заключенным в тюрьмах Восточной Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.) / И. М. Ликстанов // VII чтения, посв. пам. Р.Л. Яворского (1925–1995) : материалы междунар. науч. конф. – Новокузнецк, 2012. – С. 180–183.
464. Линчевская, Н. Г. Американский «Красный Крест» в Западной Сибири (1919 г.) / Н. Г. Линчевская // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории : тез. докл. и сообщ. II регион. науч.-метод. конф. – Омск, 1995. – С. 161–163.

465. Липкина, А. Г. 1919 год в Сибири (борьба с колчаковщиной) / А. Г. Липкина. – М. : Воениздат, 1962. – 236 с.
466. Липовецкий, В. Ковчег детей, или невероятная одиссея / В. Липовецкий. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 732 с.
467. Литвин, А. Л. Гражданская война в Поволжье в современной советской историографии / А. Л. Литвин // Ученые записки Казанского пед. ин-та. – Казань, 1974. – Вып. 121. – С. 31–46.
468. Литвин, А. Л. Итоги и задачи изучения гражданской войны в Поволжье / А. Л. Литвин // Вопросы истории. – 1988. – № 7. – С. 141–150.
469. Литвин, А. Л. Крестьянство России и политические партии в годы гражданской войны в освещении современной советской историографии / А. Л. Литвин // Непролетарские партии России в 1917 году. – М., 1980. – С. 181–188.
470. Литвин, А. Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье / А. Л. Литвин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 134 с.
471. Литвин, А. Л. Советская историография гражданской войны в Среднем Поволжье / А. Л. Литвин // История и историки : историографический ежегодник. 1979. – М., 1982. – С. 34–59.
472. Литвин, А. Л. Советская историография краха «демократической контрреволюции» в России / А. Л. Литвин // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С. 111–119.
473. Литвин, А. Л. Современная историография истории гражданской войны в Среднем Поволжье / А. Л. Литвин // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье : межвуз. сб. – Куйбышев, 1984. – С. 89–105.
474. Лосунов, А. М. Общая характеристика периодической печати «белого» Омска в 1918–1919 г. / А. М. Лосунов // Вопросы методологии истории : сб. науч. стат. – Омск, 2008. – Вып. 12. – С. 73–79.
475. Луков, Е. В. Законодательные акты белых правительств как источник по истории формирования государственных структур управления (июнь–ноябрь 1918 г.) / Е. В. Луков // Молодежь и наука: проблемы и перспективы : тез. II обл. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск, 1998. – С. 79–80.
476. Луков, Е. В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) / Е. В. Луков // Историческая наука на рубеже веков. – Томск, 1999. – Т. 2. – С. 156–163.
477. Луков, Е. В. Индивидуальные законодательные акты сибирских правительств как источник для изучения их политических и социально-экономических программ / Е. В. Луков // Проблемы истории Кузбасса. – Прокопьевск, 2002. – С. 30–35.

478. Луков, Е. В. Источниковый потенциал нормативных актов (на примере законодательства антибольшевистских правительств Сибири) / Е. В. Луков // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2006. – С. 289–292.
479. Луков, Е. В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения / Е. В. Луков // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. – Томск, 2006. – С. 182–194.
480. Луков, Е. В. Порядок принятия и опубликования законодательных актов Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства / Е. В. Луков // Гражданская война в Сибири : сб. докл. и стат. науч. конф. – Красноярск, 1999. – С. 104–109.
481. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // TESIS. – 1994. – Вып. 5 : Риск, неопределенность, случайность. – С. 135–160.
482. Лучевников, П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919 гг. / П. С. Лучевников. – Челябинск : [б.и.], 1958. – 30 с.
483. Любезнова, Е. В. К вопросу об участии либералов в организации властных структур «колчаковского режима» (ноябрь–декабрь 1918 г.) / Е. В. Любезнова // Емельяновские чтения : материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. – Курган, 2006. – С. 107–108.
484. Ляхов, Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока (конец 1919 – 1922 г.) / Д. А. Ляхов. – Хабаровск : Хабар. краевой музей, 2015. – 188 с.
485. Ляхов, Д. А. Политический кризис в Приморье (май–июнь 1922 г.) / Д. А. Ляхов // Дальний Восток России: историческое наследие и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2012. – С. 283–286.
486. Мажитов, Р. С. Деятельность Ж. Досмухамедова по организации Западного отделения правительства Алаш-Орды / Р. С. Мажитов // Отан тахиры. – 2002. – № 4. – С. 105–109.
487. Мажитов, Р. С. Жаканшах Досмухамедов и Западное отделение Алаш-Орды / Р. С. Мажитов // Научное наследие С.А. Аманжолова и проблемы гуманитарных наук XXI века : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2003. – С. 279–285.
488. Макарчук, С. В. Вопросы социальной и культурной политики в распорядительной документации Комуча / С. В. Макарчук // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. – 2016. – № 35. – С. 83–90.
489. Макарчук, С. В. К политической биографии Л.И. Шумиловского / С. В. Макарчук // История «белой» Сибири : сб. тез. докл. – Кемерово, 1995. – С. 135–138.
490. Макарчук, С. В. Социал-демократия и тактика третьей силы в гражданской войне на Востоке России (1917–1922 гг.) / С. В. Макарчук // История «белой» Сибири : тез. II Междунар. науч. конф. – Кемерово, 1997. – С. 87–92.

491. Макаrchук, С. В. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири / С. В. Макаrchук // История «белой» Сибири : тез. II науч. конф. – Кемерово, 1997. – С. 28–32.
492. Максаков, В. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. / В. Максаков, А. Турунов. – М.; Л. : Госиздат, 1926. – 299 с.
493. Малыгин, А. Я. Правоохранительные органы белых правительств / А. Я. Малыгин, М. М. Степанов. – М. : [б.и.], 1999. – 143 с.
494. Малышев, В. П. Борьба за власть Советов на Амуре / В. П. Малышев. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1961. – 382 с.
495. Малышева, С. Ю. Комучевская Казань / С. Ю. Малышева // Татарстан. – 2001. – № 9. – С. 54–57.
496. Мальцева, Т. В. Сибирское земство и колчаковщина / Т. В. Мальцева // Вопросы социалистического строительства в Сибири. – Томск, 1983. – С. 125–138.
497. Мангейм, К. Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом / К. Мангейм; пер. с нем. – М. : Инфра-М, 1992. – 346 с.
498. Маркедонов, С. М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства / С. М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. – 2018. – № 1 (11). – С. 24–40.
499. Марковчин, В. Три атамана / В. Марковчин. – М. : Звонница-МГ, 2003. – 335 с.
500. Маркуро, Н. Экономическая теория и право. От Познера к постмодернизму и далее / Н. Маркуро, С. Медема; пер. с англ. Т. Шишкиной; науч. ред. М. Одинцовой. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. – 646 с.
501. Мармышев, А. В. Гражданская война в Енисейской губернии / А. В. Мармышев, А. Г. Елисеенко. – Красноярск : Версо, 2008. – 416 с.
502. Маслов, П. П. Мировая социальная проблема / П. П. Маслов. – Чита : Бюро Дальневосточной кооп. организации при Центросоюзе, 1921. – 268 с.
503. Маслова, И. В. Революция и предпринимательство: судьбы Стахеевых после 1917 г. (на материалах личного происхождения) / И. В. Маслова // Частные миры Великой русской революции : сб. науч. тр. – Казань, 2017. – С. 31–38.
504. Мастренков, А. С. Мемуары по истории гражданской войны как историографическое явление / А. С. Мастренков // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : История России. – 2008. – № 6. – С. 142–147.
505. Матвеева, Н. Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны / Н. Л. Матвеева. – М. : Изд-во МГОУ, 2004. – 189 с.

506. Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.
507. Мау, В. Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций / В. Мау. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 368 с.
508. Махов, В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития (1898–1920) / В. Махов. – Новониколаевск : Сиб. отд-ние Центросоюза, 1923. – 241 с.
509. Машин, М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны / М. Д. Машин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 158 с.
510. Машин, М. Д. Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918–1919) / М. Д. Машин, В. С. Семьянинов. – Иркутск, 1991. – 280 с.
511. Медведев, В. Г. Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны / В. Г. Медведев. – М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 513 с.
512. Медведев, В. Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России / В. Г. Медведев. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2001. – 422 с.
513. Медведев, Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Е. И. Медведев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 352 с.
514. Мейблом, Ф. Тернистый путь / Ф. Мейблом // Последние бои на Дальнем Востоке. – М. : Центрполиграф, 2005. – С. 57–58.
515. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г. В. Мелихов. – М. : ИРИ, 1997. – 245 с.
516. Мельгунов, С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири : в 2 кн. / С. П. Мельгунов; предисл. А. С. Кручинина. – М. : Айрис-пресс, 2005. – Книга первая : Ч. I, II. – 576 с.
517. Мельгунов, С. П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 кн. / С. П. Мельгунов. – М. : Айрис-пресс, 2005. – Книга вторая : Часть III. – 496 с.
518. Мельчин, А. И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–1920 годах / А. И. Мельчин. – М. : Воен.-мор. изд-во, 1951. – 72 с.
519. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; пер. с англ. Е. Н. Егоровой. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
520. Миграция военного времени (1914–1920) в Уфимской губернии : сборник документов и материалов / сост. Г. В. Мордвинцев [и др.]. – Уфа, 2015. – 376 с.

521. Мизес, Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес; пер. с англ.; под ред. Б. Пинскера. – М. : Дело, 1993. – 240 с.
522. Мизес, Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес; пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Левита. – М. : Catallaxy, 1994. – 416 с.
523. Мизес, Ф. фон. Социализм / Л. фон Мизес; пер. с англ. Б. Пинскера. – М.; Челябинск : Социум, 2016. – 584 с.
524. Мизь, Н. Г. Япония – Российское Приморье: путь к взаимопониманию / Н. Г. Мизь, А. А. Бреславец. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 188 с.
525. Милюков, П. Н. Россия на переломе / П. Н. Милюков. – Париж : [б.и.], 1927. – Т. 2 : Антибольшевистское движение. – 281 с.
526. Минаев, В. В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) / В. В. Минаев // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). – М., 2002. – С. 207–224.
527. Минаев, В. В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) / В. В. Минаев // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1(3). – С. 6–22.
528. Минаева, В. Ю. Историография Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье (к постановке проблемы) / В. Ю. Минаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 230–235.
529. Михайлов, И. В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? / И. В. Михайлов // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. – М., 2002. – С. 639–655.
530. Михайлов, И. В. Современная историография гражданской войны в России / И. В. Михайлов // Россия и современный мир. – 2007. – № 3. – С. 28–46.
531. Михеев, В. А. Социальное партнерство: теория, политика, практика / В. А. Михеев, Л. В. Михеев. – М. : КноРус, 2003. – 549 с.
532. Михеенков, Е. Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны / Е. Г. Михеенков. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2004. – 250 с.
533. Михеенков, Е. Г. Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы (лето–осень 1918 гг.) / Е. Г. Михеенков // Труды Томского областного краеведческого музея. – Томск, 2002. – Т. 12. – С. 115–121.
534. Михеенков, Е. Г. Пенитенциарная система Томской губернии. 1879 – середина 1930-х гг.: историко-правовые аспекты / Е. Г. Михеенков, В. Н. Уйманов. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 277 с.

535. Молкина, О. И. Над нами Красный Крест. Петербургская семья на фоне XX века / О. И. Молкина. – СПб. : ОСТРОВ, 2007. – 480 с.
536. Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 г.) / Л. А. Молчанов. – М. : Издатпрофпресс, 2002. – 271 с.
537. Молчанов, Л. А. «Она посягает... на политические известия исключительной важности» («белая» цензура в Сибири в годы гражданской войны) / Л. А. Молчанов // История и современность. – М., 2000. – Ч. 2. – С. 50–62.
538. Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 г.) / Л. А. Молчанов. – М. : Издатпрофпресс, 2002. – 271 с.
539. Молчанов, Л. А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.) / Л. А. Молчанов. – М. : Посев, 2001. – 160 с.
540. Молчанов, Л. А. Цензура «белой» Сибири / Л. А. Молчанов // История «белой» Сибири : тез. III науч. конф. Кемерово, 1999. – С. 76–78.
541. Морозова, О. М. Антропология Гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.
542. Морозова, О. М. Тыл войны без фронта: невоюющее население в условиях Гражданской войны (1917–1920 гг.) / О. М. Морозова, Т. И. Трошина. – Ростов н/Д : Изд-во ДГТУ, 2015. – 283 с.
543. Московкин, В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) / В. В. Московкин. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – 216 с.
544. Мухарьямов, М. К. Гражданская война в Татарии (1918–1919 гг.) / М. К. Мухарьямов. – Казань : Таткнигоиздат, 1969. – 300 с.
545. Мухачев, Б. В. Белогвардейский генерал В.Г. Болдырев и его книга «Директория. Колчак. Интервенты» / Б. В. Мухачев // Седьмые Арсеньевские чтения : тез. докл. регион. науч. конф. – Уссурийск, 1994. – С. 8–12.
546. Мухачев, Б. И. Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке в освещении советских историков (середина 50-х – начало 90-х годов) / Б. И. Мухачев, И. В. Наумов // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1994. – С. 9–25.
547. Мышанский, А. А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины / А. А. Мышанский // Гражданская война на востоке России: проблемы истории : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 109–137.
548. Мячина, Е. В. К вопросу о тыловом обеспечении белогвардейской армии А.В. Колчака в 1918–1920 гг. Е. В. Мячина // Вестник алтайской науки. – 2008. – № 3 (3). – С. 131–138.

549. Нагорная, О. С. «Эвакуация в том виде, в котором существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны / О. С. Нагорная // Вестник Челябинского университета. – 2008. – № 15. – С. 55–63.
550. Нагорная, О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.) / О. С. Нагорная. – М. : Новый хронограф, 2010. – 440 с.
551. Назимок, В. Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» / В. Н. Назимок // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 5. – С. 18–24.
552. Назыров, П. Ф. Приуральский край в условиях «Демократической контрреволюции» / П. Ф. Назыров // И.И. Неплюев и Южноуральский край : материалы науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 112–114.
553. Назыров, П. Ф. Челябинск в 1918–1919 гг. (Из истории города периода гражданской войны) / П. Ф. Назыров // Челябинск неизвестный. – Челябинск, 1996. – Вып. 1. – С. 90–103.
554. Найда, С. Ф. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР / С. Ф. Найда, В. П. Наумов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 172 с.
555. Нам, И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И. В. Нам. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 500 с.
556. Нам, И. В. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.) / И. В. Нам, Н. И. Наумова. Красноярск : Кларетианум, 2003. – 272 с.
557. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919 : документы и материалы / ред., сост. и авт. коммент. Н. С. Бернштам. – Париж : YMCA-press, 1982. – 603 с.
558. Нарский, И. В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. / И. В. Нарский // Известия Урал. федер. ун-та. – Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 3 (178). – С. 44–58.
559. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. – М. : РОССПЭН, 2001. – 632 с.
560. Нарский, И. В. Канализация хаоса и хаос канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский // Человек и война. Война как явление культуры. – М., 2001. – С. 238–262.
561. Наумов, В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР / В. П. Наумов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
562. Наумов, В. П. Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции / В. П. Наумов // Защита Великого Октября. – М. : Наука, 1982. – С. 24–38.

563. Наумов, В. П. Советская историческая литература о рабочем классе в годы гражданской войны / В. П. Наумов // Из истории рабочего класса СССР. – М., 1968. – С. 130–166.
564. Наумов, И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 – середины 1980-х годов / И. В. Наумов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – 144 с.
565. Наумов, И. В. Основные тенденции развития отечественной историографии гражданской войны на востоке России / И. В. Наумов // Октябрьская революция и гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. – Улан-Удэ, 1993. – С. 55–64.
566. Наумов, И. В. Сибирская атамановщина 1918–1920 гг. в освещении отечественных историков / И. В. Наумов // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. – Иркутск 1994. – Ч. 2. – С. 114–116.
567. Наумов, И. В. У истоков: изучение истории гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы / И. В. Наумов. – Иркутск, 1993. – 151 с.
568. Наумов, И. В. Участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке России (историографический аспект) / И. В. Наумов // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке : тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Хабаровск, 1995. – С. 117–120.
569. Наумова, Н. И. Белогвардейские мемуары о национальной политике колчаковского правительства / Н. И. Наумова // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. – Томск, 1984. – С. 109–111.
570. Наумова, Н. И. Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918–1920 гг.) / Н. И. Наумова // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2003. – № 276. – С. 83–89.
571. Наумова, Н. И. Национальная политика колчаковской власти на страницах «Правительственного вестника» / Н. И. Наумова // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 198–200.
572. Неганов, В. Ф. Воспоминания И.М. Майского: «Демократическая контрреволюция» как источник по истории краха Комуча / В. Ф. Неганов // Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 34–42.
573. Немчинова, Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири / Т. А. Немчинова. – Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2002. – 140 с.
574. Нестеренко, П. Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны / П. Л. Нестеренко // Историческая наука на рубеже веков : материалы всерос. науч. конф. – Томск, 1999. – Т. 2. – С. 215–218.
575. Никитин, А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение / А. Н. Никитин. – М. : Право и закон, 2004. – 448 с.

576. Никитин, А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири / А. Н. Никитин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – 165 с.
577. Никитин, А. Н. Издания сибирских профсоюзов (1918–1919 гг.) / А. Н. Никитин // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. – Новосибирск, 1987. – С. 140–158.
578. Никитин, А. Н. Мемуары участников белого движения как источник по истории борьбы за власть советов в Сибири в годы гражданской войны / А. Н. Никитин // История Западной Сибири в советский период. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 1988. – С. 24–26.
579. Никитин, А. Н. Нелегальная печать Сибири периода гражданской войны / А. Н. Никитин // Развитие книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке (советский период). – Новосибирск, 1993. – С. 3–31.
580. Никитин, А. Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири / А. Н. Никитин. – Омск : Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. – 203 с.
581. Никитин, А. Н. Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати / А. Н. Никитин // Социальные и экономические проблемы Сибири переходного периода 1917–1937 гг. – Омск, 1987. – С. 20–30.
582. Николаев, С. М. Политика Комуча / С. М. Николаев // Гражданская война на Волге в 1918 году. – Прага, 1930. – С. 112–121.
583. Никонова, О. Ю. Челябинские каменноугольные копи в период гражданской войны (1918–1919 гг.) / О. Ю. Никонова // Оренбургскому краю 250 лет : материалы юбил. науч. конф. – Оренбург, 1994. – С. 76–78.
584. Новгородов, А. И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии / А. И. Новгородов. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1969. – 398 с.
585. Новиков, П. А. Антибольшевистское движение в Забайкальском казачьем войске: краткий исторический очерк / П. А. Новиков // Белая гвардия : альманах. – М., 2005. – № 8. – С. 280–283.
586. Новиков, П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 415 с.
587. Новиков, П. А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май–август 1918 г.) / П. А. Новиков // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). – 2000. – № 7. – С. 5–18.
588. Носач, В. И. Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны (1918–1920) / В. И. Носач. – М., 1978.
589. Нурмаганбетова, Р. К. Движение Алаш и Алаш-Орда: историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века / Р. К. Нурмаганбетова. – Алматы, 2003. – 155 с.

590. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен. – М. : Прогресс, 1995. – 496 с.
591. Орлова, Н. Е. Социальная политика Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) / Н. Е. Орлова // К истории русской революции: события, мнения, оценки. – М., 2007. – С. 350–360.
592. Орлова, Н. Е. Государственное регулирование в практике Временного правительства (март–октябрь 1917 г.): историко-правовой аспект / Н. Е. Орлова. – Ростов н/Д : РГЭУ «РИНХ», 2006. – 156 с.
593. Ослоновский, А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. 1917–1927 / А. Ослоновский, А. Орлов. – Свердловск, 1928. – 147 с.
594. Осокина, Е. А. «За фасадом сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН, 2008. – 384 с.
595. Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1973. – 728 с.
596. Очерки истории дальневосточных организаций КПСС (1900–1937). – Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1982. – 351 с.
597. Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956) / Е. Д. Ашурков, М. И. Барсуков [и др.]. – М. : Медгиз, 1957. – 392 с.
598. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2002. – Т. 3 : 1917–1930 гг. / отв. ред. А. Л. Посадсков. – 435 с.
599. Очерки истории Приморской организации КПСС / отв. ред. П. А. Антохин. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1971. – 424 с.
600. Очерки истории социального страхования в России и СССР : [коллект. моногр.] / А. В. Морозов [и др.]. – Казань : Изд-во КНИТУ, 2019. – 512 с.
601. Павленков, В. А. Рынок труда. Занятость. Безработица / В. А. Павленков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 366 с.
602. Павлова, И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / И. П. Павлова. – Красноярск, 2003. – 152 с.
603. Павлова, И. П. Право на помощь: разработка законодательства о социальной помощи в период деятельности Временного правительства (март–октябрь 1917 г.) / И. П. Павлова, Т. А. Катцина // История государства и права. – 2017. – № 8. – С. 53–58.
604. Павлова, И. П. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март–октябрь 1917 г.) / И. П. Павлова, Т. А. Катцина // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 134–140.

605. Пай, С. С. Культурно-просветительская деятельность христианских союзов во Владивостоке в 1918–1922 гг. (по материалам местной прессы) / С. С. Пай // Записки Общества изучения Амурского края. – Владивосток, 2009. – Т. 38. – С. 89–95.
606. Пай, С. С. Образование Приморской области в 1917–1922 гг. / С. С. Пай // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы II Междунар. науч. конф. – Владивосток, 2012. – С. 263–239.
607. Пай, С. С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 годах / С. С. Пай // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории : материалы II Междунар. науч. конф. – Владивосток, 2012. – С. 149–154.
608. Пай, С. С. Социально-воспитательные учреждения Приморской области в 1918–1922 гг. / С. С. Пай // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. – СПб., 2008. – № 33 (73). – С. 344–347.
609. Папин, Л. М. Крах колчаковщины и образование дальневосточной республики / Л. М. Папин. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 222 с.
610. Папкина, Е. А. Вс. Иванов «Очерки фронта»: сибирские источники повести «Бронепоезд 14-69» / Е. А. Папкина // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы : исследования и материалы. – М., 2017. – С. 405–433.
611. Паркинсон, С. Н. Законы Паркинсона : сборник / С. Н. Паркинсон; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 448 с.
612. Парфенов, П. С. Борьба за Дальний Восток (1920–1922) / П. С. Парфенов. – 2-е изд., испр. – М. : Моск. тов-во писателей, 1931. – 358 с.
613. Парфенов, П. С. Гражданская война в Сибири в 1918–1919 гг. / П. С. Парфенов. – 2-е изд. – М. : Госиздат, 1925. – 168 с.
614. Парфенов, П. С. Уроки прошлого: гражданская война в Сибири, 1918, 1919, 1920 гг. / П. С. Парфенов. – Харбин : Правда, 1921. – 170 с.
615. Пасков, С. С. История возникновения интервенции Японии на советском Дальнем Востоке в японской историографии (1946–1970 гг.) / С. С. Пасков // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. : сб. стат. – М., 1974. – С. 459–466.
616. Пасков, С. С. Интервенция Японии на советском Дальнем Востоке в современной буржуазной японской историографии / С. С. Пасков, В. М. Серов // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. Сер.: ист. – Т. 40. – Вып. 1 : Вопросы истории историографии. – Владивосток, 1971. – С. 69–76.

617. Пасков, С. С. Японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее провал (1918–1922 гг.). По японским публикациям / С. С. Пасков, В. В. Совастеев, А. Г. Черных // Народы Азии и Африки. – 1977. – № 6. – С. 21–35.
618. Пахаев, С. Я. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы / С. Я. Пахаев // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1965. – Вып. 2. – С. 125–137.
619. Пащина, М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. / М. В. Пащина // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. – С. 191–192.
620. Переверзев, А. Я. Комуч, Директория, Колчак: антисоветский лагерь в Гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах / А. Я. Переверзев, О. С. Кулешов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. – 702 с.
621. Пересветов, В. А. Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне / В. А. Пересветов // Вопросы истории. – 1981. – № 5. – С. 113–120.
622. Пермь от основания до наших дней, 1723–2013: исторические очерки / под ред. М. Г. Нечаева. – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь, 2013. – Т. 1. – 527 с.
623. Петров, И. Б. Дневник А. Будберга как источник по истории белого движения на Дальнем Востоке / И. Б. Петров // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков : докл. и тез. – Владивосток, 1996. – С. 78–82.
624. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния : в 2 т. / А. Пигу; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1985. – Т. 1. – 512 с.; Т. 2. – 452 с.
625. Плешкевич, Е. А. Временное областное правительство Урала: дискуссии о причинах образования / Е. А. Плешкевич // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 30–34.
626. Плешкевич, Е. А. Структура органов государственной власти и управления Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1818 г.) / Е. А. Плешкевич // Гражданская война на востоке России: новые подходы, открытия, находки : материалы науч. конф. – М., 2003. – С. 62–67.
627. Плотников, И. Ф. Большевики во главе антиколчаковских выступлений рабочих Урала летом 1919 г. / И. Ф. Плотников // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). – Свердловск, 1980. – С. 90–102.
628. Плотников, И. Ф. В белогвардейском тылу: большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918–1919 гг.) / И. Ф. Плотников. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. – 128 с.
629. Плотников, И. Ф. Героическое подполье: большевистское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918–1920) / И. Ф. Плотников. – М. : Мысль, 1968. – 342 с.

630. Плотников, И. Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические события на Урале и в Сибири. 1918 г. / И. Ф. Плотников. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – 105 с.
631. Плотников, И. Ф. О времени и обстоятельствах освобождения Екатеринбурга от колчаковцев / И. Ф. Плотников // Из истории социалистического строительства на Урале. – Свердловск, 1976. – С. 3–12.
632. Плотникова, М. Е. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. / М. Е. Плотникова // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1969. – Вып. 4. – С. 172–188.
633. Плотникова, М. Е. Колчак и эсеровская оппозиция / М. Е. Плотникова // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1967. – Вып. 3. – С. 168–181.
634. Плотникова, М. Е. Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии / М. Е. Плотникова // Методологические и исторические вопросы исторической науки. – Томск, 1967. – Вып. 5. – С. 76–113.
635. Плотникова, М. Е. О некоторых итогах современной советской историографии партизанского движения в Сибири / М. Е. Плотникова // Материалы науч. конф. по истории Сибири, посв. 50-летию Великого Октября. – Томск, 1967. – С. 73–113.
636. Плотникова, М. Е. О проблематике советской историографии гражданской войны в Сибири / М. Е. Плотникова // История СССР. – 1985. – № 5. – С. 101–116.
637. Плотникова, М. Е. О проблематике современной советской историографии гражданской войны в Сибири / М. Е. Плотникова // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. – Томск, 1982. – С. 205–215.
638. Плотникова, М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота / М. Е. Плотникова // Сборник научных трудов исторических кафедр. Труды ТГУ. – 1964. – Т. 167. – С. 51–68.
639. Плотникова, М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х годов) / М. Е. Плотникова. – Томск, 1974. – 265 с.
640. Плотникова, М. Е. Советская историография литературы о сибирском крестьянстве в период иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири / М. Е. Плотникова // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. – Барнаул, 1969. – С. 85–88.
641. Плотникова, М. Е. Современная советская историческая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. / М. Е. Плотникова // Из истории гражданской войны и интервенции в 1917–1922. – М., 1974. – С. 420–429.

642. Плотникова, М. Е. Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири / М. Е. Плотникова, И. М. Разгон // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. – Томск, 1970. – Вып. 1. – С. 3–12.

643. Плотникова, М. Е. Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири / М. Е. Плотникова, И. М. Разгон // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1972. – Вып. 7. – С. 3–15.

644. Плотникова, М. Е. Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири / М. Е. Плотникова, В. И. Шишкин // Гуманитарные исследования Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 177–187.

645. Подшивалов, И. Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. (опыт военно-исторического исследования) / И. Подшивалов. – М., 1925. – 221 с.

646. Познанский, В. С. Японский историк разоблачает японскую интервенцию в Сибири / В. С. Познанский // Известия СО РАН. Сер. история, филология и философия. – Новосибирск, 1987. – Вып. 3. – С. 61–64.

647. Позняк, Т. З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного признания / Т. З. Позняк // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. № 2. – С. 193–205.

648. Позняк, Т. З. Выступление японских интервентов 4–5 апреля 1920 г.: насилие и стратегия поведения населения в ходе вооруженного конфликта / Т. З. Позняк // Ойкумена: региональные исследования. – 2019. – № 2. – С. 15–20.

649. Позняк, Т. З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории / Т. З. Позняк. – Владивосток, 2018. – 712 с.

650. Покровский, С. Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.) / С. Н. Покровский. – Алма-Ата : Наука. Казах. отд-ние, 1967. – 367 с.

651. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Фурбелева. – СПб. : Алатейя, 2014. – 311 с.

652. Попов, Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий / Ф. Г. Попов. – Куйбышев : Куйб. кн. изд-во, 1972. – 325 с.

653. Попов, Ф. Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки / Ф. Г. Попов. Куйбышев : Куйб. кн. изд-во, 1959. – 216 с.

654. Попов, Ф. Г. Чехословацкий мятеж и самарская учредилка / Ф. Г. Попов. – М. ; Самара : Ср.-Волж. кн. изд-во, 1934. – 254 с.

655. Поршнева, О. С. Власть и рабочие России и Урала условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений : очерки истории и историографии / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман. – Екатеринбург : РИО УрИ РАНХиГС, 2013. – 356 с.
656. Поршнева, О. С. Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим: некоторые итоги постсоветского периода / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы меморизации красного и белого движения : сб. материалов всерос. науч. конф. – Омск, 2016. – С. 35–41.
657. Посадский, А. В. Уральское и Прикамское беженство в 1919 году / А. В. Посадский // Гражданская война на востоке России. – Пермь, 2008. – С. 225–228.
658. Посадсков, А. Л. Антибольшевистская сатирическая пресса в восточных регионах России (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) / А. Л. Посадсков // Гражданская война в России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 гг.) : сб. материалов всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 344–355.
659. Посадсков, А. Л. Демократический переворот 23 декабря 1919 – 5 января 1920 г. в Красноярске: страница из истории Гражданской войны на востоке России / А. Л. Посадсков // Общество. Интеллигенция. Репрессии. – Новосибирск, 2009.
660. Постников, С. П. Власть и рабочие Урала в 1917 г.: очерки истории и историографии / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. – 156 с.
661. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009. – 367 с.
662. Право социального обеспечения : учебник / ред. К. Н. Гусов. – М. : ПБОЮЛ Грачев С.М., 2001. – 328 с.
663. Прайсман, Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге / Л. Г. Прайсман. – СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. – 530 с.
664. Привалова, Е. А. «Русский эксперимент». Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.) / Е. А. Привалова. – М. : ВК, 2006. – 153 с.
665. Привалова, Е. А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.) / Е. А. Привалова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 319 с.
666. Проскурякова, Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н. А. Проскурякова // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153–165.
667. Протасов, Л. Г. Комитет членов Учредительного собрания: социопортрет в зеркале русской революции / Л. Г. Протасов // Вестник Самарского госуниверситета. – 2004. – № 1 (31). – С. 91–95.
668. Профсоюзы железнодорожников Западной Сибири: исторические хроники, традиции, современность / авт. и сост. И. П. Цибилев. – Новосибирск : ЦЭРИС, 2008. – 318 с.

669. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / сост. В. И. Шемелев. – Новосибирск, 1928. – 240 с.
670. Пушкарева, Н. Л. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Н. Л. Пушкарева, П. П. Щетинин // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. № 2. – С. 147–162.
671. Пчелов, Е. В. К вопросу о принципах классификации исторических источников / Е. В. Пчелов // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: проблемы взаимодействия на современном этапе : докл. и тез. выступлений. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 198–200.
672. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) : [кол. моногр.] / отв. ред. А. С. Московский. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 425 с.
673. Радаев, В. В. Социология экономики / В. В. Радаев. – М. : ГУ ВШЭ, 2005. – 601 с.
674. Ракоти, В. Д. Заработная плата и предпринимательский доход / В. Д. Ракоти. – М. : Финансы и статистика, 2001. – 336 с.
675. Рафиков, И. К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала (1917–1920 г.) / И. К. Рафиков // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. – Свердловск, 1989. – С. 29–32.
676. Резниченко, А. Н. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.) / А. Н. Резниченко. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 153 с.
677. Рейхберг, Г. Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. / Г. Е. Рейхберг. – М. : Соцэкгиз, 1940. – 212 с.
678. Ренев, Е. Г. Ижевская народная армия по мобилизационным моделям / Е. Г. Ренев // Глобальный научный потенциал. История, философия, социология. – 2014. – № 12 (45). – С. 79–81.
679. Рипп, Г. Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.) / Г. Х. Рипп. – Новосибирск : Советский воин, 1987. – 188 с.
680. Рогачев, А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 годы) / А. Г. Рогачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : КрасГАУ, 2008. – 171 с.
681. Рогачев, А. С. Динамика и модернизация российских социально-политических и экономических процессов в 1917–1918 годах на историческом поле Сибири / А. С. Рогачев, С. В. Максимов. – Красноярск : [б.и.], 1999. – 143 с.
682. Розов, Н. С. Может ли революция быть легитимной? / Н. С. Розов // Вестник НГУ. Сер.: Философия. – 2014. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 25–31.
683. Ролс, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролс; пер с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целищев. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – 534 с.
684. Романов, П. В. Современные интерпретации менеджмента / П. В. Романов. – Саратов : Саратовский гос. тех. ун-т, 2000. – 215 с.

685. Романов, Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; сост., предисл. и прим. Н. В. Куликаускене. – Иркутск, 1994. – 560 с.
686. Романова, В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) / В. В. Романова. – Красноярск : Кларетианум, 2001. – 292 с.
687. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 608 с.
688. Рощевский, П. И. Гражданская война в Зауралье / П. И. Рощевский. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1966. – 339 с.
689. Рукосуев, Е. Ю. Екатеринбургское бюро совета съездов горнопромышленников Урала в 1917–1919 гг. / Е. Ю. Рукосуев // Вестник Пермского университета. – 2014. – История. – Вып. 4. – С. 84–91.
690. Рыбков, А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: исторические очерки / А. Г. Рыбков. – Саратов, 2017. – 220 с.
691. Рыбников, В. В. «Белое дело» в литературе и источниках: историографическое исследование проблем белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.) / В. В. Рыбников, В. Г. Казаков, Г. М. Ипполитов. – М. : Московская академия МВД России, 2001. – 116 с.
692. Рыженко, В. Г. Беженцы периода гражданской войны (к вопросу об использовании материалов центральных архивов) / В. Г. Рыженко // Человек и война. XX век: проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2002. – С. 23–26.
693. Рынков, В. М. [Рецензия] / В. М. Рынков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия, история, филология. – 2003. – Вып. 2. Т. 2. – С. 201–206. – Рец. на кн.: Немчинова Т.А. Современная историография белого движения в Сибири. – Улан-Удэ, 2002. – 189 с.
694. Рынков, В. М. [Рецензия] / В. М. Рынков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 109–110. – Рец. на кн.: Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 – начало 1920 гг.). – М. : Наука, 2008. – 342 с.
695. Рынков, В. М. [Рецензия] / В. М. Рынков // Отечественные архивы. Научно-исторический журнал. – 2008. – № 1. – С. 103–107. – Рец. на кн.: Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / сост., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С. М. Ляндреса. – Рязань, 2006. – 619 с.: ил. (Сер. «Новейшая Российская история: исследования и документы». Т. 9).
696. Рынков, В. М. «В лютую зиму не подобает дереву иметь листву»: представительный орган в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака (23 ноября 1918 г. – 18 декабря

1919 г.) / В. М. Рынков // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. Вып. 10 : История. – Новосибирск, 2011. – С. 33–39.

697. Рынков, В. М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России / В. М. Рынков // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны : сб. науч. стат. – Новосибирск, 2009. – С. 105–125.

698. Рынков, В. М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны / В. М. Рынков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 3. – С. 70–75.

699. Рынков, В. М. Власть и собственники: к характеристике семеновского политического режима в Забайкалье в 1920 г. / В. М. Рынков // История белой Сибири : сб. науч. стат. – Кемерово, 2011. – С. 166–170.

700. Рынков, В. М. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны / В. М. Рынков // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2000. – С. 289–298.

701. Рынков, В. М. Возникновение и деятельность Всесибирского совета кооперативных съездов (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) / В. М. Рынков // Кооперация: история, теория, экономика, управление : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2008. – С. 30–33.

702. Рынков, В. М. Восстановление прав собственников антибольшевистскими правительствами на востоке России (лето 1918 – 1919 г.) / В. М. Рынков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 12–15.

703. Рынков, В. М. Всесибирский совет кооперативных съездов (конец 1918 – 1919 г.) / В. М. Рынков // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность : материалы все-рос. науч.-практ. конф. – Иваново, 2004. – С. 194–197.

704. Рынков, В. М. Гражданская война на востоке России: проблемы историографии и проблемы историографического жанра / В. М. Рынков // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь годы и десятилетия. – Самара, 2009. – С. 65–76.

705. Рынков, В. М. Деятельность Министерства труда Временного Сибирского правительства летом–осенью 1918 г. / В. М. Рынков // История белой Сибири : тез. науч. конф. – Кемерово, 1995. – С. 67–69.

706. Рынков, В. М. Забайкальская кооперация в вихре бурных лет (1914–1920 гг.) / В. М. Рынков // Кооперация: прошлое и настоящее : материалы и исследования : памяти учителя,

педагога, ученого, доктора исторических наук, профессора Леонида Ефимовича Файна. – Иваново, 2013. – Вып. 2. – С. 154–163.

707. Рынков, В. М. Законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1922 г.): проблемы выявления и изучения / В. М. Рынков // Документ в системе социальных коммуникаций : материалы III Всерос. науч. конф. – Томск, 2008. – С. 313–316.

708. Рынков, В. М. Идеюное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн / В. М. Рынков // Кооперация Сибири: история и современное состояние. – Новосибирск, 2006. – Вып. 5. – С. 163–174.

709. Рынков, В. М. История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях Министерства земледелия» (Омск, 1919 г.) / В. М. Рынков // Актуальные вопросы истории Сибири : Седьмые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2009. – С. 169–171.

710. Рынков, В. М. История Гражданской войны на востоке России: от советского к постсоветскому источниковедению / В. М. Рынков // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2009. – С. 414–419.

711. Рынков, В. М. Кооперация и власть на Дальнем Востоке на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1922 гг.) / В. М. Рынков // Кооперация: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 49–53.

712. Рынков, В. М. Между политикой и экономикой: Иркутский кооперативный центр в 1918 – 1920-х гг. / В. М. Рынков // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2009. – С. 209–213.

713. Рынков, В. М. Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири / В. М. Рынков // История «белой» Сибири : материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 284–288.

714. Рынков, В. М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России / В. М. Рынков // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов регион. молод. конф. – Новосибирск, 2007. – С. 13–22.

715. Рынков, В. М. На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 гг. / В. М. Рынков // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития. – Новосибирск, 2003. – Вып. 4. – С. 91–119.

716. Рынков, В. М. Омский военно-промышленный комитет в годы гражданской войны / В. М. Рынков // Гражданская война в Сибири : сб. докл. науч. конф. – Красноярск, 1999. – С. 51–60.

717. Рынков, В. М. Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе–сентябре 1920 г. / В. М. Рынков // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 154–159.
718. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
719. Рынков, В. М. Проблема частной собственности в экономической политике «белых» правительств Сибири: законодательство и практика / В. М. Рынков // История «белой» Сибири : тез. науч. конф. – Кемерово, 1997. – С. 87–90.
720. Рынков, В. М. Продовольственный рынок Сибири во второй половине 1918 – 1919 г.: пространственные и отраслевые модели / В. М. Рынков // Исторические вызовы и экономическое развитие России : всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург, 2019. – С. 461–465.
721. Рынков, В. М. Прожиточный минимум городского населения на востоке России в годы Гражданской войны / В. М. Рынков // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке. – Новосибирск, 2011. – С. 112–133.
722. Рынков, В. М. Сибирское общество в годы Первой мировой войны: институты, инструменты, формы и индивидуальные стратегии политической адаптации / В. М. Рынков // Власть и общество в Сибири в XX в. : сб. науч. стат. – Новосибирск, 2014. – Вып. 5. – С. 21–41.
723. Рынков, В. М. Советская социальная политика в условиях завершения Гражданской войны: Сибревкомовский вариант (конец 1919 – 1922 г.) / В. М. Рынков // Советский проект. 1917 – 1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2018. – С. 186–187.
724. Рынков, В. М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России / В. М. Рынков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 27–32.
725. Рынков, В. М. Социальная политика (антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.) / В. М. Рынков. – Новосибирск : Сибпринт, 2008. – 440 с.
726. Рынков, В. М. Социальная политика в условиях экономической нестабильности: анализ сибирского опыта 1918–1920 гг. / В. М. Рынков // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : сб. стат. по материалам всерос. науч. конф. – Барнаул, 2018. – С. 265–273.
727. Рынков, В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) / В. М. Рынков. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2006. – 212 с.
728. Рынков, В. М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России / В. М. Рынков // История Сибири, 1583–2006: проблемы и перспективы : сб. материалов науч. конф. – Новосибирск, 2006. – С. 180–188.

729. Саблин, И. «Вильсоновский момент на восточном фронте»: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. Саблин // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. стат. – М., 2014. – С. 135–155.

730. Савченко, С. Н. Временное Амурское правительство (18 сентября – 10 ноября 1918 г.) / В. М. Рынков // Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: Третьи Гродековские чтения : материалы регион. науч. конф. – Хабаровск, 2001. – Ч. 3. – С. 45–51.

731. Савченко, С. Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездки атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) / С. Н. Савченко // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – Хабаровск, 1999. – С. 40–74.

732. Савченко, С. Н. Примирение Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова / С. Н. Савченко // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 3. – С. 13–19.

733. Савченко, С. Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) / С. Н. Савченко. – Хабаровск : ХГПУ, 2002. – 279 с.

734. Сапоговская, Л. В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии / Л. В. Сапоговская // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. – Екатеринбург, 2006. – С. 135–173.

735. Сапожников, Б. Г. Прогрессивная японская историография об участии в империалистической интервенции на советском Дальнем Востоке / Б. Г. Сапожников // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. – Владивосток, 1989. – С. 91–103.

736. Сафонов, Д. А. Легенда о «казачьем мятеже» / Д. А. Сафонов // 1743. Историко-литературный альманах. – Оренбург, 2000. – С. 35–63.

737. Сафонов, Д. А. Между империей и республикой Советов: местные власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. / Д. А. Сафонов. – Оренбург : Димур, 2008. – 448 с.

738. Сафонов, Д. А. Оренбургский комитет уполномоченных КОМУЧа: правовая база и правовая политика / Д. А. Сафонов // Российская история в начале XXI в.: опыт, проблемы, перспективы. – Оренбург, 2014. – С. 238–242.

739. Сафонов, Д. А. Политический режим «казачьей власти» в 1918 году: к вопросу о «дутовской» диктатуре / Д. А. Сафонов // Вестник Челябинского университета. – 2009. – № 9 (144). – С. 58–68.

740. Сафонов, Д. А. Факел над бездной: революция 1917 года и гражданская война на юго-востоке Европейской России / Д. А. Сафонов. – Оренбург, 2017.

741. Светачев, М. И. Из истории борьбы трудящихся Приморья против экономической экспансии иностранных империалистов (Денежная реформа 1920 г.) / М. И. Светачев // Ученые записки Хабаровского пед. ин-та. – 1963. – Т. 12. – С. 55–69.
742. Светачев, М. И. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918–1919 гг. / М. И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1972. – Вып. 2. – С. 3–42.
743. Светачев, М. И. Интервенция и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917 – 1918 г.) / М. И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1973. – Вып. 3. – С. 10–89.
744. Светачев, М. И. К вопросу о планах экономической экспансии США и Японии на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. / М. И. Светачев // Из истории советского Дальнего Востока. – Хабаровск, 1963. – С. 25–35.
745. Светачев, М. И. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (апрель–август 1918 г.) / М. И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 1975. – Вып. 5. – С. 54–157.
746. Светачев, М. И. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) / М. И. Светачев // Новая и новейшая история. – 1970. – № 5. – С. 36–48.
747. Святицкий, Н. В. К истории Всероссийского Учредительного собрания (очерк событий на востоке России в сентябре–декабре 1918 г.) / Н. В. Святицкий. – М. : Просветительное кооперативное издательское товарищество, 1921. – 170 с.
748. Сейфулин, Х. М. К истории иностранной интервенции и гражданской войны в Туве (1918–1921) / Х. М. Сейфулин. – Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1956. – 120 с.
749. Сейфуллин, С. Тернистый путь: [историко-мемуарный роман] / С. Сейфуллин; пер. С. Талжанова и И. Щеголихина. – Алма-Ата : Казах. гос. изд-во худ. лит-ры, 1964. – 456 с.
750. Секиринский, С. С. История и литература: в несовпадающих ракурсах / С. С. Секиринский // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 191–195.
751. Селезнева, В. Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале / В. Т. Селезнева. – Молотов : Молот. кн. изд-во, 1955. – 216 с.
752. Селянинова, Г. Д. Органы государственной власти и местного самоуправления Пермской губернии в период «колчаковщины» (ноябрь 1918 – июнь 1919 гг.) / Г. Д. Селянинова // Ученые записки гуманитарного факультета. – Пермь, 2005. – Вып. 14 : Исследования по отечественной истории, истории российских политических элит и номенклатуры. – С. 17–38.
753. Семенова, Е. В. Опыт дальневосточных органов местного самоуправления в решении социальных проблем в 1917–1920 гг. / Е. В. Семенова // Вестник Амурского госуниверситета. Сер.: Гуманитарные науки. – Благовещенск, 2003. – Вып. 20. – С. 53–55.

754. Семенова, Н. М. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» / Н. М. Семенова // Некоторые вопросы истории. – Томск, 1973. – Вып. 2. – С. 79–95.
755. Семенова, Н. М. Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период «демократической» контрреволюции в 1918 г. / Н. М. Семенова // История СССР и история КПСС. – Томск, 1972. – Вып. 3. – С. 44–45.
756. Семенова, Н. М. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции / Н. М. Семенова // Некоторые вопросы истории. – Томск, 1973. – Вып. 2. С. 65–78.
757. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен; пер. с англ. Д. Краличкина. – М. : Изд-во Инта Гайдара, 2016. – 517 с.
758. Сенкевич, А. Гражданская война на Дальнем Востоке. Забастовки на Уссурийской железной дороге в 1919 г. / А. Сенкевич // Борьба классов. – 1936. – № 6. – С. 57–66.
759. Серебренников, И. И. Гражданская война в России: великий отход / И. И. Серебренников; сост. и предисл. В. А. Майер. – М. : АСТ; Ермак, 2003. – 695 с.
760. Сидорина, Т. Ю. Два века социальной политики / Т. Ю. Сидорина. – М. : РГГУ, 2005. – 441 с.
761. Сидорина, Т. Ю. История и теория социальной политики : учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2010. – 559 с.
762. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М. : Наука, 1973. – 654 с.
763. Сизов, С. Г. Беженцы в Белом Омске (1918–1919 гг.) / С. Г. Сизов // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты : сб. стат. – Ижевск, 2018. – С. 330–342.
764. Сизов, С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) / С. Г. Сизов. – Омск : Изд-во СибАДИ, 2018. – 239 с.
765. Сизов, С. Г. Благотворительная деятельность в белой столице России (Омск, июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) / С. Г. Сизов // Гражданская война на востоке России : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Омск, 2017. – С. 308–313.
766. Сизов, С. Г. Благотворительность и социальная помощь в Белом Омске (1918–1919 годы) / С. Г. Сизов // Социально-гуманитарный вестник : всерос. сб. науч. тр. – Юбил. вып. 20. – Краснодар, 2017. – С. 26–30.
767. Симонов, Д. Г. Белая сибирская армия в 1918 году / Д. Г. Симонов. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2010. – 612 с.

768. Симонов, Д. Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. / Д. Г. Симонов // Гражданская война на востоке России: проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 67–86.
769. Сичинский, Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала / Е. П. Сичинский // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 164–171.
770. Сичинский, Е. П. Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) / Е. П. Сичинский // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. – Свердловск, 1990. – С. 18–27.
771. Сичинский, Е. П. К истории Челябинского комитета народной власти / Е. П. Сичинский // Оренбургскому краю 250 лет : материалы юбил. науч. конф. – Оренбург, 1994. – С. 73–75.
772. Скажутин, Д. В. Учреждения призрения города Читы в 1917–1919 гг. / Д. В. Скажутин // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2019. – С. 227–232.
773. Скипина, И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы / И. В. Скипина. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2003. – 207 с.
774. Скорикова, Л. А. «Иркутские губернские ведомости» в годы Гражданской войны / Л. А. Скорикова // История Белой Сибири : сб. науч. стат. – Кемерово, 2011. – С. 203–206.
775. Скотт, Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение / Дж. Скотт // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия. – М. : Прогресс, 1992. – С. 285–287.
776. Скробов, В. С. Мятежный корпус: о вооруженном антисоветском выступлении чехословацкого корпуса в 1918 г. / В. С. Скробов // Вестник ЧелГУ. Сер.: история. – 1993. – № 1. – С. 29–40.
777. Смит, Д. Социальное развитие и социальная справедливость Д. Смит // Регион. – 1994. – № 3. – С. 2–26.
778. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 / Т. М. Смирнова. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.
779. Смоляков, А. Под алым стягом революции: комсомол Дальнего Востока в 1920–1922 гг. : исторический очерк / А. Смоляков. – Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1978. – 173 с.
780. Солнцева, С. А. Военнопленные в России в 1917 г. / С. А. Солнцева // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 143–148.
781. Соловьев, А. В. Почему забастовка порой оканчивается банкротством предприятия / А. В. Соловьев // Человек и труд. – 1997. – № 9. – С. 66–68.

782. Солодянкин, А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной / А. Г. Солодянкин. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1960. – 305 с.
783. Соломенник, В. Борьба за советскую власть в полосе отчуждения КВЖД / В. Соломенник // Дальистпарт. – Владивосток, 1925. – Вып. 3. – С. 51–81.
784. Сонин, В. В. «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921 – октябрь 1922) / В. В. Сонин. – Владивосток : [б.и.], 1974. – 61 с.
785. Сонин, В. В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922) / В. В. Сонин. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1987. – 264 с.
786. Сонин, В. В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) / В. В. Сонин. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1990. – 347 с.
787. Сорокин, П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. – М. : Территория будущего; РОССПЭН, 2005. – 702 с.
788. Сорокин, П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П. Сорокин. – М. : Academia, 2003. – 678 с.
789. Соскин, В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.) / В. Л. Соскин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1965. – 281 с.
790. Социальная политика : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. / ред. Н. А. Волгина. – М. : Экзамен, 2008. – 943 с.
791. Социальная помощь населению Сибири в годы мировых войн XX века / И. П. Павлова, Т. А. Катцина, Л. Э. Мезит, О. М. Долидович. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – 316 с.
792. Спириин, Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л. М. Спириин. – М. : Мысль, 1968. – 437 с.
793. Старостин, Е. В. Архивы и революция / Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина. – М. : РГГУ, 2007. – 120 с.
794. Стельмак, М. М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отражении антибольшевистской прессы (по материалам рубрик «печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») / М. М. Стельмак // Омский научный вестник. – 2014. – № 3 (129). – С. 21–25.
795. Стельмак, М. М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» / М. М. Стельмак // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 2 (34). – С. 39–45.
796. Стельмак, М. М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») / М. М. Стельмак // Вестник Кемеровского университета. – 2015. – № 1–2 (61). – С. 63–67.

797. Стишов, М. И. Большеви́стское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны / М. И. Стишов. – М. : МГУ, 1962. – 419 с.
798. Струмилин, С. Г. Динамика условий труда в СССР за 1917–1927 гг. // Струмилин С. Г. Избранные произведения : в 5 т. – М. : Наука, 1963. – Т. 3 : Проблемы экономики труда. – С. 369–409.
799. Струмилин, С. Г. Проблемы экономики труда / С. Г. Струмилин. – М. : Наука, 1982. – 472 с.
800. Струмилин, С. Г. Ущерб производительности труда, вызванный гражданской войной и блокадой // Струмилин С. Г. Избранные произведения : в 5 т. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – Т. 1 : Статистика и экономика. – С. 190–196.
801. Суверов, Е. Б. Деятельность колчаковской милиции Алтайской губернии (1918–1919 гг.) : учеб. пособие / Е. Б. Суверов, Р. А. Карпов. – Барнаул : Барн. юрид. ин-т, 2014. – 52 с.
802. Суржикова, Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 423 с.
803. Суржикова, Н. В. Плен, лень и бухгалтерия (к вопросу об эффективности трудового использования военнопленных I мировой войны в экономике Урала) / Н. В. Суржикова // Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития. – Челябинск, 2010. – С. 40–59.
804. Суржикова, Н. В. Производительность труда пленных иностранцев на Урале / Н. В. Суржикова // Вопросы истории. – 2011. – № 4. – С. 149–155.
805. Суржикова, Н. В. Российский плен 1914–1922 гг. в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы / Н. В. Суржикова // Вестник Пермского университета. Сер.: история. – 2013. – № 2 (22). – С. 167–178.
806. Суржикова, Н. В. Российское общество vs российское беженство 1914–1922 гг. / Н. В. Суржикова // Социологические исследования. – 2017. – № 9 (400). – С. 88–98.
807. Суржикова, Н. В. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейшей отечественной и зарубежной историографии / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков // Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2012. – Вып. 3 (20). – С. 140–152.
808. Сушко, А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны / А. В. Сушко. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2009. – 334 с.
809. Талапин, А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации / А. Н. Талапин // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3. – С. 81–83.
810. Талапин, А. Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг. (по материалам Омского военного округа) / А. Н. Талапин // Омские исторические чтения. – Омск, 2003. – С. 130–134.

811. Таяев, А. Колчаковщина на Урале (1918–1919) / А. Таяев. – М. ; Свердловск, 1930. – 72 с.
812. Тарановски, Т. Судебная реформа и политическая культура царской России Т. Тарановски // Великие реформы в России. 1856–1874. – М., 1992. – С. 301–317.
813. Тарасов, М. Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917–1922 гг. / М. Г. Тарасов. – М. : Наука, 2011. – 177 с.
814. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. : мемуары / А. Г. Тартаковский. – М. : Археографический центр, 1997. – 356 с.
815. Таскаев, М. В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.) / М. В. Таскаев. – Сыктывкар, 2000. – 116 с.
816. Тацит, К. Сочинения : в 2 т. / К. Тацит; изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко; отв. ред. С. И. Утченко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – Т. 1 : Анналы. Малые произведения. – 442 с.
817. Тейлор, Ф. У. Научная организация труда / Ф. У. Тейлор; пер. с англ. А. И. Зак и Б. Я.; предисл. П. М. Кержинцева. – М. : Транспечать, 1925. – 292 с.
818. Темницкий, А. Л. Ориентация рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством / А. Л. Темницкий // Социс. – 2004. – № 6. – С. 26–37.
819. Тимонин, Е. И. Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922) / Е. И. Тимонин, Г. А. Порхунув. – Омск : Изд-во Омск. экон. ин-та, 2007. – 308 с.
820. Типеев, Ш. Очерки по истории Башкирии / Ш. Типеев. – Уфа : Башкир. гос. изд-во, 1930. – 224 с.
821. Тишкина, К. А. Восстановление в Сибири работы отделов общества Красного Креста в годы Гражданской войны (на примере Алтайской губернии) / К. А. Тишкина // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2019. – С. 267–270.
822. Тишкина, К. А. Восстановление деятельности благотворительных организаций Западной Сибири в 1918–1919 гг. / К. А. Тишкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2 (94). – С. 140–144.
823. Тишкина, К. А. Помощь возвращавшимся из плена в 1918–1920 гг. русским воинам (на примере Западной Сибири) / К. А. Тишкина // Человек и общество в условиях войн и революций : материалы II Всерос. науч. конф. – Самара, 2015. – С. 161–179.
824. Токарев, А. И. [Рецензия] / А. И. Токарев, З. С. Бочарова, В. Г. Чичерюкин // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 205–209. – Рец. на кн. : Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск : Боргес, 2000. – 280 с.

825. Толочко, А. П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко, И. А. Коновалов, Е. Ю. Меренкова, О. В. Чудаков. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2003. – 196 с.
826. Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны : [сборник] / А. М. Рыбаков [и др.]; предисл. С. Н. Катырина. – М. : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.
827. Тормозов, В. Т. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения / В. Т. Тормозов. – М. : [б.и.], 1998. – 328 с.
828. Тормозов, В. Т. Советская историография истории белого движения (конец 1920-х – 1991 г.) / В. Т. Тормозов. – М. : Воин, 1994. – 85 с.
829. Тормозов, В. Т. Гражданская война и белое движение: вопросы национальной и социальной политики / В. Т. Тормозов, Г. И. Письменский, А. Г. Письменский. – М. : Изд-во СГУ, 2013. – 485 с.
830. Тригуб, Г. Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь–декабрь 1920 г.) / Г. Я. Тригуб // Ойкумена: региональные исследования. – Владивосток, 2006. – Вып. 1. – С. 44–54.
831. Трофимов, А. В. Конфликтность и толерантность в российском обществе в годы Гражданской войны / А. В. Трофимов, А. В. Иванов, Д. В. Плюйко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. – 282 с.
832. Трофимов, А. В. Проблематика Гражданской войны в исторических журналах Урала и Сибири / А. В. Трофимов // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 62–66.
833. Уварова, О. А. Делопроизводственная документация как источник по истории Гражданской войны / О. А. Уварова // Диалог культур и цивилизаций : тез. VI Всерос. науч. конф. – Тобольск, 2005. – С. 160–161.
834. Уварова, О. А. Документационное обеспечение органов власти и управления на территории белой Сибири в 1918–1919 гг. / О. А. Уварова // Документ в меняющемся мире : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2004. – С. 95–97.
835. Уварова, О. А. Особенности документационного обеспечения органов власти и управления белой Сибири в годы гражданской войны / О. А. Уварова // Документ в парадигме междисциплинарного подхода : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 1996. – С. 88–91.
836. Угрюмова, М. В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны / М. В. Угрюмова // Сибирский исторический журнал (Тобольск). – 2004. – № 1. – С. 91–96.
837. Ульянова, Н. Г. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века / Н. Г. Ульянова. – М. : Наука, 2005. – 415 с.

838. Устинкин, С. В. Трагедия белой гвардии / С. В. Устинкин. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 406 с.
839. Устрялов, Н. В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 г.): воспоминания и дневниковые записи / Н. В. Устрялов. – М. : Анкил, 2000. – 246 с.
840. Ушаков, А. И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России / А. И. Ушаков. – М., 2004. – 96 с.
841. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер. с англ. Б. В. Бабина-Кореня. – М. ; Л. : Книга, 1924. – 160 с.
842. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль. – М. : Центральный институт труда, 1923. – 122 с.
843. Фалкова, Ж. З. Страхование рабочих накануне и в годы первой мировой войны (до февраля 1917 г.) Ж. З. Фалкова // Первая мировая война. 1914–1918 : сб. стат. – М. : Наука, 1968. – С. 347–366.
844. Федирко, О. П. Деятельность молодежных организаций на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) / О. П. Федирко // Вестник Бурятского университета. – 2010. – № 7. – С. 37–41.
845. Федотов, В. И. Временные торгово-промышленные палаты адмирала Колчака / В. И. Федотов // Власть. – 2009. – № 6. – С. 116–119.
846. Федотов, В. И. Торгово-промышленные палаты / В. И. Федотов. – Саратов : Изд-во СГУ, 2000. – Ч. 1 : История. – 258 с.
847. Федотов, Н. П. Очерки по истории здравоохранения Томской области / Н. П. Федотов, П. А. Бова, В. П. Березин. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1967. – 184 с.
848. Федотов, Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения в Сибири / Н. П. Федотов, Г. И. Мендрина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. – 260 с.
849. Фельдман, М. А. Заметки о социальной политике Временного правительства в сфере трудовых отношений летом–осенью 1917 г. / М. А. Фельдман // Историко-экономические исследования. – 2010. – Т. 11. № 3. – С. 5–15.
850. Фельдман, М. А. К вопросу о социальной политике Советской республики и белого лагеря в сфере труда в 1918–1920 гг. / М. А. Фельдман // Экономическая история. – 2011. – № 3. – С. 17–26.
851. Фернандеш де Кастро, А. Г. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов / А. Г. Фернандеш де Кастро // Московский журнал международного права. – 2000. – № 1. – С. 90–106.
852. Филимонов, М. А. Профсоюзы Башкортостана в XX веке: социальные ориентиры и опыт практической деятельности / М. А. Филимонов. – Уфа : УГАТУ, 2002. – 293 с.

853. Филимонов, М. А. Профсоюзы и органы власти Башкирии в годы революций и Гражданской войны / М. А. Филимонов // Россия в годы революции и Гражданской войны: историко-правовой аспект : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Уфа, 2009. – С. 30–37.
854. Фомин, В. Н. Борьба политических партий за власть на Дальнем Востоке в 1917–1925 гг. / В. Н. Фомин. – М. : МАДИ-ТУ, 1998. – 141 с.
855. Фоминых, С. Ф. Американские буржуазные историки о причинах поражения сибирской контрреволюции в гражданской войне / С. Ф. Фоминых // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1972. – Вып. 6. – С. 85–91.
856. Фоминых, С. Ф. Критика современной англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и иностранной интервенции в СССР (источниковедческие аспекты) / С. Ф. Фоминых // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. – Новосибирск, 1985. – С. 68–77.
857. Фоминых, С. Ф. Некоторые вопросы истории гражданской войны и иностранной интервенции в СССР в освещении англо-американской буржуазной историографии / С. Ф. Фоминых // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. – Томск, 1975. – С. 333–352.
858. Фоминых, С. Ф. Основные тенденции англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и антисоветской интервенции / С. Ф. Фоминых // Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг. – М., 1974. – С. 445–452.
859. Футорянский, Л. И. Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии : материал для обсуждения на Сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР» / Л. И. Футорянский. – М., 1969. – 30 с.
860. Футорянский, Л. И. Казачество России в преддверии гражданской войны (26 октября 1917 г. – март 1918 г.) / Л. И. Футорянский. – Оренбург : Пресса, 2000. – 98 с.
861. Хазиев, Р. А. Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах / Р. А. Хазиев. – М. : РОССПЭН, 2007. – 232 с.
862. Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. Хайек; пер. с англ. – М. : Новое издательство, 2005. – 262 с.
863. Хандорин, В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны / В. Г. Хандорин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 368 с.
864. Хандорин, В. Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) / В. Г. Хандорин // Вестник Томского университета. – 2010. – № 339. – С. 85–91.

865. Хандорин, В. Г. К вопросу об аграрных взглядах сибирских кадетов в период революции и Гражданской войны / В. Г. Хандорин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 9. – С. 39–45.
866. Хандорин, В. Г. Либерализм и государственное регулирование в экономических воззрениях сибирских кадетов периода революции и Гражданской войны / В. Г. Хандорин // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 57–66.
867. Хандорин, В. Г. Позиция сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и гражданской войны / В. Г. Хандорин // Вестник Восточной экономико-юридической академии. – 2010. – № 6. – С. 44–50.
868. Хандорин, В. Г. Эволюция взглядов сибирских кадетов по вопросу о власти в период революции и Гражданской войны / В. Г. Хандорин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 88–100.
869. Хаптаев, П. Т. Борьба большевиков за установление советской власти в национальных районах Сибири / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 22 с.
870. Хаптаев, П. Т. Бурятия в годы гражданской войны / П. Т. Хаптаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. – 262 с.
871. Хвостов, Н. А. Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917–1920 гг.) / Н. А. Хвостов. – Красноярск : Изд-во КрасГУ, 1991. – 240 с.
872. Хисамутдинова, Н. В. Высшее образование на Дальнем Востоке в годы гражданской войны / Н. В. Хисамутдинова // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 138–141.
873. Холквист, П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и Советской России / П. Холквист // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М., 2011. – С. 139–179.
874. Холквист, П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте / П. Холквист // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. colloquiuma. – СПб., 1999. – С. 83–101.
875. Холостова, Е. И. Социальная политика : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Е. И. Холостова. – М., 2000. – 250 с.
876. Цветков, В. Ж. Белое движение в России. 1917–1922 гг. / В. Ж. Цветков // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 56–73.
877. Цветков, В. Ж. Белое движение в России – программа и вожди : учеб.-метод. пособие / В. Ж. Цветков, А. В. Лубков. – М. : Прометей, 2003. – 189 с.
878. Цветков, В. Ж. [Рецензия] / В. Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2004. – № 12. – С. 163–166. – Рец. на кн. : Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае. Дневники

Петра Васильевича Вологодского. – Hoover institution, Stendford (California), 2002. – Vol. 1. – 456 p.; Vol. 2. – 472 p.

879. Цветков, В. Ж. Белое дело в России, 1917–1918 гг.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России / В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2008. – 519 с.

880. Цветков, В. Ж. Белое дело в России, 1919: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России / В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2009. – 635 с.

881. Цветков, В. Ж. Белое дело в России, 1919–1922: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России : в 2 ч. / В. Ж. Цветков. – М. : Наука, 2013. – Ч. 1. – 495 с.

882. Цветков, В. Ж. Белое дело в России, 1919–1922: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России : в 2 ч. / В. Ж. Цветков. – М. : Наука, 2016. – Ч. 2. – 639 с.

883. Ципкин, Ю. Н. Антибольшевистские силы России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2006. – 144 с.

884. Ципкин, Ю. Н. Белое движение в России и его крах (1917–1922 гг.) : учеб. пособие / Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск, 2000. – 120 с.

885. Ципкин, Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск : ХГПУ, 1996. – 182 с.

886. Ципкин, Ю. Н. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917–1922 г.) / Ю. Н. Ципкин. – Хабаровск : ХГПУ, 2002. – 267 с.

887. Цысь, В. В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.) / В. В. Цысь. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005. – 267 с.

888. Цысь, В. В. Трудовые армии периода Гражданской войны : в 2 ч. / В. В. Цысь – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2009. – Ч. 1: Возникновение и организация. – 247 с.; Ч. 2: Хозяйственная и общественно-политическая деятельность. – 231 с.

889. Цэцэгма, Ж. Бурятская национальная интеллигенция в становлении Монгольского государства в первой трети XX в. / Ж. Цэцэгма. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2006. – 231 с.

890. Черномаз, В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) / В. А. Черномаз. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 559 с.

891. Черняев, В. Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития / В. Ю. Черняев // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. – СПб., 1994. – С. 166–171.

892. Черняк, Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Э. И. Черняк. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 235 с.

893. Четыре месяца учредиловщины : историко-литературный сборник. – Самара, 1919. – 80 с.
894. Чеховских, К. А. Сибирская областная дума и народное образование: второй этап в развитии образования в Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) / К. А. Чеховских // История белой Сибири : тез. 3-й науч. конф. – Кемерово, 1999. – С. 129–132.
895. Чистяков, И. И. Страхование рабочих в России: опыт истории страхования рабочих в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения / И. И. Чистяков. – М., 1912. – 432 с.
896. Чураков, Д. О. «Третья сила» у власти: Ижевск. 1918 г. / Д. О. Чураков // Вопросы истории. – 2003. – № 5. – С. 30–45.
897. Чураков, Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы / Д. О. Чураков. – М. : РОССПЭН, 2004. – 368 с.
898. Чураков, Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление / Д. О. Чураков. – М. : АИРО-XX, 1998. – 204 с.
899. Шабодоева, А. В. Из истории возникновения скаутского движения в Иркутске / А. В. Шабодоева // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. – Иркутск, 1994. – Ч. I. – С. 17–19.
900. Шабодоева, А. В. Скаутинг как система внешкольного воспитания: исторический аспект проблемы (на примере Восточной Сибири (1917–1926 гг.) / А. В. Шабодоева // Национальная идея, образование и воспитание (философско-методологические и региональные аспекты). – Чита, 1998. – Вып. 2. – С. 96–103.
901. Шазиахметов, Э. Ш. Периодическая печать Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) / Э. Ш. Шазиахметов // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVII–XX вв.). – Омск, 1996. – С. 104–124.
902. Шаламов, В. А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г.М. Семенова (осень 1918 – весна 1919 гг.) / В. А. Шаламов // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 156–166.
903. Шаламов, В. А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным на 1913 г. / В. А. Шаламов // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. – 2014. – Т. 7. – С. 88–93.
904. Шацилло, М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов / М. К. Шацилло. – М. : Наука, 2008. – 342 с.
905. Швец, Ю. П. Борьба с безработицей в Сибири в 1917–1918 гг. / Ю. П. Швец // Образование и социальное развитие региона. – 1999. – № 1–2. – С. 222–227.

906. Швец, Ю. П. Социальные преобразования в Барнауле в декабре 1917 – июле 1918 гг. / Ю. П. Швец // Образование и социальное развитие в регионе (Барнаул). – 1995. – № 3–4. – С. 201–206.
907. Швиттау, Г. Г. Промышленные конфликты: экономическое исследование в области политики труда на Западе / Г. Г. Швиттау. – СПб. : Типогр. Ю.Н. Эрлих, 1911. – 486 с.
908. Шевелев, Д. Н. Журналы заседаний по делам печати как источник по организации государственной пропаганды российским правительством адмирала А.В. Колчака / Д. Н. Шевелев // Документ в системе социальных коммуникаций : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2008. – С. 317–323.
909. Шевцов, В. В. Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири / В. В. Шевцов // Новый исторический вестник. – 2014. – № 42. – С. 31–48.
910. Шельдешев, Э. М. Очерк истории исторической науки на Дальнем Востоке (Дальист-парт и его деятельность в 20–30-е гг.) / Э. М. Шельдешев. – Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 1995. – 181 с.
911. Шемелев, В. И. Борьба за колдоговор в дни контрреволюции (забастовки сибирских печатников 1918–1919 гг.) / В. И. Шемелев // Профессиональное движение. – 1927. – № 30. – С. 5–8.
912. Шер, В. В. Состояние рабочего рынка и перспективы безработицы / В. В. Шер // Вопросы безработицы. – М., 1918. – С. 21–23.
913. Шереметьева, Д. Л. Официальная печать Российского правительства (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) / Д. Л. Шереметьева // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.) : сб. материалов всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2019. – С. 366–375.
914. Шереметьева, Д. Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) / Д. Л. Шереметьева // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1 : История. – С. 129–134.
915. Шереметьева, Д. Л. Газета «Наша мысль» – орган Сибирского областного комитета партии народной свободы (22 июня – 16 сентября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов II Регион. науч. конф. – Новосибирск, 2008. – С. 195–201.
916. Шереметьева, Д. Л. Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 85–88.
917. Шереметьева, Д. Л. Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Власть и общество в Сибири в XX веке. – Новосибирск, 2010. – С. 37–61.

918. Шереметьева, Д. Л. Состав газетной прессы в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Исторический ежегодник. 2010 : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2010. – С. 57–68.

919. Шереметьева, Д. Л. Цензура в Сибири периода «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов III регион. науч. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 191–197.

920. Шиканов, Л. А. Некоторые вопросы историографии начального этапа гражданской войны в Сибири / Л. А. Шиканов // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. – Томск, 1987. – С. 82–83.

921. Шиканов, Л. А. О сущности так называемой «демократической» контрреволюции и ее хронологических рамках / Л. А. Шиканов // Из истории социальной и общественно-политической жизни Сибири. – Томск, 1992. – С. 46–50.

922. Шилов, А. И. Педагогический состав средней общеобразовательной школы Восточной Сибири в начале XX в. (1908–1920 гг.) / А. И. Шилов // Школа и личность, 2008–2009. – Красноярск, 2009. – С. 165–178.

923. Шиловский, М. В. Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября – 18 ноября 1918 г. / М. В. Шиловский // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX в.). – Новосибирск, 2001. – С. 68–98.

924. Шиловский, М. В. Г.Е. Катанаев и его мемуары о наиболее значимых событиях политической и культурной жизни Сибири второй половины XIX – первых двух десятилетий XX века / М. В. Шиловский // Г.Е. Катанаев. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. – Новосибирск, 2005. – С. 9–22.

925. Шиловский, М. В. Конструирование образа Верховного правителя России А.В. Колчака в дневниках и мемуарах руководителей белой Сибири / М. В. Шиловский // Общество. Интеллигенция. Репрессии. – Новосибирск, 2009. – С. 48–57.

926. Шиловский, М. В. Омские события последней декады сентября 1918 г. / М. В. Шиловский // Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 1993. – С. 21–39.

927. Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 428 с.

928. Шиндялов, Н. А. Правительство А.Н. Алексеевского в Амурской области / Н. А. Шиндялов // Россия и АТР. – 2003. – № 2. – С. 5–14.

929. Шишкин, В. И. Вице-адмирал А.В. Колчак (19 сентября – 4 ноября 1918 г.) / В. И. Шишкин // Россия в глобализирующемся мире. – Архангельск, 2006. – С. 164–176.

930. Шишкин, В. И. Военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак / В. И. Шишкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 2. – С. 45–48.
931. Шишкин, В. И. Журналы заседаний Совета министров Временного Сибирского правительства как исторический источник / В. И. Шишкин // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения : материалы окр. науч. конф. – Нижневартовск, 2005. – С. 47–52.
932. Шишкин, В. И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные проблемы образования и деятельности / В. И. Шишкин // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы XVII Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 103–119.
933. Шишкин, В. И. Из истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (октябрь 1918 года) / В. И. Шишкин // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер: История, филология. – 2007. – Т. 6. – Вып. 1 : История. – С. 209–217.
934. Шишкин, В. И. К вопросу о роли Советов в судьбе переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) / В. И. Шишкин // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. – Барнаул, 2005. – С. 296–313.
935. Шишкин, В. И. Как Колчак стал верховным правителем / В. И. Шишкин // Сибирские огни. – 1993. – № 5–6. – С. 143–148.
936. Шишкин, В. И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов / В. И. Шишкин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 60–78.
937. Шишкин, В. И. «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома Колчака (конец 1919 – начало 1920 г.) / В. И. Шишкин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 8 : История. С. 90–106.
938. Шишкин, В. И. «На таком пути к желательному соглашению прийти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз / В. И. Шишкин // Исторический архив. – 2009. – № 1. – С. 100–136.
939. Шишкин, В. И. «Правительственный вестник» как источник по истории колчаковского режима / В. И. Шишкин // История белой Сибири : материалы VI Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2005. – С. 10–12.
940. Шишкин, В. И. Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства / В. И. Шишкин // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири (XVI–XXI вв.) : материалы VI Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2006. – С. 71–73.
941. Шишкин, С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке / С. Н. Шишкин. – М. : Воениздат, 1957. – 268 с.

942. Шмидт, С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников / С. О. Шмидт // Источниковедение: проблемные лекции. – М., 2005. – С. 278–291.
943. Шмитт, К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт; пер. с нем. Ю. Ю. Коренца; под ред. Д. В. Кузницына. – СПб. : Наука. СПб. отд-ние, 2006. – 326 с.
944. Шмитт, К. Политическая теология: четыре главы о суверенитете / К. Шмитт; пер. с нем. – М. : Канон-пресс-Ц, 2000. – 333 с.
945. Штейнберг, А. П. Что дает рабочему социальное страхование / А. П. Штейнберг. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Труд и книга, 1924. – 76 с.
946. Штыка, А. П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов / А. П. Штыка. – Томск : ТГУ, 1991. – 133 с.
947. Штыка, А. П. Мемуары белогвардейцев как источник изучения идеологии и политики белогвардейской контрреволюции / А. П. Штыка // Вопросы истории, историографии и источниковедения. – Томск, 1987. – С. 100–102.
948. Штырбул, А. А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX в. / А. А. Штырбул. – Омск : [б.и.], 1996. – Ч. 2 : 1918–1925 гг. – 144 с.
949. Штырбул, А. А. Гражданская война и анархисты Сибири (1918–1920 гг.) / А. А. Штырбул // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). – Томск, 1996. – Вып. 2. – С. 28–32.
950. Штырбул, А. А. Покушение на Колчака: историческое расследование / А. А. Штырбул. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2013. – 390 с.
951. Штырбул, А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века) / А. А. Штырбул. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2008. – 611 с.
952. Шулдяков, В. А. Гибель Сибирского казачьего войска : в 2 кн. / В. А. Шулдяков. – М. : Центрполиграф, 2004. – Кн. 1 : 1917–1920. – 748 с.
953. Шулдяков, В. А. Гибель Сибирского казачьего войска : в 2 кн. / В. А. Шулдяков. – М. : Центрполиграф, 2004. Кн. 2 : 1920–1922. – 647 с.
954. Шулдяков, В. А. «Мы... желаем быть хозяевами у себя на Родине – в Сибири»: к вопросу о политическом значении казачества весной–летом 1919 года / В. А. Шулдяков // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1 : История. – С. 39–44.
955. Шулдяков, В. А. Совещание представителей казачьих войск в Омске (ноябрь 1918 – июль 1919 года) / В. А. Шулдяков // Катанаевские чтения : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2006. – С. 227–230.

956. Шулдяков, В. А. Чрезвычайный съезд представителей девяти казачьих войск: к истории взаимоотношений казачества и верховной власти (август–декабрь 1919 г.) / В. А. Шулдяков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 60–64.
957. Шульц, Э. Э. Русская революция и проблема легитимности / Э. Э. Шульц // Вестник Московского государственного университета. Сер. 12 : Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 22–34.
958. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; пер. с англ. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.
959. Шустов, Ю. Геноцид Семиреченского казачества: краткий исторический очерк / Ю. Шустов // Белая гвардия : альманах. – М., 2005. – № 8. – С. 236–240.
960. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. : В. Г. Николаев [и др.]; сост. Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1054 с.
961. Щапова, Л. В. Рабочий контроль в Восточной Сибири накануне Октябрьской революции / Л. В. Щапова // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. – Томск, 1982. – С. 69–84.
962. Щебенков, В. Г. Освещение характера интервенции Японии на Дальнем Востоке СССР в официальной японской историографии / В. Г. Щебенков, Б. И. Мухачев // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. – Владивосток, 1988. – С. 104–109.
963. Щербинина, Н. Г. Некоторые вопросы взаимоотношений Колчака и интервентов в работах советских историков 50–80-х гг. / Н. Г. Щербинина // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. – Томск, 1985. – С. 127–132.
964. Щеров, И. П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. / И. П. Щеров. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 95 с.
965. Щетинина, А. С. Беженцы Первой мировой войны на Алтае (1917–1930 гг.) / А. С. Щетинина // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири : III науч. чтения пам. Ю.С. Булыгина. – Барнаул, 2005. – С. 111–116.
966. Щетинина, А. С. Революционная ситуация 1917 г. и ее влияние на вынужденные миграции на Алтае / А. С. Щетинина // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века : материалы всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 158–162.
967. Эйхе, Г. Х. Опрокинутый тыл / Г. Х. Эйхе. – М. : Воениздат, 1966. – 384 с.
968. Экономика труда и социальные отношения: курс ключевых лекций / ред. и сост. Н. А. Волгин, Б. В. Ракитский. – М. : Изд-во РАГС, 1998. – 209 с.
969. Элликсон, Р. Э. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Р. Э. Элликсон. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 520 с.

970. Эренберг, Р. Дж. Современная экономика труда. Теория и государственная политика / Р. Дж. Эренберг, Р. С. Смит. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 800 с.
971. Юрченко, В. Мятаж, которого не было / В. Юрченко // Родина. – 1994. – № 1. – С. 23–31.
972. Яворская, В. Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа / В. Н. Яворская // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1. № 1. – С. 11–28.
973. Якимов, К. В. Страницы из жизни Н.М. Обухова, областного инспектора труда Урала при Всероссийском правительстве адмирала А.В. Колчака / К. В. Якимов // Проблема человека в историческом процессе. – Екатеринбург, 2000. – С. 108–111.
974. Якимов, О. Д. Печать Восточной Сибири под властью А.В. Колчака (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) / О. Д. Якимов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 2(10). – С. 100–104.
975. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 5. – С. 3–35.
976. Яньшин, Л. А. К истории медицинского обеспечения войск Белого движения на востоке России (1918–1920 гг.) / Л. А. Яньшин // Военно-медицинский журнал. – 2014. – №7. – С. 55–63.
977. Яроцкий, В. Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей / В. Г. Яроцкий. – СПб., 1895. – Т. 1. – 496 с.
978. Нурпеис, К. Алаш һәм Алаш-орда / К. Нурпеис. – Алматы, 1994. – 228 б.
979. Попович, Н. Б. Срби у грађанском рату у Русији, 1918–1921 / Н. Б. Попович. – Београд : Ин-т за савремену историју, 2005. – 318 с.
980. Сергійчук, В. Східна діаспора. Зелений клин / В. Сергійчук // Наука и суспільство. – 1996. – № 3–4. – С. 12–16.
981. Сергійчук, В. Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках / В. Сергійчук. – Київ : Українська Видавнича Спілка, 1999. – 412 с.
982. Траф'як, М. Український рух на Далекому Сході / М. Траф'як // Золоті ворота. – 1993. – Вып. 3. – С. 46–71.
983. Afary, J. The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911 / J. Afary. – Columbia University Press, 1996.
984. Ashinfelter, J. Bargaining Theory, Trade Union and Industrial Strake Activity / J. Ashinfelter, G. Johnson // American Economic Review. – 1969. – N 9. – P. 35–49.
985. Bisher, J. White Terror: Cossack Warlords Trans-Siberian / J. Bisher. – L. ; N-Y : Routledge, 2005. – 452 p.

986. Bolton, J. *Czech Tragedy* / J. Bolton. – L. : Watts, 1955. – 240 p.
987. Bradley, J. *Allied Intervention in Russia* / J. Bradley. – L., 1968. – 251 p.
988. Bradley, J. *Civil War in Russia. 1917–1920* / J. Bradley. – L., 1975.
989. Buchannan, J. M. *Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan* / J.M. Buchannan. – Chicago ; L. : University of Chicago Press, 1975. – 210 p.
990. Carley, M. J. *Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919* / M. J. Carley. – Montreal-Kinhston, 1983.
991. Coates, W. P. *Armed Intervention in Russia. 1918–1922* / W. P. Coates, Z. K. Coates. – L., 1935. – 400 p.
992. Connaughton, R. M. *The Republic of the Ushakovka: Admiral Kolchak and the Allied Intervention in Siberia, 1918–1920* / R. M. Connaughton. – L., 1990.
993. Davis, D. E. *The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet Relations* / D. E. Davis, E. P. Trani. – Columbia & London : University of Missouri Press, 2002. – 360 p.
994. Davison, H. P. *The American Red Cross in the Great war, 1917–1919* / H. P. Davison. – N-Y : McMillan, 1919. – 303 p.
995. Dmochowski, T. *Interwencja mocastw na Syberii I Damekim Wschodzie (1918–1922)* / T. Dmochowski. – Torun, 2001.
996. Fic, V. *Revolutionary war for independence and the Russian Question: Czechoslovak Army in Russia. 1914–1918* / V. Fic. – N.-Delhi, 1977.
997. Fic, V. M. *The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of their Armed Conflict (March – May 1918)* / V. M. Fic. – N.-Delhi : Abhinav Publications, 1978. – 495 p.
998. Fic, V. M. *The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson’s Decision not to innervente (march – October, 1918)* / V. M. Fic. – Boulder, 1995.
999. Fic, V. M. *The Rise of the Constitutional Alternative to Soviet Rule in 1918: Provisional Government of Siberia and All-Russia: Their Guest for Allied Intervention. Pert I–II* / V. M. Fic. – Boulder ; N-Y., 1998.
1000. Fike, C. E. *The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relation, 1917–1919* / C. E. Fike // *The Journal of Modern History*. – Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). – P. 93–109.
1001. Footman, D. *Civil War in Russia* / D. Footman. – L., 1961.
1002. Caspersen, N. *Making Peas with de facto states* / N. Caspersen // *The Annual of Language and Language of Politics and Identity*. – 2016. – Vol. 10. – P. 7–18.
1003. Geldenhuys, D. *Contested states in world politics* / D. Geldenhuys. – Palgrave Macmillan, 2009. – 295 p.

1004. Goldhurst, R. *The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920* / R. Goldhurst. – N.-Y., 1978. – 288 p.
1005. Hart, R. *The Economics of Non-Wage Labor Costs* / R. Hart. – L. : Allen & Unwin, 1984. – 173 p.
1006. Holquest, P. *Making War, Forging Revolution: Russian's Continuum of Crisis 1914–1921* / P. Holquest. – Harvard University Press, 2002.
1007. Isitt, B. *Canada and the allied occupation of Vladivostok (1918–1919)* / B. Isitt // *Гражданская война и иностранная интервенция на Российском Дальнем востоке: уроки истории : материалы междунар. науч. конф.* – Владивосток, 2012. – С. 13–14.
1008. Isitt, B. *Mutiny From Victoria to Vladivostok, December 1918* / B. Isitt // *Canadian Historian Review*, June 2006. – P. 223–264.
1009. Kennan, G. F. *The Czechoslovak Legion* / G. F. Kennan // *Russian Review*. – Vol. 16. – 1957. – № 4. – P. 3–16; Vol. 17. – 1958. – № 1. – P. 1–28.
1010. Ker-Lyndsay, J. *The foreign policy of counter secession: Preventing of recognition of contested states* / J. Ker-Lyndsay. – Oxford : Routledge, 2012. – 215 p.
1011. Kettle, M. *Russia and the Allies. Vol. 2: The Road to Intervention, March – November 1918* / M. Kettle. – L., 1988.
1012. Klecenda, V. *Operace ceskoslovensceho vojska na Rusi v letech 1917–1920* / V. Klecenda. – Praha : Československý vědecký ústav vojenský, 1921. – 16 s.
1013. Кольгейдиев, М. *Алаш Козгалысы* / М. Кольгейдиев. – Алматы : Санат, 1995. – 368 с.
1014. Kratochil, J. *Cesta revoluce, Ceskoslovenskie Legie u Rusku* / J. Kratochil. – Praha, 1922.
1015. Kudela, J. *Prehled vyvoje csl revolucniho vojska na Rusi* / J. Kudela. – Praha : Pamatniku Odboje, 1923. – 233 s.
1016. Kvasnicka, J. *Cekoslovenske legie v Rusku 1917–1920* / J. Kvasnicka. – Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963. 343 s.
1017. Kvasnicka, J. *Cekoslovenske legie v Rusku 1917–1920* / J. Kvasnicka. – Bratislava, 1963.
1018. Maddox, R. J. *The unknown war with Russia: Wilson Siberian Intervention* / R.J. Maddox. – San Rafael, California, 1977.
1019. Manning, C. *The Siberian Fiasco* / C. Manning. – N.-Y., 1952.
1020. Mawdsley, E. *The Russian Civil War* / E. Mawdsley. – Boston, 1987.
1021. McCord, E.A. *The Power of the Gun. The Emergence of Modern Chinese Warlordism* / E. A. McCord. – Berkley ; Los-Angeles ; London : University of California Press, 1993. – 436 p.
1022. Miller, F. *The wild children of the Urals* / F. Miller. – N.-Y., 1965. – 251 p.
1023. Mohr, J. M. *The Czech and Slovak Legion in Siberia, 1917–1922* / J. M. Mohr. – Jefferson, 2012.

1024. Morley, J. *The Japanese Trust into Siberia*. 1918 / J. Morley. – N-Y., 1957.
1025. Mus'ka, J., Hoz'ek J. *K uloze c'eskoslvenskych leqii v Rusku* / J. Mus'ka, J. Hoz'ek. – Praha, 1954. – 200 s.
1026. Pichlik, K. *Ceskosovensti legonari (1914–1920)* / K. Pichlik, D. Klipa, J. Zabloudilova. – Praha : Mlada fronta, 1996. – 282 s.
1027. Pichlik K. *C'ervonobila a ruda. Vojaci ve valce a revoluce. 1914–1918* / K. Pichlik, V. Varva, J. Kz'iz'ek. – Praha, 1967.
1028. Popousek, J. *Rusko a ceskoslovenske legie v letech 1914–1918* / J. Popousek. – Praha : Slovansky ustav, 1932. – 60 s.
1029. Rupp, S. *Conflict and Crippled Compromise: Civil-War Politics in the East and the Ufa State Conference* / S. Rupp // *Russian Review*. – Vol. 56. – No. 2 (Apr., 1997). – Pp. 249–264.
1030. Sablin, I. *Governing Post-imperial Siberia and Mongolia: 1911–1924. Buddhism, Socialism and Nationalism in state and autonomy building* / I. Sablin. – L. ; N-Y., 2016. – P. 95–104.
1031. Saul, N. E. *War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921* / N. E. Saul. – Lawrence : University Press of Kansas, 2001. – 483 p.
1032. Schleicher, J. *Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Erstet Weltkriegs in Russland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht* / J. Schleicher // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. – 2000. – № 10. – S. 63–109.
1033. Silverlight, M. *The Victors' Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War* / M. Silverlight. – L., 1970.
1034. Skacel, J. *Ceskoslivenska armada v Rusku I Kolcak* / J. Skacel. – Praha, 1926.
1035. Smele, J. D. *Labour condition and the collapse of the Siberian Economy under Kolchak* / J. D. Smele // *Slavonic of the study Group on the Russian revolution*. – Vol. 13. – 1987. – P. 31–60.
1036. Smele, J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920* / J. D. Smele. – Cambridge, 1996.
1037. Smele, J. D. *What Kolchak Wants!: Military Versus Polity in White Siberia. 1918–1920* / J. D. Smele // *Revolutionary Russia*. – Vol. 4 (1991). – № 1. – P. 52–110.
1038. Smith, C. F. *Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East. 1920–1922* / C. F. Smith. – Seattle & L. : University of Washington press, 1975. – 231 p.
1039. Smith, C. F. *Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrvolution in the Russian Far East. 1920–1922* / C. F. Smith. – Seattle, 1975. – 206 p.
1040. Smith, Ch. H. *What happened in Siberia* / Ch. H. Smith // *Asia*. – 1922. – V. XXII. – P. 374–377.

1041. Swan, J. The lost children: Russian odyssey / J. Swan. – Carlisle, Pennsylvania : South Mountain press, 1989. – 224 с.
1042. Ulmann, R. Intervention and the War / R. Ulmann. – Princeton, 1950.
1043. Unrecognized states in international system / ed. by N. Caspersen, G. Stansfield. – Milton Park, Abingdon, Oxon : Routledge, 2011. – 253 p.
1044. Unterberger, B. American Siberian expedition. 1918–1920. Study of a National Policy / B. Unterberger. – Durham, 1956.
1045. Untetberger, B. M. The Unated States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia / B.M. Untetberger. – Chapell Hill, L., 1989.
1046. Uyama, T. The Alash Orda's relations with Siberia, The Urals, and Turkestan: The Kazakh National Movement and the Russian Imperial Legacy / T. Uyama // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. – L., 2012. – P. 279–280.
1047. Vacha, D. Zilot v legich Ceskoslovensii dobrovolsi na Rusku 1914–1920. Disertanci prace / D. Vacha. – Ceske Budejovice, 2011.
1048. Vavra, V. Klamna cesta. Priprava a vznik protisovetskeho vistoupleni CS leqii / V. Vavra. – Praha, 1958.
1049. White, J. The Siberian Intervention / J. White. Princenton : Princeton university press, 1950. – 471 p.
1050. Wisniewski, J. Korpus Czechoslowacki w Rusji 1917–1920 / J. Wisniewski. – Torun, 2006.

Электронные ресурсы

1. Глазунов, С. А. Социально-экономическая политика Кому́ча: проблемы советской историографии 1940–1960-х гг. [электронный ресурс] / С. А. Глазунов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. – 2019. – № 3(31). – С. 73–84. – URL: www.vestospu.ru/archive/2019/articles/6_3_2019.html.
2. Маркедонов, С. Война за «свою» землю. К определению природы феномена непризнанных государств бывшего СССР [электронный ресурс] / С. Маркедонов // Полит.ру. – URL: <https://polit.ru/article/2005/08/03/outlow>.
3. Сепаратизм // Wikipedia: электронная энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сепаратизм> (дата обращения: 07.01.2020).
4. Buxhoeveden S. Left behind: Fourteen months in Siberia during the revolution, Dec. 1917 – Febr. 1919 / by. – London [etc.] : Longmans, Green a. co., 1929. – X, 182, [2] с. – URL: <http://www.alexanderpalace.org/leftbehind/index.html>.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абакумов, И. Ф. Флот Белого движения в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Абакумов Иван Федорович. – Владивосток, 2005. – 217 с.
2. Авдошкина, О. В. Деятельность местных отделений политических общероссийских партий на Дальнем Востоке России (март 1917 – ноябрь 1922 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Авдошкина Ольга Владимировна. – Хабаровск, 2000. – 258 с.
3. Алдашов, А. Н. Общероссийские политические партии Уфимской губернии в 1917–1922 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алдашов Андрей Николаевич. – Уфа, 1997. – 288 с.
4. Алдашов, А. Н. Общероссийские социалистические партии в Уфимской губернии в 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алдашов Андрей Николаевич. – Уфа, 1997. – 25 с.
5. Алексеев, С. Е. История создания и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1917 – середине 1920-х гг. в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 00.07.09 / Алексеев Святослав Евгеньевич. – Тюмень, 2002. – 31 с.
6. Бабаков, В. В. Бурнацком – Бурнацума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бабаков Виктор Валерьевич. – Улан-Удэ, 1997. – 23 с.
7. Балковая, В. Г. Политические партии в революционном процессе на Дальнем Востоке : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Балковая Валентина Григорьевна. – Владивосток, 1998. – 29 с.
8. Бандурка, В. Б. Белое движение в Приморье (1920–1922 гг.): историческое исследование : автореф. ... дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бандурка Вячеслав Борисович. – М., 2004. – 25 с.
9. Бендик, Н. Н. Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке. 1920–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бендик Наталья Николаевна. – Хабаровск, 2000. – 26 с.
10. Берснева, И. В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр»: ноябрь 1919 – январь 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Берснева Ирина Валерьевна. – М., 1995. – 23 с.
11. Берснева, И. В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политический центр», ноябрь 1919 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Берснева Ирина Валерьевна. – М., 1995. – 271 с.
12. Богуцкий, А. Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Богуцкий Алексей Евгеньевич. – Абакан, 2007. – 22 с.

13. Бубнов, А. А. Профсоюзы Среднего Поволжья в годы гражданской войны (по материалам бывших Самарской и Симбирской губерний) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бубнов Алексей Александрович. – Куйбышев, 1975. – 159 с.
14. Буряк, Е. М. Трудовые отношения в первые годы советской власти (на материалах промышленных районов Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Буряк Елена Михайловна. – Ижевск, 2009. – 24 с.
15. Бутенин, Н. А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бутенин Николай Аркадьевич. – Томск, 1982. – 207 с.
16. Бутенина, Н. Д. Советская историография гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке в 1918 – первой половине 1930-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Бутенина Наталья Дмитриевна. – Л., 1982. – 17 с.
17. Бучко, Н. П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бучко Николай Петрович. – Хабаровск, 2006. – 29 с.
18. Валиахметов, А. Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920 гг.): историография : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Валиахметов Альберт Наилевич. – Казань, 2005. – 303 с.
19. Варламова, Л. Н. Военное управление правительства А.В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Варламова Людмила Николаевна. – М., 1999. – 395 с.
20. Васильева, Е. В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири: май 1918 – январь 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Васильева Евгения Владимировна. – Омск, 2011. – 23 с.
21. Васильченко, М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Васильченко Максим Анатольевич. – Саратов, 2014. – 211 с.
22. Верещагин, А. С. Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917–1921 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Верещагин Александр Сергеевич. – М., 2001. – 498 с.
23. Власов, Г. А. Очерки по истории здравоохранения Хабаровского края (1856–1968 гг.) : автореф. дис. ... канд. мед. наук : XIV.784 / Власов Г.А. – Томск, 1969. – 12 с.
24. Волков, Е. В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага» : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Волков Евгений Владимирович. – Челябинск, 2009. – 41 с.

25. Воробьева, В. Я. Крах меньшевистской контрреволюции Поволжья и Сибири в гражданской войне и иностранной интервенции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Воробьева Валентина Яковлевна. – М., 1970. – 20 с.
26. Галеева, Л. И. Интеллигенция Среднего Поволжья в годы гражданской войны: отечественная историография : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Галеева Лилия Ильгизовна. – Казань, 1994. – 18 с.
27. Гарипова, Л. Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Гарипова Лария Гаптулнуровна. – Томск, 1991. – 20 с.
28. Гибадуллина, Р. Н. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны: отечественная историография : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Гибадуллина Резеда Наиловна. – Казань, 1993. – 18 с.
29. Гнатовская, Е. Н. Железнодорожники в период Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гнатовская Елена Николаевна. – Владивосток, 1991. – 308 с.
30. Грицаева, А. Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Грицаева Анна Николаевна. – М., 2008. – 289 с.
31. Губскова, Г. Г. Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Губскова Галина Геннадьевна. – Оренбург, 2003. – 180 с.
32. Дроков, С. В. Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Дроков Сергей Владимирович. – М., 1998. – 20 с.
33. Евтушевский, А. Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Евтушевский Анатолий Григорьевич. – Томск, 1980. – 186 с.
34. Евтушевский, А. Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Евтушевский Анатолий Григорьевич. – Томск, 1980. – 17 с.
35. Журавлев, В. В. Государственная власть сибирской контрреволюции (май–ноябрь 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Журавлев Вадим Викторович. – Новосибирск, 2004. – 26 с.
36. Журавлева, К. И. Здравоохранение и здоровье населения Забайкалья (1765–1965) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Журавлева Клавдия Ильинична. – Чита, 1966. – 32 с.

37. Задорнова, Е. Е. Государственно-общественное признание на Урале: последняя треть XVIII – начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Задорнова Елена Евгеньевна. – Курган, 2001. – 198 с.
38. Иванов, А. В. Социально-политические проблемы крестьянства Урала периода гражданской войны в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Иванов Алексей Викторович. – Екатеринбург, 2000. – 22 с.
39. Ильченко, В. Н. Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ильченко Вера Никитична. – Екатеринбург, 1998. – 24 с.
40. Ипполитов, С. С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ипполитов Сергей Сергеевич. – М., 2000. – 195 с.
41. Исаев, В. В. Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Исаев Виктор Викторович. – Барнаул, 2004. – 267 с.
42. Ишемгулов, Н. У. Башкирское национальное движение. 1917–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ишемгулов Ниль Уралович. – Уфа, 1996. – 23 с.
43. Калинкина, Е. А. Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии на Южном Урале в 1920–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Калинкина Елена Анатольевна. – Челябинск, 2009. – 28 с.
44. Кальсина, А. А. Становление и развитие единой государственной школы на Среднем Урале (1917–1931 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кальсина Алла Алексеевна. – Екатеринбург, 2009. – 298 с.
45. Каревский, А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима–осень 1918 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Каревский Алексей Анатольевич. – М., 2001. – 23 с.
46. Квасов, Д. А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих в Российской империи XIX – начала XX в. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Квасов Дмитрий Александрович. – М., 2005. – 192 с.
47. Кирюшина, В. И. Политика Временного правительства по рабочему вопросу (март–октябрь 1917 года) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кирюшина Валентина Ивановна. – Л., 1975. – 25 с.
48. Кладова, Н. В. Сибирские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции (историография проблемы.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кладова Нина Васильевна. – Томск, 1991. – 19 с.

49. Колесникова, Л. А. Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций: методика количественного анализа : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Колесникова Лариса Александровна. – М., 2005. – 52 с.
50. Костогрызов, П. И. Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Костогрызов Павел Игоревич. – Екатеринбург, 2013. – 22 с.
51. Костогрызов, П. И. Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Костогрызов Павел Игоревич. – Екатеринбург, 2013. – 285 с.
52. Кочурина, С. А. Учительские институты в Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров: 1902–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кочурина Светлана Анатольевна. – Томск, 2005. – 26 с.
53. Кочурина, С. А. Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров: 1902–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кочурина Светлана Анатольевна. – Томск, 2005. – 302 с.
54. Кроль, Р. И. Комуч и приход к власти Колчака : дис. ... канд. ист. наук / Кроль Розалия Ильинична. – [Б.м.], 1949. – 213 с.
55. Крупина, А. Н. Крестьянство Урала в гражданской войне 1918–1920 гг.: историография : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Крупина Алла Николаевна. – Казань, 1990. – 16 с.
56. Кузьминова, Е. Ф. Сибирские высшие женские курсы в г. Томске (1910–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кузьминова Екатерина Федоровна. – Томск, 2006. – 28 с.
57. Кульшарипов, М. М. Национальное движение башкирского народа (1917–1921 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кульшарипов Марат Махмутович. – Уфа, 1998. – 58 с.
58. Куцый, В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье в заключительный период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Куцый Владимир Юрьевич. – Л., 1992. – 18 с.
59. Куцый, Г. С. Рабочий класс Дальнего Востока в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции. Март 1917 – март 1920 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Куцый Григорий Семенович. – М., 1964. – 42 с.
60. Куцый, Ю. Г. Рабочий класс и профсоюзное движение на Дальнем Востоке и в Забайкалье в период существования Дальневосточной республики : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Куцый Юрий Георгиевич. – Владивосток, 1969. – 421 с.
61. Кучеряев, В. А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кучеряев Владимир Александрович. – Томск, 1983. – 20 с.

62. Кучеряев, В. А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Кучеряев Владимир Александрович. – Томск, 1983. – 276 с.
63. Лапандин, В. А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лапандин Виталий Александрович. – Самара, 1997. – 245 с.
64. Ларьков, Н. С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ларьков Николай Семенович. – Томск, 1996. – 575 с.
65. Ликстанов, И. М. Места заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Ликстанов Иван Михайлович. – Кемерово, 2015. – 28 с.
66. Луков, Е. В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по истории Гражданской войны в Сибири (конец мая – начало ноября 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Луков Евгений Викторович. – Томск, 1999. – 22 с.
67. Малышева, С. Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год: историография : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Малышева Светлана Юрьевна. – Казань, 1991. – 24 с.
68. Мамкина, И. Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мамкина Инна Николаевна. – Чита, 2006. – 23 с.
69. Мамышева, Е. П. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Мамышева Елена Петровна. – Абакан, 2017. – 389 с.
70. Мастренков, А. С. Мемуары по истории Гражданской войны в Оренбуржье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Мастренков Антон Сергеевич. – М., 2009. – 29 с.
71. Матвеев, М. Н. Земства Поволжья в 1917–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Матвеев Михаил Николаевич. – Самара, 1995. – 133 с.
72. Мбатна, Б. Неждународный вооруженный конфликт и международное право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Банджанг Мбатна. – М., 1985. – 16 с.
73. Медведев, В. Г. Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции: 1918–1920 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Медведев Валентин Григорьевич. – Ульяновск, 2004. 422 с.
74. Московкин, В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны (1917–1921 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Московкин Владимир Васильевич. – Тюмень, 2004. – 45 с.

75. Муравьева, Л. В. Становление советского архивного дела и истпартагов в Сибири. 1919–1925 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Муравьева Лидия Васильевна. – Томск, 1974. – 24 с.
76. Мышанский, А. А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мышанский Андрей Алексеевич. – Омск, 2004. – 239 с.
77. Недбайло, Б. Н. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Недбайло Борис Николаевич. – М., 2004. – 228 с.
78. Никитин, А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение: 1918–1920 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Никитин Алексей Николаевич. – М., 2007. – 491 с.
79. Никитин, А. Н. Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской литературе : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Никитин Алексей Николаевич. – Томск, 1992. – 33 с.
80. Никонова, О. Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Никонова Ольга Юрьевна. – Челябинск, 1996. – 254 с.
81. Ожиганов, А. Л. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ожиганов Александр Леонидович. – Екатеринбург, 2003. – 33 с.
82. Пай, С. С. Реформирование системы народного просвещения на юге Дальнего Востока в 1917–1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Пай Светлана Сергеевна. – Владивосток, 2011. – 299 с.
83. Панькин, И. Д. Современная советская историография гражданской войны на Южном Урале (1918–1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Панькин Игорь Дмитриевич. – Казань, 1988. – 17 с.
84. Плешкевич, Е. А. Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Плешкевич Евгений Александрович. – Челябинск, 2002. – 25 с.
85. Плешкевич, Е. А. Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Плешкевич Евгений Александрович. – Челябинск, 2002. – 255 с.
86. Плотникова, М. Е. Советская историография гражданской войны и интервенции в Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.00 / Плотникова Мария Ермолаевна. – Томск, 1969. – 48 с.

87. Полуаршинов, А. В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны (июль 1914 – февраль 1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Полуаршинов Александр Владимирович. – Омск, 2005. – 27 с.
88. Прошин, О. Г. Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье (1919–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Прошин Олег Григорьевич. – Казань, 1993. – 16 с.
89. Резниченко, А. Н. Борьба большевиков Сибири против меньшевиков и эсеров в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Резниченко Алексей Николаевич. – М., 1959. – 14 с.
90. Рычков, С. Ю. Мемуары о гражданской войне в Среднем Поволжье как исторический источник : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Рычков Сергей Юрьевич. – Казань, 1987. – 15 с.
91. Салдугеев, Д. М. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Салдугеев Дмитрий Владимирович. – Челябинск, 2006. – 230 с.
92. Семенова, Е. В. Становление и реализация советской модели социального обеспечения в условиях юга Дальнего Востока (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Семенова Елена Викторовна. – Благовещенск, 2001. – 193 с.
93. Сергеева, Е. Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сергеева Елена Борисовна. – Екатеринбург, 1996. – 18 с.
94. Сичинский, Е. П. Отечественная историография социалистических партий в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1919 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Сичинский Евгений Павлович. – Екатеринбург, 1993.
95. Скипина, И. В. Историография истории борьбы с колчаковщиной на Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Скипина Ирина Васильевна. – М., 1988. – 19 с.
96. Скипина, И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Скипина Ирина Васильевна. – Тюмень, 2003. – 45 с.
97. Сливко, С. В. Деятельность Дальневосточного истпарта по изучению истории революционного движения, Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем востоке России (1922–1939) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сливко Станислав Вадимович. – Хабаровск, 2014. – 267 с.
98. Степанов, М. М. Органы внутренних дел белых правительств периода гражданской войны в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Степанов Михаил Михайлович. – М., 1998. – 169 с.

99. Струк, Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала А.В. Колчака в Восточной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Струк Елена Николаевна. – Иркутск, 2000. – 28 с.
100. Тишкина, К. А. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Тишкина Ксения Алексеевна. – Барнаул, 2018. – 296 с.
101. Тормозов, В. Т. Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Тормозов Виктор Тимофеевич. – М., 1998. – 45 с.
102. Тымчик, В. И. Гражданская война и иностранная интервенция на востоке России. 1918–1922 (проблема информативности источников) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Тымчик Владимир Ильич. – М., 1995. – 460 с.
103. Ушаков, А. И. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Ушаков Александр Иванович. – Казань, 2004. – 43 с.
104. Фернандеш де Кастро, А. Г. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. – М., 1999. – 15 с.
105. Фоминых, С. Ф. Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Фоминых Сергей Федорович. – Томск, 1969. – 22 с.
106. Хандорин, В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Хандорин Владимир Геннадьевич. – Томск, 2011. – 58 с.
107. Цветков, В. Ж. Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Цветков Василий Жанович. – М., 2010. – 39 с.
108. Ципкин, Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920–1922 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Ципкин Юрий Николаевич. – М., 1998. – 42 с.
109. Цыпышева, Н. В. Периодическая печать Западного Забайкалья (февраль 1917 – ноябрь 1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Цыпышева Наталья Васильевна. – Улан-Удэ, 2008. – 23 с.
110. Чернецов, Н. В. Генезис и эволюция социального призрения в России (X–XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чернецов Николай Викторович. – М., 1996. – 181 с.

111. Черномаз, В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Черномаз Вячеслав Анатольевич. – Владивосток, 2005. – 26 с.
112. Чеховских, К. А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чеховских Константин Анатольевич. – Кемерово, 1997. – 217 с.
113. Шереметьева, Д. Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шереметьева Дарья Леонидовна. – Новосибирск, 2011. – 300 с.
114. Шерстова, Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Шерстова Татьяна Юрьевна. – Пермь, 2004. – 525 с.
115. Шерстянников, Н. А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири (март 1917 – март 1920) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Шерстянников Николай Алексеевич. – М., 1979. – 21 с.
116. Щетинина, А. С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Щетинина Анна Сергеевна. – Барнаул, 2007. – 24 с.
117. Polk, J. A. Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia. PhD Thesis / J. A. Polk. – University of Toronto, Toronto, 2012. – 507 p.
118. Polk, J.A. The Canadian red cross and relief in Siberia, 1918–1920. MA thesis. / J. A. Polk. – Carleton University, Ottawa, 2004. – 243 p.